

ОП

ПАНТЕОНЪ

№ 6.

І Ю Н Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1855.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изящная словесность

БРАТЬ И НЕВЪСТА. Случай изъ севастопольской жизни тридцатыхъ годовъ. П. Моряковского. С. 1-30

МЕДЕЯ, трагедія Делла-Валле. Переводъ съ итальянскаго Н. Д. Хвоцинской. С. 1-48

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЕМЕЙСТВА, ЗАБЛУДИВШАГОСЯ ВЪ ПУСТЫНЬ. Сочиненіе сѣверо-американскаго писателя, капитана Менъ-Рейда. С. 1-58

II. Исторія и теорія ис-ва

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ, О ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ. Собранныя Отто Мюллеромъ. Статья третья. С. 1-28

III. Смесь

I. **ФИНЛЯНДІЯ ВЪ 1854 ГОДУ.** Статья П. М. Шпилевскаго.

1. ПРИБРЕЖЬЯ НЕВЫ.

Выѣздъ изъ Петербурга. — Пароходъ и его пассажиры. — Живописный видъ деревни Мурзинки. — Невскіе пороги. — Коломенки. — Встрѣча съ летучимъ паромомъ. — Колонія Рыбацкая и деревня Рыбацкая: мѣстоположеніе, поселенцы и церкви той и другой. — Новые виды. — Ижора и крестный ходъ въ ней. — Окрестности села Ивановскаго. — Красивыя зданія. — Дворецъ Пела. — Дача. — Замокъ Чортовъ-Дворъ; преданіе о немъ. — Дачи князя Лобанова-Ростовскаго и г. Анненкова. — Въѣздъ въ Шлссельбургъ. — Пароходъ Петръ Великій. С. 1-12

2. ШЛССЕЛЬБУРГЪ.

Пристань. — Набѣгъ торговцевъ и торговковъ. — Историческое начало Шлссельбурга. — Шлюзы въ городѣ. — Площадь. — Аллея. — Солдатская-слобода. — Гостиница и лавки. — Разныя общественныя казенныя заведенія. — Крѣпость. — Народонаселеніе Шлссельбурга. — Новый пароходъ и новые пассажиры. — Слѣпецъ-мальчикъ. — Видъ Ладожскаго-озера. — Вліяніе его на растительность. — Миражи на немъ. — Ясновидящій мальчикъ. — Бура на Ладожскомъ-озерѣ. — Островъ Лысий; жители его. — Пристань у Коневского-острова. С. 13-21

3. КОНЕВЕЦЪ.

Мѣстность и величина Коневского-острова или Коневца. — Историческая замѣтка объ немъ. — Коневскій-монастырь прежде и въ настоящее время. — Монашествующіе въ немъ. — Происхожденіе названія: Коневецъ. — Конь-камень. — Значеніе его въ древности. — Часовня на камнѣ и надписи въ ней. — Надпись на камнѣ. — Мѣстоположеніе возлѣ Коня-камня. — Монастырскія поля и огороды. — Скитъ. — Описаніе монастырской гостиницы; видъ съ нея на озеро. — Общая столовая для бѣдныхъ людей. — Обѣдня въ монастырѣ. — Отъѣздъ богомольцевъ въ Валаамскій-монастырь. — Переправа на лодкѣ чрезъ Ладожское-озеро — въ Лахту. С. 21-29

4. ЛАХТА.

Лахтенскій заливъ. — Значеніе слова: Лахта. — Пристань. — Часовня Коневского монастыря. — Владѣтели Лахты. — Старинное зданіе, бывшій стекляный заводъ. — Шоссейныя дороги. — Почтовая станція. — Мѣстныя повозки, карелки. — Ызда по финляндскимъ почтовымъ дорогамъ. — Русскія телеги. — Лѣса въ окрестностяхъ Лахты. — Кирпичный заводъ и его кирпичъ. — Скотный дворъ. — Становой приставъ; значеніе его въ Финляндіи. — Мыза Верница или Эммагофъ. — Мѣстоположеніе ея. — Гостинный домъ для проѣзжающихъ. — Верницкій управяющій. — Отъѣздъ въ Товбелу. С. 30-36

Оглавление XXI тома. 1855 г.

Книжка шестая, июнь. (Продолжение).

Вечера в кают-компании. В. Мельницкого. (С. 37-50).

Современное.

1. Литература.

Воспоминания о Бальзаке. (Статья Леона Гозлана). – Шарль Бернар. – Ирландская литература. – Записки графа Редерера. (С. 1-27).

2. Театры. Музыка. Искусства.

Уличные спектакли в Париже. (С. 27-36).

3. Открытия в науках и промышленности.

Тайны моря. – Новые прядильные растения. – Происхождение албанцев. (С. 36-45).

4. Анекдоты, новости, замечательные случаи.

Ирландские и шотландские льняные мануфактуры. – Погребение золотопромышленника в Калифорнии. – Сапожники при Карле V. – Эгмонт Бетговена. – Откуда происходит название зуавов? – Ночное явление в Ливии. – Неприятности железных домов. – Новый сигнал на железных дорогах. – Софистический вывод. – Калифорния в настоящее время. – Подводный телеграф Франклина. – Финики. (С. 46-52).

Парижская жизнь. Письмо А. Бонавентуры. (С. 53-90).

Лондонская жизнь. Письмо В. С. (С. 91-94).

VII. Репертуар русской сцены № 6.

Лучшая школа- царская служба. Народное представление в четырех действиях, с прологом и эпилогом. Сочинение П. Григорьева. (С. 1-96).

ОИ

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кошк.

ТОМЪ XXI.

ІЮНЬ. — КНИЖКА ШЕСТАЯ.

1855.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Санктпетербургская Центральная
Библиотека
имени А. В. ДУНАЧАРСКОГО

6166
16181

ПАНАТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 20-го Іюня 1855 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

2/18
19181

ОГЛАВЛЕНИЕ XXI ТОМА.

I.

ОКОПИРОВАЛСЯ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *И. Лажечникова*. (Кн. 5).

СТИХОТВОРЕНІЯ: (Кн. 5).

1. Троегранному. *Ө. Глинки*.
2. Утренній вздохъ. *Ө. Н. Глинки*.

ПЯТЬ ЛИСТКОВЪ Н. П. ГРЕКОВА.

1. Бессонница.
2. Недолго намъ гулять рука съ рукой.
3. Стансы.
4. Падающая звѣзда.
5. Весна. (Кн. 5).

ОБРАЗОВАННАЯ БЕСѢДА. Статья неизвѣстнаго. (Кн. 5).

БРАТЬ И НЕВѢСТА. Случай изъ севастопольской жизни тридцатыхъ годовъ. *П. Моряковского*. (Кн. 6).

МЕДЕЯ, трагедія *Делла-Валле*. Переводъ съ итальянскаго. *Н. Д. Хвоцинской*. (Кн. 6.)

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЕМЕЙСТВА, завлудившагося въ пустынь. Сочиненіе сѣвероамериканскаго писателя, *капитана Менъ-Рейда*. (Кн. 6).

II.

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АНКЕРМАНЪ о гамбургскомъ театрѣ въ XVIII столѣтіи. Собранныя *Отто Мюллеромъ*. Статья вторая. (Кн. 5 и 6).

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕЯ СОВРЕМЕННОКОВЪ: *Альфредъ де Мюссе*. (Кн. 5).

III.

ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ. (Отъ XII до XVI вѣка). *Н. Бектышева*. (Кн. 5).

ГУЦУЛЫ, ОБИТАТЕЛИ ВОСТОЧНОЙ ОТРАСИ КАРПАТСКИХЪ ГОРЬ. *П. П. Дубровскаго*. (Кн. 5).

КРАСНОКОЖІЕ. Сцены изъ жизни индѣйцевъ.

ФИНЛЯНДІЯ ВЪ 1854 ГОДУ. Статья *П. М. Шпилевскаго*. (Кн. 6).

ВЕЧЕРА ВЪ КАЮТЪ-КОМПАНИИ. *В. Мельницкаго*. (Кн. 6). С. 37-50

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Огюсть Бризё (*современный французскій поэтъ*). (Кн. 5).

Воспоминанія о Балзакѣ (*Статья Леона Гозлана*). — Шарль Бернаръ. — Ирландская литература. — Записки графа Редерера. (Кн. 6). С. 1-27

ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА: Сцены и очерки парижской театральн. жизни (*Статья пятая*). — Біографія французскаго актера Меленга (*Статья Александра Дюма*). (Кн. 5). Уличные спектакли въ Парижѣ. (Кн. 6). С. 27-36

ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Столѣтній указатель, какъ достигнуть глубокой старости посредствомъ естественно-умѣреннаго образа жизни (*Сочиненіе доктора Рейнска*). (Кн. 5). Тайны моря. — Но С. 36-52

выя прядильныя растенія.—Происхожденіе албанцевъ. (Кн. 6). **АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, НОВОСТИ:** Гополуду.—Респираторъ изъ древесныхъ угольевъ.—Лотерея Барнума.—Попугай въ снѣгу.—Аукціонъ автографовъ.—Американскіе выборы.—Парижскія афиши.—Ручной журавль.—Генрихъ IX, король англійскій.—Что женщины держать въ рукахъ.—Благодѣтели человѣчества въ Англии.—Новое лекарство.—Любопытный расчетъ.—Допотопныя кости.—Американское объявленіе.—Старый цвѣтокъ. (Кн. 5). Ирландскія и шотландскія льняныя мануфактуры.—Погребеніе золотопромышленника въ Калифорніи.—Сапожники при Карлѣ V.—Эгмонтъ Бетговень.—Откуда происходитъ названіе зуавовъ.—Ночное явленіе въ Ливіи.—Неприятности желѣзныхъ домовъ.—Новый сигналъ на желѣзныхъ дорогахъ.—Софистическій выводъ.—Калифорнія въ настоящее время.—Подводный телеграфъ Франклина.—Финики. (Кн. 6). **ПУТЕШЕСТВІЯ И СДѢЛЫ ПРАВОВЪ:** Поездка въ тележкѣ по Аргентинской области. **МЕНЬШІЕ РАЗКАЗЫ И ПОВѢСТИ:** Дикъ и Дакъ (*разсказъ Шарля Дели*). (Кн. 5).

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ. Письмо А. Бонавентуры. (Кн. 5 и 6). *С. 53-90*

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ. Письмо В. С. (Кн. 5 и 6). *С. 91-94*

V.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА: Мартовскія и апрѣльскія книги журналовъ.—Патріотическія стихотворенія.—Гр. Майковъ и Кравченко.—Повѣсти въ Современникѣ.—Разборъ *Русской свадьбы* г. Сухонина.—«Библиотека для Чтенія».—Стихотворенія г. Мея и посланіе къ нему.—«Уральцы» г. Небольсина.—Серьозныя статьи и журналистика.—«Отечественныя Записки».—Повѣсти и серьозныя статьи.—Статья о русскихъ журналахъ XVIII вѣка.—Четыре книги «Москвитянина». (Кн. 5).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Москва и ея памятники прошедшихъ побѣдъ нашихъ.—Пожертвованія въ пользу бѣдныхъ.—Ученые диспуты: диссертация г. Емевскаго «Аполлинарій Сидоній»; разсужденіе г. Бодянскаго «О времени прошежденія славянскихъ письменъ».—Памятникъ Григорію Ивановичу Фишеру-фонъ-Вальдгейму.—Его біографія и ученія заслуги.—Некрологъ академика В. С. Добровольскаго.—Краткая исторія Московскаго Училища живописи и ваянія.—Литературныя слухи: изданіе полныхъ сочиненій Гоголя и П. Т. Корева.—Нѣкоторыя черты изъ жизни послѣдняго.—Четвертый томъ «Прописей» г. Леонтьева.—«Вѣстникъ естественныхъ наукъ».—Московскія Вѣдомости и Вѣдомости Московской Полиціи. (Кн. 5.)

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ВЪ СЕМЬѢ НЕ БЕЗЪ УРОДА, оригинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ П. Цвѣткова. (Кн. 5).

ЛУЧШАЯ ШКОЛА—ЦАРСКАЯ СЛУЖБА, народное представленіе, въ четырехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ. Сочиненіе П. Григорьева. (Кн. 6). *С. 1-96*

БРАТЪ И НЕВѢСТА.

(Случай изъ севастопольской жизни тридцатыхъ годовъ).

I.

Май мѣсяцъ. Ярко освѣщаетъ солнцѣ оживленныя улицы Севастополя; чистые бѣлые домики изъ инкерманскаго камня кокетливо поглядываютъ другъ на друга свѣтлыми окошками, и амфитеатромъ возвышаясь другъ надъ другомъ, съ любовью смотрятъ въ хрустальныя воды Карантинной, Южной и Корабельной бухтъ, по которымъ снуютъ по всеѣмъ направленіямъ катера и гички. На рейдѣ гордо красуется нѣсколько линейныхъ кораблей, фрегатовъ и пароходовъ, съ тѣмъ чуднымъ вооруженіемъ, которымъ смѣло можетъ гордиться нашъ превосходный черноморскій флотъ.

Рейдъ и городъ давно уже кипѣли полной жизнью, хотя было только около восьми часовъ утра. Графская-пристань была залита народомъ; все ждали прибытія парохода изъ Одессы. По Ушакову-переулку, ведущему съ горы на Екатерининскую-улицу, медленно спускался молодой офицеръ, въ бѣлой фуражкѣ и въ форменномъ морскомъ сюртукѣ на-распашку; загорѣлое лицо и

большіе черные усы показывали, что онъ перешелъ уже черту, отдѣляющую юношу отъ мужа. Но однакожь видно было, что онъ сохранилъ еще все страсти и порывы молодой души; на его правильномъ и выразительномъ лицѣ часто вспыхивали то досада на слишкомъ неудобную дорогу, то какое-то самодовольствіе и надежда на успѣхъ; потомъ лицо его снова принимало свое серьезное и задумчивое выраженіе. Тихо и осторожно продолжалъ онъ сходить внизъ, упираясь по временамъ въ обѣ противоположныя стѣны переулка, или, лучше сказать, просѣки между домами какъ вдругъ былъ остановленъ совершенно неожиданнымъ препятствіемъ. Изъ Екатерининской—улицы вверхъ по переулку летѣлъ, какъ сумасшедшій, молодой мичманъ, съ раскраснѣвшимся лицомъ и сверкающими глазами. Заломленная набекрень фуражка, небрежно повязанный галстухъ и развѣвующіяся по волѣ вѣтра полы сюртука какъ-бы говорили: «Посмотрите, добрые люди, я-ли не молодецъ.» И точно, несмотря на всю безалаберность его костюма, всякій, и еще больше, всякая съ удовольствіемъ посмотрѣли-бы на его стройную фигуру, живые и быстрые глаза, на его темнорусые волосы, бѣлый и высокій лобъ котораго не успѣло еще тронуть загаромъ южное солнце. Набѣжавъ съ разлета на сходящаго внизъ своего сослуживца, мичманъ вскрикнулъ отъ неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ радости: въ встрѣтившемся онъ узналъ своего брата, который, остановившись, давно уже любовался на его скачки и на эту жизнь и здоровье, проглядывавшія въ каждомъ движеніи.

— Николай!

— Гриша!

И въ ту-же секунду оба брата крѣпко жали другъ-друга въ объятіяхъ, загородивъ собою совершенно весь переулокъ.

Они не видѣлись восемь лѣтъ, и потому ихъ первое свиданіе, хотя и посреди улицы, было довольно продолжительно, такъ, что мы воспользуемся имъ, и попробуемъ рассказать что-нибудь о ихъ прежней жизни, чтобъ яснѣе обозначить ихъ положеніе въ свѣтѣ и въ кругу ихъ товарищей.

Отецъ ихъ, Семень Ивановичъ Кротовъ, служилъ прежде также во флотѣ, вышелъ наконецъ въ отставку, и поселившись въ своемъ родовомъ имѣніи, Екатерининской губерніи, сельцѣ Хо-

рошкахъ, спокойно доживалъ свой вѣкъ, имѣя полное право сказать, что послужилъ таки Богу и Государю. Отъ Бога онъ былъ награжденъ здоровьемъ, душевнымъ спокойствіемъ и семейнымъ счастьемъ, а чинъ контръ-адмирала въ отставкѣ, съ полнымъ пенсіономъ, и два креста на шеѣ доказывали, что онъ не былъ забытъ и Царемъ земнымъ.

Довольно кругленькіе доходы дали ему возможность хорошо образовать своего старшаго сына, который съ честью выдержалъ экзаменъ въ черноморскіе гардемарины, и походивъ два года въ морѣ, подъ командою опытныхъ и любящихъ свое дѣло командировъ, былъ при жизни еще отца произведенъ въ офицеры, и съ самаго начала своего служебнаго поприща успѣлъ уже быть замѣченъ начальниками, какъ ревностный и дѣльный офицеръ.

Вскорѣ послѣ этой важной эпохи въ жизни Николая Семеновича отецъ его умеръ, оставивъ ему свое благословіе, чистыхъ и незаложенныхъ четыреста душъ и сдавъ ему на руки младшаго его брата, которому было въ то время всего еще семь лѣтъ. Старшій Кротовъ конечно не имѣлъ возможности управлять самъ своимъ имѣніемъ и воспитывать брата; въ отставку онъ не хотѣлъ выйти, всей душой привязавшись къ морской службѣ, и потому, онъ нанялъ управляющаго, взялъ Гришу съ собою въ Севастополь, и приохотивъ его къ морю и кораблямъ, черезъ два года отправилъ наконецъ въ Морской-корпусъ, куда тотъ давно уже былъ записанъ кандидатомъ.

И вотъ черезъ восемь лѣтъ братья опять сошлись, одинъ уже заслуженнымъ лейтенантомъ, другой только что начинающимъ жить мичманомъ.

Взявшись рука за руку, они быстро начали подниматься по переулку, и скорѣ, пройдя нѣсколько линій домовъ, очутились на верхней площадкѣ горы. Налѣво отъ нихъ возвышалось стройное зданіе морской бібліотеки, прямо и направо громоздились незатѣйливые домики мирныхъ обитателей города. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, старшій Кротовъ ввелъ своего брата въ ворота одноэтажнаго, въ три окна, домика, который онъ нанималъ весь, со всеми угодьями и неудобствами. Предоставивъ въ полное распоряженіе Гриши одну изъ трехъ имѣющихся налицо ком-

натъ, онъ отправился на службу, разсчитывая, что, можетъ-быть, съ дороги брать его захочетъ немного отдохнуть.

Оставшись одинъ, Григорій Семеновичъ сбросилъ съ себя сюртукъ; потомъ, повалившись съ шумомъ и грохотомъ на диванъ и забросивъ, по обыкновенію, ноги къ-верху, принялся разсуждать или, правильнѣе сказать, мечтать, что было любимѣйшимъ его занятіемъ.

— Да, чортъ возьми, думалъ онъ, и точно также, по своему обыкновенію, въ-слухъ. Непремѣнно надо узнать, кто это такая; просто вѣдь до того хорошенькая, что у меня даже мурашки по тѣлу побѣжали; да надо будетъ потомъ и познакомиться, а ужъ потомъ... тамъ увидимъ, что будетъ. Главное состоитъ въ томъ, какъ начать и какъ это сдѣлать?

— Та съ хриномъ, нанъ, може лучше буде.

Григорій Семенычъ быстро вскочилъ съ дивана, выведенный изъ своего мечтанія грубымъ голосомъ, которой предлагалъ ему сдѣлать все это съ хриномъ. Опомившись, онъ увидѣлъ передъ собою добрую и простую физиономію вѣстоваго своего брата, держащаго въ одной рукѣ за ухо поросенка и давно уже ожидающагося, когда баринъ разрѣшитъ его сомнѣнія на счетъ опособа приготовления этого невиннаго животного.

— Что ты, любезный, подкрадываешься, какъ воръ, сказалъ немного разсерженный Григорій, хотя Степана вовсе нельзя было попрекнуть, чтобы онъ могъ подкрадываться, потому-что его чоботы съ подбивками далеко еще предувѣдомляли о его приближеніи; но конечно замечтавшийся молодой человекъ не могъ этого замѣтить.

— Да дѣжъ я подкравси, я ось туточки давненько стою.

— Да и съ чего ты ко мнѣ присталъ съ своимъ поросенкомъ? Какое мнѣ до него дѣло.

— Та се не мій, а панскій, отвѣчалъ хладнокровно хохоль, потряхивая съ наслажденіемъ за уши бѣдную жертву.

— Убирайся, пожалуйета, и дѣлай съ чемъ и какъ хочешь, мнѣ все-равно, хоть съ арбузами.

Слѣдствіе этой ссоры было очень невыгодно для обоихъ братьевъ Кротовыхъ, потому-что упрямый хохоль, принявъ сказанное

въ досадѣ слово за приказаніе, полѣнился разобрать, хорошо-ли будетъ это или дурно, и изготовилъ къ обѣду поросенка съ гарбузомъ, то-есть, по нашему съ тыквой, и конечно, былъ присужденъ за это сѣсть одинъ все свое произведеніе, за что, какъ кажется, онъ неочень претендовалъ на своихъ господъ.

Послѣ обѣда братья начали рассказывать другъ другу свои похождения, свою службу и вообще все, что такъ быстро прошло въ-продолженіе ихъ восьмилѣтней разлуки.

Этотъ разговоръ обнаружилъ, что по выходѣ Григорія Семеновича изъ катера на Графскую-пристань, первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ какой-то старшій чиновникъ, подъ ручку съ своей супругой, пришедшій посмотреть на прибывшихъ изъ Одессы. Дѣло конечно было не въ старомъ чиновникѣ и его женѣ, а въ томъ, что около нихъ стояла дѣвушка, лѣтъ шестнадцати или семнадцати, одно изъ тѣхъ созданій, которыхъ можно встрѣтить только на югѣ, гдѣ наша сѣверная порода смѣшала свою холодную кровь съ жаркой и чуть не огненной кровью потомковъ Палсологовъ или Вахтанговъ, гдѣ дивная бѣлизна кожи и томные голубые глазки такъ приятно гармонируютъ съ блестящими черными волосами и правильнымъ очертаніемъ древняго носа, гдѣ мягкая красота и полнота формъ роскошно выказывается въ живыхъ движеніяхъ, полныхъ силы и страсти южной природы.

Все эти качества были соединены въ Дашенькѣ, дочери почтеннаго и заслуженнаго чиновника Константина Ивановича Арина. Онъ былъ одинъ изъ служащихъ при обширномъ адмиралтействѣ Севастополя, и приобрѣтя службою общее довѣріе и любовь, нажилъ понемногу маленькій домикъ, потомъ завелъ лошадку—другую, и за каждой изъ дочерей давалъ, какъ говорятъ, порядочное приданое, а дочерей у Константина Ивановича было двѣ: стоявшая съ нимъ на Графской-пристані, предметъ восторговъ Кротова, была младшая, Дашенька, а старшая, Ольга, оставалась въ это время дома, распоряжаясь по хозяйству.

Жена Арина была добрая и простая женщина, сохранившая еще слѣды прежней красоты, въ которой видѣнь былъ чистый армянскій типъ, но уже въ такихъ лѣтахъ, когда недолговѣчные

дары юга начинают вянуть, и несмотря ни на какія искусственныя средства, не могут обмануть даже невооруженнаго глаза.

— Послушай, братъ, говорилъ Григорій, ты меня непременно долженъ познакомить съ Ариными, потому-что я рѣшительно влюбленъ въ ихъ дочь. Ты говоришь, что принять у нихъ какъ свой, такъ тебѣ не будетъ никакого труда ввести туда и меня, своего брата. Старшій Кротовъ при этихъ словахъ на минуту задумался, но потомъ, съ свойственной ему добротой и готовностью, отвѣчалъ.

— Пожалуй, Гриша, пойдемъ когда-нибудь туда вмѣстѣ; только, ради Бога, будь благоразумнѣе и не испытывай своихъ успѣховъ на этомъ поприщѣ. Я тебя знаю: у тебя сердце благородное, правила чести и святости долга внушали тебѣ съ дѣтства, и съ этой стороны я спокоенъ, но я боюсь за твою слишкомъ слабую голову и за твои восемнадцать лѣтъ; ты не знаешь и почти не видалъ еще женщинъ, а особенно нашихъ южныхъ! Ну, да ты вѣрно не станешь скрывать отъ меня ничего, что съ тобою ни случится; въ моей любви къ тебѣ ты, кажется, всегда былъ увѣренъ, и потому, въ случаѣ чего-нибудь, что ты не поймешь или въ чемъ будешь затрудняться, мы вмѣстѣ будемъ думать, и вмѣстѣ рѣшимъ, что дѣлать; только, главное, будь со мной откровененъ.

Григорій хотя немножко и обидѣлся сомнѣніемъ брата въ его достоинствахъ, но уважая въ немъ старшаго въ родѣ, заступившаго ему теперь мѣсто отца, благодарилъ за предостереженіе и обѣщалъ вполне слѣдовать его совѣтамъ и не скрывать ничего, что-бы ни случилось.

—

II.

На другой день, рано утромъ, Григорій, худо проспавши ночь, не будя еще брата, вышелъ изъ дому, чтобъ пройтись три или четыре раза мимо квартиры Ариныхъ, помечтать въ волю на чистомъ воздухѣ; а можетъ-быть, судьба будетъ такъ доб-

ра къ нему, что покажетъ хоть на одну минуту милые глазки его Дашеньки.

Солнце по вчерашнему ярко освѣщало чудную панораму Севастополя; самый городъ еще спалъ, но слободки Артиллерійская, Татарская и Корабельная уже начинали свою дѣятельную жизнь; въ портѣ кипѣла работа; суда, стоящія на рейдѣ, мылись и чистились, чтобъ съ поднятімъ флага и брамъ-рей предстать вполне красавцами и оправдать передъ всеми заслуженную репутацію; на Мицманскомъ-бульварѣ также никого еще не было, и только одинъ памятникъ Казарскаго возвышался, напоминая времена славы и могущества черноморскаго флота.

Быстро сбѣжавъ мимо Хомутова колодца на Морскую улицу, молодой Кротовъ прошелъ по ней почти до самаго конца, и вдругъ, убавивъ ходу, тихо подошелъ къ небольшому бѣленькому, чистенькому домику въ пять свѣтленькихъ оконъ, на воротахъ котораго четко было написано: домъ чиновника Арина. Ставни были уже открыты и окна находились такъ низко отъ земли, что любопытный всегда имѣлъ возможность видѣть внутреннее убранство и расположеніе комнатъ. Первые три окна отъ воротъ, украшенныя красными шелковыми занавѣсками, принадлежали, повидимому, залѣ; остальные два, съ высоты которыхъ спускались вязаныя филейныя занавѣски, привлекли все вниманіе Григорія. Пройдя раза два мимо завѣтнаго домика, онъ рѣшился даже остановиться противъ одного изъ оконъ съ филейными занавѣсками. Быстрымъ взглядомъ окинувъ всю комнату, онъ, къ сожалѣнію, удостовѣрился, что все въ домѣ еще спало. Мягкій, на пружинахъ, диванъ, обтянутый краснымъ сукномъ съ черными разводами, и такіе-же стулья были еще покрыты пылью; рука заботливой хозяйки не приводила еще всего въ свой обычной порядокъ; у стѣны, противоположной окнамъ, рядомъ съ дверью, ведущей въ заднія, надворныя комнаты, стоялъ огромный коммодъ, вмѣщавшій въ себѣ, по предположеніямъ Григорія, часть приданнаго молодой дочери Арина; на коммодѣ стояла какая-то шкатулка, а въ углу, прислонясь къ стѣнѣ, подъ прозрачнымъ газомъ, какъ подъ фатой, скромно пряталась большая кукла, разряженная въ блестящіе лоскутки, теперь забытая, но вѣрно прежняя любимица которой-нибудь изъ взрослыхъ уже дѣвусекъ.

Маленькія пяльца и цвѣты на окнахъ довершали все убранство комнаты.

Долго и съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ Кротовъ эту дорогую для него комнату, прислушиваясь къ малѣйшему шуму за закрытой дверью, нисколько не заботясь о томъ, что подумаютъ прохожіе, видѣвшіе его уже почти полчаса предъ окнами дома, куда онъ заглядывалъ съ такимъ непозволительнымъ любопытствомъ.

Наконецъ онъ съ сожалѣніемъ долженъ былъ оставить свой наблюдательный постъ; но удаляясь, все оглядывался, въ надеждѣ, что, можетъ-быть, судьба вознаградитъ его за долгое терпѣніе и... но тутъ вдругъ Григорій подпрыгнувъ, какъ раненный индѣецъ, конечно не въ-слѣдствіе раны, а отъ того, что одно изъ завѣтныхъ окошекъ растворилось на обѣ половинки, и бѣлая, какъ снѣгъ, рука, обнаженная до самаго локтя, начала закладывать крючки у рамы, и Богъ знаетъ отчего, дѣлала это съ такою медленностію и съ такимъ кокетствомъ перебирала тонкими пальчиками грязный и неуклюжій закладочный крючокъ, что бѣдный мичманъ позабылъ благоразумные совѣты своего брата и всѣ свои обѣщанія быть осторожнымъ; все вылетѣло изъ головы при видѣ бѣлой руки, и Григорій бросился опять къ окну, не рассчитывая, какъ долженъ казаться страннымъ и смѣшнымъ его поступокъ тѣмъ, кто могъ его видѣть.

Въ двѣ минуты онъ снова уже былъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, но надежда его обманула; комната опять была пуста, и только отворенное окно убѣждало его, что видѣніе не было сномъ. Тотъ-же диванъ, тотъ-же коммодъ съ куклой мелькали у него передъ глазами, но все это было уже такъ старо и такъ неинтересно, что онъ вскорѣ былъ принужденъ опять отступить отъ окна, на этотъ разъ опустя голову и ни разу уже не оглядываясь, что было лучше для него, потому-что не успѣлъ онъ пройти и трехъ шаговъ, какъ въ предательскомъ окнѣ показались два смѣющіяся личика молодыхъ дѣвушекъ; одна изъ нихъ была младшая дочь Ариныхъ, Дашенька, другая старшая сестра ея, Ольга. Обѣ стояли обнявшись, и въ рамкѣ изъ зелени и цвѣтовъ, разставленныхъ на окнѣ, составляли такую группу, лучше которой невозможно было создать никакому живописцу.

Григорій шель, не оглядываясь, и даже душистый цвѣтокъ лимоннаго дерева, брошенный твердой и мѣткой рукой Дашеньки прямо на фуражку мечтателя, не вывелъ его изъ задумчивости и какого-то непонятнаго оцѣненія.

Грустный вошелъ онъ въ квартиру брата, и даже позабывъ снять фуражку, сѣлъ около чайнаго столика, гдѣ хлопоталъ Николай. Здравствуй, Гриша! Что ты такой повеселый? Обидѣлъ тебя кто-нибудь что-ли? Что ты все молчишь. Сними хоть шапку-то... Гдѣ это тебя осыпали цвѣтами?

Григорій, хранившій до-сихъ-поръ съ особеннымъ упрямствомъ глубокое молчаніе, при словахъ осыпали цвѣтами, быстро снялъ фуражку, и цвѣтокъ упалъ прямо въ стаканъ дымящагося чая старшаго Кротова. Броситься чуть не съ головой въ стаканъ къ брату, обжечь себѣ руки и лицо было для Григорія дѣломъ одной секунды. Онъ твердо помнилъ, что на завѣтномъ окнѣ стояло лимонное дерево въ цвѣту и что самъ цвѣтокъ никакъ не могъ попасть къ нему на фуражку безъ посторонняго содѣйствія. Тысячи надеждъ закружились въ молодой головѣ искателя приключеній; на этомъ ничтожномъ обстоятельстве онъ создавалъ такіе воздушные замки, противъ которыхъ великолѣпнѣйшіе дворцы мавританскихъ королей и индійскіе храмы показались-бы просто лачужками.

Изорвавъ цвѣтокъ поцѣлуями, онъ однакожь собралъ остатки его, и бережно завернувъ въ бумажку, уложилъ его въ боковой карманъ сюртука, какъ предметъ самый близкій къ сердцу.

Съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ улыбкой глядѣлъ на него Николай, догадываясь, но однако не подозрѣвая всего случившагося. Давши пройти первымъ восторгамъ брата, онъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажи, пожалуйста, что съ тобой сдѣлалось? Отчего ты выдумалъ купить твой цвѣтокъ у меня въ стаканѣ, а потомъ и самому туда-же броситься? Вѣдь со стороны можно подумать, что ты просто сорвался съ цѣпи. Разскажывай, гдѣ ты былъ и что съ тобой случилось.

— Послушай, Николай, если ты будешь смѣяться, такъ я ничего не скажу, это не шутки.

— Успокойся, я уже похотелъ и теперь готовъ слушать хладнокровно всё твои похождения.

И Николай съ наслажденіемъ занялся продолженіемъ такъ нечаянно прерваннаго завтрака, а Григорій, собравшись съ духомъ, принялся рассказывать свои предположенія на счетъ цвѣтка, и кончилъ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобъ братъ сегодня-же представилъ его семейству Ариныхъ.

Однакоже въ этотъ день братья не пошли къ Константину Ивановичу. Старшій Кротовъ былъ занятъ по службѣ, а младшій, по невозможности идти одному, долженъ былъ отъ скуки заняться осмотромъ города. Полагаясь на свою память, онъ пошелъ бродить по улицамъ Севастополя. Съ одного яруса домовъ онъ спустился въ другой, и исходивъ по всѣмъ направленіямъ главную возвышенность, направился въ Корабельную — слободку; посмотрѣвшись на кипучую и дѣятельную жизнь нашихъ матросовъ, взобрался потомъ на Малаховъ-курганъ, и съ этой мѣстности, господствующей почти надъ всѣмъ городомъ, раскинутымъ большею частію по западную сторону Южной-бухты, долго любовался на чудную картину, открывшуюся передъ его глазами. Вправо отъ него, изъ сада Ушаковой-балки, вѣяло чуднымъ ароматомъ свѣжей, еще несожженной солнцемъ зелени садовъ; Инкерманскій водопроводъ змѣей струился по скату горъ; дальше виднѣлись хутора и виноградники, и все это освѣщалось жгучимъ южнымъ солнцемъ, которое иногда три мѣсяца сряду не скрывается ни за малѣйшей тучкой. Налюбовавшись этой картиной, Григорій, сообразуясь съ временемъ, долженъ былъ возвратиться домой, и утомленный дорогой и своими мечтами о завтрашнемъ днѣ, принялся торопить скорѣе обѣдомъ; потомъ черезъ часъ или два пить чай, и наконецъ ужинать, предполагая этой поспѣшностью ускорить ходъ часовъ, что, впрочемъ, очень понятно въ каждомъ молодомъ человѣкѣ, который, подобно Григорію, находился въ такихъ сердечныхъ обстоятельствахъ.

А между-тѣмъ, слѣдующій день прошелъ безъ всякихъ приключеній. Николай представилъ своего брата Аринымъ, гдѣ тотъ, конечно, былъ принятъ со всѣмъ стариннымъ русскимъ гостеприимствомъ; его просили безъ церемоній бывать какъ можно чаще, чѣмъ конечно и воспользовался нашъ влюбленный.

День ото дня больше и больше росла взаимная привязанность Григорія и Дашеньки. Довольствуясь сперва одними страстными взглядами, они скоро пошли дальше по этому скользкому пути; въ пересылаемыхъ другъ другу книгахъ стали появляться подчеркнутыя слова и даже цѣлыя фразы содержанія приличнаго состоянію ихъ сердець; потомъ, отъ простаго пожатія руки и какъ-бы нечаяннаго прикосновенія ногой, они быстро дошли уже до того, что украдкой Григорій могъ обнимать одной рукой стройную талію дѣвушки, не рѣшаясь однако еще сорвать поцѣлуя съ ея розовыхъ губокъ; но и эта нерѣшительность вскорѣ исчезла, и разъ, когда они катались ночью на катерѣ по рейду, аромать прибрежныхъ садовъ, тихая качка и фосфорической блескъ волнь до того настроили поэтическую душу молодого мичмана, что когда порывомъ вѣтра забросило капишонъ съ салона Дашеньки на голову нашего мечтателя, онъ какъ-бы стараясь освободиться отъ этого непрощеннаго покроя, тихо наклонилъ къ себѣ голову красавицы и пламенный, но чуть слышный поцѣлуй зардѣлся на бѣломъ лбѣ Дашеньки. Всю остальную дорогу оба преступника молчали. Ни рассказы Николая о прежнемъ величіи Ахтіара, ни заботливые вопросы Константина Ивановича и Олиньки не могли развеселить молодую чету, чувствовавшую свою вину. Они знали, что зашли уже слишкомъ далеко и что возвратъ почти невозможенъ. Всѣ прежнія невинныя вольности въ ихъ обращеніи могли быть приписаны давности знакомства и слишкомъ живому характеру обоихъ, но послѣдняя продѣлка вполне могла быть оправдана одной будущей ихъ свадьбой. И только теперь эта мысль пришла въ голову молодому Кротову. Никогда не предполагая зайти такъ далеко, онъ не находилъ нужнымъ открывать брату всѣ свои шалости, а тотъ, надѣясь на его обѣщаніе, самъ не спрашивалъ ни о чемъ, и потому, хотя Николай и подозревалъ, что между молодежью, какъ кажется, не все идетъ своимъ порядкомъ, но считалъ эти маленькія любезности простой шалостью и не находилъ нужнымъ останавливать брата, твердо вѣря, что онъ самъ не позволитъ себѣ ничего предосудительнаго и посоветуется съ нимъ прежде, нежели предприметъ что-нибудь серьезное.

Николай хорошо обсуживалъ дѣла своего брата и зорко слѣдилъ за его поступками. Но что-же въ это время дѣлалъ онъ

самъ? Онъ не замѣчалъ за собой, какъ все болѣе и болѣе привязывался къ старшей сестрѣ Ольгѣ, какъ тихая семейная жизнь Ариныхъ завлекала его въ свой очарованный кругъ, какъ день ото дня онъ находилъ болѣе достоинствъ въ кроткой и умной молодой хозяйкѣ дома. Всѣ ея распоряженія, всѣ планы находили всегда одобреніе Николая; ея постоянная заботливость о своихъ старикахъ, ея милая предупредительность не могли не подѣйствовать на чувства Кротова, а ея красота и особенное къ нему расположеніе рѣшили остальное.

—

III.

Октябрь мѣсяць стоялъ на исходѣ; начали перепадать частые дожди; термометръ не поднимался уже больше 24° въ тѣни; вся природа, казалось, отдыхала отъ лѣтнихъ жаровъ. На майданахъ высились горы арбузовъ и дынь, персики, бергамоты и виноградъ всѣхъ возможныхъ сортовъ, начиная отъ мелкаго кишмиша до огромныхъ ягодъ, такъ называемаго, сафьяннаго, въ тысячѣ корзинахъ привлекали покупателей дешевизною, потому-что заплатить за око (три фунта) лучшаго винограда 3 или 4 копѣйки серебромъ доступно всякому небогатому человѣку.

На рейдѣ стоялъ отрядъ мелкихъ судовъ, готовившихся къ отплытію въ крейсество, къ Абхазскимъ берегамъ. Суда грузили провизію; десятки матросовъ бѣгали по вантамъ и реямъ, замѣчая и исправляя всѣ мелкіе недосмотры; на однихъ судахъ тянули стоячій такелажъ, на другихъ выстраивали зимнія брань-стенги; жизнь и дѣятельность кипѣла на каждомъ, начиная отъ капитана до послѣдняго юнга. Время уже шло къ вечеру, вездѣ торопились окончить работу, и съ наступленіемъ сумерокъ, когда солнце тихо спустилось въ воды Карантиной-бухты, все мало-по-малу начало утихать; на судахъ стали раздаваться свистки къ шабашу, и въ-слѣдъ за тѣмъ разнаго рода шлюпки, начиная отъ вертляваго туза до четырнадцативесельнаго катера, быстро полетѣли къ Графской-пристани, съ желающими провести послѣдній вечеръ на берегу, въ кругу родныхъ и знакомыхъ, чтобъ

потомъ на восемь мѣсяцевъ пуститься въ бурное зимнее плаваніе у восточнаго берега Чернаго-моря, для борьбы съ бурями и съ хитрыми контрабандистами.

Изъ числа шлюпокъ рѣзко отличалась отъ другихъ гичка съ брига, длинная и узкая съ красивыми обводами линій; благодаря силѣ рукъ дюжихъ гребцовъ, она замѣтно обгоняла прочія. Николай сидѣлъ на кормѣ и твердо правилъ рулемъ. Гичка летѣла къ пристани.

Николай былъ назначенъ въ кампанію и ѣхалъ на берегъ проститься съ братомъ, а главное, привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе и предложить свою руку и самаго себя въ полное распоряженіе Ольги. Съ сильно-бьющимся сердцемъ выскочилъ онъ изъ шлюпки, и долго еще оставался въ нерѣшимости, куда идти: къ брату-ли, поселившемуся на его старой квартирѣ, или прямо въ гостепріимный домъ Ариныхъ. Но, какъ обыкновенно, борьба между любовью и дружбой не могла быть продолжительна: послѣдняя должна была уступить первой.

У Ариныхъ его ждали. Тамъ уже сидѣлъ Григорій и очень серьезно читалъ всему собравшемуся кружку родныхъ кагую-то книгу. Приходъ старшаго Кротова, котораго конечно приняли съ распростертыми объятіями, не произвелъ никакой перемѣны въ общихъ занятіяхъ; его только усадили надиванъ, подлѣ Ольги, и чтеніе продолжалось своимъ чередомъ; одна только Дашенька, прослушавъ еще страницы двѣ, тихо встала съ своего мѣста, и незамѣтно наступивъ на ногу Григорія, вышла изъ гостиной въ залу. Долго не могъ младшій Кротовъ найти предлога кончить чтеніе; наконецъ его спасъ Николай. Замѣтивъ въ голосѣ брата утомленіе, онъ предложилъ самъ продолжать чтеніе, и книга тотчасъ же была передана ему вмѣстѣ съ общей благодарностью.

Минуты не посидѣлъ спокойно мичманъ, и отправился прямо въ залу.

Дашенька стояла у окна и вѣрно что-нибудь съ большимъ вниманіемъ разсматривала на улицѣ, потому-что не слышала даже прихода Григорія, который, остановившись сзади ея, давно любовался ея шейкой; она даже не почувствовала и того, что въ то время, когда ей показалось необходимымъ поправить что-то у себя

въ косѣ, онъ поцѣловаль ея бѣленькіе пальчики, и только когда онъ рѣшился тихонько взять ея за талию, она быстро обернулась къ Кротову; ея свергающіе черные глазки метали такія искры, что человекъ и похрабрѣ Григорія совершенно-бы растерялся.

Дашенька не безъ удовольствія замѣтила эффектъ, произведенный ею на Кротова, но она и безъ того знала, что очень хороша и что любима имъ выше всякой мѣры; теперь она хотѣла обезпечить себя на будущее.

— Что, Григорій Семенычъ, вамъ, вѣрно, гораздо веселѣе читать сказки, чѣмъ быть со мною? заговорила она неполнѣ еще успокоеннымъ голосомъ.

— Неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ могли подумать это? отвѣчалъ онъ покорнымъ и грустнымъ тономъ. Кажется, я на всякомъ шагу стараюсь доказать вамъ, что вы для меня дороже всего на свѣтѣ.

— Такъ-ли, Григорій Семенычъ? Смотрите-же, я васъ предупреждаю, что скоро вы потеряете, если уже не потеряли, самый дорогой для васъ предметъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? Значить вы запрещаете мнѣ васъ любить, васъ видѣть.

— Не я, но вашъ братъ, тихо проговорила Дашенька и повернула голову молодого Кротова по направленію къ гостинной, гдѣ онъ увидѣлъ, что чтеніе прекратилось и въ комнатѣ остались его братъ и Ольга, сидѣвшіе на диванѣ и горячо о чемъ-то разговаривавшіе. Рука Оленьки лежала въ рукѣ старшаго Кротова, глаза котораго были устремлены съ такою любовью на свою собесѣдницу, что о предметѣ ихъ разговора нельзя было и сомнѣваться. Григорій пришелъ въ ужасъ, понявъ всю безнадежность своего положенія; онъ живо началъ припоминать, какъ братъ неохотно познакомилъ его съ домомъ Ариныхъ, какъ онъ всегда остерегалъ его отъ излишняго сближенія съ членами этого семейства; онъ только теперь разгадалъ, къ чему клонились всѣ дѣйствія его брата.

Грустно сдѣлалось молодому мичману; онъ видѣлъ, что оба они съ братомъ идутъ съ разныхъ сторонъ къ той-же цѣли, и что одинъ изъ нихъ долженъ неминуемо уступить и остаться въ сто-

ронѣ, потому-что на Руси двое братьевъ не могутъ жениться на двухъ сестрахъ. Досадно ему стало, что онъ неполнѣ былъ вѣренъ своему обѣщанію и не находилъ нужнымъ открывать Николаю всѣхъ своихъ походовъ и намѣреній; въ тоже время онъ былъ недоволенъ и братомъ, что тотъ не объяснилъ ему въ самомъ началѣ своихъ видовъ и плановъ, да и въ-послѣдствіи всегда неохотно разговаривалъ о своихъ отношеніяхъ къ Оленькѣ, довольствуясь одними общими фразами въ похвалу ея скромности и доброты.

Однако, послѣ довольно продолжительнаго размышленія, онъ уже готовъ былъ уступить своему брату, но Дашенька, какъ-бы угадавъ, по выраженію его лица, что борьба кончилась не въ ея пользу, облокотилась рукой на его плечо, и страстно посмотрѣвъ въ глаза своему нерѣшительному другу, сказала съ едва удерживаемыми слезами:

— Вы видите, что намъ надо разстаться съ вами навсегда; вы не должны мѣшать счастью вашего брата.

Ея видъ, голосъ, ея жаркое дыханье, которое онъ чувствовалъ на своемъ лицѣ, опять выгнали всѣ здравыя мысли изъ головы Григорія (ему было только восемнадцать лѣтъ); онъ обнялъ стройную талію дѣвушки, крѣпко прижалъ ее къ себѣ, и невольный, безсознательный съ обоихъ сторонъ поцѣлуй какъ-бы скрѣпилъ навѣки союзъ ихъ.

— Нѣтъ, Дашенька! едва могъ проговорить отъ полноты чувства бѣдной Кротовъ. Никому я не уступлю васъ. Теперь прощайте, а завтра я докажу вамъ, что умѣю держать свое слово.

И не дождавшись брата, даже не простившись ни съ кѣмъ, Григорій схватилъ фуражку, чрезъ пять минутъ былъ уже дома, и не раздѣваясь, бросился на кушетку. Вслѣдъ за нимъ пришелъ домой и братъ, полный счастья и радости: ему позволено было говорить завтра съ отцомъ и матерью Ольги, и онъ, заранѣе уже увѣренный въ успѣхѣ, всю ночь не спалъ и промечталъ о будущемъ. Не спалъ также и младшій Кротовъ, но неочень мирныя мысли вертѣлись у него въ головѣ. Какъ! думалъ онъ, я долженъ уступить! для успокоенія своей совѣсти, эгоистически предать на жертву страданіямъ Дашеньку, дѣвушку, которую я

люблю всей душой и которая конечно любить меня такъ-же сильно! Николаю захотѣлось жениться, такъ уже я и назадъ! подожду! еще молодъ! Какъ-же. Нѣтъ, у меня тоже есть кровь, есть сердце, можетъ-быть получше, чѣмъ у брата?

Всю ночь подобныя мысли мучили бѣднаго Григорія, и утромъ, едва показалось солнце, онъ вскочилъ, выбѣжалъ изъ дому, и быстро прошагавъ городъ и Карантишную-слободку, обогнувъ по берегу хрустальныя воды, любимое мѣсто купанья севастопольскихъ дамъ изъ предмѣстій, очутился въ степи, усѣянной мѣстами обломками колоннъ и карнизовъ древняго Херсонеса. Долго бродилъ онъ между развалинами, думая, что ему дѣлать, не чувствуя ни усталости, ни начинающейся жаркой поры дня. Солнце, несмотря на октябрь, свѣтило еще гораздо ярче и теплѣе, чѣмъ наше июльское; его лучи начинали уже сильно печь голову все еще прогуливающагося Кротова; ноги его уже нѣсколько разъ отказывались служить, спотыкаясь на совершенно-ровномъ мѣстѣ, но онъ все еще ходилъ, стараясь физической усталостью побѣдить волненіе души. Вдругъ мысль, что въ это время братъ, можетъ-быть, проснулся и пошелъ къ Аринымъ, чтобъ окончательно поставить преграду между имъ и Дашенькой, быстро мелькнула въ его головѣ; онъ остановился, отеръ крупный потъ, струившійся по его изнуренному лицу. Промедлить еще полчаса, и все будетъ кончено, братъ будетъ счастливъ, Оленька тоже, о радости стариковъ Ариныхъ и говорить нечего, а Дашенька? а онъ самъ? Эти два вопроса, и въ особенности первый, снова поколебали рѣшимость Григорія; его добрыя наклонности не могли устоять противъ обаянія страстной картины, которою начало рисовать ему воображеніе, когда Дашенька будетъ принадлежать ему... Вся кровь бросилась въ голову молодого Кротова. Онъ пошелъ въ городъ, но силы однакоже скоро начали ему измѣнять, и его шагъ сдѣлался чѣмъ-то среднимъ между прыжками тигра и походкой утки: онъ то быстро дѣлалъ шаговъ пять или шесть, преслѣдуемый роковою мыслью, то, совершенно потерявъ силы, только переваливался съ одной ноги на другую; потомъ, отдохнувъ, опять устремлялся какъ-бы въ погоню за невидимымъ призракомъ, и черезъ нѣсколько времени снова ослабѣвалъ; лихорадка била его, а между-тѣмъ внутренній жаръ

жегъ хуже африканскаго солнца. Наконецъ, вотъ уже онъ среди мазанокъ Карантинной-слободки, вотъ и Артиллерійская-бухта осталась занимъ. На базарѣ привѣтствовали его разногласные крики: «Отъ се кавуны, отъ се кавуны», «купы баринъ инжиръ»; «селямъ алейкумъ» и «Аллахъ верды» перекрещиваются съ «здравовъ була» и «нехай его къ бису»; маджары съ арбузами и зеленью на всякомъ шагу преграждаютъ ему дорогу; волы, лошади и верблюды дополняютъ эту картину; тысячи криговъ и голосовъ сливаются въ одинъ нестройный аккордъ; надъ все́мъ этимъ хаосомъ стоитъ туча пыли, сквозь которую едва пробиваются лучи солнца, уже высоко поднявшагося надъ горизонтомъ. Но вотъ наконецъ странникъ добрелъ до завѣтнаго домика. Съ трепетомъ сердца взялся онъ за ручку дверей, тихо отворилъ ихъ и еще тише вступилъ въ залу, и не дойдя еще до середины комнаты, долженъ былъ придержаться за печку, чтобъ не упасть. Онъ увидѣлъ, что въ гостиной, на знакомомъ ему красномъ диванѣ, лежала его Дашенька, заливаясь горькими слезами; около нея хлопотала Ольга; стариковъ не было дома. Кротовъ зашатался, и когда обѣ сестры, увидя его, бросились къ нему, конечно съ весьма различными чувствами, онъ могъ выговорить только одно слово.

— Братъ... былъ?

— Да, вашъ братъ былъ, отвѣчала, задыхаясь Дашенька, но онъ не засталъ ни папа, ни мама: они сейчасъ будутъ, и тогда все кончено!

На сердцѣ Григорія отлегло, онъ схватилъ за руку Дашеньку, и только что хотѣлъ передать все свои опасенія на счетъ брата, какъ Константинъ Ивановичъ и Марья Ивановна спокойно вступили въ залу, Кротовъ, не помня ничего, и занятый только мыслью какъ-бы не потерять свою Дашеньку, быстро подошелъ къ старикамъ, держа ее за руку, и твердымъ и яснымъ голосомъ проговорилъ:

— Константинъ Ивановичъ и Марья Ивановна, я люблю вашу дочь, она согласна быть моею женою, все зависитъ отъ васъ, я прошу ея руки.

Изъ рукъ Арина упала шляпа, и вмѣстѣ съ яблоками, раз-

сыпанными его супругой, покатила по полу; у обоих опустились руки. Хотя нельзя сказать, что они совершенно не почувствовали подобного событія, но ихъ предположенія касались старшаго брата и Оленьки, а привязанность младшаго Кротова они считали шалостью. Однако, не желая отказомъ огорчить челоуѣка, вполне ими уважаемаго, они хотѣли уже дать свое благословіе, но взглянувъ на Оленьку, испугались до того, что остановились въ недоумѣніи.

Блѣдная, съ блуждающими глазами, стояла Оленька въ дверяхъ гостиной; ни стона, ни малѣйшаго звука не произнесла она во всю эту тяжкую для нея сцену, когда ея вѣра въ любовь и привязанность сестры была разбита въ дребезги; она держалась еще на ногахъ, но видно было, что силъ ея станетъ не надолго.

Арины колебались. Тогда Дашенька обратился къ отцу и матери, и чистый и звучный ея голосъ раздался, какъ приговоръ надъ бѣдной Оленькой.

— Папа! маменька! говорила она, я люблю Григорія Семеновича и кромѣ его никто и никогда не будетъ моимъ мужемъ.

— Дашенька! простонала Ольга. Но было уже поздно—жениха и невѣсту благословили.

Когда пришелъ старшій Кротовъ и ему объявили о всемъ случившемся, онъ долго не хотѣлъ вѣрить и только видъ Оленьки, все еще лежавшей въ обморокѣ, могъ удостовѣрить его въ печальной истинѣ. Онъ тихо подошелъ къ брату, взялъ его за руку, и устремивъ на него долгій и пронизательный взглядъ, въ которомъ было все, кромѣ гнѣва и досады, только грустно покачалъ головою.

—

IV.

На другое утро сухумская эскадра снялась съ якоря, и Николай Семенычъ удалился со сцены нашего повѣствованія на цѣлые восемь мѣсяцовъ.

Оленька захворала не на шутку; слабый ея организмъ не могъ

выдержать подобныхъ потрясеній, и этотъ переходъ отъ полнаго счастья и радости къ совершенно безнадежному состоянію тяжело подѣйствовалъ на бѣдную дѣвушку. Съ нею сдѣлалась сильная горячка; доктора рѣшили, что больная находится въ очень трудномъ положеніи. Всѣ усилія медиковъ оказались безуспѣшными; Оленькѣ день ото дня было все хуже и хуже, такъ что наконецъ собранный консиліумъ объявилъ рѣшительно невозможность поставить больную на ноги.

Маленькая надворная комната въ домѣ Ариныхъ тускло освѣщалась одной лампадой; едва были видны темныя массы шкафовъ съ платьями и поставца съ посудой; нѣсколько сундуковъ, покрытыхъ коврами, стояли по стѣнамъ; въ углу, на лежанкѣ отсвѣчивались самовары; подлѣ нихъ стояло дѣтское зеркальцо, подъ которымъ находился ящикъ съ разными гребенками, иглами и булавками; это было туалетъ и уборная Дашеньки; но главное вниманіе всѣхъ приходившихъ въ эту комнату обращала на себя кровать, гдѣ подъ краснымъ шелковымъ одѣяломъ лежала бѣдная Оленька. Она, казалось, заснула; около нея сидѣли Дашенька и Григорій Семенычъ; оба молчали, можетъ-быть, отъ полноты чувствъ, а можетъ просто потому, что обоимъ хотѣлось спать, потому-что вотъ уже три ночи, какъ они дежурили у кровати больной.

— Дашенька, сказалъ наконецъ Кротовъ, отдохните хоть немножко, прилягте въ гостиной на диванъ; неужели вы думаете, что я не въ состояніи одинъ беречь спокойствіе вашей сестры. Вы хотите и сами захворать? Послушайте хоть разъ моего совѣта, засните часа два, а потомъ я васъ разбуду, и вы съ новыми силами можете тогда сидѣть, пожалуй, хоть еще цѣлую ночь.

— Вы вѣрно боитесь, что если я захвораю, сказала Дашенька, такъ вамъ опять придется сидѣть у кровати и проводить безсонныя ночи; я васъ заранѣе избавляю отъ этой обязанности.

— Покорно благодарю, только все-таки мнѣ не хотѣлось-бы, чтобъ вы захворали; тогда некому будетъ ухаживать и за Константиномъ Иванычемъ, который тоже неочень-то здоровъ.

Дашенька молчала, но во взглядѣ ея, брошенномъ на жени-

ха, было неслишкомъ много любви. Еслибъ было нѣтакъ темно въ комнатѣ и Григорій могъ бы видѣть этотъ взглядъ, онъ несовсѣмъ бы остался доволенъ.

Въ комнатѣ опять сдѣлалось тихо, и только неровное и прерывистое дыханіе Оленьки нарушало эту тишину, да крикъ сверчка за печкой напоминалъ о наступленіи холоднаго времени года.

Вдругъ слабый стонъ въ кабинетѣ старика вывелъ Дашеньку изъ задумчивости.

— Кажется, папа проснулся, сказала она. Смотрите, Григорій Семенычъ, я пойду въ кабинетъ; вы оставайтесь здѣсь и хорошенько наблюдайте за сестрой; это хоть немного заглядитъ то, что вы причиною ея болѣзни.

И Кротовъ остался одинъ. Удобно размѣстившись на двухъ стульяхъ, онъ облокотился головой о подушки кровати и въ совершенно комфортабельномъ положеніи рѣшился провести остатокъ ночи.

— Странная вещь, думалъ онъ, по своему обыкновенію, почти въ слухъ, не опасаясь, что больная услышитъ его, потому-что она, въ бреду, давно уже не понимала ничего, что говорилось и дѣлалось вокругъ нея. Я все еще люблю Дашеньку, только какъ-то теперь все не то, что было прежде; въ началѣ дотрогнуться до ея руки уже для меня составило счастье, а теперь я, по праву жениха, могу цѣловать ея, да ужъ это не приноситъ мнѣ такого удовольствія, какъ прежде; а какъ жениусь, тогда каждый день одно и тоже!.. Чуть-ли не правъ былъ братъ; можетъ-быть, мнѣ даже немножко и рано жениться... Впрочемъ, теперь больная Оленька, захворалъ Константинъ Ивановичъ, потомъ, можетъ-быть, и я захвораю... У насъ для поправленія здоровья иногда прописываютъ отправиться въ Петербургъ, лечиться тамошнимъ благораствореннымъ воздухомъ... А все-таки права жениха очень соблазнительны.

Григорій еще дальше хотѣлъ развивать свою мысль, но чуть слышныи шорохъ въ постели больной заставилъ его оглянуться и потомъ отъ страху и неожиданности чуть не вскрикнуть. Оленька, сбросивъ съ себя одѣяло, сидѣла выпрямившись на кровати; помутившіеся ея глаза съ страшной угрозой были устре-

млены на Кротова, ротъ былъ полуоткрытъ, странная улыбка блуждала на ея тонкихъ и безцвѣтныхъ губахъ; сухой и желтой, какъ воскъ, рукою она показывала ему на дверь комнаты.

— Папа, мама и сестра! проговорила едва слышимымъ голосомъ больная, и этотъ слабый, дребезжащій отъ волненія голосъ подѣйствовалъ на моряка сильнѣе всякаго грома орудій.

Черезъ минуту все семейство собралось около постели умирающей, которая, взявъ отца и мать за руки, говорила спокойно и ясно.

— Милый папа, добрая маменька, я знаю, вы любите вашу бѣдную Оленьку. Дайте мнѣ слово, что вы исполните то, о чемъ я попрошу васъ передъ смертью; я вѣдь знаю, что мнѣ не жить ужъ больше съ вами.

— Душенька, Оленька, успокойся мой другъ, говорилъ Константинъ Иванычъ, хотя самъ былъ въ такомъ волненіи, что едва стоялъ на ногахъ. Ты можешь быть увѣрена, что мы все для тебя сдѣлаемъ, что только будетъ въ нашихъ силахъ.

— Папа, не отдавайте Дашеньку за Григорія Семеныча.

Эта просьба больной была до того неожиданна, что трудно даже представить эффектъ, какой она произвела на всѣхъ находившихся въ этой скромной и маленькой комнаткѣ.

— Другъ мой, Дашенька, не выходи за него, продолжала больная, показывая на оторопѣвшаго Кротова; онъ не стоитъ тебя, онъ тебя не любитъ.

Дашенька не знала, что отвѣчать на это странное требованіе сестры, которая, видя и съ этой стороны совершенную безуспѣшность своихъ требованій, обратилась къ Григорію Семеновичу и тихо сказала ему.

— Вы должны отказаться отъ моей сестры; я все слышала, что вы говорили у моей постели. Богъ возвратилъ мнѣ пониманіе именно въ ту минуту, когда оно было всего нужнѣе. Я лучше васъ поняла ваши чувства. Вы были увлечены молодостью... Я вижу ясно все, что происходитъ въ вашемъ сердцѣ.

Кротовъ молчалъ.

— Вѣрьте мнѣ, продолжала больная, что вы будете сами не-

счастливы и сдѣлаете несчастіе моей сестры. Прощаясь съ жизнью, я не могу ошибаться... Слышите—ли вы, прибавила она, собравшись съ послѣдними силами, громко и ясно, отъ васъ зависить, чтобы я умерла спокойно.

— Я исполню ваше желаніе! едва могъ выговорить Кротовъ, такъ онъ былъ подавленъ ощущеніями страха и пробудившейся совѣсти. Едва выговоривъ эти слова, онъ схватилъ фуражку, и не оглядываясь, не простившись ни съ кѣмъ, тихо вышелъ изъ дому и побрелъ на свою квартиру.

А бѣдная Оленька, въ которой, при предчувствіи будущихъ несчастій любимой сестры, на нѣсколько минутъ вспыхнула угасавшая жизнь, впала опять въ безпамятство, и никакія средства не могли возстановить ей силы.

Около дома Ариныхъ, несмотря на раннее время дня, начала уже собираться толпа любопытныхъ, со вниманіемъ слушающая крики и стоны, раздававшіеся внутри его; нѣкоторые, посмѣлѣе, готовы уже были отворить ставни, даже перелезть черезъ запертыя ворота, въ которыхъ однако скоро отворилась калитка, и маленькая старушка, простоволосая и съ страшно испуганной физиономіей, начала усердно пробираться черезъ толпу. Не такъ—то легко было это сдѣлать: въ одну минуту она была остановлена десятками рукъ, и вопросы, что тамъ такое? кто кого бьетъ? не воры—ли? градомъ посыпались на едва дышащую старуху, попавшую въ такую передрагу. Бѣдная старушка еще больше растерялась и рѣшительно не могла выговорить ни одного слова. Но вотъ изъ толпы выступилъ высокій, плечистый дѣтина съ смуглымъ и красивымъ лицомъ; на его могучія плечи, несмотря на жаръ и солнце, была накинута теплая овчина; красная канаусовая рубашка, подпоясанная красивымъ кушакомъ съ золотой бахромой на концахъ, доказывала, что онъ принадлежалъ къ зажиточнымъ мужикамъ и имѣлъ копѣйку на черный день; сапоги его были чисто смазаны дегтемъ и въ обширныя ихъ голенища укладывались шальвары изъ синяго коленкору.

— Постой, молодцы, не трошь старухи, сказалъ онъ, раздвигая обступившій ее народъ; я самъ спрошу, что за притча тамъ дѣется.

— А ну, ну, спытай Митро, пробасиль около него толстый хохоль въ замасленной смушковой шапкѣ.

— Погоди ты, красная рубаха, вотъ я лучше ее урезоню; пропищала подь рукой у Дмитрія какая-то фигура въ изорванномъ сюртукѣ, съ лицомъ, доказывавшимъ, что уже первый визитъ въ надлежащее мѣсто былъ сдѣланъ. Дмитрій нагнулся къ претенденту, но тотчасъ-же отбросилъ голову назадъ, почувствовавъ будто сейчасъ у него подь носомъ откупорили штофъ съ полугаромъ.

— Нѣтъ ужъ, Сидорычъ, ты, братъ, только записывай, да смотри тамъ не украдь самъ у себя свою запись, сказалъ Дмитрій. Дружный хохоть наградилъ балагура, который приступилъ между-тѣмъ къ старухѣ.

— Ну, бабушка, не томи народъ, вынь да положъ, кто у васъ хорошъ. Перво-на-перво, куда идешь?

— Къ священнику, дитятко мой, задрезжала посланница.

— А для-ча это?

— Да вишь ты барышня, родной ты мой, померла, пусти ради Христа, душа христіанская дожидается.

И восклицанія въ родѣ: Э! во какъ! ишь ты! раздались въ толпѣ. Послѣ этихъ словъ толпа разступилась, и черезъ двѣ минуты передъ домомъ Ариныхъ никого уже не было, только какая-то ободранная собаченка, стоя на трехъ ногахъ и поднявши морду, жалобно выла, какъ-бы тоже соболѣзнуя по покойницѣ.

—

V.

Не на шутку разыгралось Черное-море; волны, какъ горы, ходили по свободному и бездонному пространству; гонимыя сильныиъ западнымъ вѣтромъ, онѣ напирали на негостепримной берегъ Абхазіи, и ударяясь въ гранитныя скалы, рассыпались въ миллионы искръ. Плохо было судамъ, застигнутымъ этимъ страшнымъ вѣтромъ на якорѣ, въ одномъ изъ множества рейдовъ черноморской береговой линіи, которые всѣ, кромѣ Новороссійскаго, чрезвычайно неудобны, по открытому положенію. Лучше быть по-

дальше отъ этихъ страшныхъ береговъ, и надѣясь на свое искусство и на крѣпость судна и рангоута, держаться въ морѣ. Такъ сдѣлалъ и капитанъ С* старый морякъ и командиръ брига Аргонавтъ, на которомъ служилъ Николай Семеновичъ. Уже болѣе полугодомъ продолжалось ихъ плаваніе; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали смѣны, потому—что ходить зимніе мѣсяцы въ Черномъ-морѣ, да еще у негостепріимныхъ береговъ Кавказа, гдѣ должно, кромѣ борьбы съ бурями, бдительно смотрѣть за смѣлыми контрабандистами, провозящими къ горцамъ оружіе и порохъ, которые онѣ мѣняють у нихъ на горскихъ красавицъ, для пополненія гаремовъ султана и пашей. Несмотря на то, что шкиперъ подобнаго судна, пойманный на дѣлѣ лишается и судна, и груза, и самъ подвергается строгому наказанію, много еще есть отважныхъ, которыхъ жажда барыша влечетъ къ гибели, потому—что рѣдкому изъ нихъ удается проскользнуть мимо нашихъ крейсеровъ.

Бригъ Аргонавтъ имѣлъ станцію между Сухумъ-кале и постомъ Св. Николая; простоявъ двѣ недѣли на рейдѣ, онъ смѣнялся на другія двѣ недѣли шкуной, которой опять послѣ того-же срока предоставлялось право идти или въ Сухумъ или въ Редуть-кале. Четырнадцати-дневное испытаніе брига кончалось, и на завтра онъ былъ долженъ ждать смѣны; но это завтра было еще очень далеко; надо было цѣлую ночь продержаться въ морѣ, при такомъ вѣтрѣ, который чуть не выдуваетъ мозгъ изъ головы. Да еще тутъ рождался другой вопросъ: будетъ—ли кому и смѣнить завтра; уцѣлѣла-ли бѣдная шкуна?

Въ полночь Николай Семеновичъ вышелъ на вахту. Море все также волновалось, вѣтеръ свисталъ между снастями, скрипъ мачтъ и трановъ доказывалъ, какъ тяжело было бѣдному Аргонавту на старости лѣтъ попасть въ такую передрагу. Снявъ вахту со всей заботливостью стараго офицера, Николай Семеновичъ остался одинъ на палубѣ брига, если не считать рулевыхъ и десятка матросовъ, въ самыхъ живописныхъ положеніяхъ размѣстившихся у навітреннаго борта, чтобъ тамъ хоть немножко прикрыть себя отъ холодныхъ порывовъ, обдающихъ еще сверхъ того съ ногъ до головы брызгами соленой воды.

Оглядѣвъ со вниманіемъ весь горизонтъ, Кротовъ началъ при-

стально вглядываться въ какую-то черную массу, которая время отъ времени показывалась по подвѣтренному крамболу; зная, что именно такія погоды и избираютъ контрабандисты для своихъ дерзкихъ попытокъ, онъ приказалъ разбудить команду и далъ знать капитану, что замѣтилъ подозрительное судно. Черезъ пять минутъ все на бригѣ приняло совершенно другой характеръ: сонныя и прятавшіеся прежде отъ брызговъ матросы, теперь смѣло встрѣчали открытою грудью вѣтеръ и волны; надежда боя и добычи одушевила всѣхъ; мигомъ орудія были раскрѣплены; оба борта заряжены ядрами, и бригъ, несмотря на страшный вѣтеръ, отдалъ у марселей по одному рифу, и поставивъ фокъ, приспустился немного отъ настоящаго курса, и грозно ринулся на незнакомца.

Подойдя ближе, можно было рассмотреть, что замѣченное прежде судно была шкуна съ щегольскимъ вооруженіемъ, и какъ видно было по ея маневрамъ, нисколько не старающаяся избѣгать своего грознаго противника. Между-тѣмъ бригъ подошелъ на возможно близкое растояніе, сжегъ опознательной фальшфейеръ, и къ общей радости, по отвѣту, данному со шкуны, узнали въ ображаемомъ врагѣ своего товарища по крейсерству, который, рассчитавъ, что при усиливающемся вѣтрѣ ему тяжело будетъ отстаиваться на якорѣ, на открытомъ Сухумскомъ-рейдѣ, вышелъ заранее въ море.

По обмѣнѣ сигналовъ на обоихъ судахъ, все пришло опять въ прежній порядокъ; подвахтенные спущены внизъ, пушки закрѣплены, и опять потекла своимъ чередомъ ночная вахта, съ безпрестаннымъ крикомъ «смотреть впередъ», и каждый разъ повторяющимся отвѣтомъ «есть.» Къ развѣту вѣтеръ немного стихъ, но море ходило еще громадными волнами. Командиръ Аргонавта, передавъ всѣ приказанія и замѣчанія на счетъ крейсерства командиру смѣнившейся шкуны, спустился прямо въ Сухумъ, чтобъ недолгой якорной стоянкой освѣжить команду и дать отдохнуть ей послѣ тяжкаго крейсерства. Благодаря попутному вѣтру, бригъ полетѣлъ по одиннадцати узловъ и черезъ четыре часа былъ уже на рейдѣ, на якорѣ, съ завезеннымъ гуськомъ. Николай Семеновичъ, кончивъ свои обязанности на бригѣ, отправился на берегъ побродить по сухумскимъ улицамъ и заглянуть тамошнимъ таба-

комъ, который славится по всему Черноморью. Сдѣлавъ все, что нужно, онъ собирался уже отправится на шлюпку, какъ вдругъ его остановилъ вопросомъ одинъ изъ чиновниковъ, служащихъ при комендантѣ тамошней крѣпости.

— Позвольте узнать, г. лейтенантъ, не у васъ-ли на бригѣ служить Николай Семеновичъ Кротовъ?

— У насъ, и даже онъ самъ имѣеть удовольствіе говорить съ вами.

— Очень радъ васъ встрѣтить. Комендантъ получилъ на ваше имя два письма изъ Севастополя, и мы очень затруднялись, какъ ихъ передать вамъ, думая, что вы больше не зайдете уже на нашъ рейдъ.

— Гдѣ-же эти письма?

— У г. полковника.

— Да гдѣ-же г. полковникъ?

— Я думаю, они теперь изволятъ находиться дома.

— Да гдѣ домъ его? чуть не закричалъ отъ нетерпѣнія Кротовъ.

— Неудобно-ли, я васъ провожу къ намъ, сказалъ спокойно чиновникъ, не обращая вниманія на горячность моряка.

— Пойдемте, ради Бога, поскорѣй! Вы конечно не знаете, что эти письма отъ моего брата, о которомъ я уже болѣе полугода не получаю никакихъ извѣстій.

И быстро пошагаль опять Кротовъ отъ пристани вдоль южнаго предмѣстія, мимо бѣдныхъ, дрянныхъ лачужекъ, гордо называемыхъ тамъ домами; на одномъ сараѣ даже важно красовалась вывѣска съ надписью «Городъ Тифлисъ», и повременамъ раздавались отсюда звуки бильярдныхъ шаровъ и звонъ стакановъ и рюмокъ. Столкнувшись раза три съ абазехами въ старыхъ изодранныхъ бешметахъ, разтолкавъ толпы имеретинъ и мингрельцевъ, разсуждающихъ посреди улицы о томъ, что въ келасурахъ ночью шакалки съѣли трехъ маленькихъ ребятъ, наступивъ на ноги и задѣвъ по носамъ двухъ армянъ, Николай Семеновичъ пробирался все далѣе и далѣе, таща за собою чиновника. Они наконецъ прошли улицу, единственную въ цѣломъ, такъ называемомъ, городѣ, и вступили въ ворота форта, выстроеннаго изъ кусковъ дикаго камня, связан-

ныхъ между собою цементомъ изъ глины и песку. Внутри крѣпости всё строеніе отличалось однообразіемъ и форменностью отъ мелкихъ саклей предмѣстья, и конечно казались передъ ними великолѣпными зданіями, — хотя въ-самомъ-дѣлѣ это были очень обыкновенные одноэтажные флигеля, немогущіе даже похвастать своей чистотой и изящностью постройки. Въ одномъ изъ флигелей жилъ комендантъ крѣпости, старый, заслуженный воинъ, который, къ счастью Кротова, былъ дома и тотчасъ-же вручилъ ему два пакета, гдѣ, вмѣстѣ съ казенными бумагами на имя капитана брига Аргонавтъ, находились и письма къ лейтенанту брига отъ его брата, воспользовавшагося этимъ случаемъ для скорѣйшаго доставленія писемъ.

Досадно стало Николаю Семеновичу, что, не имѣя права распечатать казеннаго конверта, онъ долженъ былъ опять отправиться на бригъ и уже потомъ отъ своего капитана получить такъ давно ожидаемыя письма.

Черезъ полчаса онъ уже былъ на палубѣ Аргонавта, а еще чрезъ нѣсколько минутъ сидѣлъ въ своей каютѣ, и нетерпѣливо сорвавъ печать, принялся читать письма.

—

VI.

«Не сердись пожалуйста на меня, Николай, что я долго не писалъ къ тебѣ; впрочемъ, я не стану оправдываться передъ тобою тѣмъ, что мнѣ было некогда писать или нечего. Нѣтъ, я откровенно признаюсь тебѣ, что мнѣ не хотѣлось писать къ тебѣ. Ты знаешь, какъ трудно человѣку сознаться въ своихъ глупостяхъ, а я, кажется, столько ихъ надѣлалъ, что даже досадно. Безъ тебя со мной такія вещи случились, что ты вѣрно и не подозреваешь. Ты уже конечно считаешь меня женатымъ, но видно ужъ судьба моя такая. Какъ-бы тебѣ все это рассказать? Рѣшительно не знаю. Начну лучше сначала, то есть, съ твоего отъѣзда изъ Севастополя. Я увѣренъ, что еслибъ ты остался, со мной ничего-бы подобнаго не случилось. Ты оставилъ меня женихомъ, Оленьку больною; старики Арины одну дочь выдавали

за мужъ, а другую приходилось, можетъ—быть, похоронить. Оленька на другой—же день послѣ твоего отъѣзда захворала сильнѣйшей горячкой, и наконецъ, прорадавъ почти цѣлый мѣсяцъ, умерла; въ послѣднія минуты ей пришла въ голову чрезвычайно странная идея: она требовала отъ отца и матери, чтобъ они не отдавали за меня Дашеньку, и какъ тѣ немного колебались въ отвѣтъ, то умирающая обратилась ко мнѣ съ требованіемъ, чтобъ я исполнилъ ея послѣднюю волю и не женился на ея сестрѣ. Что тутъ прикажете дѣлать? Мнѣ часто говорили, что кто не исполнитъ послѣдней просьбы оставляющаго этотъ міръ, тотъ не найдетъ себѣ нигдѣ покоя и счастья, въ—слѣдствіе этого и я не женатъ. Да можетъ—быть, оно и къ лучшему. Похоронивъ Оленьку, я пересталъ ходить къ Аринымъ; мнѣ какъ—то тяжело было смотрѣть на это семейство, покой котораго я такъ жестоко нарушилъ. И это еще не всѣ новости. Константинъ Ивановичъ никогда не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, а со смерти любимой дочери до того разслабъ, что жалко было видѣть этого старика, когда онъ пробирался на службу или оттуда. Мысль объ Оленькѣ вездѣ преслѣдовала его, и ему день ото дня становилось хуже. Вдругъ какой—то добрый человекъ посоветовалъ ему немного выпить, чтобъ хоть на минуту избавиться отъ своего тяжелаго горя. Онъ послушался, выпилъ разъ,—понравилось; выпилъ другой,—еще больше вошелъ во вкусъ, и теперь, говорятъ, часто видятъ его въ самомъ тяжеломъ положеніи. У него до такой степени развилась водяная, что онъ недолго будетъ въ тягость себѣ и другимъ.

Вотъ всѣ новости Севастополя. Не пишу тебѣ ничего о другихъ; о себѣ скажу только одно: я здоровъ и подалъ прошеніе о переводѣ меня въ балтійскій флотъ.

Григорій Кротовъ.

Долго не могъ опомниться Николай послѣ этого письма. Въ какихъ—нибудь семь мѣсяцевъ было разбито въ дребезги счастье, благосостояніе цѣлаго семейства, которое пользовалось всеобщимъ уваженіемъ. Все это казалось ему какъ—то странно, и онъ съ трепетомъ раскрылъ второе письмо брата, писанное спустя двѣ недѣли послѣ отсылки перваго; оно заключало слѣдующее:

«Прости меня, Николай! Богъ уже наказаль меня за мою гордость и увѣренность въ своихъ силахъ. Я думаль, что могу собственнымъ разумомъ управлять своими поступками, и жестоко ошибся. Я не сознался тебѣ, что мой разрывъ съ Дашенькой произошелъ отъ того, что ея сестра подслушала, поняла мою тайную мысль. Я самъ начиналь понимать, что любовь моя къ Дашенькѣ простая прихоть, что я не могу съ ней быть счастливымъ, и чтобъ вырваться изъ этой неизвѣстности, я лучше готовъ былъ отказаться отъ нея совсѣмъ, предоставивъ ее собственному счастью, которое, вѣрно, ей не измѣнить. Могла-ли Оленька, такъ любившая свою сестру, допустить бракъ ея съ человекомъ, который вовсе не любилъ ее, и даже вовсе ея не стоилъ. И такъ вся причина зла — я! или лучше сказать моя молодость. Поправить то, что уже сдѣлано, я не въ силахъ, переводъ мой утверждень и я на дняхъ ѣду въ Петербургъ, а оттуда въ Кронштадтъ, и потому уже долго съ тобой не увижусь. Дѣла Ариныхъ еще въ худшемъ положеніи: старикъ умеръ, его домъ конфискованъ въ казну за найденныя неисправности по отчетамъ ввѣренной ему части, и теперь изъ всего семейства остались только мать, какъ ты самъ знаешь, женщина очень простая и недалководидная, и Дашенька, хотя очень хорошенькая, но слишкомъ еще мало жившая на свѣтѣ...

Прощай, братъ, если можешь исправь зло, и тебя вѣрно не оставить Тотъ, Кто для спасенія насъ не пожалѣль Своей жизни и оставилъ намъ надежду на будущее блаженство, въ замѣнъ страданій здѣшняго міра. Прощай и прости! Твой братъ,

Григорій.

Грустно стало Николаю Семеновичу, когда онъ удостовѣрился изъ втораго письма, что поступокъ его брата имѣль такія страшныя послѣдствія. Что ему оставалось дѣлать? Ѣхать въ Севастополь и самому жениться на Дашенькѣ, чтобъ хотя немного загладить зло, нанесенное его братомъ? Но пойдетъ-ли за него она? Этотъ вопросъ останавливалъ Кротова. Однакожь больше нечего было дѣлать, и онъ рѣшился.

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ два мѣсяца послѣ полученія этихъ писемъ Николай Семеновичъ женился на Дашенькѣ, а черезъ мѣсяць послѣ свадьбы вышелъ въ отставку, и живетъ и теперь еще

въ своемъ селѣ Хорошкахъ, но только живетъ одинъ, потому-
что его супруга Дарья Константиновна скоро соскучилась въ де-
ревнѣ и переѣзжаетъ изъ одной столицы въ другую. Что касается
до Николая Семеновича, то и онъ не скучаетъ, занимаясь цѣлые дни
работами по хозяйству, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ всегда сво-
его брата, что бываетъ каждый годъ въ зимніе мѣсяцы. Григо-
рій Семеновичъ надѣлъ уже густыя эполеты, и говоритъ, что не
скоро ужъ поймаютъ его на хорошенькіе глазки и бѣлое ли-
чицо, и что жизнь холостаго несравненно лучше, чѣмъ жизнь
женатаго.

П. Моряковский.

МЕДЕЯ.

ТРАГЕДІЯ

ДЕЛЛА-ВАЛЛЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

Н. Д. ХВОЩИНСКОЙ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МЕДЕЯ.

ЛИЗИСКА.

ЯЗОНЪ.

ЭМВЕЛЬ.

КРЕОНТЪ.

НАРОДЪ КОРИНОСКІЙ.

ГЛАВКА.

Дѣйствіе во дворѣ Креонта, въ Коринѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

КРЕОНТЪ, народъ.

Причина важная, Коринѳяне, сегодня
 Васъ собрала вокругъ вашего владыки:
 Онъ радость раздѣлить желаетъ съ вами.
 Нѣтъ полной радости царю, когда онъ ею
 Съ народомъ не подѣлится. Годами
 Я удрученъ и слабъ; я видѣлъ, какъ враги
 На разоренье наше ополчались, —
 А Главка, милая, единственная дочь,
 Мнѣ посланная небомъ, не имѣетъ
 Еще супруга. Я искалъ межъ храбрыхъ,
 Кто быть-бы могъ защитникомъ Коринѳа
 И мужемъ ей; молениямъ боги вняли:
 На берегъ нашъ колхидскій побѣдитель
 Сошелъ, ведя побѣду за собою;
 Ему вручили мы отмщенье наше —
 И знаютъ пораженные враги
 Слаба-ль его рука. Видали вы
 Не разъ, какъ онъ, покрытый прахомъ битвы,
 Кровавые доспѣхи побѣжденныхъ
 Къ подножью трона приносилъ. И Главку,
 Увидя, полюбилъ онъ; отрасль храбрыхъ,
 Онъ сердце нѣжное ея раскрылъ
 Для чувства благороднаго. Отцу
 Извѣстно все; Язонъ на бракъ согласенъ, —
 И кто мою расскажетъ радость? Вмѣстѣ
 Царя, отца исполнены надежды;
 Дочь счастлива, герою данъ престолъ.
 Пускай не будетъ замедленья счастьемъ;
 Идите въ храмъ. Желаю, чтобъ до полдня
 Обрядъ былъ совершенъ.

II.

КРЕОНТЪ, ГЛАВКА.

КРЕОНТЪ.

Приди въ объятя,
 Возлюбленная дочь. Мое блаженство полно,
 Когда тебя я къ сердцу прижимаю.
 Но ты молчишь? Зачѣмъ печальный взоръ
 Ты потуляешь?

ГЛАВКА.

Нѣтъ, я непечальна,
 Я только смущена. Тому причиной,
 Быть-можетъ, счастье—такъ оно велико
 И неожиданно; боюсь, что можетъ
 Вдругъ исчезнуть. Только что затихла
 Гроза на небѣ, на морѣ. Въ окно
 Сверкала молнія; дворецъ, казалось,
 Готовъ былъ вспыхнуть. Бѣшенныя волны
 Корабль въ такой опасности носили,
 Что онъ казалось каждую минуту
 Потонетъ въ нашей гавани...

КРЕОНТЪ.

Нѣтъ, Главка!

Огонь Зевеса угрожаетъ злымъ;
 Невиннымъ онъ всегда предвѣстникъ счастья.

ГЛАВКА.

Ты хорошо сказалъ, отецъ, но мнѣ
 Все вспоминается оракулъ грозный —
 Пророчество объ истребленьи рода
 Сизифова.

КРЕОНТЪ.

Оракулъ правъ: съ тобой
 Сизифа родъ окончится, одна ты
 Въ потомствѣ остаешься. Предокъ нашъ —
 Сознаться должно, — нечестивъ былъ, гордъ;
 Но развѣ боги за вины отцевъ
 Дѣтей караютъ? Брось напрасный страхъ

И къ алтарю иди спокойно. Что же
Женихъ твой медлить? Гдѣ онъ?

ГЛАВКА.

Вѣришь—ли,
Когда ему сказала я, что ты
Желаешь насъ соединить сегодня,
Онъ пораженъ былъ; долгій на меня
Взоръ устремилъ, какъ будто-бы не смѣя
Открыть, что думалъ; наконецъ сказалъ:
— «Иди къ отцу и жди меня; о многомъ
Я рассказать вамъ долженъ.» И за тѣмъ
Онъ глубоко вздохнулъ.

КРЕОНТЬ.

Чтожъ это значить?

ГЛАВКА.

Не знаю; вѣрно тягостная тайна
Въ душѣ его лежитъ, и въ ней признание —
Ему и долгъ и мука.

КРЕОНТЬ.

Вотъ и онъ.

III.

КРЕОНТЬ, ГЛАВКА, ЯЗОНЬ.

ЯЗОНЬ.

Креонтъ, такъ правда, что нашъ бракъ сегодня
Свершить желаешь ты!

КРЕОНТЬ.

Да, все меня

Къ тому сильнѣй торопить: — нетерпѣнье
Мое, отцовское, забота царства, — ваша
Взаимная любовь. Никто не скажетъ,
Что счастье приходитъ слишкомъ скоро, —
А мнѣ одна осталася надежда
На это счастье. — Главкѣ ты сказалъ,
Что нѣчто важное открыть намъ хочешь;
Такъ говори и насъ избавь скорѣй
Отъ безпокойства.

Язонъ.

Милая невѣста,

И ты, Креонтъ... не знаю, какъ я долженъ,
Отцомъ или другомъ звать тебя,—я, прежде
Свершенія священнаго обряда,
Открыться долженъ вамъ въ великой тайнѣ;
Обязанъ я къ тому любовью вашей,
Благодѣяньями, среди которыхъ
Живу, почтенъ, и счастливъ, и спокоенъ,
Все находя въ привязанности вашей,
Что отнялъ у меня злой рокъ. Но вамъ
Невѣдома осталась половина
Моей судьбы, ... печальнѣйшая... Все
Узнаете, а также и причину,
Зачѣмъ доселѣ я молчалъ. И если
Еще меня сочтете вы достойнымъ
Привязанности вашей, — я за вами
Пойду въ храмъ.

Креонтъ.

Мы слушаемъ.

Язонъ.

Побѣдой

И славою моею, гремящей въ мирѣ,
Успѣхомъ,—долженъ я сознаться,—я обязанъ
Не крѣпости руки моею,—любви...
Колхидскій царь считалъ руно златое
Залогомъ счастья своего; затѣмъ
И окружилъ его онъ крѣпкой стражей,
Чудовищами злыми,—колдовствомъ
Таинственнымъ,—такъ, что въ лѣсу дремучемъ
Шагъ всякій велъ на смерть. Ужъ двѣ луны
Свѣтили тщетно на мою надежду;
Сподвижники герои одного
Оставили меня (я къ предпріятію будто
Прикованъ былъ!) и отплыли въ отчизну.
Передъ Кипридой я тогда повергся,
Ей принося мольбы и еиміамъ.

Вотъ день насталь, я былъ у алтара,
 И къ алтарю пришла Медея, дочь
 Колхидскаго владыки... Не скажу,
 Какъ хороша была она... О, Главка,
 Тебя одну люблю я, для меня
 Ты выше всѣхъ красавиць!.. Въ насъ обоихъ
 Зажглась любовь... Я сталъ отцомъ двухъ нѣжныхъ
 Малютокъ—близнецовъ. Тогда, забывъ о царствѣ
 И золотомъ рунѣ, я пожелалъ во всемъ
 Ея отцу открыться и всю жизнь
 Провести при немъ. — «Нѣтъ развѣ у тебя
 Престола? Ты служить здѣсь хочешь?» гордо
 Она спросила, — «О, ты мало знаешь
 Родителя! Нѣтъ, смерть тебѣ и дѣтямъ,
 Когда узнаетъ онъ мою вину; для насъ
 Одно спасенье въ бѣгствѣ, въ скоромъ бѣгствѣ.»
 Противъ нея я спорилъ; старика
 Отца обманывать казалось мнѣ
 Преступнѣй, чѣмъ руно похитить. Гнѣвомъ
 Зажглась Медея на мои сомнѣнья,
 И въ гнѣвѣ выказала столько злобы,
 Но вмѣстѣ и любви сильнѣйшей, нѣжной,
 Отчаянной, что я, объятый страхомъ
 И жалостью, совѣтъ преступный принялъ,
 Хоть сердце трепетало, нравъ жестокий
 И непреклонный поздно, но вполне
 Узнавъ въ ней; но любовь ослѣпа, а жизнь
 Дѣтей невинныхъ, дорогихъ, я видѣлъ
 Въ опасности, и потому рѣшился
 На бѣгство низкое. Въ вознагражденье
 Просилъ я у нея руно; при мысли,
 Что родину увижу, жажда славы
 Во мнѣ опять проснулась. — «Мало просишь,
 Она сказала, — «требуи моей крови.
 Медея выучить тебя любить.» Настала
 Ночь, и она меня тропинкой тайной
 Къ руно златому привела... Былъ кратокъ,

Но страшень бой; я сторожа—дракона
 Убилъ и радостно схватилъ добычу.
 Межъ-тѣмъ Медea хитро нашъ побѣгъ
 Устроила. Спокойна и тверда,
 Безъ слезъ она оставила домъ отчій,
 И увела съ собой меньшаго брата,
 Ребенка Ассерта, отцовскаго любимца.
 —«Зачѣмъ онъ намъ? спросилъ я.—«Нужень будетъ,»
 Отвѣтила она. Мы поскакали.
 Я въ колесницѣ везъ моихъ дѣтей,
 За мной Медea, съ братомъ. Вдругъ, о боги!
 Аэть разгнѣванный летить за нами,
 И догоняеть. Близокъ — нѣтъ спасенья...
 Тогда Медea... страшно досказать...
 Тогда Медea заколола брата
 И бросила отцу подъ колесницу...

ГЛАВКА.

О ужасъ!

Язонъ.

Зрѣлицемъ неслыханно жестокимъ
 Я пораженъ былъ; я дѣтей прижалъ
 Къ груди, какъ-бы боясь, чтобъ также
 Ихъ не поставила она щитомъ
 Своей любви ужасной. Отвращенье,
 Гнѣвъ, жалость къ умерщвленному ребенку —
 Все побѣдили: я пустилъ коней
 Другой дорогой, прочь отъ нечестивой.—
 Ее любить ужъ сердце не могло...
 Съ-тѣхъ-поръ о ней я ничего не знаю,
 Надѣюсь и не знать. Трикраты море
 Насъ раздѣляетъ; съ горестнаго дня
 Прошло пять лѣтъ; когда воспоминаье
 Мeдeи образъ мнѣ приводить, я
 Весь трепещу, какъ-будто предо мной
 Одна изъ адскихъ фурій... Вотъ вамъ повѣсть
 Моихъ страданій. Отъ любви печальной
 Осталось мнѣ раскаянье... и дѣти,

И въ нихъ однихъ мнѣ утѣшенье, твердость;
Они всего дороже мнѣ на свѣтѣ;
Пусть новый жребій мой блистательный они
Раздѣлятъ, иначе я отвергаю
И съ ней союзъ, и твой престолъ.

Креонтъ.

Что слышу!

Главка.

(Моя душа такъ ужасомъ объята,
Какъ-будто зрѣлице кроваваго злодѣйства
Еще въ глазахъ моихъ... А мой отецъ?
На что рѣшится онъ?)

Креонтъ.

Еще не все.

Ты рассказалъ. Скажи, зачѣмъ такъ долго
Скрывался ты.

Язонъ.

Отъ страха за дѣтей.

Передъ моимъ возвратомъ изъ Колхиды,
Родителя усопшаго престолъ
Похищенъ былъ Пелеемъ; вамъ извѣстно,
Что я бѣжалъ его злодѣйскихъ козней.
Не разъ его намъ ненависть грозила,
Мнѣ, дѣтямъ, ядомъ иль мечемъ. Тогда
Чтобъ ихъ спасти, оставилъ я отчизну,
Скрылъ имена ихъ, и назвалъ дѣтьми
Сподвижника и друга Эриманта.

Главка.

О боги, неужель тѣ дѣти...

Язонъ.

Тѣ, которыхъ

При мнѣ ты обнимала, говоря,
Что хороши они и милы. О, не разъ
Я былъ готовъ во всемъ тебѣ признаться!
Но я отецъ! Надъ головою милыхъ,
Казалось мнѣ, убійцы мечъ виситъ,
И предъ отцовскимъ страхомъ умолкала

Любовь къ тебѣ. Судьба перемѣнилась:
 Моихъ пенатовъ къ вамъ я перенесъ,
 Опасности нѣтъ больше, и молчанье
 Преступно, и тѣмъ болѣе, когда,
 Быть—можетъ, честолюбье, прелесть власти
 Заставили—бъ меня забыть дѣтей,
 Мнѣ дорогихъ, которыхъ безопасно
 Могу теперь я къ сердцу прижимать...
 Креонтъ, рѣши судьбу мою.

Креонтъ.

Колеблюсь

Между сомнѣній, мыслей столь различныхъ,
 Что самъ напрасно въ нихъ ищу рѣшенья.
 Язонъ, не скрою, ты передъ Медеей
 Мнѣ кажешься виновнымъ. Должно было
 Бѣжать отъ ней, она была преступна;
 Но такъ преступна не была—бъ она,
 Когда—бы въ первую вину ты самъ
 Не ввелъ ее... Да не допустить боги,
 Чтобъ рано—ль, поздно—ли ты былъ наказанъ!
 Молчишь ты, Главка? Я тебѣ на волю
 Рѣшенье оставляю.

Главка.

Мнѣ, родитель?

Креонтъ.

Тебѣ.

Главка.

Такъ слушай. Первая вина
 Раскаяньемъ заглажена довольно.
 Долгъ къ дѣтямъ выше трона и любви
 Онъ ставитъ, и прошедшее паденье
 Онъ выкупаетъ совершенствомъ новымъ.
 Преступника не вижу тамъ, гдѣ блещеть
 Герой... Язонъ, ты защитилъ отца,
 Я сердце отдала тебѣ въ награду;
 Не измѣнюсь;—да еслибъ и хотѣла,
 То не могу.

Креонтъ.

Желанью твоему
Я не хочу противиться. Но, слушай,
Язонъ. Престоль Коринѳа дѣтямъ Главки
Однимъ...

Язонъ.

Ты правъ; я первый защиту
Права ихъ. Но пусть тихо, съ ними вмѣстѣ,
Въ тѣни престола этого живутъ
И дѣти бѣдные Язона. Ничего
Я больше не прошу.

Креонтъ.

Я соглашаюсь.

Главка.

Мои желанья свершены! Язонъ,
Иди скорѣй и приведи малютокъ;
Я съ ними никогда не разлучусь.

Язонъ.

О, я люблю тебя вдвойнѣ!

IV.

КРЕОНТЪ, ГЛАВКА, ЭВМЕЛЬ.

Креонтъ.

Твоимъ желаньямъ
Да будетъ благосклонно небо!

Эвмель.

Царь!

Креонтъ.

Что хочешь ты?

Эвмель.

Лесбосская царица
Пристала къ берегу въ ладѣ, гонима бурей,
И просить во дворцѣ, пока утихнетъ море,
Убѣжища.

Креонтъ.

Оно для ней готово.
Зови ее отъ имени Креонта.

У.

КРЕОНТЪ, ГЛАВКА, ЯЗОНЪ и дѣти.

Язонъ.

Вотъ дѣти. Къ милостямъ твоимъ, Креонтъ,
Прибавь послѣднюю и большую: невинныхъ
Малютокъ родственно прими.

Креонтъ.

Они твои.

Могу-ль я ненавидѣть ихъ?

Главка.

Придите,

О милые! Смотри, Язонъ, какъ я
Ихъ обнимаю.

Язонъ.

Дорогая Главка!

Главка.

Когда захочешь видѣть ихъ, зови
Меня, дѣтей увидишь ты со мною.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

МЕДЕЯ, ЛИЗИСКА.

Медея.

Я наконецъ тебя ногами понижаю,
Земля Эллады! низкій край, обильный
Измѣнниками и ворами, на тебя
Нетщето я ступаю, подо мной
Дрожишь ты, будто узнаешь Медею...
Такъ вотъ Коринѣъ, и вотъ дворець Креонта!..
Я далеко еще, но я достигну,
Надѣюсь, я достигну... или море

Во глубинѣ своей навѣкъ схоронить
 Любовь и гнѣвъ и стыдъ Медей!.. Другъ
 Лизиска, помни, мы въ чужой странѣ,
 Быть—можетъ, вражей, мы у грековъ. Помни,
 Что я тебѣ хранить велѣла тайну
 Объ имени моемъ; я называюсь здѣсь
 Царицею Лесбосской.

ЛИЗИСКА.

Повинуюсь.

Ты знаешь, я люблю тебя такъ много.
 Пять лѣтъ ужъ я съ тобой дѣлю молчанье
 И слезы.

МЕДЕЯ.

Развѣ плачу я?

ЛИЗИСКА.

О нѣтъ...

Когда—бъ хотъ разъ со мной ты раздѣлила
 Тебя снѣдающую скорбь; хотъ разъ
 Услышала—бъ я отъ тебя, зачѣмъ
 Скитаешься ты столько лѣтъ по свѣту,
 Изъ края въ край, не зная утомленья,
 Волнамъ и бурямъ довѣряясь, вѣчно
 Съ стремленьемъ новымъ...

МЕДЕЯ.

Я молчу пять лѣтъ,
 И хочешь ты, чтобъ я теперь сказала?...
 Настанетъ день, и все узнаешь ты,
 И слезы ужасомъ замѣнишь... Вижу,
 Сюда идутъ. То вѣрно царь Креонтъ.
 Съ нимъ женщина...

II.

КРЕОНТЪ, ГЛАВКА, МЕДЕЯ, ЛИЗИСКА.

КРЕОНТЪ.

Да будетъ, о царица,
 Счастливымъ для тебя тотъ день, когда

Креонтъ тебя въ домъ своемъ приѣмлетъ
И чествуетъ. Тебя примчала буря
Къ землѣ моей, — но для чего супруга
И свой дворець оставила ты, грознымъ
Волнамъ довѣрясь, — неизвѣстно мнѣ, —
И я узнать желалъ-бы.

Медея.

Добрый царь,
Да улыбнется рокъ тебѣ, исполнивъ
Всѣ дни твои и счастья и славы.
Твой дружескій привѣтъ и обращенье,
Твой видъ почтенный, все внушаетъ мнѣ
Довѣренность. Я здѣсь, въ твоемъ жилищѣ,
Подъ благородною твоей защитой,
Спокойна буду. Здѣсь я ненадолго;
Лишь только принесу я жертвы, тайно,
Какъ мнѣ велѣлъ оракуль... Не могу
Открыться больше.

Креонтъ.

Я не вопрошаю.
Лицо твое хранить слѣды печали;
Желалъ-бы я, чтобъ подъ моею кровлей
Повеселѣла ты. Опасность бури,
Которой ты избѣгла, можетъ-быть,
Тебѣ тревогой взволновала сердце?

Медея.

Во мнѣ самой гроза... страшнѣй.

Креонтъ.

Понятно.

Оставить родину, боговъ отцовскихъ —
Причина есть для скорби. Но тебя
Должна утѣшить мысль, что скоро (небо
Твою надежду да исполнить!) скоро
Увидишь ты родителя, — когда
Еще тебѣ онъ сохраненъ богами. —
Сестерь и братьевъ, и въ кругу веселомъ,
Супруга твоего, дѣтей твоихъ...

МЕДЕЯ.

Моихъ дѣтей!

КРЕОНТЪ.

Ты мать?

МЕДЕЯ.

Была.

КРЕОНТЪ.

Прости,

Что я невольнo тронулъ рану сердца...
Вѣрь, что судьба пошлетъ еще потомство.

МЕДЕЯ.

Я принимаю предсказанье.

КРЕОНТЪ.

Горе

Свое разсѣять можешь здѣсь немного,
Взоръ обративъ на новые предметы.
Ты въ Греціи, быть-можетъ, въ первый разъ;
Тебѣ пріятно будетъ видѣть землю
И города, обычаи, искусства,
Все незнакомое, — и тѣмъ пріятнѣй,
Когда ты, взрослая межъ варваровъ, сравнишь
Различные народы межъ собою.

МЕДЕЯ.

И варваровъ и грековъ знаю я,
И больше узнавать ихъ не желаю.
Тебѣ я благодарна за привѣтъ,
И отъ него, какъ видишь, веселѣю.

КРЕОНТЪ.

Еще повеселѣешь, видя бракъ
Любимой дочери моей, единственной; ты свой
Припомнишь бракъ; въ воспоминаньи счастья
Есть наслажденье вѣчное. Собою
Ты такъ прекрасна; благородствомъ сердца
Сіяешь такъ, что вѣрно одѣлила
Тебя судьба щедротами любви
И вѣрности супруга.

Медея.

(О мученье!)

Креонтъ.

Меня забота важная зоветъ;
Но оставляю дочь съ тобой. Царица,
Прошу тебя считать ее сестрой.—
Прими о ней заботу, Главка; больше
Приказывать я не считаю нужнымъ.
Когда настанетъ часъ, я возвращусь
Вести тебя во храмъ.

III.

МЕДЕЯ, ГЛАВКА, ЛИЗИСКА.

Медея.

(О, еслибъ отъ нея

Могла узнать я о невѣрномъ!)

Главка.

Пойдемъ, царица; я хочу сама
Отвести тебя въ твой покой; отдохъ
Тебѣ, быть-можетъ, нуженъ.

Медея.

Если можно,

Охотнѣй здѣсь останусь я съ тобою.

Главка.

Когда тебѣ пріятно это, я
Готова исполнять твои желанья.
Что ты хотѣла мнѣ сказать?

Медея.

Тебя

Алтарь ждетъ брачный?.. На какую землю
Чужую удалишься ты, когда
Разстанешься съ Коринѳомъ?

Главка.

О, благіе боги!

Родителя оставить? Какъ возможно!
Отъ горя оба мы умремъ. Одна

Я у Креонта дочь. Съ отцемъ я вѣчно
 Жила и буду жить, пока судьба
 Мнѣ сохранить его. И я на бракъ
 На этомъ лишь условьи согласилась,
 Хоть и была любима прежде. Развѣ
 Нетакъ ты сдѣлала сама?

МЕДЕЯ.

А твой
 Женихъ, онъ уступилъ тебѣ? Отчизны
 И царства, можетъ-быть, онъ не имѣеть?

ГЛАВКА.

Все отнялъ у него жестокой рокъ.
 Скиталець изгнанный, спасая жизнь свою,
 У насъ нашель пріютъ онъ, и судьба
 Здѣсь перестала гнать его.

МЕДЕЯ.

Ты знаешь
 Навѣрно, что не притворился онъ
 Въ любви къ тебѣ, изъ жажды власти?.. Сердце
 Прекрасное хранится подъ прекрасной
 Твоей наружностью; ты счастья стоишь,
 И я о счастья твоемъ молю боговъ.
 Но берегись, чтобъ не была на горе
 Та клятва въ вѣрности, которую даешь ты
 Безвѣстному скитальцу.

ГЛАВКА.

Ужъ три года
 Живеть онъ съ нами, я его узнала.
 Коринѣянь онъ не разъ водилъ къ побѣдѣ;
 Не разъ въ защиту моего отца
 Онъ пролилъ кровь свою. Его дѣлами, славой
 Полна вся Греція и дикая Колхида.

МЕДЕЯ.

Колхида... Боги!

ГЛАВКА.

Чтожъ ты удивилась?

МЕДЯ.

(Возможно-ли?.. Медя, успокойся,
Не измѣни себѣ.) Скажи мнѣ, изъ героевъ,
Въ Колхиду приходившихъ, твой женихъ
Который?

ГЛАВКА.

Побѣдитель.

МЕДЯ.

(Сердце рвись на части!...

Но во время еще пришла я.) — Ты...
Ты любишь-ли его?

ГЛАВКА.

Люблю-ль я?

Какъ не любить его! Онъ силенъ, благороденъ,
Великодушенъ, храбръ и такъ прекрасенъ,
Герой Колхиды и отца защитникъ,
Опора царства нашего!.. Когда-бы
Его ты знала, ты сама-бы стала
Моей соперницей.

МЕДЯ.

А онъ... тебя онъ любить?

ГЛАВКА.

Надѣюсь. Столько разъ онъ говорилъ
И клялся мнѣ... Трещешь ты, царица?

МЕДЯ.

Я трещу?.. Ты трепетать должна!

ГЛАВКА.

Что говоришь ты? Въ гнѣвѣ ты, блѣднѣешь!..

МЕДЯ.

Я за себя спокойна... О тебѣ
Забочусь больше, чѣмъ ты думаешь...

ГЛАВКА.

(Она

Меня пугаетъ страшными словами...
О, небеса!..)

МЕДЯ.

Скажи мнѣ... Твой женихъ

Всю повѣсть свѣтлыхъ подвиговъ своихъ
Разсказывалъ тебѣ?

ГЛАВКА.

И очень часто.

МЕДЕЯ.

А преступленія его... Медея...
О нихъ ни слова?

ГЛАВКА.

Онъ мнѣ все довѣрилъ.

МЕДЕЯ.

И любишь ты его, и отдаешься
Ему предъ алтаремъ?

ГЛАВКА.

Я вижу, ты

Язона мало знаешь, иль всего
Не знаешь о Медеѣ, объ ужасной
Ея судьбѣ. Молвой ты, вѣроятно,
Обманута. Такъ отъ меня теперь
Всю правду выслушай и разрѣши —
Преступень онъ и я должна-ль бояться.

МЕДЕЯ.

Довольно. Я все знаю.

ГЛАВКА.

Ужели могъ

Язонъ съ кровавою рукой убійцы
Соединить свою? Ужъ онъ виновень былъ
И тѣмъ, что полюбилъ ее... Я не Медея
И не боюсь ея судьбы. Рука
Моя чиста отъ крови, чисто сердце
Отъ преступленья...

МЕДЕЯ.

Слышу. О, Язонъ,

Ты выказалъ себя вполнѣ, оклеветавъ
Медею передъ міромъ!

ГЛАВКА.

(Небеса!)

МЕДЕЯ.

Мнѣ остается только разспросить
О сыновьяхъ Медей.

ГЛАВКА.

Ты ихъ знаешь?

Они живутъ со мной.

МЕДЕЯ.

Съ тобой?... Съ тобою?..

Ты мачиха — и воспитаешь ихъ?

ГЛАВКА.

И сберегу ихъ лучше, чѣмъ Медея
Ребенка брата сберегла. Малютки
Мнѣ жалки, милы столько-жъ, какъ Язону.
Они его утѣха, я-жъ могу
Сказать: меня онъ любить послѣ нихъ.

МЕДЕЯ.

(Она ихъ любитъ; есть еще надежда...
Я не могу скрыть слезъ.)

ГЛАВКА.

(Она перемѣнилась
Въ лицѣ, назвавъ дѣтей... О подозрѣнье!..)

МЕДЕЯ.

(Мое смущенье надо скрыть... Я плакать
Хочу, но плакать далеко отъ всѣхъ...)

ГЛАВКА.

Постой!

МЕДЕЯ.

Пусти меня.

ГЛАВКА.

Скажи мнѣ только:

Какъ ты узнала о Язонѣ?..

МЕДЕЯ.

Ты

Сама сказала, что... его дѣлами, славой,
Полна вся Греція и дикая Колхида...

IV.

ГЛАВКА одна.

Я трепещу... Что значать
Слова порывистыя, странныя? — Что значить
Гнѣвъ, молніей сверкающій во взорахъ...

V.

ЯЗОНЪ, ГЛАВКА.

Язонъ.

Тебя давно ищу я, о невѣста
Любимая! сказать тебѣ хочу
Всю благодарность сердца... Безъ тебя
Отець—бы могъ перемѣнить рѣшенье.
Я не былъ—бы покоенъ за дѣтей...
Но что съ тобой? скажи мнѣ, отвѣчай!

ГЛАВКА.

Я... съ гостьей нашей оставалась здѣсь...
И вѣришь—ли? Она мнѣ говорила
О дѣтяхъ, о Медеѣ...

Язонъ.

Неужели?

Лесбосская царица?..

ГЛАВКА.

Говорять,

Она лесбосская царица.

Язонъ.

Ты не вѣришь?

Подозрѣваешь?

ГЛАВКА.

Я... не знаю. Знаю,
Что видѣла, что слышала ее...
По красотѣ ея, по гордости, по скорби
Глубокой и по злобѣ въ яркихъ взорахъ,
По бѣшенству, едва скрываемому... больше

По грознымъ и загадочнымъ словамъ,
Мнѣ показалось, что она... Медя.

Язонъ.

Отбрось сомнѣнья, Главка, успокойся.
Какъ ей сюда достигнуть изъ Колхиды?
Моря безвѣстны, бурны; ихъ донинѣ
Лишь я одинъ, съ опасностію жизни,
Впервые переплылъ. Она напрасно
Рѣшилась—бы на то, когда—бъ посмѣла
Рѣшиться.

Главка.

Ты покой мнѣ возвратилъ.
Я становлюсь робка, затѣмъ, что пылко
Люблю тебя. Пока еще тебѣ
Я несовсѣмъ принадлежу, я тѣни
Страшусь. Соперницы ужасный образъ
Все носится передо мною... Лучше,
Когда—бъ ты мнѣ не говорилъ о ней.

Язонъ.

А лучше, еслибъ ты о ней забыла.
Иди къ отцу; часъ гименея близокъ. —
Твой страхъ разсѣется.

VI.

Язонъ.

Ея слова

Мнѣ подозрѣнье заронили въ сердце...
Да... я Медю знаю хорошо!
Увы, я знаю, что въ своихъ рѣшеньяхъ
Она не отступдетъ!.. Незнакомку
Я долженъ видѣть, долженъ расспросить...
О, неизвѣстность худшее изъ золь!
Избавьте, боги, въ этотъ свѣтлый день,
Насъ всѣхъ отъ неожиданной печали!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

I.

Медея.

На что рѣшиться?.. Часъ насталь скорѣй,
 Чѣмъ ожидала я, часъ испытанья
 Последняго... Далекія моря,
 Перенесенные труды и непогоды,
 И рядъ ночей безъ сна... О, но всего тяжелѣ
 Мой настоящій часъ! О, сколько новыхъ
 Опасностей кругомъ и сколько новыхъ фурій
 Въ моей груди!... Братубійца я...
 Но я обманутая мать! Мнѣ измѣнила
 Любовь, а я вѣрна! И право и желанье
 Мнѣ въ жизни сохранилось лишь одно:
 Въ сомнительной надеждѣ снова быть
 Женой и матерью, — иль совершить послѣдній
 Свой замысль — отомстить и умереть...
 И послѣ пятилѣтняго страданья
 Гдѣ я нашла невѣрнаго? О небо!
 Съ соперницей! Его и сыновей —
 Все отняла она, все! Горе, горе!..
 О бѣшенство! И будетъ жить она?..
 Я—гостя у нея въ дворцѣ, одна,
 И беззащитна я стою у трона
 Соперницы, средь сторожей ея!..
 Чтожь, такъ и быть. Бой равень. Я одна
 Иль побѣдить, иль отомстить съумѣю. —
 Я для побѣды все употреблю —
 Коварство и мольбы, и слезы... Тяжко
 Мнѣ это средство!.. Если-жь нужно мщенье—
 Я буду непреклонна и тверда!

II.

ЛИЗИСКА, МЕДЕЯ, потомъ ЯЗОНЪ.

ЛИЗИСКА.

Медея!

МЕДЕЯ.

Что?

ЛИЗИСКА.

Язонъ идетъ за мною.

МЕДЕЯ.

Язонъ! Я жду его. Оставь меня. —

Вотъ онъ, вотъ онъ! Вся кровь моя кипитъ...

Язонъ (*узнавая Медею, останавливается*).

О, праведные боги!

МЕДЕЯ.

Чтожъ, бѣги, —

Бѣги—же, низкій! Бѣгству ты давно

Могъ научиться — первая наука

Измѣнниковъ.

Язонъ.

Она... иль это сонъ?

МЕДЕЯ.

Да, это я! Трепещешь ты, не вѣришь?

Да, это я. Взгляни въ лицо мнѣ! Что же?

Язонъ.

Чудовище! зачѣмъ пришла?

МЕДЕЯ.

А ты не знаешь?

Язонъ.

Чьей крови жаждешь ты еще?

МЕДЕЯ.

Что ты сказалъ?

Злодѣй! Ты упрекаешь? И ты смѣешь?

Такъ я преступница, ты мой судья?..

О, сознаюсь, преступна я, — не въ кражѣ

Руна златаго, также не въ обманѣ

Родителя и не въ убійствѣ брата, —

Преступна въ томъ, что я тебя любила,
 Кому нѣтъ равнаго въ обманѣ, въ злобѣ!...
 Зачѣмъ пришла я? спрашиваешь ты. —
 Зачѣмъ бѣжалъ ты? отвѣчай мнѣ прежде.
 Быть-можетъ ты хотѣлъ моей винѣ
 Остаться непричастнымъ? О, напрасно!
 Всѣмъ преступленьямъ ты одинъ причиной. —
 Въ моей груди невѣдомое пламя
 Ты подвнялъ... знаешь ты, я не лгала!
 То знаетъ и алтарь Киприды, первый
 Услышавшій коварный голосъ твой;
 То знаетъ мой покой уединенный,
 Куда ты тайно прибѣгалъ не разъ.
 Была горда я, плакала, просила, —
 Но сердце ужъ тебѣ принадлежало!...
 Что оставалось мнѣ, чтобы спасти
 Дѣтей твоихъ, спасти тебя? Самой
 Погибнуть, обманувъ отца, оставить
 Его, забыть боговъ отчизны... Все
 Исполнила я это; въ васъ троихъ
 Былъ весь мой мѣръ, и ни одной слезою
 Я не посмѣла огорчить тебя.
 Я скрыла жалобы, я скрыла горе,
 Спокойно шла я за тобой; опасность...
 Мнѣ помрачила умъ твоя опасность...
 Но что я говорю? Да, я преступна!
 Братоубійца я, но для тебя!
 Кровь пролила я, но за кровь твою,
 За кровь твоихъ дѣтей, дѣтей моихъ!
 Да, я чудовище, я это вижу, знаю, —
 Терзанья совѣсти мнѣ говорить,
 Что я чудовище, — боговъ и смертныхъ ужасъ!..
 Но ты одинъ изъ смертныхъ и боговъ,
 Ты долженъ сострадать ко мнѣ, — а ты
 Предалъ меня!.. Язонъ, о, что ты сдѣлалъ?
 Ты отнял у меня дѣтей, супруга,
 Отца, отечество, надежду, все,

Все, кромѣ памяти о преступленьи, —
И недовольно этого, — дѣтей
Ты отдалъ мачихѣ, и доверяя
Свою жестокость, разгласилъ по свѣту
Вины Медей!.. О злодѣй, пусть небо
Меня съ тобой разсудить и накажетъ
Того, кто болѣе виновень!

Язонъ.

О, Медея!

Небесный гнѣвъ, который, мнѣ казалось,
Уже простилъ меня, на горе мнѣ
Тебя привелъ сюда. Какимъ ужаснымъ
Предчувствіемъ мнѣ сердце наполняетъ
Твое присутствіе! О, можетъ-быть, судьба
Преступныхъ здѣсь свела для наказанья!
Мнѣ казнь ужъ то, что вижу я тебя —
Подумай, — казнь твоя жесточе будетъ.
Бѣги-жъ: накажутъ боги и за то,
Что говоримъ мы здѣсь, и громъ Зевеса
Надъ нами грянуть можетъ... О, боги!
Чего надѣешься ты отъ меня, иль хочешь?
Чего ты требуешь? Чтобъ я несчастнѣй
Сталъ, чѣмъ былъ я? Меня вполне несчастнымъ
Ты сдѣлала уже своею злобой,
Отнявъ возможность у меня — загладить
Мою вину, назвавъ тебя женой.
Не думаешь-ли страшную награду
Братоубійства получить теперь?
Напрасно! Ты природу и боговъ
Неслыханнымъ злодѣйствомъ возмутила.
Невѣрнымъ, нечестивымъ, недостойнымъ
Зови меня, — все заслужилъ я, знаю,
Но я не измѣнюсь, судьба такъ хочетъ;
И кромѣ ужаса — другаго чувства
Къ тебѣ имѣть я не могу... Медея,
Возненавидь меня, когда забыть не можешь,

Возненавидь! Мнѣ ненависть твоя
Защита отъ разгнѣванныхъ боговъ.

Медея.

Да, я должна тебя возненавидѣть,
Но не хочу и не могу. Судьба!
Удѣлъ твой — ненавидѣть, мой — любить...
Да, я люблю тебя, неблагодарный,
Люблю, напрасно отъ самой себя
Въ порывахъ бѣшенства любовь скрывая...
Люблю тебя, отчаянно люблю,
Хоть ты того не стоишь. Столько лѣтъ,
Какъ ты меня оставилъ, столько лѣтъ,
Какъ я живу тѣмъ, что ищу тебя,
Зову тебя ужъ столько лѣтъ; въ пустыняхъ,
Въ лѣсахъ, и по утесамъ и по бурнымъ
Волнамъ скиталась я вездѣ за тобою,
Усталости не зная. Наконецъ
Мы встрѣтились... Не отвергай меня!
О, да не будетъ все напрасно, вѣрность,
Любовь моя! Я все тебѣ прощаю!
Забудь мою вину; изъ жалости подай
Мнѣ руку, выведи меня изъ этой бездны
Гдѣ за любовь къ тебѣ я погибаю:
Отдай дѣтей мнѣ, назови меня
Своей женой... Одной надеждой этой
Жила пять лѣтъ Медея въ тяжкихъ мукахъ.

Язонъ.

Напрасны жалобы. Я твердъ въ моемъ рѣшенъи.
Ты—мнѣ жена? я—мужъ твой?... О, послушай!
Съ той самой роковой минуты я
На всѣ твои слова отвѣтомъ слышу
Подземный голосъ... Да, онъ мнѣ знакомъ!
То голосъ брата, онъ взываетъ къ намъ:
—«Ужель кровавый бракъ вы совершите,
Злодѣи?...» Ужасъ!

Медея.

Также голосъ слышу

И я, другой, несхожий съ этимъ голосъ,
Плачь, стонъ моихъ дѣтей: — отдай имъ мать!

Язонъ.

Дѣтей?.. Увы!.. Да, въ нихъ осталась часть
Тебя, еще невинная, — она-то
И дорога мнѣ... Поручи ихъ небу.
Защитники невиннымъ небеса
Имъ посылають тронъ и мать другую.

Медя.

Какъ, мать другую сыновьямъ моимъ?..
Язонъ, о, слушай, слушай!.. Такъ и быть,
Не буду говорить о бракѣ... о любви
Не буду говорить... но, къ моему страданью
Не прибавляй еще страданія, не дай
Увидѣть мнѣ тебя съ другой женою!
Язонъ, ты слышишь? О, не допусти
Чтобъ къ фуриямъ, мнѣ растерзавшимъ сердце,
Прибавилась еще и ревность! Если
Я не должна твоею быть женой, —
Ты въ вѣрности другой не смѣешь клясться —
Ты клялся мнѣ, Язонъ!

Язонъ.

Ты эту клятву
Сама расторгнула. И честь и благодарность
Меня связали съ женщиной другой;
Довольно измѣнить однажды.

Медя.

Да, она
Нужна тебѣ, и ты ей вѣренъ!.. Но,
Я уступлю и въ этомъ. Все снесу я —
Я мать!.. Моихъ дѣтей, неблагодарный,
Отнять не смѣешь ты. Мои права надъ ними
Священнѣ твоихъ. Отдай дѣтей мнѣ, —
Я удалюсь... утѣшена... Иль если
Не можешь самъ ты разлучиться съ ними,
Позволь, я буду жить близъ нихъ и плакать, —

Твоей рабыней буду я... склонюсь
Передъ соперницей.

Язонъ.

Съ моей женою
Ты хочешь жить?.. Одною этой мыслью
Я возмущенъ...

Медя.

Ты отказалъ мнѣ!

Язонъ.

Да,

Я отказалъ.

Медя.

Убей меня.

Язонъ.

Медя,

Ты обезумѣла!

Медя.

Во всемъ, и въ смерти
Ты отказалъ мнѣ... и ты знаешь, кто я?

III.

Тѣже и ГЛАВКА.

Медя.

Ты правъ: намъ смерти мало. Здѣсь Язона
Съ Медеею судьба соединила
Для новой казни.

Главка.

Боги, что я слышу?

Язонъ.

Увы!

Медя.

А, Главка! подойди, не бойся,
Что предъ тобой Медя. Торжество
Великое — увидѣть скорбь и ярость
Соперницы оставленной. Приблизься,
Утѣшь и обними супруга. Скоро
На ложе брачное взойдешь ты съ нимъ.

Не медлите — день счастья улетитъ,
 День плача близокъ. О, и я когда-то,
 Какъ ты теперь, блаженствовала съ нимъ!
 Въ отчаяннѣ живу я... близокъ часъ,
 И ты въ отчаяннѣ жить будешь, ты узнаешь,
 Какъ станешь матерью...

ГЛАВКА.

Несходны мы,

И мнѣ бояться нечего.

МЕДЕЯ.

А! гордость!

ГЛАВКА.

Не слишкомъ-ли горда я предъ тобою?

МЕДЕЯ.

Неслишкомъ: ты съ Медеей не сравнишься.

ГЛАВКА.

Въ жестокости? О, вѣрю!

МЕДЕЯ.

И въ любви.

Мою любовь я страшно доказала, —

Спроси его.

ГЛАВКА

Любовь? И то любовь?

Когда ты въ ней ужасна, что-жь ты будешь

Когда возненавидишь?

МЕДЕЯ.

Что сама ты?

Ни добродѣтелей твоихъ, ни преступлений

Никто не знаетъ.

ЯЗОНЪ.

Праведные боги!

Умолкните!

МЕДЕЯ.

Убей меня — умолкну;

Пока жива, предъ небомъ и землей

Я буду говорить!.. О, трепещи,

Соперница! Ты отняла супруга,

Ты отняла дѣтей — твоя вина
 Моей вины преступнѣй. Нечестивецъ
 Забылъ, что клялся мнѣ и измѣнилъ,
 Но ты сообщницей быть не должна: тотъ хуже
 Преступника, кто счастья ждетъ себѣ
 Отъ преступленія другихъ.

ГЛАВКА.

Гдѣ-жъ право
 Твое надъ нимъ? Какіе алтари
 Приняли вашу клятву?

МЕДЕЯ.

Наши дѣти.
 Ты женщина, — о, трепещи! ты знаешь,
 Что можетъ ревность женщины? — Страшись
 Узнать Медей ревность.

ГЛАВКА.

Ты грозить?

ЯЗОНЪ.

Безумная! (*Главкѣ*) Прости ее.

МЕДЕЯ.

Ты просишь
 Прощенья за меня... и у нея?
 О, мѣра оскорбленій совершилась!

IV.

Тѣже и КРЕОНТЪ.

КРЕОНТЪ.

Готово торжество, горятъ огни,
 На алтарѣ курится еиміамъ.
 Вслѣдъ за отцемъ идите въ храмъ, о дѣти.
 Пусть благосклонны будутъ небеса
 Желаньямъ сердца нашего! Царица,
 Когда тебѣ угодно раздѣлить
 Веселье...

МЕДЕЯ.

Мнѣ?.. Да, я зажгу для васъ
Всѣ пламенники ада... свѣтъ приличный
Такому браку...

КРЕОНТЪ.

Что она сказала?

Что съ ней?

ГЛАВКА.

Отецъ, она — Медея!

КРЕОНТЪ.

Кто?

Медея?.. Недостойная, ты смѣла
Креонта обмануть? И въ этотъ домъ,
Гостепріимно странницу принявшій,
Ты преступленья тяжкія внесла...
Сейчасъ оставь Коринѣ, небесный гнѣвъ
Присутствіе твое мнѣ предвѣщаетъ...
Пойдемъ, о дочь, пойдемъ, Язонъ...

МЕДЕЯ.

Постой!..

ЯЗОНЪ.

О страшный день!

КРЕОНТЪ.

Пойдемъ.

МЕДЕЯ.

О мой Язонъ,

На вѣки я тебя теряю!

КРЕОНТЪ.

Стража,

Безумной женщинѣ закройте выходъ. (*Уходятъ*).

МЕДЕЯ.

Тебя зову, единый богъ мой, мщенье!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

ЛИЗИСКА.

Куда бѣгу? что дѣлаю? Кого
 Изъ смертныхъ или безсмертныхъ призову
 На помощь горестной Медеѣ?.. Молчалива,
 Блѣдна, дрожащая, едва дыша,
 Потупивъ очи, ни жива она,
 Ни мертвая... Напрасно я зову —
 Не отвѣчаетъ; прижимаю къ сердцу, —
 Она меня отталкиваетъ, знакомъ
 Мнѣ говоря, что мыслью занята,
 Чтобъ я не прерывала... Что же
 Медея замышляетъ? Сердце полно
 Предчувствія неслыханныхъ несчастій.
 Она идетъ... Ужъ видъ одинъ ея
 Страшитъ меня.

II.

ЛИЗИСКА, МЕДЕЯ входитъ медленно и останавливается среди сцены, неподвижно смотря въ землю. Лизиска нѣсколько разъ хочетъ подойти къ ней и не смѣетъ, наконецъ рѣшается.

ЛИЗИСКА.

О милая царица,
 Хоть разъ мнѣ отвѣчай! Она не слышитъ.
 Медея, обрати свой взоръ къ подругѣ
 Твоей и успокойся.

МЕДЕЯ.

Я спокойна.

ЛИЗИСКА.

Твое спокойствіе ужасно. О, подумай
 Скорѣе объ опасности своей,

Чѣмъ о другихъ и счастья ихъ. Подумай,
Ты здѣсь одна и беззащитна!

МЕДЕЯ.

Я?..

Не беззащитна я, а безоружна.

ЛИЗИСА.

И ты надѣешься?

МЕДЕЯ.

Да, многого я жду...

Отъ времени.

ЛИЗИСА.

Быть—можетъ, ты забыла: —

Креонтъ велѣлъ тебѣ его дворецъ

Сейчасъ оставить.

МЕДЕЯ.

Помню.

ЛИЗИСА.

Неужель

Ты хочешь ждать, чтобъ силой...

МЕДЕЯ.

Силой!... Силой!..

О бѣшенство! нѣтъ, мертвую меня

Скорѣ увлекутъ отсюда!

ЛИЗИСА.

О Медея!

Я на лицѣ твоємъ читаю замысль мщенья,

Кровавый помысль... Ты молчишь? Признайся!

Невѣрнаго ты хочешь умертвить.

МЕДЕЯ.

Убить Язона?.. Нѣтъ... клянусь тебѣ.

Смерть—казнь короткая и... правосуднѣ

Медея.

ЛИЗИСА.

Что слышу! Голоса...

Всѣ въ торжествѣ сюда идутъ изъ храма.

(Медея убѣгаетъ въ отчаяніи. Брачная процессія проходитъ по сценѣ. Креонтъ возвращается одинъ.)

III.

КРЕОНТЪ, ЛИЗИСКА.

КРЕОНТЪ.

Что вижу я? Ты — спутница Меду?
 Такъ здѣсь еще она осталась, преступивъ
 Приказъ мой?

ЛИЗИСКА.

НѢТЬ... Царь, выслушай меня.

Къ повиновенію она готова,
 Повѣрь... но горестъ... силы не достало
 У ней уѣхать. Еслибъ видѣлъ ты,
 Какъ измѣнилась въ этотъ часъ она,
 И еслибъ слуха твоего достигъ
 Хоть вздохъ ея одинъ, о, вѣрно...

КРЕОНТЪ.

Слышу.

Скажи, что съ ней я говорить желаю.

(Лизиска уходитъ.)

Преступница! Присутствіе ея
 Меня тревожитъ. Ёхать должно ей.
 Но состраданье къ ней я чувствую; печаль
 Ея равняется съ проступками несчастной.

IV.

МЕДЕЯ, КРЕОНТЪ.

МЕДЕЯ.

(Какъ кстати для моихъ намѣреній пришелъ онъ!)

КРЕОНТЪ.

Послушай-же. Быть-можетъ, нѣтаковъ
 Я покажусь тебѣ, какимъ казался прежде.
 Лесбосскою царицей назвалась ты—
 Колхидская Медея. Да, тебѣ
 Дано природой свойство — измѣнять
 Всѣмъ. Измѣнила ты отцу... другому
 Еще... въ Колхидѣ. Въ Грецію пришла,
 И также здѣсь измѣной заплатила
 За мой привѣтъ. Ты больше мнѣ не гостя.

Ты первая разорвала союзъ,
 Внеся въ мой тихій и счастливый домъ.
 Страхъ имени Медей. Стоишь, казни
 Въ Колхидѣ ты и въ Греци. Въ Колхидѣ
 Тебѣ спасенье оставалось въ бѣгствѣ;
 Изъ состраданія тебѣ здѣсь, тоже
 Я позволяю. Уѣзжай и гнѣва
 Не возбуждай во мнѣ. Не въ первый разъ
 Тебѣ приказываю я... остерегись
 Чтобъ въ третій я не повторилъ.

Медя.

Напрасенъ!

Твой гнѣвъ. Бѣжать... я только и желаю!
 Оставить эту горестную землю,
 Гдѣ вдругъ погибли всѣ мои надежды,
 Гдѣ страшный, праведный небесный гнѣвъ
 Надъ головой моею разразился.
 Давно-бъ ужъ подняла я паруса,
 Стремясь далеко скрыть мой стыдъ и горе, —
 Когда-бъ не это-жъ горе, что во мнѣ
 Всю кровь и душу возмущаетъ... Случай
 Привелъ еще съ тобой мнѣ говорить, —
 И то, о чемъ я говорить должна, —
 Велико и священно.

Креонтъ.

Говори,

Я слушаю.

Медя.

О добрый царь Креонтъ,
 Ты справедливо раздраженъ; прощенье
 Мнѣ новой благодарностию душу
 Къ тебѣ исполнило, упрекомъ новымъ,
 Что въ бѣшенствѣ тебя я оскорбила.
 Въ той безднѣ, гдѣ хотѣла-бъ я сокрыться
 Отъ свѣта дня, я память сохраняю
 О состраданіи твоёмъ; оно
 Одно благословенною звѣздой

Освѣтитъ мнѣ прошедшее — страданья
 И преступленія. Когда природа
 Благое сердце въ грудь тебѣ вложила,
 Узнай — что къ милостямъ твоимъ недостаетъ
 Главнѣйшей... и о ней я умоляю,
 И ты мнѣ не откажешь въ ней.

Креонтъ.

Что-жь это?

Медея.

Ты знаешь, я пять лѣтъ его искала...
 Супруга и дѣтей... И наконецъ,
 Найдя ихъ, снова и на вѣкъ теряю.
 Склоняюсь предъ заслуженной судьбой,
 Молчу, — затѣмъ, что ужасъ злодѣяній
 Моихъ весь предо мной предсталъ, и ясно
 Я вижу — право надъ дѣтьми и мужемъ
 Я потеряла. Недостойна я
 Язона. — Еслибъ было и возможно
 Его женою быть, я не хочу.
 Не смѣю требовать, чтобъ возвратили
 Дѣтей: они счастливы и спокойны
 Подъ покровительствомъ твоимъ... Но еслибъ
 Позволилъ ты, чтобы одинъ лишь разъ,
 Лишь на одну минуту, предъ разлукой,
 Я ихъ увидѣла. Уже съ утра
 Мы подъ одною кровлей; я при всякомъ
 Движеньи, голосѣ, который мнѣ
 Покажется за дѣтскій, обращаю
 Мой жадный взоръ кругомъ... О, какъ въ груди
 Отъ нѣжности мое трепещетъ сердце!...
 О, если дочь тебѣ мила, и если
 Надѣешься ты видѣть вокругъ себя
 Когда-нибудь растущее потомство,
 Малютокъ счастливыхъ... не откажи
 Въ послѣдней и единственной отрадѣ!
 Молчишь ты?... О, взгляни, твои колѣна
 Я обнимаю...

Креонтъ.

Встань и успокойся.
 (Какое новое мученіе!) Ты знаешь,
 Твоихъ дѣтей хранить и любить Главка.
 Къ ней обратись съ твоей мольбой; надѣюсь,
 Она согласна будетъ.

Медя.

Но посмѣю-ль
 Я на нее взглянуть?

Креонтъ.

Тебя вполнѣ
 Я въ этомъ понимаю. Пусть подруга
 Твоя идетъ къ ней. Самъ я буду тамъ,
 И если нужно, просьбу поддержу.
 Но твой отъѣздъ замедлится недолго;
 Я только часъ даю тебѣ, и если
 Ты не уѣдешь, — то умрешь.

Медя.

Лишь часъ?

Креонтъ.

Неболѣе.

Медя.

Довольно.

V.

МЕДЕЯ и ЛИЗИСКА.

Медя.

Боги ада,
 Благодарю васъ! — времени просила,
 У васъ я и его вы дали мнѣ!
 Старикъ безумный, смертью мнѣ грозишь
 И часъ даришь мнѣ, — цѣлый часъ Медеѣ!
 Ты сдѣлалъ хорошо — ты далъ мнѣ право
 На ненависть къ тебѣ и средство мщенья...
 Теперь устроимъ мщенье. Первой жертвой
 Падешь ты, гордая соперница. Несчастье

Свое предвидя, я пять лѣтъ готовлю
 Соперницѣ свой даръ... когда-то былъ онъ
 Залогъ любви, теперь онъ смертный даръ.
 Но дѣти... О, невѣрному еще
 Оставлю слишкомъ много, ихъ оставивъ;
 Всего лишиться долженъ онъ, какъ я
 Всего лишаюсь чрезъ него... О, дѣти!..
 Надежды лучъ блеснулъ мнѣ: ночь близка,
 Они сейчасъ въ моихъ объятыхъ будутъ...
 Мать скорбная, рѣшайся! можетъ-быть
 Найдется божество тебѣ на помощь!..
 Бѣги, Лизиска, драгоценный поясъ,
 Что мнѣ Язонъ въ Колхидѣ подарилъ,
 Подай скорѣе.

(Лизиска уходитъ).

Злобная судьба,

Все отняла ты, — не лиши единой
 Последней радости въ страданьи тяжкомъ—
 Отмищенія!.. Проклятая чета,
 Теперь, быть-можетъ, вмѣстѣ... О, зачѣмъ
 Я не могу ворваться въ ихъ чертогъ
 И прекратить однимъ ударомъ рядъ
 Ихъ упоительныхъ лобзаний!.. Но
 Недолговѣчно счастье, коротки
 Часы соединенія и счастья...
 Креонтъ считаетъ ихъ: лишь часъ остался,
 И меньше, если не обманетъ рокъ;
 Потомъ настанутъ жалобы и вопли,
 Отчаянье и черныя одежды,
 И смертное молчанье... Если-жъ небо
 Не дастъ мнѣ праведную месть свершить,
 Злодѣи! Вашъ порогъ я оболюю
 Моею кровью, на стѣнахъ я имя
 Медеи кровью напишу,—и въ нихъ
 Никто жить не осмѣлится.

ЛИЗИСКА (входитъ).

Вотъ поясъ.

МЕДЕЯ.

Иди съ нимъ къ Главкѣ, поднеси ей въ даръ
И то, что должно ей сказать, запомни.

ЛИЗИСКА.

Приказывай. Я трепещу.

МЕДЕЯ.

— « Царица,

« Прими послѣднее желанье побѣжденной
« Медеи; въ чуждую страну готова
« Она отплыть, съ раскаяньемъ, съ стыдомъ.
« Она тебя, страдая, оскорбила;
« Но разуму гнѣвъ уступилъ: она
« Прощенья молить у тебя и счастья
« Обнять дѣтей своихъ передъ разлукой.
« Не откажи ей. Поясъ въ даръ тебѣ
« Медея шлетъ, залогъ любви, — несчастной
« Носить его ужъ больше не пристало.
« Когда не примешь ты, отдай супругу.
« Медея ничего хранить не хочетъ,
« Что ей могло-бъ невѣрнаго напоминать. » —
Скажи, и поясъ положи покорно
Къ ногамъ ея, скажи еще, что хочешь,
Но чтобъ она, принявъ его, надѣла...
Тогда дѣтей мнѣ приведи.

ЛИЗИСКА.

О, боги!

Какое страшное намѣренье таится
Въ словахъ твоихъ? Быть-можетъ; поясъ — смерть...
Увы!.. а я, преступница...

МЕДЕЯ.

Какъ много

Себѣ, безумная, приписываешь ты!
Медея здѣсь, — кто-жъ можетъ совершить
Злодѣйства?... Повинуйся и ступай.
Но возвратись ко мнѣ сюда съ дѣтьми,
Или совсѣмъ не возвращайся. Вспомни,
Что только сердце матери во мнѣ

Осталось человѣческое... Что же
Ты медлишь? Если не уйдешь, кинжаломъ
Я грудь мою пронжу; кинжалъ ты видишь
И кровь на немъ? Кровь брата? И еще
Онъ жаждетъ крови!..

Лизиска.

О, ужасный день!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Ночь).

I.

МЕДЕЯ (*входитъ въ волненіи, прибли-
жается къ дверямъ комнаты
Глазки и слушаетъ*).

Молчаніе!.. Она еще жива...
Все нѣтъ еще дѣтей... Какъ долго время!
Чась роковой ужъ близится къ концу.
Ужели и послѣдняя надежда
Погибнетъ? А, идетъ Язонъ, и съ нимъ
Малютокъ двое... сердце ихъ узнало...
О, дѣти!.. Но зачѣмъ идетъ онъ самъ,
Онъ, недостойный? Или угадалъ онъ
Мой замысль?.. Трепещу... о, дѣти!..

II.

ЯЗОНЪ, двое дѣтей, **МЕДЕЯ**, **ЭВМЕЛЬ**. Язонъ приближается съ дѣтьми, Медея протягиваетъ къ нимъ руки, но не подходитъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не оставляетъ ихъ, тогда, обнявъ ихъ, она уводитъ ихъ на другую сторону сцены.

Язонъ.

Стереги

Всѣ выходы дворца, Эвмель. Никто

Не долженъ выходить, пока Медея
Съ моими сыновьями.

*(Медея обнимаетъ дѣтей и ры-
даетъ; Язонъ тронуть).*

(О, какъ сердце

Терзаетъ мнѣ ея печаль! И ужась,
И состраданье борятся во мнѣ...)
Медея... справедливое желанье
Твое Креонтъ сказалъ намъ. Ты безумье
Смирила нѣсколько... и мы нашъ правый гнѣвъ
Молчать заставили. Дѣтей прислала Главка,
Простивъ тебя, и приняла твой даръ.

Медея.

(Что слышу я? О, счастье!.. Близокъ часъ
Его мученья... Я устрою, низкій,
Что ты почувствуешь его вполнѣ.)

Сознаться должно, — я въ моемъ несчастьи
Спокойнѣй стала тѣмъ, что только Главкѣ
Медея уступила и супруга
И сыновей. Да, Главка такъ прекрасна,
Привѣтлива и благородна сердцемъ,
Что... даже я ее люблю невольно.

Язонъ.

Не знаю, правду-ли ты говоришь,
Но на лицѣ твоёмъ проходить что-то
Несходное съ словами. Можетъ-быть,
Ты притворяешься покорной для того,
Чтобы изъ жалости твой приговоръ
Мы измѣнили: часа одного
На мщенье мало для тебя. Быть-можетъ,
Въ душѣ ты мести замысль скрываешь,
Но нѣтъ надежды для тебя: должна
Ухвать ты — и то не позже часа.
Не замышляй злодѣйства... Отдаленье
И время облегчатъ твою печаль.
Такъ уступи судьбѣ. Я, если нужно

Готовъ тебѣ охотно предложить
Мои сокровища.

Медя.

Сокровища!

Язонъ.

Какъ знакъ

Моей заботы.

Медя.

О другихъ заботься.

Язонъ.

Иди-же. Возврати мнѣ сыновей.

(Беретъ дѣтей.)

Медя *(въ волненіи).*

(Несчастливая! Какъ удержать его?)

Язонъ.

Пойдемте, дѣти.

Медя *(на колынахъ, рыдая протягиваетъ къ нимъ руки).*

О, еще минуту!

(Язонъ тронуть; дѣти бѣгутъ къ ней сами).

Возлюбленные!.. Истинно ты счастливъ

Язонъ, ты щедро небомъ одаренъ...

Ты любишь ихъ?

Язонъ.

Люблю-ль?

Медя.

Люби ихъ вдвое!

Они того заслуживаютъ, вѣрь.

Въ прелестныхъ лицахъ я читаю ясно

И сердце нѣжное, и свѣтлый умъ, —

Все, чѣмъ ты нѣкогда гордиться будешь...

О дѣти бѣдныя, какую мать

Судьба дала вамъ! За нее природа

Прощенье выпросить у неба!

Язонъ.

(Въ ней сильнѣе

Страстей преступныхъ матери любовь.

Съ дѣтьми она, какъ будто не Медея...)
 Но, что я слышу? Стоны... Небеса!
 И голосъ Главки...

Голоса за сценой.

Помогите!

Язонъ.

Здѣсь я!

Несчастный, что случилось?..

(Убѣгаетъ).

МЕДЕЯ *(сначала слѣдуетъ за нимъ, потомъ останавливается и слушаетъ).*

Плачутъ!.. Радость!

Иди, невѣрный, — тамъ ждетъ новый брак!
 О дѣти, вы со мной, — со мной вы, дѣти!
 Одна лишь смерть насъ разлучить?.. Судьба,
 Не измѣни! Бѣжимъ... Прощай, Коринѣ, —
 Медея поражаетъ, убѣгая!..

(Схватываетъ одного ребенка на руки и уводитъ другаго.)

—
 III.

ЛИЗИСКА, потомъ **МЕДЕЯ** и дѣти.

ЛИЗИСКА.

О, кто спасетъ меня? Куда бѣжать?
 Медея гдѣ? Злодѣйка, обманула!
 О, Главка, бѣдная!.. Ахъ, я погибла!..

МЕДЕЯ *(возвращаясь).*

Безсмертные, остановить хотите
 Вы мщеніе мое, иль я должна
 Свершить его ужаснѣй.

ЛИЗИСКА.

Что свершила,

Ты, безпощадная, безумная?..

МЕДЕЯ.

Бѣжать? Нѣтъ, поздно. Заперты всѣ входы.

ЛИЗИСКА.

Что слышу, боги?.. Здѣсь еще Медея,
И адъ ждетъ новыхъ ужасовъ; мы вмѣстѣ
На страшную, заслуженную казнь
Осуждены.. Сообщницей твоею
Была я, о безумная! Я поясъ
Ей отнесла, и просьбами своими
Заставила ее надѣтъ его...
Несчастная! ужаснѣйшая боль
Всѣ члены охватила ей, и смертью
Проникла во всѣ жилы; съ громкимъ воплемъ
На землю бросившись, въ терзаньяхъ, тщетно
Она съ груди старалася сорвать
Твой адскій даръ... кругомъ, на помощь, тщетно
Бѣгутъ отецъ, супругъ, прислуга... Боги,
Кто зрѣлище печальное расскажетъ!

МЕДЕЯ.

Меня одной недоставало.

ЛИЗИСКА.

— Вмигъ

Надъ головой моею заблистали
Мечи... Какъ я жива, непостижимо!
На что рѣшишься ты? Всѣ жаждутъ крови
Твоей, и пролили-бъ ее давно,
Когда-бъ не спорили между собою.
Креонтъ назначилъ смерть тебѣ и дѣтямъ,
Спасти желая только ихъ отца.

МЕДЕЯ (про себя).

Другой убьетъ ихъ, или возьметъ Язонъ?

ЛИЗИСКА.

Креонтъ кричитъ: «Они ея изчадѣ,
Бѣда, когда останутся въ живыхъ —
Они отмстятъ современемъ за матерь!»

(Медея обнимаетъ дѣтей).

Язонъ сказалъ:—Въ нихъ кровь моя, дѣтей
Зоветь послѣднимъ счастьемъ и надеждой...

МЕДЕЯ (отталкиваетъ дѣтей)

О бѣшенство!

ЛИЗИСКА.

И молить онъ въ слезахъ,
Чтобъ смертію дѣтей не растерзали
Ему души; богами онъ клянется,
Что онъ навѣкъ отъ нихъ сокроетъ имя
Ихъ матери...

МЕДЕЯ.

А я напечатлѣю
Его такъ глубоко въ ихъ сердца, что ничѣмъ
Оно не сгладится...

ЛИЗИСКА.

Ты слышишь шумъ!
Онъ приближается...

МЕДЕЯ.

Здѣсь удержи ихъ.

ЛИЗИСКА.

Какъ удержать и чѣмъ?

МЕДЕЯ.

О, ненадолго,

Лишь на минуту!

(Уходитъ съ дѣтьми).

ЛИЗИСКА.

Что еще свершится?

IV.

ЛИЗИСКА, КРЕОНТЪ, ЯЗОНЪ, стражи.

Язонъ.

О, прежде въ грудь мою мечи вонзите,
Чѣмъ я увижу гибель сыновей!

Креонтъ.

Коринѣяне, дѣтей и мать убейте,
Проклятый родъ, исчадія чудовищъ!..

Язонъ, ты видишь бѣшенство мое,
И горестъ, уступи...

Язонъ.

Но я отецъ!

Креонтъ.

Я больше не отецъ!.. Несчастный!..

Язонъ.

Непреклоннымъ

Не будешь ты, Креонтъ, и правосудно
Да будетъ мщенье... Я его свершу,
Я самъ, сейчасъ, увидишь... Гдѣ Медея?
Гдѣ скрылася преступница? Сломайте,
Дверь эту, стража, и впередъ! ищите
Вездѣ... О, отъ меня ей нѣтъ спасенья!..

(Стражи начинаютъ ломать дверь).

У.

Прежніе, МЕДЕЯ.

Медея.

Медею вы зовете? Вотъ она.
Вы смертью ей грозите? Вотъ кинжалъ,
Запятнанный убійствомъ: кровью онъ
Горячею дымится...

Язонъ.

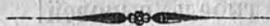
Дѣти... дѣти...

Чудовище!..

Медея.

Возьми ихъ... и живи!

*(Указываетъ на дверь и закалывается. Общій крикъ ужаса.
Занавѣсъ опускается).*

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЕМЕЙСТВА, ЗАБЛУДИВШАГОСЯ ВЪ ПУСТЫНѢ.

СОЧИНЕНІЕ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ,

Капитана Менъ-Рейда.

I.

БОЛЬШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ.

Въ Сѣверной Америкѣ есть большая пустыня, столь-же обширная, какъ и знаменитая африканская Сагара. Въ ней тысяча пятьсотъ миль длины и тысяча ширины. Еслибъ это была прямоугольная фигура, то составила-бы полтора милліона квадратныхъ миль.

Вообразите себѣ пустыню въ двадцать пять разъ обширнѣе Англи! Не заслуживаетъ-ли она названія *Великой американской степи*.

Когда вамъ говорятъ о пустынѣ, или когда вы находите это слово въ вашихъ книгахъ, то конечно воображаете большую песчаную равнину, безъ деревьевъ, безъ травы, безъ малѣйшей растительности.

Вы тоже воображаете себѣ этотъ песокъ, вздымаемый въ видѣ густыхъ, желтыхъ облаковъ, а степь, совершенно лишенную

воды. Вы ошибаетесь. Есть, конечно, во всѣхъ пустыняхъ песчанья равнины; но прочая поверхность представляетъ совершенно другой видъ, не переставая однакоже быть истинною пустынею. Хотя внутренность Сагары еще и неизслѣдована совершенно, но и въ ней есть гористыя мѣста, со скалами и долинами, озерами, рѣками и источниками. Есть плодоносныя мѣста, обитаемыя независимыми племенами, довольно многочисленными. Эти мѣста называются оазисами, и ихъ много въ африканской Сагарѣ.

Большая американская пустыня представляетъ тотъ-же видъ, но на поверхности ея больше разнообразія, или географическихъ особенностей. Въ ней множество источниковъ минеральныхъ, сѣрныхъ, соленыхъ. Иные кипятъ горячею водою. Не пробуйте рукою—вы обожжетесь.

Тамъ, на скатѣ горъ есть огромныя пещеры, и глубокія бездны посреди долинъ, такъ что, кажется, изъ этого мѣста вынута цѣлая гора. Ихъ называютъ *барранжосами*.

Тамъ видны отвѣсныя скалы въ тысячу футовъ вышины. Горы прорыты руслами рѣкъ, образуя природные туннели. Ихъ называютъ *пушками*. Вотъ особенности Великой американской степи.

Эта степь обитаема. Въ ней есть оазисы, гдѣ цивилизація основала колоніи. Новая-Мексика принадлежитъ къ этому числу, имѣя нѣсколько городовъ и до тридцати тысячъ жителей. Народонаселеніе состоитъ изъ испанцевъ и индѣйцевъ. Около Большаго Соленаго озера и Утахскихъ озеръ есть другой оазисъ, гдѣ въ 1846 году основана колонія изъ американцевъ и англичанъ: это секта маронитовъ.

Кромѣ этихъ двухъ большихъ оазисовъ есть тысячи другихъ, всѣхъ размѣровъ, отъ пятнадцати тысячъ миль поверхности до маленькаго уголка въ нѣсколько акровъ, оплодотворяемаго небольшимъ ручьемъ. Но большая часть послѣднихъ необитаема. Въ другихъ-же кочуютъ индѣйскія племена, имѣющія большія стада рогатаго скота и лошадей.

Кромѣ двухъ великихъ упомянутыхъ колоній, живутъ въ этихъ степяхъ и отдѣльныя семейства бѣлыхъ охотниковъ и траппистовъ. Они ловятъ бобровъ и гоняются за буфало и другими животными. Вся жизнь ихъ проходитъ посреди опасностей, въ войнѣ со звѣрями и съ дикими индѣйцами. Богатство ихъ

состоить въ бобровыхъ шкурахъ, куньихъ, мускусовой крысы, горностаевыхъ, лисьихъ и другихъ.

Промышленники построили, на большихъ между собою разстояніяхъ, форты, или коммерческія конторы. Тутъ трапписты мѣняють свои шкуры на боевые припасы.

По пустынь ѣздятъ и караваны. Между оазисомъ Новой-Мексики и Соединенными-Штатами давно ведется торговля, и товары перевозятся на мулахъ и быкахъ, въ длинныхъ телегахъ.

Другіе испанскіе караваны ходятъ по западной части пустыни, изъ Соноры въ Калифорнію, а оттуда въ Новую-Мексикку. Въ этомъ переѣздѣ на нѣсколькихъ сотъ миляхъ нѣтъ другаго чело-вѣческаго существа, кромѣ дикихъ индѣйцевъ, и есть такія безплодныя мѣста, что и эти кочующія племена не рѣшаются пускаться туда.

Караваны всегда идутъ по одной дорогѣ, по которой въ известное время года есть всегда подножный кормъ и вода. Отъ Соединенныхъ-Штатовъ до Новой-Мексики проложено нѣсколько подобныхъ дорогъ, или *трельсовъ*. Пространство между этими дорогами никому неизвѣстно, и конечно есть мѣста, куда еще не доходили люди.

Вотъ общія черты Великой американской пустыни.

II.

БѢЛЫЙ ПИКЪ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣхалъ я съ караваномъ купцовъ изъ Санъ-Луи на Миссиссипи въ Санта-Фе—въ Новой-Мексикѣ.

Мы ѣхали по обыкновенному *трельсу* изъ Санта-Фе. Не успѣвши сбыть всѣхъ нашихъ товаровъ въ Новой-Мексикѣ, мы пустились въ городъ Чигуагуа, далѣе къ югу. Тамъ, окончивъ дѣла, мы хотѣли возвратиться по той-же дорогѣ, но одинъ купецъ предложилъ намъ воспользоваться нашею поѣздкою *налегкь*, то есть безъ товаровъ, а съ одними деньгами, чтобъ проложить новый *трельсъ* черезъ равнину. Намъ хотѣлось открыть новую дорогу, кромѣ идущей изъ Санта-Фе, и мы надѣялись найти ее между городомъ Эль-Пазо на Дель-Норте и однимъ изъ пограничныхъ пунктовъ Арканзаса.

Прибывъ въ Эль-Пазо, продали мы свои вагоны, купили вьюч-

ныхъ муловъ и наняли потребное число *арьеросовъ* (погонщиковъ муловъ). Для себя-же взяли верховыхъ лошадей новомексиканской породы, которыя такъ хорошо выдерживаютъ путешествіе въ степяхъ. Сверхъ-того запаслись мы достаточнымъ количествомъ провизіи и платьевъ, и двинулись къ востоку.

Насъ было всего двѣнадцать человѣкъ: купцовъ, охотниковъ, одинъ рудокопъ и нѣсколько мексиканскихъ *арьеросовъ* съ мулами. Мы, разумѣется, всѣ были хорошо вооружены, и лошади наши были превосходны.

Сперва переправились мы чрезъ Скалистыя-горы, идущія съ сѣвера на югъ. Цѣпь на востокъ отъ Эль-Паза называется *Сьерра-де-Органсъ*, по сходству этихъ горъ съ трубками органовъ.

Въ этихъ горахъ много удивительныхъ предметовъ. На вершинѣ одной изъ нихъ есть озеро, котораго вода имѣетъ свои приливы и отливы, какъ океанъ. Никто еще не объяснилъ этого геологическаго явленія.

На берегахъ этого озера живутъ олени и дикія серны стадами. Мексиканскіе охотники не тревожатъ ихъ, потому-что суетворнымъ образомъ боятся горныхъ духовъ.

Мы легко отыскали въ этихъ горахъ проходъ, ведущій въ пустыню по ту сторону цѣпи. Нѣсколько дней ѣхали мы посреди восточныхъ склоновъ Скалистыхъ-горъ, и встрѣтили небольшую рѣчку, вдоль которой и продолжали путь. Она впадала въ большую рѣку, текущую съ сѣвера на югъ. Это была знаменитая рѣка Пекосъ, иногда называемая Пуэрка.

Переправясь черезъ нее, ѣхали мы нѣсколько дней по лѣвому берегу ея, надѣясь встрѣтить другую рѣку, текущую съ востока, чтобъ слѣдовать по ея теченію. Но какъ ее не оказалось, то мы и своротили на равнину. Взявши къ сѣверу нѣсколько далѣе, нежели рассчитывали, мы рѣшились переѣхать черезъ бесплодную степь, безпредѣльно простирающуюся къ востоку. Оставляя рѣку, не зная, найдемъ-ли мы воду по дорогѣ, было дѣло опасное.

Въ подобныхъ путешествіяхъ всегда держатся по теченію рѣкъ. Но намъ непременно хотѣлось отыскать какую-нибудь рѣку, впадающую въ Пекосъ съ востока, и мы рѣшились на это отважное предпріятіе. Напоивъ лошадей и муловъ до-сыта и наполнивъ наши бурдюки водою, мы смѣло пустились въ путь.

Нѣсколько часовъ спустя, мы уже были посреди дикой пустыни, безъ горъ, холмовъ и растительности. Только мѣстами были кусты дикаго шалфея и колючаго кактуса. Ни капли воды, и даже не было примѣтъ, чтобъ капля дождя когда-либо падала на эту равнину. Почва была суха, какъ порошокъ. Пыль, поднимаемая нашими лошадьми, образовала около насъ густыя облака. Жаръ былъ чрезвычайный. Насъ мучила жажда, и мы безпрестанно прибѣгали къ бурдюкамъ, такъ что до ночи они уже были пусты. Лошади больше насъ терпѣли. У насъ была пища, а у нихъ подъ ногами ни травки.

Воротиться уже нельзя было. Притомъ—же, намъ казалось, что непременно должны мы встрѣтить воду прежде того времени, какое нужно было, чтобъ возвратиться къ рѣкѣ.

Около вечера воскликнули мы всѣ отъ радости, увидѣвъ вдали, на горизонтѣ, бѣлое пятно, посреди голубаго неба. Это была вершина снѣжной горы, которая въ Мексикѣ называется *Невадо* (снѣговыми). А тамъ, гдѣ подобная гора, всегда есть ручьи, происходящіе отъ таянія снѣговъ. Эта мысль обрадовала насъ, и хотя гора казалась еще очень отдаленною, но мы бросились къ ней съ новыми силами и надеждою.

Бѣлый треугольникъ увеличивался по мѣрѣ нашего приближенія. При закатѣ солнца могли мы уже различить темную полосу земли ниже снѣга—и все продолжали путь.

Цѣлую ночь ѣхали мы впередъ. Да и зачѣмъ было намъ останавливаться? Въ подобномъ случаѣ отдыхъ значить смерть.

На разсвѣтѣ мы все еще ѣхали. Съ той минуты, какъ мы оставили берега Пекоса, вѣрно проѣхали мы сто миль, а гора все еще была далеко. Мы уже различали подошву ея и глубокий оврагъ, простирающійся почти до вершины. Это было на южномъ ея склонѣ; на западномъ ничего подобнаго не было. Мы разочли, что это русло потока, происходящаго отъ таянія снѣговъ.

Предположенія наши были вѣрны. Огибая подошву горы, увидѣли мы прекрасную траву, выдавшуюся въ степь. Даже видны были ряды ивъ и бумажно-хлопчатыхъ деревьевъ. Это былъ вѣрный знакъ присутствія воды. Мы вскрикнули отъ радости, а лошади заржали. Всѣ бросились къ свѣтлому ручью, и съ наслажденіемъ упивались этою водою.

III.

ДОЛИНА ОАЗИСА.

Послѣ такого ужаснаго и продолжительнаго пути вѣзмъ намъ нуженъ былъ покой. Мы рѣшились переночевать у этого ручья, а можетъ-быть и провести тутъ дни два.

Двойной родъ ивъ простирался на пятьдесятъ ярдовъ въ степь. Подъ тѣнью ихъ росла густая трава, извѣстная въ Мексикѣ подъ названіемъ *грамма*! Лошади и рогатый скотъ съ жадностью ѣдятъ эту траву, и наши начали дружно истреблять ее. Мы разѣддали ихъ и привязали на длинныхъ веревкахъ, чтобъ онѣ вполне могли наѣсться.

Сами мы, конечно, неочень были голодны. Мы дорогою часто жевали *тазахо* (высушенное сырое мясо); — но эта пища неочень комфортабельна. Намъ хотѣлось свѣжаго мяса, а во всю дорогу мы не видали никакой дичи, кромѣ нѣсколькихъ худощавыхъ антилопъ, которыхъ совѣстно было и убивать. Одинъ изъ нашихъ товарищей, неутомимый охотникъ Линкольнъ, отправился вверхъ по оврагу, и вскорѣ услышали мы его выстрѣлъ. Въ ту-же минуту увидѣли мы цѣлое стадо *бигорновъ* (дикіе бараны), прыгающихъ со скалы на скалу, черезъ бездны, какъ-будто-бы у нихъ были крылья.

Вскорѣ показался и Линкольнъ, неся на плечахъ большаго барана, съ большими рогами, въ видѣ полумѣсяца.

Тотчасъ-же, одни принялись потрошить его, другіе срубили дерево и развели огонь. Котлы закипѣли, кофейники зашипѣли, раздавался духъ жаренаго мяса, и послѣ сытнаго, вкуснаго ужина, всякій завернулся въ шерстяное одѣяло—и въ сладкомъ снѣ забылъ всѣ опасности и нужды.

Поутру, отдохнувъ и позавтракавъ, мы составили совѣтъ—куда направить путь. Намъ-бы хотѣлось слѣдовать по теченію ручья, но онъ протекалъ къ югу, а это была не наша дорога: намъ надобно было къ востоку. Покуда мы разсуждали, охотникъ Линкольнъ пошелъ къ ивамъ, и разсматривалъ равнину. Вдругъ восклицанія его возбудили наше вниманіе. Мы подбѣжали къ нему, и взглянувъ на указываемую имъ вдали точку, увидали поднимающійся столбъ дыма.

— Это индѣйцы! — вскричалъ кто-то изъ насъ.

— Этотъ дымъ, сказалъ намъ Линкольнъ, выходитъ изъ оврага. Вчера ввечеру, когда я преслѣдовалъ биггорновъ, видѣлъ я этотъ оврагъ, но не знаю, индѣйцы-ли это, или бѣлые поселились тамъ.

— Конечно индѣйцы! отвѣчали всѣ. Въ подобной пустынѣ развѣ могутъ поселиться бѣлые?

Послѣ краткаго совѣщанія о томъ, что намъ дѣлать, мы во-первыхъ потушили наши костры, а во-вторыхъ собрали около себя нашихъ муловъ и лошадей. Одни предлагали отправить отрядъ внизъ по ручью, чтобъ произвести рекогносцировку; другіе-же совѣтовали взлезть на гору и стараться разсмотрѣть странное мѣсто, изъ котораго выходилъ дымъ,

Последнее мнѣніе было лучшее, потому-что еслибъ оно не удалось, то можно-бы было прибѣгнуть къ первому. А потому шестеро полезли на гору, а прочіе остались на-караулѣ.

Мы поднялись вверхъ по оврагу, и по временамъ останавливались, чтобъ осмотрѣть равнину. Такъ дошли мы до значительной высоты. Наконецъ увидѣли глубокое русло, посреди котораго протекалъ ручей; но больше мы не могли ничего видѣть— за дальнимъ разстояніемъ. Равнина была повсюду голою и бесплодною. Только къ востоку была зелень и нѣсколько деревь. Посреди этой зелени было какое-то углубленіе въ землѣ. Это вѣрно былъ каналъ, которымъ ручей вытекалъ изъ *барранки*. Больше ничего не было видно, и мы возвратились къ своимъ сотоварищамъ.

Тогда рѣшили послать отрядъ по теченію ручья, до конца этой странной долины, чтобъ съ осторожностью осмотрѣть ее.

Шестеро изъ насъ пошли пѣшкомъ. Тихо шли мы вдоль ивъ, держась какъ можно ближе къ ручью. Мы прошли съ полторы мили, и дойдя до *барранки*, услышали шумъ, наподобіе водопада. Дѣйствительно, ручей, вдоль котораго мы шли, падалъ въ страшный оврагъ, открывавшійся передъ нашими глазами. Высота паденія превосходила сто футовъ.

Это была прекрасная картина; но насъ поразило удивленіемъ другое зрѣлище. Далѣе и гораздо ниже того мѣста, гдѣ мы были, простиралась великолѣпная долина, украшенная всею роскошью

богатѣйшей растительности. Она была почти овальной формы и окружена со всѣхъ сторонъ ужасными отвѣсными скалами, въ видѣ стѣны. Долина эта была, по-видимому, миль десять въ длину и около пяти шириною. Мы находились надъ верхнею ея оконечностію, и видѣли ее во всю длину.

Почти посрединѣ долины было небольшое озеро, котораго чистая поверхность представляла видъ зеркала. Солнце, дошедшее до меридіана, придавало, въ эту минуту, озеру золотистый цвѣтъ. Часть береговъ была покрыта деревьями, и изъ одной кущи деревъ выходилъ тотъ дымъ, который мы видѣли.

Мы возвратились въ свой лагерь, и разеказавъ все товарищамъ, рѣшили всѣ вмѣстѣ слѣдовать вдоль *барранки*, покуда найдемъ удобное мѣсто для спуска. Очевидно было, что это мѣсто существуетъ, иначе не могли-бы туда зайти и тѣ, которые зажгли огонь.

Въ лагерь оставили мы однихъ мексиканцевъ, съ мулами, а сами отправились верхомъ.

Мы поѣхали по восточной сторонѣ, но отдалялись отъ окраины, чтобъ насъ не могли видѣть въ долинѣ, прежде нежели мы сами откроемъ, что тамъ за люди. Поравнявшись съ мѣстомъ, откуда поднимался дымъ, мы остановились. Двое проползли до самой окраины оврага. Нѣсколько кустарниковъ сверхъ того скрывали насъ. Тутъ вскорѣ увидѣли мы все, чего искали, и поражены были величайшимъ изумленіемъ.

Близъ озера, ярдъ на сто отъ воды, стоялъ красивый деревянный домъ съ нѣкоторыми пристройками позади. Около дома устроена была изгородь на большое пространство, которое раздѣлено было на нѣсколько пашней. Иныя были засеяны хлѣбомъ, другія оставались лугами, на которыхъ паслись стада разныхъ животныхъ. Это была картина большой, богатой фермы съ садами, полями и стадами.

Отдаленность мѣшала намъ видѣть, какого рода животныя составляли эти стада. Но внутри ограды видѣли мы нѣсколько людей обоюбого пола. Нельзя было разглядѣть цвѣтъ лица ихъ, но ужъ конечно это были не индѣйцы, которые никогда-бы не могли построить такого дома.

Все это намъ казалось сновидѣніемъ,—до того картина эта, и въ такомъ мѣстѣ,—была неожиданна.

Возвратясь отъ окраины къ своимъ товарищамъ, мы рѣшились продолжать путь, покуда найдемъ спускъ въ этотъ странный оазисъ. Долина видимо склонялась къ югу, и мы поѣхали туда.

Здѣсь мы достигли мѣста, гдѣ вода, выходя изъ долины, продолжала течь на востокъ. Вотъ была та дорога, которую мы умственно отыскивали. Здѣсь былъ спускъ, нешире какъ въ телегу, и неочень крутъ. Мы, не колеблясь, пустились по этой дорогѣ.

IV.

СТРАННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ.

Вскорѣ достигли мы до дна долины, и нашли тропинку вдоль ручья, къ самому озеру, откуда видѣли и домъ. Мы удивились разнообразію деревъ, растущихъ около озера; но разнообразіе птицъ, летавшихъ между этими деревьями, было еще удивительнѣе.

Наконецъ дошли мы до просѣки, гдѣ былъ домъ. Осторожность требовала осмотрѣться. Двое изъ насъ сошли съ лошадей и тихонько пробрались по кустамъ до самаго дома.

Съ перваго взгляда поразилъ насъ видъ пасущихся стадъ. Все это было похоже на англійскую ферму, гдѣ пасутся лошади, коровы, бараны, овцы, свиньи, разная живность. Но взглядывшись хорошенько, увидѣли мы, что ни одно изъ пасущихся тамъ животныхъ непохоже было на европейскія. Даже лошади скорѣе походили на большихъ собакъ. Это были *мустанги* (дикія лошади пустыни).

Вмѣсто коровъ и быковъ видѣли мы *буффало*. Это было непостижимо! Буффало сдѣлался домашнимъ, ручнымъ животнымъ, и спокойно ходилъ въ оградѣ, не обращая вниманія на мимоходящихъ людей. Еще удивительнѣе было, что два буффало запряжены были въ плугъ, и пахали землю терпѣливо и хладнокровно, какъ быки.

Другія животныя, ростомъ больше буффало, обратили все

наше вниманіе. Они купались на озерѣ, и огромная голова ихъ одна была видна изъ воды. Это были большія американскія лоси. Были также разныя породы оленей и антилопъ, съ короткими и вѣтвистыми рогами. Были еще животныя, похожія на барановъ; инья, безъ хвоста, похожи были на свиней, другія на собакъ и лисицъ.

Разныя домашнія птицы гуляли по двору. Посреди ихъ огромностію роста отличалась дикая индѣйка. Вообще все это было похоже на зоологическій садъ или звѣринецъ.

Мы видѣли двухъ человѣкъ: одинъ высокій, сѣдолосый, съ свѣжимъ, здоровымъ лицомъ; другой малорослый негръ. Последний пахаль землю. Далѣе были еще два молодые человѣка. У дверей дома сидѣла женщина, а близъ нея были двѣ молодыя дѣвочки.

Изумленіе наше безпрестанно возрастало. Передъ домомъ и около сидѣвшей женщины были звѣри, вовсе не миролюбивой наружности. Во-первыхъ, два большіе черные медвѣдя, игравшіе одинъ съ другимъ. Потомъ родъ волковъ, съ пушистымъ хвостомъ и острымъ рыломъ, и ихъ было тутъ съ полдюжины. По всего страшнѣе были два звѣря, лежавшіе у ногъ женщины. По круглой головѣ, стоячимъ кошачьимъ ушамъ, по черному рылу, блѣлой шеѣ, блѣдно-красной груди можно было тотчасъ-же узнать пантеръ.

Мы со страхомъ и изумленіемъ взглянули съ товарищами и прошептали: пантеры! (Въ естественной исторіи называютъ ихъ *конгуарами*, или американскими львами).

Посреди этихъ дикихъ животныхъ дѣти беззаботно бѣгали и играли, и звѣри не обращали на нихъ вниманія.

Насмотрѣвшись вдоволь на эти чудеса, мы возвратились къ товарищамъ, которые всѣ съ нами отправились къ таинственному дому.

Наше внезапное появленіе произвело всеобщій ужасъ. Насъ вѣрно приняли за индѣйцевъ. Но вскорѣ узнали, кто мы и чего желаемъ.

Сѣдолосый старикъ тотчасъ-же пригласилъ насъ, самымъ учтивымъ образомъ, сойти съ лошадей и пожаловать въ домъ. вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ онъ изготовить для насъ обѣдъ, а лошадей

отвести въ конюшню и засыпать имъ корму. Негръ и два молодые хозяйскіе сына взяли за это дѣло.

Все окружающее насъ продолжало однакоже возбуждать наше удивленіе. Кромѣ видѣнныхъ уже нами звѣрей, появлялись безпрестанно новые. Въ поляхъ и въ саду были необыкновенныя растѣнія. Около дома были виноградные шпалерники. Вездѣ видѣлись птичьи гнѣзда по угламъ. Мы не могли довольно насладиться зрѣлищемъ, которое намъ представлялось со всѣхъ сторонъ.

— Пойдемте, господа, обѣдать, сказалъ намъ хозяинъ, и мы последовали за нимъ въ большую залу, гдѣ и помѣстились около круглаго стола.

Кушанья были большею частію знакомыя. У насъ была дичь, куски изъ горба дикаго буйвола, домашнія птицы, яйца индѣекъ, хлѣбъ, масло, молоко, сыръ. Впрочемъ, мы съ утра не ѣли, и аппетитъ нашъ служилъ лучшею похвалою обѣду.

Въ концѣ обѣда подали намъ чашки и налили какого-то настояннаго кипятка. Это конечно былъ не чай, но весьма пріятный и вкусный напитокъ. Это былъ отваръ сассафрасоваго корня. Онъ подслащивался сахаромъ изъ клена, и по вкусу каждого подбавлялись сливки. Мы и прежде пивали этотъ чай въ Америкѣ, находя, что онъ не хуже китайскаго.

Разсматривая, во-время обѣда, мебель, видѣли мы, что она была самой грубой отдѣлки. Чашки, блюда, ложки — все было деревянное. Кухонная-же посуда была изъ обожженной красной глины. Стулья были обиты невыдѣланными звѣриными шкурами, и этимъ скрывали грубость отдѣлки. Другіе стулья были изъ пальмовыхъ листьевъ.

На стѣнахъ не было ни штукатурки, ни обоевъ, но онѣ были обвѣшаны разными любопытными предметами: чучелами рѣдкихъ птицъ, рогами чудовищныхъ животныхъ и полированными черепаками. Не видно было ни зеркала, ни картинъ, ни книгъ. Одна только книга лежала на столикѣ въ переднемъ углу: это была *библiя*.

Хозяинъ и семейство его вмѣстѣ съ нами сидѣли за столомъ. Мы тотчасъ-же подружились съ дѣтьми. Изъ словъ ихъ мы узнали, что мы еще первые бѣлые люди, которыхъ они видѣли въ теченіе десяти лѣтъ. Мальчиковъ звали Франкъ и Гарри; изъ дѣ-

вочекъ одна была брюнетка, другая блондинка. Последнюю звали Мери, а сестру ея Луизою. Обѣ онѣ были прелестны, но не имѣли никакого между собою сходства. Мальчикамъ было, повидимому, по семнадцати — восемнадцати лѣтъ. Гарри былъ свѣтлорусый и похожъ на отца; другой смуглѣе и походилъ болѣе на мать. Самой хозяйкѣ было неболѣе тридцати пяти лѣтъ; она была еще хороша собою, и физиономія ея была зеркаломъ доброты ея души.

Хозяину было около сорока лѣтъ. Онъ былъ высокъ, хорошо сложенъ и посѣдѣвшіе его волосы вились натуральными локонами. Онъ не носилъ ни бороды, ни усовъ, и тщательно былъ одѣтъ. По всему видно было, что онъ порядочный и образованный человекъ.

Одежда всей фамиліи была довольно странная. На отца была охотничья блуза и панталоны изъ выдѣланной оленьей шкуры. Мальчишки были одѣты точно также. Мать и дочери были одѣты въ холщевыя платья, прикрытыя мантиліями изъ самой нѣжной кожи, отдѣланной какъ мягкія перчатки.

На стѣнѣ висѣли шляпы, сплетенныя изъ листьевъ *пальметто*.

Во-время обѣда явился негръ и съ любопытствомъ разсматривалъ насъ. Онъ былъ ростомъ малъ, но плечистъ, силенъ, и казался лѣтъ сорока. Волоса его были курчавые, какъ шерсть, и дѣлали его голову шарообразною. Зубы его были бѣлые и широкіе, глаза черные, носъ широкій и физиономія веселая.

— Куджо! сказала ему хозяйка, выведи отсюда звѣрей, они беспокоятъ гостей...

Дѣйствительно, мы съ нѣкоторою боязнію посматривали на волковъ и пантеръ, гуляющихъ подъ столомъ. Когда имъ бросали подачку, то они между собою ворчали, а это ворчанье было для насъ неочень успокоительно.

Окончивъ обѣдъ и поблагодаривъ хозяевъ, мы, разумѣется, стали просить объясненій объ его образѣ жизни и мѣстѣ поселенія.

— Подождите до вечера; отвѣчалъ онъ. У камина, передъ огнемъ, веселѣе рассказываетъ и лучше слушается. Теперь я васъ сведу на озеро. Выкупайтесь. Это васъ освѣжитъ съ дороги.

Мы пошли за нимъ, и чрезъ нѣсколько минутъ ныряли въ

прекраснѣйшей водѣ. Послѣ купанья нѣкоторые отправились замексиканцами и мулами; другіе пошли бродить по окрестности, встрѣчая на каждомъ шагѣ самые любопытные предметы.

Съ нетерпѣніемъ ждали мы вечера. Онъ наступилъ. Сперва мы поужинали, а потомъ усѣлись около камина, чтобъ послушать рассказы хозяина нашего, Роберта Рольфа.

V.

ИСТОРИЯ РОЛЬФА.

— Я вашъ землякъ, друзья мои, сказалъ онъ. Я не американецъ, а англичанинъ. Я родился въ южной Англии, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Отецъ мой былъ зажиточный фермеръ. По несчастію, онъ былъ слишкомъ честолюбивъ для своего званія. Онъ захотѣлъ, чтобъ я, единственный сынъ его, былъ настоящимъ *джентельменомъ*, то-есть получилъ-бы воспитаніе, которое разоряетъ всегда небогатыхъ людей. Увы! я не имѣю права упрекать его. Честолюбіе его происходило оттого, что онъ меня слишкомъ любилъ.

Меня отправили въ одно изъ аристократическихъ училищъ. Я выучился танцевать, ѣздить верхомъ и играть. Мнѣ позволяли тратить много денегъ, и я поилъ своихъ товарищей шампанскимъ. Изъ школы отправили меня путешествовать. Я объѣздилъ берега Рейна, Францію, Италию, и черезъ нѣсколько лѣтъ возвратился въ Англию, узнавши, что отецъ мой умираетъ.

Я былъ единственнымъ наследникомъ его имѣнья, которое въ рукахъ моихъ вскорѣ исчезло. Я хотѣлъ жить въ Лондонѣ, съ моими прежними школьными сотоварищами. Я игралъ съ ними, и все проигралъ. Я готовъ уже былъ объявить себя несостоятельнымъ, но меня спасла *она!*

Онъ указалъ на хозяйку, сидѣвшую въ углу камина, съ дѣтьми.

Да! продолжалъ онъ, Мери спасла меня. Она была подругою моего дѣтства. Мы вновь встрѣтились, полюбили другъ друга и женились.

Благодаря Бога, разсѣянная жизнь моя не истребила во мнѣ правилъ добродѣтели, какъ это часто случается. Мнѣ они были переданы моею матерью, и свято сохранились въ моемъ сердцѣ.

Послѣ свадьбы рѣшился я совершенно переменить образъ жизни. Но это было нѣтъ легко. Надобно множество силы и мужества, чтобъ избавиться отъ этихъ привычекъ и отъ долговъ. Но благодаря совѣтамъ Мери, я успѣлъ совершить этотъ подвигъ.

Продавши все имѣніе и расплатясь съ долгами, у меня осталось всего пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Жена моя принесла приданого двѣ тысячи пятьсотъ, и того было у насъ три. Этого было мало, чтобъ жить въ Англии. Нѣсколько лѣтъ пытался я разными спекуляціями увеличить мой капиталъ, но онъ все уменьшался. Черезъ три года оставалось уже у меня двѣ тысячи.

Мнѣ сказали, что съ этою суммою можно разжиться въ Америкѣ. Съ этою надеждою отправился я съ женою и дѣтьми въ Нью-Йоркъ.

Тутъ я тотчасъ-же встрѣтилъ человѣка, который снабдилъ меня всѣми совѣтами, какъ мнѣ дѣйствовать съ моимъ капиталомъ. Я любилъ земледѣліе, но мнѣ отсовѣтовали покупать невоздѣланныя земли, потому-что разработка ихъ въ первое время поглощаетъ весь капиталъ; мнѣ сказали, что лучше купить готовую уже ферму, и съ домомъ.

Мнѣ рекомендовали въ Виргиніи такую ферму за пять сотъ фунтовъ. Я купилъ ее и отправился туда.

VI

ФЕРМА ВЪ ВИРГИНИИ.

Я дѣйствительно нашелъ ферму въ томъ видѣ, какъ она была описана; но для обработки земли долженъ былъ я сперва купить негровъ. Кромѣ невольниковъ, не было тамъ никакихъ работниковъ.

Я накупилъ негровъ, и началъ жизнь плантатора. Первая моя жатва была неудачна. Вторая была еще хуже, и тогда только узналъ я о причинѣ неурожаевъ. Земля этой фермы была уже совершенно истощена, хотя съ перваго взгляда и казалась плодородною. Нѣсколько лѣтъ сряду сѣяли на ней табакъ, маисъ, хлопчатую бумагу, такъ-что наконецъ вся растительная сила исчезла. Надобно было много навоза, который одинъ могъ возратить этой землѣ ея воспроизводительную силу.

Третій годъ былъ еще хуже, — и я совершенно раззорился. Я вошелъ въ долги для содержанія своего семейства и негровъ, и не могъ долѣе жить на этой фермѣ, хотябы и хотѣлъ. Я все продалъ, кромѣ одного негра, который первый открылъ мнѣ обманъ при продажѣ фермы, и который обнаруживалъ къ намъ самую искреннюю привязанность. Я далъ ему свободу, но онъ самъ не захотѣлъ ею пользоваться, а рѣшился раздѣлять нашу участь. Вотъ онъ.

При этомъ хозяинъ указалъ на Куджо, который, слыша похвалы себѣ, весело улыбнулся.

Рольфъ продолжалъ.

Окончивъ всѣ счета, я увидѣлъ, что у меня еще остается пять сотъ фунтовъ, и рѣшился отправиться на западъ, въ долину Миссиссипи, гдѣ можно было купить невоздѣланную хорошую ферму.

Въ объявленіяхъ прочелъ я тогда, что при сляніи Огіо и Миссиссипи основанъ городъ Каиръ, и что онъ вскорѣ сдѣлается весьма важнымъ въ торговомъ мірѣ. При объявленіи приложены были планы города, съ театромъ, набережными, судебными мѣстами, церквами. Предлагали участки для постройки зданій, при которыхъ отводилось много земли, такъ, чтобы можно было вмѣстѣ заниматься земледѣіемъ и торговлею. Цѣны были назначены весьма дешевыя, и я тотчасъ-же спѣшилъ купить одинъ участокъ.

Совершивъ заочно эту покупку, отправился я въ новый городъ, съ женою и дѣтьми. У меня было уже трое дѣтей; два сына близнеца по девятому году. Я не хотѣлъ уже возвращаться въ Виргинію, и вѣрный нашъ Куджо поѣхалъ съ нами.

Путешествіе было трудное и тягостное, но пріѣздъ еще болѣе печаленъ. Съ перваго взгляда на Каиръ убѣдился я, что еще разъ былъ обманутъ. Весь городъ состоялъ изъ одного дома, а вокругъ него было все одно болото, поросшее огромнымъ кустарникомъ. Театръ, набережныя, — все было пуфъ. Стоялъ одинъ домъ, и это былъ трактиръ, для тѣхъ, которыхъ пышное объявленіе привлекло—бы туда, подобно мнѣ.

Я отыскалъ однакоже купленный свой участокъ, и могъ только убѣдиться, что это ни вода, ни земля.

Съ отчаяніемъ въ душѣ отправился въ Сень-Луи и продалъ тамъ свой участокъ за бездѣлицу. Какъ я проклиналъ Америку и американцевъ; но къ чему это послужило? При томъ-же со мною нелучше поступили и въ отечествѣ. Вездѣ есть плуты, пользующіеся легковѣріемъ другихъ. За это нельзя винить всей націи.

Въ Англіи зналъ я уже, сколько милліоновъ негодяевъ живутъ на счетъ ближнихъ; теперь привелось испытать то-же и въ Америкѣ. Виновать былъ я одинъ.

VI.

КАРАВАНЪ И УЧАСТЬ ЕГО.

Хозяинъ продолжалъ:

И такъ я пріѣхалъ въ Сень-Луи. Изъ трехъ тысячъ фунтовъ едва было у меня сто. Надобно было придумать что-нибудь, прежде нежели и ихъ истратить.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, былъ молодой шотландецъ, тоже недавно пріѣхавшій въ Сень-Луи. Мы съ нимъ познакомились и рассказали другъ другу свои похождения.

Онъ нѣсколько лѣтъ работалъ въ мѣдныхъ рудникахъ, въ центрѣ Великой американской пустыни, въ *Мимбрскихъ* горахъ, на западъ отъ Дель-Норте. По нѣкоторымъ дѣламъ ѣздилъ онъ оттуда въ Соединенные Штаты, съ женою, молодою мексиканкою, и ребенкомъ, а теперь возвращался туда-же чрезъ Сень-Луи и Санта-Фе. Онъ ждалъ испанскаго каравана, идущаго въ Новую-Мексику, чтобъ не подвергнуться нападѣніямъ индѣйцевъ.

Узнавши о моемъ положеніи, совѣтовалъ онъ мнѣ ѣхать съ нимъ, предлагая мнѣ тоже мѣсто въ рудникахъ. Я съ радостію принялъ его предложеніе, и тотчасъ-же собрался въ путь. На остальные свои деньги купилъ я телегу и двѣ пары здоровыхъ быковъ для жены, дѣтей, и всѣхъ припасовъ на дорогу. Извозчика было мнѣ ненужно: Куджо очень хорошо правилъ быками. Себѣ-же и двумъ сыновьямъ купилъ я *рифлей*, и вскорѣ пустились мы въ пустыню.

Караванъ нашъ былъ немногочисленъ. Большой караванъ, ежегодно совершающій путь изъ Санта-Фе, ушелъ уже за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ. Насъ было до двадцати, человекъ, въ

десяти телегахъ. Почти всё были мексиканцы, отправленные въ Соединенные Штаты за нѣсколькими пушками для правительства Санта-Фе. Они везли ихъ съ собою, съ лафетами и ящиками.

Я не буду вамъ, господа, описывать этого путешествія черезъ равнины между Санъ-Луи и Санта-Фе. Мы встрѣтили индѣйцевъ, племени Паннисовъ, а переходя чрезъ Аркантасъ, столкнулись и съ чейенами; но ни тѣ, ни другіе не нападали на насъ. Послѣ двухъ-мѣсячнаго странствованія, мы оставили обыкновенную торговую дорогу у *Канадіанъ-Риверъ*, чтобъ избѣжать встрѣчи съ арапагаями, бывшими въ войнѣ съ мексиканцами. Переправясь черезъ эту рѣчку, мы были слѣдственно на правомъ, или южномъ берегу ея.

Вскоръ замѣтили мы всю трудность этого новаго пути. Два дни ѣхали мы вверхъ по рѣкѣ къ западу, и медленно подвигались впередъ, встрѣчая безпрестанно стада *буффало*, приходящія къ рѣкѣ пить. Тамъ, гдѣ эти животныя вытоптали дорогу, образовались большія ямы, и въ одной изъ нихъ телега моя сломалась. Куджо и я принялись тотчасъ-же чинить ее; прочія телеги продолжали путь. Нашъ другъ, молодой шотландецъ, предлагалъ остаться съ нами, но я его поблагодарилъ и просилъ воротиться къ прочимъ, говоря, что вѣдь я догоню ихъ на ночлегѣ.

Подобныя отдѣльныя остановки телегъ часто случались для какихъ-нибудь починокъ. Если она не пріѣзжала на ночлегъ, то отправляли за нею назадъ отрядъ изъ каравана.

О стычкахъ и ссорахъ, съ индѣйцами давно не слышать было, и потому караваны вообще ослабили свою всегдашнюю бдительность и осторожность; притомъ-же новый нашъ путь шелъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ мудрено было бродить индѣйцамъ, потому что не было даже и травы, нетолько дичи.

А потому я ничего подобнаго не опасался; а надѣясь на столлярное искусство Куджо, полагалъ скоро догнать караванъ. Дѣйствительно, послѣ часовой работы, мы починили телегу, впрягли опять быковъ, и продолжали свой путь. Но не проѣхали мы и мили, какъ свалилась шина съ одного колеса, и мы опять принуждены были приняться за работу.

На этотъ разъ починка продолжалась еще долѣе, и когда мы кончили, совсѣмъ уже стемнѣло. Это насъ нѣсколько обезно-

коило. Ночью не могли мы ѣхать, не зная куда; а какъ вода была у насъ подъ рукою, то мы и рѣшились переночевать тутъ.

До разсвѣта встали мы и двинулись въ путь, по свѣжимъ еще слѣдамъ нашего каравана. Мы удивлялись только, что никто отсюда ночью не пріѣхалъ справиться объ насъ. До полудня ѣхали мы, не встрѣчая никого, но видя только, что приближаемся къ горамъ.

Вдругъ раздался трескъ, какъ-бы отъ разорвавшейся бомбы. Что бы это могло значить! Мы знали, что съ караваномъ везли мортиры и бомбы. Употребили-ль наши товарищи бомбу для отраженія индѣйцевъ? Нѣтъ! Это было невѣроятно. Притомъ-же, разорвало только бомбу, а звука выстрѣла не было. Не случайно-ли вепхнула одна бомба? Это было правдоподобіе. Мы остановились и стали вслушиваться.

Съ полчаса ожидали мы, и ничего не слышали; а потому рѣшились опять ѣхать впередъ. Насъ не столько безпокоилъ взрывъ бомбы, какъ то, что никто насъ не отыскивалъ, тогда какъ мы все ѣхали по слѣдамъ каравана. Солне уже склонялось къ западу, а мы еще не доѣхали до лагеря прошедшей ночи. Наконецъ ввечеру достигли мы и до этого мѣста.

Какое ужасное зрѣлище представилось намъ! И теперь, при воспоминаніи о томъ, кровь хладѣетъ въ жилахъ! Телеги были разбросаны и опрокинуты, а грузъ ихъ валялся по землѣ; мортиры, пушки тутъ-же стояли, но около нихъ не было ни одного живаго существа. Далѣе-же лежало множество труповъ, около которыхъ шировали волки. Быки, мулы, лошади каравана тоже лежали убитыя, но послѣднихъ было немного; прочія были уведены.

Мы были поражены ужасомъ при этомъ видѣ. Ясно, что индѣйцы напали на караванъ врасплохъ и перерѣзали всѣхъ. Первая мысль наша была ѣхать назадъ; но уже наступила ночь. Притомъ-же, если дикіе были еще тутъ, то вѣрно давно уже видѣли насъ, и бѣгство было бесполезно. Только по алчности волковъ догадался я, что индѣйцы уже ушли.

Оставя жену свою у телеги съ сыновьями, вооруженными рифлями, я съ Куджо пошелъ впередъ, чтобъ осмотрѣть поле битвы. Мы прогнали волковъ; ихъ было больше пятидесяти. Они такъ изуродовали нашихъ спутниковъ, что едва можно было распознать ихъ. Индѣйцы скальпировали ихъ, а волки догрызли.

Нашелъ я и лопнувшую бомбу, которой осколки опрокинули нѣсколько телегъ, изъ которыхъ грузъ былъ разбросанъ по землѣ. Видно было, что индѣйцы быстро убѣжали, оставя такъ много добра въ пустынь; вѣрно они испуганы были взрывомъ, и грозное дѣйствіе его приняли за гнѣвъ великаго духа.

Вездѣ я отыскивалъ своего друга шотландца, но между всѣми этими изуродованными тѣлами невозможно было отличить ни одного; я искалъ и жену его, единственную женщину въ караванѣ, кромѣ моей Мери, но не нашелъ и трупа ея.

— Вѣрно они увели ее къ себѣ живую, сказалъ я Куджо.

Вдругъ мы услышали сильный лай собакъ и вой волковъ. Это былъ, вѣроятно, бой между ними. Я вспомнилъ, что у шотландца были двѣ большія собаки. Мы побѣжали къ лѣсу, гдѣ происходило сраженіе, и вскорѣ достигли до сцены происшествія. Дѣйствительно, эти двѣ собаки сражались съ нѣсколькими волками, защищая что-то черное, лежащее подъ деревомъ. Я вскрикнулъ отъ ужаса: это была шотландка, но уже мертвая. На шеѣ у нея лежала маленькая дѣвочка...

Въ это мгновеніе рассказъ нашего хозяина былъ прерванъ однимъ изъ нашихъ сотоварищей. Нѣкто рудокопъ г. Нейтъ бѣжалъ съ нами, и всегда былъ печаленъ и задумчивъ. Я правда замѣтилъ, что онъ долго и пристально вематривался въ нашего хозяина, но почелъ это дѣйствіемъ любопытства. Теперь рассказъ Рольфа сильно взволновалъ его; онъ вдругъ вскочилъ и вскричалъ:

— Боже мой! это она! моя бѣдная жена!.. Рольфъ, Рольфъ! Да развѣ ты не узнаешь меня?

— Нейтъ! воскликнулъ хозяинъ, узнавъ его по голосу. Ты ли это, Нейтъ.

— Бѣдная моя жена! я зналъ, что они ее убили!.. Но моя дочь, моя дочь! Что съ нею сдѣлалось? Гдѣ она?

— Вотъ! возьми ее! отвѣчалъ Рольфъ, указывая на младшую брюнетку.

Нейтъ схватилъ Луизу въ свои объятія и осыпалъ ее поцѣлуями.

VIII.

ИСТОРИЯ РУДОКОПА.

Трудно описать сцену этой внезапной встрѣчи. Всѣ вскочили. Дѣти плакали; мы всѣ поздравляли Нейта, пожимая его руку. Куджо бѣгалъ по комнатѣ, прыгалъ и игралъ съ пантерами, которыя тоже отвѣчали ему подобными прыжками. А хозяинъ, выйдя въ другую комнату, вынесъ оттуда чашу темной глины. Подали чашки, выдѣланныя изъ тыквы, и хозяинъ налилъ ихъ краснымъ виномъ.

Да! настоящимъ виномъ изъ дикаго мускатнаго винограда, обильно растущаго по всей долинѣ и около дома.

Поздравивъ этимъ виномъ Нейта и дочь его, мы просили его въ свою очередь разсказать, какимъ образомъ онъ спасся отъ индѣйцевъ въ эту ужасную ночь. Вотъ его разсказъ:

«Оставя тебя, Рольфъ, съ телегою, я возвратился къ остальному каравану. Долго мы искали лагернаго мѣста для ночлега, и принуждены были дойти до холмовъ. Солнце уже садилось, когда мы подѣхали къ ручью, гдѣ Рольфъ видѣлъ наши телеги. Здѣсь мы расположились ночевать. Тебя, Рольфъ, я ждалъ nerаньше, какъ черезъ часъ. Мы разложили костры, поужинали, и сидя у огня, курили и разговаривали. Мексиканцы по обыкновенію играли въ *монже*. Мы не разставили часовыхъ, вовсе не думая объ индѣйцахъ. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ говорили, что часто ѣзжали по этой дорогѣ, но никогда не видали дикихъ.

Ночь была темна; я началъ беспокоиться о тебѣ, Рольфъ, боясь, что ты ночью не найдешь слѣдовъ нашего каравана. Оставя жену мою и дочь у костра, я пошелъ на одинъ холмъ, съ котораго видна была вся долина, и сталъ прислушиваться тамъ, не ѣдетъ—ли твоя телега, или не слыхатъ—ли вашего голоса. Вдругъ слухъ мой пораженъ былъ воемъ, оледенившимъ сердце мое. Я хорошо зналъ этотъ вой. Это былъ сигналъ къ битвѣ арапагаевъ. Взглянувъ къ сторонѣ лагеря, увидѣлъ я толпы дикарей, услышалъ выстрѣлы, крики, стоны, и посреди всего этого голосъ моей жены, звавшей меня.

Я не колебался ни минуты, бросился съ холма и со всѣхъ ногъ побѣжалъ въ лагерь. Битва была во всемъ разгарѣ. У меня

въ рукахъ былъ только большой ножъ, которымъ я билъ направо и налѣво съ ожесточеніемъ, поразивъ нѣсколькихъ индѣйцевъ.

Послѣ минутнаго боя сталъ я звать мою жену, и бросался ко всѣмъ телегамъ. Ни ее, ни отвѣта не было нигдѣ. Я опять столкнулся съ дикарями, и снова началъ бой. Но бѣльшая часть товарищей уже пали. Я самъ притиснутъ былъ, въ темнотѣ, однимъ индѣйцемъ, который старался поразить меня своимъ копьемъ. Онъ попалъ мнѣ въ ляжку; я упалъ; онъ бросился на меня съ ножомъ; но прежде нежели онъ коснулся до меня, мой ножъ былъ уже въ его сердцѣ.

Я всталъ и вынулъ острее копья изъ раны. Бой уже прекратился. Увѣренъ будучи, что жена моя, дочь и товарищи всѣ убиты, я бросился въ чашу лѣса и старался удалиться отъ этого зрѣлища. Но не сдѣлавъ и трехъ сотъ ярдъ, упалъ безъ чувствъ, отъ потери крови, близъ какой-то пещеры. Я имѣлъ еще довольно силъ, чтобъ вползти въ нее, и тутъ уже упалъ въ обморокъ.

Нѣсколько часовъ пролежалъ я здѣсь, потому-что когда пришелъ въ себя, то свѣтъ солнца озарялъ мою пещеру. Я былъ очень слабъ и едва могъ встать. Прежде всего увидѣлъ я свою рану, которой не могъ даже еще перевязать? Кровь сама-собою остановилась. Я разодралъ свою рубашку и кое-какъ перевязалъ рану; потомъ сталъ прислушиваться, приложивъ ухо къ землѣ.

Вдали слышны были еще въ лагерѣ голоса индѣйцевъ, и этотъ говоръ продолжался еще съ часъ. Вдругъ раздался взрывъ бомбы и пронзительные крики; толпы индѣйцевъ побѣжали и поскакали на лошадяхъ, а потомъ повсюду водворилась тишина. Твоя догадка, Рольфъ, была справедлива. Они прикатили одну бомбу къ костру, чтобъ раскалить ее; фитиль загорѣлся, бомбу разорвало, убило много индѣйцевъ, а прочіе съ ужасомъ разбѣжались, приписывая это явленіе гнѣву великаго духа.

Долго я оставался неподвижнымъ въ своей пещерѣ. У лагеря мнѣ все слышалось какой-то шумъ, и я непрежде другаго утра рѣшился идти туда. Меня мучили голодъ и жажда. Рана моя сильно разболѣлась. Вблизи видѣлъ я, правда, дерево, называемое мексиканцами *пиньонъ*, родъ ели, питающей коническими своими плодами тысячи индѣйцевъ, при ихъ кочевыхъ переселеніяхъ

отъ Скалистыхъ—горъ въ Калифорнію. Но какъ дойти до этого дерева, около котораго всегда лежатъ на землѣ орѣхи.

Съ трудомъ поползъ я, и болѣе получаса употребилъ, чтобъ пройти эти двадцать шаговъ. Къ великой радости моей, земля около дерева осыпана была орѣхами. Вскорѣ утолилъ я ими голодъ.

Но тутъ приступила жажда. Надобно было дойти до лагеря. Тамъ былъ ручей, и надобно было доползти до него, или умереть. Триста ярдовъ отдѣляли меня, и я чувствовалъ, что едва ли буду въ состояніи дойти. Я однакоже поползъ.

Едва я сдѣлалъ шесть шаговъ, какъ взоръ мой былъ привлеченъ кустами бѣлыхъ цвѣтовъ. Это были кусты смородины, называемой *люнія*. Я готовъ былъ вспрыгнуть отъ радости. Наклонивъ къ себѣ нижнюю вѣтку куста, я лучше всякой овцы вычистилъ ее и высосалъ. Утоливъ жажду, почувствовалъ я, что сонъ меня клонить, и я тутъ—же подъ кустомъ крѣпко уснулъ.

Проснувшись, я уже былъ свѣжѣе и сильнѣе. У меня опять былъ аппетитъ. Лихорадка, которой припадки я начиналъ уже ощущать, исчезла. Я это приписывалъ соку люнії, который, кромѣ утоленія жажды, составляетъ специфическое средство противу лихорадки. Я набралъ себѣ этихъ ягодъ и листьевъ, и опять отправился къ *тиньону* за орѣхами.

Такъ провелъ я четыре дни и четыре ночи, раздѣляя свое время между двумя деревьями, которыя меня кормили и поили. Лихорадка не возвращалась, рана начала заживать, боль утихла. Волки рѣдко стали возвращаться, и хотя видѣли меня, но не смѣли нападать.

Наконецъ, на пятый день побрелъ я къ ручью, то—есть я ползъ на двухъ рукахъ и на одномъ колѣнѣ. На половинѣ дороги встрѣтилъ я предметъ...

Тутъ голосъ Нейта прервался отъ волненія; онъ залился слезами. У всѣхъ навернулись слезы, догадываясь въ чемъ дѣло.

«Это былъ трупъ несчастной жены моей, растерзанный волками. Но къ удивленію моему, видѣлъ я, что она прежде этого была зарыта въ землю, а волки уже, чуя свѣжій трупъ, вырыли ее своими когтями и изѣли ее почти всю. При всемъ отчаяніи не постигалъ я, кто—бы могъ похоронить ее. Индѣйцы этого не дѣлаютъ;

прочіе всё сотоварищи были убиты. Одинъ Рольфъ... Дѣйстви- тельно, его телеги не нашель я въ лагерѣ. Значить, онъ избѣгъ общей участи, пріѣхалъ уже позже, и найдя тѣло моей Луизы, похоронилъ ее, но недовольно-глубоко.

Я принялся искать слѣды телеги изъ лагеря, но трудъ мой былъ напрасенъ. На третій день моей пещерной жизни шелъ силь- ный дождь и смылъ всё слѣды телегъ. О бѣдной моей дочери подумалъ я, что индѣйцы унесли ее къ себѣ, или волки ее рас- терзали.

Въ одной телегѣ нашель я много провизіи. Тутъ были кофе и высушенное мясо. Эта пища еще болѣе подкрѣпила меня. Здѣсь провелъ я такимъ-образомъ цѣлый мѣсяць, покуда рана моя со- всѣмъ зажила. Индѣйцы уже не возвращались, и вѣрно рассказы ихъ о взрывѣ напугаютъ всё племена, которыя не будутъ смѣть заходить въ эти мѣста.

IX.

ВЪ ПУСТЫНѢ.

«Я зналъ, что нахожусь неболѣе, какъ во ста миляхъ къ востоку отъ Новой-Мексики. Но сто миль дикой, необитаемой пустыни составляютъ такой-же переходъ, какъ и океанъ для ко- рабля. Я заготовилъ себѣ провизіи изъ орѣховъ пиньонъ, испекши ихъ въ золѣ.

Покуда я дѣлалъ эти приготовления, послышались мнѣ какіе- то шаги. Я съ безнокойствомъ вскочилъ. Вообразите себѣ мою радость! Это былъ мулъ. Какъ и откуда онъ возвращался, но я узналъ, что онъ принадлежалъ къ нашему лагерю, и по какому- то инстинкту теперь возвращался сюда.

Чтобъ не испугать его и поймать, я прокрался тихонько къ телегѣ, гдѣ былъ *лазо*. Но мулъ самъ подошелъ къ той-же те- легѣ и мордою сталъ шарить какой-нибудь пищи. Я набросилъ на него *лазо* только изъ предосторожности, потому-что, увидя меня, онъ не испугался, а далъ себя гладить и ласкать. Еслибъ я не случился тутъ, то мулъ конечно воротился-бы въ Сень-Луи. Это часто случается съ ними, когда они отстадутъ отъ каравана, будучи преслѣдуемы волками.

Мулъ вскорѣ ко мнѣ привыкъ, и я устроилъ себѣ сѣдло и уздечку. Сѣвъ на него верхомъ, съ мѣшками за плечами, поѣхалъ я рысью въ Санта-Фе, и черезъ недѣлю былъ уже тамъ, а отсюда отправился въ свои рудоконни.

Съ этой минуты исторія моя уже неинтересна ни для кого. Она состояла въ оплакиваніи всего драгоценнаго, навсегда утраченнаго; теперь только возвращаюсь я къ жизни, найдя опять свою дочь. Продолжай, Рольфъ, теперь ты свой рассказъ.»

Когда Нейтъ окончилъ, то хозяинъ снова налилъ намъ чаши съ виномъ. Мы набили трубки, а онъ продолжалъ съ того мѣста, гдѣ былъ прерванъ прекраснымъ эпизодомъ.

«Я вамъ описалъ ужасное зрѣлище, которое представилось моимъ глазамъ. Свирѣпыя волки, терзающіе трупы, несчастная мать, плачущее дитя и собаки, защищающія ребенка. Когда мы приблизились, то волки убѣжали, а собаки радостно залаяли, потому-что безъ нашего появленія и онѣ были-бы растерзаны волками. Я наклонился къ ребенку, но дѣвочка не хотѣла выпустить шею матери изъ рукъ своихъ, и кричала, что *мама проснется*. Увы! Стрѣла вошла ей прямо въ грудь, и она съ этою ранюю имѣла еще силы бѣжать до лѣса, чтобъ спасти дочь свою отъ индѣйцевъ. Вѣрныя собаки послѣдовали за нею. Здѣсь она упала, прижавши дочь къ своей груди.

Оставя Куджо у тѣла, я отнесъ ребенка въ телегу, несмотря на крики и сопротивленія маленькой Луизы, и отдалъ ее на руки моей жены. Здѣсь, увидя мою дочь, Мери, и осыпанная ласками новой своей матери, она успокоилась, и вскорѣ уснула на груди моей жены.

Взявши съ телеги заступъ, выкопалъ я, на скорую руку, могилу и похоронилъ тѣло бѣдной Луизы. Дѣйствительно, я неглубоко зарылъ ее, вовсе не думая о волкахъ. Я хотѣлъ только исполнить христіанскій долгъ къ усопшей.

Возвратясь къ телегѣ, я отвелъ ее въ лѣсъ, съ быками, чтобъ дикіе не увидѣли ихъ, а самъ пошелъ съ ружьемъ развѣдывать, ушли-ли они. Пройдя двѣ, или три мили между кустарниками, я увидѣлъ слѣды индѣйцевъ. Они отправились къ западу, и судя по слѣдамъ, ихъ было много и все́ верхами.

Тогда планъ мой былъ тотчасъ-же составленъ. Я рѣшился

дни два слѣдовать на югъ, а потомъ уже поворотить къ западу, чтобъ достигнуть до Скалистыхъ-горъ и до долины Новой-Мексикки. Я слышалъ, что есть проходъ южиѣе, нежели ведущій въ Санта-Фе, и надѣялся доѣхать до него, хотя, по расчету моему, и былъ въ двухъ стахъ миляхъ отсюда.

Когда я воротился къ своей телегѣ, то Мери и дѣти уже безпокоились обо мнѣ. Я обрадовалъ ихъ уходомъ индѣйцевъ, и не оставаясь тутъ на ночь, рѣшился воспользоваться свѣтомъ полной луны, чтобъ проѣхать къ югу миль двадцать по равнинѣ. Всѣ были рады, оставляя это ужасное мѣсто, и вѣрно никто-бы изъ насъ не сомкнулъ глазъ, елибъ мы и остались на ночь. Боязнъ возвращенія индѣйцевъ, раздражительное состояніе наше и вой волковъ не дали-бы намъ спать.

Извѣстно, что въ подобныхъ путешествіяхъ больше всего надобно заботиться о водѣ, а потому, не зная еще, гдѣ и когда мы найдемъ ее, мы налили всѣ курдюки и боченки, и взглянувъ на полярную звѣзду, я повернулся къ ней спиною и двинулся въ путь. Какъ скоро неровности пути заставляли насъ терять направленіе, я оглядывался на путеводную звѣзду,—и это былъ переть Божій, указывающій намъ путь.

Равнина, по которой мы ѣхали, была совершенно безлѣсная: песокъ, овраги, и больше ничего.

На разсвѣтѣ были уже мы въ двадцати миляхъ. Холмы, мимо которыхъ мы проѣхали ночью, совершенно уже скрылись изъ вида. Значитъ, мы проѣхали довольно большую дугу земнаго шара, если горы уже скрылись за видимый горизонтъ. Въ особенности мы были увѣрены теперъ, что индѣйцы не найдутъ насъ.

До полудня продолжали мы путь, не останавливаясь; но тутъ должны были дать отдыхъ быкамъ и лошадямъ. Это былъ печальный для нихъ отдыхъ. Вокругъ не было ни травки, ни капли воды, ни слѣда зелени, кромѣ *артемизи* и дикой полыни, которыхъ быки и лошади не ѣли. Бѣлые, серебристые листочки вовсе не радовали глазъ, потому-что были признакомъ бесплодія почвы. Мѣсто, гдѣ они растутъ, можно всегда считать совершенною пустынею.

Полуденное солнце усиливало жажду животныхъ, а мы не

смѣли удѣлить имъ изъ запаса воды, кромѣ двухъ собакъ, которыхъ напоили.

Къ вечеру пустились мы опять въ путь, въ надеждѣ достигнуть до какого-нибудь ручейка, или источника. При захожденіи солнца были мы еще въ десяти миляхъ далѣе къ югу, но никакого признака воды не показывалось. Вокругъ насъ была одна пустыня; ни холмикъ, ни кустъ, ни одинъ звѣрь не нарушали однообразія и молчанія степи. Мы были какъ въ лодкѣ посреди океана.

Всю ночь проѣхали мы опять. На разсвѣтѣ я осмотрѣлся: таже безплодная, пустынная равнина! Печально поѣхалъ я подлѣ изнуренныхъ быковъ...

— Папа, папа! закричалъ мнѣ Франкъ, посмотри—ка какое прелестное бѣлое облако!

Я оглянулся на сына, чтобъ видѣть куда онъ указываетъ. Радостный крикъ исторгся изъ груди моей. Къ юго-востоку видна была вершина снѣжной горы, которую сынъ мой принялъ за облако. Я самъ-бы давно могъ видѣть ее, но постоянно все смотрѣлъ къ югу и западу.

Очевидно, что гдѣ снѣгъ, тамъ должна быть и вода. Я приказалъ Куджо направить туда быковъ. Гора была намъ не по пути, но что за дѣло! Прежде всего нужно-было спасти жизнь.

Гора была въ двадцати миляхъ. Вопросъ состоялъ въ томъ, дойдутъ-ли туда быки, уже съ трудомъ подвигавшіеся впередъ. Если-же они падутъ, въ состояніи-ли будемъ мы сами дойти. Вода наша была уже вся выпита, а по мѣрѣ возвышенія солнца жажда болѣе и болѣе усиливалась. Ручей, отъ тѣни снѣговъ, долженъ былъ спускаться съ горы, но съ которой стороны? По несчастью, я видѣлъ, что долина, по которой мы ѣхали, склоняется покато къ подошвѣ горы; слѣдственно, ручей долженъ быть съ другой стороны, и обходъ горы могъ еще простираться миль на десять и болѣе.

Въ полдень одинъ быкъ палъ. Мы его бросили. Остальные три едва передвигали ноги. Всѣ ненужные намъ предметы выброшены были изъ телеги, чтобъ облегчить быковъ; но и тутъ они шли чрезвычайно медленно.

Часъ отдыха могъ-бы придать имъ нѣсколько силъ, но я не

смѣлъ остановиться, потому-что жажда мучила моихъ дѣтей. Я видѣлъ, что намъ оставалось около десяти миль до подошвы горы, и хотѣлъ было ускакать верхомъ на лошади, чтобъ въ какомъ-нибудь сосудѣ привезти воды; но лошадь моя тоже отказалась отъ всякаго усилія. Я даже принужденъ былъ слезть съ нея и идти подлѣ нея пѣшкомъ.

Паль еще быкъ. Оставалось два.

Въ эту ужасную минуту замѣтилъ я на землѣ предметы, заставившіе меня вскрикнуть отъ радости. Это были *сфероидальныя кактусы*. Они похожи были на огромные шары темнозеленаго цвѣта, выставившіе свои иглы наружу. Я бросился къ нимъ съ моимъ ножемъ. Всѣ думали, что я съума сошелъ, собираясь воевать съ беззащитными растениями. Но когда я очистилъ кактусы отъ колючей оболочки, когда изъ середины ихъ стала истекать свѣжая влага, — всѣ поняли благодѣтельность моей находки.

Разрѣзавъ сфероиды на ломтики, принялись мы сосать ихъ, Я подаль ихъ даже быкамъ и лошади, которые съ жадностію проглотили все. Собаки тоже съ наслажденіемъ лизали это растеніе.

Конечно, это нѣтакъ утоляетъ жажду, какъ вода, но все-таки мы почувствовали большое облегченіе, и вѣрно безъ этого не достигли-бы до горы. Тутъ я рѣшился дать отдыхъ быкамъ. Къ сожалѣнію, одинъ легъ, лишенный всѣхъ силъ, на землю, и мы должны были его оставить, а вмѣсто его впрячь лошадь.

Продолжая путь, я осматривался: нѣтъ-ли еще кактусовъ, но ихъ уже не было, и вскорѣ наши страданія возобновились. Оставалось еще до пяти миль до горы, какъ вдругъ упалъ послѣдній быкъ. Теперь нельзя уже было везти телегу. Мы всѣ вышли и побрели пѣшкомъ. Надобно было добаться, или умереть.

Я отпрягъ лошадь и пустилъ ее на волю. Въ телегѣ взять я топоръ, оловянную чашу и кусокъ сушеннаго мяса. Куджо взялъ на руки маленькую Мери; я взялъ Луизу. Жена, Франкъ и Гарри несли тоже съ собою что могли. Въ такомъ порядкѣ отправились мы къ горѣ. Собаки шли за нами, и бѣдная лошадь, едва передвигая ноги, тоже не хотѣла оставаться, а шла за нами.

Кое-какъ прошли мы эти пять миль. Еще издали видѣли мы до скату горы нѣсколько темныхъ рытвинъ, и въ одной изъ нихъ

сребристую полосу воды, бѣгущей, въ видѣ каскада, посреди скалъ. Этотъ видъ усилилъ наше мужество. Черезъ часъ мы были уже у ручья, и благодарили Бога за избавленіе.

Утоливъ жажду, мы оглянулись на окружающее. Источникъ, нами найденный, былъ не тотъ, который вы видите въ этой долині. Онъ былъ съ другой стороны горы. Были и другіе, сливающиеся къ юго-востоку, и я открылъ потомъ эту рѣку, спускающуюся въ долину, по направленію къ востоку. Я полагалъ, что это источникъ большой Красной-рѣки въ Луизианѣ, или Бразоса, или Колорада въ Техасѣ. Впрочемъ вода здѣсь часто пересыхаетъ въ большіе жары. Только въ дождливое время наполняются всѣ ручьи.

Мѣсто, на которомъ мы остановились, не представляло намъ никакихъ средствъ къ добыванію пищи. Склоны горы были бесплодны. Только рѣдкіе кедры видѣлись въ разсѣлинахъ скалъ. Около ручья была, конечно, свѣжая трава, но она не могла удовлетворить нашего голода. Если пустыня простирается къ югу, подумалъ я, какъ съ прочихъ сторонъ, нами видимыхъ, то вмѣсто жажды предстоить намъ умереть съ голода. И то и другое было равно неприятно.

X.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ АРМАДИЛЛОЮ.

Мы цѣлый день не ѣли. У насъ былъ еще кусокъ сушеннаго мяса.

— Сваримъ его, — сказала Мери. У насъ будетъ супъ, а это лучше всего для дѣтей.

— Да, папа! вскричалъ Франкъ, супу, супу!

— Пожалуй, отвѣчалъ я. Куджо, возьми топоръ и пойдемъ на гору за дровами. Я вижу внизу елки; мы разведемъ славный огонь.

Въ трехъ стахъ ярдахъ и у самыхъ скалъ, изъ которыхъ выходитъ ручей, были видимыя мною деревья, но это были не елки, а какія-то другаго рода деревья. Стволъ и вѣтви вооружены были большими иглами, листья ярко-зеленаго цвѣта. Странно было только, что эти листья, въ видѣ стручковъ, висѣли съ вѣтвей гу-

стыми пучками, въ полтора дюйма ширины и въ двѣнадцать длины. Это было извѣстное въ Америкѣ *медовое дерево*, или колючая акація (у испанцевъ альгарабо).

Куджо первый узналъ это дерево.

— Мессе, Рофъ! закричалъ онъ, смотрите—горохъ и медъ на ужинъ.

Я не сталъ рубить дерево, а собралъ въ платокъ стручковъ, сколько могъ завязать, а Куджо въ это время пошелъ рубить ельнику.

— Мессе, Рофъ! закричалъ онъ опять. Подите сюда, посмотрите, что это за животное.

Я приближалъ къ нему. Онъ стоялъ, нагнувшись надъ разсѣлиною, изъ которой торчалъ чей-то хвостъ, похожій на свиной.

— Что это, Куджо?

— Не знаю, я не видалъ такихъ звѣрей въ Виргиніи. Похожъ на старый *поссумъ*.

— Тяни его за хвостъ, сказалъ я.

— Ужъ пробовалъ, но не трогается съ мѣста. Вотъ посмотрите.

Говоря это, негръ принялся изъ всѣхъ силъ тянуть звѣря за хвостъ, но безъ всякой пользы.

— Видѣлъ-ли ты звѣря, откуда онъ не залезъ туда.

— Видѣлъ, мессе; онъ отъ меня и ушелъ туда?

— Каковъ онъ собою?

— Похожъ на свинью, а еще болѣе на *поссума*, но весь покрытъ чешуею, какъ черепаха.

— А! такъ это армадилла.

— Не слыхалъ никогда.

Армадилла—названа такъ испанцами по причинѣ вооруженія ея (*armado*). На ней дѣйствительно броня изъ чешуи, раздѣленной на правильные многоугольники, какъ кольчуги древнихъ рыцарей. Даже голова ея прикрыта шлемомъ, соединеннымъ съ броней тѣла особымъ органомъ. — Звѣри эти бываютъ разной величины. Иные съ барана, но вообще меньше. Форма чешуи бываетъ различная, по породамъ: четверугольная, пяти и шестиугольная, но всегда математически правильная. Эта кроткія и беззащитныя животныя питаются травами и кореньями.

Эти животныя очень медленно ходятъ, хотя и скорѣе, нежели можно предполагать по тяжести ихъ брони. Они ходятъ скорѣе черенахъ. Когда ихъ преслѣдуютъ и догоняютъ, они свертываются, какъ ежъ, или стараются свалиться въ какую-нибудь пропасть, разсѣлину, или оврагъ.

Армадила, преслѣдуемая Куджо, сдѣлала тоже; но дира, въ которую она влезла, была очень мала, и хвостъ армадиллы остался наружѣ. Вытянуть ее оттуда очевидно было нельзя. Но я вспомнилъ хитрость, употребляемую индѣйцами, которые очень лакомы до ея мяса. Они щекочатъ животное подъ хвостомъ, и оно развертываетъ тогда свою кольчугу. Я попробовалъ сдѣлать тоже, и дѣйствительно армадила перестала цѣпляться и свертываться. Видя это, я сильно дернулъ ее за хвостъ и швырнулъ далеко отъ ямы, Куджо тотчасъ-же подбѣжалъ и ударомъ топора отрубилъ ей голову. Она была побольше кролика и принадлежала къ породѣ *восьмиполосныхъ*, считаемыхъ самыми вкусными.

Вскорѣ мы возвратились къ женѣ и дѣтямъ, съ дровами, стручками и армадиллою. Мери не соглашалась ѣсть это животное, а дѣти съ любопытствомъ разсматривали странное устройство брони; маленькая Мери и Луиза принялись тотчасъ-же за сладкіе стручки.

— А между-прочимъ, сказалъ Рольфъ, продолжая свой рассказъ, — вотъ попробуйте пива, которое я выдѣлываю изъ этихъ стручковъ, растущихъ у меня вездѣ по полямъ. Если оно не такъ хорошо, какъ въ Лондонѣ, Барклея и Перкинса, то право лучше многихъ нѣмецкихъ.

Сказавъ это, хозяинъ налилъ намъ чаши пивомъ, и оно было такъ вкусно, что мы попросили еще.

Послѣ этого Рольфъ началъ опять.

XI.

ХУДОЩАВЫЙ БУФФАЛО.

Вскорѣ всѣ мы занялись приготовленіемъ къ ужину. Мери варила супъ изъ сушеного мяса со стручками (Куджо развелъ уже огонь); дѣти чистили стручки, подчюя себя и сырыми; я-же готовился жарить армадиллу. Лошадь съ удовольствіемъ щипала

траву у ручья; обѣ собаки ждали, помахивая хвостами. Но черезъ часъ былъ готовъ и ужинъ.

У насъ конечно не было ни тарелокъ, ни стакановъ, ни ложекъ, ни ножей, ни вилокъ, но мы успѣвали обходиться и безъ нихъ. Охотничьими ножами мы ловили куски мяса въ супѣ и разрѣзывали ихъ на чистенькомъ плоскомъ камнѣ. Самому-же супу дали мы довольно простыть и прихлѣбывали черезъ край изъ той-же посуды, гдѣ онъ и варился.

Сперва я одинъ ѣлъ армадиллу, но наконецъ Куджо попросилъ у меня кусокъ попробовать этой *дичи*, а когда съѣлъ, то запросилъ и другой. Ни Мери, ни дѣти не рѣшились ѣсть ее, хотя я ихъ увѣрялъ, что мясо похоже на лучшую свинину.

Однакоже солнце уже садилось, и надобно было подумать о ночлегѣ. Всѣ наши одѣяла остались въ телегѣ, а вечеръ становился холоднымъ, какъ всегда бываетъ близъ снѣжныхъ горъ. Чувствителенъ былъ вѣтерокъ, дующій съ вершины, оттого, что холодный слой воздуха вытѣснялъ нижній теплый. Мы начинали зябнуть. Даже у огня почъ была-бы слишкомъ холодна для насъ.

Я рѣшился съѣздить верхомъ къ телегѣ, и взять тамъ все нужное къ ночлегу. Лошадь уже отдохнула, поѣла и была по-прежнему бодра и весела. Куджо привелъ ее ко мнѣ. Но потомъ, желая взять съ собою Куджо, чтобъ забрать побольше вещей съ телеги, я пошелъ съ нимъ пѣшкомъ, а лошадь взялъ для обратнаго вояжа. Пять миль казалось намъ теперь, послѣ ужина, очень немного. Съ высоты нашего лагеря видна была даже холстинная крыша нашей телеги, бѣлѣющая въ пустынь.

Съ Мери остались сыновья, которымъ я приказалъ при малѣйшей опасности стрѣлять, чтобъ я могъ тотчасъ-же воротиться. Съ ними-же остались и собаки.

Хотѣлось мнѣ отыскать и бѣдныхъ быковъ моихъ. Если они уже околѣли, то мясо ихъ могло еще служить намъ въ пищу. Вдругъ Куджо указалъ мнѣ вдали на какое-то большое четвероногое.

— Можетъ-быть это и буффало, подумалъ я, но со мною есть пистолеть, и я пошелъ тихонько, чтобъ непрежде стрѣлять, какъ въ упоръ... Вдругъ лошадь моя захрапѣла, а живот-

ное начало мычать. Это былъ мой-же быкъ, который отдохнулъ и медленно подвигался теперь къ видимому имъ издали нашему огню. Лошадь узнала стараго товарища, быкъ тоже. Я самъ обрадовался этой находкѣ. Быкъ могъ еще вывезти телегу изъ пустыни. Странно было видѣть радость этихъ разнородныхъ животныхъ. Они сложились мордами и махали хвостами, какъ-бы рассказывая другъ другу о своихъ походахъ. У быка волочились еще пристяжныя постромки, и мы нарочно привязали его къ кусту, чтобъ взять съ собою на обратномъ пути.

Мы уже хотѣли идти, какъ вдругъ я вздумалъ, что еслибъ попоить быка, то онъ съ лошадей могъ-бы привести всю телегу. Какой-бы сюрпризъ былъ для Мени.

Куджо тотчасъ отправился верхомъ обратно къ ручью и привезъ быку воду, который увидя ее, радостно замычалъ и вылизалъ даже посудину.

Подойдя потомъ къ телегѣ, увидѣли мы, что около нея бродятъ волки. Вѣрно они-то и придали силы быку уйти отъ неминуемой смерти. При нашемъ приближеніи они удалились. Мы запрягли въ телегу быка и лошадь, и по направленію нашего костра пустились обратно. Лошадь съ быкомъ тоже радостно поглядывали на этотъ огонь и ускоряли шаги.

Оставалось уже болѣе полумили, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ. Со страхомъ бросился я бѣгомъ въ лагерь. Значило, что Мери и дѣти въ опасности. Можетъ-быть индѣйцы, или сѣрый медвѣдь, или другое кровожадное животное.

Я взвелъ курокъ пистолета и быстро приближался къ костру. Останавливаясь, чтобъ перевести духъ, я снова прислушивался, но все было тихо. Это молчаніе еще болѣе пугало меня. По крайней-мѣрѣ собаки должны-бы были лаять.

Какъ сумасшедшій добѣжалъ я до огня. Какъ описать мою радость и удивленіе. Жена спокойно сидѣла у огня съ Луизою на колѣняхъ; Мери тутъ-же подлѣ нея играла. Но не видать было сыновей, гдѣ они?

— Что съ вами, милая Мери? закричалъ я, прибѣжавъ. Гдѣ Франкъ и Гарри? Я слышалъ выстрѣлъ...

— Да! отвѣчала жена. Гарри въ кого-то, или во что-то стрѣлялъ.

— Въ кого? во что?

— Не знаю, въ какое-то животное, и вѣроятно ранилъ, потому-что послѣ выстрѣла все ушли — и дѣти и собаки...

— Въ какую сторону?

Мери указала мнѣ, и я тотчасъ-же бросился вслѣдъ за ними. Въ ста ярдахъ отъ костра догналъ я всехъ. Они стояли около мертваго звѣря. Гарри гордился своимъ выстрѣломъ и ждалъ похвалы отъ меня. Я конечно похвалилъ его, и потащилъ звѣря къ огню. Онъ былъ съ молодаго теленка, но красивѣе, съ длинными тонкими ногами, свѣтло-красною шерстью и бѣлою грудью, съ вѣтвистыми рогами, однимъ-словомъ, это была антилопа, единственной породы, находимой съ Сѣверной Америки.

Тогда Мери разсказала мнѣ, что сидя у огня въ безпокойномъ ожиданіи моего возвращенія, они вдругъ увидѣли пару блестящихъ глазъ въ темнотѣ, въ нѣсколькихъ ярдахъ. Не зная, волкъ-ли это, медвѣдь или другое животное, Гарри и Франкъ схватились за ружья; Гарри прицѣлился прямо между глазъ; послѣдовалъ выстрѣлъ; собаки вкочили, бросились за убѣгавшимъ звѣремъ, догнали его и начали терзать, потому-что онъ уже палеъ мертвъ. Франкъ и Гарри оттащили собакъ и нашли, что пуля попала въ плечо, такъ что антилопа не могла далеко уйти.

Это было новое приобрѣтеніе для нашего запаснаго магазина, по-крайней-мѣрѣ на три дни, и Гарри твердилъ, что мы ему этимъ обязаны. Не имѣя за часъ предъ тѣмъ никакого средства къ составленію нашего ужина, мы уже мечтали о запасахъ. Но мои дѣти не ожидали моего сюрприза.

— Гдѣ-же Куджо? спросила жена. Несетъ-ли онъ одѣяла?

— Несетъ и много еще кое-чего.

Въ то-же время послышался и скрипъ колесъ. Франкъ вспрыгнувъ, увидѣвъ холстинную крышу, и захопалъ въ ладоши.

— Мама, мама! Это наша телега!

— Быкъ и лошадь, какъ-бы обрадованные присутствіемъ всего семейства, почти рысью подъѣхали къ костру. Мы ихъ тотчасъ-же облегчили, напоили и пустили на траву.

Послѣ этого приняты были все мѣры къ ночлегу. Постлали

постель въ телегѣ, подѣ холщевую крышею. Куджо и я очистили въ это время антилопу, отдавъ голову, ноги и внутренность собакамъ. Остальное повѣсили на веревкѣ къ высокому суку, чтобъ волки не могли ночью достать.

Помолившись Богу и поблагодаривъ Его за наше спасеніе, мы улеглись.

ХІІ.

БИГГОРНЫ.

Полутру, на разсвѣтѣ, были мы уже на ногахъ и восхищались восхожденіемъ солнца. Къ востоку весь видимый горизонтъ представлялъ ровную долину, похожую на океанъ во-время безвѣтрія. Когда пылающій дискъ солнца началъ показываться, то казалось, что онъ прямо выходитъ изъ нѣдръ земли. Небо было чисто, свѣтло, безъ малѣйшаго облачка. На плоскихъ возвышенностяхъ внутри американскаго материка часто по недѣлямъ не видать облаковъ на небѣ. Мы отдохнули, успокоились и были теперь безопасны. У насъ было съѣстныхъ запасовъ дни на три. Куджо занялся приготовленіемъ антилопы, а я отправился съ топоромъ на гору, за дровами. Мери чистила стручки и разбирала свои кострюли и горшки. У насъ было взято съ собою цѣлое хозяйство съ фермы, и все теперь казалось намъ драгоценнымъ.

Я притащилъ дровъ. Мери начала варить кофе, я на растерѣ положилъ куски антилопы; Куджо собралъ опять охапку стручковъ, и пекъ ихъ у огня, чтобъ они служили намъ вмѣсто хлѣба, котораго у насъ не было. Оставалось еще около фунта муки, но, разумѣется, къ кофе не было ни сливокъ, ни сахара, да и, повѣрьте, это ненужно. Въ дорогѣ кофе чрезвычайно пріятенъ и безо всего.

Впрочемъ Франкъ нашелъ средство замѣнить сахаръ. Замѣтя медовое свойство стручковъ, онъ цѣлую чашку наскоблилъ медоваго вещества и подслащивалъ имъ свой кофе.

— Браво, Франкъ! сказалъ я ему, и все послѣдовали его примѣру.

Изъ телеги вытащенъ былъ большой сундукъ; покрыли его скатертью, и онъ служилъ намъ столомъ. Вмѣсто стульевъ, при-

катили мы большія каменя, и сидя на нихъ, очень важно и комфортабельно завтракали.

Въ это время Куджо все посматривалъ на гору, и мы невольно стали за нимъ—же смотрѣть. На высокихъ скалахъ увидѣли мы пять красноватыхъ существъ, двигавшихся съ такою быстротою, что мы приняли ихъ сперва за птицъ, но внимательно взглянувъ, узнали, что это четвероногія. Но они такъ быстро и легко перескакивали со скалы на скалу, что невозможно было различить устройства ихъ. Казалось, они принадлежали къ дикимъ баранамъ, съ огромными загнутыми рогами. При перескакиваніи, казалось намъ, они перевертывались, чтобъ головою упасть внизъ.

Одна изъ этихъ скалъ выдавалась ярдъ на сто отъ того мѣста, гдѣ мы расположились. Она оканчивалась отвѣсными обрывами въ семьдесятъ футовъ вышины. Достигнувъ до этой точки, животныя остановились, и я уже рассчитывалъ, достану—ли я ихъ изъ ружья. Вдругъ, къ величайшему нашему удивленію, первый баранъ бросился съ высоты головою внизъ и упалъ въ долину. Онъ отскочилъ вверхъ на нѣсколько футовъ, и при второмъ разѣ сталъ уже неподвижно на ноги. Всѣ прочіе послѣдовали его примѣру, и всѣ останавливались на минуту, какъ—бы ожидая аплодисментовъ.

Мѣсто ихъ скачки отстояло отъ насъ неболѣе, какъ въ пятидесяти шагахъ, но я такъ изумился видѣнному, что и забылъ о своемъ ружьѣ. Животныя тоже удивились, увидя насъ. Собаки залаяли и бросились на нихъ, а бараны повернулись и поскакали къ горѣ. Я выстрѣлилъ въ средину группы, но ни одинъ не упалъ и не остановился. Собаки послѣдовали за ними, но тѣ какъ—бы летали по горамъ. Одинъ только видимо сталъ отставать. Это означало, что я его ранилъ, и мы смотрѣли за всѣми его движеніями. Дѣйствительно, когда всѣ скрылись изъ вида, онъ еще стоялъ на одной скалѣ, и прыгнувъ на другую, не доскочилъ, а оборвавшись, упалъ къ подошвѣ. Собаки тотчасъ—же загрызли его.

Куджо, Франкъ и Гарри принесли его. Они величиною былъ съ хорошаго барана. Американскіе охотники называютъ этихъ животныхъ биггорнами. Мясо ихъ довольно вкусно (особливо для лю-

дей въ нашемъ положеніи). Мы тоже очистили его, и собаки опять получили богатую порцію. Баранъ былъ повѣшенъ, въ видѣ запаса, вмѣстѣ съ антилопою.

Начали мы совѣтоваться, что дѣлать. Кромѣ биггорна и антилопы было у насъ съѣстныхъ припасовъ на недѣлю. Но когда это будетъ съѣдено, достанемъ-ли мы вновь дичи?

На это нельзя было рассчитывать. Пустыня была бесплодна и животныхъ не могло тутъ водиться много. Да и притомъ будущихъ труднѣе будетъ отыскивать и убивать, потому—что сегодняшніе сами на насъ наткнулись. Но даже, еслибъ ихъ было и много, не могли-же мы долго жить одною охотою. Быкъ могъ прокормить насъ недѣлю; потомъ могли мы съѣсть лошадь, потомъ собакъ, а потомъ—умереть съ голода.

Эта перспектива была непріятна. Убивши быка, мы не могли уже везти телеги; безъ лошади еще хуже. Пѣшкомъ? Никто не хаживалъ еще пѣшкомъ черезъ Великую пустыню. Слѣдовательно, оставаться тутъ было невозможно.

Второй пунктъ состоялъ въ томъ: далеко-ли простирается пустыня и гдѣ ближайшій выходъ изъ нея? Чтобъ осмотрѣть южную сторону горы, я съ ружьемъ и верхомъ отправился около горы. Переправясь черезъ нѣсколько ручьевъ, подобныхъ тому, у котораго мы расположились, я замѣтилъ, что всѣ они сливаются на востокъ въ одно главное русло, и по этому направленію видѣлъ я нѣсколько малорослыхъ деревьевъ и примѣты зелени; встрѣтилъ одну антилопу и еще какого-то звѣря, похожаго на дикаго барана, но различной породы отъ видѣнныхъ до того времени, съ длиннымъ коровьимъ хвостомъ. Я даже въ естественной исторіи не встрѣчалъ описанія подобнаго животнаго.

Проѣхавъ пять миль, обогнулъ я гору до южной стороны. Тутъ весь видимый горизонтъ представлялъ одну голую степь, еще пустыннѣе почти, нежели сѣверную. Слѣдственно, только съ востока видна была какая-нибудь растительность, и то весьма плохой наружности.

Выборъ былъ очень затруднителенъ. Возвратиться къ востоку, къ американскимъ границамъ, съ такимъ малымъ числомъ припасовъ, имѣя при себѣ быка и лошадь, было-бы безуміемъ, потому—что разстояніе составляло восемь сотъ миль. Сверхъ-того

я зналъ, что по этой дорогѣ кочуютъ разныя враждебныя племена индѣйцевъ, такъ что и при плодородіи страны мы не могли-бы выбратъся изъ нея.

Идти къ сѣверу, или къ югу было тоже невозможно; оба протяженія стени составляли до тысячи миль. Слѣдственно, одна надежда была на западъ, къ мексиканскимъ селеніямъ Дель-Норте, отъ которыхъ мы были за двѣсти миль. Но и для этого надобно было дать отдохнуть и отѣѣться нашему быку и лошади; надобно было собрать припасовъ на дорогу, а откуда ихъ взять? Оставалось молиться и надѣяться на Бога, Котораго покровъ видимо защищалъ насъ все это время.

Я замѣтилъ, что съ южной стороны склонъ горы гораздо отложе, нежели съ сѣверной, гдѣ были отвѣсныя пропасти. Я заключилъ изъ этого, что вода, стекающая отъ таянія снѣговъ, болѣе собирается на этой сторонѣ, и что растительности здѣсь должно быть больше.

Продолжая ѣхать, достигъ я до лѣса ивъ и хлопчатобумажнаго дерева вдоль рѣки нашей долины. Тутъ открылъ я другой источникъ, съ богатыми нажитями. Привязавъ лошадь къ дереву, взобрался я на нѣкоторую высоту горы, чтобъ лучше осмотрѣть всѣ окрестности къ западу и югу.

Какъ скоро я дошелъ до высоты, то увидѣлъ этотъ странный оврагъ, вырытый природою въ этой долинѣ. Странность зрѣлища побудила меня осмотрѣть этотъ оврагъ. Я сѣлъ опять верхомъ и доѣхалъ до окраины бездны, съ которой открывалась вся прелестная долина.

Не могу вамъ выразить чувствъ моихъ въ эту минуту. Всякой, кто нѣсколько недель видѣлъ одну степь и вдругъ взглянетъ въ роскошный садъ, пойметъ мои ощущенія. Тогда уже была осень и всѣ деревья были покрыты роскошнѣйшими плодами. Пѣніе птицъ раздавалось между деревьями; воздухъ наполняеъ былъ благоуханіемъ. Елисейскія поля въ мифологіи не могли представить зрѣлища обворожительнѣе. Мнѣ казалось, что это сонъ, или миражъ.

Долго разсматривалъ я эту таинственную долину. Невидно было никакого жилища, не слышно никакого шума, кромѣ пѣнія птицъ и журчанія воды, падающей каскадами. Этотъ роскошный уголокъ

земли очевидно никогда еще не былъ посѣщаемъ людьми, съ перваго дня созданія, иначе они остались-бы въ немъ.

Долго-бы я любовался этимъ ландшафтомъ, еслибъ спускающееся солнце не напомнило мнѣ, что пора воротиться домой. Я отъѣхалъ миль за двадцать, а лошадь моя вовсе не была еще такъ сильна, чтобъ дѣлать большіе переѣзды.

Уже было около полуночи, когда я прибылъ домой. Все тамъ было спокойно. Только никто не спалъ, съ безпокойствомъ ожидая моего возвращенія. Я все рассказалъ, и мы цѣлую ночь почти проговорили, составляя планы для будущаго, и рѣшась по утру-же всё отправиться туда.

XIII.

БОЛЬШАЯ ЛОСЬ.

Поутру, едва только взошло солнце, мы нагрузили все имущество наше въ телегу, и позавтракавши, отправились въ долину, названную нами *Антилоповою*. Ручей получилъ потомъ наименование *Биторнова*.

До верхней оконечности долины доѣхали мы къ закату солнца, и расположились тутъ ночевать.

На другой день поѣхалъ я одинъ, чтобъ найти удобный спускъ. Нѣсколько миль слѣдовалъ я по окраинѣ, и къ удивленію моему видѣлъ, что съ обѣихъ сторонъ бока составляютъ отвѣсныя скалы. Я уже опасался, что этотъ земной рай неприступенъ; но достигнувъ до нижней оконечности, нашелъ, что тутъ спускъ гораздо удобнѣе. Я даже нашелъ дорогу, на которой видѣлъ слѣды какихъ-то животныхъ.

Отыскавши этотъ спускъ, возвратился я къ телегѣ, и мы опять переночевали тутъ-же, потому-что уже было поздно. Зато на другое утро отправились мы рано.

Въ семейномъ нашемъ свѣтѣ положили мы, что пробудемъ нѣсколько дней, покуда нашъ быкъ и лошадь поправятся, чтобъ могли выдержать путешествіе чрезъ пустыню.

Доѣхавъ до спуска, мы остановились. Мери и дѣти остались въ телегѣ, а я съ Куджо спустился, чтобъ осмотрѣть долину. Лѣсъ былъ очень густой. Деревья почти срослись, будучи переплетены виноградниками, какъ чудовищными змѣями. Нигдѣ не видно

было признака, чтобъ когда-нибудь была здѣсь нога человѣческая.

Тропинка, по которой мы спустились, привела насъ къ рѣкѣ. Въ то время она была узка, и русло ея поросло деревьями. Я нашель, что это былъ самый удобный путь для нашей телеги, и мы слѣдовали вверхъ по теченію. Почти въ трехъ миляхъ отъ нижней оконечности долины нашли мы перелѣсокъ, поднимающійся вверхъ по долинѣ. Тутъ трава была самая роскошная. Лугъ былъ испещренъ цвѣтами. Ландшафтъ былъ восхитительный.

Въ ту минуту, какъ мы подходили къ перелѣску, спугнули мы приходомъ нашимъ разныхъ звѣрей, которые и разбѣжались. Стаи птицъ летали по вѣтвямъ, и пѣніемъ своимъ оглашали окрестность. Тысячи разноцвѣтныхъ бабочекъ порхали вокругъ насъ. Всего прелестнѣе были птички, называемыя *птица-муха*, которыхъ перья блистали какъ драгоценные камни.

Это было очаровательное зрѣлище. Мы съ Куджо рѣшили основать на этомъ мѣстѣ временное наше пребываніе... *Временное!*.. Да! вотъ уже десять лѣтъ, какъ я здѣсь живу... Вы конечно удивитесь, господа, когда я вамъ скажу, что здѣсь въ то время не было еще озера и ничего похожаго на него. Оно образовалось впоследствии, а какимъ образомъ я послѣ расскажу.

Мѣсто, гдѣ теперь озеро, составляло часть перелѣска, поросшаго небольшимъ кустарникомъ.

Осмотрѣвъ всю окрестность, возвратились мы къ Мери, ожидавшей насъ съ нетерпѣніемъ. Три часа спустя, свезена была въ долину и телега, и въ видѣ палатки поставлена посреди перелѣска. Быкъ и лошадь, пущенные на свободу, дружно принялись за роскошную пищу. Дѣти валялись по мягкой муравѣ, подъ тѣнью широколѣтвистой *маньолы*. Дѣвочки бѣгали за птицами и за бабочками. И птицы подпускали ихъ къ себѣ очень близко, съ любопытствомъ разсматривая такихъ невиданныхъ для нихъ животныхъ, какъ мы.

Хотя еще и было довольно рано, но мы такъ устали со спускомъ телеги, что рѣшились отдыхать весь этотъ день. Куджо развелъ огонь, и на воткнутыхъ въ землю сучьяхъ повѣшены были котлы. Последняя часть антилопы варилась и жарилась. Мери накрыла столъ (то-есть сундукъ), и мы уже собирались

ужинать, какъ вдругъ послышался шумъ въ лѣсу. Вѣтви ломались и трещали, какъ—бы отъ движенія большаго животнаго. Мы устремили туда все наше вниманіе, и увидѣли, что три звѣря, выйдя изъ лѣсу, собирались перейти черезъ перелѣсокъ.

Сперва мы думали, по вѣтвистымъ рогамъ ихъ, что это дикіе бараны; но по огромному росту своему они больше походили на лошадь, или на быка. По большимъ—же своимъ рогамъ они казались еще выше. Это были три лося Скалистыхъ—горъ.

Они шли другъ за другомъ, очень важно и величаво, какъ—бы надѣясь на свой ростъ и силу. Мы любовались ими, когда они подходили къ нашей телегѣ. Вдругъ всѣ трое остановились и вематривались въ насъ и нашъ лагерь.

Извѣстно, что эти животныя боязливы, но смѣлость ихъ при нашемъ видѣ доказывала, что они еще не видали людей. Сперва по моему глазомѣру видѣлъ я, что онѣ внѣ выстрѣла, и хотя при первомъ шумѣ изъ лѣса схватился за ружье, но держалъ его только въ рукахъ. Однако—же лоси все болѣе и болѣе подходили къ намъ, останавливаясь и разматривая насъ. Наконецъ первый лось поравнялся со мною и былъ уже на такомъ разстояніи, что я могъ попасть. Я прицѣлился и спустилъ курокъ.

— Прوماхъ! проворчалъ я, увидя, что всѣ трое вдругъ повернулись и поскакали въ лѣсъ. Куджо пустилъ за ними собакъ, и мы вскорѣ всѣхъ ихъ потеряли изъ вида.

Раздалось какое—то мычанье вмѣстѣ съ лаемъ собакъ.

— Пойдемъ, Куджо, сказалъ я. Можетъ—быть я ранилъ звѣря, а собаки догнали его. Франкъ, Гарри! оставайтесь съ матерью.

Мы бросились съ Куджо въ лѣсъ, и по окровавленнымъ кустамъ видѣли, что лось была ранена, хотя и убѣжала. Слѣдуя на лай собакъ, мы догнали ихъ. Раненная лось уже упала на переднія колѣна, но защищалась рогами; одна собака уже лежала и визжала отъ боли. Другая еще сражалась, но напала на лось сзади.

Боясь потерять собакъ, я рѣшился кончить бой и выстрѣлить по ней; но торопясь слишкомъ, даль промахъ. Не заботясь объ этомъ, я подскочилъ и ударилъ лось прикладомъ по головѣ; но отъ силы этого движенія упалъ самъ прямо между

рогами ея. Выпустивъ ружье изъ рукъ, я схватился за рога, чтобъ не дать себя ударить ими, но лось, собравъ послѣднія свои силы, вскочила на ноги, и трягнувъ головою, отбросила меня далеко и высоко, такъ что я очутился на переплетшемся виноградникѣ. Сохранивъ присутствіе духа, я крѣпко ухватился за вѣтви, чтобъ не свалиться внизъ, потому—что звѣрь, отъ боли и ожесточенія, скакалъ и билъ рогами въ деревья, не постигая куда я скрылся. Еслибъ я упалъ, онъ—бы однимъ ударомъ убилъ меня.

Одна собака продолжала нападать, стараясь вцѣпиться въ лось съ боку; другая-же подползла подъ кустъ и продолжала визжать.

Тутъ явился Куджо, который отсталъ отъ меня. Онъ съ изумленіемъ оглядывался и искалъ меня. Я только успѣлъ ему закричать съ дерева: «берись», какъ вдругъ бѣшеная лось бросилась на него.

Хотя у Куджо и было индѣйское копые (онъ его взялъ въ лагерь, гдѣ было кровопролитіе), но я боялся, что онъ не успеетъ защититься отъ свирѣпаго звѣря. Я видѣлъ даже, что Куджо не подставляетъ ему съ разбѣга острія копыя. Но негръ былъ умнѣе меня. Онъ выждалъ приближенія лоси, и вдругъ отскочилъ въ сторону, за дерево, а звѣрь пронесся мимо. Движеніе Куджо было такъ быстро, что я въ первую минуту думалъ, не раздавленъ—ли онъ; но негръ въ тоже мгновеніе выскочилъ изъ—за дерева, и вонзилъ свое копые между ребръ животнаго. Лучшій испанскій матадоръ не искуснѣе-бы сдѣлалъ эту штуку.

Я вскрикнулъ отъ радости, увидя, какъ огромная лось повалилась на землю мертвою, и тотчасъ-же, спустясь съ дерева, поздравилъ Куджо съ совершеннымъ имъ подвигомъ.

— Да, мессе, отвѣчалъ скромно Куджо, я ему всадилъ копые прямо въ пятое ребро. Теперь этотъ звѣрь не тронетъ больше нашего бѣднаго Кастора (Касторъ пострадалъ отъ рога оленя и подползъ теперь къ намъ)

Въ эту минуту прибылъ Гарри. Онъ слышалъ еще выстрѣлъ и не утерпѣлъ, чтобъ не явиться къ намъ на помощь съ своимъ ружьемъ. Лось принуждены мы были разрубить по частямъ, чтобъ перетащить въ свой лагерь. Она вѣсила до тысячи фунтовъ, и мы развѣсили ее на деревьяхъ, приготова себѣ въ тотъ-же ве-

черъ кусокъ этого мяса, которое вкуснѣ всякаго лондонскаго бифтекса.

XIV.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ СЪ КАРКАЖУ.

Попутру встали мы рано, и позавтракавши, начали обсуждать свое положеніе. У насъ было довольно мяса, чтобъ предпринять самое продолжительное путешествіе. Но какъ сохранить его, не имѣя соли? Я вспомнилъ объ одномъ средствѣ, употребляемомъ испанцами, траппистами и охотниками. Англичане называютъ эту методу *джеркингъ*, а приготовленное такимъ образомъ мясо *джеркедъ-медъ*. Испанцы же называютъ *тазахо*.

Я рассказалъ весь процессъ Куджо, и мы тотчасъ-же принялись съ нимъ за дѣло. Мы развели большой огонь и наклали въ костеръ много вѣтвей свѣжихъ деревъ, дающихъ большой дымъ. Воткнувъ около огня нѣсколько шестовъ, мы повѣсили веревки черезъ огонь, а на эти веревки развѣсили куски лоси, чтобъ она окуривалась дымомъ и пропекалась жаромъ, но такъ чтобъ не изжариться. Въ этомъ положеніи надобно было поддерживать мясо около трехъ сутокъ, послѣ чего *джеркедъ* годился для перевозки на какое угодно разстояніе, составляя всегда вкусную и питательную пищу.

Всѣ эти три дни оставались мы въ бездѣйствіи. Ходить на охоту я не хотѣлъ. Запасовъ было теперь довольно, да и порохъ надобно было беречь. Притомъ-же я видѣлъ въ лѣсу слѣды медвѣдей и пантеръ, а эта охота слишкомъ опасна. Чтобъ избавиться отъ нападенія животныхъ, мы вокругъ телеги поддерживали цѣлую ночь огонь.

Впрочемъ, я въ это время успѣлъ убить одну дикую индѣйку, которая слишкомъ близко подошла къ нашему лагерю. Въ ней было болѣе двадцати фунтовъ вѣсу, и мясо ея было самаго нѣжнаго вкуса.

Въ концѣ третьяго дня мясо лоси сдѣлалось сухо, какъ щепка. Мы сняли его и уклали ломтями въ телегу, рѣшась теперь съ этимъ запасомъ ждать только, какъ поправятся наши обозныя животныя. А какъ они съ утра до вечера щипали самую роскошную траву, то бока ихъ видимо и округлялись.

Какъ мало можно разсчитывать на человѣческія предположенія. Въ ту самую минуту, какъ мы воображали, что имѣемъ уже всё средства къ переѣзду черезъ пустыню, случилось событіе, которое ниспровергло всё наши надежды на многіе годы, а можетъ-быть и навсегда. Вотъ что произошло.

Это было послѣ обѣда въ четвертый день нашего пріѣзда въ долину. Мы сидѣли подлѣ огня и любовались игрою двухъ дѣвочекъ. Я съ женою разговаривалъ объ участи Луизы, и мы согласились скрыть отъ нея тайну рожденія, покуда она не достигнетъ до совершеннолѣтія; мы разсуждали и о собственной своей будущности. Мы намѣрены были поселиться въ Америкѣ, не имѣя уже никакихъ средствъ къ обзаведенію. Мы были въ такой землѣ, гдѣ никто другъ другу не помогаетъ, а всего менѣе чужеземцамъ,—какая-же перспектива предстояла намъ? У насъ не было денегъ, чтобъ заплатить за первый ночлегъ въ какомъ-нибудь городѣ. Что-же насъ ожидало?

— Не унывай, милый другъ, сказала жена. Есть *Одинъ*, Который помогаетъ всемъ племенамъ и народамъ, кто на Него уповаешь и сердцемъ Ему вѣруешь.

— Ты права, Мери, отвѣчалъ я. Только на Него и осталась у насъ вся надежда.

Въ эту самую минуту нашего разговора страшный шумъ изъ лѣса поразилъ нашъ слухъ. Сперва онъ слышался вдали, потомъ все ближе и ближе; онъ похожъ былъ на мычанье быка, подъ вліяніемъ сильнаго страданія или страха. Мы оглянулись. Лошадь наша паслась въ перелѣскѣ, но быкъ вѣрно забрелъ въ лѣсъ. Это былъ онъ! Мычанье его раздалось еще сильнѣе и страшнѣе...

Я и дѣти схватились за ружья, Куджо за копье, собаки поднялись и ждали только приказанія, чтобы броситься. Вдругъ послышался въ лѣсу трескъ ломаемыхъ деревьевъ и вѣтвей. Птицы стаями летѣли оттуда со страхомъ, лошадь захрапѣла и бросилась бѣжать, собаки визжали... Быкъ нашъ выбѣжалъ изъ лѣса и быстро побѣжалъ къ намъ, какъ-бы ища спасенія.

Какое ужасное зрѣлище представилось намъ! На шеѣ у него сидѣло животное, котораго зеленая шерсть стояла дыбомъ, а когти впились въ загривокъ быка. Зубами своими терзалъ онъ его, и кровь ручьями лилась изъ раны.

Только успѣлъ добѣжать до насъ быкъ, и повалился, захрипѣвши въ предсмертныхъ страданіяхъ.

Дикій звѣрь былъ опрокинутъ паденіемъ, но тотчасъ-же вскочилъ и опять бросился на трупъ. Мы тогда узнали, что это былъ ужасный *каркажу*. И онъ увидѣлъ насъ, остановился, и оставя вдругъ быка, бросился на Мери и дѣтей.

Три выстрѣла раздались разомъ, и всѣ три мимо. Но Куджо уже вонзилъ въ горло его все свое копье, такъ что оно прошло насквозь. Звѣрь заревѣлъ отъ боли, но бросился на Куджо. Тутъ подоспѣлъ я, и въ упоръ выстрѣлилъ въ *каркажу* изъ пистолета.

Ударъ былъ смертеленъ. Звѣрь упалъ къ моимъ ногамъ. Мы были спасены. Но нашъ бѣдный быкъ, наша единственная надежда, чтобъ выхъать изъ пустыни, лежалъ въ крови своей, безъ жизни!

XV.

НАПРАСНЫЯ УСИЛІЯ, ЧТОБЪ НАЙТИ ДОРОГУ.

Такъ въ одну минуту исчезла надежда наша, чтобъ выйти изъ пустыни. Одна лошадь не могла везти телеги, а какъ предпринять подобное путешествіе безъ телеги! Еслибъ мы и были въ состояніи пѣшкомъ совершить этотъ путь, то лошадь не въ состояніи была-бы везти нужной провизіи и воды. Но объ этомъ и подумать было нельзя. Самые сильные и неустрашимые трапписты погибають часто въ этой дорогѣ. Какъ-же съ женщиною и съ двумя дѣтьми, которыхъ надобно было нести на рукахъ, могли мы рѣшиться на это. Я приходилъ въ отчаяніе, отъ невозможности пуститься на это предпріятіе.

Какую-же надежду имѣли мы въ будущемъ? Ни одно чело-вѣческое существо не могло явиться для нашего спасенія; мы первые проникли въ эту долину. Толпы индѣйцевъ или охотниковъ дойдутъ, можетъ-быть, до горы, но не откроютъ этой странной долины.

Караванъ-же, или общество кушцовъ не пустится по этой дорогѣ. Самая пустыня служила намъ оградой. Притомъ-же я зналъ, что эта гора далеко лежала къ югу отъ обыкновеннаго направленія каравановъ. Оставалась одна возможность: устроить себѣ те-

легу гораздо легче нашего вагона и на одной лошади пуститься въ путь, въ надеждѣ, что пустыня нѣтакъ далеко простирается къ югу, или къ западу. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, я рѣшился одинъ совершить эту попытку.

На другое утро навьючилъ я свою лошадь провизією и водою, и простясь съ женою и дѣтьми, которыхъ поручилъ милосердію и покрову Божію, отправился къ западу.

Полтора дня ѣхалъ я по этому направленію, и весь видимый горизонтъ ничего больше не показывалъ, какъ пустыню. Почва была холмиста и песчана; лошадь моя вязла по колѣно.

Къ вечеру втораго дня отказался я отъ дальнѣйшаго путешествія по этому направленію, боясь, что не въ состояніи буду возвратиться въ свою долину. Но я успѣлъ однакоже доѣхать обратно, умирая отъ жажды.

Всѣ были здоровы, и успокоивали меня, когда я приходилъ въ отчаяніе отъ неуспѣшной своей попытки.

Второе мое путешествіе должно было совершиться къ югу; надобно было только дать лошади отдохнуть нѣсколько дней.

Въ раздумьи сидѣлъ я и думалъ о будущемъ. Вдругъ подошла ко мнѣ Мери, и указывая на окрестную долину, съ улыбкою сказала:

— Не правда-ли, что это прекрасное мѣсто?

— Да, конечно... Но чтожь ты хочешь этимъ сказать, Мери?

— Зачѣмъ-же, Робертъ, торопиться такъ уѣзжать отсюда.

— Какъ зачѣмъ? — спросилъ я, удивленный ея вопросомъ.

— Да, зачѣмъ? — продолжала она. Мы ищемъ пристанища, почему не основать его здѣсь? Гдѣ мы найдемъ лучше? Тамъ, куда мы хотимъ ѣхать, лучше-ли будетъ наше жилище? Да и найдемъ-ли еще какое-нибудь?

— Но, милая Мери, сказалъ я, какъ ты можешь жить далеко отъ общества и свѣта, будучи воспитана посреди всѣхъ утонченностей свѣтской жизни!

— Свѣтская жизнь! вскричала она. На что она намъ? У насъ есть дѣти. Вспомни, что до-сихъ-поръ свѣтъ сдѣлалъ для насъ. Были-ли мы въ немъ счастливы? Нѣтъ! Подумай Робертъ, прежде нежели легкомыленно оставить это прелестное мѣсто, куда насъ Богъ привелъ.

— Но подумай и ты, Мери, какіе труды ожидаютъ тебя въ этомъ уединеніи.

— Я все передумала, покуда ты ѣздила. Я вовсе не вижу затрудненія существовать здѣсь. Природа все дала этой долині; здѣсь собраны всѣ жизненныя потребности. А роскошь, на что она? Мы обойдемся и безъ нея.

Слова эти произвели на меня сильное впечатлѣніе. Мысль остаться въ этой долині не приходила мнѣ еще въ голову; я только думалъ, какъ-бы оставить ее. Теперь вдругъ произошла во мнѣ внезапная перемѣна. Образованный свѣтъ раззорилъ насъ и довелъ до нищенства. Ничто меня не привязывало къ нему, никто не звалъ туда. Слѣдовательно, мысль жены моей была самая благоразумная.

Долго соображалъ я въ умѣ моемъ всѣ средства къ осуществленію этого плана. Долина наполнена была дичью. Были дикіе бараны, фазаны, индѣйки. Пороху у насъ было много, а до-тѣхъ-поръ, покуда онъ выйдеть, найдемъ мы средство иначе ловить птицъ. Притомъ-же много было плодовъ, растеній, корней, годныхъ для пищи. Слѣдственно, мы были обезпечены въ своемъ продовольствіи, — чего было еще требовать.

Куджо, Франкъ, Гарри приглашены были на общій совѣтъ, и всѣ приняли его съ восторгомъ. Мы однакоже невдвугъ рѣшились на это окончательно, и возобновили еще совѣщанія.

Въ-продолженіе ночи случилось еще обстоятельство, которое ускорило нашу рѣшимость.

XVI.

ТАИНСТВЕННОЕ НАВОДНЕНИЕ.

Я расскажу вамъ, друзья, весьма странный случай, заставившій меня принять мысль Мери избрать эту долину своимъ убѣжищемъ. Конечно, мы полагали, что въ будущемъ могутъ произойти какіе-нибудь случаи, которые заставятъ насъ переселиться изъ пустыни; но на нѣсколько лѣтъ мы рѣшились остаться.

Меня мучило только то, что сколько-бы времени мы здѣсь ни провели, сколько-бы ни работали, мы ничего больше не приобрѣтемъ, кромѣ пищи, потому-что всякіе запасы будутъ бесполезны, за неимѣніемъ средства къ сбыту. Слѣдственно, мы всегда

останемся столько-же бѣдными, какъ и теперь, не имѣя возможности возвратиться въ свѣтъ (а это была моя постоянная идея).

До полуночи разсуждали мы о нашемъ будущемъ. Луна сіяла на востокъ, все было тихо, и мы наконецъ рѣшились улечься, какъ вдругъ были поражены самымъ страннымъ явленіемъ.

Я уже вамъ сказалъ, что когда мы прибыли въ долину, то въ ней еще не было озера. Пространство, занимаемое имъ теперь, составляло часть перелѣска, черезъ который протекала рѣка, текущая въ широкомъ, но неглубокомъ руслѣ.

Въ прежнія ночи видѣли мы съ нашей телеги эту рѣку, въ видѣ серебристой полосы, окаймленной темною зеленью. Теперь же вдругъ, взглянувъ туда, увидѣли мы, что широкая масса воды разливается передъ нами. Она уже покрывала нѣсколько ярдовъ, и поднималась по склону, на которомъ мы учредили свой лагерь. Сперва мы подумали, что это оптический обманъ, миражъ; я часто видалъ это явленіе въ степяхъ; но тутъ вовсе не было требуемыхъ къ тому условій. Это была вода, въ которой отражалась луна.

Мы побѣжали однако туда, чтобъ удостовѣриться, и скоро достигли до берега вновь образующагося озера. Но удивленіе наше вскорѣ замѣнилось страхомъ. Вода продолжала подниматься. Она омывала уже наши ноги невидимымъ своимъ приливомъ.

Откуда это взялось спрашивали мы другъ друга. Потопъ, наводненіе... но дождей не было уже давно, а жары были не такъ сильны, чтобъ вдругъ растопить большое количество снѣга на горѣ. Отчего-же рѣка разлилась? Развѣ выходъ рѣки изъ долины вдругъ заваленъ упавшею скалою, и тогда вся долина вскорѣ должна потонуть.

Эта мысль была ужасна, и мы спѣшили возвратиться къ телегѣ, рѣшась бѣжать изъ долины. Куджо привелъ лошадь; мы захватили самонужнѣйшія вещи... Но вскорѣ съ ужасомъ убѣдились, что выходъ изъ долины уже невозможенъ. Дорога, по которой мы спустились сюда, была уже глубоко подъ водою, а другаго выхода не было. Притомъ-же мы, для достиженія перелѣска, переѣзжали тогда черезъ рѣку въ бродъ, а теперь это было невозможно.

Я не буду описывать, въ какомъ положеніи духа мы находи-

лись. Мы уложили опять свои вещи, и съ отчаяніемъ смотрѣли, какъ вода продолжала подниматься.

Волки съ воемъ выбѣгали изъ лѣсу; птицы проснулись и печальнымъ крикомъ наполняли воздухъ; даже бараны и другія животныя бѣжали черезъ пересѣлокъ въ другую сторону.

Что-же намъ было дѣлать? Взлезть на деревья? Но нижняя оконечность долины была выше вершинъ всѣхъ деревъ, и это средство послужило—бы только къ продолжительнѣйшему мученію.

— Плоть! сдѣлать плоть! вскричалъ я, пораженный свѣтлою мыслью.

Мы въ эти дни много срубили деревъ, чтобъ они сохли для разведенія огня въ кострѣ. Это былъ *Liriodendron*, изъ котораго индѣйцы дѣлаютъ свои челноки. Это дерево такъ нѣжно и легко, что вѣситъ не болѣе двадцати шести фунтовъ кубическій футъ. Куджо принялся рубить еще нѣсколько пней, а я посредствомъ веревокъ связывалъ ихъ въ это время.

Скоро плотъ нашъ былъ готовъ. Мы помѣстили на немъ все наше имущество, припасы и инструменты. Воды намъ ненужно было: ее было слишкѣмъ много ободо насъ.

Въ эти два часа, проведенные нами въ работѣ, часто взглядывали мы на озеро, и вода видимо, но медленно подвигалась. Теперь, изготовивъ все, я побѣжалъ къ берегу разлива, и наблюдалъ за нимъ. Какъ описать мой восторгъ! Я съ полчаса простоялъ, а вода не прибыла ни на дюймъ. Я крикомъ радости объявилъ всѣмъ своимъ объ этой новости. Всѣ прибѣжали, простояли еще полчаса, и вода оставалась все въ томъ-же положеніи, не прибывая, но и не убывая. Очевидно было, что вода дошла до вершины преграды, и начала по прежнему изливаться изъ долины.

Успокоясь отъ страха и волненія, я отослалъ жену съ дѣтьми въ телегу спать, а самъ съ Куджо остался на всю ночь на берегу озера, боясь новаго каприза со стороны воды.

XVII.

БОБРЫ И ВОЛВЕРЕНЫ.

Когда разсвѣло, вода была все въ томъ-же положеніи. Причина разлива была еще тайною для насъ. Мы все еще при-

писывали его паденію скалы въ русло. Но чтобъ объяснить это явленіе, я рѣшился проложить себѣ путь съвозъ чащу лѣса. Оставляя Куджо и дѣтей для охраненія лагеря, я съ ружьемъ и маленькимъ топоромъ (чтобъ прокладывать себѣ дорогу) отправился въ путь.

Углубясь въ лѣсъ, я по солнцу шелъ къ юго-востоку, чтобъ обойти озеро; но пройдя съ милю, я вдругъ очутился на берегу ручья. Какъ я удивился я, увидя, что онъ не только не разливался, но и мелководнѣе обыкновеннаго, только вода была мутная и по ней несло много листьевъ и свѣжихъ вѣтвей.

Я пошелъ вверхъ по теченію, разсудивъ, что преграда для стока воды была тамъ. Но что произвело эту преграду? Разсматривая окружающую меня почву, замѣтилъ я тысячи слѣдовъ небольшихъ животныхъ. Эти слѣды похожи были на гусиные, по перепонкѣ между пальцами, и съ когтями, которыхъ отпечатки видны были на мокромъ пескѣ.

Съ осторожностію продолжалъ я приближаться, боясь индѣйцевъ. Наконецъ дошелъ я до поворота, гдѣ русло было уже, а берега выше. Тутъ я прилежъ за кусты, чтобъ взглянуть на ручей. Самое удивительное зрѣлище представилось глазамъ моимъ.

Русло рѣки было дѣйствительно преграждено въ самомъ узкомъ мѣстѣ, но не паденіемъ скалы, а искусственною работою. Видно было, что большое дерево на одномъ берегу было свалено черезъ русло на другой берегъ (оно еще держалось одною нижнею корою). На другомъ берегу вѣтви были прикрѣплены къ землѣ грудю камней, смазанныхъ грязью. Къ этому поперечному цню приставлены были стоймя шесты, въ видѣ изгороди. Нижняя оконечность шестовъ утверждена была въ руслѣ рѣки посредствомъ груды камней вокругъ каждаго. Позади этой ограды были поперечные шесты и группы вѣтвей, тоже все прикрѣпленные камнями, обмазанными глиною, такъ что все это составило стѣну въ шесть футовъ вышиною. Съ верховья стѣна эта была перпендикулярна. Вершина была обмазана глиною и съ обѣихъ сторонъ стѣны оставлены были небольшія отверстія, чтобъ вода могла стекать, не покрывая самой стѣны.

Эта работа принадлежала хорошимъ инженерамъ; однакоже была сдѣлана не людьми. Работники были передо мною; они расположились у рѣки и наблюдали за успѣхами своей постройки;

ихъ было тутъ до сотни. Съ перваго взгляда похожи они были на огромныхъ крысъ. Они вооружены были острыми зубами, отличающимися породу *грызуновъ*. Я видѣлъ въ эту минуту, какъ они усѣбно дѣйствовали своими зубами. Уши ихъ были коротки и почти скрыты подъ густою и длинною шерстью, представлявшею глянцовитую поверхность. У носа были усы, какъ у кошки. Глаза были маленькіе, какъ у куницы; переднія лапы короче заднихъ, и каждая вооружена пятью когтями; на заднихъ—же лапахъ были перепонки между пальцами. Главную особенность животнаго составлялъ ихъ хвостъ, въ футъ длины и безъ волосъ. Однимъ, словомъ, это были *бобры*.

Тогда тайна озера объяснилась. Бобры тоже открыли эту долину и переселились въ нее; но какъ имъ всегда нужно больше воды, а въ рѣчкѣ ея было мало, то они и устроили свой шлюзъ, который и произвелъ озеро. Долго я наблюдалъ за движеніями этихъ занимательныхъ животныхъ. Они обыкновенно работаютъ по ночамъ, и вѣроятно работа ихъ со шлюзомъ давно началась. Теперь они только очищали свою работу, обгрызали листья и сучки, высовывавшіеся изъ воды; другіе ныряли, ударяя своими хвостами по водѣ.

Я хотѣлъ уже выдти изъ засады своей, чтобъ посмотрѣть, какое дѣйствіе произведетъ мое появленіе; но вдругъ замѣтилъ между—ними волненіе. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно стоявшій на часахъ, вдругъ сильно ударилъ хвостомъ по водѣ, нырнулъ и исчезъ. Всѣ остальные засуетились, оглядывались со страхомъ, и тотчасъ скрылись въ озерѣ.

Мнѣ любопытно было, видѣть, кто произвелъ это волненіе. Это былъ какой—то звѣрь странной формы. Онъ подходилъ тихо и медленно, прокрадываясь между деревьями. Дойдя до берега, поползъ онъ черезъ шлюзъ, стараясь, чтобъ его не видѣли изъ озера.

Онъ былъ ростомъ не больше бобра; цвѣтъ шерсти былъ черный съ двумя рыжими полосами на брюхѣ; грудь и шея были бѣлыя, уши малыя; ноги такъ коротки, что брюхо почти волочилось по землѣ; онъ вооруженъ былъ бѣлыми когтями. Это былъ хищный звѣрь *вольверенъ*, опаснѣйшій врагъ бобровъ.

Дойдя до середины шлюза, онъ легъ тутъ, и смотрѣлъ внимательно на озеро.

Хотя бобръ и земноводное животное, проводящее половину жизни на водѣ, но онъ не можетъ долго быть подъ водою. Ему надобно вынырнуть, чтобъ перевести духъ, и уже нѣсколько головъ показались изъ озера. Другіе храбро влезли на островки, разбѣянные по озеру, зная, что *вольвернъ* не поплыветъ туда за ними. Но ни одинъ не подходилъ къ шлюзу.

Видя, что добыча неидетъ сама къ нему, *вольвернъ* всталъ и пошелъ опять на берегъ, постоялъ на берегу и потомъ скрылся въ лѣсу. Тогда нѣкоторые изъ бобровъ подплыли къ шлюзу. Я въ ту же минуту замѣтилъ, что *вольвернъ* воротился, и прокравшись къ берегу, взлезъ на дерево, котораго вѣтви склонились надъ озеромъ. Бобры, не подозрѣвая его присутствія, явились на шлюзѣ и стали опять очищать его. Нѣкоторые подошли подъ самый тотъ сукъ, на которомъ скрывался ихъ врагъ, который вдругъ поднялся на лапы и хотѣлъ на нихъ броситься. Я караулилъ эту минуту и прицѣлясь прямо въ грудь, свалилъ его на землю.

Въ одно мгновеніе бобры исчезли въ озерѣ, а *вольвернъ* лежалъ раненный. Я подошелъ къ нему и ударилъ его прикладомъ. Вдругъ онъ ухватился зубами за ружье и грызъ дожу. Я долженъ былъ уже доколотить его топоромъ.

Оставя на мѣстѣ трупъ его, я возвратился домой.

XVIII.

ПОСТРОЙКА ДЕРЕВЯННАГО ДОМА.

Я чрезвычайно обрадовалъ жену и дѣтей рассказомъ обо всемъ мною видѣнномъ. Удостоверясь, что образованіемъ озера обязаны мы бобрамъ, я окончательно рѣшился остаться въ долинѣ. Это озеро служило теперь новымъ источникомъ продовольствія и богатства. Бобровья шкуры продавались по полторы гиней. Теперь ихъ было сто. Сколько ихъ расплодится, производя по четыре по пяти дѣтенышей въ годъ. Особливо, если мы будемъ защищать ихъ отъ *вольвереновъ*, истребляя этихъ животныхъ. Тогда, пользуясь нѣсколькими бобровыми шкурами въ годъ, мы могли вскорѣ накопить цѣлый капиталъ для возвращенія въ городъ.

Первою заботою было теперь построеніе дома. Куджо уже

строили ихъ у меня на виргинской фермѣ. Онъ умѣлъ искусно обрубать деревья, пригонять ихъ, соединять, конопатить, дѣлать двери изъ сучьевъ, а печи изъ глины.

У насъ подъ руками было *тюльпанное* дерево, котораго стволъ возвышается прямо, безъ сучьевъ, на пятьдесятъ футовъ отъ земли. Мы тотчасъ всё принялись за работу.

Впрочемъ, еслибъ я и Куджо не были хорошими строителями, то у насъ вблизи были наилучшіе учителя въ этомъ родѣ. Бобры тоже стали себѣ строить хижины на озерѣ, у берега, и мы съ любопытствомъ ходили разматривать ихъ. Одна изъ нихъ была въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ берега. Она была конической формы и построена изъ камней, вѣтвей и цемента. Часть хижины была подъ водою, а другая надъ уровнемъ; жилой этажъ былъ верхній. Входъ въ хижину у всѣхъ былъ съ озера, а не съ берега, чтобъ бобръ могъ прямо нырнуть въ воду при малѣйшей опасности. Внутренность хижины была оштукатурена цементомъ и убита хвостомъ, какъ войлокомъ, такъ что и зимою было въ ней тепло. Иногда было по двѣ хижины соединенныя въ одну.

Величиною были онѣ всё въ ростъ человѣка. Въ каждой хижинѣ жило по два бобра, самецъ и самка, съ дѣтенышами, которые черезъ годъ сами себѣ строили отдѣльныя хижины.

Послѣ построения домовъ стали бобры запасаться провизіею на зиму, а именно молодыми древесными листьями.

Безъ сомнѣнія, вся эта колонія бобровъ принуждена была переселиться съ запада, гдѣ трапписты слишкомъ стали ихъ истреблять, и вѣроятно они прибыли въ нашу долину за нѣсколько времени до насъ, и тотчасъ-же начали свою работу.

XIX.

ИНСТИНКТЬ ВЪХШИ.

Въ то время, какъ мы занимались бобрами, произошелъ случай, доказавшій намъ, что и кромѣ ихъ есть животныя, одаренныя разумнымъ инстинктомъ.

Посреди озера была группа большихъ деревьевъ, которыхъ вершины выставлялись изъ воды на два — на три фута. До образованія озера были они на берегу ручья; теперь со всѣхъ сто-

ронъ были окружены водою. Очевидно, что эти деревья скоро должны были исчезнуть, потому—что будучи породы тополей, они не могли жить въ водѣ.

На вершинахъ этихъ деревь видѣли мы нѣсколько вѣтшъ, прыгавшихъ съ вѣтки на вѣтку. Ихъ застало наводненіе, и онѣ не знали, какъ имъ спастись. Вдругъ замѣтили они дерево, плывущее по теченію очень медленно, потому—что на озерѣ теченіе едва было замѣтно. Но бревно плыло не къ ихъ деревьямъ, а въ двадцати ярдахъ, и однако—же всѣ вѣтши собрались на самый выдавшійся сукъ съ этой стороны, и внимательно посматривали когда оно подплыветъ на самое близкое разстояніе.

— Неужели онѣ хотятъ скакать оттуда?—вскричала Мери. Это невозможно.

— О, миссъ! непременно скакнутъ, сказалъ Куджо. Я видалъ въ Виргиніи, какъ они и дальше прыгали...

Дѣйствительно, первая вѣшка бросилась и попала прямо на бревно. Вторая, третья и такъ далѣе какъ птицы перелетѣли туда—же. Только одна не успѣла и разочла, что ей уже не доскакнуть до бревна. Чтожь? Она сбѣжала съ дерева, оторвала висѣвшій уже кусокъ коры, спустила ее на воду, сѣла на кору, и поднявши хвостъ въ видѣ паруса, поплыла на корѣ къ своимъ товарищамъ, и вскорѣ присоединилась къ нимъ. Приставши къ шлюзу, вѣшки по немъ достигли на берегъ и разсѣялись по лѣсу.

XX.

ДОМЪ, ПОСТРОЕННЫЙ БЕЗЪ ГВОЗДЕЙ.

Дѣятельно продолжали мы строить домъ. Долѣе всего заняло насъ приготовленіе досокъ безъ пилы. Опытный Куджо зналъ одну породу деревь (изъ дубовъ), въ стволъ которыхъ если вколочить нѣсколько параллельныхъ клиньевъ и дать имъ сильно высохнуть на солнцѣ или у костра, то они треснутъ сверху до низу гладко и ровно; такъ что сколько рядовъ было вколочено клиньевъ, столько образуется и досокъ.

Изъ этихъ-то досокъ устроили мы крышу, связавъ ихъ ремнями, выкроенными изъ кожи лоси и нашего быка. Окно мы прорубили въ домѣ только одно, а равно и дверь одну. У насъ впрочемъ была ручная пила, и она намъ много дѣлала тутъ ус-

лугъ. Разумѣется, въ окнѣ не было рамы и стеколь, а придѣланы были ставни съ небольшими отверстіями. Ночью они запирались.

Послѣ всего начали мы дѣлать очагъ и каминъ. Они были устроены съ сѣверной стороны, а главный фасадъ дома былъ на востокъ. Труба была, разумѣется, деревянная, то-есть изъ тонкихъ жердей, покрытыхъ и связанныхъ толстымъ слоемъ глины. Съ какимъ удовольствіемъ затопили мы въ тотъ-же вечеръ каминъ, и радовались, какъ дѣти, что онъ не дымитъ. Поль предоставили мы себѣ сдѣлать позже, потому-что приготовленіе досокъ и сушка требовали много времени. До-тѣхъ-поръ покрыли мы сухую землю нашего дома толстымъ слоемъ листьевъ нальметто, и это составляло весьма комфортабельный коверъ.

Такимъ образомъ вступили мы въ обладаніе нововыстроеннаго дома, въ которомъ не было ни одного гвоздя.

Потомъ построили мы конюшню нашей лошади. Это не столько нужно было по климату, сколько изъ опасенія, чтобъ какой-нибудь *каркажу* не напалъ на нее, какъ на бѣднаго нашего быка. И какъ скоро конюшня была готова, то мы ежедневно запирали нашего *Помто* на ночь, приучивъ его и самаго являться ввечеру домой.

Имѣя домъ, принялись мы за выдѣлку мебели, а именно стола и шести стульевъ. И хотя у насъ не было гвоздей *железныхъ*, но мы посредствомъ столярныхъ инструментовъ надѣлали *деревянныхъ* гвоздей и скрѣпляли имъ нашу грубую мебель. Клей-же вываривалъ я изъ роговъ и копытъ лоси и быка. Доски стола мы тоже отполировали пемзою, найденною мною у подошвы горы (это заставляетъ меня думать, что снѣжная наша гора была нѣкогда огнедышащею).

Между-тѣмъ мы не забыли и нашихъ друзей—бобровъ. Мы часто навѣщали ихъ работы и хижины, и видя, что мы имъ не дѣлаемъ никакого вреда, они перестали дичиться насъ, и даже подплывали иногда къ нашему дому, изъ котораго мы выносили имъ разную пищу и ставили на берегу. Это еще болѣе приучило ихъ къ намъ. Увидя-же однажды грушу деревъ, называемыхъ ботаниками *монгала глаука*, а простонародно *болотистый сас-сафрасъ* и зная, что это любимое лакомство бобровъ, я съ Куджо вырылъ имъ нѣсколько брасъ корней этого дерева, и тоже

положивъ на берегу, удалился, когда увидѣлъ подливающихъ гостей. Какъ они обрадовались этому угощенію! Всякой изъ нихъ понесъ въ зубахъ сколько могъ захватить, и черезъ часъ явилась къ намъ другая партія, которая разобрала остальное.

XXI.

ЧЕРНОХВОСТНИКИ.

Подружась такимъ образомъ съ бобрами, мы рѣшили не ловить ихъ до весны, когда колонія ихъ учетверится; и хотя сверхъ-того мясо ихъ очень вкусно, но у насъ было подъ рукою довольно дичи и безъ нихъ.

А какъ скоро запасы лоси начали истощаться, то я рѣшился предпринять большую охоту съ сыновьями, оставя Куджо для защиты дома.

Мы отправились въ верхнюю часть долины. Повсюду видѣли мы безчисленное множество вѣкъшъ. Смѣшно было стрѣлять по нимъ, хотя дѣти и просили позволенія попробовать свое искусство. Но я заранѣе строго приказалъ имъ не тратить выстрѣловъ меньше, какъ на дикаго барана, или лося.

Поднявшись на милю вверхъ по рѣкѣ, нашли мы, что лѣсъ тутъ рѣже и что посреди его много цвѣтущихъ луговъ. Здѣсь скорѣе могли мы найти дикихъ барановъ, тогда какъ въ лѣсу скорѣе можно было попасть на конгуара, или каркажу. Дѣйствительно, мы вскорѣ замѣтили свѣжіе слѣды, но болѣе похожіе на овечьи, хотя по размѣру и гораздо больше.

Мы съ осторожностію подвигались, стараясь прятаться за кусты. Наконецъ дошли мы до обширнаго перелѣска, и увидѣли тутъ, къ величайшей нашей радости, цѣлое стадо дикихъ барановъ.

— Папа, сказала Франкъ, всматриваясь въ нихъ: это не бараны. Посмотрите, какія у нихъ длинныя уши

— Да! прибавилъ Гарри, и у барановъ нѣтъ черныхъ хвостовъ.

Я былъ самъ удивленъ. Эти животныя конечно принадлежали къ породѣ барановъ по рогамъ своимъ и тонкимъ ногамъ, но они были выше ростомъ, у нихъ былъ другой цвѣтъ шерсти, а главное, длинныя уши и черныя хвосты. Впрочемъ я вспомнилъ, что въ Скалистыхъ-горахъ есть порода, мало извѣстная натуралистамъ

и описанная только Сеемъ. Охотники-же прозвали ихъ просто *чернохвостниками*.

Чтобы стрѣлять въ нихъ, надобно было близко подкрасться. Это было невозможно на открытомъ мѣстѣ, а потому я приказалъ Франку остаться, а самъ съ Гарри пошелъ по лѣсу въ обходъ, чтобъ когда Франкъ выйдетъ къ нимъ изъ лѣсу и испугаетъ ихъ, то они бросятся въ нашу сторону, и побѣгутъ на такомъ разстояніи, чтобъ можно было стрѣлять.

Однакоже сами бараны стали подходить къ Франку, такъ что онъ изъ маленькаго своего ружья рѣшился сдѣлать по нимъ выстрѣлъ. Одинъ баранъ упалъ, прочіе побѣжали назадъ, въ нашу сторону. Гарри первый выстрѣлилъ по бѣгущимъ, и то-же свалилъ одного. Наконецъ выстрѣлилъ и я и только ранилъ одного, но собаки догнали его, а я, подоспѣвши, докончилъ его ножемъ.

Гордясь своими подвигами, мы принялись очищать нашихъ барановъ, чтобъ легче ихъ тащить домой.

Гарри во-время этой работы сказалъ мнѣ, что хочетъ пить и что онъ видѣлъ вблизи какой-то ручеекъ.

Едва онъ насъ оставилъ, какъ вдругъ мы услышали его голосъ, зовущій насъ. Испугавшись, бросились мы къ нему съ ружьями, воображая, что на него напалъ звѣрь, но онъ очень спокойно сидѣлъ у ручья и протягивалъ мнѣ взятую имъ съ собою, на случай жажды, оловянную чашку, которою зачерпнулъ воды изъ ручья.

— Чтожъ ты самъ не пьешь? спросилъ я.

— Благодарю, папа. Попробуйте, чистая соль.

Я попробовалъ, и воскликнулъ отъ радости.

— Чему-же вы такъ довольны, папа?

— Какъ чему? Да вѣдь у насъ нѣтъ ни капли соли, а теперь мы будемъ сколько угодно вываривать ее. Это минеральный источникъ. Вообрази себѣ, какой вкусъ будетъ въ нашемъ супѣ и въ говядинѣ съ солью.

Кто не видалъ давно соли, тотъ пойметъ мою радость.

Окончивъ очистку *чернохвостниковъ*, мы разрѣзали ихъ по частямъ и повѣсили высоко на деревья, чтобъ не тащить съ собою, а сами побѣжали обрадовать Мери, что у насъ будетъ соль.

II.

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ

О

ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Собраны Отто Мюллеромъ.

—

X.

Ночь была бурная, мятель бушевала; хлопья снѣга неслись, крутились и падали, разлетаясь, на землю; зима водворялась въ Гамбургъ и праздновала свое пришествіе.

Снѣгъ хлесталъ въ лицо запоздалому пѣшеходу, который напрасно старался закутаться въ свой широкій плащъ; вѣтеръ разносилъ его ежеминутно; онъ шелъ по направленію отъ Новаго-Рынка къ церкви святаго Михаила. Это былъ маіоръ Зильбургъ, который, ускользнувъ изъ шумнаго кружка весельчаковъ, собравшихся въ гостинницѣ Дракона, отправлялся домой, въ отель Кейзерсъ-хофъ. Шумная веселость товарищей, пріѣхавшихъ изъ Альтоны, была ему не-по нутру и не согласовалась съ настоящимъ расположеніемъ его духа, надъ которымъ товарищи подсмѣивались. Насмѣшки эти напомнили ему многое, чего-бы ему не хотѣлось вспоминать, а воспоминанія эти, хотя и давнишнія, до того раздражили Зильбурга, что онъ вступилъ въ такой жаркій споръ съ однимъ голштейнскимъ офицеромъ, что товарищи принуждены были вмѣшаться, а нето дѣло легко могло-бы перейти изъ шутки въ кровавую ссору; потому-что въ то время дуэли были самою обыкновенною вещью между голштейнскими офицерами.

Вино и споръ разгорячили кровь Зильбурга, такъ-что бурная ночь почти нравилась ему, а холодный вѣтеръ, дующій съ рѣки прямо въ лицо, показался ему освѣжительнымъ зефиромъ. Но по мѣрѣ того, какъ горящее лицо его освѣжалось, а гнѣвъ утихалъ, время, о которомъ такъ некстати напомнили ему товарищи, представилось памяти его съ новою силою. Сколько разъ случалось, что въ-

сколько лѣтъ тому назадъ, въ подобныя ночи, такія-же бурныя и ненастныя, онъ бѣжалъ по тѣмъ-же улицамъ или на любовное свиданіе, или на вакхическій пиръ, а иногда и на оба вмѣстѣ, смотря потому, что болѣе привлекало его страстную натуру! Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили ужаснѣйшія оргіи, онъ считался однимъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ право задавать тонъ. Многіе даже уступали ему первенство, но избѣгали его дружбы. Такъ какъ кругъ этотъ состоялъ почти исключительно изъ иностранныхъ офицеровъ и былъ совершенно замкнутъ для другихъ, то репутація Зильбурга и характеръ его не были известны въ свѣтъ и не подвергались осужденію; а осторожность его, пріятныя свѣтскія манеры и нѣкоторая рыцарская отважность еще болѣе къ тому содѣйствовали. Къ тому-же онъ такъ ловко и тщательно скрывалъ свою частную жизнь, что она никогда не находилась въ столкновеніи съ его личнымъ положеніемъ въ обществѣ, гдѣ онъ былъ принятъ съ радушіемъ и почетомъ, и знатнѣйшія фамиліи города считали за честь и удовольствіе видѣть его въ своихъ гостиницахъ.

На этотъ разъ, возвратясь въ Гамбургъ за наборомъ рекрутъ, Зильбургъ избѣгалъ прежней разгульной жизни. Онъ разсудилъ, что нельзя продолжать такую жизнь, что настаетъ пора холоднаго разсудка, и тогда придется сожалѣть о прошломъ. Къ тому-жъ,—а это надо объяснить,—главная и настоящая причина, бросающая его въ этотъ омутъ, уже не существовала; пламя, пожирившее его тогда, стихло; подъ пепломъ тлѣлся еще огонь, но по наружности вулканъ былъ спокоенъ.

Склонный по природѣ ко всемъ благороднымъ наслажденіямъ и живо сочувствуя всемъ великимъ вопросамъ жизни, онъ находилъ въ нихъ довольно прелести для того, чтобъ еще попробовать, въ столкновеніи съ порядочными людьми, удивительную гибкость своего ума, и начать жизнь, болѣе достойную человека его рода и званія.

Пока онъ пробирался домой по темнымъ улицамъ, много воспоминаній толпилось въ головѣ его, а съ ними и размышленій, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Онъ находилъ даже нѣкоторый интересъ возвращаться мысленно въ этотъ лабиринтъ прошедшей своей жизни, и разбирать день за день безпутно проведенное время, какъ-будто для того, чтобъ обдумать все, исправить, если можно, свои ошибки, и искупить ихъ хорошими дѣлами. Размышленія его тогда только прекратились, когда

онъ очутился передъ высокимъ угловымъ домомъ, выходящимъ на улицу, называемую Пустой-дорогой.

Тутъ Зильбургъ вдругъ остановился и, какъ-будто прикованный къ мѣсту, началъ разсматривать высокое, старинное строеніе и всѣ окна его, завѣшанныя занавѣсками. Вздохъ досады вырвался наконецъ съ усиленіемъ изъ груди его; онъ такъ сильно топнулъ ногою, что стукъ шпоръ его раздался по тротуару, и слышался далеко, далеко; въ эту минуту луна выглянула изъ-за облаковъ и освѣтила домъ и всю пустынную площадь.

— Линденкронъ! Да, липовый вѣнокъ * будетъ еще у ногъ моихъ! Да, ты склонишь еще передо мной гордое чело твое! вскричалъ баронъ съ угрозой.

Потомъ, повернувъ внезапно назадъ, какъ-будто какая адская сила или какое-нибудь страшное воспоминаніе останавливали его, онъ бросился въ Пустую-улицу, и пошелъ такъ скоро, какъ будто летѣлъ на крыльяхъ.

— Но зачѣмъ бѣгу я отъ тебя, страшная тѣнь? сказала Зильбургъ, умѣряя шаги и останавливаясь, чтобъ отдохнуть немного. Вѣдь ты мнѣ больше неопасна; теперь я хладнокровно могу смотрѣть на твое ничтожество! Правда, однажды я бѣжалъ отъ тебя, какъ трусъ какой, и по тѣмъ-же самымъ улицамъ, по которымъ бѣгу теперь; но тогда это была не тѣнь, а человекъ въ плоти и духъ, и звали его Артуромъ фонъ-Линденкронъ. Теперь его нѣтъ въ живыхъ; но она жива,—жива послѣ того, какъ могла измѣнить мнѣ! А ты, хорошенькая моя Берта, последнее мое утѣшеніе... что-то дѣлаешь ты теперь, милая Берта? Только ты одна была моею отрадою и сострадала моему горю... Ахъ, сколько разъ я проходилъ по этимъ самымъ улицамъ къ тебѣ, моя кроткая Берта, мое преданное, любящее дитя! Почему-жъ мнѣ не идти и сегодня постучать въ дверь твою? Для меня она отворится, несмотря на всѣ мои проступки. Посмотримъ, сохранила-ли ты еще свою невинность, простодушіе; осталось-ли въ лицѣ твоёмъ то выраженіе дѣвственной стыдливости, которая очаровывала меня, и могу-ли я еще, глядя на тебя, мечтать... мечтать объ Ульрихъ.

Несмотря на мгновенный трепетъ сердца, при воспоминаніи о минувшихъ дняхъ, онъ не могъ однакожь удержаться отъ улыбки, потому-что послѣднія слова тирады показались ему крайне смѣшными и сантиментальными.

Онъ быстро прошелъ по Жидовскому-пассажу и повернулъ

* Намекъ на фамилію графини Линденкронъ, что значитъ: липовый вѣнокъ.

къ Кугельсъ-орту. Не одно любопытство влекло его къ бѣдной дѣвушкѣ; внезапная страсть снова вспыхнула въ Зильбургъ, который въ-продолженіе цѣлаго года въ первый разъ, можетъ-быть, вспомнилъ о преданной и любящей Бертѣ, которая такъ долго ждала его.

Размышляя такимъ образомъ, онъ дошелъ до дома, гдѣ жила португалька Фанни и гдѣ она содержала гостинницу. Зильбургъ постучалъ слегка; дверь отворилась, и глазамъ Зильбурга представилась старуха, съ фонаремъ въ рукѣ. Это была привратница. Она пристально посмотрѣла на барона.

— Здравствуй, тетушка! сказалъ маіоръ, спуская плащъ.

Старуха тотчасъ его узнала, и вскрикнувъ отъ удивленія, сказала съ неприличною фамильярностью:

— А! прекрасный баронъ вернулся?.. Онъ пришелъ, вѣроятно, навѣстить свою возлюбленную?.. Но увы!..

Зильбургъ, за которымъ шла старуха, взбирался поспѣшно по лѣстницѣ. Наконецъ они спустились на небольшой дворъ, внутри двора стоялъ старый двухъ-этажный домъ, надъ входомъ котораго висѣлъ тусклый фонарь.

— Гдѣ Фанни? спросилъ Зильбургъ. У васъ какъ, видно, все еще веселятся?

Говоря это, баронъ указывалъ на освѣщенные окна нижняго этажа, въ большой залъ котораго раздавались сильные и крикливые голоса собравшихся мужчинъ; они пили, пѣли, кричали, хотали и били стаканы.

— Вотъ ужъ гости! нечего сказать! сказала шепотомъ старуха. Какъ это не надовѣсть имъ такъ пить и кричать... особенно вонъ этотъ морякъ, котораго называютъ морскимъ волкомъ... вотъ этотъ... видите, что глотаетъ *грогъ* вмѣстѣ съ огнемъ... Это несчастный обожатель Берты, котораго она отвергла, изъ любви къ вамъ, господинъ баронъ. Она не хотѣла слышать о немъ... зато же и онъ, всякій разъ, какъ говорить о ней, хватается за рукоять кортика какъ-будто можно еще повредить чѣмъ-бы то ни было бѣдной дѣвушкѣ!..

— Пойдемъ! сказалъ Зильбургъ, направляя шаги въ ту сторону, гдѣ жила Фанни.

Фанни удовлетворила любопытству Зильбурга, рассказавъ подробно все, что случилось съ Бертой въ его отсутствіе, какъ бѣдняжка его невеста тосковала о немъ и до послѣдней минуты все еще надѣялась на его возвращеніе... Сообщая Зильбергу все

подробности, Фанни умолчала однако, съ какою жестокостію она выгнала Бертю изъ своего дома и передала ее на руки табачницы, которой платила за это какую-то бездѣлицу.

Наконецъ баронъ спросилъ: что случилось съ ребенкомъ? Тутъ Фанни нечего было дѣлать, она принуждена была рассказать, какъ и что случилось на похоронахъ Берты и назвать Шарлоту Аккерманъ.

Узнавъ это, Зильбергъ былъ крайне удивленъ. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что баронъ услышалъ эту исторію на вечеръ у доктора Унцера; но онъ не подозрѣвалъ, чтобы мать этого ребенка была та самая тихая и добрая Берта, которую онъ погубилъ, и чтобы онъ самъ былъ отцомъ того бѣднаго сироты, бывшаго причиною сперва горя, а потомъ торжества Шарлоты. Тутъ только Зильбургъ узналъ всю правду, и узналъ ее на мѣсть своего жестокаго и коварнаго поступка.

Прозорливая Фанни тотчасъ-же замѣтила, какое впечатлѣніе сдѣлало это обстоятельство на Зильбурга, который до-тѣхъ-поръ слушалъ ее спокойно и даже хладнокровно; онъ пришелъ въ такое волненіе, что голосъ его дрожалъ; ему хотѣлось скрыть свое смущеніе, и потому онъ больше не разспрашивалъ о Бертѣ и ея ребенкѣ, а говорилъ только о Шарлотѣ, и хотѣлъ знать подробно, что она дѣлала, что говорила, какъ подошла къ гробу, какъ взяла ребенка и т. д., такъ что Фанни, еслибъ даже и не была такъ хитра, легко отгадала-бы, что это новое лицо интересовало его гораздо больше, чѣмъ его бѣдная жертва.

— Э! любезный баронъ!.. сказала Фанни насмѣшливо и глядя пристально въ глаза Зильбургу. Что это съ вами?.. Отчего вы такъ взволновались?.. Ужъ не знакомы-ли вы съ М-ше Аккерманъ. Кажется, вы и на нее имѣете виды?.. Предпріятіе трудное, даже весьма трудное, предупреждаю васъ; потому-что молодая эта особа, которую я имѣю честь знать лично, очень горда; она воображаетъ, что всѣ обожатели ея, какого-бы ни были званія, слишкомъ низки для ея претензій, а претензіи ея безграничны; она ждетъ по-крайней-мѣрѣ принца, да и то еще... подумаетъ прежде! Да, любезный баронъ! Такая рѣдкая птичка не попадается въ силки... Подарки, веселые пиры, звонкая монета... ничто не поможетъ... Мнѣ жаль васъ, а это такъ; и я увѣрена, что М-ше Аккерманъ...

— Молчать! проклятая колдунья!.. Если ты скажешь еще одно слово, я задушю тебя, вскричалъ маіоръ.

Въ эту минуту послышался страшный шумъ, и въ комнату вбѣжала блѣдная испуганная служанка.

— Ахъ Боже мой! сказала она дрожащимъ голосомъ: матросы хотять ворваться сюда. Они узнали, что баронъ здѣсь, и хотять его зарѣзать. Мы насилу успѣли запереть на ключъ лѣстницу.

Въ такую критическую минуту Фанни сохранила присутствіе духа.

Она приказала служанкѣ, со всемъ хладнокровіемъ долгой, опытной жизни, бѣжать задними дверями и привести стражу. Потомъ, обратясь къ Зильбургу, стала умолять его бѣжать тѣмъ же путемъ, прибавивъ:

— Если между матросами замѣшанъ Ральфъ изъ Гельголанды... то вы погибли, потому-что онъ поклялся отмстить вамъ за Бертю. Бѣгите, бѣгите скорѣй!.. съ матросами нельзя шутить!

Зильбургъ вынулъ саблю, осмотрѣлъ ее, и не удостоивъ Фанни ни взглядомъ, ни словомъ, вышелъ спокойно въ гостиную.

Тамъ была страшная суматоха: пьяные матросы толпились на дворъ и колотили въ дверь лѣстницы, которая была замкнута изнутри, и требуя жертвы своей, рычали, какъ голодные волки. Родственники Фанни, два маленькіе франтика, раздушенные, распомаженные, завитые, служащіе въ конторѣ какого-то банкира, просили Зильбурга въ самыхъ умоляющихъ выраженіяхъ защитить ихъ отъ *убійць*, по той простой причинѣ, что у него есть оружіе, а они его не имѣютъ.

— Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, угостить васъ въ будущее воскресенье въ Альстерскомъ-павильонѣ, сказалъ одинъ изъ нихъ, хватая за руку Зильбурга, между-тѣмъ, какъ товарищъ его, съ другой стороны, разсматривалъ съ видомъ знатока остріе сабли маіора, и улыбаясь, съ почтительною фамильярностью, выговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Что можетъ стоить подобное оружіе, ваше сіятельство?.. Вѣроятно, это турецкая сабля, за которую съ радостью можно заплатить пятьдесятъ червонцевъ... и это еще недорого... Гдѣ вы изволили купить такое великолѣпное оружіе... извините, если вопросъ мой покажется нескромнымъ... но въ этомъ случаѣ любопытство простиительно...

Зильбургъ громко захохоталъ, и сбрасывая съ себя плащъ, вскричалъ:

— Будьте покойны, господа! я беру васъ всѣхъ подъ свою защиту и ручаюсь, что вы останетесь здравы и невредимы; даже ни одинъ волосокъ не слетитъ съ головы вашей. Я готовъ... и иду навстрѣчу. Пусть идутъ эти пьяницы!

Сказавъ это, онъ вышелъ на лѣстницу. Твердый голосъ Зильбурга, его статная и гордая осанка внушила трусамъ, если не храбрость, то, по крайней мѣрѣ, довѣріе въ этого неустрашимого защитника, который, ставъ у перилъ лѣстницы, занялъ выгодное положеніе.

— Подойдите сюда, друзья мои! ближе, ближе! закричалъ баронъ, поднимая саблю. Еслибъ у меня подъ рукой былъ канатъ, мнѣ не для чего было-бы вынимать саблю, и безъ нея я освѣжилъ-бы вамъ головы... Ну, что-жъ вы стоите?... впередъ!.. мнѣ некогда ждать.

— Злодѣй!.. вскричалъ хриплымъ голосомъ страшный, плечистый Ральфъ, глаза котораго горѣли, какъ уголья. Злодѣй! ты не уйдешь отъ меня!.. прибавилъ онъ и бросился первый впередъ.

Лвою рукою Ральфъ сорвалъ рѣшетку, а въ правой держа широкій ножъ, обыкновенное оружіе матросовъ во всѣхъ ссорахъ, онъ замахалъ имъ, и готовъ былъ броситься на врага своего; но Зильбургъ, сдѣлавъ шагъ назадъ, замахнулся саблей, и Ральфъ упалъ, испустивъ дикій и глухой стонъ.

Баронъ отрубилъ руку, державшую ножъ. Паденіе Ральфа заставило отступить его товарищей, которые, толкая другъ друга, катились съ лѣстницы съ ужаснымъ крикомъ и проклятіями.

Но минутою спустя, они съ большою яростью взбѣжали наверхъ, желая отмстить за своего товарища. Зильбургъ снова поднялъ саблю и плашмя ударилъ такъ сильно по головѣ перваго попавшагося ему подъ руку матроса, что тотъ упалъ безъ чувствъ.

Видя немощъ свою, матросы пришли въ такую ярость, что рѣшились покинуть лѣстницу, эту невыгодную позицію, а ворваться въ гостиную чрезъ окна, къ которымъ хотѣли подставить лѣстницы. Положеніе барона было самое критическое; онъ уже придумывалъ средство къ спасенію; а какъ кромѣ бѣгства не было другаго, то онъ рѣшался и на это, какъ вдругъ послышался крикъ: «Стража!.. вотъ идетъ стража!..»

Матросы разбѣжались. Имъ удалось скрыться и унести раненныхъ товарищей, такъ, что когда стража явилась, на мѣстѣ сраженія оставались только осажденные; зачинщики-же всей этой кутерьмы разлетѣлись, какъ птицы при приближеніи осени.

Зильбургъ, при появленіи солдатъ, закутался въ плащъ и сталъ лицомъ къ окну; на дворъ было совершенно темно; но онъ, не оборачиваясь, курилъ себѣ преспокойно сигару.

Тогда два франтика, подбѣжавъ къ офицеру, начали поспѣшно рассказывать ему, какъ случилась вся эта исторія, въ которой, разумется, они не принимали никакого участія.

— А мы это сейчасъ увидимъ. Имя ваше? спросилъ офицеръ повелительнымъ тономъ.

— Юлій Гейманъ и компанія.

— А ваше?

— Моисей Мозенталь, съ вашего позволенія, господинъ офицеръ. Вотъ вамъ и адресъ мой.

Всѣ остальные, одинъ за другимъ, должны были сказать имя свое и фамилію; офицеръ записалъ ихъ.

— А ваша какъ фамилія? продолжалъ онъ, обращаясь къ Зильбургу.

— Отпусти ихъ, сказалъ Зильбургъ шопотомъ офицеру. Я одинъ виноватъ, хотя виноватъ только въ томъ, что защищался.

— Какимъ образомъ ты здѣсь? пробормоталъ удивленный и смущенный офицеръ; но оправаясь скоро, онъ обратился къ присутствующимъ и прибавилъ учтиво:

— Вы можете удалиться, господа; дѣло это не будетъ имѣть для васъ неприятныхъ послѣдствій.

Когда всѣ ушли, то Зильбургъ, оставшись съ Фанни и офицеромъ, рассказалъ въ короткихъ словахъ все дѣло, и просилъ не разглашать его.

Офицеръ обѣщалъ хранить молчаніе, и простившись съ барономъ, ушелъ въ сопровожденіи солдатъ своихъ.

Зильбургъ вышелъ послѣдній. Когда онъ очутился на улицѣ, было три часа.

— Проклятая таверна! проворчалъ онъ сквозь зубы: надо-же было случиться такому несчастію?

XI.

На другой день баронъ проснулся очень поздно. Картина его ночныхъ походовъ прояснилась при дневномъ свѣтѣ, и романическія тѣни сбѣжали отъ солнца. Зильбургъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что не могъ изъ хвастовства восхищаться подобными походами, и тѣмъ болѣе, что въ нихъ не было для него ни малѣйшей выгоды, а скорѣе напротивъ; ему

досадно было, что, по легкомыслию своему, увлекаясь чѣмъ-то похожимъ на чувство къ Бертъ, и безъ малѣйшаго повода, онъ снова возобновилъ свои давнопрошедшія походы, которыя теперь были неприличны по лѣтамъ его и положенію въ свѣтъ. Онъ горько упрекалъ себя за такую необдуманность. Зильбургъ вообразилъ, что вмѣшательство Шарлоты въ участь его ребенка не было простымъ случаемъ, и что прежняя связь его была въ прямомъ сношеніи съ теперешнею его привязанностью и должна была преслѣдовать, какъ роковая тѣнь, и вредить въ кругу новыхъ его знакомыхъ. Зильбургъ былъ отъ природы рѣшительнѣе; но въ этомъ случаѣ вышло противное, такъ что, несмотря на всю свою хитрость и прозорливость, онъ не могъ дойти до совершенно удовлетворительнаго заключенія, а рѣшился вотъ на что: оставить дѣло на произволъ судьбы, и выжидать, чтобъ дѣйствовать, болѣе удобной минуты. Фанни одна знала его фамилію; деньгами ей можно зажать ротъ и свалить всю эту исторію на кого-нибудь другаго. Еще одно обстоятельство мучило его нечистую совѣсть: куда дѣвался ребенокъ Бертъ? Кто могъ похитить его такъ скоро и такъ таинственно? Фанни не знала, гдѣ ребенокъ, а сказала только, что табачница отдала его кому-то, разумѣется за деньги; и несмотря на всѣ поиски и старанія свои, она не могла узнать фамилію похитителя, известнаго только ея соседкѣ. Кто провелъ свою жизнь, какъ Зильбургъ, бурно, среди приключеній разнаго рода, тотъ можетъ провести нѣсколько часовъ въ догадкахъ, но въ догадкахъ весьма непріятныхъ, и всегда ожидать чего-то страшнаго, роковаго. У Зильбурга было много враговъ, которые, овладѣвъ ребенкомъ, имѣли въ рукахъ средство отмстить ему, или даже наказъ его, и наказъ справедливо.

— А! догадываюсь!.. вскричалъ баронъ... это вѣрно Ульрика!.. это похоже на нее! Имѣя въ рукахъ такое доказательство проступка моего, она еще болѣе можетъ поразить меня, чѣмъ въ первый разъ. Для нея нѣтъ выше наслажденія, заставить меня въ располхъ! Но куда это я забрелъ съ воображеніемъ своимъ? Что за бредъ такой! Плакуну этого просто-за-просто унесла какая-нибудь чадолюбивая или сострадательная душа, или какая-нибудь старая дѣва, у которой околѣла кошка или собака, и которая, не зная, на кого излить врожденную нѣжность сердца своего, схватила вмѣсто котенка ребенка... но такъ какъ старыя дѣвы не любятъ ничего дѣлать обыкновеннымъ поряд-

комъ, то и придала исторіи этой, для потѣхи своей, всю эту таинственность, о которой я имѣю глупость беспокоиться. Нѣтъ! нѣтъ! не хочу больше ломать головы надъ такими пустяками! Къ тому-же у меня есть Олафъ... къ чему-жъ онъ былъ-бы годенъ, еслибъ не разузнавалъ о томъ, что мнѣ надо знать? Это прехитрая лисица! Я отправлю его къ табачницѣ. Можетъ-быть инстинктъ откроетъ ему тайну, которую мнѣ льнь отгадывать.

Онъ хотѣлъ было позвонить, чтобъ позвать негра, какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ лордъ Элькинсъ. Молодой англичанинъ былъ крайне взволнованъ; онъ крѣпко пожалъ руку барона, и сказалъ, что находится въ такомъ положеніи, что не имѣетъ нигдѣ покоя; ему надо облегчить сердце, излить чувства свои другу, который могъ-бы понять его. Мистръ Хиль не можетъ судить ни о чемъ; онъ все обсуживаетъ холоднымъ разсудкомъ, а не понимаетъ сердца; ему-же, Элькинсу, необходимъ другъ, и онъ выбралъ Зильбурга, которому во всемъ готовъ открыться.

Пока баронъ догадывался, чтобы могло такъ сильно взволновать молодого англича, Элькинсъ схватилъ его за руку, притащилъ къ дивану, и вывелъ изъ недоумѣнія восклицаніемъ:

— Я влюбленъ!.. влюбленъ по уши! Скажите, баронъ, могли ли я надѣяться?..

— На взаимность мою?.. Это презабавно!.. вскричалъ Зильбургъ, помирая со смѣху. Но замѣтивъ, что смѣхъ этотъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на молодого человека, онъ продолжалъ серьезнымъ тономъ:

— Не сердитесь, Элькинсъ. Вы спрашиваете, можете-ли вы надѣяться?.. Еще-бы!.. Вы можете на все надѣяться, да, на все, говорю я вамъ, и надѣяться смѣло, если съумѣете скрыть отъ предмета страсти своей власть его надъ собой.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ съ восторгомъ молодой англичанинъ: я въ ея власти... Счастье жизни и самая жизнь моя у ней въ рукахъ. Я не могу ни о чемъ думать. Пусть гибнетъ весь міръ, толькобъ мнѣ услышать отъ нея хоть одно отрадное слово. Ахъ! Зильбургъ, еслибъ вы знали, съ какою страстью я люблю ее, съ какимъ упоеніемъ я произношу ея имя, съ какимъ восторгомъ гляжу на нее...

— Если вы будете продолжать все на тотъ-же ладъ, любезный другъ, то я ничего не пойму, отвѣчалъ холодно баронъ, крайне удивленный такою восторженностью человека, прежде столь

равнодушнаго къ женщинамъ и отъ флегматическаго характера котораго онъ никакъ не могъ ожидать такой сердечной вспышки. Я рѣшительно не понимаю сантиментальныхъ восклицаній, продолжалъ Зильбургъ. Надо вамъ сказать, Элькинсъ, что я не влюбленъ, и никогда влюбленъ не былъ... следовательно, все это для меня тарабарская грамота. Будемъ говорить хладнокровно; только хладнокровный можетъ быть хорошимъ стратегомъ, а любовь въдъ тоже, что сраженіе.

— На которомъ благородное сердце проливаетъ всю кровь свою! сказалъ Элькинсъ со вздохомъ и опутивъ голову.

— Увы! бѣдный Ромео! кажется, Амуръ насквозь прокололъ сердце ваше, сказалъ Зильбургъ, качая головой. Но знайте одно, есть на свѣтѣ доврчивость, которая хуже всякаго недоврья... это—полудоврїе. Все, что вы мнѣ говорили до-сихъ-поръ, я могу прочесть въ любомъ романѣ Ричардсона; но совѣтовать и въ случаѣ нужды помогать, какъ вѣрный и преданный другъ, не могу еще. По моему, любезный Эдуардъ, мужчина долженъ быть мужчиной, иначе онъ никогда не овладѣетъ женщиной, и не будетъ имѣть право надъ нею; она тогда только любитъ мужчину, когда боится его; мы любимъ сердцемъ, но покоряемъ сердца умомъ; следовательно, совѣтую отложить всторону вздохи свои, слезы и все аппараты меланхоли. Женщина ничто иное, какъ женщина, и лучшая изъ нихъ не стоитъ нашихъ страданій.

— Боже мой! я нашелъ человѣка, какого мнѣ надо было, вскричалъ Элькинсъ, котораго начинали уже радовать рѣшительныя правила барона, хотя онъ еще несомнѣнно согласовался съ мнѣніемъ Зильбурга.

— Разумѣется, вы нашли его, если станете вѣрить словамъ моимъ, отвѣчалъ баронъ. Человѣку вашего званія, съ вашимъ состояніемъ; умомъ и наружностью, не слѣдуетъ отчаяваться, если женщина съ перваго взгляда не бросается къ нему на шею. Но вы, господа англичане, все на одинъ покрой; въ васъ нѣтъ любезности, нѣтъ середины: или вы равнодушны, то есть, совершенный ледъ, или огнедыщуція горы, когда васъ охватитъ какая-нибудь идея! Я надѣюсь однако, что мы скоро поймемъ другъ друга. Кончайте свою повѣсть, только, умоляю васъ, безъ романическихъ приправъ. Скажите мнѣ, во-первыхъ, съ которыхъ поръ вы влюблены?

— Съ той минуты, какъ увидалъ ее.

— Это не отвѣтъ; вѣдь я не знаю, когда была эта достопамятная минута; она могла быть вчера, третьяго дня, въ среду, въ субботу, годъ тому назадъ... Ну, да все-равно!.. значить — любовь внезапная? порывъ сердца?.. А гдѣ встрѣтили вы владычицу своего сердца?

— Въ театрѣ.

— Въ одной изъ ложъ перваго яруса, вѣроятно?

— Нѣтъ, за кулисами.

— Какъ за кулисами! вскричалъ Зильбургъ, котораго слово *кулисы* наэлектризовало. Такъ вы влюблены въ актрису?.. Ну, теперь я понимаю!

— Что-жъ понимаете вы? спросилъ Элькинсъ съ живостью.

— А то понимаю, что вы разыгрываете роль томнаго вздыхателя потому только, что эта роль вамъ нравится. Какъ вы славно меня мистифировали. Актриса! славно! Въ такой продѣлкѣ много здраваго смысла! Можно переходить въ самыя разнообразныя положенія; сегодня, на примѣръ, любишь хитрую кокетку, завтра чувствительную пастушку, а послѣ-завтра отчаянную героиню какой-нибудь страшной трагедіи... Это превесело!.. Вы тоже выучились хорошо играть... Только у ногъ хорошенькой актрисы можно выучиться драматическому искусству... Да, я и самъ не прочь посвятить себя въ таинства этого искусства, и умирать такимъ образомъ въ томленіяхъ любви, чтобъ снова воскреснуть въ другой роли...

Молодому англичанину было досадно, что о любви его относились такъ легкомысленно. Во-время монолога Зильбурга онъ кусалъ губы, и наконецъ перебилъ его съ горечью:

— Если вы смотрите съ такой точки зрѣнія на драматическое искусство и не понимаете его, какъ слѣдуетъ, то послѣ этого меня не удивляетъ, что и на любовь вы смотрите тѣми-же глазами. Въ такомъ случаѣ, совѣтую вамъ приберечь весь свой восторгъ для балета, главная прелесть котораго состоитъ въ стройности ногъ танцорокъ. Я согласенъ съ вами, что глупо вздыхать объ актрисѣ, пока карманы мои набиты банковыми билетами и есть довольно времени, чтобы тратить его на глупости, если глупости эти мнѣ нравятся. Но актриса-актрисѣ рознь... сказалъ Элькинсъ съ досадою и началъ хлопать хлыстикомъ по сапогамъ своимъ.

Зильбургъ замѣтилъ негодованіе юнаго англичанина, и подойдя къ нему, съ участіемъ сказалъ:

— Неужели вы и въ-самомъ-дѣль разсердились за мои невинныя шутки и сомнѣваетесь въ участіи моемъ къ вамъ? Перестаньте дуться, душа моя... вамъ не слѣдуетъ сердиться на друга, съ языка котораго сорвалось, можетъ-быть, необдуманное слово... въ иное время вы-бы за это не разсердились, но сегодня вы не въ духъ, слѣдовательно мы оба виноваты. Дайте руку, Элькинсъ, помиримся... Я мало кого люблю такъ, какъ васъ... но зато имью право требовать чтобъ и меня любили такимъ, какъ я есть.

Лицо Элькинса снова прояснилось; онъ съ чувствомъ пожалъ руку барона и сказалъ.

— Если шутки ваши оскорбили меня, то я самъ виноватъ... но когда насъ пожираетъ какая-нибудь сильная страсть, то малѣйшая шероховатость словъ или жестовъ оскорбляетъ насъ, царапаетъ больное сердце. Я и самъ не узнаю себя; мнѣ кажется, что я новый Гамлетъ, который живетъ только для того, чтобъ задумывать великія предпріятія и съ трепетомъ ожидать, когда они осуществятся.

— Но развѣ это такъ трудно? спросилъ Зильбургъ съ любопытствомъ и участіемъ. Чувства человека съ вашимъ званіемъ и состояніемъ всегда принимаются благосклонно, и супругу свою вы можете представить и ввести въ самое высшее общество; слѣдовательно, такого обожателя не отвергають.

Молодой лордъ грустно улыбнулся, и покачавъ головою, отвѣчалъ.

— Женщина, которую я люблю, не обратитъ ни малѣйшаго вниманія ни на предковъ моихъ, ни на положеніе мое въ обществѣ, а на богатство и еще менѣе. Происхожденіе ея гораздо древнѣе моего, и весьма рѣдко даже въ Англіи; дворянство ея состоитъ въ геніальности неподражаемаго искусства; тѣнь Шекспира при самомъ ея рожденіи прикоснулась устами до чела ея, и предназначила ей лавровый вѣнецъ и наименовала своей избранной Джульетой!

— Шарлота Аккерманъ!.. вскричалъ Зильбургъ, невольно взволнованный и удивленный такимъ неожиданнымъ открытіемъ. Ему досадно было, зачѣмъ имя это сорвалось съ его языка; но кромѣ Шарлоты не было другой такой актрисы, какую описывалъ Элькинсъ; слѣдовательно, догадка Зильбурга была простительна.

— Да, Шарлота, *актриса!* отвѣчалъ Элькинсъ съ притворнымъ презрѣніемъ и пожимая плечами.

— Нѣтъ правилъ безъ исключенія, и я согласенъ, что Шарлота прекрасное исключеніе и непохожа на другихъ актрисъ... Я знаю ее... прехорошенькая... проговорилъ сквозь зубы баронъ. Съ нею нельзя шутить... однако не надо унывать... Да, кстати! бываете вы у нихъ въ домъ?

Элькинсъ утвердительно кивнулъ головою.

— И вы заняли уже какую-нибудь позицію?

— Боже! Какія стратегическія идеи! вскричалъ англичанинъ, и на этотъ разъ расхохотался чистосердечно. Нѣтъ, прибавилъ онъ, я не завладѣлъ еще никакой позиціей; но мать Шарлоты, почтенная старушка, принимаетъ меня довольно радушно, а Шарлота завидуетъ моему чистому англійскому произношенію.

— Она призналась въ этомъ? вскричалъ Зильбургъ. Въ такомъ случаѣ поздравляю васъ, Эдуардъ! Вы научите ее чистому англійскому произношенію... говорятъ, она очень понятлива, особенно на счетъ иностранныхъ языковъ, и говоритъ въ совершенствѣ на трехъ. Грамматика и любовь нераздѣльны... Такъ начинайте, любезный Элькинсъ, и выучите скорѣй свою прелестную ученицу произносить: I. love you. Я увѣренъ, что Шарлота благосклонно приметъ уроки ваши, а вмѣстѣ съ ними и любезнаго учителя.

Увѣщаніями своими, то шутливыми, то дѣльными, баронъ счумѣлъ наконецъ придать бодрости своему юному другу и заставилъ его надѣяться на успѣхъ; въ душѣ-же не могъ не смѣяться надъ дѣвственною робостью Эдуарда. Но какъ человѣкъ опытный, онъ хладнокровно и благосклонно выслушивалъ восторженныя похвалы, которымъ Элькинсъ предавался безъ всякой мѣры на счетъ предмета любви своей. По временамъ, баронъ вставлялъ тамъ и сямъ какое-нибудь успокоительное замѣчаніе, для того, чтобъ слишкомъ пламенный другъ его не превратился-бы, какъ онъ выражался, въ поэтическую пѣну или въ воздухъ, и оставилъ-бы хоть что-нибудь изъ себя для житейской дѣйствительности.

— Вы не можете себя представить, любезный Эдуардъ, сказалъ баронъ дружелюбно-покровительственнымъ тономъ, какъ надо умѣрять страсть свою даже съ самыми восторженными женщинами; страсть ни подъ какимъ видомъ не должна брать верха надъ разсудкомъ; иначе вы погибнете... Я увѣренъ, что наша милая Шарлота станетъ искать въ любовной связи романтическую ея сторону, именно то, что совершенно противопо-

ложно ея собственной натуръ, и выберетъ вѣроятно того, кто всегда будетъ оставлять ей что-нибудь отгадывать и скрытною своею будетъ внушать ей почтеніе. А главное, берегитесь слишкомъ сильнаго изліянія чувствъ, которое пропадетъ даромъ, потому-что восторженные женщины ненасытны, имъ все мало, и потому онъ не вѣрятъ настоящимъ чувствамъ; имъ надо холоднаго шампанскаго, чтобъ они скорѣй опьянѣли... Хотя я видѣлъ Шарлоту одинъ только разъ, но увѣренъ, что ей нуженъ такой обожатель, который-бы вовсе не походилъ на ходячихъ маріонетокъ, которыхъ она ежедневно видитъ за кулисами; она вѣрно предпочтетъ человека, который будетъ дѣйствовать не такъ, какъ дѣйствуютъ обыкновенно влюбленные, будутъ говорить своимъ языкомъ, а не изношеннымъ слогомъ нашихъ рифмоплетовъ и драматическихъ писателей... она можетъ полюбить только самостоятельнаго человека... иначе она не была-бы сама такъ оригинальна и не обладала-бы такимъ вдохновеніемъ... На кроткомъ лицѣ ея видно столько воли, столько энергіи, силы души и независимости, что она можетъ полюбить только твердаго, самостоятельнаго человека. Повѣрьте опытности моей, любезный Эдуардъ, и послушайтесь добраго моего совѣта, который состоитъ вотъ въ чемъ: заберите въ руки эту мечтательницу, и отложивъ въ сторону вздохн, слезы, восклицанія и томные взоры, обращенные къ лунѣ, обходитесь съ нею поостроже. Перемените методу, и я ручаюсь, что имбирь любви вашей придется ей больше по вкусу, чѣмъ сладкіе и нѣжные напѣвы модниковъ.

Эдуардъ, любившій въ первый разъ въ жизни, со всею горячностью и невинностью чистой души, отвѣчалъ молчаніемъ и улыбкой недоверія. Онъ не вѣрилъ Зильбергу и совѣты его казались ему даже оскорбительными на счетъ такой женщины, какъ Шарлота. Онъ думалъ, что такимъ образомъ можно поступать только съ капризными кокетками.

Но Зильбургъ не переставалъ внушать ему свои правила, увѣряя, что только этимъ способомъ онъ самъ побѣждалъ самыхъ неприступныхъ, самыхъ строгихъ женщинъ; и мало того, что побѣждалъ, но даже упрочивалъ за собою навсегда эту побѣду.

— Только безъ замедленій, безъ переговоровъ о свободѣ, безъ позволеній къ отступленію! вскричалъ съ живостью Зильбургъ. Большая часть браковъ между порядочными людьми весьма дурно кончается, потому-что мужъ въ минуту побѣды уни-

жается до роли побѣжденнаго, и расточаетъ болѣе или менѣе любовь свою во вредъ власти своей и личнаго достоинства. Если вы только сумѣете управлять игрою своею и не заслушаетесь первыхъ пѣсень сирены и не поддадитесь ей, тогда она сама загорится къ вамъ всѣмъ пламенемъ страстной, восторженной любви, и покоряясь собственнымъ иллюзіямъ, сама прибѣжитъ и слѣпо бросится въ ваши сѣти.

— Помилуйте! что вы говорите?.. Тутъ не можетъ быть помину ни объ игрѣ, ни о сѣтяхъ, отвѣчалъ съ негодованіемъ Элькинсъ. Вы не знаете Шарлоту... иначе вы не стали-бы судить о ней, какъ объ остальныхъ женщинахъ, и подводить ее подъ общее правило.

Зильбургъ замолчалъ, и глядя неопредѣленнымъ взглядомъ на все окружающее, слегка дотронулся пальцемъ до пепла сигары, который свалился, вмѣсто стола, къ нему на платье. Зильбургъ стряхнулъ его, и отвѣчалъ, улыбаясь:

— Поймите меня: во-первыхъ, я предполагаю, что Шарлота уже къ вамъ равнодушна, а иначе ни моя, ни какая другая мудрость ничего не угадаютъ. Слѣдовательно, прежде всего надо знать, на что вы можете надѣяться; остальное-же придетъ само собою, когда настанетъ время. Никто въ мірѣ не разгадаетъ женщинъ вообще... все равно, какъ медицину, и въ этихъ двухъ наукахъ есть много общаго, а главное вотъ что: во всѣ времена мы дѣлали и дѣлаемъ, если не всегда пріятные, то, по-крайней-мѣрѣ, самые вѣрные опыты надъ самими собою.

Элькинсъ разсмѣялся; онъ былъ радъ, что Зильбургъ перемѣнилъ разговоръ и коснулся такого предмета, гдѣ взглядъ ихъ на вещи не былъ такъ противоположенъ.

Молодому челоѣку показалось, что въ этотъ день онъ узналъ отъ Зильбурга одну только вещь, которая въ-последствіи могла быть ему полезна, а именно, что можно имѣть несмѣтное число любовныхъ похожденій и не имѣть ни малѣйшаго понятія о чудныхъ тайнахъ, заключенныхъ въ благородномъ сердцѣ женщины; а тайны эти вполнѣ проявлялись восторженному юношѣ, каждый разъ, когда глаза его встрѣчались съ глазами Шарлоты, или даже когда онъ вспоминалъ только о ней.

XII.

Нѣсколько дней спустя, сенаторъ X., одинъ изъ первѣйшихъ негоціантовъ Гамбурга, давалъ великолѣпный балъ въ въ своемъ роскошномъ домѣ близъ Юнгфернштега. На этотъ балъ были приглашены все извѣстные люди города, извѣстные по чинамъ своимъ, званію, богатству или знаменитости. Яркоосвѣщенные залы, гдѣ собралось общество, роскошью своею, не только соответствовали дому, славившемуся великолѣпіемъ и высокому положенію хозяина въ свѣтъ, но и сану гостей, которыхъ почтили приглашеніемъ.

Весь цвѣтъ Гамбурга собрался на этомъ праздникѣ. Дамы одна передъ другой щеголяли своими нарядами и затмѣвали другъ друга сіяньемъ драгоценныхъ камней на роскошныхъ плечахъ, въ густыхъ волосахъ и маленькихъ розовыхъ ушкахъ. Рой модной молодежи, въ числѣ которой видны были и мундиры и придворные кафтаны, толпился и порхалъ по залу, стараясь привлечь взоры молодыхъ, свѣженькихъ дѣвушекъ, истинно ослѣпительныхъ своею красотою и миловидностью, которыя, въ свою очередь, несмотря на строгость этикета, наблюдали изъ-подтишка, какой эффектъ производитъ красота ихъ на отжившихъ денди и на молодыхъ офицеровъ.

Шредеръ съ обѣими сестрами присутствовалъ также на балу, потому-что совѣтникъ X. былъ не изъ числа тѣхъ, которые презирали актеровъ; напротивъ, онъ растворилъ настежь двери дома своего всемъ изящнымъ искусствамъ и ихъ представителямъ. Особенно старикъ любилъ, когда его называли покровителемъ театра; хотя, по правдѣ сказать, онъ зналъ больше толку въ цѣнахъ сахару и кофе, чѣмъ въ достоинствѣ произведеній Лессинга и Мольера.

— Какая прекрасная пьеса Рутландъ! говорилъ онъ: жаль только, что это не опера!

Такое сужденіе добряка прославило его по всему Гамбургу, какъ страннаго любителя и знатока изящнаго.

Появленіе двухъ сестеръ привлекло всеобщее вниманіе и вскорѣ ихъ окружила толпа молодыхъ людей, ожидающихъ счастья танцовать съ ними. Только у лорда Элькинса не хватило духу подойти къ нимъ. Опершись о колонну, онъ стоялъ недвижимъ, молчаливымъ свидѣтелемъ торжества дѣвушки, которую любилъ тайно и которой со всѣхъ сторонъ курился остріемъ

лести, похвалъ и восторговъ. Посреди всеобщаго веселья имъ овладѣло безотрадное чувство одиночества; какая-то тоска жала его сердце; онъ ничего не замѣчалъ, не замѣчалъ даже, что много хорошенькихъ дѣвушекъ смотрѣли на него съ досадой и нетерпѣніемъ, спрашивая въ недоумѣніи, скоро-ли онъ выйдетъ изъ задумчивости и ангажируетъ которую-нибудь изъ нихъ; не замѣчалъ онъ тоже молодыхъ женщинъ съ выразительными прекрасными глазами, которыя смотрѣли на него то страстно, то робко и томно; онъ перешептывались между собою, мѣняясь обоюдными замѣчаніями на счетъ молодаго лорда, о которомъ соболѣзновали, утверждая, что онъ одержимъ сплиномъ.

Въ эту минуту кто-то дотронулся до плеча его и назвалъ по имени; это былъ Зильбургъ, въ блестящемъ мундирѣ и увѣшанный орденами. Войдя въ залу, онъ тотчасъ-же увидѣлъ своего друга и предметъ его безмолвнаго созерцанія.

— Что съ вами, Элькинсъ! ужь не обратились-ли вы въ столбъ? сказалъ баронъ на ухо Эдуарду. Вотъ прекрасный случай привести въ дѣйствіе намѣреніе ваше учить говорить на чисто англійскомъ языкъ, а главное выговаривать: I love you. Она въ-самомъ-дѣль-прекрасна! Какъ идетъ къ блондиночкѣ вашей это свѣтлоголубое платье; но Доротея не хуже ея одѣта... прелестный нарядъ!.. Даже, по моему, она и лицомъ лучше Шарлоты...

Эдуардъ отвѣчалъ невнятно и разсѣянно. Зильбургъ приставалъ къ нему и упрашивалъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и рискнуть объясниться.

— По нынѣшнимъ нравамъ, балъ, по моему, единственное пристанище влюбленныхъ. Въ среднія вѣки рыцарь ухаживалъ за дамой сердца своего на турнирахъ, въ каскъ, съ забраломъ, верхомъ на конѣ; въ пастушеской Аркадіи обожатель признавался въ страсти своей среди душистыхъ рощъ или цветущихъ пастбищъ и полей; а теперь влюбленнымъ осталось только одно—балы, въ суматохѣ и толпѣ которыхъ они скрываются; вѣдь только и осталось, что переброситься словомъ, другимъ; пожать ручку такъ, чтобъ никто не замѣтилъ... Такимъ-образомъ, прежде еще, чѣмъ начнется минуетъ, завязывается узелъ двухъ любящихъ сердець. Такъ не бойтесь, любезный Элькинсъ; впередъ! смѣлость города беретъ!

Элькинсъ былъ въ восторгъ, когда кончилось нравоученіе и когда Зильбургъ пошелъ поздороваться съ хозяйкой дома.

Начались танцы.

Элкинсъ вышелъ изъ залы, и дойдя до диванной, усься въ спокойныя кресла и погрузился въ мечты свои. Звуки музыки долетали до ушей его, и хотя Элкинсъ не видѣлъ Шарлоту въ эту минуту, однако слѣдилъ за нею душевными глазами, и прислушиваясь къ музыкѣ, видѣлъ, какъ она порхала то легкой сильфидой, то перегибая станъ свой, выказывала всю красоту свою восхищеннымъ взорамъ, слѣдившимъ за нею съ восторгомъ.

Появленіе Зильбурга произвело большой эффектъ и сдѣлало сильное впечатлѣніе на дамъ. Мужчины смотрѣли съ тайною завистью на высокаго, стройнаго и красиваго барона, рыцарская, благородная наружность котораго привлекала всеобщее вниманіе и заставляла биться столько сердець! Это былъ типъ мужественной красоты, спокойной самоувѣренности и торжества. По службѣ и храбростью своею баронъ оказалъ много важныхъ услугъ отечеству своему; такъ, что кромѣ наружныхъ и свѣтскихъ достоинствъ, заслуги эти могли быть ручательствомъ, что появленіемъ своимъ онъ сдѣлаетъ честь каждому дому, даже тому, въ которомъ находился теперь, потому-что въ этомъ домѣ людей цѣнили только на вѣсъ ихъ золота.

Имя барона Зильбурга завертѣлось скоро на всѣхъ языкахъ и послышалось во всѣхъ углахъ. Сердца матерей замирали то страхомъ, то надеждой; почтенныя старушки слѣдили глазами за барономъ, и ожидали съ трепетомъ, на которую изъ дочекъ ихъ упадетъ лучъ его блестящихъ глазъ.

Кадриль кончилась. Шарлота возвратилась на свое мѣсто; но Элкинсъ не подходилъ къ ней. Зильбургъ напрасно искалъ его глазами. Видя, что друга его нѣтъ, онъ самъ подошелъ къ ней и между ними завязался одинъ изъ тѣхъ бальныхъ разговоровъ, которые могутъ длиться нѣсколько часовъ сряду и въ которыхъ ровно ничего не заключается, но гдѣ умные и любезные люди выказываютъ умъ свой, и тогда только прекращаютъ болтовню свою, когда, благодаря говору и шуму, не слышать больше ничего, кромѣ однихъ отрывистыхъ фразъ...

Баронъ разсуждалъ о разницѣ баловъ въ Копенгагенъ и Гамбургъ, и признался, что остроуміе и неподдѣльная веселость гамбургскаго общества нравятся ему несравненно болѣе натянутаго этикета датскаго. Наконецъ, разговоръ перешелъ на лица, присутствующія на балѣ, и на смѣшныя ихъ стороны. Зиль-

бургъ, все болѣе и болѣе оживляясь, признался напоследокъ, что первое его удовольствіе на балъ подмвчать оригиналовъ, наблюдать за ихъ порывами и дѣйствіями, угадывать тайныя интриги присутствующихъ, и давать, однимъ-словомъ, полную свободу своей врожденной ироніи.

— Иронія! роковое слово! отвѣчала, улыбаясь, Шарлота. Но если иронія даръ, то я не завидую этому дару; я не люблю его, все равно, какъ и людей, обладающихъ этимъ даромъ. Я люблю острый, даже колкій умъ; но если это переходитъ въ горечь, то доказываетъ, что въ чловѣкѣ этомъ больше желчи, чѣмъ ума.

— А между-тѣмъ сколько есть умныхъ людей, у которыхъ весь умъ состоитъ въ ироніи! Въ ней ищутъ они пищу для ума своего! отвѣчалъ Зильбургъ.

— Можетъ-быть они ищутъ въ этомъ не пищу, а самый умъ свой, потому-что въ сущности иронія ничто иное, какъ подклад-ка ума, по которой судятъ объ остальномъ, отвѣчала Шарлота.

— Позвольте вы мнѣ имѣть честь танцовать съ вами этотъ экосезъ?

— Я ангажирована, баронъ. Мнѣ, танцоркѣ по ремеслу, надо танцовать даже тогда, какъ другія танцуютъ только изъ удовольствія! О! еслибъ я могла быть хоть одинъ разъ на балъ и не танцовать!

— Какъ!.. вы не любите танцевъ, а между-тѣмъ приводите всѣхъ въ восторгъ, когда танцуете на сценѣ.

— О! это совсѣмъ другое дѣло! отвѣчала Шарлота. Это искусство... и душа моя принимаетъ тогда такое-же участіе въ балетѣ, какъ и въ драмѣ. Когда я танцую на сценѣ, тогда понимаю, почему у древнихъ народовъ танцы входили въ религіозныя обряды и исполнялись передъ жертвенникомъ. Но на балѣ... мы право и сами не знаемъ, зачѣмъ танцуемъ... вѣроятно въ надеждѣ на хорошій ужинъ, потому-что хозяинъ, въ мудрости своей, рѣшилъ, что намъ надо протанцовать вотъ столько-то кадрилией, столько то экосезовъ, за которые онъ намъ потомъ заплатитъ угощеніемъ, устрицами и шампанскимъ.

— Видите-ли, какая вы насмѣшница! вскричалъ Зильбургъ со смѣхомъ. Впрочемъ, я совершенно съ вами согласенъ, потому-что и самъ небольшой охотникъ танцовать. Я люблю только экосезъ, и крайне сожалею, что принужденъ отказаться отъ него. Развѣ вамъ никакъ нельзя?..

— Я танцую съ лордомъ Элькинсомъ, отвѣчала Шарлота не-твердымъ голосомъ.

— Съ Элькинсомъ?... спросилъ удивленный Зильбургъ... Тутъ есть недоразумѣніе! Онъ мнѣ именно жаловался, что не успѣлъ ангажировать васъ.

— Во всякомъ случаѣ недоразумѣніе съ моей стороны, прошептала Шарлота и вспыхнула, какъ зарево, что пронизательный глазъ барона тотчасъ-же замѣтилъ.

— Нѣтъ, не съ вашей! вскричалъ онъ. Да тутъ и нѣтъ недоразумѣнія! Въ этомъ случаѣ я отъ души радуюсь своему несчастью и бѣгу объявить ему радость, потому-что онъ обо-жаетъ васъ. Коробъ * подаренный мнѣ вами, превратится для бѣднаго Элькинса въ рогъ изобилія, изъ котораго на него посыплются всевозможныя радости. Экоссезомъ этимъ я спасаю его отъ отчаянія... И не докончивъ фразы, Зильбургъ исчезъ такъ скоро, что Шарлота не успѣла остановить его.

— Что съ тобою?... что такое у васъ съ Зильбургомъ? спросила Доротея, которая, замѣтивъ боязнь на лицѣ Шарлоты, поспѣшно подбѣжала къ ней.

Шарлота въ короткихъ словахъ рассказала ей все, что случилось.

— Боже мой! вскричала Доротея. Какъ можно позволять себѣ такія вещи! Элькинсъ не думалъ ангажировать тебя, ты не давала ему слова, а барону сказала, что танцуешь съ нимъ? Какое легкомысліе! Ну что подумаетъ теперь Элькинсъ? что скажетъ баронъ?

— Пусть они думаютъ и говорятъ что имъ угодно; а Элькинсу я скажу, что у меня не было другаго средства отдѣлаться отъ дерзкаго барона.

— Послушайся моего совѣта и скажи, что не танцуешь экоссе-за. Ты знаешь, что за человекъ Зильбургъ! Неравно затѣветъ какую-нибудь ссору!

Зильбургъ нашель наконецъ Элькинса, лежащаго въ креслахъ съ полузакрытыми глазами. Онъ тогда только увидалъ барона, когда тотъ, подойдя къ нему, сказалъ улыбаясь:

— Вотъ еще одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ счастье приходитъ во-время сна; но только не во снѣ, а вправду.

* Корб geben, по нѣмецки: «дать *коробъ*», значить отказать кому-нибудь. Поговорка эта относится наиболѣе къ сватовству. Если невѣста отказываетъ жениху, тогда говорятъ: «Она подарила ему коробъ.»

Элькинсъ вскочилъ съ кресель.

— Время мечтаній прошло, любезный другъ, и минута дѣйствительности, и какой еще дѣйствительности, настала! сказалъ баронъ, взявъ его за плеча. Экоссеэзъ начинается и вы танцуете его съ Шарлотой!

— Я? сказалъ чуть слышно Эдуардъ, и остолбенѣлъ.

— Теперь сами видите, что можно иногда выиграть, не принимая участія въ игрѣ, сказалъ Зильбургъ, улыбаясь. Она призналась мнѣ, краснѣя, что хочетъ танцовать Экоссеэзъ только съ вами.

— Она сама сказала! вскричалъ лордъ въ порывъ восторга. Честное слово?

— Честное слово! Неужели вы сомнѣваетесь? Я такъ-же твердо убѣжденъ, что Шарлота любитъ васъ, какъ и въ томъ, что желаетъ танцовать экоссеэзъ съ вами. Она подала вамъ *реплику*. Теперь ваше дѣло продолжать роль, и я поручаю васъ благодѣтельному генію любви и вашему чисто-англійскому нарвчію.

Шарлота, успѣвшая оправиться, безъ смущенія приняла подошедшаго къ ней Элькинса, который краснѣлъ, блѣднѣлъ и не могъ слова выговорить. Но она, протянувъ ему руку, сказала простодушно.

— Насъ гамбургцевъ часто упрекають, будто мы не предупредительны къ иностранцамъ; Лордъ Эсъкинсъ, по-крайней-мѣрѣ, не посмѣетъ сказать этого.

Элькинсъ съ горячностью поцѣловалъ руку Шарлоты и сказалъ въ полголоса:

— Вы спасаете меня... Она притворилась, будто не слышитъ, отняла поспѣшно руку и сказала, улыбаясь.

— Баронъ Зильбургъ не могъ понять, что мнѣ хотѣлось танцовать съ вами, хотя вы меня не ангажировали. Вѣдь, глядя на него, и въ-самомъ-дѣлѣ можно подумать, что съ нимъ никогда не случалось подобнаго чуда! Я чуть-было не расхохоталась ему въ лицо!

Элькинсъ вспыхнулъ.

Шарлота продолжала тѣмъ-же развязнымъ тономъ.

— Какой смѣшной, этотъ Зильбургъ!.. Но такихъ людей много!.. Они воображаютъ, что удивительно какъ проникательны, что открываютъ самыя неразгаданныя тайны... а между-тѣмъ принимаютъ простую шутку за Богъ знаетъ что!.. Музыка призываетъ насъ, милордъ, такъ пойдемте скорѣй!.. станемъ

веселиться, добрый Элькинсъ, хоть для того только, чтобъ побѣсить этого глубокомысленнаго барона. Ничего не можетъ быть забавнѣе, какъ мистифировать подобныхъ философовъ.

Сказавъ это, она вскочила со стула, сняла шаль и повлекла съ какимъ-то нетерпѣніемъ своего кавалера, который какъ-будто не рѣшался слѣдовать за нею.

Лордъ Элькинсъ былъ пораженъ тономъ и манерами Шарлоты, а главное словами ея, которыя вовсе не согласовались съ тѣмъ, что говорилъ ему Зильбургъ. Развязность Шарлоты, шутки ея и дружескія названія, съ которыми она къ нему обращалась, отняли послѣднюю бодрость духа, послѣднюю надежду, и въ ту именно минуту, когда онъ только что предался преждевременному порыву радости.

Онъ еще было попытался сдѣлать признаніе въ любви и проговорилъ что-то невнятно, робко... но Шарлота притворилась, что не слышитъ. Такъ счастьемъ моему конецъ! думалъ самъ про себя Элькинсъ: Зильбургъ подшутилъ надо мной или самъ непростительно ошибся, или, можетъ-быть, Шарлота обманула Зильбурга, чтобъ побѣсить одного, какъ она сама сейчасъ выразилась, и посмѣяться надъ другимъ. *Побѣситъ* Зильбурга!.. значить онъ ей нравится! А если онъ бѣсится, значить ревнуетъ и слѣдственно любить...

Шарлота почти не слушала его и была въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа; веселостью своею и нѣкоторыми словами, сказанными какъ-будто на вѣтеръ, она сумѣла убедить его, что благосклонность, которую ей приписываютъ, существуетъ только въ воображеніи Зильбурга.

Такая страшная истина лишила Элькинса способности думать, говорить. Онъ былъ внѣ себя; но продолжалъ танцевать машинально; голова его горѣла, а лицо покрывалось то страшною блѣдностью, то вспыхивало, какъ зарево. Не будучи въ состояніи переносить долѣе такія страданія, онъ воспользовался первою удобною минутою, и никѣмъ незамѣченный ускользнулъ изъ залы.

Кончивъ фигуру, Шарлота нашла на мѣстѣ Элькинса Экгофа, который замѣстилъ ея убѣжавшаго кавалера и окончилъ за него танецъ.

Шарлота рада была этой переменѣ, и никто не замѣтилъ случившагося. Только Зильбургъ не отводилъ глазъ отъ друга своего, и когда тотъ вышелъ, онъ бросился за нимъ и нашелъ его уже въ передней, надѣвающимъ плащъ.

— Что вы дѣлаете, Эдуардъ? спросилъ Зильбургъ въ недоумѣнн. Объяснились вы съ Шарлотой?

Элькинсъ, на силу удерживая досаду, отвѣчалъ отрывисто:

— Чудесный угадчикъ! нечего сказать! Кажется, вы лучше умѣете дрессировать лошадей, чѣмъ понимать женщинъ. Ни одна женщина не можетъ противостоять вамъ, всѣ до одной преклоняются передъ вашимъ побѣдоноснымъ взглядомъ, и потому вамъ чудится и въ другихъ образъ собственнаго тщеславія! Да, любезный Зильбургъ, я объяснился съ Шарлотой; но прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе не упоминать больше при мнѣ имени этой знаменитой актрисы.

Сказавъ это, онъ гнѣвно посмотрѣлъ на барона и выбѣжалъ въ сильномъ волненіи.

Зильбургъ проводилъ его глазами, но вовсе не смутился; на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшаго чувства. Между-тѣмъ Элькинсъ сказалъ много такого, изъ чего онъ могъ заключить, что сдѣлалъ страшную глупость, на которую досадовалъ не столько изъ-за друга, какъ собственно изъ самого себя.

По окончаніи танца, Экгофъ отвелъ Шарлоту на ея мѣсто, гдѣ ожидала ее Доротея съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ.

— Все обошлось благополучно! сказала Шарлота на ухо сестрѣ своей. Элькинсъ уххаль, отъ барона я тоже скоро отдѣлаюсь.

Экгофъ воображалъ, что съ Элькинсомъ сдѣлалось дурно. Увидя Зильбурга, который, проводивъ друга, возвратился въ залу, онъ сказалъ Шарлотѣ:

— Какимъ это образомъ вы познакомились съ барономъ Зильбургомъ? И кажется довольно коротко, потому-что онъ разговаривалъ съ вами съ большимъ жаромъ. Не знаю почему, но человекъ этотъ внушаетъ мнѣ глубокое отвращеніе, хотя, по правдѣ сказать, я и самъ еще не знаю, къ какому разряду антиподовъ слѣдуетъ причислить его.

Шарлота слушала внимательно своего стариннаго друга, котораго любила и уважала, и просила сказать, что онъ подъ этимъ понимаетъ и за что именно не любитъ барона?

— Я, право, не знаю, что сказать... отвѣчалъ Экгофъ. Я видѣлъ Зильбурга одинъ только разъ, въ отелѣ «*Высшаго общества*». Вамъ известно, съ какою страстью я предаюсь изученію характеровъ, съ какою настойчивостью наблюдаю за малѣйшими отбѣнками человека, личность котораго представляетъ какую-нибудь рѣзкую черту.

Зильбургъ же этотъ представляетъ странный феноменъ, я вижу въ немъ невѣроятныя противоположности: если судить по профилю, то онъ человекъ честный, благородный; а если смотришь прямо на него, то выраженіе лица его до того непріятно, что такъ и видишь злость, эгоизмъ, необузданность и разные другіе пороки. Изъ всего этого я сдѣлалъ вотъ какое заключеніе, до котораго дошелъ безпристрастнымъ наблюденіемъ: что въ человекѣ этомъ двѣ натуры, совершенно противоположныя одна другой и находящіяся въ непрерывной борьбѣ... въ немъ столько же склонности къ добру, какъ и ко злу; столько же влеченія къ прекрасному, какъ и къ ужасному!

— О! воплощенный Лафатеръ! сказала, смѣясь, Шарлота. Что до меня касается, то хотя я и не дѣлала такихъ глубокихъ наблюденій на счетъ Зильбурга, однако убѣждена; что опредѣлила характеръ его гораздо вѣрнѣ васъ. По моему сужденію, придворныя, изящныя манеры его ничто иное, какъ привычка жить въ свѣтъ и нѣкоторая врожденная дерзость... онъ мнѣ напоминаетъ соотечественника своего, старика Полоніуса. А впрочемъ въ немъ нѣтъ ничего особеннаго... такой-же обыкновенный свѣтскій человекъ, какъ и всѣ остальные смертныя; мнѣ даже кажется, что онъ неочень уменъ... Правда, онъ окружилъ себя какимъ-то романическимъ сияньемъ; сиянье это очень пристало къ его рыцарской физиономіи; но будьте увѣрены, что въ поведеніи этомъ больше тщеславія и притворства, чѣмъ чувства личнаго достоинства. Это просто-за-просто человекъ, котораго общество избаловало и который сдѣлался важною особою не по личнымъ заслугамъ, а потому только, что знатные родственники вытаскивали его на поверхность житейскаго моря.

— Слѣдовательно, вы находите въ немъ что-нибудь характеристическое, видите что-нибудь замѣчательное?..

— Да, какъ въ каждомъ человекѣ, когда мы смотримъ на него пристально, съ особеннымъ вниманіемъ... Посмотрите на себя подольше въ зеркало, и вы немедленно замѣтите въ лицѣ своемъ что-то особенно странное, непонятное, и сдѣлаетесь загадкой для самого себя; а между-тѣмъ, вы хорошо себя знаете... Я советую вамъ, любезный Экгофъ, оставить каліостровскія свои наблюденія и думать о чемъ-нибудь другомъ... тѣмъ болѣе, что въ Зильбургѣ этомъ нѣтъ ничего особенно интереснаго... и онъ не можетъ быть опасенъ ни для мужчинъ, ни для женщинъ, знающихъ хоть сколько-нибудь жизнь. Всѣ почти

датчане, по наслѣдству, доставшемуся имъ отъ Гамлета, имѣютъ привычку корчить изъ себя холодныхъ мыслителей, исчадія ада, дипломатовъ съ вѣжливо-спокойными манерами... въ сущности-же въ нихъ нѣтъ никакихъ странностей; но они драпируются только ими, и придаютъ себѣ какую-то таинственность, для того только, чтобъ поинтересничать.

— Вотъ онъ опять идетъ, сказалъ Экгофъ, повернулся спиной и отошелъ съ досадою.

Зильбургъ подошелъ къ Шарлотѣ, слегка поклонился, съелъ подлѣ нея, и сказалъ съ выраженіемъ глубокаго чувства:

— Вы сердитесь на меня.. и совершенно правы; но повѣрьте, что я бы многое отдалъ, чтобы этого никогда не случилось. Я увлекся дружбою... только умоляю васъ, не думайте, чтобы Эдуардъ былъ въ чемъ-нибудь виноватъ. Я одинъ всему виною... я слишкомъ поспѣшилъ войти въ должность повѣреннаго, и потому вполне заслуживаю ваше негодованіе... Но что понудило меня вмѣшиваться въ это дѣло? Несчастная рука моя, вмѣсто того, чтобъ спасти, погубила этого благороднаго юношу! прибавилъ онъ замирающимъ голосомъ, какъ-будто самъ про себя... Я ошибся; принялъ за истину то, что только было пламеннымъ и тайнымъ желаніемъ моего сердца. Я люблю Эдуарда; мнѣ жаль было несчастнаго; изъ любви къ нему, я страстно желалъ, чтобъ сердце его нашло отголосокъ въ другомъ благородномъ сердцѣ... Вы покраснѣли... я принялъ краску эту за лучъ надежды, и поспѣшилъ его обрадовать... но жестоко обманулъ! Я не прошу за себя; но за него умоляю... Простите его!.. Да, вы простите его, я въ томъ увѣренъ, потому-что, по призванію своему, вы должны угадывать самую задушевную истину, скрытую въ глубинѣ человѣческаго сердца, ни малѣйшій изгибъ котораго не можетъ укрыться отъ вашей проницательности!... А если вы видите сердце его, то должны простить...

— Я не понимаю васъ, баронъ, отвѣчала Шарлота, удивленная такою искренностью, такимъ истиннымъ раскаяніемъ, котораго никакъ не ожидала отъ Зильбурга. Онъ до того былъ расстроганъ, смущенъ, что Шарлота не знала, что и отвѣчать.

— Дай Богъ, чтобъ это была правда! сказалъ со вздохомъ Зильбургъ. Но сильное отчаяніе Эдуарда и свирѣпый взглядъ, которымъ онъ встрѣтилъ меня, невинную причину его бѣдствій, ясно доказываютъ, что я толкнулъ его въ пропасть, потому-что я убѣдилъ его и почти насильно заставилъ положить конецъ

своимъ сомнѣніямъ и объясниться съ вами... Не отворачивайтесь отъ меня, доброе, благородное существо! Вотъ какъ все было! и если вы справедливы, то простите Эдуарду.

Оба замолчали.

Баронъ былъ видимо взволнованъ и глубоко огорченъ; онъ вертѣлъ машинально золотою рукояткою сабли своей и глядѣлъ такъ грустно, что Шарлотъ стало жаль его. Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ-будто хотѣлъ встать, а между-тѣмъ, остался, какъ прикованный къ мѣсту. Шарлота тоже была въ большомъ смущеніи. Зильбургъ казался ей теперь совершенно не тѣмъ, чѣмъ она привыкла его считать, безъ всякой видимой причины. Она даже упрекала себя, что такъ поспѣшно произнесла приговоръ свой! Обвиняя себя, чтобъ оправдать друга и вымолить ему прощенье, котораго не просилъ для себя, Зильбургъ изглаживалъ то неприятное впечатлѣніе, которое произвелъ на Шарлоту въ началѣ ихъ знакомства. Шарлотъ казалось, что она должна успокоить его хотя немного, и потому она сказала кратко и привѣтливо:

— Дружба все оправдываетъ и потому я прощаю вашу вѣтренность. Это чувство такъ рѣдко, что для него можно и должно все жертвовать.

— Это драгоценный перлъ, который рѣдко бываетъ оправленъ въ чистое золото, отвѣчалъ баронъ все еще въ задумчивости и какъ-будто говоря самъ съ собою. Что до меня касается, я всегда былъ несчастливъ на счетъ друзей своихъ; и еслибъ мнѣ пришлось судить объ этомъ благородномъ чувствѣ по собственному опыту, то я-бы могъ сказать, что это только пустой звукъ, или порывъ сердца, заглушенный жестокимъ разногласіемъ жизни. Преданныйшій и лучший изъ друзей моихъ разрушилъ, самъ того не вѣдая, все счастье жизни моей и самъ погибъ подъ его развалинами, такъ что память о немъ всегда сливается въ головѣ моей съ раздрающею мыслию, что онъ былъ причиною моего несчастья, и хотя невинно и невольно, а все-таки онъ приготовилъ мнѣ такую страшную участь... Но что это я вамъ рассказываю... да еще на балѣ! Вы такъ еще счастливы, что обладаете тѣмъ благомъ, котораго нельзя пріобрѣсть ни наукою, ни искусствомъ, это — счастливая молодость въ настоящемъ и прекрасныя сновидѣнія, которыя превратятся въ дѣйствительность въ будущемъ. Элькинсъ тоже успокоится; я не хочу завидовать его счастью—питать съ самыхъ юныхъ лѣтъ

до зрѣлаго возраста горе такъ оправдываемое прекраснымъ выборомъ его сердца. Такое счастье никогда не было моимъ удѣломъ. Можетъ-быть, я и найду еще слезу, чтобъ уронить на эту юность, столь рано погибшую для бѣднаго Эдуарда; но оплакивая его, я оплакиваю свое прошедшее!

Зильбургъ всталъ; глаза его были влажны. Шарлота замѣтила это.

Глубокое, сильное страданіе видно было на этомъ гордомъ лицѣ; губы его судорожно дрожали. Въ одно и то-же время это было и слабое и сильное существо. Чудная противоположность, о которой Шарлота до-тѣхъ-поръ не имѣла ни малѣйшаго понятія и никогда не подозрѣвала, чтобы этотъ надменный, свѣтскій человекъ могъ страдать.

Но баронъ только минутно поддался этому впечатлѣнію.

Онъ прикоснулся губами къ рукъ молодой дѣвуши, и уходя поспѣшно, сказалъ:

— Простите Эдуарда!

Когда музыка снова заиграла, Шарлота замѣтила, что Зильбурга уже не было, и тогда только поняла, что ей следовало-бы отвѣчать ему.

III.

ФИНЛЯНДІЯ ВЪ 1854 ГОДУ.

Статья П. М. Шпилевского.

I.

ПРИБРЕЖЬЯ НЕВЫ.

Выездъ изъ Петербурга. — Пароходъ и его пассажиры. — Живописный видъ деревни Мурзинки. — Невскіе пороги. — Коломенки. — Встрѣча съ летучимъ пароходомъ. — Колонія Рыбацкая и деревня Рыбацкая: мѣстоположеніе, поселенцы и церкви той и другой. — Новые виды. — Ижора и крастный ходъ въ ней. — Окрестности села Ивановскаго. — Красивыя зданія. — Дворецъ Пела. — Дача. — Замокъ Чорговъ-Дворъ; преданіе о немъ. — Дачи князя Лобанова-Ростовскаго и г. Анненкова. — Выездъ въ Шлиссельбургъ. — Пароходъ Петръ Валкій.

Лето въ Петербургъ было самое теплое, самое пріятное, какого не могутъ запомнить петербургскіе старожилы. Чтожъ удивительнаго, если жители столицы, и безъ того умьющіе съ пользою и удовольствіемъ проводить всякое лето, гораздо съ большимъ наслажденіемъ провели прекрасное лето въ 1854 году? — Кто не помнитъ чудныхъ, свѣтлыхъ дней и ночей его въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ? Кто не испытывалъ благотворнаго вліянія его въ садахъ, рощахъ и лѣсахъ петербургскихъ окрестностей?.. Уже съ послѣднихъ дней мая окрестности Петербурга стали наполняться безчисленными новопоселенцами, и не замедлили предлагать всевозможныя удовольствія и развлеченія лѣтней жизни. Несмотря на то, что оцетинившіеся на насъ,

за любовь къ родной вѣрѣ, британцы грозили Петербургу своимъ флотомъ и наконецъ подступили съ нимъ къ самымъ границамъ балтійскаго нашего побережья, жители Петербурга преспокойно расселились чуть-ли не подъ самымъ носомъ этого хвастливаго флота, и въ то время, когда французскія и англійскія газеты наполнялись возгласами объ унынїи и упадкѣ духа въ русской столицѣ, жители этой столицы какъ нельзя лучше предавались веселью и всемъ радостямъ лѣтней жизни, въ разныхъ окрестностяхъ предназначеннаго господиномъ Непиромъ для блокированія Петербурга. Сколько явилось самыхъ разнообразныхъ гуляній, катаній и прогулокъ сухимъ путемъ и, особенно, водою. Какъ-бы въ обличеніе ложныхъ возгласовъ иностранцевъ, открылись веселыя прогулки на пароходахъ по Невѣ, изъ числа которыхъ особенно замѣчательными были ежедневныя поѣздки въ Шлиссельбургъ и поѣздки по пятницамъ въ Коневецъ и Валаамъ.

Въ одной изъ этихъ поѣздокъ и мнѣ удалось участвовать. Имѣя намѣреніе побывать въ Финляндіи и узнавъ, что изъ Коневца можно пробраться къ ея границамъ черезъ Ладожское озеро, я поспѣшилъ воспользоваться случаемъ побывать за одинъ разъ въ Шлиссельбургъ и Коневецъ.

Это было во второй половинѣ іюня. День былъ прекрасный, тихій и жаркій.

Пароходъ отходилъ въ девять часовъ утра, и потому я спѣшилъ явиться къ Александровской-пристаніи въ половинѣ девятаго, чтобъ заблаговременно распорядиться на счетъ мѣста. Но каково-же было мое удивленіе, когда, взойдя на пароходъ, я встрѣтилъ уже на немъ такое множество народа, что съ трудомъ могъ пробраться къ скамейкѣ и найти хоть какое-нибудь мѣсто; а нужно замѣтить, что отъ Петербурга до Шлиссельбурга отправлялся довольно большой пароходъ «Александръ Невскій», вмѣщающій человекъ двѣсти.

И дѣйствительно, чуть-ли не столько собралось народу, сколько могло помѣститься на пароходѣ. Пассажиры были самые разнообразные, и группами расположились чуть-ли не на всей поверхности парохода; каждая группа составляла особый кружокъ, отдѣльную часть всего цѣлаго временнаго народонаселенія. Тамъ скромно, безъ всякихъ претензій, усълась семья бѣдныхъ людей, съ безчисленными корзинками и ящиками, наполненными всеми возможными жаркими, пирогами, сырами и

булками. Тутъ длиннополые синіе и сѣрые кафтаны пріютились въ уголку кормы и боязливо посматривали на сосѣднихъ купцовъ съ толстыми золотыми *цѣпями* отъ часовъ, покоящимися на эластическомъ возвышеніи, поддерживаемомъ двумя мясистыми *углами*, оконечности которыхъ облечены были въ блестящую юфть. По сторонамъ палубы размѣстились разныя барыни и барышни, кто въ шелковыхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпкахъ, кто въ скромненькихъ, но изящно сдѣланныхъ ситцевыхъ платьицахъ и бумажныхъ перчаткахъ. Противъ нихъ расположились разныя фізіономіи такъ-называемыхъ *фиурантовъ*, со стеклышками, очками, усами, бакенбардами и тому подобными принадлежностями искателей приключеній на сушъ и на водъ... Какая смѣсь одеждъ, лицъ, фізіономій, пріемовъ, взглядовъ и разговоровъ! — Было немало и такихъ пассажировъ, которые отправлялись на богомолье въ Коневскій или Валаамовъ монастыри; но эти пассажиры рѣзко отличались и особою группою отдѣлялись отъ тѣхъ, которые явились на пароходъ съ цѣлью прокатиться или прогуляться до Шлиссельбурга. Въ числѣ богомольцевъ было много духовныхъ лицъ, спѣшившихъ на храмовой праздникъ въ Валаамъ; въ обществѣ ихъ замѣтно было нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ въ трауръ, которыя составляли рѣзкій контрастъ съ какими-то двумя дамами, обратившими на себя вниманіе всѣхъ пассажировъ. Когда пароходъ тронулся съ мѣста и всѣ заняли опредѣленные мѣста, въ каждой отдѣльной группѣ только и слышалось: «Что это за женщины? Кто онѣ? Зачѣмъ и куда ѣдутъ?» А вѣдь одѣты онѣ были довольно-щеголевато, даже болѣе—почти щегольски-богато; фізіономіи умныя и выразительныя... Но ихъ обращеніе съ сосѣдями мужчинами, ихъ слишкомъ громкій говоръ и лорнированіе всякаго, проходившаго мимо нихъ или сидѣвшаго противъ нихъ, а наконецъ какое-то смѣшное, несовременное желаніе блеснуть французскимъ языкомъ въ обществѣ богомольцевъ, какъ-то непріятно дѣйствовали, не только на простой народъ, но и на высшій классъ пассажировъ. И въ-самомъ-дѣль, какъ-то странно въ *настоящее время* щеголять французоманією, особенно среди группъ простаго народа, отправляющагося на богомолье! Еще смѣшнѣе и страннѣе казались ихъ спутники, два мужчины, одѣтые до того фантастически и шутовски, что всѣ приняла ихъ за комедіантовъ. До какой степени возбудили они въ народъ непріятное чувство, это доказывается тѣмъ, что

надъ ними посмѣивались и даже издѣвались въ-тихомолку мальчишки, а взрослые вслухъ высказывали нежеланіе быть вмѣстѣ съ ними. Кончилось тѣмъ, что эти мужчины вмѣстѣ съ своими дамами должны были возвратиться изъ Шлиссельбурга въ Петербургъ.

Говоря о поѣздкѣ въ Коневецъ на пароходъ: *Александръ Невскій*, нельзя не замѣтить о самомъ пароходѣ, на которомъ въ 1854 году большею частью ѣздили жители Петербурга къ границамъ Ладожскаго-озера. Пароходъ этотъ устроенъ очень-комфортно, и вполне соответствуетъ цели своего назначенія. Мѣста для пассажировъ на палубѣ расположены довольно выгодно, скамейки чистенькія, окрашены зеленою краскою. Посреди, между боковыми скамейками, устроены широкія скамьи, которыя, въ случаѣ дождя, закрываются навѣсомъ изъ парусины. Внутри парохода сдѣлана каюта, раздѣленная на двѣ части; одна предназначена для обѣдовъ и завтраковъ, другая для отдыха, и ночью замѣняетъ общую спальню; въ последней части для желающихъ приготовлены подушки и матрацы. Вообще каюта довольно красива и содержится чисто; прислуга усердная и въжливая; кушанья удовлетворяютъ самымъ изысканнымъ требованіямъ, и плата за нихъ довольно дешевая. Впрочемъ, во-время моей поѣздки, каюта была почти пуста: всѣ пассажиры группировались на палубѣ и любовались прекрасною погодою и картиннымъ мѣстоположеніемъ береговъ Невы.

А дѣйствительно, мѣстоположеніе невскаго побережья, начиная съ самаго Петербурга, удивительно какъ хорошо! Каринность его становилась занимательнѣе и поэтичнѣе по мѣрѣ отдаленія нашего отъ столицы. Сначала, пока еще разсматривали другъ друга, пассажиры какъ-бы не замѣчали прелестей природы, красовавшихся по обѣимъ сторонамъ Невы; но когда всѣ насмотрѣлись на всѣхъ и успѣли наговориться вдоволь, тогда первый, кто взглянулъ на крутые обрывы и возвышенія береговъ, невольно увлекъ другихъ своимъ удивленіемъ и восторгомъ. Восторгъ сдѣлался всеобщимъ... Предъ нами, съ правой стороны рѣчки, открылась панорама самыхъ разнообразныхъ рощицъ, сначала березовыхъ, раскинутыхъ на цѣпи продолговатыхъ холмиковъ, потомъ еловыхъ, прильнувшихъ къ подошвамъ крутыхъ пригорковъ, наконецъ вязовыхъ, окаймлявшихъ устье небольшой, но до того прозрачной рѣчки, что воды ея издали казались зеркаломъ, отражавшимъ въ себя вѣтвистыя верхушки деревьевъ.

Въ чащѣ этихъ разнородныхъ рощицъ какъ-будто мелькали и исчезали красивенькіе домики въ русскомъ вкусѣ, въ свою очередь тоже окаймленные садами и палисадниками, наполненными всеми возможными цвѣтами. Вдали, сквозь чащи вязовъ, виднѣлась высокая, съ отлогими крутизнами, гора, почти съ остроконечною вершиною, на которой красовалась небольшая, но необыкновенно изящно отстроенная каменная русская церковь, съ прекрасною оградой и обширнымъ погостомъ. Все это вмѣстѣ составляло великолѣпную картину, которая была, тѣмъ болѣе эффектна, что занимала обширное пространство. Мы долго любовались ею и не замѣтили почти такой-же картины на противоположной сторонѣ. Различіе между ними то, что послѣдняя картина состояла изъ одной зелени лѣсовъ, и вмѣсто пейзажа сельскихъ домиковъ, представляла гладкія равнины засѣянныхъ полей, какъ-бы притаившихся въ долинахъ, закрытыхъ съ двухъ прямыхъ сторонъ высокими грядами горъ. Обѣ картины служили дополненіемъ одна другой и вмѣстѣ составляли прекрасное цѣлое.—Это была деревня Мурзинка.

Отъ деревни Мурзинки начинаются невскіе пороги, и потому здѣсь пароходъ довольно медленно подвигался впередъ. У береговъ Невы постоянно попадались разныя парусныя суда, ожидавшія попутнаго вѣтра для продолженія своего плаванія; между судами больше были такъ-называемыя *коломенки*, возвращавшіяся изъ Петербурга налегкѣ. Нѣкоторые изъ пассажировъ — купцы, привѣтствовали знакомыхъ коломенцевъ и успѣли перекинуться съ ними словомъ. Несмотря впрочемъ на медленный ходъ, пароходъ нашъ чуть было не наткнулся на какой-то летучій маленькій пароходикъ, весь раскрашенный и прикрытый полосатою парусиною; пароходикъ быстро несся, и задѣвъ нашъ пароходъ за колесо, налетѣлъ на порогъ... Что случилось съ нимъ, не знаю; къ нему подоспѣли на помощь коломенцы...

Чѣмъ дальше подвигались мы впередъ, тѣмъ виды побережья становились красивѣе и великолѣпнѣе, такъ что трудно было оторваться отъ нихъ. Какое богатство предметовъ для живописи! А еще говорятъ, что у насъ, на Руси, нѣтъ красивыхъ мѣстностей! Однѣ уже мѣстности вдоль береговъ Невы, отъ Петербурга до Шлиссельбурга, составляютъ обильнѣйшіе матеріалы для пейзажиста! А что сказать объ окрестностяхъ этихъ самыхъ мѣстностей? Тамъ столько чудныхъ, живописныхъ видовъ, что ими можно наполнить огромный альбомъ.

Не успѣли мы отъѣхать нѣсколько верстъ отъ пороговъ, какъ насъ поразила своими богатыми видами мѣстность деревни Рыбацкой, раскинутой по обѣимъ сторонамъ Невы. Деревня эта, говорятъ, существовала еще до временъ Петра Великаго и известна была нѣкогда подъ именемъ Рыбацкихъ-хижинъ, потому что тамъ жили бѣдные рыбаки, поддерживавшіе свое существованіе рыболовствомъ. Остатки этихъ хижинъ указываютъ и теперь на лѣвомъ берегу Невы. Но въ настоящее время вокругъ этихъ хижинъ раздвинулось большое красивое селеніе колонистовъ, примыкающее къ самымъ берегамъ Невы. Селеніе это необыкновенно чистенькое, опрятненькое; домики небольшіе, но что за домики? — просто любо смотреть на нихъ. Всѣ они выкрашены какою-нибудь краскою, по преимуществу зеленою; вокругъ домиковъ небольшіе садики и присады, за которыми зеленѣютъ луга и старательно воздѣланные огороды; тамъ-же, рядомъ съ огородами, выстроены хлѣвы для скота, который составляетъ у колонистовъ главный предметъ торговли: рыбацкіе колонисты сбываютъ въ Петербургъ молоко, сливки, сыръ и масло. Впрочемъ, они готовятъ немало огородныхъ овощей: ихъ картофель, свекла и лукъ въ луковицахъ пользуются извѣстностью почти во всѣхъ зеленыхъ и овощныхъ лавкахъ нашей сѣверной столицы. Жизнь колонисты ведутъ самую умеренную и воздержную; говорятъ, пьянство въ ихъ деревнѣ такая-же рѣдкость, какъ нищета или даже бѣдность въ самомъ худшемъ изъ ихъ семействъ. Одѣваются рыбацкіе колонисты очень красиво, даже щеголевато; они не чуждаются сосѣдей и находятся съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ. Неменьше вниманія заслуживаетъ и красивая ихъ церковь, построенная посреди селенія, почти на окраинѣ высокаго, крутаго берега Невы. Близъ этого берега устроена пристань, откуда колонисты отправляются на маленькихъ ладьяхъ на противоположный берегъ, къ ближайшимъ своимъ сосѣдямъ, жителямъ русской Рыбацкой деревни, расположенной на правомъ берегу Невы. По словамъ старожиловъ, эта русская деревня явилась позже колонистской; но за-то она вполне оправдываетъ свое названіе. Жители ея, русскіе поселенцы, крестьяне, мѣщане и разные другіе люди, по преимуществу занимаются рыболовствомъ, что и составляетъ главный промыселъ ихъ жизни. Они сбываютъ свѣжую и соленую рыбу въ Петербургъ; кромѣ-того, развозятъ ее большими партіями по ярмаркамъ, въ разные другіе города. Всѣ они живутъ богато и даже

роскошно; женщины очень красивы и одѣваются чистоплотно. Въ домахъ у нихъ встрѣтите обиліе и довольство. Отличительную черту жизни русскихъ поселянъ Рыбацкой деревни составляетъ хлѣбосольство и честность; очень часто, говорятъ, они безкорыстно помогаютъ сосѣдямъ своимъ, колонистамъ, въ годы неурожая. До какой степени дружны они съ колонистами, это доказывается тѣмъ, что во время какихъ-нибудь большихъ праздниковъ на той или на другой сторонѣ собираются вмѣстѣ двѣ деревни, и на этотъ разъ составляютъ одну семью. Кромѣ-того, тѣ и другіе, несмотря на различіе религій, роднятся между собою посредствомъ браковъ или крестинъ; русскій охотно вступаетъ въ супружество съ дочерью колониста; дочь колониста выходитъ замужъ за русскаго. Главное украшеніе русской Рыбацкой деревни составляетъ большая каменная церковь, построенная во вкусъ византійско-русскомъ: за церковью расположено кладбище, осыненное вѣковыми клѣнами и березами.

За Рыбацкой начинаются необыкновенно высокіе, крутые берега, покрытые мелкимъ кустарникомъ, который какъ будто для того и растетъ здѣсь, чтобъ не закрывать дивно-хорошихъ мѣстностей отдаленныхъ окрестностей Невы. Вдали за кустарникомъ постоянно виднѣются: то огромныя группы льса, изъ за вершешекъ которыхъ сіяютъ позолоченные куполы и кресты деревенскихъ церквей; то обрывистыя горы, омываемыя озерами, притоками и маленькими рѣчками, между которыми кой-гдѣ рисуются красивенькіе домики и фруктовые сады; то, наконецъ, большія каменныя зданія фабрикъ, съ безчисленными трубами и окошками, помѣщичьи хуторки и разныя фермы промышленниковъ. Взоръ вашъ постоянно встрѣчаетъ разнообразіе въ пейзажахъ, и самъ не знаетъ, на которомъ изъ нихъ остановиться; а остановиться нелегко, и даже невозможно, потому-что пароходъ летитъ и летитъ, а за нимъ и взоръ вашъ летаетъ, то направо, то налево, то впередъ, то назадъ... Иной разъ такъ залюбуешься какимъ-нибудь видомъ, что готовъ остановить пароходъ; невольный вздохъ, вылетѣвшій изъ груди показываетъ, что вамъ не хочется летѣть дальше, между-тѣмъ пароходъ мчится все впередъ да впередъ; ему дѣла нѣтъ до вашихъ вздоховъ, до вашихъ восторговъ и восхищеній! И напрасно вы высказываете вслухъ ваши чувства, ваши мысли: ихъ не замѣтитъ даже вашъ сосѣдъ, потому-что также увлекся чуднымъ видѣніемъ Божьей природы, также весь предался восторгу души своей,

какъ вы, какъ и всякой другой, рядомъ съ вами сидящій или стоящій. И шумятъ воды Невы, и брызжетъ пѣна ихъ на васъ, а вы все смотрите на прекрасныя картины и не замѣчаете, какъ смѣняются онѣ одна другою, что шагъ, то новою, то лучшею. На пароходъ только и слышится: Ахъ, ахъ! какъ прекрасно! какъ чудно!.. «Посмотрите, посмотрите!»

Такіе чудные виды окаймляютъ Неву съ обѣихъ ея сторонъ до самой Ижоры. Наконецъ, близъ Ижоры декорація перемѣняется, и передъ глазами вашими разстилается гладкая песчаная равнина, вдоль которой раскинута маленькими группами множество разнохарактерныхъ зданій, то деревянныхъ низенькихъ, съ бревенчатыми заборами, то каменныхъ, высокихъ, рѣзко отдѣляющихся въ общей массѣ строеній. Посреди этихъ разнообразныхъ группъ, близъ самага берега Невы, возвышается большое каменное зданіе русской церкви. Проезжая мимо церкви, мы замѣтили какое-то особенное движеніе въ толпѣ народа; по мѣрѣ приближенія нашего къ церкви, толпа раздвигалась, и мы услышали церковное пѣніе: то былъ крестный ходъ съ хоругвями, по случаю высокаторжественнаго дня (это было 25 іюня); впереди видѣлись мундиры и блестящіе эполеты русскихъ офицеровъ и солдатъ; войско, народъ и духовенство стояли съ обнаженными головами; пастырь церкви освялялъ крестнымъ знаменіемъ и кропиль святою водою всѣхъ присутствовавшихъ... Такое видѣніе какъ-то особенно благотворно подействовало на насъ, и всѣ бывшіе на пароходъ невольно обнажили и преклонили головы предъ высокимъ обрядомъ Церкви.

Ижора, или, какъ ее иначе называютъ, Усть-Ижора расположена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Великій Князь Александръ Ярославичъ (Невскій), въ 1240 году, одержалъ побѣду надъ Шведами.

За Ижорою начинаются высокіе берега, но уже безъ тѣхъ громаднхъ лѣсовъ и частыхъ рощъ, какія встрѣчаются между Рыбацкою и Ижорою. Зато здѣсь берега покрыты чистымъ бѣлымъ пескомъ, который издали кажется снѣгомъ, и блескомъ своимъ уничтожаетъ тѣнь солнечныхъ лучей, которая обыкновенно ясно обозначается на песчаныхъ грунтахъ. Впрочемъ, песчаные берега продолжаются не болѣе версты: дальше опять слѣдуютъ веселыя, живописныя мѣста, изузоренныя безчисленными рощицами изъ березняка, ельника и клена; рощицы эти расположены какъ-то амфитеатрально, и представляютъ очарова-

тельную перспективу, которая манитъ ваши взоры то къ одному, то къ другому предмету.

Но вотъ мы проѣхали большую половину дороги, именно тридцать пять верстъ отъ Петербурга. Тутъ смѣняются натуральные виды искусственными. Послѣдній чудный видъ природы отпечатлѣвается на окрестностяхъ большаго села *Ивановскаго*. Здѣсь природа какъ-бы усилила все свои старанія, чтобъ показать, до какой степени слабъ умъ человѣческой, когда хочетъ соперничать съ всемогуществомъ и премудростью Создателя. И дѣйствительно, едва только миновали мы село Ивановское, какъ стали встрѣчать богатые каменные зданія, замѣчательныя своею архитектурою и громадными размѣрами стѣнъ и кровлей. Какъ ни хороши эти произведенія человѣческихъ рукъ, но что значать они въ сравненіи съ произведеніями Десницы Всевышняго. Взгляните на эти сады, на эти тополевыя и даже каштановыя аллеи: конечно, вездѣ здѣсь чистота, красота, опрятность, даже роскошь; но все это обстрижено, обрѣзано и *завито*... Здѣсь нѣтъ той привольной, широкой растительности, какую вы замѣчаете въ природныхъ величественныхъ лѣсахъ, густыхъ, тѣнистыхъ рощахъ и зеленѣющихъ поляхъ. Правда, здѣсь проведены искусственные каналы, рвы, просочены пруды и колодцы. Но какъ мало жизни, какъ мало живительности, и вода въ нихъ нѣтакъ свѣтла и прозрачна, нѣтакъ вкусна и питательна, какъ въ самородныхъ источникахъ озеръ, ручьевъ и ключей; и берега ихъ какъ-то мрачны, невеселы, словно обрушиться хотять, и самый видъ всѣхъ этихъ искусственныхъ водъ какъ-то тусклъ, наводитъ унылость и даже грусть.

А между-тѣмъ искусство силится на всякомъ шагу создать что-нибудь великое, громадное, чтобъ изумить и поразить. Въ этомъ отношеніи оно достигаетъ своей цѣли: глядя на прекрасныя, образцовыя произведенія живописи, архитектуры, рѣзбы или зодчества, вы невольно останавливаете на нихъ свое вниманіе, и дивитесь трудолюбію и терпѣнію человѣка... Иначе и быть не можетъ... Какъ, напримѣръ, не остановить вниманія на этомъ громадномъ каменномъ дворцѣ, лежащемъ въ полуверстѣ отъ Ивановскаго? Какъ не подивиться терпѣнію того, кто воздвигъ его, или изобрѣтательности того, кто начертилъ планъ для сооруженія такого памятника современной архитектуры?.. Дворецъ этотъ дѣйствительно поразитъ васъ, особенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вы постоянно встрѣчаете обыкновенныя зданія, дома

и домики. Онъ лежитъ по правую сторону Невы и со всѣхъ пунктовъ открытъ, что немало придаетъ эффекта мѣстности, окружающей его; но зато самая мѣстность блѣднѣетъ и почти уничтожается предъ громадностью дворца. Въ этомъ дворцѣ, въ царствованіе Екатерины Великой, собирався льтомъ весь придворный штатъ, и гулянья не было числа. Въ настоящее время онъ почти необитаемъ: въ немъ живетъ только прислуга. Дворецъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *Пелы*.

Еще нѣсколько верстъ, и опять громады какого-то великолѣпнаго зданія. Зданіе это принадлежитъ частному лицу и льтомъ замѣняетъ дачу; при немъ красивый фруктовый садъ, оранжерея, цвѣтникъ и нѣсколько теплицъ; въ виду самого зданія—искусственный прудъ. Дача эта построена на лѣвомъ берегу Невы.

Не успѣли мы разсмотрѣть эту дачу, какъ въ двухъ или въ трехъ верстахъ отъ нея показалось болѣе замѣчательное зданіе, извѣстное въ окрестностяхъ Шлиссельбурга подъ именемъ *зѣмка*. Всѣ бросились на лѣвую сторону парохода, такъ-что судно накренилось въ эту сторону, и восклицаніямъ не было конца. Двѣ восторженныя дамы почти вскрикнули отъ удивленія, и мнѣ показалось, что онѣ готовы были перескочить чрезъ бортъ парохода. Я невольно последовалъ за толпою, и дѣйствительно пораженъ былъ почти фантастическимъ зрѣлищемъ. Сквозь чащи огромнаго, темнаго сосноваго лѣса показалось какое-то мрачное, потемнѣвшее отъ сырости и какъ-будто закопченное двухэтажное зданіе, съ башнями и шпицами, во вкусъ средневѣковыхъ временъ. Судя по архитектурѣ и по самой мѣстности, окружающей это зданіе, съ перваго раза можно заключить о его древности и историческомъ происхожденіи. Глядя на него, невольно назовешь его *зѣмкомъ*, а не просто—домомъ. И дѣйствительно, это *зѣмокъ*, и притомъ *зѣмокъ* очень древній. Начало его относится ко временамъ ливонскихъ рыцарей. Старожилы говорятъ, что этотъ *зѣмокъ* построенъ какимъ-то богатымъ рыцаремъ-старикомъ, слывшимъ по всемъ окрестностямъ невскаго и ладожскаго побережья знахаремъ и волшебникомъ, который однимъ своимъ появленіемъ въ сосѣднихъ владѣніяхъ наводилъ ужасъ на всѣхъ жителей. Говорятъ, будто у него въ *зѣмкѣ* по ночамъ слышался страшный стукъ молотовъ, а изъ трубъ вылетали безчисленныя искры, сопровождавшіяся взрывомъ и трескомъ въ воздухъ. Что дѣлалъ рыцарь ночью—неизвѣстно достоверно; можно думать, что это былъ какой-нибудь средневѣ-

ковой алхимикъ; по-крайней-мѣрѣ, въ этомъ сказаніи о рыцарѣ проглядываетъ преданіе о древнихъ алхимикахъ, которыхъ называли чернокнижниками. Какъ-бы то ни было, но рыцарь этотъ жилъ очень долго. По смерти его, говорятъ, замокъ нѣсколько разъ переходилъ въ чужія руки, и дочь его, единственная наследница замка, совершенно устранена была отъ владѣнія имъ. Наконецъ, какой-то молодой герой, съ дѣтства знавшій дочь рыцаря-старика и немогшій получить ея руки, потому только, что долженъ былъ прослужить извѣстные годы подъ знаменами своего повелителя, возвратившись домой, вступился за права наследницы, и какъ женихъ, а потомъ какъ мужъ, сталъ домогаться возвращенія замка прямой наследницѣ. Но какъ незаконный владѣтель не хотѣлъ уступить замка по праву законнаго иска, то герой предложилъ рѣшить споръ оружіемъ. И вотъ однажды, въ глубокую полночь, герой, въ сопровожденіи своей жены, явился съ толпою дружины подъ стѣнами замка, и завязался рукопашный бой, который будто продолжался *три дня*. Кончилось тѣмъ, что герой, вмѣстѣ съ женою и дружиною, были убиты, а замокъ остался во власти незаконнаго владѣтеля... Но зато, недолго пожилъ въ замкѣ убійца; говорятъ, всякую ночь преслѣдовали его какія-то страшныя обезглавленные привидѣнія и не давали покоя до бѣлаго дня; наконецъ, однажды утромъ нашли его мертвымъ, и съ-тѣхъ-поръ замокъ сдѣлался предметомъ самыхъ ужасныхъ разсказовъ; всѣ боялись проѣзжать или проходить мимо его... До какой степени вѣроятенъ этотъ разсказъ, трудно опредѣлить; по-крайней-мѣрѣ онъ сохранился въ народѣ до-сихъ-поръ. Какъ долго потомъ обитаемъ былъ этотъ замокъ, неизвѣстно; говорятъ, что и теперь никто не живетъ въ немъ. И дѣйствительно, въ настоящее время, онъ непохожъ на живое зданіе. Пароходъ, какъ узналъ я отъ капитана его, всегда медленно проходитъ мимо этаго замка, чтобъ дать возможность пассажирамъ лучше разсмотрѣть его. Точно также медленно проходилъ онъ и теперь, а потому легко можно было разглядѣть его въ подзорную трубку... Первое, что невольно остановитъ васъ при видѣ этаго замка, это то, что онъ какъ-то наискось, бокомъ построень, такъ-что къ берегу Невы обращенъ не стѣною, а угломъ. Затѣмъ, архитектура его чисто-готическая; окна узкія, длинныя (впрочемъ собственно отверстія оконъ, потому-что ни одной не сохранилось рамы); башни остроконечныя, шпицы небольшіе,

конусообразные. Вокругъ замка слѣды какого-то рва, за которымъ виднѣются болота; въ этихъ болотахъ растутъ огромныя сосны, которыя вѣтвями своими почти прильнули къ самымъ стѣнамъ замка, и такимъ-образомъ закрываютъ его съ трехъ сторонъ; съ одной стороны только, именно наискось отъ лѣваго берега Невы, открытъ онъ, но и здѣсь, сколько можно было замѣтить и какъ объяснили мнѣ въ Шлиссельбургѣ, открытъ онъ потому, что сдѣлана просѣка въ окружающемъ его сосновомъ лѣсѣ. Странно, что такое огромное зданіе оставлено въ запустѣніи и такимъ-образомъ какъ-будто поддерживается страшная легенда объ немъ. По-крайней-мѣрѣ, замокъ этотъ въ настоящее время называется *Чортовымъ-дворомъ* и нѣкоторые до сихъ-поръ считаютъ его заколдованнымъ замкомъ.

Отъ Чортова-двора до Шлиссельбурга оставалось тринадцать верстъ и пароходъ быстро пронесся мимо красивыхъ дачъ, раскинутыхъ преимущественно на правомъ берегу Невы. Многія изъ этихъ дачъ устроены почти въ самомъ лѣсу и потому чуть-чуть видны сквозь чащи сосняка, которымъ покрыто все побережье до самаго Шлиссельбурга. Изъ болѣе открытыхъ и изящныхъ дачъ замѣчательны особенно своимъ мѣстоположеніемъ и отдѣлкою двѣ; одна принадлежитъ князю Лобанову-Ростовскому, другая г. Анненкову. Затѣмъ слѣдуютъ небольшія возвышенія береговъ и при этомъ зикзагическое теченіе Невы, которая является здѣсь въ огромномъ размѣрѣ широты; и сливается съ Ладожскимъ-озеромъ у самаго города Шлиссельбурга.

По мѣрѣ подъезда парохода къ истоку Невы открываются виды, сначала Шлиссельбургской-крѣпости, потомъ подгородной слободы, а наконецъ и самаго города Шлиссельбурга.

Мы пріѣхали въ Шлиссельбургъ во второмъ часу; такимъ образомъ слишкомъ шестьдесятъ верстъ сдѣлали въ пять часовъ.

Пароходъ нашъ остановился у пристани, рядомъ съ другимъ пароходомъ, несравненно больше нашего, который, какъ казалось, готовъ былъ тотчасъ отплыть, потому-что изъ трубы его несся страшный дымъ, предвѣстникъ отхода парохода: то былъ пароходъ «Петръ Великій», предназначенный для дальнѣйшаго нашего плаванія, но не раньше какъ чрезъ два часа, въ-теченіе которыхъ положено было перенести пассажирскія вещи на новыя мѣста. Переноска вещей производилась въ присутствіи таможенныхъ чиновниковъ, а между-тѣмъ пассажирамъ позволено было прогуляться по Шлиссельбургу.

II.

ШЛИССЕЛЬБУРГЪ.

Пристань. — Набѣгъ торговцевъ и торговокъ. — Историческое начало Шлиссельбурга. — Шлюзы въ городѣ. — Площадь. — Аллея. — Солдатская-слобода. — Гостиница и лавки. — Разныя общественныя казенныя заведенія. — Крѣпость. — Народонаселеніе Шлиссельбурга. — Новый пароходъ и новые пассажиры. — Слѣпецъ-мальчикъ. — Видъ Ладожскаго-озера. — Вліяніе его на растительность. — Миражи на немъ. — Ясновидящій мальчикъ. — Буря на Ладожскомъ-озерѣ. — Островъ Лъ-сый-нось; жители его. — Пристань у Коневского-острова.

Не успѣли мы войти на пристань, какъ толпа самыхъ разнородныхъ, загрязненныхъ физіономій нахлынула къ намъ со всѣхъ сторонъ и оглушила насъ смѣшными и вмѣстѣ глупѣйшими предложеніями, то копченой рыбы, то сладкаго молока, то орѣховъ, то свѣжихъ ягодъ, земляники и клубники. Со всѣхъ сторонъ слышались визгливые голоса, напѣвающіе одни и тѣ-же слова: «У меня купите! у меня возьмите!» Главными предводительницами этой толпы были бабы, съ разными корзинками, тарелками, мисочками и даже съ черепками, наполненными какимъ-нибудь съѣстнымъ товаромъ; за отрядомъ бабъ слѣдовали старики съ бутылками, кувшинами, сковородами и разными бляхами, издававшими жженый запахъ отъ дожаривавшейся рыбы; наконецъ за стариками кричали дѣвчонки и мальчишки съ блюдечками ягодъ. Все это шумѣло, кричало, визжало, брашилось и вмѣстѣ предлагало намъ свои товары. Кто знаетъ, чѣмъ-бы кончился такой набѣгъ шлиссельбургскихъ торговцевъ и торговокъ, еслибъ ихъ не разогналъ часовой. — Тутъ только мы могли пробраться на площадь рынка... Но здѣсь опять нападеніе, и притомъ самое настойчивое, упорное. По-неволю долженъ былъ каждый купить у нихъ что-нибудь или просто дать имъ денегъ, чтобъ только избавиться отъ любезной ихъ предупредительности. Многія, впрочемъ, торговки преслѣдовали пассажировъ по всему городу и вмѣстѣ съ ними возвращались къ пристани...

Раскланявшись съ торговками, я отправился въ городъ, чтобъ рассмотреть его и повѣрить созданное мною мнѣніе о Шлиссельбургѣ. Не знаю почему, но мнѣ всегда казалось, что Шлиссельбургъ обширенъ и необыкновенно красивъ. Никогда не видавъ его, я спѣшилъ взглянуть на замѣчательности этого древняго города, о которомъ слышалъ еще за школьной скамейкой. Но каково-же бы-

ло мое разочарованіе, когда я увидѣлъ маленькій, городокъ, съ крѣпостью при истокѣ Невы изъ Ладожскаго-озера... А вѣдь Шлиссельбургъ принадлежитъ къ числу довольно старинныхъ городовъ. Я думаю, всякому извѣстно, что онъ построенъ новгородцами еще во времена русскихъ удѣловъ. Въ то время онъ извѣстенъ былъ подъ русскимъ именемъ *Орѣшка*. Въ-последствіи Орѣшекъ перешелъ во власть шведовъ и былъ ими переименованъ въ *Нотебургъ*. Наконецъ, когда Петръ Великій, одержавъ побѣду надъ Шведами, присоединилъ Орѣшекъ къ Россіи, въ 1702 году, то переименовалъ его въ Шлиссельбургъ, предсказавъ самымъ названіемъ этого города, что онъ будетъ ключемъ русскихъ прибалтійскихъ городовъ. И дѣйствительно, въ настоящее время Шлиссельбургъ въ полномъ смыслѣ этого слова можетъ быть названъ ключемъ. Въ немъ устроены желѣзные шлюзы для пропуска судовъ изъ Невы. Эти шлюзы составляютъ немалое украшеніе города; они такъ изящно сдѣланы, что на нихъ можно любоваться даже незнающему пользы и значенія ихъ.

Городская площадь неочень велика; это впрочемъ не бѣда, но то досадно, что она ничѣмъ не можетъ похвалиться. Только и есть на ней, что какіе-то столы или шкафики съ досчатымъ навѣсомъ, на которыхъ желающему предлагаются разныя съдобья: это нѣчто въ родъ бѣлорусскихъ базариковъ. Говорятъ, будто на этой площадкѣ бываетъ когда-то ярмарка, но едва-ли она интересна чѣмъ-нибудь. Съ правой стороны площадки идетъ каналъ, за которымъ тянется довольно длинная аллея, замѣняющая городской садъ. За аллею слѣдуетъ особая часть города, извѣстная подъ именемъ слободы, потому-что въ ней селятся отставные инвалиды и ихъ семейства. Слобода состоитъ изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, кой-гдѣ остьюнныхъ крошечными садиками и двумя-тремя кустиками можжевельника или красной смородины; слобода почти не принадлежитъ къ городу, и жители ея ведутъ самобытную, отдѣльную отъ горожанъ жизнь.

Налѣво отъ площади замѣтны каменные зданія, большею частью незавидной архитектуры. Между ними болѣе опрятными кажутся два дома, изъ которыхъ въ одномъ помѣщается сигарная лавка, а въ другомъ гостинница. Въ сигарной лавкѣ—хаосъ всѣхъ возможныхъ товаровъ. Гостинница славится большими, но пустыми комнатами. Мнѣ вздумалось зайти въ эту гостинницу, и я обошелъ всѣ комнаты, но не нашелъ ни одной живой души;

уже стали кричать ко мнѣ изъ окна: «Пожалуйте, пожалуйте!» когда я очутился на площади.

Между площадью и пристанью помѣщаются нѣкоторыя общественныя заведенія, таковы больница и Третье Отдѣленіе 1-го Округа Путей Сообщенія. Последнее довольно чистенькое; спереди его разсаженъ небольшой садикъ и вмѣстѣ цвѣтникъ. Что-же касается до прочихъ общественныхъ заведеній въ Шлиссельбургѣ, то онѣ помѣщаются въ крѣпости. А крѣпость-то собственно и составляетъ главное украшеніе Шлиссельбурга.

Сообщеніе между городомъ и крѣпостью возможно только на лодкахъ, потому-что крѣпость находится въ полуверстѣ разстоянія отъ города и совершенно отдѣлена отъ него Ладожскимъ озеромъ. Издали крѣпость кажется какимъ-то стариннымъ замкомъ, окруженнымъ огромною высокою стѣною подъ гранитъ; она имѣетъ форму правильнаго круга. Въ крѣпости есть церковь, которая вмѣстѣ считается и приходскою; другой церкви не имѣется въ Шлиссельбургѣ.

Народонаселеніе Шлиссельбурга небольшое: жителей въ городѣ и въ крѣпости считается до трехъ тысячъ. Въ Шлиссельбургѣ нѣтъ ни театра, ни общественныхъ постоянныхъ танцевальныхъ собраній; тамъ веселятся по-семейному, каждый въ своемъ кружку; впрочемъ, говорятъ, зимою иногда устраиваются домашніе спектакли. Зато лѣтомъ Шлиссельбургъ оживляется съ приходомъ кораблей и въ последнее время съ прибытіемъ петербургскихъ пароходовъ; многіе пріѣзжаютъ сюда изъ Петербурга единственно для климата, который въ Шлиссельбургѣ, нужно замѣтить, довольно здоровый, отъ соседства съ Ладожскимъ-озеромъ и безчисленными сухими сосновыми лѣсами. Перевзды эти очень дешево обходятся и притомъ не требуютъ много времени. Нерѣдко, петербургскіе жители пріѣзжаютъ въ Шлиссельбургъ на одинъ вечеръ, и на другой день возвращаются назадъ. Очевидно, что все это сдѣлалось возможнымъ только въ последнее время, съ учрежденіемъ пароходства по Невѣ.

Вотъ все, что можно сказать о Шлиссельбургѣ.

Насмотрѣвшись вдоволь на Шлиссельбургъ, я сѣвшиль къ пристани, тѣмъ болѣе, что уже раздался первый звонокъ на пароходъ. Меня уже обгоняли нѣкоторые пѣшеходы съ разными котомками и мѣшечками: то были новые пассажиры, отправлявшіеся изъ Шлиссельбурга въ Коневецъ и Валаамъ. У пристани толпилось множество народа, въ массѣ котораго отдѣлялись фи-

зіоміи горожанъ, и по преимуществу военныхъ, проводившихъ своихъ знакомыхъ или родныхъ до парохода.

Пассажировъ ожидалъ новый пароходъ: Петръ Великій, довольно вмѣстительный и длинный. На палубѣ его устроены красивыя скамьи съ кожаными подушками, и даже разставлены складныя кресла. Посреди палубы устроены деревянные диваны со столиками, такъ-что можно было расположиться на этихъ диванахъ, какъ въ комнатѣ. Каюты довольно большія и со всеми принадлежностями спаленъ; въ каютахъ поставленъ былъ общій столъ для объѣда; но такъ-какъ погода была хороша, то большая часть пассажировъ предположила объѣдать на палубѣ. Изъ прибывшихъ въ Шлиссельбургъ пассажировъ, къ общему удовольствію, не оказалось двухъ офрануженныхъ дамъ и одного спутника ихъ. Зато немало прибыло новыхъ пассажировъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько знатныхъ лицъ.

Уже всѣ усѣлись или расположились на палубѣ, и въ третій разъ послышался звонокъ, а пароходъ еще не трогался съ мѣста: ожидали одного пассажира. Всѣ спрашивали: Кого ждуть? Наконецъ общее любопытство было удовлетворено: у пристани показалась старуха съ какимъ-то мальчикомъ, котораго она вела подъ руку. То былъ слѣпой отъ рожденія мальчикъ, котораго мать ежегодно возила въ Коневскій и Валаамскій монастыри. Многіе изъ пассажировъ, вздившіе не разъ въ эти монастыри, видали слѣпаго, и знали, какимъ даромъ прозорливости и угадыванія надѣленъ онъ отъ природы, а потому стали рассказывать разные случаи и анекдоты про него.

Наконецъ, сверхъ обыкновенія, раздался четвертый звонокъ; пароходъ зашипѣлъ, и обогнувъ дугу на Невѣ, вошелъ въ Ладожское-озеро... Картина смѣнилась: вмѣсто спокойной, окаймленной берегами Невы, мы увидѣли огромную массу воды, которая чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше расширялась, и наконецъ совершенно скрыла отъ глазъ нашихъ берега, такъ, что мы очутились между небомъ и водою. Настоящее море Ладожское-озеро. И дѣйствительно, его можно назвать моремъ: такъ велико оно и такъ бурно, какъ любое море. Ладожское-озеро считается однимъ изъ величайшихъ озеръ въ Европѣ: ширина его составляетъ сто пять верстъ, а длина сто-семьдесятъ пять верстъ; по нему могутъ плавать самыя огромныя судна. Берега его омываютъ часть Петербургской губерніи и такъ называемой старой Финляндіи. На берегахъ его построены слѣдующіе

города: Шлиссельбургъ, Олоонецъ и Кексгольмъ. Ладожское-озеро принимаетъ въ себя нѣсколько рѣкъ: Свирь, Пашу, Тихвину и Вуоксенъ (иначе Вокша); чрезъ послѣднюю оно соединяется съ озеромъ Саймою; въ шести верстахъ отъ своего истока изъ этого озера Вуоканъ образуетъ знаменитый водопадъ *Иматру*. Озеро Сайма есть главное звено огромной водяной системы, которая отъ Ладожскаго-озера простирается непрерывно до сѣверныхъ предѣловъ Саволакса и Кареліи, занимая въ длину отъ пяти-сотъ до шести-сотъ верстъ. Ладожское-озеро до того бурно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно вовсе не замерзаетъ; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ замерзаетъ, оно долго не освобождается отъ льда; по свидѣтельству наблюдателей *, льдины остаются на немъ до Троицына-дня. Оттого-то довольно поздно начинается весна въ лежащихъ при немъ городахъ или находящихся на немъ островахъ; на нѣкоторыхъ изъ этихъ острововъ едва въ июль мѣсяць можно засѣвать поля или огороды. Въ этихъ городахъ и островахъ нерѣдко бываетъ холодно даже и лѣтомъ, когда вѣтеръ дуетъ съ озера и въ бурную погоду трудно обойтись на немъ безъ шубы, хотя на сушѣ довольно тепло. Медленно нагрѣваясь, эта огромная масса воды нескоро и остываетъ, при наступленіи зимы: когда на твердой землѣ уже бѣлется снѣгъ, на островахъ Ладожскаго-озера еще пасется рогатый скотъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно замерзаетъ непрежде февраля, и даже марта. Такъ напримѣръ, на Валаауовомъ-островѣ въ январѣ почти зеленѣютъ луга и въ огородахъ еще не бываютъ убраны нѣкоторыя овощи. Есть, говорятъ, одинъ островокъ на Ладожскомъ-озерѣ, на которомъ въ мартѣ мѣсяць косятъ новую траву, которая высыхаетъ также скоро, какъ обыкновенно высыхаетъ она въ другихъ мѣстахъ въ июнь или въ июль мѣсяць.

Во-время плаванія на Ладожскомъ-озерѣ и съ береговъ, напримѣръ около Кексгольма, близъ Лахты, Верницы или Эммагофа, иногда на озерѣ бываютъ видны миражи, до такой степени явственные, что они не разъ приводили пловцовъ въ заблужденіе касательно мѣста, гдѣ въ то время находилось судно. Рассказываютъ, какъ недавно какой-то финскій промышленникъ изъ Кексгольма цѣлый день гонялся за миражами и чуть было не

* См. Путешествіе Озерцоваго по Ладожскому и Онежскому озерамъ. 1792 г. С.-Петербургъ.

попалъ въ водоворотъ: такъ обманчивы миражи Ладожскаго-озера. Мнѣ и самому не разъ приходилось любоваться этими миражами съ береговъ Лахтинскаго-залива, и особенно изъ Верницы, откуда такой великолѣпный видъ на озеро и на Коневскій-монастырь. Финны называютъ эти явленія *марангами*, то есть привидѣніями, и считаютъ ихъ предзнаменованіемъ большихъ бурь; мнѣніе свое основываютъ они на преданіяхъ старожиловъ, которыя впрочемъ ничуть не объясняютъ причины явленія миражей на Ладожскомъ-озерѣ. Русскіе пловцы и вообще поселенцы острововъ Ладожскаго-озера называютъ миражи *тльню*.

Когда мы отплыли изъ Шлиссельбурга, погода была прекрасная, теплая, безъ малѣйшаго вѣтерка, и многіе расположились было уже обѣдать на палубѣ. Но не успѣли мы отплыть двухъ—трехъ верстѣ, какъ по всему пароходу пронесся слухъ, что скоро будетъ буря на Ладожскомъ-озерѣ. Я думалъ, что кто-нибудь вздумалъ пошутить надъ легковѣріемъ нашихъ дамъ, которыя первыя распустили молву о страшной бурѣ. Но вышло наповѣрку, что слухъ былъ дѣйствителенъ; онъ основывался на гаданіи слѣпаго мальчика. Слепой все время отъ Шлиссельбурга сидѣлъ спокойно и игралъ съ любимицей своей—собаченкой; вдругъ онъ сбросилъ съ колѣнъ собачку и сталъ жаться къ матери, прося ее, чтобъ она закутала его во что-нибудь теплое. Когда мать и бывшіе при этомъ посторонніе стали спрашивать его о причинѣ такого страннаго желанія въ то время, когда воздухъ пропитанъ былъ какою-то особенною благотворною теплою, слѣпецъ отвѣтилъ: «Будетъ холодно! будетъ холодно! Грѣйтесь скорѣ!» Такой отвѣтъ мальчика былъ достаточнымъ ручательствомъ для матери и для тѣхъ, кто видѣлъ его прежде, что въ словахъ его заключается предсказаніе вѣтра и бури.. И дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ четверть часа, небо покрылось страшною черною пеленою; съ сѣвера подулъ ужасно холодный вѣтеръ,—и откуда взялась буря, продолжавшаяся во все время нашего плаванія и только нѣсколько стихшая у береговъ Коневскаго-острова. Такимъ-образомъ, вторая половина поѣздки на пароходѣ прошла скучно, даже непріятно; палуба почти опустѣла; всѣ бросились въ каюты, но и тамъ не было спасенія: отъ спертаго воздуха головокруженіе усиливалось и тошнота не давала покою. Особенно страдали дамы; жаль смотрѣть было, какъ недавно розовыя, румяныя лица ихъ покрылись блѣдностью и даже синеватостью. Къ счастью, прислуга на пароходѣ оказа-

лась самая дѣятельная и услужливая, а потому страданія больныхъ облегчались хоть ея усердіемъ и вниманіемъ. А то некому было-бы подать помощи больнымъ дамамъ, потому-что всѣ мужчины, какъ на бѣду, заболѣли, а нѣкоторые до того заняты были своимъ пуншемъ и грогомъ, что кромѣ этихъ нектаровъ ничего не замѣчали вокругъ себя. Говорять, будто грогъ единственное лекарство во-время качки! Ужъ не потому-ли, что оно усыпляетъ *больнаго*... А усыпляетъ-то оно очень скоро: нѣкоторые изъ нашихъ пассажировъ могли заснуть тотчасъ послѣ первой качки.

Какъ ни доказательно было на дѣлѣ угадываніе слѣпца-мальчика, но я все еще сомнѣвался въ даръ его прозорливости и хотѣлъ осязательнѣе убѣдиться въ дѣйствительности этаго дара. Я сталъ разспрашивать его мать, что онъ еще можетъ угадывать? Мать отвѣчала, что онъ, ничего не видя, можетъ угадать по ошупи, съ женщиной или съ мужчиной говорить; мало-того, по *вкусу* воды можетъ узнать, погода или непогода будетъ въ томъ околоткѣ, откуда принесена вода. Наконецъ, по запаху узнаетъ, кто возлѣ него сидитъ, взрослый или мальчикъ. Оттого-то, замѣтила мать, онъ часто на пароходѣ или гдѣ нибудь въ комнатѣ садится навѣрняка возлѣ дѣтей и какимъ-то чутьемъ угадываетъ, любятъ-ли его эти дѣти или нѣтъ; онъ обыкновенно ласкается къ тѣмъ, которые способны принять участіе въ его страдальческомъ положеніи. Желая сколько-нибудь повѣрить сказанное матерью, я рѣшился заговорить съ бѣднымъ слѣпцомъ.

— Куда ты ѣдешь? спросилъ я его.

— Богу молиться, отвѣчалъ онъ, улыбаясь и простирая руки ко мнѣ, какъ-бы желая ошупать мое платье и угадать, съ кѣмъ говорить.

— Гдѣ-же ты будешь молиться?

— Въ Коневскомъ-монастырѣ!.. А ты, баринъ, тоже будешь молиться? Молись, молись, тебѣ нужно молиться! Ты баринъ!..

Послѣднія слова онъ произнесъ какъ-будто съ какимъ-то торжествомъ: онъ успѣлъ ошупать мое платье, и убѣдился, что я мужчина.

— Что, ты не боишься качки?..

— Нѣтъ, не боюсь; а вотъ ты, баринъ, боишься!.. Ну, да скоро будетъ тепло, тепло!.. Молиться будемъ! Ты тоже молись!..

— Ты видишь что-нибудь?..

— Нѣтъ, нетакъ! Что ты видишь, то я слышу; а что ты слышишь, то я вижу...

Я хотѣлъ было продолжать разговоръ, но въ это время подошелъ къ намъ какой-то пожилой мужчина и разстроилъ нашу бесѣду; мальчикъ сталъ махать руками, топать ногами, а потомъ прижался къ матери и началъ плакать. Что все это значило, не могу объяснить, но разговоръ нашъ уже не возобновлялся; мальчикъ молчалъ, и на всѣ мои вопросы отвѣчалъ: «Я плакать хочу!»

Къ вечеру такъ насъ укачало, что никто ничего не могъ ѣсть. Бѣдный содержатель буфета понесъ большой убытокъ, и хотя онъ бралъ тройныя цѣны за лимонадъ, красное вино и ромъ, но все-таки далеко не вознаградилъ издержанныхъ на кушанье денегъ. Всѣ эти кушанья приготовлены были какъ разъ къ обѣду, а между-тѣмъ къ обѣду расходилась буря и укачала всѣхъ такъ, что никто не могъ и думать объ ѣдѣ... Тѣмъ болѣе, въ-слѣдствіе качки, никто не могъ видѣть очень миленькихъ островковъ, встрѣчающихся на Ладожскомъ-озерѣ по пути изъ Шлиссельбурга въ Коневецъ. Между этими островками особенно замѣчательнъ такъ называемый *Лысый-носъ*, занимающій пространство около трехъ верстъ въ окружности. Островъ этотъ населенъ нѣсколькими семьями финновъ, позже всѣхъ своихъ собратій принявшими христіанство. Они занимаются приготовленіемъ рыбьяго жиру, который въ большомъ количествѣ сбываютъ на корабли, пристающіе къ берегамъ ихъ острова. Замѣчательно, что они на крошечныхъ ладьяхъ могутъ переплывать все Ладожское-озеро и проникать въ самыя бурныя заливы, каковъ, напримѣръ, заливъ Лахтинскій. Питаются они больше рыбою; впрочемъ, говорятъ, у нихъ водится и солонина изъ медвѣжьяго и оленьяго мяса.

Къ ночи буря значительно утихла, но зато почти у самой пристани Коневской насъ встрѣтилъ дождь, продолжавшійся болѣе получаса. Ровно въ 12 часовъ ночи мы пріѣхали въ Коневецъ и посѣдили въ гостинницу, которая находится подъ присмотромъ монастырскаго настоятеля и замѣчательна, какъ увидимъ ниже, во многихъ отношеніяхъ. Гостинница, равно какъ и монастырь, отстоятъ отъ пристани не болѣе, какъ на четверть версты. А потому переселеніе съ парохода въ гостинницу совершилось очень скоро; смиренная обитель пріютила въ стѣнахъ

страннопріимнаго своего дома больше сотни богомольцевъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько путниковъ, отправлявшихся изъ Коневца въ Финляндію.

III.

КОНЕВЕЦЪ.

Мѣстность и величина Коневскаго-острова или Коневца.—Историческая замѣтка объ немъ.—Коневскій-монастырь прежде и въ настоящее время.—Монашествующіе въ немъ.—Происхождение названія: Коневецъ.—Конь-камень.—Значеніе его въ древности.—Часовня на камнѣ и надпись въ ней.—Напись на камнѣ.—Мѣстоположеніе возлѣ Коня-камня.—Монастырскія поля и огороды.—Скитъ.—Описаніе монастырской гостинницы; видъ съ нея на озеро.—Общая столовая для бѣдныхъ людей.—Обѣдня въ монастырѣ.—Отъездъ богомольцевъ въ Валаамскій-монастырь.—Переправа на лодкѣ чрезъ Ладожское-озеро — въ Лахту.

Въ то время, когда большая часть пассажировъ почивала сладкимъ сномъ, я рѣшился посвятить остатокъ ночи на разсмотрѣніе Коневца, тѣмъ болѣе, что въ 8 часовъ утра долженъ былъ отправиться въ Финляндію. Мнѣ хотѣлось въ-теченіе этихъ немногихъ часовъ обойти весь островъ, или, по-крайней-мѣрѣ, главныя мѣста, чтобъ самому лично видѣть то, о чемъ слышалъ прежде отъ другихъ. Ко мнѣ присоединились еще два охотника, и мы не пожалѣли потомъ, что затѣяли нашу ночную прогулку. Ночь была свѣтлая и довольно теплая, и потому какъ нельзя лучше благоприятствовала нашему намѣренію.

Коневецъ принадлежитъ къ числу лучшихъ и большихъ острововъ, расположенныхъ на Ладожскомъ-озерѣ. Величиной онъ уступаетъ только Валаамскому-острову. Онъ лежитъ на югозападъ, противъ Лахтинскаго-залива и деревни Верницы или Эмагофа (имѣнія барона Фредерикса), въ окружности занимаетъ около семи верстъ, и образуетъ изъ себя неправильный треугольникъ, сѣверная часть котораго состоитъ изъ низменныхъ мѣстъ, даже изъ болотистыхъ топей, а южная гораздо выше сѣверной и покрыта цѣпью холмовъ. Весь островъ до того покрытъ стариннымъ, густымъ лѣсомъ (по преимуществу со-

сновымъ), что воды Ладожскаго-озера, омывая берега его, омываютъ вмѣстѣ и корни деревь—такое обиліе лѣсу на островѣ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ, кромѣ сосноваго, не было другаго лѣсу: на южной сторонѣ острова попадаются клены, дубы, грабы и даже кой-гдѣ липы. Кромѣ-того, почти на каждомъ шагу вы встрѣчаете большіе, густые кустарники можжевельника, появленіе котораго въ этихъ мѣстахъ доказываетъ близость каменистой и гористой Финляндіи. Когда и кѣмъ именно, въ древнія времена, заселенъ былъ Коневскій-островъ? на это невозможно отвѣчать положительно, за недостаткомъ древнихъ документовъ или актовъ; можно думать, что на немъ жило какое-нибудь финское племя и оставалось въ язычествѣ до времени просвѣщенія этой страны ученіемъ христіанской религіи. Въ XVII вѣкѣ Коневецъ обращалъ вниманіе путешественниковъ своимъ монастыремъ, построеніе котораго приписываютъ Преподобному Арсенію; память его чтитъ Коневская-обитель до настоящаго времени. Монастырь въ настоящее время славится необыкновенно воздержною жизнью иноковъ и строгимъ иночествомъ. Монастырь весь каменный, съ такою-же оградой. Въ немъ двѣ церкви; одна главная, большая, трехпрестольная; другая второстепенная, небольшая. Мощи преподобнаго Арсенія почиваютъ въ главной церкви, въ богатой серебряной ракѣ.

До какой степени воздержную и вмѣстѣ строгую жизнь ведутъ коневскіе иноки, доказывается тѣмъ, что изъ ихъ-же общества избираются послушники для отправленія всѣхъ возможныхъ хозяйственныхъ работъ: сами послушники ловятъ рыбу, которая составляетъ главную пищу монастыря, сами коптятъ ее и потомъ сохраняютъ на зиму; сами-же послушники стираютъ себѣ бѣлье и ухаживаютъ за домашнею скотиною. Между послушниками встрѣтите немало иновѣрцевъ, принявшихъ православное исповѣданіе и готовящихся въ санъ монашествующихъ. Всѣхъ монашествующихъ, вмѣстѣ съ послушниками, считается 144 человѣка; впрочемъ, можетъ быть и больше опредѣленнаго числа не положено.

Названіе свое Коневскій-монастырь, или собственно Коневскій-островъ, получилъ отъ камня, прозваннаго *Конемъ*. Затѣявъ ночное путешествіе, я прежде всего хотѣлъ взглянуть на этотъ камень, но къ сожалѣнію, спутники мои не знали, гдѣ лежитъ онъ, и я-бы не увидѣлъ его, еслибъ не попался намъ навстрѣчу одинъ изъ сторожей монастыря, который и проводилъ насъ къ

Коню-камяю. Онъ лежитъ на лѣвой сторонѣ острова, въ одной изъ болотистыхъ ложбинъ, въ двухъ верстахъ отъ монастыря. Дорога къ этой ложбинѣ идетъ отъ монастыря чрезъ густой сосновый лѣсъ, и по мѣрѣ приближенія къ ней становится болѣе и болѣе узкою, а наконецъ превращается въ тропинку, у крутаго возвышенія. Съ этой крутизны открывается довольно фантастическій видъ на болотистую ложбину. Вся ложбина усыяна самыми разнообразными камнями неодинаковой величины, такъ-что не хочется вѣрить, чтобъ эти камни сами собою расположились здѣсь: точно кто-нибудь навозилъ ихъ. И что страннѣе, между этими камнями точно умышленно насажены огромные вѣковые дубы, сосны и пихты, между которыми растетъ довольно высокая трава, и даже кой-гдѣ мелькають кустарники можжевельника и какихъ-то дикихъ цвѣтовъ. Тропинка съ крутаго возвышенія къ ложбинѣ идетъ самая извилистая, спиральная и притомъ усыянная мелкимъ камнемъ, необыкновенно острымъ, такъ-что съ осторожностью нужно ступать по немъ: того и гляди обрѣжешь ногу, или поскользнешься. Къ счастью, кто-то позаботился устроить вдоль всей этой тропинки деревянныя перильцы, и потому вы сходите точно по лѣстницѣ. Но вотъ вы сошли въ ложбину. Какой-то могильный мракъ окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ, и вы ощупью пробираетесь по большимъ камнямъ; тропинка исчезаетъ, вы теряетесь и готовы воротиться. Но вотъ еще нѣсколько шаговъ, еще нѣсколько скачковъ по камнямъ, и предъ вами является огромнѣйшій цѣльный камень, имѣющій форму лошадиного туловища и какъ-будто шея; говорятъ, прежде была и голова. Что-же это за камень? Камень этотъ, и прежде и теперь извѣстный подъ именемъ: *Конь-камень*, некогда, во времена язычества, былъ идоломъ, въ честь котораго приносили въ жертву коней (лошадей). Язычники, жившіе на Коневскомъ-островѣ, ежегодно, лѣтомъ, собирались въ ложбину и предъ Конемъ-камнемъ совершали служеніе по своему обряду и умоливали идола, чтобъ онъ охранялъ ихъ островъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей; отсюда убѣжденіе ихъ, что въ-слѣдствіе приносимыхъ ими жертвъ идолу, островъ былъ неприступенъ для волковъ и медвѣдей, и стада паслись на немъ невредимо, безъ всякаго надзора пастуховъ. Что подобная мысль не сказка позднѣйшаго поколѣнія, не фантастическое преданіе народа, доказывается надписью на деревянной доскѣ, хранящейся, съ разрѣшенія начальства, въ часовнѣ, построенной на поверхности Коня-камня. Для большей достоверности привожу

отрывокъ этой надписи. Вотъ подлинныя слова: «а камень оный коньмъ нареченъ бысть отъ сего яко дръвле идолюбъсіемъ ослѣпльнныя люди страны сея, аки нѣкое божество почитаху его, оболщени суще бѣсовскими дѣйствіями и ужасами страхованіями, отъ живущихъ при немъ злыхъ духовъ, приношаху ту жертву въ кіеждо лѣто по единому конь, дабы скоть ихъ хранимъ былъ отъ пакости воздушныхъ духовъ»—*. Говорятъ, будто на этомъ камнѣ было капище.

Нынѣ капища нѣтъ; на его мѣсть построена небольшая деревянная часовня, къ которой отъ земли ведетъ каменная лѣстница, устроенная на окраинѣ самага камня. Часовня довольно древняя; внутри украшена нѣсколькими образами, въ числѣ которыхъ помѣщенъ образъ преподобнаго Арсенія, какъ просвѣтителя жителей Коневскаго-острова. Всѣ стѣны часовни снаружи исписаны безчисленными именами и фамиліями посѣтителей, между которыми я могъ разобрать фамиліи знаменитыхъ нашихъ поэтовъ: баснописца Крылова, Кольцова и Баратынскаго. Кромѣ-того, безчисленное множество разныхъ стиховъ, эпиграфовъ, афоризмовъ и замѣчаній разбросано на перилахъ, окружающихъ часовню со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Нельзя не замѣтить, что на одной изъ сторонъ камня, на мраморной доскѣ, вырѣзана надпись, свидѣтельствующая, что въ 1844 году посѣщаль ложбину Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Содержаніе надписи слѣдующее: «Съ сего мѣста Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевича снималъ видъ Коня-камня съ устроенною на немъ часовнею, 1844 года, мая 14 дня.

Говорятъ, что лѣтомъ рѣдкій день не бываетъ посѣтителей въ ложбинѣ; между ними замѣчаютъ много иностранцевъ, которые, путешествуя по Финляндіи, считаютъ неизлишнимъ заглянуть и на Коневскій-островъ.

Вокругъ коня-камня столько камней, что изъ нихъ можно построить огромное зданіе; нѣкоторые камни до того велики,

* То-есть: «Камень этотъ названъ конемъ оттого, что нѣкогда жители этой страны (Коневскаго-острова), помраченные идолослуженіемъ и оболщенные бѣсовскими наводеніями и волшебными дѣйствіями пребывающихъ въ камнѣ злыхъ духовъ, боготворили этотъ камень, какъ божество, и приносили ему въ жертву, всякой годъ, по одной лошади, для того, чтобы онъ охранялъ пасущійся скоть отъ зловреднаго дѣйствія воздушныхъ духовъ.»—Доска съ надписью повѣшена на влутренней лѣвой стѣнкѣ часовни.

что на нихъ можетъ усесться до десяти человекъ. На некоторыхъ вырваны начальныя буквы и даже цѣлыя фамиліи, вѣроятно путешественниковъ. Несмотря на такое обиліе камней, почва земли въ этомъ мѣстѣ очень тонкая и даже грязная.

А между-тѣмъ, чѣмъ дальше проходите за предѣлы ложбины, тѣмъ земля становится тверже и плодороднѣе, такъ что въ четверти версты отъ Коня-камня находите совершенно другіе пласты земли; начинаютъ зеленѣть луга, пастбища и засѣянные поля. Все это составляетъ собственность монастыря. Особенно хороша мѣстность по направленію отъ ложбины къ большой дорогѣ, ведущей въ скитъ. Тутъ вы встрѣчаете вязовыя, грабовыя и кленовыя деревья; между ними попадаются кустарники малины, ежевики, смородины и даже дикихъ розъ; луга усыяны цвѣтистою травою и дятельникомъ. Прибавьте къ этому красивое мѣстоположеніе: отлогую гору, по скатамъ которой раскинуты засѣянные поля и огороды монастырскіе. Огороды эти такъ старательно воздѣланы, что на грядахъ не увидите лишней былинки и вообще ненужной травы; между грядами хозяйственныхъ овощей замѣтите нѣсколько парниковъ, въ которыхъ водятся бобы, огурцы и даже арбузы. Все это доказываетъ, до какой степени хорошо содержатся монастырскіе огороды. За огородами прочищена березовая рошица, въ которой съ удовольствіемъ можно прогуляться; дальше открывается видъ на поляну, усыянную боровымъ верескомъ, предвѣстникомъ сосноваго лѣсу, который дѣйствительно тутъ-же за поляною и слѣдуетъ.

Въ виду сосноваго лѣса, вдали отъ большой дороги, на небольшомъ возвышеніи, подъ навѣсомъ березовыхъ и вмѣстѣ еловыхъ вѣтвей, замѣтите скромное зданіе *скита*, съ небольшою оградой. Скитъ предназначенъ для желающихъ посвятить себя на всегдашнее служеніе Богу. Это ничто иное, какъ небольшая часовня съ маленькою кельею, въ которой во всякое время, когда ни придите, читается какое-нибудь поученіе или священное писаніе однимъ изъ монашествующихъ. Внутренность скита украшена многочисленными иконами византійской живописи, между которыми первое мѣсто занимаетъ великій подвижникъ коневскій Арсеній. — Входъ въ скитъ никому не возбраняется, и вы можете молиться въ немъ во всякое время, не только дня, но и ночи. Оттого-то лѣтомъ такъ часто въ ночную пору можно встрѣтить въ немъ немало завзжихъ молельщиковъ: самый от-

раднѣй отдыхъ для земнаго человѣка, уставшаго отъ тревоженій и суеты міра!... Скитъ находится въ одной верстѣ отъ монастыря.

Не успѣли мы выйти изъ скита, какъ въ стѣнахъ монастырскихъ раздался утреннѣй благовѣстъ, призывавшій путешественниковъ къ молитвѣ. Это было въ шесть часовъ утра... Проходя къ гостинницѣ, мы встрѣтили нѣсколько богомольцевъ, спѣшившихъ къ заутрени. Мало-по-малу народъ стекался во храмъ со всѣхъ сторонъ острова, и чрезъ нѣсколько минутъ главная церковь наполнилась тѣми самыми лицами, которыхъ я видѣлъ на пароходѣ... Утреннее служеніе продолжалось около часу, и богомольцы поспѣшили на нѣкоторое время въ гостинницу, гдѣ ихъ ожидало усердіе и вниманіе монастырской прислуги. Нужно замѣтить, что гостинница Коневского-монастыря заслуживаетъ вниманія, и потому нелишнимъ считаю кое-что сказать объ ней. Она занимаетъ довольно видное мѣсто, почти надъ самымъ Ладожскимъ-озеромъ, отъ котораго отдѣляется небольшимъ пластомъ земли, кой-гдѣ покрытымъ кустарниками можжевельника и окаймленнымъ двумя-тремя соснами. Зданіе гостинницы, очень большое, деревянное, со всѣхъ сторонъ открытое, состоитъ изъ двухъ этажей и одного мезонина. Въ каждомъ этажѣ множество небольшихъ, отдѣльныхъ комнатъ, окна которыхъ большею частію выходятъ на озеро; видъ изъ комнатъ живописнѣй... Особенно хорошо любоваться изъ этихъ комнатъ на озеро утромъ, когда грозныя, шумныя волны его успокоиваются, и слившись въ одну массу воды, представляютъ взору гладкую, блестящую поверхность, за которою въ глубокомъ отдаленіи рисуется картина богатой зелени финляндскихъ сосенъ, пихтъ и дубовъ. Тишина необыкновенная!.. Только кой-гдѣ ранняя птичка пролетитъ надъ поверхностью озера, и мелькнетъ струйка воды, отъ прикосновенія къ ней этой птички... Только вдали гдѣ-нибудь покажется рыбакъ, закидывающій сѣти и терпѣливо выжидающій богатаго лова. А нужно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ Ладожскаго-озера необыкновенно удачно ловится рыба. Главнѣй предметъ ловли лососина и крупная корюшка. При мнѣ ловили монастырскіе послушники, и я былъ свидѣтелемъ, какъ вытаскивали бездну огромныхъ рыбъ; о корюшкѣ и говорить нечего; ее столько вытаскивали, что наполнили ею больше десяти корзинъ. Ловля рыбы на Ладожскомъ-озерѣ, у береговъ Коневца, исключительно принадлежитъ монастырю; если-же кто-нибудь

изъ соседнихъ прибрежныхъ жителей хочеть ловить, такъ онъ обязанъ испросить позволеніе у настоятеля монастыря и потомъ четвертую часть ловли пожертвовать въ пользу обители. Но возвратимся къ гостинницѣ. Въ гостинницѣ, въ каждой комнатѣ приготовлено для путешественниковъ все необходимое: тутъ вы найдете кровать съ матрацомъ и чистымъ бѣльемъ, столъ, стулья и умывальникъ. По первому вашему желанію является самоваръ, и если вы не имѣете съ собою чаю, сахару или хлѣба, все это принесетъ вамъ монастырскій служка, замѣтте даромъ, безъ всякаго вознагражденія; если вы вздумаете предложить ему деньги, этимъ вы его обидите; такова безкорыстная услужливость въ монастырской гостинницѣ. Если вы желаете прожить въ гостинницѣ недѣлю; вамъ услуживаетъ служка и доставляетъ все нужное.—Есть комнаты очень хорошо отдѣланныя и убранныя, для знатныхъ почителей; но это не доказываетъ, чтобъ въ гостинницѣ дѣлали какое-нибудь различіе между путешественниками. Служка также усерденъ и въжливъ съ богатымъ или знатнымъ, какъ и съ бѣднымъ или нищимъ. Въ какое-бы время вы ни прѣехали въ гостинницу, кто-бы вы ни были, васъ всегда радушно примутъ и угостятъ, чѣмъ Богъ послалъ. Зато отъ прѣзжихъ требуется тишина и скромность: малѣйшій шумъ или беспорядокъ воспрещаются.

Въ нижнемъ этажѣ гостинницы устроена общая столовая для бѣдныхъ путниковъ. Тутъ я видѣлъ много больныхъ поселянъ, русскихъ и финскихъ, за которыми ухаживали послушники и подавали возможную помощь. Подобная черта въ коневскихъ инокахъ достойна высокаго уваженія. Мнѣ рассказывали, что многіе соседніе поселяне прѣзжаютъ въ Коневскій-монастырь въ надеждѣ получить помощь хозяйственными продуктами, и всегда получаютъ ихъ даромъ, оттого-то въ соседней Финляндіи Коневскій-монастырь пользуется прекрасною репутаціею.—Кромѣ того, между послушниками есть много людей, знакомыхъ съ разными ремеслами, механиковъ; такъ напримѣръ, одинъ изъ нихъ прекрасный часовой мастеръ, который можетъ, не только починить, но и сдѣлать часы.

Послѣ небольшого отдыха въ гостинницѣ, путники слушали въ Коневскомъ-монастырѣ литургію; затѣмъ отправлено было молебствіе настоятелемъ съ двумя маститыми старцами, на груди которыхъ красовался крестъ 1812 года, въ память избавленія Россіи отъ нашествія враговъ. Крестъ этотъ въ послѣднее

время составляетъ рѣдкость. — Молебствіе совершено было передъ ракою преподобнаго Арсенія, съ коленнопреклоненіемъ. На этотъ разъ смирилось въ человекѣ все грѣховное и у всѣхъ было одно чистое стремленіе къ Подателю небесныхъ и земныхъ благъ; тутъ была общая, единая молитва, не только за себя, но и за всѣхъ и за все русское, родное, православное, противъ котораго возстали враги христіанства, союзники Магомета, защитники луны.

Послѣ литургій, богомольцы простились съ Коневскимъ-монастыремъ и поспѣшили на пароходъ, на которомъ пріѣхали изъ Шлиссельбурга; ровно въ девять часовъ они отправились въ Валаамскій монастырь.

Я, къ сожалѣнію, не могъ отправиться въ Валаамъ, потому-что спѣшилъ въ Финляндію; мало того, я никуда не могъ отправиться въ это время изъ Коневца, потому-что не было никакой возможности найти лодочника, который-бы перевезъ меня на ту сторону Ладожскаго-озера, въ деревню Лахту: было рабочее лѣтнее время, а потому прибрежные поселяне заняты были сѣнокосами: И на этотъ разъ представился случай убѣдиться въ услужливости иноковъ: казначей монастыря предложилъ мнѣ перѣхать на монастырской лодкѣ. Я было охотно согласился на такое искреннее предложеніе, но какъ разъ на это время на озерѣ показалась лодка, на которой обыкновенно известные рыбаки перевозятъ пассажировъ изъ Коневскаго-монастыря въ Лахту, и такъ-какъ лодочникъ былъ посланъ изъ Лахты нарочно для перевозки собственно меня, то я не могъ не подчиниться необходимости поблагодарить казначея за его услугу.

Въ половинѣ десятаго я сидѣлъ уже въ лодкѣ, съ веселымъ лодочникомъ и неся по Ладожскому-озеру быстрѣе, чѣмъ на пароходѣ; лодка была парусная, вѣтеръ дулъ попутный. Странное это Ладожское-озеро! Давно-ли оно было спокойно, тихо, неподвижно, какъ спящій младенецъ, и вдругъ заиграло, зашумѣло, точно баловливое дитя!.. Глядя на его волны, сердитыя, то синія, то бѣлыя, я готовъ былъ струсить, такъ сильно поднимались волны, такъ быстро подпрыгивала лодка, такъ рзко, пронзительно свисталъ вѣтеръ... но мой кормчій постоянно успокоивалъ меня, и увѣрялъ, что мы благополучно доѣдемъ до залива... Чтобъ сколько-нибудь отвлечь мое вниманіе отъ воды, онъ сталъ спрашивать меня про Петербургъ. Изъ его разсказовъ, я узналъ, что онъ финнъ, или какъ ихъ зовутъ у насъ, маймисть, что онъ прежде часто бывалъ въ Петербургъ и

жалеть, что не можетъ быть и теперь въ немъ. Онъ былъ умный малый, разговорчивый; по-русски говорилъ очень порядочно.

— Отчего-же ты не можешь жить въ Петербургъ? спросилъ я его.

— Да надо прежде денегъ припасти, отвѣчалъ онъ: въ Петербургъ нужно жить съ деньгами. А вотъ какъ соберу довольно денегъ, такъ поѣду въ Питеръ и тамъ женюсь...

— Отчего-же ты не женишься на своей?

— Нѣтъ, наша негодится; лучше на русской женюсь...

— Отчего-же такъ?

— Да русская лучше умѣетъ хозяйничать, чѣмъ наша.

Впрочемъ, какъ я ни старался забыть о Ладожскомъ-озерѣ, а все-таки трудно было не чувствовать сильной качки, которая гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на маленькой лодкѣ, чѣмъ на большомъ суднѣ. Качка еще болѣе усилилась, когда мы въѣзжали въ заливъ; тутъ ужъ невольно я вскрикнулъ; волны такъ и перескакивали чрезъ голову, лодка неслась вихремъ, и я думалъ, что мы погибнемъ, тѣмъ болѣе, что впереди, у берега залива виднѣлись большіе подводные камни: долго-ли было наскочить на нихъ и очутиться въ объятіяхъ разсвирѣпвшихъ волнъ, а эти волны у Лахтенскаго-залива страшно бѣшены... Нужно имѣть понятіе объ этомъ заливѣ, чтобъ повѣрить, до какой степени опасно подъѣзжать къ нему во-время сильнаго вѣтра.

Но вотъ, наконецъ, мы добрались до пристани, къ намъ подошли на помощь лахтенскіе поселане...

Я въ Лахтъ, а слѣдовательно, и въ Финляндіи...

IV.

ЛАХТА.

Лахтенскій заливъ. — Значеніе слова: Лахта. — Пристань. — Часовня Коневского монастыря. — Владѣтели Лахты. — Старинное зданіе, бывшій стеклянный заводъ. — Шоссейныя дороги. — Почтовая станція. — Мѣстные повозки, карелки. — Ызда по финляндскимъ почтовымъ дорогамъ. — Русскія телеги. — Лѣса въ окрестностяхъ Лахты. — Кирпичный заводъ и его кирпичъ. — Скотный дворъ. — Становой приставъ; значеніе его въ Финляндіи. — Мыза Верница или Эммагофъ. — Мѣстоположеніе ея. — Гостинный домъ для проезжающихъ. — Верницкій управляющій. — Отъѣздъ въ Товбелу.

Что-же такое *Лахта*?

Лахта ничто иное, какъ первая деревня финляндская на берегу Ладожскаго-озера, принадлежащая барону Борису Андреевичу Фредериксу. — Но этого мало: Лахтою называется собственно длинный узкій заливъ Ладожскаго-озера у самой деревни того-же имени (получившей его отъ залива), противъ острова Коневца, служащій пристанищемъ для плавающихъ туда и обратно. Названіе Лахта происходитъ отъ финскаго слова *lahti*, что значить губа. Кромь-то, финны называютъ еще этотъ заливъ *Sorttalaks*, что значить разсыкающая, брызжущая (и даже мечущаяся во все стороны) губа; *Sorttalaks* происходитъ отъ финскаго прилагательнаго разсыкающій, мечущійся. Такое названіе вполне характеризуетъ Лахтинскій-заливъ, потому-что дѣйствительно губа, о которой рѣчь идетъ, глубоко вдается въ твердую землю и какъ-будто разсыкаетъ ее на нѣсколько частей; берегъ залива состоитъ изъ нѣсколькихъ острыхъ оконечностей, наполненныхъ безчисленными камнями, отчего во-время бури волны залива брызжутъ на нѣсколько саженъ дальше обыкновеннаго теченія его водъ. Этотъ постоянный шумъ, это водонадное брызганье волнъ и этотъ ревъ вѣтра, производящій страшное эхо въ лѣсу, въ который онъ врывается со всею стремительностью, не находя препятствій до него на гладкой поверхности озера, подали поводъ къ самымъ фантастическимъ легендамъ, имѣющимъ тѣсную связь съ финскою мифологіею. Общая мысль во всѣхъ нихъ та, что на томъ мѣстѣ, гдѣ волнуется заливъ, поселились злые духи, нѣкогда обитавшіе на Коневскомъ-островѣ до времени введенія христіанства *. Какъ-бы-то

ни-было, но Лахтинскій-заливъ во всякое время волнистъ и неистово клокочетъ у береговъ **.

Видъ съ залива на Коневскій-монастырь великолѣпный. Противъ самаго монастыря часто пристають корабли, и въ это время видъ становится еще великолѣпнѣе. Пристань здѣсь незавидная, по самой простой причинѣ: жаль устроить хорошую, потому-что волны залива часто сносятъ ее; нерѣдко въ-теченіе льта приходится строить двѣ-три пристани.

Съ Лахты начинаются финскія поселенія. Тутъ уже рѣдкость русскій человекъ, какъ рѣдкость и самый языкъ его, не потому, чтобъ послѣдняго вовсе не знали финны, но потому-что они между-собою говорятъ больше на родномъ языкѣ. Впрочемъ, въ Лахтѣ еще болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, можно встрѣтить русскаго человека и русскій языкъ. Здѣсь есть даже маленькая русская часовня, принадлежащая Коневскому-монастырю; въ ней иногда совершаются молебствія коневскими иноками; собственно-же построена она здѣсь для сбора подаяній въ пользу церкви Коневскаго-монастыря. Лахтенцы-финны до того привыкли къ этой часовнѣ, что предъ нею читаютъ свои молитвы и считаютъ преступленіемъ не сдѣлать поклона передъ нею.

Лахта неочень большое селеніе; оно раскинуто почти на версту, но въ какомъ-то странномъ безпорядкѣ. Она принадлежитъ къ числу довольно-старинныхъ деревень и некогда входила въ составъ казеннаго, такъ-называемаго *кабинетнаго* имѣнія. Но потомъ сдѣлалась частною собственностью и въ началѣ текущаго столѣтія принадлежала барону Андрею Фредериксу. Въ 1815 году, Лахта продана была барономъ въ казну, по желанію покойнаго Государя Императора Александра Павловича, и состояла казеннымъ имѣніемъ до 1852 года. Въ 1852 году, казна продала Лахту сыну барона Андрея Фредерикса Борису, который владѣеть ею до настоящаго времени.

Въ Лахтѣ прежде всего обратитъ ваше вниманіе огромное двухэтажное зданіе, построеніе котораго относится ко времени царствованія Императора Александра Павловича. Оно предназначено было для стеклянаго завода, который существовалъ въ

* См. Путешествіе академика Озерецковскаго по Ладожскому и Онежскому озерамъ. 1792 г., стран. 53—54. Тамъ подробно описано преданіе о *Лахтѣ*.

** Не оттого-ли русское простонародье называетъ этотъ заливъ *Чортовой-Лахтой* (исковерканное слово: Sorttalaks).

немъ очень недолго. Внутри зданія до-сихъ-поръ сохранились слѣды перваго его назначенія: такъ хорошо оно сбережено до настоящихъ поръ. Теперешній владѣтель Лахты, который такъ заботится объ улучшеніи своего имѣнія, обратилъ вниманіе на это почти запущенное зданіе и хочетъ устроить въ немъ винокуренный заводъ. Рядомъ съ этимъ зданіемъ сохранились и еще два старинные дома того-же времени; но они уже слишкомъ повреждены и, кажется, не могутъ быть употреблены съ пользою. Гораздо легче построить каменный домъ, чѣмъ передѣлать этотъ обветшалый деревянный на что-нибудь годное; а въ Лахтѣ ничего не стоитъ построить каменное зданіе, потому-что на всякомъ шагу въ лѣсу цѣлыми группами валяются огромные, въ нѣсколько саженой длины и высоты, камни. Странно только, что поселяне финскіе не любятъ каменныхъ зданій, и при всей трудности добывать строевой лѣсъ, предпочитаютъ строить дома деревянные. Правда, легче построить деревянный домъ, особенно такой, какіе строятся у поселянъ въ Финляндіи, но зато каменное зданіе не въ примѣръ прочнѣе деревянаго и, что главное, предохраняетъ жилья отъ болотной сырости, неизбежной въ прибрежьяхъ финскихъ озеръ, отъ которой такъ много страдаютъ поселяне.

Заботливостью нынѣшняго владѣтеля, Лахта ежегодно болѣе и болѣе принимаетъ видъ благоустроенной мызы. Такъ какъ она лежитъ на центральномъ пунктѣ, при перевздѣ изъ Россіи въ Финляндію,—черезъ который идутъ дороги по разнымъ направленіямъ, напримѣръ, въ Кексгольмъ, Выборгъ, Гельсингфорсъ и т. д., то владѣтель прежде всего позаботился объ устройствѣ дорогъ въ своихъ владѣніяхъ, окружающихъ Лахту или смежныхъ съ нею. Оттого тотчасъ за Лахтою начинается шоссе, которое проведено по всемъ возможнымъ направленіямъ, такъ, что теперь даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде никакой не было дороги, *вьется* шоссе; я сказалъ *вьется*, потому-что эти шоссеиныя дороги не прямыя, а извилистыя; онѣ проводятся, смотря по необходимости сообщеній между тѣмъ или другимъ селеніемъ. Чтобы еще болѣе облегчить возможность сообщенія для проезжающихъ по всемъ своимъ владѣніямъ, баронъ Фредериксъ завелъ частную конную почту, первая станція которой находится въ Лахтѣ. Станціею завѣдываетъ такъ-называемый *кискиваръ*, то есть, почтовый смотритель, который распоряжается лошадьми и записываетъ прогоны; это нѣчто въ родъ нашего станціоннаго старосты. Станція довольно опрятная, хотя небольшая; по-крайней-мѣрѣ тѣмъ

хороша, что не встрѣтите въ ней никакихъ препятствій для отдыха или для дальнѣйшей повздки. Хотите провести въ ней нѣсколько часовъ, день или ночь, для васъ отводятъ комнату и вы получаете все необходимое, даже больше: на станціи (на всякой) найдете приличный, вкусный обѣдъ, пиво, медъ, даже вина и сигары. Когда я остановился на лахтенской станціи, мнѣ предложили такой завтракъ, какой съ трудомъ найдете гдѣ-нибудь въ городѣ... Хотите дальше ѣхать, вамъ тотчасъ запрягутъ *экипажъ*... не прогнѣвайтесь на этотъ разъ! этотъ экипажъ ничто иное, какъ двухколесная *карелка* или, правильнѣе, *карелка* (отъ слова *Карелия*), на которой обыкновенно вьзять въ Финляндіи и бѣдные и богатые люди. Таково обыкновеніе! Различіе между карелками богатыхъ и бѣдныхъ людей то, что первыя сдѣланы на рессорахъ, а послѣднія безъ рессоръ; эти-то послѣднія особенно неприятны и даже изнурительны для человека, непривыкшаго къ нимъ. А между-тѣмъ, въ Финляндіи все вьзять въ *карелкахъ*. въ ней ѣдетъ крестьянинъ, въ ней ѣдетъ помѣщикъ и въ ней развѣзжаетъ по всему своему приходу пасторъ; и, что удивительнѣе, все они вьзять безъ кучеровъ. Да и негдѣ помѣститься кучеру: карелка такъ устроивается, что въ ней можетъ сѣсть одинъ человекъ; нѣкоторыя изъ нихъ такъ миниатюрны, что негдѣ положить чемоданъ. И потому, если вы имѣете съ собою много вещей, вамъ нужно брать двѣ и даже три карелки. Каждая такая повозочка запрягается одною лошадыю. Замѣчательно, что если вамъ угодно, вы можете ѣхать одни, безъ кучера; на ваши руки отдають лошадь до слѣдующей станціи, и не запишутъ даже вашей фамиліи, а тѣмъ болѣе не потребуютъ у васъ подорожной; въ Финляндіи ненужны подорожныя... Если же вамъ вздумается какъ-нибудь помѣстить съ собою кучера—финна, такъ вы нерады будете ему: во-первыхъ, онъ погонитъ лошадь во всю прыть, и вы неразъ будете подвергаться опасности опрокинуться, что очень легко въ карелкахъ, при быстрой вьздѣ; во-вторыхъ, не проминетъ ни одной деревни, чтобъ не остановиться на пять, на десять минутъ. Для чего-бы вы думали? Да просто для того, чтобъ поболтать съ кѣмъ-нибудь. Точно также остановится финнъ, если онъ встрѣтитъ кого-нибудь изъ поселянъ, и непременно о чемъ-нибудь спроситъ его; вы вздумаете замѣтить ему, или побранить его, онъ еще болѣе и чаще будетъ останавливаться, такъ-что, несмотря на то, что онъ летитъ стрѣлой, въ-слѣдствіе этихъ частыхъ остановокъ,

проезжаетъ ямъ довольно нескоро. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ последнее время на почтовыхъ станціяхъ начинаютъ заводить русскія телеги; но и въ нихъ впрягаютъ не больше одной лошади; телеги эти маленькія. Если вамъ угодно, можете ѣхать и въ собственномъ экипажѣ, но въ такомъ случаѣ придется по не- сколько часовъ ждать на всякой станціи, пока вамъ найдутъ лошадей, особенно, если это бываетъ лѣтомъ во время полевыхъ работъ; зимою удобнѣе, но и тогда нерѣдко встрѣчаются препятствія. Вообще въ Финляндіи, особенно лѣтомъ, почти никто не ѣздитъ въ своихъ экипажахъ по почтовымъ дорогамъ, что очень натурально: почта въ Финляндіи такъ дешево обходится, что всякій лучше согласится брать почтовыхъ лошадей, чѣмъ мучить своихъ.

Когда я очутился въ Лахтѣ, меня на первомъ шагѣ поразили какіе-то странные звуки, раздававшіеся отрывисто гдѣ-то въ лѣсу. То были звуки бляшекъ или глухихъ колокольчиковъ, привѣшенныхъ къ шеямъ коровъ, телятъ и даже свиней. Въ Финляндіи обыкновенно пускаютъ скотъ на пастбища въ лѣса безъ пастуховъ, а потому, чтобъ легче найти его, если онъ зайдетъ куда-нибудь далеко, вѣшаютъ на шею разные металлическія вещицы (по двѣ вмѣстѣ), которыя, ударяясь одна объ другую, производятъ звукъ и такимъ образомъ даютъ знать о мѣстѣ пребыванія скотины въ лѣсахъ. Подходя къ станціонному двору, я встрѣтилъ даже лошадей съ такими-же бляхами и колокольчиками; и когда я спросилъ о причинѣ подобныхъ украшеній на шеяхъ лошадей, мнѣ отвѣчали, что это дѣлается для того, чтобъ скорѣе отыскать лошадь, если нужно кому-нибудь изъ проезжающихъ немедленно отправляться дальше. Причина основательная: лошадь очень легко можетъ зайти въ лѣсъ и невдвугъ найдешь ее; а нужно замѣтить, что это очень полезно въ такихъ лѣсистыхъ мѣстахъ, какъ Лахта. Лѣса ея такъ велики, густы и даже непроходимы, что въ нихъ водятся волки и медвѣди въ большомъ количествѣ, и нерѣдко производятъ опустошенія въ стадахъ коровъ, воловъ и овецъ.

Въ Лахтѣ устроенъ довольно большой кирпичный заводъ, пользующійся извѣстностью, не только въ финляндскихъ губерніяхъ, но и въ русскихъ, даже въ Петербургѣ. Можетъ-быть, кому-нибудь случалось видѣть лѣтомъ на Фонтанкѣ огромныя барки съ кирпичемъ, котораго столько раскупается въ нашей столицѣ въ лѣтнее время... Это кирпичъ съ лахтенскаго завода

барона Фредерикса; кирпичъ этотъ славится прочностью и цвѣтомъ, имѣющимъ сходство съ англійскимъ кирпичемъ. Заводъ находится въ трехъ верстахъ отъ залива, по дорогѣ въ Верницу. Кромѣ кирпичнаго завода, въ Лахтѣ есть скотный дворъ, который можно назвать образцовымъ. Не говоря о томъ, что внутри зданія господствуетъ необыкновенная чистота во всякой клѣткѣ, во всякомъ углу, но какъ хороша наружная сторона зданія! Все зданіе построено изъ цельныхъ камней и обнесено каменною стѣною со всѣхъ четырехъ сторонъ. Стѣна эта тѣмъ замѣчательна, что она составлена изъ наваленныхъ камней, несвязанныхъ никакимъ цементомъ, ни известкою; такія стѣны или заборы гораздо дешевле обходятся въ Финляндіи, чѣмъ деревянныя, собственно бревенчатыя или досчатыя. А между тѣмъ, какое различіе между тѣми и другими. Каменные заборы и прочныя и красивѣе; они обыкновенно дѣлаются невысокіе, много, если на два аршина отъ земли.

Въ Лахтѣ живетъ становой-приставъ, который, по финляндскимъ законамъ, пользуется большимъ значеніемъ въ своемъ округѣ. Власть его простирается до того, что онъ можетъ выдавать поселянину своего стана свидѣтельство для проѣзда чрезъ всю Финляндію. Свидѣтельства эти выдаются на гербовой бумагѣ, стоящей четыре и 8 копеекъ серебромъ. Для проѣзда въ Россію выдаются свидѣтельства узднымъ судьей, который равняется нашему исправнику; подобныя свидѣтельства пишутся на двѣнадцати-копеечной бумагѣ.

По сосѣдству съ Лахтою есть очень красивая мыза Верница или Эммагофъ; эта мыза или, вѣрнѣе, ферма лежитъ на довольно высокомъ возвышеніи, съ котораго, сквозь просѣку, прочищенную въ виду самой мызы, открывается великолѣпный видъ на Ладожское-озеро и Коневскій-монастырь. Особенность Верницы состоитъ въ томъ, что всѣ зданія ея выкрашены темнокрасною краскою, любимую въ Финляндіи до того, что ею красятъ даже мебель, полы и потолки въ комнатахъ. Мѣстоположеніе Верницы такъ хорошо, что многіе проѣзжающіе приходятъ въ восторгъ отъ него и нарочно останавливаются въ ней на нѣсколько часовъ и даже дней, чтобъ полюбоваться на прекрасныя густыя лѣса, безчисленныя горы и особенно кристаллыныя ручейки и водопады между прощелинами скалистыхъ обрывовъ. Какъ великолѣпна была-бы дача въ этихъ мѣстахъ! Удивительно, что владѣтель Верницы не воспользуется такимъ дивнымъ мѣстоположеніемъ,

чтобъ построить нѣсколько дачъ на берегу Ладожскаго-озера. Мнѣ кажется, нашлось-бы много охотниковъ провести лѣто въ такомъ прекрасномъ мѣстѣ. Верница, также какъ и Лахта, можетъ похвалиться своимъ скотнымъ дворомъ. Въ Верницѣ устроенъ цѣлый домъ для отдыха проезжающихъ, и нужно замѣтить — убранство комнатъ въ немъ вполне удовлетворяетъ самому взыскательному вкусу; кромѣ того, васъ очаруетъ необыкновенная вѣжливость управляющаго, человека довольно образованнаго, получившаго воспитаніе въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и женатаго на русской. — Это дѣлаетъ честь владѣтелю, который умѣлъ выбрать въ управляющіе такого человека, могущаго быть полезнымъ и на болѣе значительномъ мѣстѣ. Управляющій занимается собраніемъ народныхъ финскихъ пѣсень и записываетъ разныя легенды простонародья!

Пробывъ нѣсколько часовъ въ Лахтѣ, въ обществѣ финновъ, я отправился дальше, именно въ Товбелу чрезъ Рискъ. Мнѣ дали двѣ карелки, и я на первомъ шагѣ въ Финляндіи испыталъ непріятность повѣзки въ такихъ экипажахъ. Что дѣлать? Что городъ, то норовъ.

Но прежде, нежели скажу о Товбелѣ, считаю нужнымъ кое-что замѣтить о Рискѣ, единственномъ русскомъ селеніи въ этихъ мѣстахъ. Замѣтки о Рискѣ и Товбелѣ войдутъ въ составъ слѣдующей главы.

ВЕЧЕРА ВЪ КАЮТЪ-КОМПАНИИ.

*Вечеръ третій **

Ловкость и находчивость. — Лейтенантъ, упавшій за бортъ. — Лейтенантъ, запутавшійся въ снастяхъ. — Вода убыла. — Вѣтеръ дуетъ не по штату. — Не успѣлъ переодѣться. — Новый способъ перевозки быковъ. — Снимаюсь съ дрейфа. — Похищеніе рей и лѣса. — Нашла коса на камень. — Шкиперъ американскаго парохода. — Заднѣпровскій итальянецъ. — Свайка.

Быстрота соображенія почти роскошь ума для людей, имѣющихъ достаточно времени обдумывать свои дѣйствія, но для тѣхъ, кто часто бываетъ поставленъ въ необходимость въ одно и тоже время и думать и дѣйствовать, чтобы предупредить опасность, — способность эта становится необходимостью. Есть много положеній въ общественной и частной жизни, въ которыхъ весь успѣхъ предпріятія, иногда спасеніе жизни нѣсколькихъ людей или цѣлаго общества, зависитъ отъ скорости соображенія, отъ умѣнья найтись. Но нигдѣ такъ не важна способность эта, какъ на морѣ, и по пословицѣ: гдѣ болѣзнь, тамъ и лекарства, моряки по преимуществу люди находчивые.

Я зналъ одного лейтенанта, который не терялся въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и благодаря этой способности, однажды спасъ фрегатъ, на которомъ служилъ, отъ разбитія, а другой разъ самъ избѣгнулъ видимой смерти.

Въ 1830 году фрегатъ Марія, на которомъ служилъ лейтенантъ Николай Ивановичъ Г., лавировалъ въ извилистомъ, узкомъ, усѣянномъ мелями и камнями проходѣ, ведущемъ съ моря на свеаборгскій рейдъ. Вѣтеръ былъ свѣжій, теченіе сильное, а какъ извѣстно, въ подобномъ случаѣ потерять поворотъ, даже повернуть нѣсколько ранѣе или позже надлежащаго момента, значитъ подвергнуться опасности. Николай Ивановичъ былъ на вахтѣ, и стоя на возвышеніи у борта, началъ командовать пово-

* Вечера 1-й и 2-й см. въ декабрьской книжкѣ Пантеонъ. 1854 г.

ротъ. Внимательно слѣдя за дѣйствіемъ руля и парусовъ Николай Иванычъ не замѣтилъ, что одна изъ гротовыхъ снастей, рванувшись кверху, можетъ задѣть его и сбить съ позиціи. И точно, съ слѣдующей командой снасть сильно ударила Николая Ивановича, и приподнявъ кверху площадку, на которой онъ стоялъ, свалила его за бортъ. Поднялась суматоха. Люди оставили свои мѣста и бросились на корму, для поданія помощи утопающему. Но Николай Ивановичъ, хорошо плавая, держался на водѣ, и замѣтивъ на фрегатѣ беспорядокъ, произведенный его паденіемъ, закричалъ съ досадою и энергіей: по мѣстамъ, и слушать мою команду!

Услышавъ грозный голосъ своего сброшеннаго за бортъ, но непотерявшагося лейтенанта, экипажъ оторопѣлъ; но съ новой командой лейтенанта: смирно! люди схватились за свои снасти. Между-тѣмъ Николай Ивановичъ, держась на водѣ, не переставалъ наблюдать за циркуляціей фрегата, и замѣтивъ, что время переносить задніе паруса, командовалъ: гротъ-марса-булень отдай! И фрегатъ поворотилъ. Тогда Николай Ивановичъ, подплывъ къ спасительной бочкѣ, брошенной за бортъ, закричалъ на фрегатъ: Ну, теперь можно и меня вытащить!

Въ-послѣдствіи, Николай Ивановичъ служилъ на корабль «Фер-Шампенуазъ» старшимъ офицеромъ. Корабль находился въ Финскомъ-заливѣ, въ отдельномъ плаваніи. Однажды утромъ, Николай Иванычъ, по обязанности своей осмотрѣвъ весь палубы, поднялся на верхъ изъ форъ-люка *, и не слышавъ команды вахтеннаго лейтенанта: «по мѣстамъ! къ повороту!» остановился на подвѣтренной сторонѣ бака **, для передачи приказаній шкиперу. Вдругъ командуютъ: гротъ-марса-булень отдай! и Николай Ивановичъ едва удержался на ногахъ. Быстро оглянувшись онъ замѣтилъ, что стоялъ въ бухтѣ контра-браса ***, который съ силою рванулся вверхъ, крутясь и извиваясь, какъ удавъ. Увидя явную погибель и не надѣясь выскопытъ изъ бухты цѣлымъ, Николай Ивановичъ въ тотъ-же моментъ хватается руками и ногами

* *Форъ-люкъ*.—проходъ въ палубы, въ передней части судна.

** *Бака*—передняя часть верхней палубы.

*** *Контра-брасъ*—толстая веревка, одинъ конецъ которой привязывается къ реѣ (горизонтальное дерево, къ которому привязанъ парусъ), а другой складывается *буатами*, т. е. кольцами, на палубѣ. При обращеніи реи, во время поворота, контра-брасъ винтообразно и быстро поднимается вверхъ, и лейтенанту Г., попавшемуся въ средину этихъ колець, переломало-бы ребра, еслибъ онъ не нашлся.

за летящій кверху контра-брасъ, который въ одинъ мигъ поднимаетъ его подъ марсъ*. Но и здѣсь новая опасность—быть раздавленномъ или разорванномъ на части. Но находчивость и здѣсь не оставляетъ Николая Иваныча. Подлетая къ марсу, онъ мгновенно ослабляетъ руки и быстро спускается по снасти внизъ. Но и тутъ опять опасность! Онъ долженъ разбиться о палубу! И Николай Иванычъ снова съ силой сжимаетъ руками и ногами бѣгущій вверхъ контра-брасъ, и снова вмѣстѣ съ нимъ поднимается кверху; снова подъ марсомъ ослабляетъ руки, и вторично спускается внизъ. Наконецъ такимъ-же образомъ поднимается въ третій разъ, и уже обезсиленный тихо спускается, по остановившемуся уже брасу, на палубу.

Вотъ какъ ловкій и находчивый Николай Иванычъ спасъ свою жизнь отъ неминуемой гибели.

— Жизнь-то спасъ, да не уберегъ зато кожу на рукахъ; я увѣренъ въ этомъ! замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, очень занятый красотой своихъ рукъ; пальцы-то, я думаю, совсѣмъ ободрало...

— Да, кожу на рукахъ содрало, и онъ долго болѣли, отвѣчалъ разскащикъ.

— И что за страшная боль! прибавилъ другой слушатель. Когда я былъ еще кадетомъ, товарищи подстрекнули меня спуститься внизъ по снастямъ, да еще внизъ головой. Я, долго не думая, бухъ съ марса, и—вотъ что значитъ неопытность!—вмѣсто того, чтобы перебирать снасть, я скользилъ по ней руками, и ставъ на палубу, почувствовалъ такой страшный жаръ на ладоняхъ и пальцахъ, какъ-будто держалъ раскаленные угли; кожа висѣла клочками! А тутъ еще насмѣшки со всѣхъ сторонъ: и больно и досадно!

— И вашему герою тоже следовало-бы перебирать руками контра-брасъ, а не держаться за него замѣтилъ господинъ критическаго свойства; значитъ онъ былъ неполнъ довокъ и опытенъ.

— Не желаю вамъ, г. строгій судья, быть въ подобномъ положеніи, возразилъ разскащикъ; но если придется, то посмотримъ, какъ вы примѣните къ дѣлу свою опытность. И потомъ продолжалъ, съ улыбкой поглядывая на строгаго судью:

Тотъ-же лейтенантъ славился между товарищами своими шутками. Еще мичманомъ служилъ онъ на транспортъ, который по роду своего плаванія не щеголялъ да и не могъ щеголять чистою палубъ, легкостью рангоута и другими изяществами и тон-

* Марсъ—площадка на мачтѣ.

костями морскаго ремесла. Трудно наблюдать за чистотою палубы на суднѣ, перевозящемъ муку, пеньку, сало и грязныхъ бабъ. Одинъ изъ офицеровъ фрегата, на которомъ главнѣйшее вниманіе обращалось на эти тонкости, часто подсмѣивался надъ невзрачностью тяжелаго, не всегда умытаго транспорта, и разъ, приставая къ нему, закричалъ Николаю Иванычу, стоявшему на палубѣ:

— Что за безпорядокъ у васъ! И подняться нельзя: трапъ на полсажени отъ воды!

Николай Иванычъ, желая пошутить надъ *строгимъ судьей*, человекомъ небойкаго ума, отвѣчалъ:

— Неужели вы не знаете, отчего высокъ трапъ?

— Оттого, что нѣтъ послѣдней ступеньки: очень ясно! отвѣчалъ строгій судья.

— Неправда: ступеньки всѣ.

— Такъ отчего-же?

— Оттого, что ночью было западное теченіе, и вода убыла.

— А! вотъ что! произнесъ доврчиво гость, не успѣвъ сообразить, что съ убылью воды не можетъ измѣниться осадка судна. Черезъ минуту строгій судья замѣтилъ, что попался въ располхъ, но было уже поздно: разговоръ этотъ слышали другіе офицеры, и шутка Николая Иваныча пошла въ ходъ. Строгий судья не позволялъ себѣ съ-тѣхъ-поръ рѣзкихъ замѣчаній и насмѣшекъ надъ транспортными офицерами.

— Разсказъ вашъ, сказалъ кто-то изъ собесѣдниковъ, напомнилъ мнѣ забавный отвѣтъ одного шкипера господину, повѣрившему корабельныя книги.

— У васъ свѣчи израсходованы сверхъ штата, замѣтилъ онъ.

— Да нельзя было иначе, отвѣчалъ шкиперъ.

— Отчего такъ?

— Оттого, что вѣтеръ дуетъ не по штату.

— А я, сказалъ другой собесѣдникъ, вспомнилъ шутку одного англійскаго лейтенанта, доказывающую удивительное присутствіе духа. Лейтенантъ этотъ служилъ на корабль, который взлетѣлъ на воздухъ. Во-время этого взрыва, лейтенантъ, будучи переброшенъ на адмиральскій корабль, въ мокромъ платьѣ и запачканный въ сажь, сказалъ, улыбаясь, адмиралу:

— Надьюсь, адмиралъ, вы извините меня за неопрятную наружность: я оставилъ корабль свой съ такою поспѣшностью, что даже не успѣлъ переодѣться.

— Находчивость матросовъ, продолжалъ старшій офицеръ, также можетъ быть сюжетомъ для многихъ забавныхъ разсказовъ. Сообщу вамъ, что знаю. Благодаря находчивости одного изъ моихъ гребцовъ, мнѣ удалось перевезти съ берега на фрегатъ двухъ быковъ преоригинальнымъ способомъ. Господа мичманы, обратите особенное вниманіе на мой разсказъ: случай этотъ еще не описанъ въ *Морской Практикѣ*. Фрегатъ нашъ находился у береговъ Бразиліи. Будучи содержателемъ офицерскаго стола, я отправился на берегъ, для закупки провизіи, взявъ съ собою барказъ для быковъ и четверку для разъѣздовъ по береговымъ селеніямъ. Когда были уже закуплены быки, я воротился на берегъ, къ своимъ судамъ, чтобы грузить на нихъ привезенныя мною вещи, какъ вдругъ вижу: на фрегатъ поднять условный сигналъ: немедленно прислать барказъ! Нечего дѣлать! Отваливай, сказалъ я барказному квартирмейстру. И барказъ ушелъ.

Не прошло и четверти часа послѣ того, какъ отвалилъ барказъ, приводятъ ко мнѣ быковъ, славныхъ такихъ! Досада! Какой-бы ростбифъ отличный былъ изъ нихъ, подумалъ я, и приказалъ возвратить ихъ хозяину.

Но соблазнительный видъ животныхъ этихъ вдохновилъ одного изъ моихъ матросовъ.

— Ваше благородіе, сказалъ онъ, быковъ-то можно перевести.

— Какъ! на четверкъ?

— На четверкъ.

— Самъ ты быкъ! отвѣчалъ я съ досадою матросу, сдѣлавшему, повидимому, такое глупое предложеніе: перевести двухъ огромныхъ животныхъ на шлюпкѣ, которая едва можетъ поместить шесть человекъ, и такъ вертлява, что того и смотри черпнетъ всѣмъ бортомъ.

— Право, ваше благородіе... вы того... не гнушайтесь, что я вамъ скажу... право перевеземъ! продолжалъ матросъ.

— Да какъ-же?

— А вотъ какъ: привяжемъ ихъ, быковъ то, по сторонамъ шлюпки: они сами поплывутъ.

— А какъ станутъ барахтаться?

— Не станутъ.

— Какъ не станутъ! Непременно станутъ и перевернутъ четверку!

— Не станутъ, ваше благородіе! настойчиво отвѣчалъ матросъ.

— Да почему-жъ ты увѣренъ въ этомъ?

— Да до того-ли имъ будетъ! Имъ будетъ врядь думать о себѣ.

Получивъ такое удовлетворительное объясненіе, я не зналъ, на что рѣшиться. Наконецъ сказалъ:

— Посмотримъ, привязывай...

И быковъ погнали въ воду, къ четверкъ, которая, отойдя отъ берега, держалась на веслахъ.

— А чтобы эти глупые скоты воды не напились, продолжалъ матросъ, то мордочки имъ надо кверху *вздраить*. Имъ какъ попадется соленая вода въ ротъ, то будутъ пить, пока не захлебнутся; и тогда какъ ключъ ко дну и сами пойдутъ, и четверку за собой утащатъ.

— Какъ-же это сдѣлать?

— А мы вотъ, ваше благородіе, положимъ поперегъ четверки жердинку, да на нее и вздраимъ морды-то: такъ и ладно будетъ. Сказано, сдѣлано, и я, сопровождаемый справа и слева двумя, поднятыми къверху мордами животныхъ, спокойно плывшихъ за четверкой, благополучно достигъ фрегата, къ общему удивленію сослуживцевъ, и съ-тѣхъ-поръ принялъ за правило выслушивать предложенія каждаго матроса.

Возиться съ быками было некогда, и мы ихъ подняли на фрегатъ, безъ церемоній, за рога, на носъ-таляхъ. Бѣдныя животныя вытянулись, но не изъявили ничѣмъ своего неудовольствія.

На другой день у насъ былъ прекрасный ростбифъ, благодаря находчивости матроса, которому, въ знакъ общей признательности, была послана порція этого любимого моряками кушанья.

— Шкипера и матросы коммерческихъ судовъ, такъ снова началъ очередной разскащикъ, какъ вамъ известно, также народъ ловкій, сильный, изворотливый. На коммерческомъ суднѣ одинъ матросъ работаетъ за шестерыхъ, и это безъ всякаго преувеличенія. Я самъ видѣлъ, какъ-напримѣръ, на галеръ, величиною съ военный корветъ, одинъ матросъ поднималъ и поворачивалъ бомъ-брамъ-рей; что, какъ вы знаете, исполняется на военномъ суднѣ, по-крайней-мѣрѣ, шестью человѣками. Обернувъ вокругъ шпиль бомъ-брамъ-горденъ и взявъ въ зубы оттяжку, матросъ на одной вымбовкѣ поворачиваетъ шпиль, пока рей не дойдетъ до мѣста. Шкиперъ этого голета былъ отличный морякъ, платилъ хорошее жалованье немногочисленнымъ, но лживымъ матросамъ своимъ, позволялъ имъ кутнуть когда можно, и зато требовалъ съ нихъ, въ случаяхъ важныхъ, безусловнаго повиновенія и усиленныхъ работъ. Матросы готовы были идти за него

въ огонь и воду. Разъ въ морь, во-время бури, на голеть сломалась одна изъ нижнихъ рей. Не имья возможности держаться въ морь, голеть спустился въ ближайшій портъ, гдѣ шкиперъ объявилъ экипажу, что если завтра-же онъ не выйдетъ въ море съ новою реей, то опоздаетъ придти къ назначенному времени за грузомъ, и потому понесетъ большой убытокъ. Дождаться, прибавилъ онъ, пока сдѣлаютъ въ портъ новую рею—невозможно. Я хотѣлъ было купить готовую у шлюпа, стоящаго въ гавани, но онъ самъ завтра выходитъ въ море. Однакомъ, какъ бы-то-ни-было ночью мы должны вооружиться и съ разсвѣтомъ уйдти. Придумайте средство!

Выслушавъ это, матросы собрались въ кружокъ и стали держать советъ, какъ помочь бѣдѣ. Наконецъ придумали. Одинъ изъ нихъ, самый плутоватый, часу въ одиннадцатомъ ночи, отправился на шлюпъ, о которомъ упомянулъ шкиперъ. На шлюпѣ все спали внизу; наверху-же находился одинъ вахтенный часовой. Не прошло и полчаса послѣ прибытія плутоватаго матроса на шлюпъ, какъ часовой, очарованный любезной и веселой бесѣдой своего новаго знакомца и по неотступной просьбѣ его, отважился наконецъ уступить соблазнительному приглашенію зайти *на минуту только* въ ближайшій шинокъ и тамъ выпить чарку водки за здоровье новаго пріятели.

Лишь только новые знакомцы удалились со шлюпа, на него явились прочіе матросы голета; со всевозможной тишиной и осторожностью взобрались на мачту, отвязали и унесли съ собою рею.

Ни одинъ изъ матросовъ шлюпа не просыпался и не замѣтилъ похищенія.

Часовой воротился на шлюпъ черезъ часъ, и совершенно пьяный; на разсвѣтъ голеть ушелъ въ море.

Другой иностранный шкиперъ, имья нужду въ нѣсколькихъ бревнахъ и желая приобрести ихъ *даромъ* съ частной верфи, придумалъ слѣдующую штуку.

Въ темную ночь нѣсколько матросовъ отправились вплавь къ верфи, и закинувъ, по всѣмъ правиламъ искусства, петли за бревна, лежація на берегу, возвратились на судно. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, караульному при бревнахъ показалось, какъ будто одно изъ бревенъ съ шумомъ прыгнуло въ воду. Не вѣря своимъ глазамъ, часовой, приписывая это явленіе дѣйствию нечистой силы, осмотрѣлъ лѣсъ и убѣдился, что дѣйствительно нѣтъ одного бревна; но ни петель, ни веревокъ, опускавшихся отъ

нихъ въ воду не замѣтилъ, потому-что было темно, и петли закрывались верхнимъ слоемъ бревенъ а концы веревокъ, съ привязанными къ нимъ гирями изъ-подъ-бревенъ шли прямо на дно... Вотъ прыгнуло другое бревно... потомъ третье. Перепуганный часовой поднялъ тревогу; но уже было поздно... всѣ деревья съ заложеными на нихъ петлями убъжали въ воду прежде чѣмъ успѣли открыть, какъ это сдѣлалось.

Шкиперъ, укравшій бревна, спряталъ ихъ въ трюмъ, и рано утромъ, вмѣстѣ съ другими судами, ушелъ въ море.

—
На одной изъ верфей, близъ города Б*, строился прекрасный голеть. Участь этого судна интересовала многихъ, и вотъ почему Г. N* взявшій на откупъ городскія воды, требовалъ отъ владѣтеля верфи, чтобъ тотъ заплатилъ столько-то за право спустить на его воду строящійся корабль. Владѣтель верфи отвѣчалъ сарказмами на это требованіе, а откупщикъ, желая настоять на своемъ, построилъ на водъ, передъ самымъ элингомъ, большой сарай, будто-бы для просушки сѣтей, такъ-что спустить судно не было возможности. Откупщикъ торжествовалъ, будучи увѣренъ что къ нему явится строитель или съ челобитной или съ деньгами. Строитель, повидимому, колебался и всѣмъ рассказывалъ, что, встрѣтивъ такое неожиданное препятствіе къ спуску судна, не торопится его достроивать.

Часто проезжалъ я мимо этого знаменитаго сарая, торчавшаго бѣльмомъ на глазу у строителя судна. Всѣ спрашивали: Чѣмъ это кончится? И что-же! Въ одно прекрасное утро новый корабль величаво покачивался на легкомъ волненіи, да и сарай стоялъ себѣ на мѣстѣ?

— Какъ-же умудрились вы спустить свое судно? спросилъ я одного изъ плотниковъ, окончательно постукивавшихъ по основнымъ ребрамъ новичка.

— А очень просто, каптейнъ: выбрали ночь потемнѣе, да понагнали лишнюю сотню работниковъ; одни разобрали сарай, другіе выколотили подпоры и блоки, и къ разсвѣту корабль на водъ, и сарай какъ нетронутый. Нашла коса на камень, каптейнъ!

Слѣдующій случай даетъ понятіе о характерѣ некоторыхъ пароходныхъ капитановъ, плавающихъ на озерахъ и рѣкахъ въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки. У одного изъ пассажировъ рѣчнаго парохода пропалъ въ игорномъ домѣ, въ городѣ Начезъ, бумажникъ. Капитанъ парохода, на которомъ находилъ-

ся этотъ пассажиръ, тотчасъ отправился къ содержателю игорнаго дома и потребовалъ пропаяу. Содержатель отвѣчалъ грубостью. Капитанъ, истощивъ увѣщанія и не имѣя времени прибѣгнуть къ посредничеству властей, рѣшился на угрозу.

— Я вамъ даю время одуматься до моего отплытія, сказалъ онъ, смотря на часы. Черезъ полчаса, если вы не возвратите бумажникъ, вмѣстѣ съ деньгами, которыя въ немъ были, то я утащу съ собою вашъ домъ.

Содержатель разразился хохотомъ.

Черезъ полчаса пароходъ готовъ былъ къ отплытію, бумажникъ не возвратили, и капитанъ, вѣрный своему слову, явился на берегъ съ экипажемъ, который несъ самый большой изъ пароходныхъ канатовъ. Канатъ этотъ былъ обнесенъ вокругъ дома и исправно закрѣпленъ.

Когда все было готово, капитанъ снова потребовалъ бумажникъ. Но и теперь требованіе это вызвало только брань со стороны того, къ кому относилось. Послѣ этого капитанъ съ экипажемъ взшелъ на пароходъ и приказалъ дать машинѣ малый ходъ. Пароходъ пошелъ, канатъ вытянулся и домъ началъ трещать. Черезъ двѣ минуты хозяинъ и жильцы дома высунулись изъ оконъ, и показывая бумажникъ стали просить о пощаду. Бумажникъ былъ возвращенъ пассажиру въ совершенной исправности, и капитанъ приказалъ снять съ дома канатъ.

Во-время службы моеѣ въ Черномъ морѣ, мнѣ неразъ случилось встрѣчаться и разговаривать съ *заднѣпровскими итальянцами*. Заднѣпровскими итальянцами называются донскіе-казаки-мореходы, потому-что у нихъ компасъ и большая часть вооруженія судна известны подъ итальянскими названіями; это доказываетъ, что нашими учителями на Черномъ-морѣ были греки, усвоившіе себѣ морской итальянскій языкъ отъ прежнихъ владѣтелей Чернаго-моря — генуезцевъ. Разказы о плаваніи этихъ мореходовъ, отъ природы безпечныхъ, незнакомыхъ даже съ основными понятіями о морскомъ дѣлѣ, на судахъ первобытной постройки, невольно возбуждаютъ улыбку, и я очень сожалею, что тогда-же не записалъ à la lègre наивныя признанія этихъ мореплавателей, съ комической важностью переданныя мнѣ малороссами на ихъ живописномъ языкѣ. Повезъ, Остапенко напиримъръ, на своей требакъ чотыреста четвѣртей овса въ Геленджикъ, да видно нечистый попуталъ: намъсто Геленджика попалъ въ какую-то балку, окаймленную высокими горами, на которыхъ виднѣлись

сакли и сады; вдали тянулись по горизонту снѣговья вершины. Такъ и есть, подумалъ казакъ, Геленджикъ такъ Геленджикъ и есть, какъ рассказывали о немъ старики, народъ бывалый, и не подозрѣвая, что находится у неприятельскаго берега, сталъ на якорь, спустилъ шлюпку, оставилъ на суднѣ одного часоваго, а съ остальными людьми отправился... въ плѣнь къ горцамъ.

Черезъ нѣсколько времени одному изъ плѣнниковъ удалось бѣжать; возвратясь на родину онъ рассказалъ случившееся; казаки стали остерегаться роковой балки, но попадали въ другія. Безпечность этихъ мореходовъ удивительна: ни пашки, ни винтовки не найдешь у нихъ на суднѣ.

Одинъ изъ такихъ мореплавателей, попавшись къ черкесамъ, спасся отъ плѣна, благодаря присутствію духа шестнадцатилѣтняго юнга, находившагося на суднѣ. Отправясь изъ Таганрога въ Одессу съ грузомъ, казакъ-мореходъ черезъ нѣсколько недель достигнулъ Керчи, и разспросивъ, какъ попасть въ «Одессу», въ Одессу однакожь не попалъ, а очутился у Кавказскихъ береговъ; тамъ, встрѣясь съ военнымъ крейсеромъ, объявилъ, что уже девятый день ищетъ Тараканова Хутора (мысъ Тарканхуть), который, какъ сказали въ Керчи, нужно обогнуть, чтобы попасть въ Одессу.

— Все ходимъ безъ толку, будьте милостивы, взывалъ казакъ, куда, въ которую сторону въ Одессу? Да не прогнѣвайтесь за просьбу-то: провизія и вода вся вышли; пять дней крохами кормимся!

Снова отобравъ свѣдѣнія, казакъ поплылъ далѣе.

Крейсеръ скрылся. Казакъ продолжалъ держать по указанному румбу; вѣтеръ между-тѣмъ постепенно стихалъ, и наконецъ заштилело. Сильное теченіе незаметно прижимало судно къ берегу. Зоркіе глаза черкесовъ слѣдили судно съ прибрежныхъ высотъ. Наконецъ выглянула изъ-за мыса галера съ полсотней папавовъ, и направилась на несчастнаго морехода. Замѣтивъ опасность и не видя спасенія, казаки, поручили себя защитѣ св. угодника Николая и надѣли чистыя рубашки. Неприятельская галера пристала къ передней части суда, съ той стороны, гдѣ висѣлъ якорь. Уже съ пикомъ бросились было черкесы на бортъ судна, какъ вдругъ мальчикъ, на немъ находившійся, схвативъ топоръ, обрубаеъ *якорный канатъ*. Якорь проламываетъ дно галеры и пускаетъ ее ко дну съ большею частію хищниковъ. Ободренные находчивостью юнга, прочіе казаки докалачиваютъ чѣмъ попало

остальныхъ черкесовъ, повисшихъ на борть судна. Молитва была услышана!

Въ заключеніе, расскажу вамъ пропешествіе, случившееся во время последней войны между Англією и Францією, съ однимъ французскимъ матросомъ.

Францискъ Брюнель служилъ на французскомъ купеческомъ бригъ *Виргинія*, который возвращался въ Марсель, съ богатымъ грузомъ изъ Смирны.

Бригъ уже видѣлъ вдали родной берегъ и входъ въ знакомую гавань, какъ вдругъ фрегатъ, котораго онъ вовсе не остерегался, принимая его за свой или союзный, поднимаетъ англійскій флагъ, пускаетъ ядро въ рангоутъ брига, и посылаетъ шлюпку завладѣть имъ. *Виргинія*, послѣ выстрѣла, вынужденъ былъ лечь въ дрейфъ. Досада и отчаяніе команды французскаго брига невыразимы; выйдя изъ Смирны, цѣлый мѣсяцъ тому назадъ, они ничего не знали о разрывѣ съ Англією, и потому нисколько не опасались фрегата. Мысль объ ужасныхъ понтонахъ внезапно заняла мѣсто воспоминаній о миломъ отечествѣ и ожидаемыхъ удовольствіяхъ.

Капитанъ Вильсонъ, командиръ англійскаго фрегата *Дартмутъ*, распорядился пересадить французовъ къ себѣ на фрегатъ, заковать ихъ въ желѣза и замѣнить команду брига десятью англійскими матросами и мичманомъ, подъ командою лейтенанта сэра Сидней. Ему приказано было слѣдовать въ кильватеръ фрегата, и на случай разлученія, назначена мѣстомъ сходимки Мальта. Впрочемъ онъ немного безпокоился о своемъ призывѣ, зная, что слухи о войнѣ не успѣли еще дойти до Средиземнаго моря, и что онъ имѣлъ секретное повелѣніе отъ своего правительства, начать военныя дѣйствія.

Къ вечеру на *Виргиніи* все было приведено въ порядокъ. Вывели вахту. Сэръ Сидней поочередовался съ мичманомъ, и послѣднему досталось съ седьмого часу до перваго. Отъ нечего дѣлать и для практики, мичманъ сталъ на руль. Пятеро вахтенныхъ матросовъ усѣлись вокругъ кадки у фокъ-мачты, и тамъ, съ сигарами и трубками въ зубахъ, разсуждали о войнѣ, о новостяхъ, но въ особенности строили воздушныя замки, въ надеждѣ получить хорошія призовыя деньги.

Англичане, въ заботѣ о своихъ выгодахъ, прилежно осматривали грузъ, а о рангоутѣ и вооруженіи и не подумали. Впрочемъ, повидимому, на бригъ все было въ порядкѣ; вѣтеръ дулъ ровный и попутный, небо было ясно, горизонтъ чистъ, и ника-

кого признака шквала. Вотъ почему они сидѣли сложа руки, хотя-бы слѣдовало посматривать кругомъ.

Мало-по-малу разговоры на бакъ утихли, и всѣ улеглись на палубѣ спать, одинъ только мичманъ бодрствовалъ, насвистывая сквозь зубы какую-то пѣсенку. — Вскорѣ ему надобно безостановочно слѣдить за огнями, Дартмута, и потому онъ сталъ звать одного изъ вахтенныхъ на руль. Но отвѣта не было. Онъ зоветъ громче... отвѣта все нѣтъ... Наконецъ изъ группы уснувшихъ матросовъ послышался стонъ, потомъ хрипяіе, послѣ чего опять воцарилось мертвое молчаніе. Тогда мичманъ положилъ руль на вѣтръ и легъ полнѣе, чтобы не выйдти изъ вѣтра; закрѣпилъ штурвалъ и побѣжалъ на бакъ, разшевелить сонныхъ матросовъ. — Но едва только онъ наклонился къ нимъ, какъ увидѣлъ, что они лежатъ обогранные кровью, безъ всякаго признака жизни. Испугавшись, онъ закричалъ во все горло, и побѣжалъ увѣдомить командира о происшествіи. Оставшіеся семь англичанъ, въ минуту сошлись на ютъ, и лейтенантъ Сидней приказалъ внести снизу оружіе, для защиты отъ непріятеля — невидимки. Все оружіе уставлено было въ жилой палубѣ, вокругъ гротъ мачты. Одинъ изъ матросовъ подошелъ къ гротъ-люку и вдругъ упалъ и исчезъ; со вторымъ случилось тоже самое, и никто не могъ понять причины происходившаго. Нетолько выстрѣда, но даже никакого шума или звука не было слышно. После этого никто не смѣлъ подойти къ заколдованному люку, а чтобы взять ружья необходимо было спуститься въ него, или какъ-нибудь иначе попасть туда. Для этого надо было прорубить переборки, раздѣлявшія палубу, которая была такъ завалена товарами, что не было никакой возможности пройти туда, ни изъ форъ-люка, ни съ задняго трапа; а время шло. Что дѣлать? Англичане рѣшились осмотрѣть гротъ-марсъ; полезли на ванты *, но за нѣсколько футовъ до марса нашли, что выблинки ** перерезаны. Они остановились, но какъ дождь посыпавшіеся на нихъ блоки, драйки и проч. и проч., заставили ихъ поспѣшно спуститься внизъ. Между-тѣмъ бригъ Виргинія все болѣе и болѣе спускался, а Дартмутъ уходилъ впередъ.

Во-время попытки на эскаладу, серъ-Сидней, вооружившись, вмѣсто шлема, мѣдной крышкой отъ нактоуза, спустился въ палубу и вынесъ оттуда ружья.

* Веревочныя лѣстницы, ведущія на мачту.

** Ступеньки веревочныхъ лѣстницъ.

Наконецъ взошла луна и освѣтила на гротъ-марсъ человѣческую фигуру; въ то-же время англичане увидѣли и захватили невидимое дотолъ оружіе смерти; то была свайка *, привязанная къ длинному концу, которая и поражала сверху.

При неудачномъ приступѣ къ марсу, убитъ былъ мичманъ; за тѣмъ оставалось только четыре англичанна, которые окружили гротъ-мачту и начали стрѣлять въ смѣльчака изъ ружей; но онъ нисколько не оробѣлъ, то ложился, то прятался за мачту, и такъ оставался невредимъ; когда-же случалась перемѣжка между выстрѣлами, онъ тотчасъ бросалъ свайку или блокъ. Наконецъ, онъ пробилъ голову серу Сиднею большимъ блокомъ. Тогда смущеніе, страхъ и отчаяніе овладѣли англичанами; они стали бѣгать, метаться во все стороны и прятаться; а неутомимый стрѣлокъ не переставалъ палить въ нихъ, чѣмъ попало, и иногда довольно мѣтко. Наконецъ, осталось на ногахъ только два джека, которые, бросились въ форъ-люкъ и закрыли его за собой.

Прождавъ нѣсколько времени, Францискъ Брюнель, видя что на бригъ никто не шевелится, проворно спустился съ марса, закрылъ все люки, и осторожно набросилъ нѣсколько тяжести на передній; потомъ отвязалъ руль и спустился къ Тулону, какъ ближайшему французскому порту. Вѣтеръ сталъ свѣжѣть, и къ разсвѣту бригъ пришелъ на рейдъ. Между-тѣмъ капитанъ Вильсонъ тщательно осматривалъ горизонтъ, въ надеждѣ увидѣть свой призъ, но онъ нигдѣ не показывался. Ночью, фрегатъ былъ на вѣтрѣ, и вовсе не слышалъ происходившаго на бригѣ; а не ожидая ничего подобнаго, онъ и не думалъ брать никакихъ особыхъ предосторожностей къ сохраненію приза...

Брюнель поставилъ свое судно на мель, на вязкомъ грунтѣ; кое-какъ спустилъ шлюпку, и повхалъ на близъ стоявшее на якорѣ военное судно; явился къ командиру и скромно объяснилъ ему свое положеніе. Но такой случай могъ-ли долго остаться въ тайнѣ? Брюнеля осыпали и оглушили возгласами восхищенія и удивленія. Немедленно сняли бригъ съ мели и съ триумфомъ ввели его въ гавань.

Кромѣ двухъ англичанъ, оставшихся невредимыми, вымечили и другихъ, которые были опасно ранены и лежали безъ чувствъ,

* Желѣзный изогнутый конусъ, употребляемый матросами при такелажныхъ работахъ.

отъ потери крови и отъ ночнаго холода. Спустя нѣсколько времени, ихъ обмѣняли на команду брига Виргинія.

Францискъ Брюнель, предпочитая лучше подвергнуться неизвѣстному жребію, нежели быть заключеннымъ на англійскихъ понтонахъ, скрылся на гротъ-марсъ, когда англичане овладѣли бригомъ. На всякій случай, онъ запасся сухарями и водой, чтобы не быть вынужденнымъ сдаться отъ голода; онъ не могъ достать себѣ никакого оружія, кромѣ кухоннаго ножа, потому-что капитанъ брига, по непонятной неосторожности, не запасся даже ни однимъ ружьемъ; сверхъ-того, онъ сдѣлалъ на марсъ запасъ сваякъ, драйковъ, блоковъ и т. п., такъ что готовъ былъ, при первомъ открытіи его засады, обороняться холоднымъ оружіемъ. Но къ счастью его наступила ночь, и онъ, пользуясь темнотою, подрѣзалъ верхнія выблинки, и тихонько спустился съ подвѣтру вдоль гротъ-мачты; подкрался къ пяти спящимъ англичанамъ и отдѣлался отъ нихъ кухоннымъ ножомъ. За тѣмъ, онъ только что хотѣлъ, спуститься въ палубу, какъ голосъ мичмана, заставилъ его живо обратиться на марсъ.

Хозяинъ брига, за спасеніе своего судна, щедро наградилъ отважнаго Брюнеля: заплатилъ всѣ его долги, потомъ женилъ и обезпечилъ навсегда; а какъ Брюнель не хотѣлъ оставлять морской службы, то онъ купилъ еще ему хорошенькій тендерокъ.

Передъ отправленіемъ Брюнеля изъ Тулона, товарищи задали ему пирушку, и дали прозваніе: Свайка.

Вотъ невѣроятная, но вѣрная штука, какую сыгралъ французскій матросъ съ англійскимъ фрегатомъ; однакожъ, капитанъ Вильсонъ не остался въ долгу у Брюнеля.

Спустя нѣсколько лѣтъ, герой нашъ, не довольствуясь спокойной и обезпеченной жизнью, уступилъ просьбамъ нантскаго арматора и принялъ въ командованіе бригъ Быстрый, для торга неграми. Взявъ грузъ въ Гвинею, онъ удачно продалъ его на Антильскихъ-островахъ, и отправился опять за тѣмъ-же. Но вскорѣ, въ одно прекрасное утро, англійскій корветъ Confidence захватилъ бригъ и обличилъ его въ запрещенной торговлѣ. Тогда капитана и команду заковали въ желѣзо и отвезли въ Барбадось, гдѣ Вильсонъ, бывшій командиръ Дартмута, былъ тогда губернаторомъ. Имя Франциска Брюнеля поразило Вильсона. Онъ вспомнилъ смертоносную свайку, и безъ жалости велѣлъ повѣсить Брюнеля, какъ бѣглаго и командира судна, торгующаго неграми.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Воспоминанія о Бальзакъ (статья Леона Гозлана). — Шарль Бернаръ. — Ирландская литература. — Записки графа Редерера. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Уличные спектакли въ Парижѣ. — **СТЫРТИЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Тайны моря. — Новыя прядильныя растенія. — Происхожденіе албанцевъ. — **АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ:** Ирландскія и шотландскія льняныя мануфактуры. — Погребеніе золотопромышленника въ Калифорніи. — Сапожники при Карлѣ V. — Эгмонтъ Бетговень. — Откуда происходитъ названіе зуавовъ. — Ночное явленіе въ Ливіи. — Неприятности желѣзныхъ домовъ. — Новый сигналъ на желѣзныхъ дорогахъ — Софистическій выводъ. — Калифорнія въ настоящее время. — Подводный телеграфъ Франклина. — Финики.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Воспоминанія о Бальзакъ (статья Леона Гозлана). Мы представили недавно біографію Бальзака, написанную остроумнымъ Мирекурромъ; но въ послѣднемъ номерѣ *Revue contemporaine*, Леонъ Гозланъ набросалъ нѣсколько воспоминаній объ этомъ знаменитомъ писателѣ; изъ которыхъ мы беремъ нѣсколько любопытныхъ страницъ. Гозланъ начинаетъ со своего свиданія съ Бальзакомъ, на другой день послѣ перваго и послѣдняго представленія *Вотрена*.

У Бальзака были драматическіе порывы, происходившіе отъ особеннаго расположенія его пламеннаго воображенія; но у него не было серьезной, продолжительной наклонности къ театру. Онъ чувствовалъ сильное влеченіе къ сценѣ только когда видѣлъ какой-нибудь замѣча-

тельный успѣхъ на одномъ изъ театровъ. Похвалы, расточаемыя другимъ, дѣйствовали на него какъ пары вина, и въ-продолженіе мѣсяца или больше, онъ мечталъ только объ историческихъ драмахъ, отчаянныхъ мелодрамахъ, нравственныхъ комедіяхъ, пьесахъ для Французской Комедіи, для театра Сень-Мартенскихъ Воротъ или Веселости. Онъ былъ въ лихорадкѣ, собирался работать изо всѣхъ силъ, для Сансона, г-жи Дорваль, Фредерика Леметра, особенно для послѣдняго, которымъ онъ восхищался съ неразумяющимъ фанатизмомъ, но въ то же время оцѣнивая этотъ талантъ по достоинству. Одну только Рашель исключалъ онъ изъ списка своихъ любимыхъ артистовъ, и это очень понятно: воображеніе Бальзака никакъ не могло согласоваться съ трагедіею, съ древнимъ міромъ, и надобно признаться, что онъ имѣлъ очень мало влеченія къ поэзіи. Разумѣется, что мы говоримъ только о формѣ поэзіи, о стихахъ, но не утверждаемъ, чтобы романистъ не любилъ идеальной мысли, изысканности въ выраженіяхъ, богатства сравненій, всего прекраснаго, возвышеннаго, всего, что мы привыкли называть поэтическимъ. Нѣтъ, Бальзакъ не любилъ только стиховъ. Онъ ихъ уважалъ, только не читалъ. Впрочемъ, онъ сознавался, что ихъ трудно писать, что на это нуженъ особенный даръ и потому хвалилъ нѣкоторыя стихотворенія наудачу, стараясь разгорячиться и сыграть сцену восторга, слушая отрывки изъ *Méditations* и *Orientales*. Онъ превозносилъ также Расина за то, что его увѣряли, будто трагическій писатель умѣлъ изображать женщинъ точно такъ-же, какъ самъ Бальзакъ. Послѣ этой дани стихамъ, романистъ совершенно забывалъ о нихъ, и спокойно удалялся въ свой загородный домъ, Жарди.

Приведемъ доказательство, какъ Бальзакъ любилъ и цѣнилъ поэзію въ стихахъ. Это было въ день знаменитаго представленія во Французскомъ Театрѣ, когда давали въ первый разъ *Бурграфовъ*. Викторъ Гюго прислалъ намъ два мѣста въ балконѣ. Скоро участь этого произведенія была рѣшена: послышался шопоть, насмѣшки, смѣхъ; наконецъ шиканье и свистки посыпались со всѣхъ сторонъ на невинныя головы Отто и Гуанамары. Шумъ былъ необыкновенный, но слышите всего былъ смѣхъ жестокой радости, какой бываетъ только при первыхъ представленіяхъ великихъ именъ. Завистники и соперники смѣялись злобно, а публика хохотала глупо, какъ ребенокъ, который видитъ, что другіе смѣются.

Въ эту минуту Бальзакъ, сидѣвшій сзади меня, дотронулся до моего плеча; я обернулся и увидѣлъ, что Бальзакъ тоже смѣется, только тихонько, какъ заговорщикъ, какъ-бы желая и меня увлечь своею веселостію.

— Ну что пьеса? спросил онъ.

Я отвѣчалъ какъ можно серьезно:

— Я нахожу ее превосходною, несравненною, удивительною! Со времени Данта ни на одномъ языкѣ не было ничего подобнаго.

— Я думаю тоже самое, сказалъ Бальзакъ, не ожидавшій этого отвѣта или, можетъ-быть, желавшій выслушать мое мнѣніе, чтобъ потомъ знать, какъ ему относиться о Бургграфахъ, терзаемыхъ на сценѣ.

Съ-тѣхъ-поръ Бальзакъ не переставалъ хвалить это произведеніе. Много другихъ примѣровъ доказываютъ точно также нерасположеніе Бальзака представлять мысль въ волшебной оболочкѣ стиха.

Когда имъ овладѣвала драматическая лихорадка, онъ набиралъ все идеи, разбросанныя въ его романахъ, чтобъ сдѣлать изъ нихъ драмы и комедіи, но этого казалось ему мало, и Бальзакъ, самъ Бальзакъ готовъ былъ пользоваться чужими идеями, искалъ сотрудниковъ, предлагалъ работать вмѣстѣ, и главное сдѣлать выгодную операцію, потому-что какая бы мысль ни родилась въ головѣ романиста, она тотчасъ превращалась въ сдѣлку. Вотъ его собственные слова одному сопернику:

— У меня есть идея блистательная, вѣрная, твердая, какъ гранитъ. Изъ этого гранита мы изсѣчемъ большую пьесу въ нѣсколькихъ картинахъ, для театра Сень-Мартенскихъ Воротъ. Фредерикъ далъ мнѣ слово играть, а съ нимъ мы обезпечены на полтора ста представленийъ, каждое по пяти тысячъ франковъ. Это составитъ семьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Слышите-ли, семьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ! Теперь разочтите: авторъ имѣетъ двѣнадцать процентовъ со сбора, стало-быть больше восьмидесяти тысячъ. Я не говорю еще о билетахъ въ спектакль, за которые Порше уже общалъ мнѣ пять или шесть тысячъ франковъ золотомъ, ни о брошюрѣ, проданной на счетъ автора въ десяти тысячахъ экземплярахъ, по три франка экземпляръ; это составитъ тоже порядочную сумму въ тридцать тысячъ франковъ...

Такимъ образомъ все превращалось у Бальзака въ аферу, даже прежде, чѣмъ идея получала какую-нибудь форму. Проектъ еще не былъ составленъ, но онъ готовъ былъ нести акціи на биржу. Однажды на биржѣ Бальзакъ встрѣтилъ Генриха Монье, котораго любилъ и уважалъ, и началъ ему объяснять одинъ изъ своихъ плановъ, рассчитывая, что получить вѣрнаго барыша четырнадцать милліоновъ и предлагая ему половину. Монье хладнокровно выслушалъ весь каскадъ цифръ и потомъ сказалъ:

— Дай мнѣ впередъ пять франковъ, и я отказываюсь отъ милліоновъ.

Бальзакъ вездѣ искалъ сотрудниковъ, когда на него находила страсть къ театру. Въ одномъ изъ припадковъ своей болѣзни, онъ привлекъ въ Жарди молодого мечтателя Лассальи, который умеръ прежде Бальзака. Съ чего взялъ романистъ, что слабый, разсѣянный, неувѣренный въ себя молодой человекъ можетъ быть сотрудникомъ автора Евгени Гранде и Лили въ долинь? Ни я, ни кто другой никогда не могли рѣшить этой загадки. Это то-же самое, еслибы Рафаэль пригласилъ каменишка или кровельщика помогать ему писать картины. Однако, намѣреніе Бальзака было серьезно, и онъ нетолько взялъ къ себѣ своего страннаго сотрудника въ Жарди, но еще составилъ съ нимъ родъ контракта на нѣсколько лѣтъ. Неизвѣстно, былъ-ли этотъ контрактъ составленъ законнымъ образомъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ не былъ даже написанъ, но всѣ знаютъ, что условія существовали, и лица, окружающія Бальзака, долго объ этомъ говорили. По этому необыкновенному контракту Лассальи, получивъ титулъ сотрудника Бальзака, получалъ въ Жарди квартиру, столъ и все нужное къ жизни, и за это долженъ былъ готовымъ работать во всякое время и представлять свои мысли, планы, драматическія положенія и прочее.

Надобно сознаться, что въ Жарди бѣднаго Лассальи такъ роскошно содержали и кормили, что онъ въ короткое время разтолстѣлъ чрезвычайно, чего не ожидали отъ его слабаго сложенія. Стало-быть Бальзакъ съ своей стороны исполнилъ всѣ условія. Но какъ поступилъ сотрудникъ? Онъ наслаждался прелестью жизни, какъ въ Капуѣ, добросовѣстно уничтожалъ обѣды и завтраки, и совершенно не думалъ о драматическихъ планахъ. Это не могло продолжаться. Бальзакъ началъ требовать, чтобъ сотрудникъ принимался за работу, и тотъ объявилъ, что готовъ начать когда нужно. Надобно признаться, что и другой кто-нибудь поощитѣ бѣднаго Лассальи не нашелся-бы въ такомъ случаѣ. Извѣстно, что Бальзакъ работалъ ночью. И вотъ однажды, въ два часа пополудни, онъ зазвонилъ, чтобъ разбудить Лассальи и начать работу. Какое неприятное положеніе! Бѣдный сотрудникъ съ про-сонковъ не могъ найти своей одежды, надвигалъ на глаза ночной колпакъ, печально бралъ свѣчу и шелъ въ кабинетъ писателя. Тотъ сидѣлъ у стола—блѣдный, странно освѣщенный лампою, такъ что въ этомъ ночномъ труженикѣ трудно было узнать Бальзака, встрѣчаемаго на улицѣ или днемъ.

— Ну, что ты нашелъ, Лассальи? говори! спросилъ Бальзакъ. Бѣднякъ приподнималъ свой колпакъ, широко раскрывалъ глаза, чтобъ они не смыкались и бормоталъ:

— Да... надо-бы... найти... составить какъ-нибудь... плащъ...

— Ну, составляй-же, придумывай поскорѣе. Театръ Сень-Мартенскихъ Воротъ давно уже ждетъ. Гарель вчера писалъ мнѣ, Фредерикъ Леметръ напоминалъ о роли...

— Вы видѣли Фредерика Леметра?

— Да, онъ нашъ. Онъ просить драмы, которая-бы привлекла весь Парижъ... Давай-же писать эту драму...

— Давайте, повторялъ Лассальи съ комическою готовностью.

— Да прежде надобно найти сюжетъ. Есть у тебя сюжетъ?

— Несовѣзмъ...

— Скажи мнѣ хоть часть его. Я слушаю.

— Да... лучше вы скажите, что придумали съ своей стороны... ваши идеи... можетъ-быть, не сойдутся съ моими... или... сойдутся...

— Лассальи, ты спишь!

— Нѣтъ, не сплю!

— Нѣтъ, спишь. Глаза твои закрываются. Ты зѣваешь...

— Это отъ холоду.

— Ступай-же опять въ постель, и черезъ часъ я посмотрю, посѣтитъ-ли тебя вдохновеніе.

И Лассальи бралъ опять свою свѣчу, и шаркая туфлями, добирался до своей комнаты, чтобъ въ горизонтальномъ положеніи искать сюжета драмы, долженствовавшей привлечь весь Парижъ. Но только что бѣднякъ успѣвалъ согрѣваться, какъ новый звонокъ прерывалъ его сонъ, и онъ, не одѣваясь даже и забывая туфли, бѣжалъ къ своему знаменитому сотруднику. Онъ думалъ готовностію искупить недостатокъ воображенія.

Тутъ опять начинался разговоръ между Бальзакомъ, незнавшимъ сна, и Лассальи, дремлющимъ какъ ребенокъ. Результатъ преній легко отгадать. Бальзакъ требовалъ все сюжета драмы, а сотрудникъ никакъ не могъ его найти. И иногда случалось, что деспотъ шесть разъ въ продолженіе ночи тревожилъ своего несчастнаго товарища. Положеніе это было невыносимо. Несмотря на роскошное содержаніе въ Жарди, Лассальи началъ худѣть, блѣднѣть и наконецъ серьезно захворалъ. Ночная работа и невозможность исполнить свое обѣщаніе подѣйствовали даже на слабый разсудокъ сотрудника и онъ удалился изъ Жарди.

Однажды я встрѣтилъ его на Гентскомъ бульварѣ и спросилъ:

— Что васъ не видать въ Жарди?

— О, я избавился наконецъ отъ Жарди, отвѣчалъ онъ, поднимая къ небу глаза и руки.

— Развѣ вамъ было тамъ нехорошо?

— Нѣтъ, превосходно. Что за квартира! какой пейзаж! И всякій день самый роскошный обѣдъ, десертъ, кофе! Такъ мнѣ долго не придется жить.

— Отчего-же вы не остались въ Жарди?

— Да развѣ можно было тамъ жить съ обыкновеннымъ человѣческимъ сложеніемъ? Вообразите, я ночью принужденъ былъ вставать разъ восемь. Это-бы еще ничего. А то, сочиняй съ просонокъ драму, которая удивила бы весь Парижъ. Развѣ это можетъ перенести моя слабая натура, испытанная столькими несчастіями? Нѣтъ, я не могу даже хладнокровно вспомнить о Жарди.

Въ-самомъ-дѣлѣ бѣднякъ говорилъ со слезами о своемъ фантастическомъ сотрудничествѣ, и произносилъ имя Бальзака со страхомъ.

Наконецъ Бальзакъ не могъ преодолѣть влеченія къ театру и началъ самъ работать для него, смѣло идя противъ бури. По нашему мнѣнію, Бальзакъ выбралъ самое неудобное время выдти на сцену. Притомъ, для него было уже поздно вступать на это поприще. Мы не говоримъ, что Бальзакъ былъ уже старъ, чтобъ учиться теоріи этого труднаго искусства: нѣтъ, сильные таланты до конца сохраняютъ всю свою свѣжесть: но намъ кажется, что въ эту минуту жизни слава его уже была такъ велика, что ему-бы не простили новой славы, новаго успѣха, самаго блистательнаго, успѣха драматическаго. Какъ! закричать всѣ. Ему мало, что его читаютъ съ восторгомъ во Франціи, Англіи, Италіи, Россіи, Германіи, что его переводятъ на всѣ языки; онъ хочетъ еще получить похвалы на сценѣ, вызвать аплодисменты, трогать и ужасать толпу. Да этотъ человѣкъ воображаетъ себя Карломъ Великимъ или Наполеономъ литературы. Онъ хочетъ учредить всемірную литературную монархію. Словомъ, всѣ готовы были объявить войну дерзкому писателю, и Бальзакъ, разгадывающій сокровенныя мысли, какъ инквизиторъ, Бальзакъ, хитрый и дальновидный, какъ старый судья, который часто срывалъ маску съ человѣчества, не понялъ, чему онъ подвергается. Неужели онъ не зналъ, что зависть и ненависть, которыя не въ состояніи помѣшать успѣху книги, могутъ въ день представленія открыто убить и автора, и произведение, и увлечь за собою глупую толпу, готовую унижать того, кого накануне провозглашала великимъ. Опасность эта существуетъ для всѣхъ писателей; но она не такъ сильна для тѣхъ, которые постепенно подвизались въ одно время, какъ въ литературѣ, такъ и на сценѣ, и старались послѣ книги написать пьесу, какъ это дѣлалъ Вольтеръ и Фредерикъ Сюдъ. Бальзакъ не слѣдовалъ этой тактикѣ, и былъ пообѣжденъ. Нельзя было и воображать, что онъ можетъ имѣть какой-

нибудъ успѣхъ. Правда, что въ-послѣдствіи двѣ или три комедіи, игранныя подъ его именемъ, были приняты съ жаромъ. Но это не опровергаетъ нашего мнѣнія. Во-первыхъ, мы не увѣрены, что пьесы эти его сочиненія или совершенно его, во-вторыхъ, онѣ были играны послѣ его смерти, и тогда можно было сжалиться надъ авторомъ. Вѣдь онъ не могъ уже больше ничего написать, не могъ слышать свистковъ и оскорбленій.

Стало-быть, благоразуміе требовало, чтобъ Бальзакъ не являлся такъ поздно на театрѣ, чтобъ не навлечь на себя новыхъ преслѣдованій; но страсть увлекла его, и, къ несчастію, онъ явился передъ этою предубѣжденною противъ него публикою съ такимъ страннымъ сюжетомъ, который не могъ возбудить никакой симпатіи.

Публика французскихъ театровъ, и особенно въ дни первыхъ представленій, можетъ быть составлена изъ банкротовъ, глушцовъ, идіотовъ, погибшихъ женщинъ, завистниковъ, злыхъ, лицемѣровъ; но все это общество, наполняющее ложи и галлерей, все-таки любитъ видѣть только примѣры добродѣтели и приходитъ въ негодованіе, если смѣютъ представить какой-нибудь эксцентрической сюжетъ, съ смѣлыми персонажами, новымъ стилемъ. И писатели, поддѣлывающіеся подъ вкусъ этой чопорной публики, избѣгающіе всего, что можетъ ее оскорбить, собственно не писатели, но акробаты, танцующіе на веревкѣ. Цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ произвести волненіе: «Упадутъ они въ огонь или не упадутъ?» спрашиваетъ публика. И на этомъ чувствѣ основываютъ успѣхъ драмъ. Но развѣ Бальзакъ могъ имѣть подобную предумотрительность? Онъ дерзко вступилъ въ борьбу съ театромъ, съ прѣзрѣніемъ вызвалъ на бой публику. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ успѣхъ былъ невозможенъ.

Однако возвратимся къ *Вотрену*.

Онъ началъ съ того, что постучался въ дверь театра Сень-Мартенскихъ Воротъ. Тамъ онъ нашелъ директора остроумнаго и разореннаго, который можетъ похвастаться необыкновеннымъ человекомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, чего онъ не испыталъ, чего не пробовалъ. Но и классическая трагедія, и романтическая драма, и комедія, и волшебныя пьесы, и ученія обезьяны, и слоны, ничто не помогало ему выдти изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. Наконецъ онъ рѣшился просить въ долгъ тридцать тысячъ франковъ у Луи-Филиппа, и тотъ отвѣчалъ ему очень остроумно: «А я хотѣлъ просить у васъ въ займы, г. Гарель.»

Этотъ директоръ принялъ пьесу Бальзака, какъ послѣднюю надежду на спасеніе. Онъ даже такъ много надѣялся на эту драму, что почти отнял ее у автора, прежде нежели она была совсѣмъ окончена. Онъ

думалъ, что имя Бальзака, что первое его сценическое произведеніе въ пяти актахъ и въ прозѣ произведетъ фуроръ. Мы помнимъ все эти подробности, какъ будто-бы они происходили вчера. Неудивительно, что Бальзакъ отдалъ свою драму неоконченною. Это была его всегдѣшняя привычка: писалъ-ли онъ романъ, повѣсть, или журнальную статью. Онъ хотѣлъ связать себя необходимостью, обѣщаніемъ, часто подпискою, чтобъ работать прилежнѣе. И надобно признаться, что честность Бальзака равнялась его гениальности, и что если онъ давалъ слово, то держалъ его свято.

Уговорившись съ Гарелемъ на счетъ набросанной драмы, онъ заперся въ пятомъ этажѣ дома Бюиссона, въ улицѣ Ришелье, съ однимъ проворнымъ переписчикомъ, и тамъ началъ писать своего знаменитаго Вотрена. Его безпрестанныя сношенія съ театромъ не позволяли ему оставаться въ Жарди, гдѣ онъ вообще жилъ непостоянно.

Съ этого времени началась для Бальзака самая хлопотливая, безпокойная, тяжелая жизнь, хотя онъ и не привыкъ къ покою, бѣгая то къ книгопродавцамъ въ предмѣстьѣ Сень-Жака, то къ издателямъ Пантеона, то къ плательщикамъ на горѣ Пасси. Теперь-же, не успѣвалъ онъ написать сцену, какъ уже передѣлывалъ ее по требованію директора; потомъ актеры просили то переменить фразы, то передѣлать роли, что было возможно, потому-что даже планъ пьесы не былъ утвержденъ окончательно. Бальзака преслѣдовали за кулисами; директоръ приставалъ къ нему, чтобы онъ поскорѣе окончилъ пьесу, отъ которой ждалъ своего спасенія; словомъ, мученія его доходили до того, что онъ нѣсколько разъ хотѣлъ бросить театръ и пьесу, и отказаться отъ успѣха и выгоды. Въ это время онъ такъ переменялся, что мы его не узнавали. Репетиціи продолжались два мѣсяца съ половиною. Публика заранѣе занималась пьесою, и толпы народа ждали его на улицѣ, провожали въ театръ и домой. Все помнятъ синій сюртукъ Бальзака, его широкія панталоны орѣховаго цвѣта, бѣлый жилетъ и толстые башмаки. И этотъ костюмъ былъ широкъ для похудѣвшаго Бальзака, запыленъ и доказывалъ, что драматическіе этюды достаются не дешево. Кромѣ того, сколько ему надобно было расточать остроумія, отвѣчая на вопросы всехъ, которые желали знать: оконченъ-ли Вотренъ? Какъ идутъ репетиціи? Хорошъ-ли Фредерикъ Леметръ? Доволенъ-ли Рокуръ своею ролью? Правда-ли, что Мозесаръ отказался играть мошенника, потому-что онъ честный человѣкъ? Правда-ли, что машинисты, декораторы и другіе отказались работать для пьесы, потому-что имъ много должны? Надобно было именно имѣть неистощимую легкость Бальзака въ разговорѣ, живость въ отвѣтахъ и его талантъ къ остро-

тамъ, чтобъ надѣлать всѣхъ любопытныхъ извѣстiями. Когда-же онъ чувствовалъ истощенiе, то повторялъ остроты Гареля, этого удивительнаго человѣка, который отъ несчастiя защищался каламбурами.

Въ то время, какъ Бальзакъ на бульварѣ Бонъ-Нуvielъ разсказывалъ эксцентрическiя выходки Гареля, Гарель, прислонясь къ дереву Сень-Мартенскаго бульвара и нюхая табакъ изъ золотой табакерки, разглашалъ остроты Бальзака, а Жемма, актеръ театра Сень-Мартенскихъ Воротъ, повторялъ въ кафе всѣ блестящiя ума Бальзака, Гареля, Фредерика и другихъ артистовъ, — словомъ, никогда еще этотъ театръ не былъ такъ веселъ и остроуменъ, какъ въ эту эпоху: это былъ Жилъ-блазъ между театрами.

Въ одинъ изъ такихъ дней, стоившихъ Бальзаку много усилiй, я встрѣтился съ нимъ на бульварѣ Капуцинокъ, и онъ сказалъ мнѣ:

— Я умираю съ голоду. Теперь три часа, репетицiя только-что окончилась и я еще ничего не ѣлъ, пойдемте со мною.

— Да я не голоденъ, отвѣчалъ я: у меня, слава Богу, нѣтъ репетицiй.

— Ничего, пойдемте, прошу васъ,

— Въ такомъ случаѣ вернемтесь: парижскiй ресторанаъ за нами.

— Я не хочу идти туда, потому-что завтракать уже поздно, а обѣдать рано. Я открылъ одно удивительное мѣсто, гдѣ готовятъ такiе пирожки, какихъ нѣтъ нигдѣ. Любите вы пирожки съ рисомъ?

— Нѣтъ.

— Я то же. А что вы скажете о пирожкахъ съ макаронами?

— Право, не знаю...

— Пойдемте, вы будете меня благодарить.

— Да гдѣ-же ваши пирожки?

— Въ улицѣ Рояль.

И взявъ меня подъ руку свободною рукою, потому-что подъ другою было у него нѣсколько книгъ, Бальзакъ скорымъ шагомъ повелъ меня къ пирожнику улицы Рояль, и сказалъ, входя:

— Подайте пирожковъ съ макаронами... да побольше!

— Извольте, отвѣчала молодая англичанка, подавая цѣлый левтъ съ пирожками.

Бальзакъ положилъ книги на столъ, и я думалъ, что онъ, въ качествѣ умирающаго съ голоду, начнетъ убирать пирожки; но онъ сказалъ мнѣ.

— Знаете-ли вы, что это за книги?

— Не знаю, любезный Бальзакъ.

При этомъ имени молодая дѣвушка, подавшая намъ пирожки, оста-

новилаь, не слыша и не видя другихъ посѣтителей, которые звали ее. Она раскраснѣлась какъ роза и смотрѣла на романиста, удерживая дыханіе.

— Это, продолжалъ Бальзакъ, послѣднее сочиненіе Купера: *Озеро Онтаріо*. Какъ это написано! Какой интересъ! Это образцовое произведеніе, особенно въ сравненіи съ первыми его рапсодіями. Совѣтую вамъ прочесть *Онтаріо*. Одинъ только Вальтеръ Скотъ могъ написать что — нибудь подобное въ отношеніи къ величію и ясности колорита. Еслибы Куперъ описывалъ характеры также, какъ природу, то наше искусство нашло-бы наконецъ своего учителя; къ несчастію...

— Къ несчастію, пирожки простынуть, ожидая конца вашей рѣчи.

— Ахъ, я и забылъ ихъ!

И Бальзакъ, смѣясь, принялся за пирожки, но въ тоже время продолжалъ говорить о Куперѣ и ходить по комнатамъ. Пирожки исчезли съ листа. Англичанка съ удивленіемъ смотрѣла на аппетитъ Бальзака, воображая, вѣроятно, что гениальный писатель питается цвѣтами и воздухомъ; но отъ этого восторгъ ея не уменьшался.

— Если этотъ родъ романовъ вамъ нравится, сказалъ я Бальзаку, подавая ему стаканъ воды, потому-что онъ никогда не пилъ вина, — отчего вы сами не напишете романъ, гдѣ-бы дѣйствіе происходило на озерѣ, какъ у Купера?

— А гдѣ прикажете взять мнѣ озеро? У насъ только пруды и болота. Ужъ не описать-ли мнѣ Энгіенское озеро?

— Нѣтъ; но вы знакомы съ многими путешественниками, которые приходятъ къ вамъ въ Жарди. Я знаю, что большая часть изъ нихъ худы и глупы, какъ сахарный тростникъ; но вѣдь и изъ тростника вынимаютъ сахаръ и ромъ.

— О, другъ мой! *Еслибы вы знали, какъ все мы мало знаемъ.* Я приведу вамъ доказательство этой истины. Когда я собрался написать *Лилию въ долину*, то хотѣлъ, какъ Куперъ, оставить большое мѣсто для пейзажа. И вотъ я началъ жить природою, изучая деревья, горизонтъ, ручьи, звѣзды, свѣтъ. И такъ какъ наука обязана насъ учить всему, то я хотѣлъ узнать имена нѣкоторыхъ травъ и растений, которыя хотѣлъ посадить въ моей книгѣ. Прежде всего я хотѣлъ знать, какъ называется мягкая трава, которую мы топчемъ ногами за городомъ, по сторонамъ дороги, въ лугахъ, словомъ вездѣ. Я обратился прежде всего къ моему садовнику, спрашивая его, какъ называется эта трава. Какъ этого не знать, сударь, отвѣчалъ мнѣ садовникъ насмѣшливо: вотъ это луцерна, это пѣтушья головка, это...

— Нѣтъ, скажи мнѣ, какъ называется эта трава, которую мы

топчемъ, которая растеть вездѣ, длинными, тонкими листиками, то гладкими, то шершавыми, то свѣтлыми, то темнозелеными? — Это, сударь, просто трава, отвѣчалъ садовникъ, и я не могъ ничего больше отъ него добиться. На другой день пришелъ ко мнѣ одинъ изъ путешественниковъ о которомъ вы говорили, ученый, ботаникъ, я сорвалъ горсть травы и спросилъ его, какъ наука называетъ это растеніе.

— Вотъ видите—ли, отвѣчалъ ученый, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія: я изучалъ только малабарскую флору, и въ Индіи знаю какъ зовутъ каждую былинку, но здѣсь...

— Вы знаете столько-же, сколько и я.

Сознаюсь въ моемъ невѣжествѣ, отвѣчалъ ученый.

Невозможность только раздражаетъ меня, и я побѣжалъ въ ботанической садъ, къ одному изъ знаменитыхъ профессоровъ заведенія.

— Охота вамъ, г. Бальзакъ, заниматься такими мелочами, отвѣчалъ мнѣ онъ на мой вопросъ. Мы изучаемъ рѣдкія и полезныя породы растеній; но человѣческой жизни не станеть, чтобъ разбирать каждую травку, какъ салатъ. Но я могу помочь вамъ немного. Гдѣ происходитъ дѣйствіе вашего романа?

— Въ Турени.

— Въ такомъ случаѣ, всякій поселянинъ Турени скажетъ вамъ то, чего вы не добьетесь отъ всѣхъ нашихъ профессоровъ.

Я побѣжалъ въ Турень, и нашель, что поселяне знаютъ также мало, какъ мой ботаникъ и садовникъ, но все-таки больше чѣмъ профессоръ. И такъ я отказался въ романѣ описывать всѣ травки луга и съ тѣхъ поръ не рассчитываю ни на путешественниковъ, ни на ученыхъ. Гдѣ-же вы хотите, чтобъ я нашель озеро! Будемъ довольствоваться тѣмъ, что выпало на нашу долю и не будемъ упрекать остроумнаго аббата Верто, который, получа извѣстіе объ осадѣ какой-то крѣпости, отвѣчалъ: «я уже заранѣе описалъ эту осаду.» Онъ, можетъ-быть, исполнилъ свое дѣло лучше, нежели тѣ, которые осаждали. Будемъ только сожалѣть, что мы не можемъ писать, не издавши...

— Сколько вамъ слѣдуетъ за пирожки? спросилъ вдругъ Бальзакъ англичанку.

— Ничего, г. Бальзакъ, отвѣчала она такимъ гордымъ и рѣшительнымъ тономъ, что нельзя было и настаивать.

Бальзакъ посмотрѣлъ на меня, какъ-бы спрашивая: что мнѣ дѣлать? но въ ту же минуту нашель средство отплатить учтивостью за учтивость, и подавая молодой дѣвушкѣ романъ Купера, сказалъ:

— Жалю объ одномъ, что не могу назваться авторомъ этой книги.

И мы вышли, оставя романъ въ рукахъ наивной почитательницы Бальзака.

Однако, день представленія приближался. Журналы готовили свои перья; тигры первыхъ представленій точили свои когти; всё сбирались какъ на праздникъ, и сверхъ всего шума, раздавался иногда ропотъ, что пьеса не пойдетъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, говорили, что боятся допустить Вотрена на сценѣ, гдѣ онъ тѣсно связанъ съ аристократическимъ семействомъ, тайны котораго употребляетъ въ свою пользу. Увѣряли даже, что есть другія причины, по которымъ Вотренъ не можетъ быть представленъ. Но слухи эти разсѣялись, когда пьеса явилась на афишѣ. Пользуясь нѣсколькими днями до представленія, Бальзакъ, страстный до нововведеній, придумалъ спекуляцію, которая должна была имѣть огромный успѣхъ и которая могла придти только ему въ голову. Зная, что всё почитатели его таланта захотятъ видѣть первое представленіе его пьесы, онъ сговорился съ директоромъ, чтобъ продать билеты какъ можно раньше тѣмъ, которые назовутся друзьями автора. Этимъ способомъ онъ обезпечивалъ сборъ и удалялъ своихъ враговъ, но, къ несчастію, надежды его не сбылись. Всѣ билеты были разобраны по высокимъ цѣнамъ и потомъ перепроданы еще выгоднѣе. Со времени представленія драмъ Гюго, любопытство публики не было возбуждено до такой степени. Это было настоящее великое событіе. Однако, въ это время и въ политикѣ ждали переворотовъ: были банкеты, безпокойство въ народѣ, важные слухи изъ Англіи и Египта, но все это утихло передъ первымъ представленіемъ пьесы перваго французскаго писателя. Это былъ еще первый подобный случай въ исторіи искусства.

Наконецъ пробилъ роковой часъ, и афиша объявила о днѣ перваго представленія *Вотрена*, драмы въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ.

За названіемъ слѣдовали дѣйствующія лица и имена артистовъ. Мы выпишемъ эти имена по экземпляру, подаренному Бальзакомъ Лоранъ Жану, которому пьеса эта посвящена.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Жакъ Колень, носящій имя Вотрена.
 Герцогъ Монсорель.
 Маркизь Альберъ, его сынъ.
 Рауль де Фреска.
 Шарль Блонде, подъ именемъ кавалера Сень-Шарль.
 Франсуа Каде, философъ, кучеръ.
 Филь-де-Суа, поваръ.

АКТЕРЫ.

Г. Фредерикъ Леметръ.
 Жемма.
 Лажаріетъ.
 Рей.
 Рокуръ.
 Потонье.
 Фредерикъ.

Бюто, привратникъ.

Дюпюи.

Филиппъ Боляръ, Лафураль.

Турнанъ.

Жозефъ Бонне, слуга герцогини.

Мозсаръ.

Комиссаръ.

Герцогиня Монсорель (Луиза Водрей).

Г-жа Фредерикъ Леметръ.

Г-жа Водрей, ея тетка.

Жоржъ Кавета.

Герцогиня Кростоваль.

Сено.

Инеса Кростоваль, принцесса д'Ариосъ.

Фижакъ.

Фелисите, горничная герцогини Монсорель.

Керсанъ.

Если отъ *Вотрена* останется только одинъ странный сборъ именъ аристократическихъ, перемѣшанныхъ съ именами тривиальными, этого будетъ довольно, чтобъ понять, какую страшную, трудную задачу Бальзакъ вздумалъ вывести на сцену. Эти персонажи должны быть въ жизни такъ отдалены другъ отъ друга, какъ солнце отъ земли, а писатель захотѣлъ вывести на одной доскѣ воровъ, мошенниковъ простодушныхъ и Сенжерменское предмѣстье. Бальзакъ исполнялъ эту мысль смѣло; но надобно спросить, какъ публика приняла это нововведеніе?

Обратимся-же къ историческому первому представленію *Вотрена*, ожидаемому всѣми съ такими разнообразными чувствами.

Главная мечта директора состоитъ въ томъ, чтобъ составить публику въ день перваго представленія, отъ котораго зависить судьба пьесы. Зала, наполненная хорошо или дурно, можетъ или спасти директора или погубить его. Надобно много умѣнья и опытности директору, чтобъ размѣстить публику. Актриса, или актеръ, какъ-бы ни были извѣстны и любимы, не могутъ обойтись безъ поддержки, точно также, какъ авторъ, и вотъ почему самыя лучшія ложи раздаются даромъ, почему сама дирекція платитъ за букеты и вѣнки, за вызовы и аплодисменты. Бальзакъ думалъ, что зала наполнена его друзьями. Онъ не разсчиталъ, что прошло много дней съ-тѣхъ-поръ, какъ билеты были розданы или проданы и что они попали, можетъ-быть, въ третьи руки. Можно смѣло сказать: двѣ трети билетовъ были въ рукахъ враговъ Бальзака, что имъ стоило много хлопотъ и денегъ. Вотъ почему вмѣсто благонамѣренной публики явилась шумная, насмѣшливая толпа, намѣренія которой были ясны. Однако, три первыя дѣйствія прошли спокойно, довольно холодно. Въ публикѣ переглядывались, перешептывались, сговаривались, готовились къ удару, тѣмъ болѣе, что друзья автора не оказывали никакого восторга. Наконецъ, гроза разразилась въ четвертомъ актѣ, когда актеръ Фредерикъ явился въ костюмѣ мексиканскаго генерала съ краснымъ шарфомъ, райскою птицею на шляпѣ и иностраннымъ выговоромъ,

Шумъ покрылъ голоса актеровъ, которые пришли въ замѣшательство и не знали, что имъ дѣлать. Судьба пьесы была еще не безнадежна, потому-что публика перестала-бы кричать; но вдругъ кто-то нашель, что прическа Фредерика дѣлаетъ его похожимъ на одно важное лицо, старшій сынъ котораго былъ въ театрѣ, и съ этой минуты драма погибла совершенно. Литературной интриги было не мало, и къ ней присоединилась еще политика. Напрасно главный актеръ употреблялъ нечеловѣческія усилія, истощалъ весь свой талантъ, чтобъ усмирить толпу, но зала потеряла уже все достоинство, все хладнокровіе. Она превратилась въ волканъ криковъ, насмѣшекъ, брани, угрозъ. Что было тутъ дѣлать рѣдкимъ друзьямъ автора? Сраженіе было потеряно, и надобно было видѣть, съ какою злобною радостію журналы бросились подбирать мертвыхъ, то-есть знаменитое имя автора, высокое, хотя странное его произведеніе, бѣдный театръ, несчастнаго директора, потерявшаго послѣднюю надежду, труппу артистовъ, лишенныхъ мѣста. Между журналами того времени одинъ завладѣлъ правомъ судить безъ аппеляціи все и всѣхъ, какъ онъ дѣлаетъ это и теперь, и мы приведемъ его слова:

(Journal des Debats 16-го марта 1840).

«Мы присутствовали вчера при самомъ печальномъ зрѣлищѣ, и до сихъ-поръ не можемъ опомниться послѣ драмы, гдѣ нѣтъ ни ума, ни слога, ни языка, ни ясности, ни созданія, ни смысла. Не ошиблись-ли мы? Неужели въ-самомъ-дѣлѣ назвали г. Бальзака авторомъ этого варварскаго произведенія! Увы! Не грустно-ли видѣть униженіе таланта, котораго считали однимъ изъ блистательнѣйшихъ нашего вѣка!

«Съ чего начать! Настоящимъ судьею подобной пьесы можетъ быть только начальникъ полиціи, г. Алларъ, потому-что онъ одинъ можетъ понять эту драму. Стало-быть, мы не въ состояніи сдѣлать разбора, потому-что намъ противно трогать эти лохмотья, раны, пороки. Критика со страхомъ убѣжить изъ этого ужаснаго пандемоніума. Она не хочетъ поднести къ губамъ публики стаканъ, взятый изъ кабака и наполненный подмѣшанною водкою.»

Послѣ этого живописнаго вступленія, критикъ начинаетъ разбирать талантъ Бальзака; находить, что онъ создалъ для себя особенный міръ, населенный потерянными женщинами, мошенниками, ворами, развратными сыновьями, преступными отцами, негодяями, нигдѣ несуществующими, людьми невозможными, что всѣ происшествія, описываемыя романистомъ, нигдѣ не могли случиться, что онъ даже изобрѣлъ для себя особенный языкъ, которымъ никто не говоритъ. И за все это Бальзака превозгласили великимъ писателемъ!

«Когда публика съ шумомъ потребовала имени автора, кончаетъ фельетонистъ, мы все еще надѣялись, что услышимъ другое имя какого-нибудь бульварнаго Корнея, пишущаго для Леметра. Но увы! Бѣдный, честный Моэссаръ вышелъ и назвалъ Бальзака. Еще печальная статья, прибавленная къ человѣческимъ заблужденіямъ!»

На другой день знаменитаго представленія, я пошелъ утромъ въ Жарди, куда удалился Бальзакъ, чтобъ отдохнуть отъ волненія, неизбежнаго послѣ подобныхъ паденій. Понятно, что онъ хотѣлъ подышать чистымъ воздухомъ, взглянуть на зелень, цвѣты, которыхъ такъ давно не видалъ. Я нашелъ его довольно спокойнымъ съ виду, только лицо его было красно, руки горячія, и хотя онъ старался говорить просто, но въ словахъ его было много горечи, губы его немного распухли, какъ будто послѣ лихорадочной ночи.

— Любезный другъ! сказалъ онъ, не давая мнѣ времени заговорить: посмотрите у подножія Жарди эту полосу земли. Вы видите.

— Разумѣется вижу.

— Тутъ я хочу скоро устроить молочную въ обширномъ видѣ. Сосѣднія селенія лишены молока, потому что они находятся между Парижемъ и Версалемъ, двумя губками, высасывающими все произведенія. У меня будутъ коровы изъ Рамбулье, которыя славятся своимъ молокомъ. За всѣми расходами я буду получать въ годъ чистыхъ три тысячи франковъ. Что вы скажете?

Я никакъ не ожидалъ подобнаго разговора послѣ вчерашнихъ происшествій, и потому не зналъ, что отвѣчать; но Бальзакъ продолжалъ:

— А дальше этой полосы, вы видите квадратъ земли.

— Вижу, что на немъ ничего нѣтъ.

— Нѣтъ теперь, но послѣ... Послушайте: при Людовикѣ XIV, извѣстный садовникъ Ла-Кентини посадилъ на клочкѣ земли, отгороженномъ отъ Версальскаго парка, плоды самой рѣдкой породы. Они были назначены для стола короля, который пожелалъ, чтобъ наследники его тоже кушали эти плоды. Людовикъ XVI пользовался послѣдній этимъ привилегированнымъ десертомъ; но революція забросила королевскіе огороды, которые пришли въ порядокъ только съ Реставраціею. Луи-Филиппъ продолжаетъ традицію, и плоды Ла-Кентени кушаютъ только при дворѣ. Я хочу распространить употребленіе этихъ рѣдкихъ плодовъ; я досталъ сѣмена растений и посѣю ихъ на этомъ квадратѣ земли. Вѣрнаго дохода съ нихъ я получу три тысячи франковъ.

— Это составитъ шесть, съ молокомъ.

— Это еще не все.

— Что-же еще?

— Посмотрите теперь нальво: тутъ земля прямо подь лучами солнца, какъ въ Малагѣ. Я посажу виноградъ, какъ у васъ на югѣ.

— Да у насъ вино очень дурное.

— Оттого, что тамъ не умѣютъ воздѣлывать виноградники. Я вамъ говорилъ о Малагѣ. Этотъ клочекъ земли сухъ, тепелъ и дастъ мнѣ превосходное вино по три тысячи франковъ бочку. Я не преувеличиваю ничего, но могу въ годъ получить двѣнадцать тысячъ франковъ.

— Три тысячи съ молока, три тысячи съ плодовъ и двѣнадцать, это составитъ восемнадцать.

— Точно такъ. Теперь посмотрите въ эту сторону, гдѣ возвышается великолѣпное орѣховое дерево.

— Я знаю, что это дерево принадлежитъ Севрскому округу. Вы говорили это мнѣ сто разъ.

— Теперь орѣшникъ мой; я его купилъ.

— Боже мой! что вы будете съ нимъ дѣлать?

— Я сдѣлаю изъ него двѣ тысячи франковъ доходу.

— Вы продадите орѣховъ на двѣ тысячи?

— Нѣтъ; я вамъ растолкую это въ другой разъ... Вотъ до чего они меня довели, запретивъ Вотрена. Заставили меня получать двадцать тысячъ франковъ дохода.

— Развѣ Вотрень запрещенъ?

— Читайте.

И Балзакъ показалъ министерское приказаніе, подписанное г. Ремюза и Рава, въ которомъ, безъ всякихъ объясненій, было сказано, что пьеса Балзака запрещена. Писатель между-тѣмъ утѣшался, придумывая проекты, тогда какъ главное его утѣшеніе должно быть въ его талантѣ, который имѣлъ огромное вліяніе на публику и которымъ онъ скорѣе могъ достать двадцать тысячъ франковъ, чѣмъ коровами, виноградомъ, орѣхами.

ШАРЛЬ БЕРНАРЪ. Если талантъ даетъ полное и неоспоримое право на первое мѣсто, какъ въ литературѣ, такъ и во всемъ, въ чемъ только онъ можетъ правиться, то немепѣ искреннее участіе возбуждаютъ преждевременная кончина, когда, по странному стеченію обстоятельствъ, и жизнь, и дѣятельность человѣка являются чѣмъ-то недоконченнымъ, невысказавшимся. Людей съ такою обстановкою любятъ и за то, что они сдѣлали, и за то, чего не сдѣлали, и за то, что они могли-бы сдѣлать; если и сожалѣютъ подь-часъ, что они не оставили по себѣ болѣе живыхъ воспоминаній, болѣе рѣзкихъ впечатлѣній, то обвиняютъ въ этомъ не ихъ, а обстоятельства. Обыкновенно случается, что въ то время, когда общее вниманіе занято

какою-нибудь громкою извѣстностью, когда повсюду слышится имя какой-нибудь современной знаменитости, скромные любимцы славы живутъ и умираютъ въ неизвѣстности, въ тѣни, за сценой всеобщей дѣятельности, и даже не страшатся своей участи, не жалуется на свою судьбу. Повидимому, существованіе ихъ не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ и эти невѣдомые герои прошли незамѣтно по своей стезѣ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, ихъ имя воскресаетъ и звучитъ въ то время, когда закатывается счастливая звѣзда для многихъ. Тоже самое случилось и съ Шарлемъ Бернаромъ.

Но прежде, чѣмъ мы бросимъ взглядъ на его сочиненія и укажемъ на мѣсто, занимаемое имъ между современными романистами, скажемъ нѣсколько словъ объ немъ самомъ и его жизни. Давнымъ-давно твердятъ, что жизнь писателя или артиста вполне высказывается въ его произведеніяхъ; но эта стереотипная фраза, какъ и все подобныя ей, справедлива только вполнину, потому-что не всегда легко узнать жизнь автора изъ его сочиненій, и вѣроятно, для облегченія біографовъ современные писатели такъ щедро надѣляютъ читающій міръ мельчайшими подробностями о своей жизни и повѣряютъ ему самыя сокровенныя тайны своего семейства; для этой-же цѣли, вѣроятно, мы находимъ у нихъ самыя пространныя описанія ихъ дѣтства, привычекъ, образа жизни и разъясненіе таинственной связи ихъ произведеній съ тѣмъ, что они видѣли, дѣлали, слышали, переживали, перестрадали. Шарль Бернаръ принадлежитъ къ числу тѣхъ осторожныхъ и молчаливыхъ личностей, которыя составили себѣ славу тѣмъ, что, никогда не говоря о себѣ ни слова, заставили читателей говорить объ нихъ съ уваженіемъ.

Шарль Бернаръ родился въ Безансонѣ 24 февраля 1804 года, и принадлежитъ къ одной изъ древнихъ дворянскихъ фамилій. Онъ началъ свое литературное поприще, какъ водится, съ поэзіи, съ тѣмъ, чтобы въ-послѣдствіи перейти къ прозѣ и соединить, такимъ-образомъ, мечты юности съ дѣйствительностію зрѣлаго возраста. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ его имя на одномъ изъ конкурсовъ, предложенныхъ тулузскою академіею, въ 1829 году, на которомъ одно изъ его сочиненій, подъ названіемъ *Fête de Negon*, удостоилось преміи. Вскорѣ послѣ іюльской революціи, Шарль Бернаръ, бывшій тогда двадцати шести лѣтъ, бросился въ политическую полемику, конечно менѣе извѣстную, чѣмъ поэзія, но которой предавалась вся тогдашняя молодежь. Онъ принялъ участіе въ *Gazette de Franche-Comté*, въ одной изъ тѣхъ монархическихъ газетъ, которыя нападали на новый порядокъ вещей во Франціи. Счастливый случай указалъ ему его настоящую дорогу. Въ 1831 г. Бальзакъ издалъ *Peau de Chagrin*. До этого времени, несмотря на «Послѣд-

няго Шуана» и отрывки изъ «Сдепъ частной жизни», слава Бальзака была еще очень сомнительна; можно было только предполагать, и то ненавѣрное, что съ этимъ челоувѣкомъ происходитъ утѣшительная перемѣна, тотъ рѣшительный переворотъ, который изъ сочинителя Jane la Pale и Vicaire des Ardennes сдѣлаеть автора Евгени Гранде и Бальзака Клаеса. Написавъ *Peau de Chagrin*, Бальзакъ попалъ на тотъ путь, на которомъ могъ свободно проявиться во всемъ блескѣ его талантъ и который доставилъ ему славу. Сдѣлавъ такой рѣшительный шагъ, Бальзакъ, конечно, читалъ все рецензи на свою книгу, и между прочимъ, одна статья, напечатанная въ *Gazette de Franche-Comté*, въ особенности обратила на себя его вниманіе. Эта статья была Шарля Бернара. Бальзакъ написалъ къ нему письмо, и съ-этихъ-поръ между ними началась переписка, которая кончилась самою искреннею дружбой, скрѣпленной и взаимнымъ сочувствіемъ, и сходствомъ направленій, и однородностью таланта. Въ мартѣ 1832 году появилось собраніе сочиненій Шарля Бернара, подъ общимъ заглавіемъ *Plus deuil que joie* (девизъ фамиліи Бофремонъ). Характеристическими чертами этого собранія были элегическій тонъ, рыцарское направленіе и монархическія идеи.

Бальзакъ заставилъ его принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ *Chronique de Paris*, и Бернаръ дебютировалъ въ этой газетѣ статью *Femme gardée*, которая не имѣла, да впрочемъ и не заслуживала успѣха. Но черезъ нѣсколько недѣль появился, непосредственно одно за другимъ, еще два сочиненія *la Femme de quarante ans* и *un Acte de vertu*, которые навсегда доставили извѣстность автору и упрочили его знаменитость. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бернаръ выступилъ и на драматическое поприще; хорошенькая его пьеса, подъ названіемъ *une Position délicate*, въ это же самое время была дана въ первый разъ на театрѣ *Gymnase*.

Въ послѣднее время такъ часто и такъ некстати употребляли слово *реализмъ*, что даже какъ-то опасно имъ воспользоваться и тамъ, гдѣ нужно, потому-что совершенно искаженъ его настоящій смыслъ. Но тѣмъ неменѣе, если возвратить ему его первоначальное и прямое значеніе, то можно смѣло сказать, что реализмъ въ искусствѣ заключается въ вѣрномъ непреувеличенномъ описаніи дѣйствительнаго, безъ всякихъ поэтическихъ прикраасъ.

Весьма правдоподобно и вѣроятно, что на образъ мыслей Шарля Бернара могъ имѣть и имѣлъ огромное вліяніе Бальзакъ, этотъ свѣтскій писатель, неисчерпаемый источникъ новыхъ идей, великихъ проектовъ, могучихъ мыслей, гигантскихъ плановъ, писатель, обладавшій болѣе геніемъ оригинальности, чѣмъ оригинальнымъ геніемъ; проявившій въ себѣ тотъ замѣчательный и поразительный типъ, котораго мы не

встрѣчаемъ въ другихъ литературахъ, въ періоды ихъ упадка. Въ произведеніяхъ Бернара мѣстами даже весьма замѣтно проглядываетъ бальзаковскій взглядъ на общество, на свѣтъ, на женщинъ, на закулисную жизнь человѣчества, хотя этотъ взглядъ и маскируется, конечно, тономъ разсказа. Но только эти идеи, имѣя почти одинъ общій исходный пунктъ, расходятся въ своемъ развитіи.

Характеры, очерченные Шарлемъ Бернаромъ, такъ живы, естественны и вѣрны, что еслибъ случилось встрѣтить ихъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ какомъ-нибудь другомъ сочиненіи, то они произвели-бы на всѣхъ тоже самое впечатлѣніе, какъ при случайной встрѣчѣ съ человекомъ, котораго видѣли когда-то, давно, потомъ потеряли изъ виду и наконецъ судьба опять столкнула съ нимъ, пробудивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлый рядъ воспоминаній о быломъ, съ полною обстановкою тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ встрѣчались со старымъ знакомымъ.

Весною 1838 года Шарль Бернаръ собралъ и издалъ въ одной книгѣ, подъ заглавіемъ *Noeud gordien*, разсѣянные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ свои повѣсти: *La Femme de quarante ans*, *la Rose jaune*, *un Acte de vertu*, *l'Anneau d'argent*, *le Precurseur*. Въ то-же время, чтобы поддержать и упрочить первый успѣхъ, онъ издалъ новый романъ *Sergaut*, который дѣйствительно, если не самый лучший, то, по крайней-мѣрѣ, самый знаменитый изъ всѣхъ романовъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, *Жерфо* для многихъ казался гениальнымъ произведеніемъ, точно также какъ *Евгенія Гранде* составилъ самый замѣтный листокъ въ вѣнкѣ Бальзака. Иначе и быть не могло: писатель, почти неизвѣстный, вдругъ издаетъ два тома повѣстей, подъ прикрытіемъ романа, для того времени довольно объемистаго, потому-что тогда еще не умѣли печь двадцати-томныхъ романовъ. Послѣ всего этого, конечно, можно было надѣяться и ожидать, что мпльй разскащикъ, если и не напишетъ что-нибудь длиннѣе, то, по-крайней-мѣрѣ, не кончитъ этимъ своего литературнаго поприща.

Потомъ Шарль Бернаръ перешелъ къ другому роду сочиненій, который болѣе соответствовалъ и его таланту и складу его ума; и дѣйствительно, благодаря этой перемѣнѣ, изъ-подъ его пера вышли прекрасные романы или, лучше сказать, настоящія комедіи: *L'Homme serieux*, *Les Ailes d'Icare*, *l'Arbre de science*, *le Pied d'argile*, *le Paratonnerre*, *la Cinquanteaine* и наконецъ *le Gentilhomme campagnard*. Всѣ они были написаны въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности. Въ этихъ произведеніяхъ авторъ высказался вполне, хотя послѣднее его сочиненіе и отличается многословіемъ и растянутостію.

Послѣ этого талантъ Шарля Бернара видимо слабѣетъ, хотя еще

и не исчезаетъ совершенно. Такимъ образомъ, le Pied d'argile, la Peau du lion представляютъ два колкіе эскиза, изъ которыхъ каждый въ своемъ родѣ имѣетъ оттънокъ каррикатуры. Въ этомъ родѣ нашъ авторъ сдѣлалъ еще нѣсколько попытокъ, и, вѣроятно, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, предался-бы ему совершенно. Un Beau-père, написанный въ pendant забавному Gendre, оканчивается мелодраматическою развязкою. L'innocence d'un forçat, наполненный убійствами, тюрьмами, всякаго рода преступленіями и ассизными судами, принадлежитъ также къ этой категоріи произведеній Шарля Бернара и, конечно, занимаетъ очень невидное мѣсто между его сочиненіями, написанными совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Литературная дѣятельность Шарля Бернара прекратилась предъ началомъ политическихъ событій, потому-что болѣзнь, уже давно изнуравшая мало-по малу писателя, заставила его совершенно уединиться; онъ становился съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе молчаливымъ, скрытнымъ, не принимая къ себѣ никого, кромѣ нѣсколькихъ самыхъ близкихъ друзей, которыхъ огорчало его грустное настроеніе; наконецъ и они, опасаясь ему наскучить, принуждены были прекратить свои посѣщенія, но все-таки всегда находились близъ его постели, потому-что Шарль Бернаръ, при всей своей угрюмости и желчности, имѣлъ благородное сердце и умѣлъ надолго привязать къ себѣ близко знавшихъ его лицъ. Такъ прожилъ онъ два года. Наконецъ, 6 марта 1850 года, Шарль Бернаръ умеръ, на сорокъ шестомъ году; наканунѣ смерти его посетилъ Бальзакъ, который не переставалъ быть его другомъ и пережилъ своего собрата-писателя только шестью мѣсяцами. Намъ остается ко всему этому прибавить, что Шарль Бернаръ умеръ съ твердостью и мужествомъ христіанина.

Судя по строгому исполненію всѣхъ прихотей вкуса и моды, можно было-бы предполагать, что Шарль Бернаръ почти каждый вечеръ посѣщаетъ собранія и общества, а между-тѣмъ онъ нигдѣ не бывалъ и его встрѣчали такъ рѣдко, что многіе долго не хотѣли вѣрить, что онъ уже не существуетъ.

Авторъ Жерфо и Крыльевъ Икара подь-часъ ужъ слишкомъ старался быть остроумнымъ, видя въ этомъ вѣрное средство для рѣшительнаго успѣха и надежную защиту отъ всевозможныхъ нападеній; это единственная черта эгоизма, которую онъ придалъ своимъ произведеніямъ.

Тѣмъ неменѣе Шарль Бернаръ останется живымъ изображеніемъ своей эпохи; вѣрнымъ и справедливымъ выраженіемъ того, что могъ думать, наблюдать, чувствовать и сожалѣть мыслящій человекъ, въ періодъ кажущейся тишины и спокойствія Европы, въ періодъ, предше-

ствовавшей событіямъ. Однимъ словомъ, его сочиненія, появившіяся между 1838 и 1847 годами, будутъ читаться, перечитываться и обсуживаться, какъ полные комментаріи жизни общества въ эту бурную эпоху, какъ драгоценный матеріалъ, по которому можно будетъ въ-послѣдствіи возсоздать, подъ легкою и остроумною формою лѣтописца, жизнь французскаго общества въ тотъ моментъ, когда оно уже было заражено всеми постыдными болѣзнями вѣка, но еще не падало до той степени, на которой оно находится теперь. (*Revue de deux mondes*).

Ирландская литература. Извѣстно, какое впечатлѣніе произвели мнимыя поэмы Оссіана: едва не предпочли ирландскаго барда Гомеру. Потомъ, когда узнали, что это поддѣлка Макферсона, то стали пренебрегать ими, и не хотѣли уже вѣрить въ подлинность никакихъ древне-ирландскихъ поэмъ.

Въ наше время начинаются снова серьезныя историческія изысканія, и находятъ, что памятники древнихъ литературъ заслуживаютъ всеобщее уваженіе, изучая чрезъ нихъ разныя эпохи жизни народовъ и національности ихъ. Ирландскіе патріоты и ученые составили *Оссіановское общество*, занимающееся изслѣдованіями всего относящагося до древне-ирландской поэзіи.

Недавно общество это издало книгу, подъ названіемъ: *Битва при Габхрѣ*. Какъ далека эта поэма отъ тѣхъ, которыя мы привыкли звать Оссіановскими. Даже имена совсѣмъ другія. Настоящее имя Оссіана обозначено *Оисинъ*. Битва при Теморѣ, бывшая источникомъ столькихъ балладъ, названа здѣсь битвою при *Габхрѣ*.

Длиннѣйшая и замѣчательнѣйшая поэма составляетъ разговоръ между Оисиномъ и Патрикѣмъ, который обратилъ ирландцевъ въ христіанство.

Одна изъ древнѣйшихъ поэмъ взята изъ the book of Leinster, которой манускриптъ хранится въ Trinity College, въ Дублинѣ, и восходитъ до XII вѣка.

Изъ этихъ поэмъ видно восточное происхожденіе Кельтовъ. Описаніе ихъ рая доказываетъ ихъ вѣру въ переселеніе душъ. Рай ихъ называется *Тиръ-на н'Огъ* (то-есть: жизнь вѣчной юности). Онъ описывается въ одной поэмѣ Оисина слѣдующимъ образомъ.

Тиръ-на н'Огъ прелестенъ—лучше всѣхъ земныхъ странъ; плодороденъ, какъ некоторый край подъ солнцемъ.

Деревья сгибаются подъ тяжестью цвѣтовъ и плодовъ;

И терновникъ одѣтъ зеленымъ листомъ.

Вино и медъ текутъ тамъ въ изобиліи;
И все, что радуеть сердце человѣка.

Тамъ болѣзни не касаются вашего тѣла;
Смерть и разрушеніе тамъ неизвѣстны.

Игры, напитки и веселія трапезы тамъ непрерывны;
Очаровательные звуки арфы тамъ непрерывны,
Золото и серебро плѣняютъ повсюду взоръ вашъ;
Драгоценные камни подъ руками у васъ.

Одѣвайтесь въ великолѣпныя кольчуги;
Любуйтесь прекрасными мечами съ золотою рукоятью.
Этотъ мечъ неизбежно поражаетъ того, противъ кого направленъ.
И до кого коснется острее его.

Сотни юныхъ дѣвицъ будутъ услуживать вамъ, —
Любезныхъ и прелестныхъ, какъ лучи солнца;
Стройны ростомъ, восхитительны скромностію,
Въ блестящей одеждѣ и разукрашены; —
И все это въ *Тиръ-на-н'Оувъ*, если вы туда попадете.

Ученіе о переселеніи душъ видно изъ упомянутаго разговора Ойсина съ Патрикіемъ. Самый разговоръ конечно писанъ гораздо позже Ойсина, потому что Патрикій прибылъ въ Ирландію сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ него. Но тутъ другой бардъ подъ тѣмъ-же именемъ выдаетъ себя Патрикію за того же Ойсина, жившаго за два вѣка, котораго душа перешла въ него.

Еще любопытнѣе другая исторія о метемпсихозѣ Туана-Макъ-Копріоли, который рассказываетъ допотопное существованіе Ирландіи, гдѣ онъ тогда ожилъ. По смерти духъ его перешелъ на триста лѣтъ въ оленя, далѣе на триста лѣтъ въ вепря, на триста лѣтъ въ орла и на триста въ сома. Въ послѣднемъ видѣ былъ онъ пойманъ рыбакомъ.

(Mag. für die Litt).

ЗАПИСКИ ГРАФА РЕДЕРЕРА. — Известный французскій государственный человѣкъ, графъ Редереръ родился въ Мецѣ 1754, а умеръ въ 1835. Онъ оставилъ по себѣ Записки, которыя теперь издаетъ сынъ его, баронъ Редереръ. Заимствуемъ изъ отрывка, приведеннаго въ *Novellen-Zeitung*, слѣдующій разговоръ, который графъ имѣлъ 11 февраля 1809 года съ Наполеономъ, въ Тюльерійскомъ-дворцѣ.

Наполеонъ. Писаль къ вамъ испанскій король Иосифъ?

Графъ Редереръ. Нѣтъ, ваше величество.

Наполеонъ. Кажется, онъ имѣетъ къ вамъ большую довѣренность; онъ бы желалъ васъ имѣть при себѣ.

Графъ. Я нахожусь въ службѣ вашего величества.

Наполеонъ. Это совершенно отъ васъ зависитъ. Подумайте и скажите мнѣ. Здѣсь вамъ нѣтъ большихъ занятій. У него теперь дурной министръ финансовъ; можетъ-быть, онъ хочетъ ввѣрить вамъ это министерство *.

Графъ. Ваше величество, я состарѣлся. Впрочемъ, король удостоилъ меня письмомъ изъ Байоны, въ которомъ пишетъ мнѣ, что я не могу быть министромъ въ Испаніи.

Наполеонъ. Съ-тѣхъ-поръ дѣла перемѣнились. Я завоевалъ Испанію. Объ уступкахъ, сдѣланныхъ до завоеванія, не можетъ быть и рѣчи. Вся Испанія должна быть французскою, и правительство ея тоже. У Кабарруса сумазбродные планы. Королю нуженъ человекъ способный и французъ. Вы родились въ Мецѣ, и у васъ, какъ кажется, нѣтъ охоты сдѣлаться испанцемъ.

Графъ. Нѣтъ, ваше величество. Я французъ, и всѣ окружающіе короля тоже французы.

Наполеонъ. Но я недоволенъ королемъ. Его способъ мыслей мнѣ не нравится. Журданъ увѣряетъ его, что онъ полководецъ. Мнѣ онъ сказалъ, что военное искусство ничто иное, какъ шарлатанство; онъ надѣлъ красную кокарду. Онъ невѣжа, котораго ни къ чему нельзя употребить. Около него все приверженцы Англій, подкупленные ея золотомъ.

Графъ. Я никогда не присутствовалъ при разговорѣ короля съ маршаломъ Журданомъ; но я знаю отъ приближенныхъ къ нему людей, которые думаютъ и даже говорятъ королю, что онъ не долженъ искать лавровъ полководца. Это говорилъ ему генералъ Салиныи и Матьё.

Наполеонъ. Зато онъ обоихъ ихъ ненавидитъ.

Графъ. И Жирарденъ былъ того-же мнѣнія.

Наполеонъ. Такъ онъ ненавидитъ и Жирардена! Король не рожденъ для войны. Онъ не имѣетъ даже потребнаго къ этому здоровья. Я солдатъ и получилъ отъ рожденія всѣ качества солдата; это мое существованіе, моя привычка съ малолѣтства. Вездѣ, гдѣ я былъ, я командовалъ. На двадцать третьемъ году командовалъ я при завоеваніи

* Редереръ былъ въ Неаполѣ, у короля Иосифа, министромъ финансовъ, и возстановилъ общественный кредитъ.

Тулона. Въ Парижѣ командовать я въ день Вадемъера. Въ Итаіи увлекалъ я солдатъ вездѣ, гдѣ ни являлся. Я къ этому рожденъ. Вы должны убѣдить Юсифа, что онъ не солдатъ, онъ рожденъ быть королемъ. Пусть-же его и будетъ! Онъ вамъ вѣрить. Вы должны подсластить ему слова, и вы его увѣрите. Журданъ обманываетъ его.

Графъ. Журданъ, можетъ-быть, говоритъ это для того, чтобъ самому командовать. Этимъ онъ полагаетъ устранить совмѣстниковъ. Но я не видѣлъ никогда ничего, что бы доказывало въ немъ дурныя намѣренія.

Наполеонъ. Онъ неспособенъ къ командованію.

Графъ. По-крайней-мѣрѣ, онъ не былъ счастливъ; и если выбирать генераловъ, какъ врачей, то надобно желать, чтобъ они по-крайней-мѣрѣ были счастливы.

Наполеонъ. Король думаетъ, что можно сдѣлаться полководцемъ, когда кому вздумается. Онъ всегда говоритъ о шарлатанствѣ командованія. Конечно, есть и это въ командованіи; но нужно и дарованіе, котораго нѣтъ у короля: вѣрный взглядъ, быстрая рѣшимость. У короля обширный умъ; но онъ очень нерѣшителенъ. У него больше мужества, нежели нужно, чтобъ умереть, но не унизиться. Большое дѣло умереть! Надобно спасти и себя и другихъ. У *Корвизара* есть также шарлатанство, но у него есть познанія и дарованіе. Не выше-ли же его *Корвизаръ*? Мюратъ смѣлъ, блистателенъ, онъ всю жизнь воевалъ: Мюратъ герой. Но король не знаетъ и начальныхъ правилъ военнаго дѣла. Онъ не понимаетъ даже топографической съемки. Корда я прибылъ въ Испанію, онъ далъ себя отѣснить къ *Витторіи*. Еслибъ онъ умѣлъ маневрировать, то не потребовалъ бы помощи ни отъ меня, ни отъ другаго кого.—Онъ бѣжалъ изъ *Мадрита* съ такою поспѣшностію. Онъ могъ тамъ оставаться и защищаться. По-крайней-мѣрѣ не долженъ былъ онъ оставлять тамъ больныхъ. Когда я отступалъ отъ *Сенъ-Жанъ д'Акра*, то размѣстилъ больныхъ на своихъ лошадяхъ. Генералы сдѣлали тоже. Мы шли цѣшкомъ, а солдаты ѣхали на нашихъ лошадяхъ. Въ *Мадритѣ* надобно было согнать всѣ *фіакры* и отправить съ ними больныхъ. Король этого не понимаетъ; я одинъ знаю свое положеніе. Планъ всегда у меня въ головѣ. У меня нѣтъ памяти, чтобъ выучить хоть одинъ *александрійскій стихъ*, но въ подробностяхъ своего плана ничего я не забываю; я помню гдѣ стоитъ каждый отрядъ войска. Я люблю трагедію, но пусть положить мнѣ съ одной стороны всѣ въ свѣтѣ трагедіи, а съ другой ситуационный планъ войска, я все брошу и займусь войсками; я

и спать не могу, не просмотрѣвъ ежедневно расположенія всѣхъ моихъ войскъ*.

Графъ. Я думаю, что нужно не только много врожденнаго дарованія, но и науки, чтобъ быть хорошимъ генераломъ; быстрота взгляда и рѣшимость означаютъ только необыкновенную ихъ привычку, подтверждаемую нужными свѣдѣніями. Но, государь, испанская армія тоже *ваша* армія.

Наполеонъ. Точно такъ, и я обязанъ поддержать ее. Я обязанъ это сдѣлать для самой Франціи, ввѣрившей мнѣ своихъ дѣтей. Черезъ два мѣсяца, когда я принужу Австрію положить оружіе, отправлюсь я въ Испанію, если это будетъ нужно. Черезъ пять дней я буду тамъ. Король не долженъ и думать о военныхъ позиціяхъ въ Андалузій. Я не допущу его подвергать опасности мою армію. Нельзя, чтобъ одинъ командовалъ, а другой за все отвѣчалъ. Когда я командую, то удваиваю силы моихъ войскъ; когда *онъ* беретъ за это, то вполнину убавляетъ эти силы; когда я приказываю, то мнѣ повинуются, потому что на мнѣ лежитъ вся отвѣтственность. Можетъ-быть дурно, что я самъ долженъ командовать войскомъ, но это уже принадлежность моего существованія. Короли владѣтели не должны-бы были командовать войсками. Я это дѣлаю по исключенію. Это моя судьба, но вовсе не его.

Графъ. И однакоже ваши побѣды заставляютъ многихъ подражать вамъ.

Наполеонъ. Когда король Іосифъ командуетъ, то солдатъ чувствуетъ, что у него нѣтъ начальника. Армія всегда знаетъ, кого хвалить и осуждать; она говоритъ о немъ только: «Мы любимъ его, потому, что онъ добръ и братъ нашего императора». Кто король, а не полководецъ, тотъ долженъ давать дѣйствовать генераламъ. Іосифъ думаетъ быть генераломъ... Впрочемъ, онъ совершенно измѣнился; онъ потерялъ голову. Я знаю, что онъ мнѣ преданъ и однакоже онъ не можетъ простить мнѣ, когда я высказываю всю правду. Я ему сказалъ, что онъ не солдатъ; я ему доказалъ это; онъ принужденъ былъ согласиться; но въ глубинѣ души онъ оскорбленъ и сердится за мои слова. Журданъ даетъ ему дурные совѣты. Онъ подстрекаетъ въ немъ самолюбіе. Они хотятъ вдвоемъ занять Андалузію, а я не позволяю. Въ Неаполѣ далъ я ему двадцать тысячъ человѣкъ и позволилъ ему дѣйствовать какъ угодно, но въ Испаніи дѣло идетъ объ участіи трехсотъ-тысячной арміи. Я не хочу ею жертвовать и подвергать ее опасности. Андалузская линія слишкомъ раздѣлитъ наши силы. Онъ не понимаетъ, что совѣсть будетъ упре-

* Во-время разговора былъ 4-й часъ ночи.

катъ его за тысячи, которыя падуть отъ ошибки его. Тамъ, гдѣ необходимость войны требуетъ двухъ тысячъ жертвъ, онъ принесетъ ихъ десять тысячъ. Я и безъ того принялъ на свою отвѣтственность всю дурную сторону испанской войны, которая никому не нравится, а Иосифу предоставилъ удовольствіе королевства. Пусть онъ будетъ кротокъ и милосердъ; можно быть довольнымъ этою судьбою. Но несмотря на его умъ, въ немъ много глупости. Ему не нравится, что я мѣшаюсь въ управленіе Испаніи. Ему все хочется самому дѣйствовать. Онъ не чувствуетъ, что быть первымъ послѣ меня изрядная роль.

Графъ. Военная слава вашего величества обольстила всѣ умы. Всѣмъ хочется подражать, и король думаетъ, что народъ его больше полюбитъ, если онъ пріобрѣтетъ славу на поляхъ битвы.

Наполеонъ. Любовь испанцевъ! Это мечта! Чтобъ достигнуть до нее, онъ хочетъ сдѣлаться испанцемъ, и я его опять за это брашу. Онъ не любитъ около себя французовъ. Онъ недавно размѣстилъ по полкамъ двѣнадцать тысячъ плѣнныхъ испанцевъ. Это слишкомъ рано. Всѣ они дезертируютъ и усиливаютъ армію бунтовщиковъ. У Иосифа все испанскіе министры. Я уважаю Аранза. Масаредо незначущій человекъ. Кабаррусъ—сумасшедшій. Журданъ надѣлъ красную кокарду. Все это глупости и ошибки. Король долженъ быть французомъ. Испанія должна сдѣлаться французскою. Я завоевалъ Испанію для Франціи, ея кровію, ея арміями, ея деньгами. Я французъ всѣми моими чувствами,—и это мой долгъ. Всѣ члены моего семейства должны быть французами. Когда въ прошедшую зиму Луціанъ заговорилъ со мною въ Мантуѣ какъ иностранецъ, я прервалъ всѣ сношенія съ нимъ. Я завоевалъ Испанію для того, чтобъ она сдѣлалась французскою державою. Ей не нужно новаго Филиппа V.

Графъ. Мнѣ кажется, ваше величество, что король сохранилъ въ Испаніи тѣ-же мысли, какія онъ имѣлъ въ Неаполѣ. Тамъ онъ почиталъ свое королевство частью французской имперіи. И тогда онъ отзывался всегда съ васъ съ восторгомъ и похвалою; а если вы дѣлали ему какія замѣчанія, онъ всегда говорилъ: «Императоръ правъ!»

Наполеонъ. Да, въ Неаполѣ шли дѣла лучше. Но здѣсь снѣ вообразилъ себя преемникомъ Карла V. Онъ предавался грандамъ и женщинамъ, осыпалъ ихъ подарками. Можетъ, быть въ Испаніи такъ и надобно, но здѣсь у меня этого нѣтъ. Я принялъ ко двору нѣсколько людей прежней династіи, но никогда не разговариваю съ ними, не люблю ихъ и вижу, что они ни къ чему неспособны. Я вижу ихъ иногда у императрицы. Раскаиваюсь въ одной ошибкѣ своего управленія и всякій день чувствую дурныя ея послѣдствія, зачѣмъ я отдалъ эмигрантамъ

ихъ имущества? Я бы долженъ былъ присоединить ихъ къ государственнымъ имуществамъ, а эмигрантамъ давать не болѣе шести тысячъ франковъ въ годъ. Теперь вижу, что у нихъ слишкомъ много денегъ. Въ Испаніи я уже сдѣлалъ это, что прекратило феодализмъ и инквизицію. Я конфисковалъ имѣнія бунтовщиковъ и велѣлъ управлять ими казнѣ. Король не хотѣлъ этого, но я не послушался. У меня нѣтъ другой страсти, кромѣ Франціи. Она мнѣ всею жертвуетъ, и кровью, и сокровищами. Братья мои тоже должны дѣйствовать, какъ я. Если я современемъ вздумаю присоединить къ Франціи нѣкоторыя испанскія провинціи, то исполню эту мысль. О цѣлости ея не заключу я никакихъ договоровъ. Я правитель Испаніи, а кого я вмѣсто себя назначу: короля, намѣстника, генераль-губернатора—это все равно.

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Уличные спектакли въ Парижѣ. Посреди парижской цивилизаціи живетъ племя дикихъ, съ такими странными нравами, обычаями и костюмами, что привели-бы въ удивленіе путешественниковъ, еслибы дикари эти скрывались въ какой-нибудь дальней странѣ, а не показывали себя за два су въ Парижѣ. Жизнь этихъ людей безконечный маскарадъ; костюмы ихъ самые разнообразныя, только подобныхъ не увидишь ни въ одномъ модномъ журналѣ; языкъ ихъ тоже не подходитъ ни къ одной извѣстной граматикѣ. Точно также занятія ихъ и пища не имѣютъ сходства ни съ однимъ классомъ общества.

Одни проводятъ всю свою жизнь прыгая на натянутой веревкѣ, и иногда, для удобства, подковываютъ себѣ башмаки желѣзомъ и вдѣваютъ ноги въ небольшія корзинки.

Другіе дружатся съ хищными звѣрями, играютъ съ львами, тиграми, пантерами, и для потѣхи публики вынимаютъ изъ пасти звѣря добычу, которую тотъ съѣлъ вполонину. Страшная забава!

Нѣкоторые изъ нихъ питаются камнями, глотаютъ сабли, зажженную пеньку или сырую говядину.

Есть такіе, которые играютъ гириями какъ мячиками, или дѣлаютъ фокусы, бросая вверхъ кинжалы, смотря потому, чего у нихъ больше, ловкости или силы.

Встрѣчаются также люди, у которыхъ, кажется, все кости переломаны, потому-что они могутъ согнуться кольцомъ въ какую угодно сторону, сложиться такъ ловко, что улягутся въ небольшую корзинку,

ходятъ на рукахъ, на локтяхъ, на колѣнкахъ, на животѣ, на плечахъ, только не на ногахъ.

Женщины, принадлежащія къ этому племени, раздѣляютъ живописную жизнь мужчинъ и нечеловѣческіе ихъ труды. Покуда онѣ еще молоды, то занимаютъ видное мѣсто на всѣхъ представленіяхъ, носятъ полинялыя платья, вышитыя блестками, вырѣзанныя сверху до-нельзя и обрѣзанныя снизу, на сколько это позволяетъ полиція. На нихъ навѣшаны всевозможныя бусы, на головѣ воткнуты цвѣты и перья.

Когда-же лѣта, солнце и усталость покроятъ лицо морщинами, жены этихъ дикихъ закутываются въ какія-то лохмотья, отказываются отъ каната и другихъ представленій, и берутъ на себя скромную обязанность касира, требуя за входъ по два су.

Это ювайское племя старой Европы живетъ въ палаткахъ и кочуетъ въ нихъ, съ помощію двухъ лошадиныхъ скелетовъ, изъ одной деревни въ другую. Въ этихъ узкихъ повозкахъ проходитъ ихъ частная жизнь. Тутъ они стоятъ, ѣдятъ, готовятъ себѣ кушанье, шьютъ костюмы, рождаются, умираютъ.

Въ образованномъ обществѣ на этомъ пространствѣ не нашли-бы мѣста, гдѣ поставить колыбель, но юваи неприхотливы и проводятъ всю свою жизнь между нѣсколькихъ досокъ.

Представленія они даютъ всегда въ палаткахъ, имѣющихъ видъ театра. Внутри поставлены лавки для публики и устроена сцена, гдѣ играютъ разные фарсы.

Снаружи дикіе украшаютъ свой театръ великолѣпно, чтобъ привлечь публику. На огромныхъ вывѣскахъ изображены разныя чудеса, почитаемыя невозможными и которыя вы можете увидѣть за самую ничтожную цѣну. Надъ этими вывѣсками работаетъ тоже особенное племя, посвятившее себя этому роду живописи.

Разсмотримъ, какія тайны скрываются въ палаткахъ въ день праздника или ярмарки.

Вотъ театральныя представленія, гдѣ актеры изображаютъ знаменитыя лица старыхъ и новыхъ временъ. Тутъ есть Александръ Македонскій и королева Викторія, Марія Стюартъ и султанъ; но чаще всего даются современные сюжеты, напримѣръ, какъ одна французская маркизантка побѣждаетъ цѣлый полкъ непріятелей и беретъ ихъ въ плѣнъ.

Для разнообразія играютъ также извѣстныя драмы.

Тутъ показываютъ челоуѣка-скелета, до того худого, что онъ кажется прозрачнымъ, и, для противоположности, такую толстую женщину, что она похожа на шаръ, готовый лопнуть, стоящій на двухъ чудовищныхъ ногахъ.

Тигръ, чрезвычайно похожій на живаго, бросается на путешественника, но его убиваетъ зуавъ, вѣроятно знаменитый Жераръ.

Далѣе, акробаты танцуютъ и кривляются на канатѣ, женщины стараются дѣлать на проволоку тѣ же па, какія Эльслеръ и Черито дѣлаютъ на доскахъ; геркулесы поднимаютъ человѣческія пирамиды, ученые лошади выдерживаютъ экзаменъ въ ариметикѣ, и пр.

Но вотъ паяцы выходятъ на эстраду, чтобъ потѣшать народъ своими шутками, и вся публика, составленная изъ зѣвакъ, солдатъ, горничныхъ, гаменовъ, бросается въ ту сторону.

Эта забава принадлежитъ къ самымъ первобытнымъ, но до-сихъ-поръ осталась народною, и имѣетъ свои знаменитыя имена. Кто не помнитъ: Брише, Бобеша, Галимафре, великихъ артистовъ, наслѣдниковъ Готье, Гаргиля, Гро, Гильома и Тюрлюпена. Имена ихъ живутъ въ благодарной памяти народа, который не забываетъ забавниковъ.

Бобешъ былъ герой въ своемъ родѣ, неподражаемый шутникъ, и Тампльскій-бульваръ долго не забудетъ его остроумныхъ импровизаций. Приведемъ въ примѣръ одинъ разговоръ, разыгранный Бобешемъ и его товарищемъ самымъ комическимъ образомъ и забытый всѣми, хотя въ немъ виднѣнъ талантъ, достойный Мольера.

— Бобешъ, говорилъ ему хозяинъ въ одномъ изъ импровизованныхъ фарсовъ: не получалъ ли ты извѣстій о твоей сестрѣ?

— Не говорите о ней, хозяинъ: она забыла о братѣ, бросила тѣнь на мое имя, я не хочу ее знать, отвѣчалъ мрачно паяцъ.

— А я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она пишетъ, что живетъ очень хорошо и думаетъ о тебѣ, какъ о своемъ наслѣдникѣ.

— Ахъ, милая сестра! Я всегда любилъ ее и говорилъ, что она принесетъ честь нашему семейству.

— Только если она скоро нажилась, то проживется еще скорѣе. Ты знаешь пословицу: что взято отъ флейты, перейдетъ къ барабану.

— Вы правы, хозяинъ! эти женщины не думаютъ ни о чемъ, кромѣ своихъ удовольствій. У нихъ нѣтъ никакой совѣсти. Я краснѣю, что имѣю такую сестру.

— Не отчаявайся, любезный Бобешъ. Кажется, она отложила для тебя десять тысячъ франковъ.

— Неужели! хозяинъ, дайте мнѣ отпускъ, чтобъ я могъ лично поблагодарить мою добрую сестру; я съ ней такъ давно не видался; она меня такъ любитъ, дайте мнѣ прижать ее къ сердцу.

— Да вотъ на другой страницѣ письма она пишетъ, что къ ней забрались воры и украли всѣ ея деньги.

— О, мошенники! Да и она хороша! Вѣрно сговорилась съ ними,

чтобъ обобратъ меня. Пустите меня къ ней, хозяинъ, я накажу ее своими руками, чтобъ не умереть со стыда.

— Пстой! Къ счастью, воры были пойманы, прежде чѣмъ спрятали украденныя деньги.

— Ахъ, какъ я радъ. Бѣдная сестра, я думаю, такъ перепугалась. Надобно успокоить ее.

— Только судьи задержали всю сумму, и неизвѣстно когда отдадутъ ее. Воры не признаются и процессъ будетъ продолжителенъ.

— Въ такомъ случаѣ, хозяинъ, я подожду рѣшенія суда, чтобы объявить мое мнѣнiе о сестрѣ.

Надобно вообразить себѣ живость, комизмъ, измѣненiе голоса и физиономiю Бобеша при каждомъ отвѣтѣ, и тогда понятно будетъ, отчего толпа окружала всегда его подмостки.

Галимафре, послѣднiй знаменитый паяцъ, былъ тоже очень остроумецъ, только шутки его были иногда слишкомъ грубы и неприличны, даже для уличныхъ представлений. Однако онъ имѣлъ тоже много успѣха.

— Хозяинъ, сказалъ онъ однажды: я видѣлъ вчера вашъ бюстъ. Какъ похожъ, просто прелесть.

— Гдѣ же ты видѣлъ мой бюстъ?

— Отгадайте.

— У скульптора?

— Нѣтъ.

— У статуйшаго мастера?

— Нѣтъ.

— Такъ гдѣ же, говори?

— Да, я хозяинъ, видѣлъ его... у колбасника.

Надобно вообразить себѣ хохоть толпы. Со смерти этихъ двухъ великихъ паяцовъ, искусство потѣшать публику пришло въ упадокъ. Теперь видны только тѣни паяцовъ.

Современные паяцы не стараются даже забавлять публику шутками. Они находятъ это невыгоднымъ и утомительнымъ и берегутъ свои силы и остроумiе для избранныхъ носѣтителей, которые приходятъ въ ихъ театръ, заплатя за входъ. Этотъ сборъ вѣрнѣе. Но зато публика теряетъ очень много, потому-что вмѣсто остроумныхъ разговоровъ и забавныхъ фарсовъ ее оглушаютъ трубами и барабанами, и потомъ покажутъ геркулесовъ, какихъ-то жалкихъ баядерокъ, вѣчно одни и тѣ же фокусы, потомъ опять загремятъ литавры, посыплются желѣзные листы въ видѣ грома, затрещитъ фейерверкъ, словомъ дѣлается такой шумъ, что въ эту минуту не слышать будетъ выстрѣловъ пушекъ съ инвалиднаго дома,

такъ что если кто хочетъ сказать слово сосѣду, то долженъ кричать въ рупоръ. Вотъ въ чемъ находятъ нынче удовольствіе.

Однако, есть шалаши, въ которыхъ дѣло обходится безъ грома и треска, потому-что оркестры и фейерверки иногда не окупаются. Вотъ скромная палатка *Дѣвицы Элизы*, съ портретомъ хозяйки, вмѣсто вывѣски. Эта дѣвица Элиза самый рѣдкій феноменъ изъ всѣхъ феноменовъ живыхъ, сохраняемыхъ въ спиртѣ или набитыхъ соломою. Она имѣетъ почти сферическую форму. Вышина ея одинъ метръ сорокъ сантиметровъ, поясъ имѣетъ три метра окружности. Тяжесть ея неимовѣрна.

Я вошелъ въ шалашъ одинъ, потому-что публика бѣжитъ на шумъ, а бѣдная Элиза не позаботилась заготовить ни какимъ инструментомъ, чтобъ привлечь посѣтителей. Внутренность театра была обита краснымъ, амфитеатръ состоялъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ скамеекъ, сцена была слабо освѣщена. Черезъ двѣ минуты вышелъ изъ-за кулисъ маленькій человѣчекъ, худой, блѣдный, весь въ черномъ и сказалъ, кланяясь пустымъ лавкамъ:

— Господа (я былъ одинъ) дѣвица Элиза!

Въ ту-же минуту послышался кашель, и феноменъ вышелъ на сцену. Въ-самомъ-дѣлѣ, трудно вообразить, чтобъ такая громадная женщина могла существовать. Кажется, что эта масса составлена изъ подушекъ, къ которымъ придѣлана голова, съ глухими фаянсовыми глазами, прикрѣплены огромныя руки и ноги. Но сомнѣваться нельзя: феноменъ заговорилъ, а до-сихъ-поръ не могли еще придумать кукль говорящихъ, ни въ какихъ размѣрахъ. Ихъ приготовляетъ одна природа.

— Меня зовутъ Элиза, говоритъ феноменъ, мнѣ двадцать три года, во мнѣ вѣсу двѣсти пятьдесятъ семь килограммъ. Съ шестнадцати лѣтъ я перестала расти. Природа дала мнѣ силу, но отказала въ легкости. Я питаюсь обыкновенно кофеемъ и овощами.

Я сидѣлъ неподвижно на моей скамейкѣ, прислушиваясь къ тонкому голосу чудовища, и думая, что за десять сантимовъ видѣлъ довольно, вышелъ изъ балагана.

— Гекторъ! закричала Элиза, и худенькій товарищъ увелъ ее за кулисы.

Маріонетки тоже отжили свою славу, однако продолжаютъ еще слѣдить за современною исторіею. Теперь почти всѣ куклы наряжены въ военные костюмы и каждый день берутъ приступомъ какую-нибудь крѣпость.

Патріотизмъ совершенно изгналъ древнія мистеріи, которыми восхищались наши дѣды. Теперь уже трудно встрѣтить представленія изъ древнихъ преданій или рыцарскихъ временъ, и всѣхъ бывшихъ Же-

невѣвъ нарядили въ форму зуавовъ. Недавно я видѣлъ представле-
ніе, даваемое этою деревянною труппою, въ которомъ мистеріи перемѣ-
шаны съ современными происшествіями. Послѣ мистическихъ легендъ,
представили смерть парижскаго архіепископа на барикадѣ; потомъ явил-
ся судъ, потомъ похороны, такъ что до смысла невозможно было до-
браться. О Жаненъ, Готье, Сенъ-Викторъ! зачѣмъ вы не смотрѣли
на представленіе этихъ маріонетокъ, вы-бы нашли чѣмъ наполнить ваши
фельетоны.

Но образцомъ безсмысленности можетъ похвастаться исторія прекрас-
ной Гедвиги, которюю еще играютъ и теперь. Просто удивительно! Кто
это можетъ составить такую пошлую чепуху. Драма называется Тор-
жество добродѣтели:

Прекрасную Гедвигу, принцессу богемскую, похитили сарацинскіе
пираты, вѣроятно пріѣхавшіе въ гавань, открытую въ Богеміи Шекспи-
ромъ. Гедвига какимъ-то образомъ дѣлается царицею Абиссиніи и не-
извѣстныхъ королевствъ Бабаланго и Калибассано, лежащихъ гдѣ-то
между тропиками Рака и Козерога.

Въ этой странѣ вѣчная весна, улицы вымощены золотомъ, ручки
серебряныя, словомъ, декораторъ не пожалѣлъ золотой и серебряной бу-
маги. Вдругъ выходитъ паладинъ Ожье Нормандскій и начинаетъ спо-
рить съ Абульфардиномъ о невинности принцессы. Споръ кончается
дракой, и храбрый Ожье разрубаетъ соперника по-поламъ, къ величай-
шему удовольствію публики. Тогда выходитъ калифъ, одѣтый весь въ
золото и говорить.

— Рыцарь, ты славно дерешься; что ты хочешь въ награду за
твою храбрость:

— Дочь твою, прекрасную Карпалину.

— Дерзкій! какъ ты смѣешь надѣяться, что я отдамъ тебѣ дочь.
Стражи, схватите его и бросьте моимъ лвамъ на съѣденіе.

Но Ожье нѣтакъ глупъ, чтобъ позволить себя скушать. Онъ де-
рется одинъ съ мамелюками калифа, убиваетъ ихъ всѣхъ и похищаетъ
прекрасную Карпалину.

Кажется, тутъ бы и конецъ, хотя Гедвиги никто не видалъ, кромѣ
какъ на афишѣ; но неизвѣстному драматургу показалось это очень просто,
и онъ вывелъ новыхъ персонажей, перепуталъ дѣйствіе, перенесъ ка-
лифа на берега Скамандра, рыцаря Баярда въ Сиракузы, убилъ безъ
всякой надобности принцессу Карпалину, потомъ представилъ бракъ
Гонзальва Кордуанскаго съ принцессою Клевскою, и преступленіе вели-
кана Карадона, который хочетъ овладѣть принцессою.

И это еще не все; въ концѣ пьесы является Наполеонъ съ вели-

кою армією и одерживаетъ побѣду при Аустерлицѣ, съ помощію своихъ маршаловъ Тюрени и Карла Великаго.

И все это называется *Принцессою Гедвигію и торжествомъ добродѣтели*, тогда какъ въ пьесѣ нѣтъ ни Гедвиги, ни добродѣтели; но за двадцать сантимовъ (съ дѣтей и французскихъ солдатовъ половину) кажется довольно и этой чепухи.

Надобно признаться, что деревянные актеры знаютъ свои роли всегда лучше, чѣмъ живые артисты, и игра ихъ всегда одинакова; только такъ какъ одни и тѣ-же персонажи играютъ въ разныхъ пьесахъ, то иногда костюмы не совсѣмъ соотвѣтствуютъ мѣсту и времени.

Напримѣръ, въ одной пьесѣ я видѣлъ персонажъ, который долженъ быть одѣтъ островитяниномъ — въ длинной одеждѣ, и несмотря на достаточность этого костюма, онъ былъ еще увѣшанъ виноградными листьями, что было совершенно бесполезно.

На другой день только я понялъ этотъ маскарадъ, потому-что играли другую пьесу изъ среднихъ вѣковъ, и въ роли явился вчерашній островитянинъ, только безъ виноградныхъ листьевъ.

Но публика, восхищающаяся маріонетками, не видитъ этихъ недостатковъ: толпа дѣтей, нянекъ, солдатъ, рекрутовъ, добрыхъ старичковъ смотритъ на всѣ несообразности съ вниманіемъ, и ей въ голову не приходитъ критиковать пьесу или деревянныхъ актеровъ.

Были серьезные и умные люди, которые предпочитали маріонетокъ нашимъ великимъ артистамъ. У всякаго свой вкусъ!

Но вотъ другое представленіе. Слушайте, что кричитъ челоѣкъ, одѣтый колдуномъ, передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ стоятъ двѣ куклы и жестяной цилиндръ съ маленькимъ отверстіемъ вверху:

— Господа, Госпожи! Ступайте слушать предсказаніе за два су. Это лягушка предсказательница, въ которой заключается душа волшебника Мерлена, и которая осуждена жить тысячу лѣтъ въ болотѣ. Пожалуйте, я вамъ покажу лягушку! Я отгадаю и прошедшее и будущее!

Вы, разумѣется, слышали о некромантіи, хиромантіи, ономантіи, алектромантіи, онеиромантіи, столоманіи, картоманіи и букоманіи; но нѣтъ никакого Альберта Великаго или малаго, и даже въ книгахъ тайны и толкователѣ сновъ, вы не найдете батракомантіи. По этому, увлеченные любопытствомъ, вы поспѣшите заплатить слѣдующую сумму, чтобъ узнать, что это значитъ. Колдунъ даетъ каждому номеръ, чтобъ подходили поочереди.

Потомъ любопытнаго заставляютъ дотронуться до цилиндра, и вверху показывается небольшая лягушка. Послѣ этого колдунъ достаетъ изъ-подъ ящика карточку и отдаетъ ее. Въ этомъ и состоитъ все колдовство.

На этой карточкѣ написано: » Въ вашей жизни было много горя, но случались и радости. Васъ ждуть еще многія испытанія, однако терпѣніе ваше превозможетъ все. Одинъ изъ друзей вашихъ измѣнитъ, но другой, на котораго вы не рассчитывали, поможетъ вамъ. Послѣ многихъ неудачъ вы достигнете вашей цѣли. »

Вотъ всѣ предсказанія лягушки.

Въ послѣдніе публичные праздники я замѣтилъ шалашъ колдуна, который показывалъ въ зеркалѣ мужчину, или женщину, съ которою каждый вступитъ въ бракъ. Этотъ оптический фокусъ очень легко произвести въ темной комнатѣ, куда зрители пускаются по одному.

Я захотѣлъ видѣть особу, назначенную мнѣ въ супруги, и увидѣлъ въ зеркалѣ неясную бѣлую форму, непохожую даже на женщину. Вѣрно колдунъ не умѣлъ даже устроить фокуса.

Иногда ловкій колдунъ посылаетъ товарищей въ толпу и тѣ искусно выспрашиваютъ у любопытныхъ семейныя тайны, положеніе дѣлъ, надежды, и спѣшатъ передать свои свѣдѣнія. Разумѣется, что въ такомъ случаѣ колдунъ удивляетъ своими предсказаніями, и собираетъ много денегъ. Всѣ мы такъ довѣрчивы и любопытны, что готовы вѣрить обманщику, зеркалу, лягушкѣ.

Одинъ молодой человѣкъ, умный и образованный, побился однажды съ товарищемъ объ закладъ, что онъ своими предсказаніями соберетъ вокругъ себя многочисленную публику, не рабочихъ и зѣвакъ съ дѣтьми, но людей порядочнаго общества, и что всѣ заплатятъ ему дорого, чтобъ послушать его импровизацій.

Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ вошелъ въ шалашъ одного изъ колдуновъ Елисейскихъ-Полей, уговорился съ нимъ, и войдя на эстраду, началъ созывать публику, не грубо и напыщено, но тихо и въ лучшихъ выраженіяхъ. Нѣсколько гуляющихъ невольно остановились, и онъ началъ говорить прекрасную рѣчь о страсти всѣхъ народовъ узнавать будущее. Ораторъ объявилъ, очень натурально и безъ малѣйшаго хвастовства, что онъ изучилъ метафизику, психологію и фізіономику, и потому жизнь человѣческая не можетъ имѣть для него тайнъ. Онъ по наружности брался отгадать прошедшее и будущее, и прибавилъ, что такъ какъ онъ не простой колдунъ, но ученый, то требуетъ по пяти франковъ за консультацію.

— Боже мой, онъ пропалъ! вскричалъ хозяинъ шалаша: развѣ можно назначать такую сумму!

Но опасенія его были напрасны. Въ кассу посыпалось столько денегъ, сколько бѣднякъ не видалъ во всю свою жизнь. Удивительно также, что всѣ выходящіе изъ шалаша были довольны предсказаніями и не жалѣли своихъ денегъ. Молодой человѣкъ выигралъ пари.

— Вы мой благодѣтель, говорилъ ему колдунъ по окончаніи засѣданій. Я готовъ раздѣлить съ вами сборъ; но это еще не все: вы мнѣ такъ понравились и у васъ такой талантъ быть колдуномъ, что я хочу посвятить вамъ удивительную женщину, какой нѣтъ подобной во всей Франціи и которая можетъ обогатить мужа.

— Кто жъ эта красавица?

— Элода, знаменитая женщина-силачъ, которая одной рукой поднимаетъ сто килограмовъ. И сколько у ней талантовъ, и какая наружность! Одинъ глазъ у ней желтый, другой зеленый, у ней борода какъ у сапера, руки и грудь покрыты волосами. Въ костюмѣ джикъ она неподражаема. Это настоящая находка имѣть такую жецу.

Однако, несмотря на всѣ достоинства дамы, молодой человекъ отказался отъ выгодной партіи.

Послѣ людей, замѣчательны тоже спектакли ученыхъ животныхъ. Всякій помнитъ собаку, играющую въ домино; видѣлъ зайца, который барабанитъ; чирика, стрѣляющаго изъ ружья; блохъ, которыя черпали воду и возили микроскопическія тележки.

Былъ также одно время ученый тюлень, который говорилъ очень ясно: папа и мама; но въ-послѣдствіи открылось, что это былъ бѣдный студентъ, избравшій роль тюленя, чтобъ не умереть съ голоду.

Ученныя обезьяны уже не рѣдкость; лошади тоже узнаютъ лѣта, числа, и заѣдаютъ сахаромъ свои уроки.

Къ уличнымъ артистамъ Парижа можно отнести также Манжена, который продаетъ карандаши, катаясь въ колесницѣ и читая рѣчи зѣвакамъ. Дюженъ и Фатте дергаютъ желающимъ зубы безъ всякой боли, то-есть, во время операций играетъ такая оглушительная музыка, что заглушаетъ стоны несчастнаго. Кенонвиль руками ломаетъ камни и поднимаетъ зубами страшныя тяжести. Мамзель Осюда съ неподражаемою граціей танцуетъ на слабо-натянутой веревкѣ. Мьетъ-сынъ продолжаетъ ремесло Мьета-отца, на Новомъ-мосту, гдѣ показываетъ самыя удивительныя фокусы и послѣ того предлагаетъ желающимъ чистить зубы и продаетъ имъ персидскій порошокъ. Кіарини извѣстенъ во всей Франціи, по которой онъ разсыпалъ флаконы своего элексира. Онъ вездѣ показываетъ свой дипломъ, подписанный пашами, мандаринами, гетманами, имамами, шейками и властителями черными, коричневыми и желтыми. Кіарини лечилъ отъ всѣхъ болѣзней и элексиръ его спасалъ даже отъ несчастій; только самъ шарлатанъ, кажется, не нашель дороги къ обогащенію и умеръ въ бѣдности, подобно многимъ великимъ людямъ, непризнаннымъ современниками. Сытъ Кіарини не хотѣлъ продолжать благородныхъ занятій отца, бросилъ оставленную ему въ наслѣдство ко-

лесницу, трубу и барабанъ, продалъ трико и пестрые костюмы, привлекавшіе зѣвакъ и одѣлся въ черный фракъ, какъ самый обыкновенный человѣкъ. Впрочемъ, у него осталось призваніе къ медицинѣ, потому-что онъ докторъ факультета въ Монпелье. Не униженіе-ли это?

Но самый знаменитый изъ умныхъ актеровъ былъ въ Парижѣ Станиславъ первый и послѣдній. Онъ отличался во всѣхъ возможныхъ представленіяхъ; но сила его была такъ велика, что никто не могъ его побороть. Львы дрожали при его приближеніи, тигры боялись его; онъ одною рукою удерживалъ лошадей и быковъ.

Странно только, что этотъ человѣкъ — видный, красивый, одаренный талантами, былъ совсѣмъ некраснорѣчивъ, и удивляя публику своими штукаами, не умѣлъ говорить съ нею. Вѣроятно, этотъ недостатокъ былъ причиною того, что его скоро забыли, а онъ еще въ 1853 году давалъ свои представленія.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ и ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

ТАЙНЫ МОЯ. Золотой вѣкъ, конечно, не возвратится на землю, но мы можемъ похвалиться, что у насъ теперь *хрустальный вѣкъ*. У насъ есть хрустальные дворцы, хрустальные фонтаны, хрустальные оранжереи, хрустальные бассейны и даже хрустальные кувшины. Для естествоиспытателя стекло составляетъ величайшее пособіе. Посредствомъ стекляннаго водоема замѣчаетъ онъ со всевозможною точностію ростъ и развитіе растений, какъ равно жизнь и нравы водяныхъ животныхъ.

Нѣкто г. Госсъ, изобрѣтатель морскаго водоема, или *Акваріума*, въ лондонскомъ зоологическомъ обществѣ, издалъ книгу: *The Aquarium; an unveiling of the wonders of the deep sea*, въ которой исчислилъ всѣ свои опыты и наблюденія.

Пристлей опредѣлили прежде всѣхъ, что растенія, при солнечномъ, или дневномъ свѣтѣ, испускаютъ кислородъ.

Въ 1833 году д-ръ Доубени сообщилъ кембриджскому британскому обществу результатъ своихъ изысканій по дѣйствию солнечныхъ лучей на растенія и дѣйствию растеній на атмосферу. Онъ убѣдился, что растенія, то погружаемая въ воду, напитанную углекислымъ газомъ, то поставленная въ воздухъ, содержащемъ въ себѣ значительную часть этого газа, разлагаютъ этотъ газъ при содѣйствіи свѣта; процессъ этотъ совершается не теплотою лучей, не химическою силою нѣкоторыхъ изъ лучей, но единственно ихъ могуществомъ. Такимъ образомъ онъ дока-

зываютъ, что растительное царство вознаграждаетъ въ природѣ царство животныхъ.

Въ 1837 году г. Вардъ, говоря о растеніяхъ, растущихъ въ закрытыхъ ящикахъ, изложилъ, что на этомъ основаніи многія животныя могутъ жить этимъ процессомъ.

Въ 1842 году явилась книга Джонсона: *Исторія губокъ и митозитовъ*, въ которой авторъ упоминаетъ и о небольшомъ морскомъ аквариумъ.

Боссъ рассказываетъ слѣдующій опытъ, доказывающій растительность коралловъ.

«Восемь недѣль тому назадъ, помѣстилъ я въ стеклянномъ сосудѣ, гдѣ было шесть унцій морской воды, вѣтки коралла, къ которой привѣсилъ три маленькія нитчанки и молодой зеленый листокъ лучицы. Въ этой коралловой вѣткѣ обитала бездна *риссоасовъ* (родъ гребенчато-жаберныхъ брюхоходовъ), маленькихъ раковинъ, кольцецовъ и одна морская звѣзда. Бокаль стоялъ на столѣ неподвижно и безпрестанно былъ наблюдаемъ.

«Черезъ четыре недѣли вода нисколько не измѣнилась; моллюски и другія животныя вели дѣятельную жизнь; нитчанки видимо выросли; самъ кораллъ далъ новые ростки и вѣтви.

«Черезъ восемь недѣль вода все не измѣнилась; кораллъ сильно выросъ, но число животныхъ видимо уменьшилось. Оставшіяся-же продолжаютъ однако дѣятельное существованіе безъ малѣйшей перемѣны.»

Въ 1850 году г. Варрингтонъ сообщилъ химическому обществу результаты опытовъ: «*О соглашеніи сношеній между животнымъ и растительнымъ царствомъ, поддерживающими взаимно свое существованіе.*»

Г. Варрингтонъ помѣстилъ въ стеклянный сосудъ, въ двѣнадцать галлоновъ воды, двухъ китайскихъ золотыхъ рыбокъ, покрывъ сосудъ тонкою кисеею, для охраненія отъ пыли. Сосудъ этотъ до половины былъ наполненъ ключевою водою. На днѣ былъ песокъ и илъ, съ небольшими кусками известняка и песчаника. Въ сосудъ этотъ посадилъ онъ вѣтку спиральной *вольснеріи*, утвердивъ ее камнемъ.

Сперва все шло хорошо. Но наконецъ, свалившіеся старые листья растенія начали портить воду. Варрингтонъ впустилъ въ сосудъ нѣсколько *лимнеевъ* (моллюски, живущіе въ легкой раковинѣ), которые питаются растительными остатками. Этимъ средствомъ вода вскорѣ сдѣлалась опять свѣтлою. Самое растеніе развилось, а рыбы сохранили здоровье и красивый евой видъ. А какъ лимней снесли много яицъ, то

последнія послужили пищею рыбамъ. Въ этомъ видѣ пробыло все слишкомъ два года.

Въ 1853 году, Варрингтонъ началъ эти-же опыты съ иорскою водою, которой сохраненіе было еще труднѣе, но и тутъ наука восторжествовала, и г. Госсъ видѣлъ въ его акваріумѣ морскихъ *анемонъ* (лифитовъ) и другихъ морскихъ животныхъ, живущихъ тамъ уже полтора года.

Въ декабрѣ 1852, г. Госсъ устроилъ акваріумъ въ Регентсъ-Паркѣ. Изъ него мало-по-малу составилъ нынѣшній акваріумъ, которому все такъ удивляются.

Онъ началъ свои опыты и наблюденія въ одно почти время съ Варрингтономъ. Еслибъ кто могъ усомниться еще въ этомъ взаимномъ уравновѣшиваніи животной жизни съ растительной, то при взглядѣ на этотъ акваріумъ всякое сомнѣніе исчезло-бы. Уже болѣе года живутъ въ немъ разныя морскія животныя, въ полномъ здоровьи и дѣятельности,

Морская вода у Дувра и Дрейтона имѣетъ свойство скоро портиться, по причинѣ близости береговъ. Варрингтонъ бралъ себѣ для опытовъ воду посрединѣ Ламанскаго-пролива. Госсъ привозилъ въ свои водоемы Регентсъ-парка воду, взятую посрединѣ между Шельдою и Темзою. Тамъ, гдѣ помѣщены зоофиты и сливныя растенія, вода держится полгода; но гдѣ много рыбъ и черепокожныхъ, тамъ, отъ движенія ихъ, портится вода и ее надобно мѣнять каждый мѣсяць.

При устройствѣ водоема и помѣщеніи въ немъ растеній, надобно, чтобъ последнія пользовались солнечнымъ свѣтомъ, который содѣйствуетъ истеченію кислорода. Но въ жары, надобно, чтобъ животныя были защищены отъ солнечныхъ лучей, иначе они ихъ тотчасъ убьютъ.

Благопріятнѣйшее время къ собранію морскихъ растеній и животныхъ, для составленія акваріума, бываетъ въ первый или второй день послѣ полнолунія, потому-что отливъ моря тогда сильнѣе и собиратель имѣетъ больше пространства морскаго дна, которое въ другое время покрыто водою. Можно ходить въ охотничьихъ сапогахъ, чтобъ собирать растенія въ остающихся глубокихъ лужахъ. Тутъ всегда бываетъ *Rhodumendo palmata* съ темно-красными листьями, которые почитаются лакомствомъ жителей Ирландіи.

Въ этихъ-же лужахъ встрѣаются всегда *гребенки*, маленькія морскія раковины, медленно движущіяся въ водѣ и пристающія наиболѣе къ молодымъ водорослямъ, служащимъ для нихъ пищею. Эти животныя очень полезны въ акваріумѣ, потому-что истребляютъ всю растительную плѣсень и мохъ.

Трубки тоже очень полезны въ акваріумѣ, и вотъ что Госсъ рассказываетъ объ этомъ моллюскѣ съ конической раковиною:

«Посредствомъ микроскопа наблюдать я, какимъ образомъ питается это животное. Растворивъ свою раковину, выставляетъ оно шелковистый языкъ свой, къ которому пристають все плавающія нитчанки. Набравъ ихъ довольно количество, языкъ возвращается на свое мѣсто, и раковина закрывается. Потомъ животное подвигается на другое мѣсто и повторяетъ тоже самое, покуда насытится.

Это устройство общее для всехъ брюхоходныхъ моллюсковъ, но форма зубовъ ихъ чрезвычайно разнообразна. Напримѣръ, у маленькой *гребенки* по одиннадцати зубовъ посрединѣ языка, обращенныхъ остриями къ внешней сторонѣ, какъ-бы зубья въ головной гребенкѣ. Но у *trochus ziziphinus* (моллюскъ той-же породы, но гораздо больше) зубы на языкѣ длинны, загнуты, остры, прозрачны и постепенно уменьшаются къ краю. По этой причинѣ и пищу получаетъ оно иначе, а именно, производя языкомъ круговоротное движеніе, какъ мельница, и захватывая плавающія растительныя части.

Въ разсѣлинахъ скалъ находятъ небольшого рака, совершенно особаго устройства; *шестиподій порцелланъ* (*porcellana platycheles*), составляющаго средину между рѣчнымъ ракомъ и гомаромъ, съ хвостомъ, снабженнымъ бахрамами, для удобнѣйшаго плаванія, и съ ногами, длиннѣе всего тѣла.

«Раки, говоритъ Госсъ, исполняютъ въ водѣ ту-же должность, какъ волки и гиены на землѣ. Они пожираютъ падаль, которая безъ того заражала-бы воду. Разсматривая въ микроскопѣ дѣйствія этихъ животныхъ при добываніи пищи, Госсъ открылъ удивительнѣйшее устройство членовъ. Каждая лапа его составлена изъ пяти составовъ, изъ которыхъ послѣдніе четыре сгибаются въ видѣ серпа. Каждый составъ вооруженъ щетиною, образующею полукругъ, а каждая щетина снабжена крѣпкими и короткими волосками подѣ прямымъ угломъ, такъ что все онѣ вмѣстѣ составляютъ правильную сѣть, въ которую непременно должны попадаться мельчайшія животныя. Кромѣ шести ногъ этого животнаго, открылъ у него Госсъ еще пару, но всегда скрытую и чрезвычайно малую. Она служитъ ему для очищенія собственнаго своего тѣла отъ слизи и грязи, чѣмъ животное и занимается очень часто.

На американскихъ островахъ есть любопытная порода раковъ, прозванная *Bernard l'Ermite*. Она разъ въ годъ кладетъ яйца и сбрасываетъ свою кожу. Исполнивъ это, ракъ по берегу ищетъ брошенной тахимъ-же образомъ кожи другаго большаго рака и помѣщается въ ней. Иногда онъ примѣняется нѣсколько разъ, покуда найдетъ себѣ въ пору.

Иногда дерутся они между собою за обладаніе одною кожею, и слабѣйшій уступаетъ.

Вообще раки, помѣщенные въ акваріумѣ, обнаруживали весьма воинственные нравы. У нихъ между собою были вѣчныя драки и вовсе не за обладаніе какого-либо предмета, а просто для пораженія другъ друга.

Удивительна привязанность, замѣченная между этими раками и *нереидами*, живущими всегда почти вмѣстѣ и раздѣляющими между собою всякую пищу. Прожорливый ракъ, который съ другими животными дерется за всякій кусокъ, уступаетъ безпрекословно добычу свою *нерейдѣ*, и ждетъ, чтобъ она прежде насытилась.

Рычная бокопрыжка (*palaeon*) со свѣтлыми глазами, съ быстрыми движеніями и прозрачнымъ тѣломъ тоже весьма любопытный житель для акваріума. И у этого животнаго маленькія лапы служатъ для очищенія собственнаго тѣла. Эти лапы снабжены щетиною, и во время чистки тѣла животное не разъ очищаетъ самыя щетины.

У одной породы бокопрыжки, прозванной *езонъ*, замѣчательнъ спинной горбъ. Это очень милое и дѣятельное животное, быстро перепрыгивающее съ одного растенія на другое. Другой видъ той-же породы, *Hippolite whitey*, чрезвычайно красивъ прелестнымъ своимъ бирюзовымъ цвѣтомъ съ бѣлою линіею вдоль спины; къ сожалѣнію, его нельзя сохранить въ акваріумѣ, гдѣ его тотчасъ-же съѣдаютъ братья бокопрыжки.

Третій видъ, *pandalus annulicornis*, еще красивѣе своими формами. Сперва видна только одна круглая красная раковина; но когда животное полагаетъ себя безопаснымъ, то открывается отверстіе раковины и выходитъ оттуда блистательный красный вѣрь. Въ микроскопъ видны ряды тонкихъ и правильныхъ зубовъ; въ глубинѣ вѣра дыхательные органы, отдѣляющіе кислородъ отъ воды. Хотя и въ микроскопъ незамѣтно глазъ у животнаго, но кажется у него отличное зрѣніе, потому что при малѣйшей, даже отдаленной опасности животное быстро скрывается въ раковину.

Когда животное умираетъ, то оставляетъ свою раковину, какъ всѣ кольчатки трубчатой породы, и тогда можно внимательно рассмотреть ее въ микроскопъ. Тогда открывается вдоль всего тѣла, на каждой оконечности, двѣ желтыя линіи. Это мускульный поясъ со множествомъ треугольных пластинокъ. На краю каждой пластинки по шести зубовъ въ одну сторону и седьмой въ другую. Каждая пластинка параллельна желтой линіи и снабжена мускульными фибрами, позволяющими дѣйствовать отдѣльно. На одномъ поясѣ насчиталъ я *сто тридцать шесть*

пластинокъ. Сверхъ-того, на брюшныхъ сегментахъ, которыхъ семь, число пластинокъ, движущихся мускулами по волѣ животнаго, простирается до *тысячи девяти сотъ*. А какъ каждая пластинка вооружена семью зубами, то ихъ всего отъ тринадцати до четырнадцати тысячъ. Какая сложность. И все это въ маленькомъ пресмыкающемся!

Звѣздчатые ежевики и морскія анемоны весьма любопытны при разсматриваніи ихъ въ стеклянномъ водоемѣ.

Г. Госсъ тоже утверждаетъ, что нити, бросаемыя *актиніями*, вовсе не имѣютъ отношенія къ процессу воспроизведенія, а составляютъ единственно оборонительное средство. Онъ видѣлъ, какъ большая актинія бросила подобную нить въ *зубчато-губастика* и попала ему въ ротъ. Какъ бѣдная рыбка ни билась, чтобъ освободиться, но черезъ короткое время умерла.

Изъ рыбъ, Госсъ указываетъ на любопытную породу, прозванную *морскимъ дѣволомъ*. Она чрезвычайно прожорлива, но плаваетъ очень медленно. А потому караулитъ она, лежа въ пескѣ и илѣ, маленькихъ рыбокъ, которыхъ и глотаетъ.

Послѣднія наблюденія г. Госса произведены были надъ *морскою звѣздою*. Процессъ воспроизведенія этихъ животныхъ происходитъ посредствомъ отдѣленія своихъ членовъ, или лучистыхъ вѣтвей. «Я наблюдалъ, говоритъ онъ, звѣзду въ пять дюймовъ діаметра. У нее было пять вѣтвей. При мнѣ вдругъ одна изъ нихъ отдѣлилась, и животное продолжало двигаться какъ ни въ чемъ не бывало; отдѣленная часть тоже начала жить и дѣйствовать своими щупальцами. На другой день стали отдѣляться и другіе лучи, съ небольшими промежутками. Долѣ всего оставалось животное съ послѣднею вѣтвю. Ему какъ-бы не хотѣлось разстаться съ нею; но наконецъ и та отдѣлилась. Всѣ пять вѣтвей составили новыхъ пять животныхъ, а туловище общей матери умерло вмѣстѣ съ отдѣленіемъ послѣдняго члена. (Revue Britannique).

Новыя прядильныя растенія.—Въ Сибирѣ и въ Китаѣ добываютъ нити для пряжи изъ двухъ родовъ крапивы (*scabina* и *nivea*), которыя и служатъ къ разнымъ тканямъ. Двѣ другія породы крапивы (*tenacissima* и *netesophilia*) употребляются для этого-же въ Индіи и Китаѣ, а наконецъ пятая порода, *utica divisa* или *большая крапива*, наиболѣе родится и употребляется въ Швеціи.

Слѣдственно, разведеніе этого растенія весьма полезно во многихъ отношеніяхъ. Коровы, питающіяся крапивою, даютъ больше молока и масла, а созрѣвшіе стволы даютъ нити для пряжи.

Китайцы довели это растеніе обработкою до того что нити его похожи мягкостію и глянцемъ на шелкъ. Сѣмена и отпрыски растенія привезены уже въ Англію, подъ названіемъ *Chino-gress*. (Idem).

Происхожденіе Албанцевъ. Филологи и этнографы стараются доходить до первоначальныхъ источниковъ происхожденія всѣхъ народовъ. Нынѣ дошла очередь и до албанцевъ. Нѣкто г. Ганъ издалъ *Измльдованія о Албаніи*. Хотя это сочиненіе не отличается ни методою, ни порядкомъ, хотя оно запутанно и часто темно, но результатъ открываетъ однакоже то, чего читатель ищетъ. Однимъ-словомъ—книга полезная. Жаль, что ученые нѣмцы такъ рѣдко умѣютъ соединить пріятное съ полезнымъ.

Албанцы играли всегда значительную роль во всѣхъ переворотахъ и движеніяхъ на востокъ. Въ греческомъ возстаніи, съ 1821 до 1830, они доставляли лучшихъ воиновъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Сульоты — были албанскіе христіане, какъ равно и мужественные моряки Гидры и Спецціи. Да и теперь главныя массы народонаселенія греческаго королевства состоятъ не изъ элинскаго племени, а изъ греческихъ албанцевъ.

Главная черта албанцевъ, живость и любопытство.

— «Я ѣздилъ, говорить г. Ганъ, по Малой Азіи и бралъ въ проводники и охранители здѣшнихъ жандармовъ. Они были то турки, то албанцы: турки никогда со мною ни слова не говорили, не смотрѣли на меня и не думали обо мнѣ, если думали о чемъ-нибудь; съ албанцами я черезъ пять минутъ былъ уже друженъ. Мы разговаривали на изломанномъ греческомъ нарѣчій, и дополняя слова жестами, находили средства понимать другъ друга; они смѣялись, пѣли, прыгали. Правда, что при этомъ они съ удивительною ловкостію таскали у меня все, что я неосторожно не запералъ на ключъ. Но зато они вездѣ стояли за меня горой, и въ случаѣ нападенія дали-бы изрубить себя, защищая меня.

Языкъ албанцевъ называется *шкитскій*. Онъ совершенно разнится и отъ греческаго и отъ славянскаго. А потому ихъ и почитаютъ *автохтонами*, то, есть первобытнымъ народомъ, или такимъ, который жилъ въ занимаемомъ имъ мѣстѣ до историческаго переселенія народовъ. При томъ-же, языкъ *шкитскій* не имѣетъ никакого сходства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ намъ живыхъ или мертвыхъ діалектовъ.

Баски, живущіе во Франціи, точно такой-же первобытный народъ по

языку, и никакое преданіе не указываетъ, чтобъ онъ пришелъ когда-нибудь въ эти страны. Однакоже между албанцами и басками существуетъ большая разница, объясняющая нѣкоторымъ образомъ историческую ихъ жизнь. У басковъ всѣ названія долинъ, горъ и селеній принадлежать къ баскскому языку. У албанцевъ-же, напротивъ того, большая часть мѣстностей называются славянскими именами, хотя самые жители чистые албанцы, которыхъ языкъ, нравы и обычаи совершенно разнятся отъ сербовъ и болгаровъ, сосѣдей ихъ, которые дали имена всѣмъ албанскимъ горамъ, рѣкамъ и мѣстечкамъ.

Во Франціи и Испаніи есть города и селенія, которыхъ названія даны басками, но въ которыхъ давно уже не живетъ ни одинъ баскъ. Это доказываетъ, что нѣкогда они владѣли этими мѣстами, даже, вѣроятно, основали ихъ, но были потомъ вытѣснены нынѣшними жителями. Слѣдственно въ Албаніи должно быть наоборотъ. Славянскія племена жили въ этой странѣ, дали названія всѣмъ урочищамъ, и потомъ, во времена доисторическія, были вытѣснены албанцами. Такимъ образомъ *первобытность* албанцевъ подвергается сомнѣнію, развѣ предположить, что они жили въ дикомъ состояніи, когда славяне пришли къ нимъ съ востока. Но долговременное пребываніе послѣднихъ неоспоримо, потому-что они успѣли дать имена всѣмъ мѣстамъ, гдѣ жили албанцы, которые вытѣснивъ ихъ впоследствии, сохранили чужія наименованія.

Въ самой Греціи видно это явленіе: множество селеній, горъ, рѣкъ называются славянскими именами. Славяне вторгались не разъ въ Грецію и проникали до береговъ Адриатическаго-моря, гдѣ и основались въ разныхъ мѣстахъ; но какимъ образомъ потомъ самый народъ славянской исчезъ въ Греціи, а названія, имъ данныя, сохранились? Нѣтъ сомнѣнія, что это произошло отъ христіанства и образованности эллиновъ, съ которыми славяне смѣшались. Въ Албаніи-же славяне не могли слиться съ *шкіотами*, и были ими вытѣснены,

Албанскія преданія восходятъ недалеко. Въ нихъ сказано напримѣръ, что мирдигы, жители въ окрестностяхъ Скадры, произошли отъ одного болгара, основавшагося между Дриною и Маттіею, и однакоже, эти жители говорятъ по албански, тогда какъ сосѣди ихъ, черногорцы и босняки—славяне.

Горцы средней Албаніи говорятъ, что высокія долины ихъ были прежде обитаемы сербами; что *шкитетары*, или албанцы поселились между ними и что мало-по-малу всѣ сербы были вытѣснены оттуда.

При всей неопредѣленности этихъ преданій, они подтверждаютъ только, что нѣкогда вся Албанія была занята славянскими племенами,

Какимъ-же образомъ они были вытѣснены скипетарами неизвѣстно и теряется во мракѣ доисторическихъ временъ.

Ганъ представляетъ слѣдующую гипотезу. Албанскій языкъ не имѣетъ ничего общаго съ славянскимъ. Слѣды-же владычества славянъ неоспоримы, тогда какъ ни вблизи, ни вдали нѣтъ ни одного діалекта, похожаго на албанскій.

Слѣдственно, албанцы не могли придти послѣ славянъ и слѣдственно первые *автохтоны*, которыхъ землею овладѣли славяне, но послѣ продолжительнаго обладанія были незамѣтно вытѣснены, или сами переселились въ лучшія страны.

Ганъ думаетъ, что албанцы составляютъ отрасль политическаго племени, котораго таинственное существованіе предшествовало на востокѣ эллинекому и италіотовъ.

Всѣ греческіе историки согласны въ томъ, что первые предки ихъ, пришедшіе въ Европу, нашли, что страна, названная потомъ Греціею, занята была пеласгами. Сами же пеласги пришли туда изъ Македоніи и Эпира, то есть составляли отрасль переселенія изъ Азіи въ самыя первобытныя времена.

Чтобъ узнать слѣдственно національность и діалектъ пеласговъ, стоятъ только обратиться къ Македоніи. Но, по непостижимой случайности, ученый нашъ свѣтъ не имѣетъ никакихъ матеріаловъ для этого. Маленькая область, которой одинъ государь (Александръ) овладѣлъ всею Греціею, Персіею, Индіею, Египтомъ, не оставила намъ послѣ себя никакихъ письменныхъ и діалектическихъ памятниковъ. Македонцы были не греки, потому-что послѣдніе называли ихъ *варварами*, то есть говорящими не греческимъ языкомъ и не принадлежащими къ ихъ племенамъ. Со временъ Филиппа и Александра общимъ языкомъ двора и высшаго македонскаго общества былъ *греческій*. Но какой же былъ собственно-македонскій? Мы въ исторіи Александра видимъ, что Филотасъ, обвиненный въ заговорѣ противъ Александра и представленный въ судилище передъ самимъ царемъ, получилъ приказаніе говорить въ судѣ по *македонски*, если не умѣетъ по *гречески*, и Филотасъ горько упрекаетъ Александра за то, что онъ принялъ нравы Греціи и языкъ ея до такой степени, что забылъ *македонскій* и имѣлъ нужду въ переводчикѣ для разговоровъ съ своими ветеранами.

Множество словъ, оставшихся отъ македонскаго языка, заставляють думать этнографовъ, что македонцы были изъ Фракіи, то есть славяне. Ганъ-же думаетъ, что они были эпироты и иллирійцы, то есть тоже славяне. Оба основываются на словахъ Страбона, который гово-

рить, что македонцы одного племени съ оракійцами и что земля оракійская начинается на восточномъ берегу рѣки Стримона.

Въ отрывкахъ Аполлодора, дошедшихъ до насъ, сказано, что Теспротъ и Македонъ были сыновья Ликаона, котораго отцемъ былъ Пеласгъ. Въ одной трагедіи Эсхила Пеласгъ говоритъ: «я сынъ Полехтона и король народа, называемаго моимъ именемъ—пеласгами. Я царствую надъ странюю, орошаемою Аксіемъ и Стримономъ на западъ. Въ моемъ царствѣ живутъ перргебы и заключаются области за Пиндомъ близъ Пенсега и Додонскихъ горъ. Море омываетъ мои владѣнія.»

Нынешняя Албанія раздѣляется на два главныя племени: геговъ и тосковъ. Между ними протекаетъ рѣка *Шкумбъ*, древній Генусій. У каждаго изъ этихъ племенъ свой діалектъ, отличающійся впрочемъ однимъ произношеніемъ. Несмотря на эту незначительную разницу, видно различіе національности. Тоскъ не почитаетъ гега единоплеменникомъ, и наоборотъ. Въ древнія времена эта-же рѣка раздѣляла эпиротовъ и иллирійцевъ.

Когда эллины пришли въ страну пеласговъ, то не вытѣсняли ихъ, не истребляли. Они поселились между ними и своею образованностію покорили ихъ. Въ Албаніи пеласги долѣ сохранили свое существованіе, потому-что славяне, вторгшіеся къ нимъ, не слились съ ними, и такимъ-образомъ языкъ пеласговъ могъ сохраниться въ этихъ горахъ, немѣвшихъ сношеній съ тогдашними образованными народами.

Ганъ предлагаетъ называть албанцевъ *новѣйшими пеласгами*, хотя діалектъ ихъ, конечно въ-теченіе многихъ столѣтій, очень измѣнился. Чтобъ добраться до пеласговскаго языка, надобно изъ албанскаго лексикона выбросить всѣ слова турецкія, славянскія, греческія, италіянскія и даже французскія. Ганъ предпринялъ этотъ трудъ, и если результатъ нѣсколько сомнителенъ въ своей вѣрности, то трудъ очевидно добросовѣстный.

Онъ привелъ и примѣры *шкіотской* литературы. Это самые жалкіе образцы албанской образованности. По формѣ, національныя пѣсни *шкитетровъ* очень похожи на пѣсни *клефтовъ*, но никакой оригинальности въ вымыслъ, никакой поэзіи, такъ что невольно возникаетъ вопросъ: какъ могъ народъ, живущій между сербами и греками, быть до такой степени чуждымъ поэзіи своихъ сосѣдей? Какимъ образомъ прелестныя славянскія баллады не нашли подражателей между гегами и тосками? По всему видно, что въ Албаніи есть, можетъ-быть, пеласги, но нѣтъ поэтовъ.

(Revue contemporaine).

IV. АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

Ирландскія и шотландскія льняныя мануфактуры.—Въ Великобританіи и Ирландіи обрабатываютъ ежегодно 120,000 тоннъ (5,000,000 пуд.) льна. Изъ этого числа получается изъ Ирландіи. 30,000 тоннъ 1,500,000 ф. с. Вывозятъ изъ Россіи. 60,000 — 2,400,000 Изъ другихъ странъ 30,000 — 1,350,000

Всего 120,000 — 8,250,000

Вывозъ англійской льняной пряжи и издѣлій простирается до 6 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Потребность самой Англіи гораздо значительнѣе вывоза; но кругомъ ввозъ и вывозъ можно считать въ 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Сумма, вырабатываемая рабочими, составляетъ до 6,750,000 фунтовъ стерлинговъ.

Шотландскія графства выдѣлываютъ до 50,000 тоннъ. Этою промышленностію исключительно почти заняты Фарфрешейръ (191,264 жителей) и Фейфшейръ (153,546 душъ). Все прочее количество обрабатывается въ Ирландіи.

Городъ Данди, наиболѣе занимавшійся этою торговлею, много потерпѣлъ убытковъ отъ войны съ Россіею. Въ особенности послѣ пожара въ Мемелѣ цѣны поднялись немовѣрно, и съ тѣхъ-поръ не упали.

Сбытъ англійскихъ льняныхъ издѣлій наиболѣе производится въ Соединенные Штаты и Австралію. Въ Америкѣ область Миссисипи наиболѣе покупаетъ ихъ, но какъ и тамъ финансовыя обстоятельства измѣнились, то фейфскія мануфактуры въ Шотландіи тоже теперь безъ дѣла, потому-что здѣшніе фабриканты весьма осторожны, выдѣлывая только то количество, какое заказывается. (Novel. Zeit.)

Погрѣбіе золотопромышленника въ Калифорніи. Одинъ путешественникъ рассказываетъ слѣдующій случай: «Одинъ изъ извѣстныхъ золотопромышленниковъ умеръ. Всѣ собрались къ нему на погребеніе и пригласили даже одного знаменитаго пастора, для произнесенія надгробной рѣчи. Вся процессія съ торжественностію двинулась къ мѣсту погребенія. Здѣсь начали для него рыть могилу, а пасторъ сталъ говорить свою рѣчь. Въ самую жаркую минуту печисленія добродѣтелей покойника, замѣтилъ пасторъ, что никто его не слушаетъ, а всѣ столпились около могильщиковъ и довольно громко разговариваютъ.

— Что тамъ у васъ, дѣти мои? спросилъ пасторъ, прервавъ свой панегирикъ.

— Да вотъ нечаянно нашли удивительную золотую розсыпь, отвѣчали ему. Чистое золото! можно руками брать.

— Золото! повторилъ пасторъ, и подошелъ къ прочимъ.

Дѣйствительно, пріискъ былъ богатѣйшій. Всѣ тотчасъ-же принялись копать, и тутъ-же составили общество, чтобъ заняться разработкою этого мѣста, которое въ-самомъ-дѣлѣ обогатило ихъ потомъ.

А покойникъ? Его отнесли подальше и на скорую руку гдѣ-то похоронили. (Mus. des fam.)

Сапожники при Карлѣ V. Однажды Карлъ V ходилъ по брусельскимъ улицамъ *инкогнито*, какъ вдругъ ногою зацѣпилъ за какой-то острый камень и разорвалъ себѣ сапогъ. Съ досадою оглянулся онъ, и увидя одну сапожную вывѣску, зашелъ въ лавку, чтобъ велѣть починить сапогъ. Къ несчастію, въ тотъ день былъ праздникъ, и Карлу сказали, что всѣ сапожники сидятъ въ харчевнѣ и пьютъ пиво, при чемъ указали ему и харчевню.

Карлъ V пошелъ въ харчевню, и помня фамилію сапожника на вывѣскѣ, спросилъ.

— Это я, сударь, сказалъ одинъ весельчакъ. Что вамъ угодно?

— У меня разорвался сапогъ. Почини его.

— Охотно. Только не сегодня. Въ праздники я не работаю.

— Да я тебѣ хорошо заплачу.

— Что мнѣ деньги! Я беру что слѣдуетъ и работаю, когда законъ велить. Пожалуйте завтра...

— Да не могу-же я съ разорваннымъ сапогомъ идти по улицамъ...

— И не ходите. Садитесь-ка съ нами, да выпейте. Я угощу васъ.

Карлъ V согласился, просидѣлъ съ нимъ болѣе часа и насыщался много правды о своихъ царедворцахъ и правителяхъ. Когда-же онъ собрался домой, то сапожникъ проводилъ его до своей мастерской, далъ ему другой сапогъ, а разодранный снялъ съ него и оставилъ для починки поутру.

Едва успѣлъ онъ кончить поутру эту работу, какъ пришли за нимъ изъ дворца и требовали къ королю.

Какое-то ужасъ его, когда онъ узналъ своего вчерашняго гостя. Но Карлъ V успокоилъ его и спросилъ: чего-бы онъ желалъ?

— Да оставьте мнѣ вашъ сапогъ, и позвольте всему нашему цеху носить его въ торжественные дни въ процессіяхъ, вмѣсто цеховаго знамени.
Карлъ V согласился. (Idem).

ЭГМОНТЪ БЕТГОВЕНА. Недавно въ Парижѣ въ первый разъ исполняли музыку Бетговена изъ Эгмонта. Нѣкто Генри Трианонъ составилъ изъ сюжета отдѣльную поэму. Извѣстные куплеты Клары въ 3-мъ актѣ (Leidvoll und freudvoll) переведены слѣдующимъ образомъ:

1.

Etre morose et joyeux tour-à-tour,
Voir son repos s'éloigner pour toujours,
Cherir sa peine,
Maudire le jour,
C'est le bonheur, c'est le ciel, c'est l'amour?
Brûler des feux d'une fièvre soudaine,
Voir son repos s'éloigner sans retour,
C'est le bonheur, c'est le ciel, c'est l'amour?

2.

Croire éternels le printems et les fleurs,
Croire éternels les sourires et les pleurs,
Douter sans cesse,
Maudire le jour,
C'est le bonheur, c'est le ciel, c'est l'amour?
Jusqu'à la mort épuiser la tristesse,
Voir son repos s'éloigner sans retour,
C'est le bonheur, c'est le ciel, c'est l'amour?

(Idem).

ОТКУДА ПРОИСХОДИТЪ НАЗВАНІЕ ЗУАВОВЪ? Они съ 1831 года извѣстны въ Алжирѣ, гдѣ называются *зуана*. Зуаны—племя кабиловъ, или, лучше сказать, союзъ нѣсколькихъ племенъ, живущихъ въ ущельяхъ Югоры. Они горды, мужественны и трудолюбивы. Турки никогда не могли покорить ихъ. Привозятъ только въ Алжиръ свои произведенія на продажу.

Французы сформировали изъ нихъ сперва два баталіона и дали имъ имя *зуавовъ*, хотя въ этомъ войскѣ находятся люди всѣхъ племенъ и даже множество парижанъ. (Nov. Zeit).

Ночное явленіе въ Ливіи. Эренбергъ при поѣздкѣ своей чрезъ степь (въ Киренайки) рассказываетъ, что караванъ ихъ, боясь нападенія бедуиновъ, выставлялъ ночью сильныя караулы. Однажды, когда Эренбергъ былъ въ числѣ часовыхъ, услышалъ онъ въ темнотѣ какой-то шорохъ. Медленно сталъ онъ съ ружьемъ подходить къ этому шуму, напрягая всю силу зрѣнія, чтобъ разсмотрѣть что-нибудь. Вдругъ замѣтилъ, что мимо его прокатились нѣсколько земляныхъ шаровъ въ три-четыре дюйма. Я успѣлъ захватить одинъ, побѣжалъ за фонаремъ, собралъ еще нѣсколько такихъ, и подъ каждымъ увидѣлъ большого чернаго жука. Каждый для защиты своей составилъ комъ мягкаго, мокраго песку и двигался впередъ, подвигая этотъ комъ.

При подробномъ разсматриваніи этихъ жуковъ, Эренбергъ нашелъ, что это такъ называемый египетскій священный жукъ (*Atenchus sacer*), изображаемый на древнихъ гіероглифахъ. (Idem).

Неприятности желѣзныхъ домовъ. Калифорскій житель Франкъ Мерріетъ описываетъ самыми черными красками качества желѣзныхъ домовъ. Днемъ въ нихъ нельзя быть отъ жара, когда солнце разогрѣетъ желѣзо; ночью сдѣлается лихорадка отъ холода. При жарѣ испускаетъ желѣзо особый отвратительный запахъ. Во-время дождя стукъ капель о желѣзо производитъ оглушительный шумъ. Иные для спасенія обиваютъ потомъ всю внутренность деревомъ. Но авторъ совѣтуетъ лучше строить деревянный. (Idem).

Новый сигналъ на желѣзныхъ дорогахъ. Капитанъ Нартонъ придумалъ свисткомъ заряжать пистолеть и стрѣлять вдоль дороги на воздухъ. Свистокъ издаетъ такой пронзительный свистъ, который слышенъ далеко и во все время полета выстрѣла. (Institut).

Софистическій выводъ. Одинъ острякъ говоритъ: «Если у тридцати-лѣтняго отца родится сынъ, то онъ его въ *тридцать разъ* старше при рожденіи. Когда отцу сдѣлается шестьдесятъ, а сыну тридцать, то сынъ будетъ только *вдвое* моложе отца. Черезъ 30 лѣтъ отцу будетъ 90, а сыну 60, и тогда между ними разница будетъ только *одна треть*. Еще 30 лѣтъ, и между 120-ти-лѣтнимъ отцомъ и 90-лѣтнимъ сыномъ разница будетъ только *четверть*. Такимъ образомъ оба видимо сближаются и слѣдственно наступитъ минута, когда оба будутъ одинаковыхъ лѣтъ. Надобно только, чтобъ они до этого прожили.

(L'Artiste).

Калифорнія въ настоящее время. Все скоро забывается на свѣтѣ: но кто-бы ожидалъ, чтобъ такъ скоро забыли *золотую страну*: послѣ страшнаго волненія, прозваннаго золотою лихорадкою, наступило самое презрительное хладнокровіе. Австралія заступила мѣсто Калифорніи, о Санъ-Франсиско забыли. Чему приписать такую неблагодарность? Развѣ Калифорнія перестала обогащать всѣхъ, которые посѣщаютъ ее? Напротивъ, въ послѣдніе четыре года она была все также щедра, что можно доказать статистикою.

Въ это время, вывезли изъ Калифорніи и предъявили золота на 186,684,088 долларовъ (долларъ стоитъ около 5-ти франковъ). Вотъ какъ его раздѣляютъ:

Въ 1851 году вывезено	34,492,000	долларовъ.
— 1852 — — —	45,776,000	—
— 1853 — — —	54,906,956	—
— 1854 — — —	51,506,132	—

Небольшая убавка въ послѣднемъ году не доказываетъ еще ничего важнаго. Притомъ-же эти цифры не показываютъ ни всего добытаго, ни всего вывозимаго золота. Тысячи путешественниковъ, отъѣзжая изъ Калифорніи въ Европу и Соединенные Штаты, увозятъ съ собою большое количество золота, и капитаны кораблей не показываютъ, сколько золота имѣютъ пассажиры, хотя изъ Санъ-Франсиско нечего вывозить кромѣ золота. Работники тоже сухимъ путемъ уходятъ въ Мексику съ большимъ количествомъ золота, такъ что можно почти удвоить цифры, и вмѣсто 186 милліоновъ долларовъ, добытыхъ въ послѣдніе четыре года, поставить 372.

Можно еще сосчитать количество золота другимъ способомъ: въ золотыхъ рудахъ работаютъ до ста тысячъ человекъ. Каждый работникъ мѣньшимъ числомъ добываетъ въ день три доллара, то-есть въ годъ тысячу, что составляетъ на сто работниковъ сто тысячъ миллионѡвъ. Стало быть Калифорнія прибавляетъ ежегодно къ золоту, разсыпанному на земномъ шарѣ, полъ-миллиарда. Кажется, это уважительная цифра. (Erheit).

Подводный телеграфъ Франклина. При каждомъ открытіи повторяютъ одно и тоже, что оно не ново и было уже давно извѣстно. Мы гордимся подводными телеграфами, воображая, что до насъ они были неизвѣстны; но вотъ что писалъ Франклинъ, въ 1748 году, своему другу Петеру Коллинсону въ Лондонъ:

«Меня печалитъ, что я до-сихъ-поръ не могу произвести чего-нибудь достойнаго вниманія. Съ приближеніемъ жаркаго времени трудно дѣлать электрическіе опыты и потому мы отправились на берега Шюилькиля, гдѣ проведемъ остатокъ лѣта. Разговоры между двумя берегами будутъ происходить посредствомъ одной искры и проводникомъ будетъ одна вода. Мы дѣлали уже опыты и они удались, къ общему удивленію зрителей.

«Для нашего обѣда готовятъ каплуна, убитаго электрическимъ ударомъ и его изжарятъ на электрическомъ вертелѣ передъ огнемъ, зажженнымъ электричествомъ. Мы будемъ пить за здоровье всѣхъ знаменитыхъ физиковъ Англій, Голландіи, Франціи и Германіи, при громѣ электрическихъ пушекъ». Профессоръ Морсъ, говорятъ, тоже съ успѣхомъ дѣлалъ опыты подводнаго телеграфа, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на рѣкѣ Сускеганна. Онъ-же собирается учредить электрическое сообщеніе между Соединенными Штатами и Великобританіею. (Idem).

Финики. Благодаря покоренію Алжира и торговымъ сношеніямъ съ Варварійскими владѣніями, парижане увѣрились, что финики существуютъ не въ однихъ Арабскихъ сказкахъ и что ихъ ѣдятъ не одни принцессы Тысячи и одной ночи. Въ настоящее время въ Парижѣ финиковъ больше винограда и всѣ фруктовыя лавки завалены этими плодами. Но въ Африкѣ финиковое дерево въ большой чести, потому-что составляетъ необходимую потребность жителей. Плоды его составляютъ

главную пищу туземцевъ; животные тоже питаются финиками три четверти года, и дерево это одно употребляется на постройки. Въ Феццѣ такое количество финиковыхъ деревьевъ, что въ 1829 году у одной маленькой деревушки, по имени Сокна, было 113,000 деревьевъ. Когда Абдель-Кадеръ бралъ приступомъ эту деревню, то уничтожилъ 43,000 деревьевъ. Оно такъ плодородно, что со ста деревьевъ собираютъ двѣ тысячи килограмовъ плодовъ. Кромѣ-того, изъ нихъ добываютъ въ большомъ количествѣ сладкій сокъ, называемый *лаби* и составляющій прохладительный и немного-чистительный напитокъ. Послѣ броженія, этотъ напитокъ дѣлается крѣпкимъ и пьянымъ. Когда не хотятъ жертвовать деревомъ, то добываютъ изъ него сокъ невдругъ, а понемногу, въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. И такъ одно финиковое дерево питаетъ жителей, даетъ имъ пріятный напитокъ и служитъ для построенія жилищъ. Это тоже, что кокосовое дерево у индѣйцевъ. (Idem).

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ.

Открытие парижской всемирной выставки. — Тридцать отдѣловъ ея. — Раздѣленіе на классы. — Национальная художественная галлерей. — Каучуковое ухо. — Алкоголь изъ дерева. — Каникулы въ Парижѣ. — Загородная жизнь. — Зачѣмъ и куда Парижъ ѣздитъ лѣтомъ. — Охотники. — Какъ путешествуютъ Парижане. — Бельгія и Рейнъ. — Воды и игорные дома. — Ариадна Даннекера. — Гамбургъ. — Посѣщеніе историческихъ мѣстъ. — Гдѣ живутъ лѣтомъ парижскіе артисты. — Барбизонскій музей — Купанье и купальщицы. — Кто не переезжаетъ на дачи. — Омнибусы желѣзныхъ дорогъ. — Открытые омнибусы. — Загородные дилижансы. — Кучера. — Неразговорчивость пассажировъ. — Фарсеры. — Случай смерти и рожденія. — Левіаѳаны. — Что такое рапена? Рапены въ прежнее и въ настоящее время. — Эмансипація рапена. — Расчетливые молодые люди. — Спекуляціи на искусство. — Исторія одного богатаго рапена. — Для чего иные молодые люди хотятъ быть художниками. — Скульптура легче живописи. — Рапены музыкальные и литературные. — Кто дѣлается докторомъ въ Парижѣ. — Исторія одного врача. — Специальное леченіе. — Пингифактура. — Экзотическая медицина. — Рецепты соннамбулокъ. — Помощники операторовъ. — Даровыя консультаціи. — Трактатъ о носовыхъ бользняхъ. — Разные виды и системы парижскихъ докторовъ. — Конспіуумы.

15 мая послѣдовало открытіе парижской выставки. Какіе именно предметы болѣе всего обращаютъ всеобщее вниманіе и какой результатъ будетъ имѣть вся выставка для матеріальнаго благосостоянія Франціи, это покажетъ будущее. Теперь опишемъ только распредѣленіе товаровъ на выставкѣ. Она раздѣляется на тридцать классовъ.

Отдѣленіе первое. Произведенія промышленности. Первая группа: Горныя произведенія и сырые матеріалы: Классъ I. Горное искусство и металлургія. Классъ II. Произведенія лѣсоводства, охоты, рыболовства. Классъ III. Земледѣліе и садоводство.

Вторая группа: Промышленность механическая: Классъ IV. Всеобщая ремесленная механика. Классъ V. Механика желѣзныхъ дорогъ и

другихъ транспортныхъ средствъ сообщеній. Классъ VI. Специальная механика мастерскихъ для ремеслъ и земледѣлія. Классъ VII. Специальная механика для ткацкихъ станковъ и пр.

Третья группа: Промышленность съ употребленіемъ физическихъ и химическихъ агентовъ, для ученыхъ аппаратовъ и проч.; Классъ VIII. Инструменты для художествъ, ремеслъ и наукъ. Классъ IX. Аппараты для экономическаго приобрѣтенія теплоты, свѣта и электричества. Классъ X. Химическія вещества, краски, типографскіе матеріалы, бумага, кожа, каучукъ и проч. Классъ XI. Съѣстные припасы, со средствами сохраненія ихъ.

Четвертая группа. Промышленность и науки. Классъ XII. Фармацевтика, медицина и хирургія. Классъ XIII. Морское и военное искусство. Классъ XIV. Гражданскія зданія.

Пятая группа: Обработка минеральныхъ произведеній: Классъ XV. Фабрикація стали. Классъ XVI. Обыкновенныя металлическія работы. Классъ XVII. Работы изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней и бронзы. Классъ XVIII. Стекланный и глиняный товаръ. Классъ XIX. Бумажнохлопчатая промышленность. Классъ XX. Шерстяная промышленность. Классъ XXI. Шелковая промышленность. Классъ XXII. Льняная промышленность. Классъ XXIII. Ковры, позаментные товары, кружева и проч.

Седьмая группа: Мебель и обои, моды и образцовые рисунки. Книжная и музыкальная промышленность: Классъ XXIV. Меблированіе и украшеніе комнатъ. Классъ XXV. Одежда и моды. Классъ XXVI. Словолитня, типографія, фотографія и проч. Классъ XXVII. Музыкальные инструменты.

Второе отдѣленіе. Предметы искусствъ: Восьмая группа: Классъ XXVIII. Живопись, гравюры и литографія. Классъ XXIX. Скульптура и медальерное искусство. Классъ XXX. Архитектура.

Кромѣ того, подлѣ огромнаго зданія на Елисейскихъ-поляхъ, на берегахъ Сены, назначеннаго для всемірной выставки, воздвигнута другое, названное *Национальною художественною галлереею*. Въ центрѣ зданія, въ каждомъ этажѣ по три большія залы. Верхняя зала назначена для большихъ картинъ, на которыя свѣтъ падаетъ сверху; цвѣтъ стѣнъ оливковый, признанный художниками выгоднѣйшимъ для произведеній живописи.

Скульптура помѣщена въ лѣвомъ флигелѣ этого зданія. По стѣнамъ вывѣшены рисунки *альфреско*, всѣхъ извѣстныхъ мастеровъ.

Для художественной галлерей вытребовали себѣ пространства: Англія 860 метровъ, Бельгія 800, Пруссія 752, Нидерланды 310, Швейца-

рія 300, Австрія 210, Гамбургъ 133, Швеція и Норвегія 300, Великое герцогство Гессенское 52, Виртембергъ 23, ГанOVERъ 1 метръ.

Одна изъ среднихъ соединительныхъ залъ заната вполне картинами Гораса Верне, другая картинами Эгера. Делакура занимаетъ тоже цѣлую стѣну залы.

Изъ Англіи привезли картины Дибсона, Ландсера, Мюльреди, Сен-Фильда, Прюти, Кеттермола и др. Изъ Бельгіи — скульптурныя произведенія Геефса и Симониса и живописцевъ Партаэльса, Стевенса, Вильгемса, Лейса, Верлаета и пр.

Вотъ покажемъ все, что мы можемъ сказать о парижской выставкѣ, къ которой еще возвратимся.

Нашъ вѣкъ можно рѣшительно назвать *вѣкомъ изобрѣтеній*. Въ одномъ Парижѣ съ 1840 года до 1855 выдано 27,374 привилегіи на разныя изобрѣтенія. Правда, что изъ нихъ уничтожились потомъ 2678 патентовъ, потому-что изобрѣтатели не успѣли въ законный срокъ привести въ дѣйствіе своихъ изобрѣтеній. Но все еще остается ихъ очень много.

На-дняхъ открылось въ Парижѣ одно очень остроумное изобрѣтеніе, на которое не взято было и патента. Одинъ хорошій знатокъ въ лошадяхъ купилъ кавалерійскую лошадь, отличную во всѣхъ отношеніяхъ. Съ этою покупкою явился онъ къ одному изъ своихъ пріятелей, тоже знатку, и похвасталъ своимъ произведеніемъ.

— Что ты далъ за эту лошадь? спросилъ тотъ по осмотрѣ ея.

— Триста франковъ.

— Что за чепуха, она вдвое стоитъ. Вѣрно есть какой-нибудь порокъ. Обѣзжалъ ты ее?

— Попробуй ты.

Послѣ тщательнаго испытанія, лошадь оказалась наилучшихъ качествъ. Опять второй знатокъ обошелъ кругомъ, ощупалъ все тѣло, — нигдѣ никакого порока.

— А все-таки быть не можетъ, чтобъ она была не безъ изъяна. Никто даромъ не отдаетъ лошадей на рынкѣ.

Новый осмотръ, и новыя удивленія! Вдругъ купившій испустилъ крикъ. Нечаянно замѣтилъ онъ какую-то особенность одного уха; схватился за него: оно было каучуковое. На сраженіи природное было отстрѣлено, и одинъ искусникъ взялся придѣлать каучуковое. Приставка была такъ искусно сдѣлана, что самый опытный глазъ могъ ошибиться. Но какъ товарищи въ полку всѣ это знали и часто смѣялись надъ этимъ, то хозяинъ и рѣшился продать лошадь незнакомому человѣку.

Эдмонъ Арну сдѣлалъ слѣдующее изобрѣтеніе: онъ изъ дровъ дѣлаетъ алкоголь.

Хорошее белое дерево (береза, ольха, кленъ) распиливаетъ онъ до невозможности и сушитъ эти опилки при 100° температуры. Когда они остынутъ, то наливаетъ на нихъ помаленьку концентрическую сѣрную кислоту, мѣшая ихъ безпрестанно. Этой смѣси даютъ устояться двѣнадцать часовъ; потомъ растираютъ эту массу, подливая воды, покуда составится жидкость; эту жидкость кипятятъ, подбавя толченаго мѣла. Наконецъ, процѣдивъ все это, предоставляютъ броженію. Образуется алкоголь посредствомъ обыкновенной химической дистиллировки.

Количество кислоты должно быть въ 110 разъ противу 100 частей дерева по вѣсу. Но изобрѣтатель надѣется еще достигнуть до уменьшенія пропорціи кислоты.

Онъ выставяетъ свое изобрѣтеніе тѣмъ болѣе полезнымъ, что въ неурожайные годы, когда во Франціи столько тысячъ людей умираютъ отъ голода, можно весь хлѣбъ, употребляемый на дѣланіе алкоголя сохранить для продовольствія народа.

Самое время для парижской выставки выбрано несовсѣмъ удобно. Скоро каникулы, такая минута, когда Парижъ находится вездѣ, кромѣ бульваровъ, Елисейскихъ-полей и Булонскаго-лѣса. Въ эту эпоху городъ обязанъ быть пустымъ, и во всѣхъ журналахъ объявляютъ, что такой-то уѣхалъ на воды, такая-то въ замокъ; знаменитый А. поселился на берегу рѣки, несравненная Б. въ загородномъ эрмитажѣ и т. д.

Поговоримъ объ этой загородной жизни парижанъ съ ея роскошнымъ гостепріимствомъ, удовольствіями, свободою, непріятностями. Надобно признаться, что послѣднихъ бываетъ очень много.

Вообще въ послѣднія двадцать лѣтъ, богачи уѣзжаютъ за городъ совсѣмъ не для того, чтобъ пользоваться воздухомъ, задавать лѣтніе праздники, принимать у себя весь Парижъ, но просто изъ экономіи, и потому надобно признаться, что у нихъ неочень весело. Нѣтъ ни дальнихъ прогулокъ, ни игръ на лугахъ, ни шарадъ вечеромъ, между двумя ширмами, ни свиданій въ цвѣтущихъ аллеяхъ. Хозяинъ занятъ своими дѣлами, хозяйка мечтаетъ о новомъ кашемирѣ и соблюдаетъ строгую экономію лѣтомъ, чтобъ блеснуть зимою. Когда-же тутъ думать объ лѣтнихъ удовольствіяхъ. Правда, что нѣкоторые загородные замки открыты, какъ каравансерай, для всѣхъ друзей хозяина, но все-таки никто не умѣетъ одушевить общество, придумать какую-нибудь новую забаву. Куда дѣвалась французская веселость! У богача Агуадо собирается каждое лѣто многочисленное общество; хозяинъ не жалѣетъ ничего, чтобъ великолѣпно принимать гостей; но въ чемъ состоитъ главное развлече-

не этой толпы прекрасных женщин и молодых мужчин? Они каждый день, в семь часов, выходят на большую дорогу, чтобы посмотреть проезд дилижанса, и потом целый вечер разсуждают, отчего он опоздал двумя минутами или проехал тремя минутами раньше обыкновеннаго.

— Это наш ежедневный спектакль, съ аккомпаниментом пьлы, говорил Аруадо одному иностранцу. Чтобы не пропустить его, мы отложили обѣд на полчаса.

Бѣдные богачи!

Въ окрестностяхъ Парижа настроены мириады домиковъ, швейцарскихъ хижинъ, эрмитажей, микроскопическихъ виллъ—и все это для любителей загородной жизни. У парижанъ просто страсть къ дачамъ.

Торговецъ согласенъ тридцать лѣтъ прожить въ погребѣ, который онъ называетъ своимъ магазиномъ, чтобы потомъ сдать свои дѣла и на остальную жизнь имѣть лѣтомъ дачу съ тремя яблонями и двумя грядками овощей. Это его мечта, его единственная цѣль. Чѣмъ-бы онъ ни нажилъ состояніе, но купивъ дачу, занимается одною природою и самъ сажаетъ капусту и рѣпу.

Парижскій мѣщанинъ любить, чтобы его посѣщали на дачѣ; только онъ не имѣетъ привычки оставлять гостей обѣдать и заранѣе объявляетъ, что у него тѣсно и нельзя ночевать. Несмотря однако на эти предосторожности и благодаря желѣзнымъ дорогамъ, дачники въ Монморанси, Энгленѣ, Виль-Авре и другихъ близкихъ селеніяхъ не могли избавиться отъ непрестанныхъ визитовъ и переѣхали дальше, въ департаментъ Марны или Луары, чтобы пожить покойно. Нѣкоторые придумали другую хитрость, и по воскресеньямъ, когда всѣ должностные парижане бросаются за городъ, дачники по той-же желѣзной дорогѣ приѣзжаютъ со всѣмъ семействомъ въ Парижъ, посѣщаютъ театры, обѣдаютъ въ трактирѣ, и находятъ, что это обходится еще дешевле, чѣмъ накормить цѣлую толпу друзей. Одинъ изъ нихъ начерталъ на дверяхъ своей виллы:

Кто посылаетъ меня, тотъ дѣлаетъ мнѣ честь; кто не посылаетъ, тотъ доставляетъ мнѣ удовольствіе:

Люди служащіе, занятые, судьи, профессеры, адвокаты, ученики съ нетерпѣніемъ ждутъ каникулярнаго времени, чтобы хоть на два мѣсяца оставить парижскій шумъ, грязь, пыль. Одни торопятся на воды, другіе къ морю; счастливыцы спѣшать на берега Рейна, въ Неаполь, Флоренцію.

Самый замѣчательный типъ дачника, разсчитывающаго поскорѣе обратиться изъ города—это охотникъ, который не хочетъ знать ни красоту

природы, ни зелени, ни прохлады, но мечтаетъ только о зайцахъ и куропаткахъ. Прежде всего онъ хлопочетъ, чтобъ ему выдали свидѣтельство съ позволеніемъ охотиться; потомъ онъ приводитъ въ порядокъ ружье, приготовляетъ собаку, отдаетъ въ починку охотничій костюмъ, и въ день, назначенный для открытія охоты, онъ уже въ четыре часа утра выходитъ въ поле.

Карикатуристы и водевилисты привыкли осыпать насмѣшками бѣдныхъ охотниковъ, бѣгающихъ по Сень-Дениской равнинѣ за фантастическою дичью и кончающихъ тѣмъ, что покупаютъ зайцевъ у Лавалле, чтобъ не стыдно было вернуться домой съ пустымъ ягдташемъ.

Несмотря однако на всѣ остроумные шаржи, охотники все въ томъ же количествѣ охотятся въ окрестностяхъ Парижа, и большая часть изъ нихъ очень довольны своею судьбою. Въ-самомъ-дѣлѣ, дичи много близъ Сень-Жермена, Монтегю, Марли, въ Бьеврской долинѣ, въ Лонжюмо, между Мезономъ и Пуасей. Вообще Сеньскій-департаментъ можетъ похвастать богатствомъ разной дичи; но настоящему охотнику этого мало, и онъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, отправляется въ дальнія провинціи, чтобъ убить зайца въ Турени или куропатку въ Сентажѣ.

Парижскіе нимфроды встрѣчаются теперь на всѣхъ станціяхъ и посылаютъ друзьямъ письма и дичь со всѣхъ концовъ Франціи. Провинціалы смѣются надъ горячностью парижскихъ охотниковъ, которые всегда первые на мѣстѣ и стараются, чтобъ первые выстрѣлы принадлежали имъ; но они не знаютъ, что парижанинъ снѣшить отличиться, чтобъ потомъ было что рассказывать и припоминать зимою, или напечатать статью въ *Журналъ охотниковъ*.

Прежде была мода путешествовать по Итали; теперь парижане отправляются только на берега Рейна.

Западная Германія состоитъ изъ кусочка Пруссіи, клочковъ герцогствъ Гессенскаго, Нассаускаго, великаго герцогства Баденскаго, и туда-то стремится французскій туристъ, повторяя напѣвъ поэта Кернера: на Рейнъ! на Рейнъ!

Благодаря страсти путешественниковъ къ археологій и пароходамъ досельдорфской и кельнской кампаній, старая франко-германская рѣка, увѣчанная виноградомъ и развалинами, сдѣлалась также-извѣстна, какъ Риволийская-улица въ Парижѣ. Впрочемъ страсть къ Рейну существуетъ у всѣхъ народовъ. Стоитъ только войти на пароходъ, отправляющійся изъ Майнца въ Кельнъ, и вы встрѣтите на немъ экземпляры всѣхъ странъ свѣта, переплетенные въ эльбефское сукно. Шведы, испанцы, американцы, бельгійцы, сами германцы и огромное число англичанъ развѣзжаютъ по Рейну, каждый съ особенною цѣлью. Студенты цаেলাж-

даются природою и засматриваются на лоретокъ, отправляющихся куда-нибудь лечиться; игроки торопятся въ Гамбургъ; больные миллионеры въ Эмсъ; фравты и Вертеры ищутъ новыхъ предметовъ любви; профессоры ѣдутъ подальше отъ университетовъ, офицеры отъ казармъ; принцы и владѣтели Германскаго-союза путешествуютъ для своего удовольствія, — и все это на Рейнѣ.

Но отъ Парижа до Рейна еще далеко, и парижскій туристъ идетъ прежде всего къ сѣверной желѣзной дорогѣ и садится въ вагонъ. Не успѣетъ онъ проститься взглядомъ съ шумнымъ городомъ, какъ уже поѣздъ полетѣлъ стрѣлою, и передъ нимъ, точно въ фантастическомъ танцѣ, мелькають деревья, дома, дуга и потомъ кадрили изъ селеній Сент-Уэна, Сен-Дени, Энгіена, Монморанси. Потомъ въ вечернемъ туманѣ мелькнетъ Понтуаъ, похожій на итальянскій городъ, несмотря на свою прозаическую репутацию, — и туристъ перестаетъ смотреть на пейзажи, и засыпаетъ до самаго Брюсселя.

Брюссель, провинціальный городъ, пожалованный въ столицы; стало-быть нужно не болѣе двухъ часовъ, чтобъ осмотрѣть его.

Кромѣ церкви св. Гудулы и площади Ратуши, какой не существуетъ въ цѣлой Европѣ, всѣ улицы, дома, магазины, галереи, люди, книги, — все это въ Брюсселѣ перепечатка съ Парижа.

Стало-быть путешественникъ спѣшитъ въ Антверпенъ, чтобъ увидѣть что-нибудь новое, и любитъ тамъ Рубенсомъ и Риддекомъ. Картины Рубенса извѣстны по копіямъ, гравюрамъ, дагерротинамъ, описаніямъ, и потому на нихъ почти не смотрятъ, но Риддекъ очень занимаетъ иностранцевъ.

Риддекомъ называется кварталъ въ гавани, гдѣ происходятъ праздники Тритоновъ и Нерейдъ. При звукахъ оркестра, составленнаго изъ флейты, скрипки и барабана, при тускломъ освѣщеніи, въ большой залъ, наполненной дымомъ, запахомъ табаку, водки и соленой рыбы, танцуютъ неистово моряки въ красныхъ курткахъ, съ нимфами, одѣтыми въ живописные костюмы всѣхъ провинцій.

Но земля со всѣми шумными праздниками не можетъ занять туриста, и онъ на всѣхъ парахъ стремится къ Рейну. Нетерпѣніе его очень натурально, потому-что не успѣетъ онъ войти на пароходъ, какъ передъ его глазами развертывается такая великолѣпная панорама, которая произвела-бы фуроръ, еслибы ее перенесли на театръ Оперы. Только ни одинъ декораторъ не сумѣетъ представить живость этихъ движущихся пейзажей, освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ, безпрестанные контрасты, поражающіе зрителя. Вотъ дома, обросшіе зеленью, озера, гладкія какъ зеркало, дикіе утесы, свѣжія долины, виноградники, поля, усадебныя ста-

дами быковъ, которые лѣнливо поднимаютъ рогатыя головы и смотрятъ на проѣзжающее чудовище, бросающее дымъ; дальше опять луга и озера, красивые города,—и вдругъ загородитъ даль гора, черная и голая, и на ней нарисуются прозрачныя развалины. Все это кажется сномъ, и туристъ не замѣчаетъ ни полосатыхъ столбовъ, означающихъ различныя владѣнія, ни часовыхъ; онъ наслаждается чудною картиною.

Въ Ахенѣ каждый почитаетъ своею обязанностью посѣтить гробъ Карла Великаго; въ Кельнѣ посмотрѣтъ на неоконченный соборъ. Говорятъ, что надобно еще пятнадцать милліоновъ, чтобъ окончить гигантское зданіе; но кто знаетъ, соберутъ-ли ихъ когда-нибудь. Теперь только на желѣзныя дороги бросаютъ милліоны сотнями.

Но къ Рейну, къ Рейну! кричатъ путешественники, знакомые съ изображеніемъ собора по стклянкамъ съ одеколономъ, и все бросаются къ пароходу, на которомъ дѣлается ужасная тѣснота. Артисты развертываютъ свои альбомы, чтобъ схватить на лету какой-нибудь видъ; дамы закрываются зонтиками и вуалями и ищутъ тѣни; энтузіасты вынимаютъ огромные телескопы, ученые справляются съ путеводителями, литераторы развертываютъ *Rein* Гюго, въ брюссельской перепечаткѣ,—и все толкуютъ о красотахъ Рейна, о живописныхъ видахъ и чудной рѣкѣ. Нельзя досыта налюбоваться этою рѣкою, потому-что каждую минуту въ ней открываются новыя совершенства. Днемъ она великолѣпна, величественна, ночью еще лучше, подъ таинственнымъ покровомъ, когда воображеніе отстраняетъ вновь развалины замковъ, воскрешаетъ рыцарей, дѣла прошедшихъ вѣковъ...

Пароходъ останавливается въ Боннѣ, полномъ воспоминаніями о Друзѣ и Германікѣ, потомъ въ Кобленцѣ, гдѣ Мозель вливается въ Рейнъ, съ шумомъ и плесками, и усиливаетъ его теченіе. Въ горахъ близъ Эренбрейтштейна раздаются охотничьи рога, передаваемые эхомъ. Это дѣлается для забавы путешественниковъ.

Отъ Кобленца до Майнца Рейнъ поражаетъ своею дикостью. Онъ-то разливается моремъ, то стѣсняется между горъ и неприступныхъ утесовъ, и на тридцати миляхъ не видать ничего, кромѣ развалинъ и виноградниковъ, закрывающихъ цвѣтуція селенія. Вотъ Юганнисбергъ и вилла князя дипломата; вотъ пригорки, приносящіе въ годъ восемьдесятъ тысячъ флориновъ. Не даромъ Генрихъ Гейне, проѣзжая мимо Юганнисберга, пожелалъ взять его съ собою.

Владѣнія герцога нассаускаго соперничаютъ съ баденскими въ чистотѣ, порядкѣ, украшеніяхъ, зданіяхъ; и обѣ столицы стараются какъ можно больше привлечь путешественниковъ.

Въ Баденѣ назначаетъ свиданіе весь Итальянскій-бульваръ. Тутъ

встрѣчаются нервическія женщины и денди, провальсировавшіе зимою все здоровье. Лихтентальское гулянье превращается въ парижскій Лоншанъ.

Въ Баденѣ очень много играютъ и совѣтъ не лечатся и не купаются; въ Висбаденѣ, напротивъ, мало играютъ, но пьютъ премного воды. Въ Баденѣ бывають только проѣздомъ, и то лѣтомъ; въ Висбаденѣ цѣлыя семейства англичанъ и французовъ живутъ цѣлый годъ. Первый городъ можетъ похвастаться лѣтнею гостиною Парижа, второй лечебнымъ заведеніемъ всей Европы.

Майнцъ похожъ на городъ южной Франціи; только въ немъ женщины удивительныя хозяйки, хотя въ тоже время прекрасно образованы. Въ этомъ онѣ нисколько не похожи на французенокъ, которыхъ не учать основательно ни географіи, ни исторіи, которыя даже плохо знаютъ свой собственный языкъ, зато слишкомъ много занимаются музыкою и неутомимы въ танцахъ. О хозяйствѣ французенки не имѣють никакого понятія.

Изъ Майнца туристы отправляются по желѣзной дорогѣ, проложенной между цвѣтущими пейзажами, въ Франкфуртъ, который до-сихъ-поръ сохранилъ наружность города среднихъ вѣковъ. Всѣ путешественники бѣгутъ смотрѣть Ариадну Даннекера. Это прекрасная статуя въ греческомъ вкусѣ. Подобныя ей можно видѣть вездѣ; но здѣсь хранитель статуи употребляетъ хитрость, чтобъ привлечь посѣтителей. Такъ какъ статуя стоитъ передъ окномъ, то смотритель спускаетъ красную занавѣску, отсвѣтъ которой, падая на мраморъ, дѣлаетъ его прозрачнымъ и оживленнымъ; потомъ онъ вертитъ статую на ея цоколѣ, и глазамъ зрителей представляется почти живая чудная женщина, склонившаяся на геральдическую львицу.

При выходѣ изъ будуара Ариадны просятъ любопытныхъ росписать-ся въ альбомъ. Французы не могутъ, чтобъ не поострить и тутъ, и прибирають самые фантастическіе титулы и фамиліи, чтобъ только отличиться отъ другихъ.

Изъ Франкфурта торопятся въ Гамбургъ, который оставался-бы въ совершенной неизвѣстности, тѣмъ болѣе, что до него надобно ѣхать въ дилижансѣ карловингскихъ временъ. Но это обширный игорный домъ, и сюда стекаются игроки всей Европы. Для приличія, есть въ Гамбургѣ водолечебное заведеніе какъ, въ Эмсѣ и Висбаденѣ, гдѣ иногда купаются и пьютъ воду, для препровожденія времени, но здѣсь никто не знаетъ другой - дороги, какъ къ великолѣпному дворцу, гдѣ обитаетъ рулетка. Тутъ стекаются всѣ-возможныя монетныя системы: фредериксдоры, гильомы, суверены, піастры, наполеондоры, флорины, талеры, и на-

конецъ, тутъ-же, у ростовщиковъ остаются въ закладахъ груды драгоценностей, золотыхъ и серебряныхъ вещей, брильянтовъ, потому-что часто игрокамъ не съ чѣмъ ѣхать домой. Французы съ удовольствіемъ живутъ въ Гамбургѣ, потому-что въ окрестностяхъ его есть нѣсколько французскихъ деревень, заселенныхъ потомками гугенотовъ, изгнанныхъ уничтоженіемъ нантскаго эдикта, и которые говорятъ чистымъ французскимъ языкомъ вѣка Людовика XIV, напоминаямъ сочиненія Сень-Симона и Сюдери.

Швейцарія славится красотами природы, но ее не посѣщаетъ высшее общество, потому-что въ ней нѣтъ развлеченій, къ которымъ привыкло избалованное общество, а главное нѣтъ обычныхъ лицъ, съ которыми оно привыкло встрѣчаться, какъ напримѣръ въ Баденѣ, гдѣ сходятся почти всѣ знаменитости: вѣчный денди, съ стеклышкомъ въ глазу, банкиръ въ богатомъ тюльбюри, Мейерберъ на ослѣ, Жюль Жаненъ пѣшкомъ, не говоря уже о множествѣ графинь, маркизъ, княгинь, герцоги Бредастритъ и блѣдныхъ камелій.

Главное достоинство рейнскихъ городовъ состоитъ въ томъ, что они въ нѣсколькихъ часахъ отъ Парижа, а теперь время, самая дорогая вещь на свѣтѣ, и скоро надо будетъ придумать еще другую машину, быстрѣе пароходовъ и паровозовъ.

Было время, когда историки, министры, дипломаты, или люди, готовящіеся занимать государственныя должности, каждое лѣто дѣлали визиты мѣстамъ, гдѣ происходили славныя битвы имперіи. Тьеръ ввелъ въ моду эти путешествія, потому-что изучалъ на мѣстѣ наполеоновскую стратегію, необходимую для исторіи. За нимъ всѣ претенденты на портфели наводнили поля Вазьми, Маренго, Аустерлица, какъ-будто тоже писали исторію консульства и имперіи. Но теперь вся эта великая эпопея выучена наизусть, и только одни англичане продолжаютъ безъ усталости посѣщать поле Ватерлоо.

Артисты вообще рѣдко отправляются за границу, куда не допускаетъ ихъ положеніе финансовъ; но все-таки ни за что не останутся въ городѣ на время каникулъ. Пейзажисты берутъ свои ящики съ красками, свои зонтики, и поселяются въ лѣса Фонтенбло, до сентября и долѣе, пока морозы не выгонять ихъ. Всѣ они живутъ въ небольшомъ селеніи Барбизонѣ, находящемся посреди лѣса. Безъ пейзажистовъ эта деревня не могла-бы существовать; но теперь въ ней есть порядочная гостинница, и хозяйинъ ея владѣетъ такимъ музеемъ, за который дорого заплатятъ.

Вотъ какъ составился этотъ музей: однажды Деканъ, сидя съ друзьями въ большой бѣлой комнатѣ, вздумалъ набросать нѣсколько фресковъ

на стѣнѣ. Жадень, видя это, вскочилъ на столъ и нарисовалъ надъ дверью чудную собаку. Потомъ Руссо взялъ палитру и создалъ пейзажъ, которому можетъ позавидовать природа. За нимъ Діазъ покрылъ пѣлый простѣнокъ фантастическимъ рисункомъ. Примѣру этихъ живописцевъ послѣдовали другіе, и такимъ-образомъ составился любопытный и драгоценный Барбизанскій музей. Содержатель гостинницы поспѣшилъ вычистить всѣ стѣны въ трехъ комнатахъ, и каждый артистъ почитаетъ своею обязанностію, вмѣсто визитной карточки, оставить рисунокъ или эскизъ. Всѣ современные знаменитости подписались на стѣнахъ трактира: Лелё, Франсе, Алинья, Мюллеръ, Эдмондъ Гедуанъ, Коро и другіе обогатили музей, гдѣ есть также колоссальный кирасиръ Шарле. Эта колекція привлекаетъ толпы любопытныхъ, и трактирщикъ счастливъ, какъ владѣтельный герцогъ Германіи, который гордится своею историческою галерею.

Купальщики и купальщицы составляютъ тоже любопытный типъ лѣтомъ. Половина Парижа бредитъ купаньемъ и придумываетъ себѣ какія-нибудь болѣзни, чтобъ отправиться въ Виши, гдѣ много танцуютъ, въ Баньеръ де-Люшонъ, гдѣ только гуляютъ, и наконецъ въ Трувилъ, Люкъ Булонъ, Остевде и Трепоръ, гдѣ есть ванны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Діеппъ вошелъ въ моду между купальщиками, и желѣзная дорога привозитъ туда еженедѣльно толпы парижанъ, въ то время, какъ пароходы ежедневно подвозятъ изъ Нью-Гевена цѣлые грузы англичанъ. Въ Діеппѣ проводятъ время очень оригинально. Всѣ больные встаютъ очень рано и сходятся въ саду, гдѣ нѣтъ деревьевъ, но зато множество гимнастическихъ машинъ, мачты, лѣстницы, качели и пр. Особенно въ жары очень пріятно поломаться, и потомъ, для прохладенія броситься въ воду. Дамы купаются на открытомъ мѣстѣ, и надобно признаться, что прекрасная половина рода человѣческаго очень неинтересна въ купальномъ нарядѣ. Мы привыкли воображать себѣ всякую женщину, выходящую изъ воды, веперой, а тутъ самая хорошенькая нимфа покажется безобразною въ черной блузѣ и колпакѣ изъ клеенки. Непонятно, какъ женщины позволяютъ себя уродовать, особенно когда знаютъ, что сотни подзорныхъ трубъ, лорнетовъ и даже телескоповъ направлены на нихъ съ берегу. Неужели онѣ, изъ самолюбія, воображаютъ, что этотъ странный купальный костюмъ возвышаетъ ихъ красоту! Зато послѣ купанья начинается выставка нарядовъ. Больныя вооружаются всеми выдумками моды, гордятся дорогими кружевами, свѣжими шляпками, воздушными матеріями, но еще болѣе роскошными плечами, невозможными таліями, восхитительными ножками .. о лицахъ умалчиваемъ.

Какъ и вездѣ, замѣтно здѣсь нѣсколько блѣдныхъ, мраморныхъ жен-

щинъ, измученныхъ зимними балами. Ихъ можно легко узнать, потому что онѣ, по чувству противорѣчія, одѣваются скромно, какъ римскія матроны. Для нихъ надобно перевернуть стихъ поэта:

Parties Hélénes elles reviennent Pénélopes.

Тогда какъ въ Байи случилось совершенно противное.

Какъ счастливы тѣ, которые могутъ наслаждаться каникулами!

Есть люди, для которыхъ слово это не имѣетъ никакого значенія. Это бѣдные труженики: чиновники, врачи, журналисты, гробовщики. Для нихъ лѣто не существуетъ; для нихъ нѣтъ на свѣтѣ другаго города, кромѣ того, къ которому ихъ приковала судьба.

Съ открытіемъ выставки значительно увеличилось число парижскихъ omnibusовъ. Смотри на эти удобные, дешевые экипажи, любопытно припомнить ихъ исторію, довольно поучительную.

Во-время реставраціи, несчастный нововводитель вздумалъ завести во Франціи omnibusы, которые уже давно были въ употребленіи у англичанъ. Мы называемъ его несчастнымъ потому, что почти всегда изобрѣтатели не пользуются своими идеями, и разоряются, оставя другимъ право обогатиться. Изобрѣтатели паровыхъ машинъ, газа, omnibusовъ подтверждаютъ это правило. Всѣ они разорились и умерли, не успѣвъ извлечь никакой пользы изъ своихъ нововведеній, потому что каждая новостъ пугаетъ людей, привыкшихъ къ старому порядку вещей, и надобно много времени и усилій, чтобъ заставить ихъ идти другимъ путемъ.

Правда, что Сень-Симонисты, устроившіе первыя желѣзныя дороги во Франціи, не умерли съ голода, а напротивъ разбогатѣли; но это только счастливое исключеніе.

Газъ обогатилъ теперъ нѣсколько компаний; но тотъ, который примѣнилъ его къ освѣщенію, и дѣти его были такъ бѣдны, что не въ состояніи были освѣтить своего чулана сальною свѣчкою. Точно также и сынъ изобрѣтателя omnibusовъ ходить пѣшкомъ, потому что не можетъ заплатить за мѣсто въ этомъ общественномъ экипажѣ.

Откуда-же произошелъ этотъ знаменитый экипажъ? Знала-ли древность, что такое omnibusъ? Утвердительно можно сказать, что нѣтъ, потому что нельзя никакъ вообразить грековъ и римлянъ, влезających въ общественную карету. Классики должны ходить пѣшкомъ.

Нѣкоторые ученые утверждаютъ что китайцы первые изобрѣли omnibusы и что въ Нанкинѣ, Пекинѣ и Кантонѣ ходили кареты въ двѣнадцать мѣстъ.

Это очень вѣроятно!

Завистливые американцы никакъ не могутъ согласиться съ этимъ

миѣніемъ, и увѣряютъ, что они первые завели, въ Нью-Йоркѣ и Филладельфій огромные экипажи, чтобъ перевозить гражданъ за дешевую цѣну изъ одного конца города въ другой. И это вѣроятно, потому-что идея дешеваго перѣзда должна была родиться у спекулятивнаго народа. Но англичане никакъ несогласны уступить американцамъ, и доказываютъ, что первые omnibuses явились въ Лондонѣ.

Кажется, споръ этотъ напрасенъ, потому-что настоящею колыбелью omnibуса былъ Парижъ. Лудовикъ XIV далъ привиллегію одному парижскому мѣщанину, учредить для проѣзда отъ Тюльери до рынка большую карету для двѣнадцати человѣкъ, и брать съ нихъ по шести су за проѣздъ въ одинъ конецъ.

Въ эту-же эпоху освѣтили Парижъ фонарями, превратившимися въ послѣдствіи въ газовые рожки.

Какъ и должно было ожидать, первый omnibusъ не имѣлъ успѣха, и о немъ забыли. Добрые парижане продолжали еще два вѣка ходить по грязи, покуда не почувствовали необходимость дешеваго и скорого экипажа.

Откуда произошло латинское названіе omnibusовъ и кто назвалъ такимъ именемъ общественныя кареты? Это остается тайною, несмотря на всѣ розысканія; и хотя Академія Надписей хотѣла присвоить себѣ честь этого названія, но ей скоро доказали, что она не въ состояніи была этого сдѣлать. Академія можетъ только давать имена памятникамъ и зданіямъ, а экипажи не по ея части; стало-быть филологи могутъ еще потрудиться и поискать, кому первому пришло въ голову оригинальное слово *omnibus*.

Omnibusъ сближаетъ всѣ классы общества, смѣшиваетъ всѣ состоянія, сравниваетъ права, потому-что всѣ заплатившіе одну цѣну могутъ почитать себя равными.

Въ Римѣ, Неаполѣ и Флоренціи нѣтъ omnibusовъ; тамъ народъ не сближается съ зажиточнымъ классомъ; въ Испаніи начинаютъ заводить общественныя кареты.

Во Франціи всѣ большіе города: Марсель, Ліонъ, Бордо, Руанъ, Нантъ и другіе имѣютъ omnibuses; и маленькіе города тоже заводятъ у себя эту роскошь, особенно если у нихъ есть станція желѣзной дороги, которая всегда бываетъ въ концѣ города или даже за городомъ, и пассажиры не могутъ съ чемоданами пробѣгать пѣшкомъ нѣсколько улицъ. Стало-быть omnibusъ необходимъ, и скоро во всей Франціи не будетъ селенія, по которому-бы не проѣзжалъ важно дилижансъ, наполненный работниками и жнецами, которыя уже не будутъ ходить на

работу пѣшкомъ. Какъ тогда будетъ Одеонъ изображать сельскіе нравы съ омнибусомъ на сценѣ!

Тридцать лѣтъ тому назадъ учредили первую линію омнибусовъ въ Парижѣ, по Маделенскому-бульвару, до Бастиліи.

Теперь двѣнадцать большихъ линій прорѣзываютъ городъ по всеѣмъ направленіямъ, отъ семи часовъ утра до одиннадцати вечера. Благодаря омнибусамъ, Батиньоль можетъ протянуть руку Одеону, а застава Звѣзды обняться съ Тронною.

Каждая изъ линій управляется собственнымъ обществомъ.

Управление главныхъ линій имѣетъ тысячу пятьсотъ лошадей. Любопытно видѣть это заведеніе, находящееся у заставы Нельи. Лошади помѣщены превосходно, работаютъ поочередно, накормлены во-время и вдоволь, за ними ходитъ ветеринарный врачъ, словомъ, жизни ихъ могутъ позавидовать нѣкоторые бѣдняки; только старость ихъ ужасна!

Заведеніе покупаетъ лошадей молодыми, большею частію въ Нормандіи, гдѣ порода сильнѣе, и замѣтивъ ихъ нумерами, отсылаетъ на конюшни, гдѣ поправляютъ ихъ туалетъ, подстригаютъ гриву, чистятъ, оставя имъ только хвосты во всю длину, чтобъ они могли отмахиваться отъ мухъ. Неизвѣстно почему англичане выдумали рѣзать хвосты у своихъ лошадей. Неужели въ Англіи мухи и комары нелагомы до лошадиной крови? А еще у нихъ есть общества, покровительствующія животнымъ.

Упрекаютъ, что дирекція означаетъ лошадей не именами, а нумерами. Ей некогда придумывать названія, но кучера знаютъ всеѣхъ лошадей, съ которыми ѣздятъ, и всегда даютъ имъ имена, увѣряя, что никакая лошадь не двинется съ мѣста, если ей закричатъ: Ей № 35 поворачивайся. Зато, что за названія придумываютъ кучера: Кокетка, Абдель-Кадеръ, Люстюкрю, Камбрень, Могадоръ, Портось, Тюрлюфеть и проч. Очень часто слышатся и политическія имена.

И такъ участь лошади завидна, и хотя ее держать почти до нельзя, когда она едва волочитъ ноги, но все-таки приходитъ время, когда она оканчиваетъ послѣдній свой поѣздъ. Тогда ее отводятъ въ долину Верино, гдѣ учреждена бойня для всеѣхъ домашнихъ, животныхъ и откуда она уже не выйдетъ. Палачъ убиваетъ ее однимъ ударомъ, сдираетъ съ нея кожу, вывариваетъ мясо и кости, и посредствомъ какой-то паровой машины выжимаетъ лошадиное масло, изъ котораго дѣлаютъ синильную кислоту.

Кто изъ франтовъ, разъѣзжающихъ на красивыхъ скакунахъ по Булонскому, лѣсу, воображаетъ, что конь его въ-послѣдствіи превратится въ берлинскую лазурь?

Но довольно о лошадях; обратимся къ самому экипажу. У Шарантонской-заставы находятся мастерскія компании омнибусовъ, гдѣ приготавливаются тяжелыя, просторныя кареты.

Всѣ работы дѣлаются паровыми машинами, только обойщикъ обиваетъ ихъ внутри, а маляръ краситъ снаружи. Нѣсколько новыхъ, блестящихъ омнибусовъ всегда стоятъ въ сараяхъ на всякій случай, и готовы тотчасъ-же прокатиться по Парижу. Странно только, что и они, точно также, какъ лошади, замѣчены одними нумерами. Отчего-же даютъ имена кораблямъ, пароходамъ, баркамъ, лодкамъ, батареямъ, локомотивамъ, а не удостоить придумать приличныхъ именъ омнибусамъ. Развѣ они мало приносятъ пользы обществу?

Въ другомъ сараѣ стоятъ омнибусы, умершіе отъ старости; въ третьемъ устроенъ лазаретъ, гдѣ поправляютъ поврежденія каретъ, которыя можно чѣмъ-нибудь вылечить.

Кондукторъ парижскаго омнибуса нисколько не походитъ на лондонскаго. Англичанинъ высматриваетъ пассажира, зазываетъ его, нарочно приоستانавливается, упраниваетъ и почти насильно сажаетъ прохожаго, который, можетъ быть, и не вздумалъ-бы самъ остановить экипажа. Парижскій кондукторъ почитаетъ униженіемъ звать пассажировъ, и часто даже не слышитъ, если его зовутъ. Онъ не смотритъ на улицу, дремлетъ на своей подножкѣ или вступаетъ съ сосѣдомъ въ политическій разговоръ. Въ это время, можетъ-быть, усталая женщина кричитъ: кондукторъ остановись! но онъ ни чего не слушаетъ; можетъ-быть толстый, красный мужчина бѣжитъ, запыхавшись, за каретою, но кондукторъ разсуждаетъ, и омнибусъ продолжаетъ катиться, даже неполный.

Зато какъ часто слышенъ въ Парижѣ слѣдующій разговоръ:

— Слышали вы новость? М. умеръ.

— Неужели! какой здоровый, полный мужчина. Отчего-же?

— Отъ воспаления въ груди.

— Возможно-ли?

— Да, онъ бѣжалъ за омнибусомъ, простудился и слегъ. Мошеникъ кондукторъ не остановился.

Нельзя обвинять кондуктора безъ облегчительныхъ обстоятельствъ. Надобно вообразить и ихъ положеніе. Вѣчно, во всякую погоду, въ дождь, снѣгъ, вѣтеръ, пыль, они ѣздятъ по одному и тому-же пути, видятъ тѣже дома, улицы, лица, говорятъ по сту разъ въ день одни и тѣже слова, и по дорогѣ ни одна гризетка, ни одна служанка не бросятъ ему улыбки или взгляда. Кондукторъ считается почти не человекомъ, но какимъ-то вѣчнымъ жидомъ, осужденнымъ путешествовать, стоя на подножкѣ. Немудрено, что люди эти всегда мрачны и нелю-

безны. Однако, несмотря на свою трудную должность, они рѣдко отпрашиваются въ отпускъ, и въ свободный день находятъ удовольствіе въ томъ, что ходятъ пѣшкомъ, съ сигарою во рту, по тому-же самому тракту, по которому ѣздитъ его дилижансъ. Что значитъ привычка!

Однако есть средство расшевелить дремлющихъ кондукторовъ и сдѣлать ихъ расторопными и услужливыми, такъ чтобъ имъ не обвиняли въ убійствѣ толстяковъ. Стоитъ только назначить имъ небольшую часть сбора, какъ это дѣлается въ Лондонѣ, и тогда они будутъ хлопотать для своей пользы; путешественники будутъ то-же довольны, и много выиграютъ.

Для желѣзныхъ дорогъ существуютъ особенные омнибусы. Надобно видѣть, въ минуту пріѣзда вагоновъ, какъ вся толпа бросится къ экипажу, какъ люди, узлы и товары исчезаютъ внутри его, и когда кондукторъ запираетъ дверцы, никакія просьбы, никакія обѣщанія не заставляютъ его снова отворить; онъ гонитъ лошадей, останавливаясь на нѣсколько секундъ, чтобъ высадить путешественниковъ, но не беретъ никого на дорогѣ, потому-что ему назначено время, когда пріѣхать къ конторѣ, и онъ платитъ штрафъ если запоздаетъ. Однако не одни пассажиры вагоновъ пользуются дилижансомъ желѣзныхъ дорогъ. Бѣдные пѣшеходы торопятся сѣсть въ него, потому-что въ немъ проѣздъ дешевле, чѣмъ въ другихъ омнибусахъ. Каждый хочетъ дѣлать экономію, гдѣ только возможно. Разница состоитъ въ трехъ су!

Лѣтніе омнибусы появляются вмѣстѣ съ ласточками, розами, соловьями и земляникою. При видѣ ихъ, гуляющіе на бульварахъ радостно улыбаются и останавливаются посмотреть на счастливцевъ, которые отправляются въ Анверъ, наслаждаться запахомъ сирени, на зеленые луга *Красной Мельницы*, въ цвѣтушія аллеи Цвѣточнаго-замка. Кажется, что при проѣздѣ лѣтняго открытаго дилижанса, похожаго на корзинку, наполненную, вмѣсто цвѣтовъ, молодыми женщинами, слышится трескъ фейерверка, щелканье шампанскихъ пробокъ, напѣвы куплетовъ и упительные мотивы полекъ и вальсовъ въ Мабиль.

Открытые омнибусы недавно еще изобрѣтены, но они предпочитаются закрытымъ, особенно женщинами, которыя рады, что незаперты въ душной коробкѣ, и могутъ показать прохожимъ свой свѣжій нарядъ. Разумѣется, что въ случаѣ дождя открытые экипажи очень невыгодны, но такъ какъ это случается больше на возвратномъ пути, потому-что собираются всегда въ хорошую погоду и успѣютъ до чего-нибудь доѣхать, то никто и не боится дождя.

Въ окрестностяхъ Парижа ѣздитъ по неизвѣстнымъ селеніямъ старинные омнибусы, которые возили нашихъ отцовъ. При нихъ нѣтъ

кондукторовъ, должность которыхъ исполняютъ кучера. Эти кучера представляютъ любопытный типъ. Они знаютъ всѣхъ, кто встрѣтится на дорогѣ, останавливаются поговорить съ знакомыми, подъѣзжаютъ ко всѣмъ кабачкамъ выпить стаканъ вина, берегутъ лошадей, ѣдутъ тихо, часто отдыхаютъ, и всю дорогу смѣются и разговариваютъ съ путешественниками. Кучерь дилижанса не знаетъ ни зависти, ни злости. Онъ не жалуется на своихъ товарищей, не боится, что проложить желѣзную дорогу тамъ, гдѣ онъ ѣздитъ, хотя это можетъ легко случиться, потому-что весь Парижъ окруженъ уже сѣтью рельсовъ, и, можетъ-быть, незначительныя деревушки захотятъ скоро примкнуться къ какой-нибудь вѣтви желѣзныхъ дорогъ. Какая разница между этимъ весельчакомъ и мрачнымъ, тупымъ кучеромъ городскихъ омнибусовъ! Послѣдній исполняетъ роль свою машинально, потому-что ему не надобно ни думать, ни говорить, ни смотрѣть, и потому онъ сидитъ въ козлахъ какъ автоматъ, и держитъ возжи полусонный, не заботясь ни о чемъ. Онъ оживаетъ только на минуту, чтобъ проклинать желѣзныя дороги, которыя скоро лишатъ его хлѣба, и потомъ опять впадаетъ въ апатію.

Вообще въ послѣднее время омнибусы начали много терять. Всѣ пассажиры этихъ каретъ, къ какому-бы полу ни принадлежали, дѣлаются грустны, задумчивы, молчаливы, и если имъ придется каждый день ѣхать съ одними и тѣми-же лицами, что случается очень часто, потому-что въ омнибусахъ есть всегдашніе абоненты, то не думайте, чтобъ люди эти познакомились, заговорили, пошутили; нисколько: всѣ смотрятъ на сосѣдей изъ-подлобья; дамы спускаютъ вуали, мужчины подвигаютъ на глаза шляпы, всѣ какъ-будто дали обѣтъ молчанія, и не выговариваютъ ни одного слова во всю дорогу. Если какой-нибудь наивный путешественникъ вздумаетъ сдѣлать нѣсколько пустыхъ вопросовъ, ему отвѣчаютъ отрывисто, грубо, и наконецъ, совсѣмъ не отвѣчаютъ. Дамы смотрятъ на него презрительно, мужчины пожимаютъ плечами, какъ-будто онъ пьянъ или сдѣлалъ какую-нибудь невѣжливость, и наивный путешественникъ перестаетъ говорить, но зато насвистываетъ какой-нибудь маршъ.

Куда дѣвалась порода фарсеровъ, которые брали на себя трудъ увеселять пассажировъ омнибусовъ, разумѣется выбравъ себѣ жертвою какого-нибудь глупаго, робкаго провинціала. Бывало не успѣетъ омнибусъ отъѣхать отъ станціи, какъ фарсеръ, изучивъ фizioноміи своихъ спутниковъ, вдругъ закричитъ пѣтухомъ и сядетъ на колѣни своей жертвы. Провинціальъ сердится, зоветъ кондуктора, но прежде чѣмъ тотъ покажется у входа, фарсеръ сидитъ уже на своемъ мѣстѣ, какъ ни въ

чемъ не бывало, и корчатъ уморительныя рожи. Всѣ хохочутъ и кондукторъ исчезаетъ; но шутникъ опять уже сидитъ на колѣняхъ сосѣда, и гнѣвъ послѣдняго возбуждаетъ всеобщее удовольствіе.

— Кондукторъ, кондукторъ, кричитъ онъ, выведите этого сумасшедшаго.

— Вы правы, это сумасшедшій, говоритъ серьезно другой фарсеръ, но безуміе его тихо и безвредно, и потому ему позволяютъ жить на свободѣ. Не раздражайте несчастнаго. Позвольте ему посидѣть у васъ на колѣняхъ.

Другіе пассажиры поддерживали эти слова, и фарсеръ дурачится сколько ему угодно, забавляя всѣхъ, кромѣ бѣднаго провинціала, который часто выходитъ на половинѣ дороги, чтобъ только спастись отъ сумасшедшаго.

Часто фарсѣры выбирали своими жертвами дамъ, и доводили ихъ до обмороку. Другіе представлялись больными холерою и разгоняли всѣхъ пассажировъ. Теперь ничего этого не бываетъ. Старые фарсеры уже умерли, а молодое поколѣніе такъ серьезно, такъ важно и занято, что не занимается подобными глупостями. Теперь даже рѣдко встрѣчаются болтуны, имѣющіе страсть разсказывать всѣмъ встрѣчнымъ про свои дѣла, про здоровье, про новую пьесу въ циркѣ и вызывающіеся провозжать всѣхъ дамъ. Нравы измѣняются, только къ лучшему-ли. Всѣ такъ скучны, неприступны и важны, что иностранецъ имѣетъ полное право сказать:

— Съ чего это взяли увѣрить, что французы народъ веселой, разговорчивый, любезный. У нихъ такія похоронныя фізіономіи, что возбуждаютъ жалость.

Притомъ стукъ колесъ о мостовую, ѣзда другихъ экипажей мѣшаютъ совершенно разговаривать, и потому въ omnibusахъ слышатся только отрывистыя фразы:

— А это ты! Здоровъ?

— Куда ты?

— Въ Берси.

— А? Что?

— Здоровы-ли твои?

— Проклятая мостовая, ничего не слышать. Не могутъ сдѣлать вездѣ шоссе.

— Да, шоссе хорошо когда неидетъ дождь.

— Что? Дождь идетъ? Какая досада!

— Нѣтъ, скоро-ли мы будемъ въ Иври?

— Вотъ станція. Прощай! Кланяйся женѣ, дочери.

— Буду. До свиданія. Мое почтеніе твоей супругѣ.

И больше нельзя ничего услышать въ общественныхъ каретахъ, особенно въ настоящее время.

Бываютъ еще въ омнибусахъ курьозные случаи. Случится, что дама, подозрительной полноты, сидящая въ углу, вдругъ вскрикнетъ. Кондукторъ тотчасъ-же останавливаетъ экипажъ. Женщины окружаютъ больную, мужчины хлопочатъ, приводятъ фіакръ, куда укладываютъ мать и новорожденного, и омнибусъ продолжаетъ свое путешествіе. Эти случаи бываютъ перѣдко, и замѣчено, что дѣти, родившіяся въ омнибусахъ, всегда здоровы, веселы, счастливы. Правда, что и маменька должна быть крѣпкаго сложенія, если, разрѣшившись въ омнибусѣ, спокойно возвращается съ ребенкомъ домой въ фіакръ.

Теперь, если удивляются счастью какого-нибудь человѣка, его постояннымъ успѣхамъ, завидному характеру, то не говорятъ уже, что онъ родился въ сорочкѣ, но что родился въ омнибусѣ. Вотъ отчего заботливыя маменьки предпочитаютъ всегда эти экипажи.

Странно, что смертные случаи чрезвычайно рѣдки въ общественныхъ каретахъ, и на нѣкоторыхъ линіяхъ ихъ никогда не было. Однако доктора запрещаютъ своимъ больнымъ ѣздить въ омнибусахъ, потому-что скука, бывающая въ каретахъ, можетъ раздражить нервы и усилить болѣзнь. Всѣ постоянные пассажиры дилижансовъ страдаютъ меланхолією. Поэты признаются, что никогда не могли сочинить ни одного стиха во время проѣзда; ученые говорятъ, что невозможно даже думать въ омнибусѣ. Кажется, только-бы и оставалось, что говорить, но путешественники, садясь въ карету, дѣлаются нѣмыми. Не мудрено, что атмосфера дилижансовъ наводитъ тоску.

Недавно бульварные омнибусы были надстроены, и сверхъ кареты явилась галерея, тоже для двѣнадцати путешественниковъ, названная имперіаломъ. Туда бросаются курильщики и бѣдняки, потому-что верхнія мѣста дешевле. Сколько несчастныхъ почитаютъ даже имперіаль недоступнымъ для ихъ средствъ.

Однако нововведеніе это очень полезно. За пятнадцать сантимовъ вы можете въ лѣтній вечеръ прокатиться по всѣмъ бульварамъ въ воздушномъ экипажѣ. Ничего подобнаго нельзя найти въ цѣломъ мірѣ. И какъ любопытенъ взглядъ на Парижъ съ вершины имперіала. Я говорю Парижъ, потому-что на бульварахъ отъ церкви Магдалины до Бастиліи соединяется все замѣчательное въ столицѣ: театры, кофейни, клубы, гуляющіе, модницы, самое пестрое народонаселеніе.

Путешественники не изъ одной экономіи выбрались изъ внутренности кареты и предпочитаютъ воздушную галерею. Даже женщины не

боятся туда взбираться, хотя сначала было ихъ очень мало. Скоро въ каретахъ будутъ брать мѣста только старики, больные ревматизмами и робкія дамы.

Но для этого надобно, чтобъ прежде всего имперіаль былъ устроенъ на всѣхъ омнибусахъ. И такъ какъ это общее желаніе и почти необходимость современнаго общества, то, вѣроятно, на всѣхъ линияхъ появятся имперіалы.

Одні лошади будутъ недовольны этимъ распоряженіемъ, потому-что имъ придется возить почти двойную тяжесть за ту-же цѣну; но общество, покровительствующее животнымъ, уже вступилось въ это и потребовало, чтобъ вмѣстѣ съ имперіалами прибавляли третью лошадь и чтобъ имъ давали лишнюю порцію овса. Директоры компаніи уже согласились на эту мѣру, и потому всѣ останутся довольны, не исключая лошадей.

Но омнибусы не остановились на этомъ усовершенствованіи, и недавно объявили объ изобрѣтеніи омнибуса-левіаана, въ которомъ помѣщаются сотни путешественниковъ.

Эта громодная карета везется только двумя лошадьми, но колеса ея скользятъ по желѣзнымъ рельсамъ, стало-быть тутъ нечего вступаться за животныхъ. Это цѣлое зданіе въ нѣсколько этажей, съ мѣстами во всѣ цѣны, съ балконами, павильонами, мезонинами, чердакомъ. И не воображайте, что это одинъ проектъ, существующій только на бумагѣ. Нѣтъ, левіаанъ уже нѣсколько мѣсяцевъ катается отъ начала Елисейскихъ-полей до Шальо.

Объщаютъ черезъ годъ открытіе другой линіи для левіаановъ, между Венсеномъ и Северомъ. Каждый день будетъ онъ ѣздить взадъ и впередъ, и всѣ мѣста будутъ по одной цѣнѣ, въ пять сантимовъ. Эта дешевизна позволитъ всѣмъ бѣднякамъ пользоваться экипажемъ, хотя публика не можетъ быть довольна этимъ совершеннымъ равенствомъ. Но что-жъ дѣлать? Скоро сбавятъ еще цѣны на вагоны и кареты.

Нѣкоторые пассажиры омнибусовъ увѣряютъ, что они находили случаи во-время проѣзда, влюбиться, объясниться и условиться о дальнѣйшемъ знакомствѣ. Это невѣроятно и похоже на хвастовство. Доказано, что женщины, и даже гризетки, неразговорчивы въ общественныхъ каретахъ и держатъ себя въ оборонительномъ положеніи, если даже никто не думаетъ на нихъ нападать. Надобно встрѣтить давнишнюю знакомую, чтобъ умѣть объяснитьсь съ нею знаками и взглядами, чтобъ другіе ничего не замѣтили. Въ такомъ случаѣ это будетъ только возобновленіе знакомства.

Правда, что нѣкоторые мужчины имѣютъ привычку заговаривать съ

пассажирами, видя ихъ въ первый разъ, всегда выходятъ вслѣдъ за дамою и доводятъ ее дому, но это случается вездѣ на улицахъ, и омнибусы тутъ ни причемъ.

А все-таки, несмотря на ихъ пользу, омнибусы учрежденіе въ высшей степени скучное. Будемъ надѣяться, что оно исправится. Цѣны за мѣста также не всѣмъ доступны, и ихъ необходимо понизить, иначе въ нихъ не сядетъ ни одинъ *рапенъ*, сословіе многочисленное, съ которымъ мы долгомъ считаемъ познакомить читателей.

Такъ какъ слово это непереводимо и ни на одномъ языкѣ нѣтъ ему равносильнаго, то мы и сохраняемъ французское названіе, понятное всѣмъ; вѣдь приняли-же мы во все языки *сивера*.

При словѣ рапенъ каждый вспомнить артистическое волненіе 1830 года, въ которомъ игралъ главную роль молодой человѣкъ, заросшій весь волосами, имѣвшій готическія формы, пугавшій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣшвшій мирныхъ гражданъ въ дни выставки, на которой коническая его шляпа обращала всеобщее вниманіе.

Но съ-тѣхъ-поръ наружность рапена чрезвычайно измѣнилась, какъ измѣняется все на свѣтѣ. Его иногда нельзя узнать съ перваго взгляда, но все-таки онъ существуетъ, и будетъ вѣчно существовать въ Парижѣ, точно также-какъ Латинскій-кварталь, лоретки, банкиры, аристократы, безъ которыхъ не можетъ быть и столицы. Только-теперь въ Парижѣ надобно отыскать рапена, который сдѣлался для многихъ тайною.

Допотопныя бороды исчезли, точно также, какъ прически времени Мервинговъ, фантастическіе костюмы, башмаки съ длинными носками и невозможныя шляпы, но рапенъ остался живъ, потому-что онъ не принадлежность одной эпохи, которая создала его въ минуту фантазіи, но важная фибра современныхъ нравовъ, необходимая фізіономія парижскаго общества, полезная школа для юношества, пріятное воспоминаніе въ старости — вотъ почему рапенъ вѣченъ.

Въ золотую эпоху романизма рапены бредили старинными мебелями, мозаиками, назывались Жеганъ, Петрусь, Гренгуаръ, Паулусъ, питались змѣиными котлетами, пили изъ череповъ кровь жабы.

Теперь ужасы не въ модѣ, точно также какъ тайны, и потому рапенами называютъ артистовъ живописцевъ или скульпторовъ, можетъ-быть и порядочныхъ людей, но произведенія которыхъ отличаются оригинальностью, производящею невольно смѣхъ, а не восторгъ.

Есть колористы, заслужившіе себѣ извѣстность, но которые всю свою жизнь останутся рапенами.

Рапены бываютъ также и въ литературѣ. Есть писатели, которые приобрѣли репутацію только дерзостью, странными выходками, смѣш-

ными претензіями, и которые имѣютъ все качества настоящаго рапена. Только ихъ называютъ *счастливыми* писателями, и никакъ давно дали имъ названіе *мушкетеровъ*.

Откуда происходитъ слово рапенъ? Многіе ломали голову, чтобъ найти этимологию рапена, но никакъ не могли, потому-что она не существуетъ.

Рапенъ точно также, какъ Антони, не имѣетъ предковъ, но неизвѣстно какое занимаетъ мѣсто въ словарѣ и какъ допускается во все общество. Въ началѣ своего существованія рапенъ значилъ молодой служитель искусства, грумъ мастерской, лакей учителя.

Надобно было слышать, какъ гордо нѣкоторые маляры употребляютъ грудное иѣ, только для того, чтобъ кричать: Гдѣ мой рапенъ? Поди сюда рапенъ! Дайте мнѣ моего рапена!

Бѣдныя дѣти были мучениками артистовъ, которые забавлялись ими какъ игрушками, мистификовали, дурачили, и все это называлось *шутками*.

Рапенъ былъ несчастіе негра; онъ не смѣлъ жаловаться и роптать, когда его били, толкали, обливали водой, пачкали красками.

Къ счастью, мода на эти шутки прошла.

Рапенъ эмансипировался, какъ настоящій негръ, потому-что жизнь невольника ему надоѣла. Онъ не соглашается питаться объѣдками хозяина и быть слугою въ мастерской. Нѣтъ, теперь рапенъ взомель на степень ученика, и считаетъ себя надеждою искусства, будущею славою. Онъ смѣло поднималъ голову, возвысилъ голосъ, выпрямилъ станъ, и началъ судить о современныхъ артистахъ, о произведеніяхъ живописи и скульптуры. Онъ съ увѣренностію знатока рѣшаетъ, что фигуры такого-то непохожи на людей, что пейзажи другаго верхъ-комизма, что институтъ набранъ изъ послѣднихъ невѣждъ, что люксамбургская галерея составлена изъ жалкихъ вывѣсокъ, которыя стоятъ сжечь на площади.

Вотъ первоначальное мнѣніе всехъ юныхъ артистовъ. Они начинаютъ тѣмъ, что не признаютъ никакихъ талантовъ, имѣвшихъ несчастіе родиться прежде ихъ и составить себѣ имя, и хотятъ все сжечь и уничтожить, чтобы создать новое совершенство. Но черезъ нѣсколько лѣтъ эти энтузіасты сживаются съ грустною дѣйствительностію. Они принимаются за работу, мечтая не объ образцовыхъ произведеніяхъ, но о средствахъ къ жизни, и рисуютъ гигантскія кисти винограда и невозможныхъ силеновъ, для приманки пьяницъ въ винные погреба.

Впрочемъ типъ восторженнаго и дерзкаго рапена тоже исчезаетъ. Теперь вы можете подойти къ толпѣ артистовъ во всякое время, и вмѣсто

прежних зажигательных рѣчей услышите самые покойные и разсудительные разговоры, какъ-будто передъ вами нотаріусы, а не рапены.

Они холодно говорятъ объ Энгрѣ и Делакруа, и *разсчитываютъ кого выгоднѣе* выбрать своимъ образцомъ. О картинахъ судятъ они только въ отношеніи цѣнности, и мечтаютъ о славѣ такого-то живописца только потому, что онъ умѣлъ составить себѣ огромное состояніе и что произведенія его покупаются дорого на всѣхъ аукціонахъ.

Не правда-ли, что въ этихъ акуратныхъ молодыхъ людяхъ трудно узнать прежнихъ рапеновъ, неподозрѣвавшихъ даже, что артистъ можетъ жить какъ банкиры. Если даже случается, что артисты пьютъ, то и во-время пьянства вы не услышите парадоксовъ. Они, кажется, и во снѣ дѣлаютъ только сложеніе, бредятъ выгодными спекуляціямъ.

Стало-быть рапенъ сдѣлался практическимъ человѣкомъ.

И тутъ нѣтъ ничего мудренаго, потому-что большая часть современныхъ молодыхъ живописцевъ принадлежитъ къ зажиточнымъ семействамъ, или сыновья стряпчихъ и чиновниковъ, которые выбираютъ карьеру артиста, потому-что она бываетъ иногда очень выгодна, особенно для тѣхъ, кто умѣетъ обратить на себя вниманіе, блеснуть какою-нибудь оригинальнію.

Они точно также выбрали-бы ремесло сапожника или плотника, еслибы оно было выгоднѣе.

Гдѣ то время, когда всякій ученикъ, посвящавшій себя краскамъ или глинѣ, объявлялъ непримиримую вражду всѣмъ мирнымъ гражданамъ, и думалъ только, какъ-бы позабавиться надъ ними! Теперь всякій лавочникъ въ праздничномъ платьѣ можетъ смѣло войти въ мастерскую, наполненную рапенами, и никто изъ нихъ не вздумаетъ подурочить посетителя, стащить съ него парикъ, брызнуть на него краскою или испугать хлопущою.

Всѣ эти шутки превратились въ миѳъ. Ни одинъ артистъ не позволитъ себѣ невѣжливости, и если кто-нибудь осчастливитъ его посѣщеніемъ, то онъ весь превращается въ улыбку, кланяется какъ самый эластическій клоунъ, хлопочетъ какъ-будто къ нему пришелъ Рафаэль или Микель-Анджело.

— Садитесь, говорить онъ, подавая стулъ посетителю, позвольте я уберу вашу шляпу, палку... Не устали-ли вы? Не хотите-ли сигаретку... и проч.

Вотъ какъ теперь обращаются съ посетителями, вмѣсто прежнихъ мистификацій. Теперь поняли, что только подобною дипломатіею можно сбыть нѣсколько жалкихъ картинъ, которыми завалена мастерская. Стало-быть неудивительно, что и рапенъ присмирѣлъ. Онъ видитъ,

что учитель его льститъ покупателямъ и чрезъ это наживается, и такъ-какъ теперь съ самыхъ молодыхъ лѣтъ развивается страсть къ богатству, то и рапенъ подражаетъ старшимъ, скрывая свои наклонности, охоту къ шалостямъ, веселость, и работаетъ прилежно и неутомимо, чтобъ только со временемъ нажиться.

Вотъ цѣль, вотъ мечта всѣхъ художниковъ.

Какъ-же съ подобнымъ направлениемъ могутъ существовать прежніе рапены, незнавшіе, что есть на свѣтѣ сберегательная касса и биржа!

Однако изъ этого общаго правила есть исключенія; есть молодые люди, сохранившіе древній, настоящій типъ рапеновъ, или только показывающихъ, что сохранили его, чтобъ играть какую-нибудь оригинальную роль. Ихъ можно почестъ медалями рапеновъ; только пскать ихъ нужно не въ извѣстныхъ артистическихъ кварталахъ, не въ мастерскихъ извѣстныхъ мастеровъ, даже не въ трактирахъ, гдѣ питаются будущіе Рембрандты, но посрединѣ Шоссе д'Антенъ! Это невѣроятно, но потому-то и справедливо.

Вотъ примѣръ, случившійся недавно.

Одинъ банкиръ, живущій великолѣпно, окруженный обюсонскими коврами, палисандровою мебелью, множествомъ люстръ, картинъ и слугъ въ ливреяхъ, сказалъ однажды своему сыну:

— Анатоль, ты окончилъ блистательное образованіе, которое я постарался тебѣ дать. Теперь тебѣ пора выбрать карьеру; я хочу, чтобъ ты былъ биржевымъ агентомъ. Мѣсто это очень выгодно, потому-что кліенты не понимаютъ хода дѣлъ, и ты можешь много выиграть. Потому ты женишься на Клитемнестрѣ Керенаръ, дочери моего компаньона; стало-быть все рѣшено, ты будешь богатъ и счастливъ.

— Я съ вами несогласенъ батюшка, отвѣчалъ молодой человекъ. У меня нѣтъ никакого расположенія къ биржѣ.

— Что это значить, сынъ мой? Что тебѣ сдѣлала биржа?

— Батюшка, недавно я прочелъ книгу о биржѣ и увѣрился, что тамъ просто собраніе плутовъ, мошенниковъ, воровъ. Я не могу безъ ужаса подумать о биржѣ! И вы хотите, чтобъ я погубилъ мою молодость въ этомъ страшномъ вертепѣ?.. Нѣтъ, я чувствую, что я рожденъ для искусства... Я хочу быть рапеномъ.

— Рапеномъ? Это что за ремесло?

— Я хочу быть артистомъ, живописцемъ. О! Какая будущность ожидаетъ меня! Какія яркія краски!.. Скорѣе дайте мнѣ палитру, кисти! Я буду великимъ живописцамъ.

— Но несчастный, есть-ли въ тебѣ хоть тѣнь таланта?

— Я вамъ признаюсь, батюшка, что у меня нетолько страсть къ

живописи, но и большой талантъ. Знайте, что вмѣсто того, чтобъ учиться въ классахъ, я рисовалъ на всѣхъ тетрадяхъ и книгахъ. Во-время курсовъ я нарисовалъ столько зуавовъ, карабинеровъ и африканскихъ егерей, что могъ-бы взять съ ними любой Севастополь... Не противьтесь моему желанію, не мѣшайте мнѣ сдѣлаться Рафаэлемъ или Рубенсомъ, не приковывайте меня къ биржѣ.

— Это твое послѣднее рѣшеніе, Анатоль!

— Я буду живописцемъ — или ничѣмъ.

— Ступай въ свою комнату и оставь меня одного. Я обдумаю нашъ разговоръ и скажу тебѣ послѣ, что я рѣшилъ.

— Если я его проклянѣю, говорилъ банкиръ, оставшись одинъ противъ своей кассы и чернилицы, что изъ этого выдетъ? Ровно ничего. Анатоль упрямъ, какъ осель, и если вобьетъ себѣ что въ голову, то уже трудно вразумить его. Да и я очень скоръ: предложилъ ему въ одно время Клитемнестру Керенаръ и мѣсто на биржѣ. Это невсякій можетъ выдержать, а въ его лѣта недалеко дойти до отчаянія. Впрочемъ, все это можно еще поправить, потому-что живопись тоже бываетъ иногда выгодна, какъ биржа. Развѣ у насъ нѣтъ артистовъ, которые катаются въ экипажахъ и составили себѣ огромное состояніе. Горасъ Верне живописецъ, но онъ знакомъ со всѣми важными особами, которыя покрываютъ чистымъ золотомъ его картины. Мой сынъ можетъ тоже сдѣлаться Горасомъ Верне! Какая слава для меня! Анатоль нарисуетъ мой портретъ во весь ростъ, и онъ обойдется мнѣ даромъ! Какая экономія!

И банкиръ идетъ въ комнату жены и говоритъ ей:

— Я рѣшилъ, что Анатоль будетъ живописцемъ, потому-что у него нѣтъ никакого расположенія къ финансамъ. Я не хочу стѣснять вкусъ его, тѣмъ болѣе, что, можетъ-быть, изъ него выдетъ второй Горасъ Верне.

Банкирша очень довольна этимъ распоряженіемъ. Она уже мечтаетъ, что толпа окружаетъ на выставкѣ картины ея сына и громко говоритъ о его талантѣ.

Сестра Анатоля въ восторгѣ, потому-что альбомъ ея пустъ, и она надѣется, что братъ будетъ только тѣмъ и заниматься, что рисовать ей акварелью собачекъ, пастушковъ, цвѣты, хижины...

— Я хочу, чтобъ Анатоль занялся высокою живописью, прибавляетъ отецъ, чтобъ произведенія его были серьезны, величественны, а не какія-нибудь фантастическія мелочи. О еслибы онъ могъ поступить въ мастерскую Поля Делароша! Вотъ было-бы счастье!

Напрасно однако бѣдный отецъ мечтаетъ о блистательной будущно-

сти сына, воображая, что у него есть талантъ. У Анатоля нѣтъ и слѣда способностей къ какому-нибудь искусству. Онъ говоритъ, что любить живопись, но это неправда; онъ хочетъ испробовать только свободную жизнь артиста, полную происшествій, неожиданностей, удовольствій. Онъ хочетъ избавиться отъ родительскаго присмотра и переселиться въ Бреда-стритъ.

Онъ хочетъ сбросить съ себя обыкновенный нарядъ и костюмироваться въ бархатное пальто и беретъ, говорить нарѣчіемъ мастерскихъ, которое для постороннихъ кажется японскимъ языкомъ. Наконецъ, онъ, какъ настоящій рапелъ, обростетъ волосами, перестанетъ мыть себѣ руки и не будетъ видѣться съ родными, которые впрочемъ и не узнали бы его.

Родители вообще воображаютъ, что сынъ ихъ работаетъ въ убранной, чистой мастерской, что самъ онъ похожъ на картинку, рисуетъ въ желтыхъ перчаткахъ и по вечерамъ посѣщаетъ высшія общества, гдѣ полькируетъ съ графинями. О! еслибы они предвидѣли дѣйствительность, они-бы не допустили Анатоля сдѣлаться великимъ людьми.

Банкиръ приготовилъ для сына кокетливую мастерскую въ своемъ домѣ, меблировалъ ее комфортабельно, снабдилъ всею нужнымъ, но Анатоль объявилъ, что ему невозможно тутъ работать, потому-что мѣшаютъ, что порядокъ стѣсняетъ его вдохновеніе и что живописецъ долженъ быть совершенно независимъ.

Ясно, что онъ хотѣлъ забраться въ Монмартрское предмѣстье или въ улицу Пигаль, чтобъ жить совершенно артистически, и банкиръ, боясь противорѣчіемъ ослабить талантъ сына, назначилъ ему содержаніе и отпустилъ на все стороны, все-таки увѣренный, что Анатоль будетъ жить порядочно и работать серьезно. Еслибы онъ только предвидѣлъ, гдѣ и какъ будетъ жить будущій Горасъ Верне!.. Но родители въ подобныхъ случаяхъ не знаютъ даже улицы, гдѣ находится знаменитая мастерская.

Анатоль начинаетъ тѣмъ, что знакомится съ многими рапелами, и разумѣется, знакомство это обходится ему недешево; потомъ, въ благодарность, товарищи рисуютъ ему наскоро пейзажи и фигуры, которыя отсылаются роднымъ съ подписью Анатоля, и наконецъ молодой живописецъ рѣшается доказать свой талантъ и садится передъ натянутымъ полотномъ.

Увы! Тутъ только начинаетъ онъ подозревать, что живопись не легкое искусство и что, отложивъ въ сторону историческія картины, очень трудно представить даже простой пейзажъ, человѣка, лошадь. Напрасно Анатоль употребляетъ все свои силы, все стараніе, но пейзажъ

зажи его похожи на блюдо шпинату, люди на куколь, а лошади на собаку, да и то на деревянныхъ.

Сомнѣніе закралось въ его молодое сердце, и онъ вскричалъ съ отчаянія?

— Неужели я ошибся! Неужели во мнѣ нѣтъ никакого таланта?

— Ни капли, отвѣчалъ одинъ изъ его новыхъ товарищей, уже сдѣлавшій нѣсколько шаговъ на поприщѣ искусства и даже продававшій свои картины. Вѣдь мы тебя просто дурачили!

— Возможно-ли!

— Да, я буду съ тобою откровененъ, потому-что долѣе совѣстно было-бы обманывать тебя. Всѣ мы, питомцы живописи, находимся иногда въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, что не знаемъ поутру, будемъ-ли обѣдать, и не смѣемъ пройти мимо колбасника, которому должны огромный капиталъ. Поэтому-то мы очень рады, когда въ нашемъ кругу появится такой богачъ, какъ ты, чтобъ пожуировать на чужой счетъ. Вотъ мы и пожуировали, кажется до того, что твой родитель начинаетъ подозрѣвать, что ты содержишь цѣлый полкъ рапеновъ, и собирается уменьшить твое жалованье. Стало-быть пора тебя образумить. Говорю тебѣ еще разъ, что ты никогда не будешь живописцемъ и что твои картины будутъ только смѣшить лавочниковъ...

— Я самъ вижу, что ошибся въ своемъ назначеніи, говоритъ съ грустію Анатоль. Какой я артистъ!

— Ты не живописецъ, продолжалъ рапенъ, но можешь быть скульпторомъ.

— Какъ-же это?

— А вотъ какъ. Ты знаешь, что всякій понимаетъ хоть немного живопись. Ты самъ догадался, что твои картины не стоятъ вывѣски; но скульптура такое искусство, что немногіе знаютъ въ немъ толкъ. Стоитъ только вылѣпить изъ глины чучелу, и каждый будетъ восхищаться ею говоря: какой славный слонъ! или удивительный мастодонтъ! или какая живая лошадь! Во всякомъ случаѣ, если у тебя не будетъ никакого таланта и если отецъ твой задержитъ твое жалованье, то ты все-таки можешь сдѣлать какую-нибудь статую для Елисейскихъ-полей, чтобъ не умереть съ голоду.

— Какъ, развѣ можно безъ ученья и таланта сдѣлать статую, которая будетъ украшать публичное гулянье?

— Я тебѣ говорю не объ украшеніяхъ, а объ маленькихъ глиняныхъ куклахъ, въ которыя стрѣляютъ въ цѣль по праздникамъ. Это очень выгодное ремесло.

Анатоль такъ привязался къ артистической жизни, что хватается за

скульптуру, лишь-бы не вернуться въ родительскій домъ. Типъ скульптурнаго рапена мрачный, дикій, грубый, и Анатолю теряетъ свою веселость, еще длиннѣе отпускаетъ волосы и бороду, смотреть изъ-подлобья, одѣвается грязно, не выпускаетъ изо рта трубки.

Перемена занятій требуетъ перемены мастерской, потому-что рапены всегда собираются дѣлать что-нибудь колоссальное, и статуи и группы, которыя никогда не будутъ начаты, должны быть помѣщены въ въ просторной квартирѣ. Хлопоты переѣзда заняли Анатоля, потомъ новые друзья потребовали, чтобъ онъ, для новоселья, далъ балъ, и приготовленія къ балу заняли столько времени, что онъ не могъ опомниться. Балы артистовъ уже нѣсколько разъ были описаны, но балы рапеновъ совсѣмъ незанимательны. Соберутся молодые люди въ сараѣ, прозванномъ мастерскою и освѣщенномъ огарками, поставленными въ мертвыя головы. Стѣны расписаны въ древнемъ вкусѣ, мебели очень мало, зато много трубокъ. Толпа молодыхъ людей, самыхъ непривлекательныхъ, пьютъ, поютъ, кричатъ, курятъ, танцуютъ какіе-то дикіе танцы, и наконецъ обыгравъ почти навѣрное хозяина или другаго простака, зѣваютъ и потомъ говорятъ цѣлую недѣлю: Какъ мы веселились? Какая у насъ была великолѣпная оргія!

Анатолю исполняетъ все, чтобъ только походить на своихъ новыхъ друзей. Онъ прервалъ сношенія съ родными, устроилъ себѣ отчаянную наружность. Однако жизнь эта, пустая, скучная, бесполезная, безъ работъ и удовольствій, сдѣлалась ему несносною, и рапенъ былъ счастливъ тѣмъ, что могъ бросить кисти и рѣзецъ и вернуться подъ кровъ банкира, чтобъ предложить свою руку мамзель Клитемнестрѣ Керенаръ и забыть совершенно артистовъ и искусство, кромѣ искусства наживать деньги.

Но кому нельзя найти другаго убѣжища, тѣ поневолѣ остаются въ обществѣ рапеновъ и дѣлаются дикарями, если талантъ и извѣстность не превратятъ ихъ въ настоящихъ современныхъ артистовъ, вѣжливыхъ, расчетливыхъ, хотя немного оригинальныхъ.

Вообще живописцы имѣютъ репутацію веселыхъ, забавныхъ людей въ обществѣ. Это оттого, что они очень долго остаются рапенами, иногда даже до старости.

Расчетъ тутъ самый вѣрный. Надобно живописцу быть ловкимъ, умѣть говорить остро и съ каламбурами, составлять игры для дѣтей и взрослыхъ, пѣть, играть на нѣсколькихъ инструментахъ, и когда онъ наживетъ репутацію любезнаго, услужливаго веселаго малагò, тогда онъ можетъ быть увѣренъ, что картины его, иногда довольно плохія, будутъ покупаться очень выгодно. Если-же живописецъ съ большимъ талантомъ, но еще безъ славы, вздумаетъ смотрѣть на общество съ пре-

небреженіемъ, то никто не закажетъ ему картинъ, и только послѣ смерти будутъ его хвалить. Какъ это выгодно!

Во всѣхъ искусствахъ рапены всегда имѣютъ больше успѣха, потому-что они смѣлы, новы, занимательны, иногда смѣшны, всегда забавны.

Въ главѣ мелодическихъ рапеновъ стоитъ Листъ, который увлекъ публику не геніальностью, не талантомъ, но волосами до пятъ, кривляньемъ за фортепяно, вздохами и взглядами, пронизывающими потолокъ.

Собраты его принимаютъ позы автоматовъ или изгибаются какъ угри, и въ началѣ лѣта печатаютъ, что ихъ ждутъ съ нетерпѣніемъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, и потому они только по просьбѣ друзей согласились дать самый послѣдній концертъ.

Замѣтимъ, что первыхъ концертовъ совѣмъ не было!

Въ литературѣ больше всего рапеновъ. Какъ назвать писателя, который кричитъ, что издатели преслѣдуютъ его, что директоры театровъ дерутся за его пьесы, что онъ не знаетъ, куда ему дѣвать банковыхъ билетовъ, который воображаетъ, что публика живетъ только тѣмъ, что читаетъ его романы? Не чистый-ли это рапенъ.

И литературные рапены до того заучиваютъ свою роль, что до старости остаются рапенами. Недавно одинъ извѣстный литераторъ принесъ толстую тетрадь къ редактору одного журнала, и просилъ, чтобъ ему тотчасъ-же заплатили? Редакторъ исполнилъ это требованіе и былъ радъ находкѣ, но когда развернулъ тетрадь, то нашель, что она составлена изъ одной чистой бумаги. Не шутка-ли это рапена.

Поэтическій рапенъ всего забавнѣе. Зная, что публику нельзя уже завлечь поэзією, онъ придумываетъ небывалые стихи, нечеловѣческіе сюжеты, неслыханныя названія, и проводитъ время въ томъ, что проклинаетъ свой вѣкъ и людей, недостойныхъ понимать величіе его стиховъ.

Не надобно однако думать, что необходимо быть рапеномъ, чтобы сдѣлаться художникомъ. Это излишняя роскошь. Сколько извѣстныхъ артистовъ выросли, воспитывались въ тихомъ родномъ уголку, не имѣя понятія о жизни рапеновъ, и все-таки достигли славы. Стало-быть рапенъ существо ненужное, но поэтому-то онъ живетъ и будетъ жить.

Кромѣ званія художника, есть еще одно, въ настоящее время самое модное, потому-что оно можетъ дать большіе доходы. Достигнуть этого званія цѣль весьма многихъ молодыхъ людей.

Когда мальчику минетъ восемнадцать лѣтъ и онъ окончитъ курсъ наукъ, папенька призываетъ его къ себѣ въ кабинетъ и говоритъ:

— Сынъ мой, какую карьеру намѣренъ ты выбрать. Хочешь быть военнымъ?

Большую частію воинственный характеръ сильно развитъ въ дѣтяхъ и они увлекаются эполетами; но случается, что сынъ не чувствуетъ расположенія къ палбѣ и отвѣчаетъ виновнику своей жизни:

— Нѣтъ, папенька, я не хочу быть инвалидомъ.

— Такъ будь адвокатомъ.

— У меня нѣтъ краснорѣчія.

— Негоціантомъ.

— Я сбиваюсь въ счетахъ.

— Такъ стало-быть тебѣ предстоитъ одна дорога. Ты будешь врачомъ.

И вотъ мальчика готовятъ въ дорогу, даютъ ему чемоданъ, свободу, и отправляютъ въ Парижъ учиться медицинѣ, назначивъ ему полтора франковъ въ мѣсяцъ содержанія на все: на квартиру, пищу одежду, экзамены и балы въ Шомьерѣ.

Надобно большое влеченіе къ медицинѣ, чтобъ заняться ею серьезно въ Парижѣ.

Однако, лѣтъ черезъ восемь, ученикъ кое-какъ познакомился съ патологіей, клинкой, терапіей, выдержалъ съ горемъ пополамъ послѣдній экзамень, и получилъ отъ факультета дипломъ, дающій ему право лечить и морить людей во всѣхъ департаментахъ Франціи.

Послѣ этого молодой докторъ отправляется навѣстить родныхъ, если они еще живы, или собрать кое-какое наслѣдство, чтобъ съ честью начать роль свою. Такъ какъ во-время пребыванія въ Парижѣ студентъ не могъ жить жалованьемъ, полученнымъ отъ отца, то случается, что наслѣдство, если оно и есть, все идетъ на уплату долговъ и на отдѣлку приличной квартиры. Потомъ докторъ, возвѣстивъ свое званіе огромными буквами на мѣдной доскѣ, начинаетъ ждать паціентовъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней напраснаго ожиданія, сомнѣніе вкрадывается въ сердце молодаго человѣка, и онъ въ отчаяніи бѣгаетъ по бульварамъ, ожидая, что съ кѣмъ-нибудь изъ гуляющихъ сдѣлается ударъ. Но какъ нарочно всѣ прохожіе кажутся здоровыми, и докторъ отправляется на послѣднія деньги пообѣдать къ Везуру.

Во-время стола и послѣ его занимаютъ слѣдующія размышленія:

— Нельзя-же, чтобъ соотечественники мои не узнали наконецъ, что я отличный докторъ и могу лечить нехуже другаго. Вѣдь и знаменитый докторъ Веронъ пишетъ, что онъ цѣлые три мѣсяца ждалъ паціентовъ, что наконецъ явилась паціентка, да и та не заплатила ему

ничего. Чѣмъ я хуже Верона? Вся разница въ томъ, что меня зовутъ Кабасоль, но это имя будетъ въ-послѣдствіи знаменито.

И мечтатель ложится спать, укачиваемый розовыми видѣніями. Онъ видитъ себя въ обширномъ галстухѣ и палисонахъ, за столомъ въ парижской кофейнѣ. Толпа льстецовъ и паразитовъ окружаетъ его и отсюда провожаютъ его въ оперу, гдѣ прелестныя танцовки встрѣчаютъ его съ отверстыми объятіями. Потомъ ему кажется, что онъ владѣетъ большимъ журналомъ, что у него домъ, экипажи и что издатель предлагаетъ ему сто тысячъ франковъ за его записки. Вотъ всегдашняя мечта молодыхъ докторовъ.

Но дѣйствительность бываетъ очень горька. Черезъ нѣсколько недѣль долги Кабасоля возрастаютъ. Со всѣхъ сторонъ являются кредиторы, никто не хочетъ больше вѣрить въ долгъ; наконецъ привратникъ дѣлается болѣнъ и жена его приводитъ другаго доктора, отнявъ у своего жильца послѣднюю надежду на пациента. Потомъ соперника Верона просятъ выѣхать изъ квартиры, задержавъ, разумѣется, его мебель; къ счастью, это происходитъ лѣтомъ, и онъ рѣшился ходить по улицамъ, дотѣхъ-поръ, покуда не умретъ съ голоду.

Однако судьба устааетъ преслѣдовать несчастнаго. На бульварѣ встрѣчаетъ онъ одного изъ своихъ прежнихъ товарищей, Лапеншо, который выдержалъ экзамень въ одно время съ Кабасолемъ, но имѣлъ, по какому-то случаю, красивую карету и казался богатымъ, хотя медицинскія познанія его были невелики. Зато онъ былъ гораздо ловчѣе и хитрѣе Кабасоля.

Друзья позавтракали, и потомъ Лапеншо сказалъ:

— Я вижу, что ты не понялъ твоего назначенія, Кабасоль. Ты отсталъ на сто лѣтъ отъ нашей эпохи. Держу пари, что ты украсилъ твой кабинетъ изображеніями Гипократа, мертвыми головами, анатомическими аппаратами, учеными книгами и что ты берешься лечить всѣ болѣзни безъ исключенія: горячки, лихорадки, воспаления, нервическія болѣзни и пр. и пр. Съ этимъ ты не уйдешь далеко. Теперь кабинетъ врача долженъ походитъ на будуаръ; самъ онъ не долженъ никогда говорить о болѣзняхъ и лекарствахъ; необходимо, чтобы наружность его ничѣмъ не напоминала его званія. Но главное, нынче докторъ долженъ быть специалистъ, то-есть лечить отдѣльно одну какую-нибудь болѣзнь или одинъ членъ: глазъ, носъ, ротъ, ногу. Такъ какъ частей тѣла немного, а специалистовъ развелось огромное число, то я, послѣ долгихъ розысканій и размышленій, избралъ для себя специальность: болѣзнь большого пальца на ногѣ. Я лечу всѣ боли внутри и снаружи этого пальца и много могу ожидать въ будущемъ, но готовъ уступить

тебѣ, какъ другу, мою находку, потому-что у меня есть еще другая спеціальность.

— Чѣмъ-же ты занимаешься?

— *Пинифактурой*.

— Это что такое? Я никогда не слыхалъ такого слова на лекціяхъ.

— Это искусство дѣлать людей полными изъ худощавыхъ. Сверхъ-того я могу по произволу переносить жирное вещество съ одного мѣста на другое, или придать полноты тамъ, гдѣ ее недостаетъ на человѣческомъ тѣлѣ. Благодаря моей спеціальности, кринолиновыя юбки и вата ненужны и я навсегда избавилъ отъ нихъ нашу породу. Разумѣется, что спеціальность моя этимъ не ограничивается, и если я изъ худыхъ дѣлаю толстыхъ, то могу и толстыхъ превратить въ худыхъ. Ты можешь себѣ вообразить послѣ этого, что у меня нѣтъ недостатка въ пациентахъ, и особенно въ пациенткахъ, потому-что женщины равно боятся чрезвычайной полноты и худобы. Вотъ часъ моихъ консультацій; ты увидишь, какъ я занимаюсь моею спеціальностью.

Въ самомъ-дѣлѣ Кабасоль былъ удивленъ талантами своего друга, отрывшаго *пинифактуру*, и рѣшась послѣдовать его примѣру, объявилъ себя «спеціальнымъ лекаремъ большого пальца на ногѣ».

Но попытка эта не удалась. Мозольные операторы не уступали ему своихъ больныхъ, и онъ лечилъ только тѣхъ, которыхъ присылалъ ему Лапеншо. Это не могло продолжаться, и нужда опять постучалась въ дверь Кабасоля. Въ это время привратникъ пришелъ къ нему съ пріятною новостью, что въ домъ переѣхалъ еще докторъ, что онъ занялъ весь первый этажъ, отдѣланный великолѣпно, и что его зовутъ Жозефъ Лаженжоль. При этомъ имени Кабасоль вскочилъ съ мѣста. Онъ вспомнилъ, что этотъ Жозефъ никогда ничему не учился, что онъ почти не выдержалъ экзаменовъ, и получилъ дипломъ случайно. Отчего же ему повезло счастье!

И бѣдный Кабасоль пошелъ къ прежнему дѣлвцу, который принялъ его очень ласково, и спросилъ, что онъ дѣлаетъ, какъ идутъ его дѣла?

— Такъ худо, что скоро нечего будетъ есть. Я бросилъ синтетическую медицину и занялся спеціальною, но мнѣ ничего не удается, я просто несчастливъ.

— Полно отчаиваться! возразилъ Жозефъ. Я тоже дошелъ до крайности съ моею спеціальностію, еслибы не придумалъ штуку, которая принесла мнѣ экипажъ, извѣстность, деньги, пропасть бальныхъ.

— Но что-жъ ты выдумалъ?

— Я избобрѣлъ систему леченія, противоположную той, которой теперь слѣдуютъ. Всѣ доктора требуютъ, чтобъ больные наблюдали діе-

ту, я-же напротивъ приказываю имъ кушать, и совѣмъ не бульонъ, не курочку и не варенье съ водой, а кусокъ бифтекса и пить стаканъ бордо или лафита. Разумѣется, что надобно только искусно выбирать больныхъ, изнуренныхъ нестолько болѣзнію, сколько продолжительною діетою, и тогда система моя дѣлаетъ чудеса. Больные воскресаютъ, силы ихъ возбуждаются на годъ, на мѣсяцъ, на недѣлю, даже хотъ на день, и этого довольно, чтобъ прославить мое имя. Если-же больной не переваритъ моей системы, я всегда могу сказать, что меня позвали поздно и что тутъ виноваты прежніе доктора. Собратья мои кричатъ, что я шарлатанъ, называютъ меня докторомъ Ростбифомъ, но я продолжаю держаться моей системы, покуда она приноситъ мнѣ пользу. Тебѣ-же, бѣдный Кабасоль, могу я дать полезный совѣтъ, чтобъ выпутаться изъ твоего положенія. Брось свою глупую специальность.

— Помилуй, что-жь мнѣ дѣлать?

— Примись за *экзотическую* медицину.

— Это еще что такое?

— Это медицина, имѣющая всегда успѣхъ въ Парижѣ. Надобно придумать себѣ какое-нибудь странное имя: польское, венгерское, татарское, одѣться оригинально, разучиться говорить по французски и пріучиться къ дикимъ манерамъ. Теперь это въ модѣ. Совѣтую тебѣ сдѣлаться венгерцемъ. Надѣнь большой бѣлокурый парикъ, золотые очки, длинный сюртукъ съ шнурками, привяжи въ петлицу нѣсколько яркихъ лентъ, и если можешь, продѣнь въ ухо серьгу. Это очень оригинально. Ты обязанъ знать только пятнадцать французскихъ словъ, и выговаривать ихъ какъ можно смѣшнѣе. Венгерскій докторъ не щупаетъ пульса у больныхъ, не смотритъ на языкъ больного, но потреплетъ его, помнетъ, и потомъ напишетъ какой-то рецептъ, который можетъ разобрать одинъ только аптекарь въ городѣ, разумѣется тоже мадьярскаго племени. Венгерець долженъ дѣйствовать таинственно, распускать слухи, что онъ принадлежитъ къ какой-нибудь страшной школѣ, что онъ былъ осужденъ на смерть и даже казненъ въ отечествѣ. Всѣмъ сказкамъ вѣрять здѣсь охотно.

Италянскіе доктора тоже имѣютъ большой успѣхъ, но они лечатъ только горловыя болѣзни, говорятъ о музыкѣ, Пастѣ, Малибранѣ, Зонтагъ, Гризи и разсуждаютъ объ Армидѣ Глюка. Скептики сомнѣваются, чтобъ они учились medicinѣ и имѣли дипломъ, но больные не спрашиваютъ объ этомъ, и очень рады, если докторъ италяинець выучитъ ихъ готовить макароны. Вообще италянцы хорошіе повара и лечатъ тоже глазныя болѣзни. Однако они не заставляютъ просить себя, чтобъ сдѣ-

латься дантистамъ. Словомъ, талантовъ въ нихъ много, а все-таки мы часто слышимъ вѣчно охрипшихъ пѣвцовъ и осипшихъ пѣвицъ.

Ты можешь тоже съ успѣхомъ объявить себя азіатскимъ докторомъ. Ихъ еще у насъ очень мало. Смѣло говори, что ты былъ въ Японіи, въ странѣ Ніомъ Жіамовъ, что ты лечилъ Далай-Ламу, былъ акушеромъ султаншъ, пользовался милостями Шаха Бахама и привезъ въ Парижъ множество секретовъ. Еслибы ты могъ найти себѣ слугу съ хвостомъ, то раззорилъ-бы всѣхъ собратовъ. Любители востока возьмутъ тебя подъ свое покровительство, и ты будешь дорого продавать свои помады, порошки, сиропы, возвращающіе молодость и даже жизнь. Выбери любой костюмъ и пробуй счастья.

Кабасоль обѣщавъ подумать и никакъ не находилъ въ себѣ довольно смѣлости и искусства, чтобъ играть роль иностранца, но на другой день получилъ отъ Лапеншо письмо съ выгоднымъ предложеніемъ.

Одинъ собратъ Бильбоке открывалъ магнетическія консултанціи, съ помощію соннамбулизма прекрасной Зефирины; но такъ какъ полиція запрещаетъ этотъ родъ леченія, то надобно, чтобъ докторъ писалъ рецепты, диктуемые соннамбулкою, для приданія леченію законнаго вида.

Предложеніе это было унизительно для Кабасоля, но дѣлать было нечего. Писать магнетическіе рецепты все-таки легче, чѣмъ притворяться иностранцемъ. Однако соннамбулизмъ уже надѣлъ публикѣ, и несмотря на фарсы Бильбоке, на красоту Зефирины и на содѣйствіе доктора, консултанціи не привлекали больныхъ, и Кабасоль не получилъ жалованья даже за мѣсяць.

Все эти неудачи однако не довели Кабасоля ни до самоубійства, ни до отчаянія. Онъ опять вспомнилъ счастливаго Верона, и вздумалъ тоже изобрѣсть какія-нибудь лепешечки отъ насморка или кашля. Для этого надобно было взять въ сотрудники аптекаря, какъ это сдѣлалъ Веронъ, уступивъ Ренью честь изобрѣтенія, чтобъ оно въ-послѣдствіи не помѣшало его политическимъ видамъ. И вотъ Кабасоль отправился въ сосѣднюю аптеку и предложилъ хозяину пустить въ свѣтъ новое лекарство.

— Хорошо, отвѣчалъ тотъ, только надобно найти оригинальное названіе и истратить пятьдесятъ тысячъ франковъ на объявленіе.

— Помилуйте, вскричалъ докторъ съ удивленіемъ, да у меня нѣтъ ни одного су.

— Такъ нечего и думать о вашемъ лекарствѣ. Неужели вы думаете, что ваша импровизація можетъ имѣть успѣхъ, если никто не будетъ знать о ней. А какъ узнать, если вы не заплатите журналамъ, которые за деньги готовы прокричать цѣлому свѣту, что лекарство ваше

воскрешает мертвыхъ. Развѣ вы не знаете, что объявленія первая вещь въ свѣтѣ. Да и то теперь ихъ употребляютъ во зло, и потому немногіе имъ вѣрятъ. Прошло наше золотое время.

Видя неудачу вездѣ, Кабасоль собрался было уже ѣхать въ Калифорнію или Австралію, когда ему предложили присутствовать при одной операціи. Тутъ онъ узналъ, что главный докторъ нанимаетъ своихъ собратьевъ, чтобъ рѣзать больнаго, чего не умѣетъ сдѣлать самъ, но деньги за операцію беретъ онъ, платя, по условію, только нѣсколько процентовъ помощникамъ, такъ что операторы были просто слугами доктора. Гордость Кабасоля не допустила его до такого униженія и онъ продолжалъ кое-какъ прозябать, какъ вдругъ Жозефъ Лаженжоль прислалъ ему сказать, что желаетъ его видѣть по самому нужному дѣлу.

— Знаешь-ли ты, что случилось? вскричалъ Жозефъ при входѣ друга. Жанъ Роберъ умеръ!

— Какъ! благодѣтель всей Франціи, изобрѣтатель даровыхъ консультаций... Но, впрочемъ, что-же намъ до него?

— Какъ что? Эти *даровыя* консультации очень прибыльны, и я былъ сотрудникомъ Жанъ Робера, помогая ему разсылать по почтѣ и развозить по домамъ наши рецепты. Вся Франція знала имя Жана Робера (хотя это былъ псевдонимъ Дюракюира, который, имѣя поминутно дѣла съ полиціею, не хотѣлъ компрометировать своей фамиліи) и вѣрила ему, стало-быть фирма его не должна умирать, какъ фирма Верри и Вефура, и я хочу предложить тебѣ взять на себя это знаменитое имя.

— Помилуй, да это опасно. Жанъ Роберъ уже началъ лечить многихъ, которые обратятся ко мнѣ для продолженія леченія, и я не буду знать, что дѣлать.

— Что за вздоръ. Мы лечимъ всѣ болѣзни однимъ лекарствомъ; стало-быть пропиши усилить или уменьшить пріемъ, и все будетъ хорошо. Впрочемъ, если ты несогласенъ принять мое предложеніе, тысячи другихъ будутъ въ восторгѣ, что получаютъ триста франковъ въ мѣсяць. Я хотѣлъ только изъ дружбы къ тебѣ...

— Благодарю, Жозефъ. Я принимаю. Только ты дай мнѣ нужныя наставленія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ фальшиваго Жанъ Робера потребовали въ судъ, объявили лекарство его поддѣлкою, заставили заплатить большой штрафъ, и такъ какъ Жозефъ былъ тутъ не причемъ, то пострадалъ одинъ Кабасоль.

Скоро однако нашелъ онъ другое, благородное занятіе. Одинъ богатый докторъ вздумалъ поступить въ медицинскую академію, и для этого

давалъ обѣды всѣмъ ея членамъ. Но такъ какъ надобно было внести какое-нибудь собственное сочиненіе, а богачу нѣкогда было заниматься этимъ, то онъ поручилъ Кабасолью написать обширный трактатъ о *носовыхъ болѣзняхъ*, обѣщая заплатить тысячу франковъ и покровительствовать бѣдняку. Это была находка! Кабасоль заперся на своемъ чердакѣ, и окончивъ работу, весело шелъ къ дому богача, думая, что судьба наконецъ перестанетъ его преслѣдовать; но швейцаръ остановилъ его довольно неучтиво.

— Мнѣ надобно видѣть доктора Пюргона. Я по важному дѣлу.

— Онъ не принимаетъ никого, отвѣчалъ швейцаръ.

Почему-же?

— Потому-что умеръ вчера послѣ обѣды.

Это извѣстіе какъ громомъ поразило бѣдняка; онъ упалъ безъ чувствъ перенесенъ былъ въ больницу, и пролежалъ долго въ сильной горячкѣ. Всѣ друзья его покинули, и когда онъ былъ выпущенъ, то не зналъ гдѣ искать пріюта. Слышалъ онъ, что есть доктора, вылечивающіе только воровъ и преступниковъ и получающіа хорошія деньги. Одинъ оборванный человѣкъ остановилъ его на улицѣ и предложилъ ему быть докторомъ шайки, но Кабасоль содрогнулся при мысли брать деньги, запятанные кровью. Однако надобно было скорѣе на что-нибудь рѣшиться и выбрать родъ медицины. Но развѣ это легко? Гомеопатія давно вышла изъ моды и на свѣтѣ больше докторовъ гомеопатовъ, чѣмъ больныхъ, которые вѣрятъ въ крупинки. Гидропатія имѣетъ много приверженцевъ, но не надежна, и завтра-же можетъ рушиться. Лечение сумасшедшихъ прибыльно, но для этого надобно учредить на свой счетъ больницу, а еще окупится-ли она! Нѣтъ, говорилъ самъ себѣ Кабасоль, трудно быть въ наше время докторомъ безъ шарлатанства, обмановъ, покровительствъ, подкуповъ! Великія имена Рекамье, Бруссе, Алибера, Орфила исчезли. Современные доктора смѣются надъ всѣми системами, всѣ они скептики, не признаютъ никакихъ достоинствъ въ товарищахъ, и если достигли какими-нибудь средствами до извѣстности, то цѣнятъ свои услуги какъ можно дороже. Одинъ беретъ за визитъ по двадцати пяти франковъ и не двинется съ мѣста за меньшую цѣну, еслибы больной былъ въ величайшей опасности. Другой, прославился легкостью руки въ операціяхъ, но пріѣхавъ къ больному, объявляетъ, что не возьметъ меньше тысячи франковъ, и если съ нимъ несогласны, то завертываетъ свои инструменты и уѣзжаетъ. Мѣста этого трудно достигнуть, но оно обезпечиваетъ на всю жизнь. Вездѣ только нужны ловкость и шарлатанство.

Съ одной совѣстью въ Парижѣ нельзя далеко уйти, а цѣль тамъ

извиняет средства. Напримѣръ, одинъ докторъ придумалъ слѣдующее средство сдѣлаться извѣстнымъ. Онъ нанялъ овернца, который обязанъ быть въ условленные часы являться въ дома больныхъ, гдѣ находился въ это время докторъ, и звать его будто-бы къ графамъ и князьямъ на консультацію или на обѣдъ. Эта выдумка имѣла такой успѣхъ, что нашла многихъ подражателей, и хотя теперь все знаютъ это, но все-таки уважаютъ челоуѣка, котораго поминутно требуютъ въ знатные дома.

Одинъ остроумный докторъ, не любя длинныхъ обѣдовъ и разговоровъ во-время десерта, употреблялъ тоже это средство, чтобъ избавиться отъ докучныхъ и отдохнуть.

Многіе добиваются чести быть докторами національной гвардіи, но для этого надобно много покровителей. Военные доктора ждутъ только красной ленточки, чтобъ возвысить цѣну за визиты.

Медицинскій факультетъ во Франціи похожъ на тѣло безъ души, на автоматъ Вокансона, который нисколько не заботится объ успѣхахъ и и въ то-же время не поощряетъ ни одну изъ новыхъ системъ.

Медицинская академія привлекаетъ всѣхъ, неимѣющихъ надежды попасть въ институтъ, потому только, что даетъ право носить вышитый мундиръ и шпагу. Остроумный народъ (какъ себя называютъ французы) чрезвычайно любитъ костюмироваться. Но и туда попадаютъ не по таланту и заслугамъ, а по интригамъ и покровительству. Главное, надобно всегда дорожить дружбою всѣхъ, и чуть состояніе больного сомнительно, требовать консиліума. Это очень выгодно и занимательно. Семейство больного всегда проситъ самаго доктора назначить, кого пригласить, и разумеется, что онъ назоветъ своихъ лучшихъ друзей. Тѣ, пріѣхавъ, поклонятся доктору церемонно, отойдутъ въ другую комнату или въ уголь, подальше отъ больного и тамъ начинается слѣдующій разговоръ.

— Чѣмъ страдаетъ больной? спрашиваетъ одинъ консультантъ.

— У него чахотка! отвѣчаетъ домашній докторъ, остается везти его въ Италію или Пиринеи.

Третій. Что тутъ и говорить. Поскорѣе отправить, чтобъ не умеръ на нашихъ рукахъ.

Первый. Нѣтъ-ли чего новаго въ Монитерѣ?

Второй. Есть депеша изъ Крыма, да неважная. Слышали вы, что Крувели оставляетъ оперу.

Третій. Да, она ѣдетъ въ Россію или въ Соединенные Штаты.

Первый. Совсѣмъ нѣтъ, она выходитъ замужъ за милліонера.

Второй. Господа! пора окончить консультацію и объявить наше рѣшеніе.

Если родные больного вздумаютъ сами назначить докторовъ для консилиума, бѣдному больному не поздоровится. Они ни за что не согласятся, не только въ способѣ леченья, но даже въ названіи болѣзни, и проспоривъ цѣлый часъ, разойдутся не рѣшивъ ничего и взявъ только деньги.

Вотъ всѣ видоизмѣненія докторовъ въ Парижѣ, гдѣ съ терпѣніемъ и ловкостью можно достигнуть до всего. Но бѣдный Кабасоль былъ очень простъ, и потому еслибы не получилъ, совершенно неожиданно наслѣдства отъ тетки, то умеръ-бы съ голоду. Можетъ-быть, позже онъ достигнетъ извѣстности, но ужъ никакъ не въ Парижѣ, а гдѣ-нибудь въ провинціи, гдѣ женится на богатой невѣстѣ и будетъ лечить почти даромъ, изъ одной привязанности къ медицинѣ. А въ это время друзья его Лапеншо и Лаженжоль будутъ членами института, кавалерами почетнаго легіона, и имена ихъ будутъ стоять наряду съ благодѣтелями человѣчества.

Въ литературномъ и театральномъ мірѣ Парижъ въ прошломъ и нынѣ не произвелъ рѣшительно ничего замѣчательнаго.

А. БОНАВЕНТУРА.

ЛОНДОНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Ныѣшнее состояніе литераторовъ Англїи. — Дешевыя изданія Лонгмана. — Невѣжество англичанъ. — Отношеніе литературы къ войнѣ. — Англїя на парижской выставкѣ. — Карикатуры. — Обсерваторія для Сатурна. — Дешевые микроскопы. — Новый шелковичный червь. — Геологическіе опыты. — Возобновленіе волосъ посредствомъ электричества. — Освѣтительно-согрѣвательные снаряды. — Колоссальный пароходъ. — Полярныя дороги.

Англійская литература находится теперь въ какомъ-то странномъ состояніи. Выходятъ сотни книгъ, и въ нихъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ бумаги и обертки. Нѣтъ даже разнообразія въ названіяхъ. Если-же что-нибудь и появляется замѣчательнаго, то это перепечатка изъ *Edinburgh Review* или другаго журнала. Болѣе всего теперь выходитъ біографій. Одинъ книгопродавецъ Лонгманъ объявилъ вдругъ сто пятьдесятъ новыхъ изданій, по шиллингу за томъ. Есть въ этомъ числѣ большія сочиненія классиковъ по 5 шиллинговъ, или иллюстрированные выпуски, по шиллингу за каждый.

Но для кого все это издается и печатается. Какая пужда англійскому народу до литературы? Ни одна нація въ свѣтѣ не находится въ такомъ невѣжествѣ. Не болѣе 25,000 семействъ занимаются въ Англїи литературою; сотни тысячъ не умѣютъ ни читать, ни писать. Цѣлые округа не знаютъ, что такое *gazeta*, не только литературное произведеніе. Есть города, гдѣ съ наслажденіемъ читаютъ старыя газеты тридцатыхъ годовъ.

Одинъ Лондонъ снабжаетъ всю Англїю газетами; нигдѣ, кромѣ Лондона, не издается ежедневнаго листка. Всѣмъ извѣстно, что Англїя перерѣзана сѣтью желѣзныхъ дорогъ, и однако-же есть округа, гдѣ жители ни разу еще не видали подобной дороги, такъ кому-же и думать о литературѣ? Вся Англїя сидитъ за машинами, за конторками, работая день и ночь для пропитанія себя! Роскошь литературы извѣстна только на трехъ улицахъ въ Лондонѣ и въ Эдинбургѣ. Все остальное чуждает-

ся всѣхъ человѣческихъ познаній, кромѣ реальныхъ. Мѣстечки южныхъ провинцій и селенія рыболововъ представляютъ самую печальную картину невѣжества. Есть мѣста, гдѣ Библия и молитвенникъ считаются большою рѣдкостью, а церковей и школъ совсѣмъ нѣтъ. Въ Times былъ недавно напечатанъ длинный списокъ деревень, неимѣющихъ ни церковей, ни школъ.

Нѣкто Генрихъ Роджерсъ издалъ недавно книгу объ отношеніи англо-саксонскихъ словъ къ прочимъ иностраннымъ словамъ англійскаго языка. Это добросовѣтный филологическій трудъ, но интересный для одной Англіи.

Впрочемъ, бѣдность литературы можно приписать и нынѣшней войнѣ; по-крайней-мѣрѣ, такъ объясняются англичане. Но вспомнимъ хотя недавнюю эпоху Кернера и Фихте, когда вся Германія, вельдъ за русскимъ орломъ, устремилась на корсиканскаго тирана. Тогда-то именно и блистала въ Германіи литература, поэзія, науки, чувства высокія и добродѣтельныя. Почему-же нынѣшняя война производитъ въ Англіи такую нищету въ идеяхъ, чувствахъ и поэзіи? Почему каждый англичанинъ, встрѣтясь съ другимъ, хладнокровно его спрашиваетъ: «Well, Sir, what do you think about the war, и вопросъ этотъ дѣлается въ той надеждѣ, что авось кто-нибудь знаетъ, какая цѣль и причина войны и для чего Англія тратитъ свои силы въ этой страшной борьбѣ? .

А между-тѣмъ, какъ на фабрикахъ, такъ и въ типографіяхъ, нѣтъ работы. Въ одной типографіи, гдѣ прежде работало пятьдесятъ человѣкъ, осталось пять; изъ которыхъ на-дняхъ отпушены еще двое.

Всѣ спекуляціи теперь сосредоточены на посѣщенія Наполеона, и пріѣздъ его былъ истинною поэмою для Англіи.

Впрочемъ и Луи-Наполеонъ съ своей стороны надѣется на англичанъ для поддержанія своей парижской всемірной выставки, которая, если не удастся, то совершенно раззоритъ его. Для англійскихъ машинъ выстроено въ Парижѣ отдѣльное зданіе. Пятьдесятъ англійскихъ колоній прислали въ Парижъ свои произведенія. Изъ всѣхъ присланныхъ предметовъ замѣчательнъ магнитный камень въ 2000 фунтовъ изъ Бейтоуна. Англіи отведено, разумѣется, первое мѣсто на выставкѣ, и при открытіи ея, только одни англійскіе товары и были разставлены, какъ слѣдуетъ, по своимъ мѣстамъ.

Впрочемъ, за неимѣніемъ поэзіи и литературы, есть въ Англіи, по-прежнему, карикатуры, но нельзя ихъ упрекнуть въ остроуміи. Между прочимъ *Джонъ-Булль* представленъ въ видѣ больнаго, лежащаго въ постелѣ. Врачъ въ которомъ зритель тотчасъ узнаетъ Луи-Наполеона, является къ нему съ *визитомъ*, щупаетъ пульсъ и говоритъ, что у

больного только упадокъ жизненныхъ силъ, но что онъ берется его вылечить, а счетъ свой за лечение и визитъ пришлетъ *потомъ*.

Въ положительныхъ наукахъ Англія продолжаетъ дѣйствовать по-прежнему. Астрономы строятъ для Сатурна храмъ въ садахъ Кью, чтобы, по случаю скорого приближенія этой планеты къ землѣ, внимательно разсмотрѣть его кольца и рѣшить, дѣйствительно-ли они слились. Гюйгенсъ производилъ свои наблюденія и измѣренія въ телескопъ безъ подвижныхъ трубъ. Телескопъ еще существуетъ, и астрономы хотѣтъ въ него теперь смотрѣть, нарочно для провѣрки измѣненій, видимыхъ на планетѣ. Нынѣшнее приближеніе Сатурна къ землѣ не повторится опять прежде пятнадцати лѣтъ.

Society of arts обнародовало нѣсколько задачъ, общая премія за лучшую машину для пряжи льна, за горѣніе безъ дыма, за микроскопы недорогое десяти шиллинговъ. По послѣднему предмету Диккенсъ обнародовалъ въ своемъ журналѣ о продажѣ микроскоповъ изъ смолы за одинъ пенсъ, а Причардъ турмалинные микроскопы, для объясненія поляризаціи свѣта.

Въ Энтомологическомъ обществѣ Вествудъ ожидаетъ изъ Мальты новаго шелколичнаго червя *Bombux Cynthia*, котораго шелкъ чрезвычайно проченъ. При этомъ оказалось, что въ Остѣ-Индіи сто пятьдесятъ породъ бабочекъ, которыхъ куколки состоятъ изъ шелковистыхъ нитей. Но всѣ породы совершенствуются посредствомъ воспитанія.

Доубени доказалъ, въ геологическомъ обществѣ, что въ древнѣйшемъ слоѣ земной коры не существовало животной жизни. Надобно было только убѣдиться, что въ силлурійской формаціи нѣтъ фосфорной кислоты. Для этого онъ растолокъ эту землю въ порошокъ и посѣялъ въ ней ячмень. Результатъ былъ отрицательный. Слѣдственно, никакая жизнь не могла развиться на этой почвѣ.

Физиологи много толкуютъ объ открытіи Лауренція и Гибера о раздражительности кожи. Они возстановляютъ не только парализованную кожу, но и заставляютъ сѣдые волосы принимать прежній цвѣтъ юности. Основываясь на томъ, что волосы имѣютъ корни подъ кожей, растущіе остриемъ кверху и всасывающіе въ себя электричество воздуха, они стали электризовать волосы снаружи отрицательно, чтобъ внутри образовалось положительное электричество. Тогда отрицательное стекаетъ по остриямъ волосъ, а положительное возвращаетъ прежнюю дѣятельность и цвѣтъ волосамъ. Эта электризація волосъ производится посредствомъ особой мази изъ минеральныхъ солей.

Изобрѣтеніе Каллана въ Майнумѣ жидкой электрической батареи называется превосходнымъ для отопленія и освѣщенія. Батарею въ со-

рокъ восемь паръ содержалъ онъ восемь часовъ постоянный и равнo-сильный свѣтъ и теплоту, вовсе неразрушившіе металловъ, на которые они дѣйствовали; издержки на восемь часовъ простираются до восьми пенсовъ.

Но нѣмецкій механикъ въ Лондонѣ Пульсъ еще блистательнѣе развилъ это открытіе. Онъ отопляетъ и освѣщаетъ цѣлый домъ въ—продолженіе сутокъ за одинъ пенсъ. Всего страннѣе при этомъ, что онъ воду разлагаетъ водою-же. Его батарея въ тысячу паръ наливается одною водою безъ малѣйшей примѣси сѣрной, или другой кислоты, и однакоже вода эта такъ быстро разлагается, что водородный газъ (съ примѣсью кислородною) освѣщаетъ цѣлый домъ, служа въ тоже время и огнемъ для кухни.

Но вотъ еще два колоссальные проекта. Одинъ состоитъ въ электрическомъ телеграфѣ вокругъ всего земнаго шара, чрезъ Данію, Исландію, Гренландію въ Америку, а съ другой стороны чрезъ Швецію, Финляндію, Россію до Камчатки, на Алеутскіе острова, въ Америку.

Другой проектъ состоитъ въ построеніи парохода изъ двойнаго желѣза (онъ уже вполонину готовъ) на восточной лондонской верфи компаніи Скоттъ-Ролея и Брунеля. Величиною этотъ пароходъ втрое противу величайшаго линѣйнаго корабля Веллингтонъ. Ни вѣтеръ, ни буря не въ состояніи его поколебать. Потонуть онъ не можетъ. Онъ запасается углемъ, никуда не заходя, на все путешествіе въ Австралію и обратно, которое будетъ совершать въ оба конца въ 60—70 дней. Онъ такъ устроенъ, что еслибы двойная стѣнка его пробита была и волна наполнила все трюмы, то онъ, все будетъ держаться на водѣ.

Панамская желѣзная дорога, выстроенная англичанами, открыта. Она проходитъ сорокъ девять миль по самой дикой пустынѣ. Въ иныхъ мѣстахъ возвышается она надъ уровнемъ моря до 250 футовъ. Она стоила 1,400,000 фунтовъ стерлинговъ. По обѣимъ оконечностямъ дороги стоятъ пароходы, отправляющіеся въ Сидней и Лондонъ.

Между Капромъ и Александріею тоже готова уже желѣзная дорога (кромѣ трехъ мостовъ).

Калькутская желѣзная дорога готова на протяженіи 120 миль.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

ЛУЧШАЯ ШКОЛА--ЦАРСКАЯ СЛУЖБА.

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЪ ПРОЛОГОМЪ И ЭПИЛОГОМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

И. ГРИГОРЬЕВА 2. *

* Теперь, когда даровитаго автора этой драмы не стало, мы сочли приличнымъ ознакомить читателей съ его послѣднимъ произведеніемъ, которое имѣло такой огромный и заслуженный успѣхъ на русскихъ сценахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПРОЛОГЪ:

АНТОНЪ БИРЮЧЪ, выборный.
ПАРАША, его дочь.
ЛУКЪЯНЪ СКУЛА, зажиточный крестьянинъ.
ӨОМКА, его сынъ.
МИХАЙЛО ЗУДА, цѣловальникъ.
АКУЛИНА, бѣдная вдова.
СТЕПАНЪ, ея сынъ, прозванный Козыремъ.

Горшенковъ 1.
Самойлова.
Григорьевъ 1.
Разказовъ.
Зубровъ.
Линская.
Самойловъ.

Дѣйствіе въ 1810 году.

ПРОЛОГЪ.

Большое село; съ правой стороны домъ Антона Бирюча, съ лѣвой изба Зуды, утыканная елками и надъ дверями надпись: питейный домъ.

I.

ПАРАША (*выходитъ изъ дома, съ ведрами*). Охъ! сердечушко вотъ такъ и занываетъ!.. Ну что, коли да батюшка осердчаетъ? что, коли онъ откажетъ Степану?.. Погубить онъ наши головушки ополынить жизнь горькой горечью!.. Да нѣтъ, можетъ статья, Степа и уговорить его, вѣдь онъ грамотный, рѣчи у него медовыя... А все какъ-то боязно! Ужъ я нарокомъ и по воду ушла, чтобы не мѣшать имъ. (*Со вздохомъ*). Помоги Господи! Ахъ, кабы да на батюшку нашелъ часъ добрый, и даль-бы онъ Степанушке свое слово крѣпкое, необлыжное. А ужъ какъ онъ любитъ-то меня — ужаси! Прежде маленечко, правда, хмельнаго придерживался, а ужъ теперича, вотъ съ Егорьева-дня, два лѣта будетъ, какъ спознался со мною, и капли въ ротъ не беретъ! Такой, право, желанный! (*Опомнившись*). Одначе, что-же это я по воду-то нейду, вѣдь негоже, коли добрые люди увидятъ; вотъ скажутъ: «Парашка-то Антонова бездомовница! для та, что сложимши руки на улицъ стоитъ, словно розиня какая!» (*Хочетъ идти*).

II.

ПАРАША, ЛУКЪЯНЪ и ФОМКА.

ЛУКЪЯНЪ (*Фомкѣ*). Ступай-же, ступай, тебѣ говорятъ; чаво тамъ буркалы-то вытаращиль?

ПАРАША. Ахти! никакъ это Лукьянъ Фирсовъ съ сыномъ! Ужъ

не къ намъ-ли ихъ нелегкая несетъ! Вотъ не во-время гость хуже татарина!

Лукьянъ (*увидя Парашу*). А! Парасковья Антоновна! По-добру ли, по здорovu-ли?

Параша. Здравствуй, Лукьянъ Фирсовичъ.

Лукьянъ. Куда путь держишь, дѣвица красная?

Параша. Да что ты ослѣпъ что-ли? Вѣдь видишь, что я съ ведрами, такъ стало не косить собралась, а по воду.

Лукьянъ. Фу ты, какая занозливая! Ужъ и слова-то путемъ не вымолвить. Кажись, мы съ твоимъ батюшкой, что ни на есть, то есть, самые закодычные благопріятели. Дома-ли онъ?

Параша (*всторону*). Ну такъ и есть, что они къ намъ собрались. (*Лукьяну*). Дома-то дома, да только что ему теперича не время, у него гость сидитъ.

Лукьянъ (*обидясь*). Такъ что-жъ — что гость? Вѣдь и мы не за милостыней пришли.

Параша (*всторону*). Кажись, я его осердила, вѣдь экая напасть какая! Ну, что ежели да онъ батюшкѣ нажалуется... (*Лукьяну ласково*). Вѣдь я, Лукьянъ Фирсовичъ, не въ обиду тебѣ молвила, а такъ ужъ... непригожее слово такое безъ моей воли съ языка сорвалось.

Лукьянъ. То-то же и оно-то: слово, Парасковья Антоновна, не воробей, выпустишь—не поймаешь.

Параша. Да ужъ ты, пожалуйста, Лукьянъ Фирсовичъ, прости меня неразумную; родимому-то не сказывай.

Лукьянъ. Ладно! Только ужъ и ты, гляди, отъ насъ напередки рыла не отворачивай; можетъ-статься, и намъ до тебя нужда прилучится.

Параша. Ужъ ты только скажи, все по твоей воли выполню.

Лукьянъ. Ой-ли? Ахъ ты разумница посеребренная! (*Обращаясь къ Оомкѣ, который во все это время стоялъ вдали и смотрѣлъ по сторонамъ!*) Эй! ты, войлокъ!.. (*Молчаніе*). Хомка! Хомка!..

Оомка (*оборачиваясь*). Ну, что-тѣ тамъ?

Лукьянъ. Подъ сюда, свиное рыло! (*Съ сердцемъ*). Экой окомелокъ! Экой оборотень!

Параша (*Лукьяну*). Такъ ужъ прошу не прогнѣваться, Лукьянъ Фирсовичъ, а я пойду по воду.

Лукьянъ. Ступай, ступай, моя кралечка, да только воротись поскорѣче.

Параша. Разомъ вернусь. (*Уходитъ*).

III.

ЛУКЪЯНЪ и ОМКА.

Омка (*кричитъ*). Знато, знато! Не поддавайся, Антропка! не поддавайся! За хвостъ-то его бородатаго!

Лукьянъ. Да чаво ты, дурья голова, пастъ-то разинулъ? Коего льшаго тамъ увидалъ?

Омка (*подходитъ къ отцу*). Смѣхоты, братъ бачька, да и только! Антропка козла раздразилъ, да эвона какія съ нимъ колѣнца откалываетъ.

Лукьянъ. Ничего-то ты не смыслишь. Невѣста мимо прошла, а ты и шапку заломилъ и поклону не отдалъ. Эка дубина березовая!

Омка. Да когда тутъ невѣсть кланяться, коли на козла глядѣль.

Лукьянъ. Самъ ты глупый козелъ!

Омка. Нѣтъ, братъ бачька, эвоя, у меня еще и борода не выросла.

Лукьянъ. Нишкни, обломъ! коли Богъ разуму не далъ.

VI.

ТЪ-ЖЕ и ЗУДА выходятъ изъ своего дома.

Зуда. Никѣмъ никого! Что ты станешь дѣлать? Хошь торговлю бросай... (*Увидя Лукьяна и Омку*). Э! да вонъ, кажись, Лукьянъ Фирсовъ съ сыномъ, не зайдетъ-ли развѣ онъ... Да нѣтъ, коли съ сыномъ, такъ не пойдетъ, побоятся, что женъ расскажетъ. Попытаюсь иначе. (*Подходитъ къ нимъ*). Добраго здорovia Лукьяну Фирсычу!

Лукьянъ. А! Михайло Перфильевичъ! Какъ живете можете?

Зуда. Да такъ себѣ: переминаемся съ ноги на ногу.

Лукьянъ. Хорошее дѣло: живите подольше, да добрыйте потолще.

Зуда. Куда ужъ намъ, Лукьянъ Фирсычъ! Не до жиру, быть-бы живу. Да что это, благопріятель, совсѣмъ забылъ насъ? Мимо ходишь, а ко мнѣ не завернешь. Аль дорога запаала, али я чѣмъ разогорчилъ тебя!

Лукьянъ. Что ты, что ты, Михайло Перфильичъ! Господь съ тобой! Я твоей ласкою завсегда доволенъ.

Зуда. А коли доволенъ, такъ вотъ-бы теперича и забрелъ: мы-бы съ тобой выпили, да и покалякали.

Өөмкэ (*тихо отцу*). Бачька! не ходи въ кабакъ, маткѣ скажу.

Лукьянъ (*тихо Өөмкэ*). Отвяжись! (*Зудь*). Нѣтути, поштенный, теперичко-то не можимъ, для та, что дѣло есть, а вотъ развѣ ужотко зайду.

Зуда. Полно, какое у тебя дѣло! Пойдемъ, выпьемъ.

Лукьянъ. Нѣтъ, ужъ пожалуйста, не принуждай; право-те слово, дѣло есть!..

Зуда. Да что за оказія такая! Что тебя не старостой-ли сдѣлали?

Лукьянъ. Нѣтути. Но сынка сватать веду.

Зуда. Сватать!.. На комъ?

Лукьянъ. Да смѣкаль было на Парашѣ Бирючевой? Не вѣдаю только, поладимъ-ли со старикомъ-то.

Зуда. Какъ, чай, не поладить: за экова парня любую дѣвку отдадутъ. (*Всторону*). Я-бы и кошки не выдалъ.

Өөмкэ (*отцу*). Слышь, бачька? Эво какъ меня цѣловальникъ-то хвалить.

Лукьянъ (*Зудь*). Оно знамо дѣло, что въ разсужденіи правости, али красоты супротивъ его не найдешь. (*Поворачивая Өөмкэ*). Эвось, какой лихачъ!

Өөмкэ (*смѣется самодовольно*). Да ужъ казанокъ, да и только!

Лукьянъ. А все боязко; для та, что Антонъ-то Анкудинычъ человекъ съ норовомъ.

Зуда. Такъ вотъ-бы ты зашелъ ко мнѣ, да и выпилъ для храбрости.

Лукьянъ. Нѣтути, ужъ пожалуйста не сманивай! Ужотко, коли Богъ дастъ, порѣшимъ дѣло, такъ я со сватомъ приду; тебѣ-же барыша больше будетъ.

Зуда. Ну инъ какъ себѣ знаешь; я приневоливать не хочу.

Өөмкэ. Бачька! Да полно тебѣ снопы-то возить! Пойдемъ что-ли?

Лукьянъ. Пойдемъ, пойдемъ. (*Всторону*). А выпить-то куда-бы того (*Зудь*). Прости, покулева, Михайло Перфильичъ.

Зуда. Прощай, прощай, благопріятель! Гляди-же, не забудь.

Лукьянъ. Какъ можно забыть. (*Всторону*). Эхъ! такъ бы вотъ и хватилъ! (*Уходятъ съ сыномъ въ домъ Бирюча*).

V.

ЗУДА одинъ, смотритъ вслѣдъ ушедшимъ и хохочетъ.

Ха, ха, ха! Эхъ я его разлакомилъ! Пущай только придутъ:

такъ я, мало того, что стариковъ напою, какъ зюзей, да и сына-то упаточу. Разбойники! Грабители! Вишь, словно цѣлое село сговорилось, да и пить перестало! Прощальщики! Что мнѣ изъ-за васъ съ голоду умирать что-ли? А все это по наущенію новаго старосты... Ахъ, ужъ этотъ мнѣ староста!

VI.

ЗУДА и ПАРАША.

Зуда (*увидя Парашу*). Парасковъ Антоновъ наше почтеніе!

Параша. Здравствуйте, Михайло Перфильчъ.

Зуда. Знать по воду ходили-съ?

Параша. По воду. А что Михайло Перфильчъ, ты ужъ давно на улицъ-то стоишь?

Зуда. Давненько-съ.

Параша. Не видалъ-ли ты, изъ нашей избы никто не выходилъ?

Зуда. Нѣтъ, выходить не выходилъ; а вотъ входитъ такъ входили.

Параша. А кто-бы такой.

Зуда. Лукьянъ Скула съ сыномъ Фомкой.

Параша. Про этихъ-то я знаю; они со мной встретились.

Зуда. А знаешь-ли ты, Парасковья Антоновна, зачѣмъ они пришли къ вамъ?

Параша. Почѣмъ мнѣ знать.

Зуда. Ужъ будто и не знаешь?

Параша. Да право-же не знаю; вѣдь я не колдунья.

Зуда. Жаль мнѣ тебя, Парашенька, больно жаль!

Параша. Эка Господи, да что такое сдѣлалось? Молви Михайло Перфильчъ, не стращаючи.

Зуда. Ну, такъ вѣдай-же... да нѣтъ, языкъ не поворотится!.. Ты испужаешься.

Параша (*съ испугомъ*). Голубчикъ, Перфильчъ! Не томи души, скажи однимъ разомъ.

Зуда. Вѣдь Скула-то пришелъ къ вамъ не спроста, а тебя сватать.

Параша (*съ испугомъ*). Что ты молвилъ!.. Да за кого?

Зуда. За своего сына, дурака Фомку.

Параша (*съ отчаяніемъ*). Господи!

Зуда. А ты сама знаешь: онъ мужикъ зажиточный, такъ недиво, что отецъ твой и по рукамъ ударить.

ПАРАША (*съ отчаяніемъ*). Боже милостивый! умилосердись надо мною!.. Да нѣтъ, нѣтъ. Я не пойду за него.

ЗУДА. Полно! За кого отецъ прикажетъ, за того и выйдешь...

ПАРАША (*перебивая его*). Ни за кого, кроме моего Степана!

ЗУДА. А коли принудятъ?

ПАРАША (*рѣшительно*). Такъ я утоплюсь! (*Убѣгаетъ въ домъ*).

VII.

ЗУДА одинъ, смотреть вслѣдъ убѣгающей Параша, и послѣ нѣкотораго молчанія говорить.

Утоплюсь! утоплюсь!.. А нѣтъ, чтобы сказать: я съ горя пить начну!.. Глухой народъ эти бабы! Ей Богу, глухой!.. Толи дѣло мужины: у мужика коли прилучилось какое-нибудь горе, такъ онъ сейчай-же и за чарку примется: и ему весело, да и нашему брату прибыльно!

АНТОНЪ (*за кулисами*). Вонъ! Вонъ! Чтобъ и духу твоего не пахло!

ЗУДА (*оглядываясь*). Это что за оказія!.. Кого это Антонъ такъ дружески выпроваживаетъ? Ужъ не новыхъ-ли сватовъ?

VIII.

ЗУДА, АНТОНЪ, СТЕПАНЪ, ПАРАША и **СОМКА** въ окнѣ.

АНТОНЪ (*выталкивая Степана изъ дверей*). Вонъ! говорятъ тебѣ, щелопырникъ ты эвтакой!.. Вонъ! голякъ нищенскій!

СТЕПАНЪ. Богъ тебѣ судья, Антонъ Анкудинычъ! Богъ тебѣ судья. Дашь ты отвѣтъ на страшномъ судѣ!

АНТОНЪ. Такъ ты еще вздумалъ страшать меня! Вотъ я тебя!

СОМКА (*изъ окна*). За волосья-то его! За волосья-то за курчавые!

СТЕПАНЪ (*схватываетъ палку, стоящую у воротъ и замазывается на Антона*). Прочь! али однимъ ударомъ духъ вышибу!

ПАРАША (*выбѣгаетъ и останавливаетъ Степана*). Степанъ! что ты дѣлаешь? Онъ мнѣ отецъ!

СТЕПАНЪ. Параша!.. Господи! прости мое великое прегрѣшеніе. (*Роняетъ палку*).

АНТОНЪ (*Парашѣ*). Ты какъ посмѣла выйти? Тебя кто звалъ? (*Толкаетъ ее*). Домой, домой, безстыдница! (*Выталкиваетъ Парашу въ домъ*). А съ тобой я еще перевѣдаюсь!

СТЕПАНЪ (*бросаясь въ ноги Антону*). Я виноватъ передъ тобою,

Антонъ Анкудиновичъ! Бей меня! прибей до полусмерти! да только не лишай меня моей радости, моего счастья!

Вонка (*въ окнѣ*). За волосья-то его! За волосья-то! покуля лежитъ.

Антонъ (*отталкивая ногою Степана*). Прочь! червякъ пресмыкающій! (*Уходитъ въ домъ*).

IX.

СТЕПАНЪ и ЗУДА.

Зуда. Экая исторія!

СТЕПАНЪ (*вскакивая*). А! такъ тебя не тронули ни мольбы, ни просьбы, ни покорность моя!.. Будь-же ты проклять! алтынная душа... (*Опоясавъ*). А Параша? Господи! сохрани ее и помилуй. А матушка?.. Ну, что будетъ, то будетъ, а ужъ я не жилецъ на бѣломъ свѣтѣ! (*Хочетъ идти*).

Зуда (*всторону*). Авось, съ горя-то и выпьетъ. (*Подходитъ къ Степану*). Степанушка, здорово!

СТЕПАНЪ. Здорово, братъ, Миша, да и прощай (*Хочетъ идти*).

Зуда. Постой, куда торошишься? Покалякаемъ.

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, мнѣ некогда... прощай!

Зуда. Полно, погоди! Ну куда тебя Богъ несетъ?

СТЕПАНЪ. Куда глаза глядятъ! А ближе всего въ воду.

Зуда. Что ты, что ты, Господь съ тобой. Угорьлъ что-ли?

СТЕПАНЪ (*со вздохомъ*). Да, братъ, поддали пару добрые люди, зачಾದили головушку такимъ угаромъ, что чуть не лопнетъ.

Зуда. Еще ладно, что шею не намылили.

СТЕПАНЪ (*не слушая его*). Владыко милосердый! Для чего я два года работалъ больше лошади? Для чего я радовался каждой выработанной копейкѣ? Для чего я терпѣлъ голодь и холодь, чтобы скопить эти триста рублей? Какъ для чего? Для того, чтобы богатый мужикъ съ бранью да съ позоромъ выпнאלъ изъ дому! Вотъ для чего. (*Плачетъ*).

Зуда (*всторону*). Жадко его, милаги. Надо поднести чарочку, авось полегче будетъ; благо-же у него и деньги есть съ собою. (*Степану*). Степа! Да что съ тобой попритчилось?

СТЕПАНЪ (*съ отчаяніемъ*). Что?.. То только и есть, что добрые люди разстерзали твердую грудь и вырвали сердце, пеамъ на съденье!

Зуда. Ну, братъ Степа, воля твоя, а я что то въ толкъ не возьму. Расскажи потолковье.

СТЕПАНЪ. Разказать?... Изволь!

Жилъ на свѣтѣ былъ добрый молодецъ,

Онъ любилъ душой красну дѣвицу,

Что ни первую раскрасавицу!

Онъ не день любилъ, ни недѣлюшку,

А любилъ ее ровно два года.

Красна дѣвица то примѣтила,

На любовь его отвѣтила.

Они встрѣнулись, объяснились,

И колечками обмѣнились.

Парень счастливый, парень радостный,

Побѣжалъ къ своей родной матушкѣ,

Просить онъ благословенія,

Полетѣлъ стрѣлой къ отцу суженой,

Поклонясь ему, рѣчью вылился:

Дочь твою люблю пуще жизни всей!

И она меня любить молодца.

Будь-же мнѣ отцомъ, вмѣсто роднова,

И позволь идти подъ златы вѣнцы!

Съ этимъ словомъ онъ въ ноги грохнулся (Молчаніе).

ЗУДА.

Что-же сдѣлалъ тутъ, сударь батюшка?

СТЕПАНЪ.

Оттолкнулъ ногой, словно гадину!

И возговорилъ зычнымъ голосомъ:

Что не выдастъ дочь онъ за нищаго!..

ЗУДА. Ахъ, чтобъ его лыско съѣлъ! (Небольшое молчаніе).
Да съ кѣмъ-же приключилась такая оказія?

СТЕПАНЪ. Съ кѣмъ?... Со мною! (Рыдаетъ).

ЗУДА (утѣшаетъ его). Полно, полно, Степанушка, что ты это, словно баба разрюмился.

СТЕПАНЪ. Я, баба?!.. Да, братъ Миша, ты правду говоришь; другой-бы на моемъ мѣстѣ ужъ давно... прощай, Миша. (Хочетъ идти).

ЗУДА (останавливая его). Ну вотъ, ну вотъ и пошелъ дурака строить! Ну куда ты пойдешь?

СТЕПАНЪ. Въ рѣку! Прямо въ рѣку!

ЗУДА. Полно, захлбнешься! А ты вотъ лучше вышей-ко маленько водочки, такъ все какъ рукой снимемъ.

СТЕПАНЪ. Водки!.. Господи! два года Ты сохранялъ меня отъ искушенія, а теперь... (*Зудь*). Давай мнѣ крѣпкой водки! Давай мнѣ сулемы, чтобъ задохнуться!

ЗУДА. Вотъ и ладно, вотъ и умникъ; а у меня-же есть на-стойка изъ шестнадцати травъ; то-есть, такая, что сама въ горло просится.

СТЕПАНЪ. Пойдемъ! пойдемъ! Деньги есть, копить некому, (*Обращаясь къ дому Антона*). Параша! Параша. Ты была до-сей-поры моимъ хранителемъ, да разлучили насъ люди не-добрые... Э! пить, такъ пить напропалую! (*Убѣгаетъ въ домъ Зуды*).

ЗУДА (*одинъ*). Вотъ и почишь. (*Уходитъ за Степаномъ*).

X.

АКУЛИНА выходитъ съ правой стороны.

Нѣтъ, не вытерпѣло сердечушко, чтобы не спровѣдать объ моемъ родномъ чадушкѣ! Что-то ему, моему голубчику, поща-стливилось-ли? Охъ! ажно душенька замираетъ!.. Антонъ Анку-диновичъ мужикъ богатый, врядъ-ли онъ дастъ свое соизво-леніе...

ЛУКЪЯНЪ (*за кулисами*). Да полно, сватушка, сердать-то! Ну наплевать ему!

АКУЛИНА (*прислушиваясь*). Кажись, это изъ Антоновой избы рѣчи слышатся.

АНТОНЪ. Да какъ онъ только могъ! Да какъ онъ осмѣлился подумать, чтобы я единородную дочь свою выдалъ за Степ-ку нищаго?

АКУЛИНА. Охъ! кажись разговоръ ведутъ объ моемъ Степануш-кѣ... (*Прислушиваясь*). А его голосочка не слышать!.. Гдѣ-же онъ, мое дитятко милое?

XI.

АКУЛИНА, АНТОНЪ, ЛУКЪЯНЪ и ФОМКА выходятъ изъ дома Антона.

ЛУКЪЯНЪ (*обнявшись съ Антономъ*). Ну, прахъ его побери! Ну вѣдь выгналъ, такъ чего тутъ еще?

АНТОНЪ. Нѣтъ, Лукьянъ Фирсовичъ, не того онъ стоитъ; его-бы надобно порядкомъ проучить.

ФОМКА. Такъ вѣдь я давеча кричалъ: за волосья-то его, за волосья-то! Такъ чего-жъ ты думалъ?

Антонъ (*въ сильномъ азартѣ*). Степка голышъ осмѣлился! Степка голышъ могъ подумать, чтобы я выдалъ за него дочь!.. (*Плюетъ*). Тьфу, ты пропасть!..

Акулина (*подходитъ гордо къ Антону*). А для ча-бы ему и не подумать? для ча-бы ему и не присвататься? Что у тебя дочь-то егеральша что-ли какая?.. (*Всѣ отступаютъ и смотрятъ на нее съ удивленіемъ*). Что зенки-то вытаращили?

Антонъ (*послѣ нѣкотораго малмяія*). Ахъ, ты старая вѣдьма! Ты взялась откудова?

Акулина. Изъ Чудова! Вотъ вцѣлюсь тебѣ въ бороду рыжему, да такъ на ней и повисну.

Антонъ (*замахиваясь на нее палкой*). Что ты, что ты, старая корчага! Да я тебя!..

Лукьянъ (*останавливая его*). Полно, сватушка, ну что хорошаго связываться съ бабой! Вѣдь ужъ извѣстное дѣло: старая баба шуту сродни.

Антонъ (*вырываясь отъ Лукьяна*). Нѣтъ, свать, воля твоя, а ужъ я не потерплю экова сраму, не поущу, чтобы нищая надо мною наругалась?

Лукьянъ. Да перестань ерошиться! Али не знаешь, что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

Антонъ. Такъ я ей волосъ-то оборву, а ума приставлю.

Акулина. Сунься только! Попробуй, коли бороды не жаль!

Лукьянъ (*Антону*). Пойдемка-съ лучше, да выпьемъ за наше сватовство.

Антонъ. И то правда! Объ экую лядащую не стоить и рукъ марать.

Омка (*отцу*). Экой ты, бацька! Ну пошто ты ихъ разнялъ? Пущай-бы подрались, а мы-бы поглядѣли.

Лукьянъ. Идемъ, свать, магарычи запивать.

Омка (*отцу*). Бацька! А мнѣ поднесешь? Такъ маткѣ не скажу.

Антонъ. Про всѣхъ хватить, Хомушка писанной. (*Всѣ трое обнимаются и такимъ образомъ идутъ къ дому Зуды*).

Акулина. Захлѣбнуться-бы вамъ. Поперхнуться-бы вамъ!

Омка (*оборачиваясь*). Да вотъ ладно: мы-то выпьемъ, а ты облизывайся; я то женюсь, а Степка-то твой несолоно хлѣбалъ. (*Подходитъ къ дому Зуды, въ это время двери отворяются и на порогъ является Степанъ*).

ХИ.

ТЪ ЖЕ, ЗУДА и СТЕПАНЪ пьяный, съ полуштофомъ въ рукахъ.

СТЕПАНЪ. Куда?.. Въ кабакъ?.. Назадъ!.. *(Всѣ отступаютъ)*. Не пущу въ кабакъ!.. Мой кабакъ! Все вино скупишь! Одинъ вышью, а вамъ и понюхать не достанется.

АКУЛИНА *(всторону)*. Господи!.. Да это мой Степанушка!

СТЕПАНЪ *(кричитъ)*. Цѣловальникъ!.. Мишка!

ЗУДА *(вбѣгая)*. Что? что тебѣ требуется, Степанъ Селиверстовичъ?..

СТЕПАНЪ. Давай вина! Давай вина!.. Эхъ, гуляю!.. Гуляй!..

ЗУДА. Да вѣдь вотъ у тебя полуштофъ-то въ рукахъ.

СТЕПАНЪ. Негодится! *(Бросаетъ полуштофъ)*. Давай другой! *(Поетъ)*.

Удалая голова,
Не ходи мимо села,
Не прокладывай слѣда.

(Подходитъ къ Антону). Ты что?.. А?.. У тебя дочь красивая?.. Брови черныя?.. А у меня вино!.. Ты думалъ, что я заплачу?.. Нѣтъ, я... *(Обращаясь къ дому Антона)*. Параша!.. не грусти, Параша... эво я какой веселый! Эхъ ты!.. *(Приплясываетъ)*.

АКУЛИНА *(всторону и со слезами)*. Владыко Милостивый! Вотъ что съ нимъ сдѣлали злодѣи!

СТЕПАНЪ *(Антону)*. Я тебѣ давеча въ ноги кланялся, а ты меня оттолкнулъ... Хошь теперь выволочку задамъ?.. *(Наступаетъ на Антона)*. А?.. Хошь что-ли? Такъ и поднесу подъ микитки!

АНТОНЪ *(струсивъ, перебѣгаетъ на другую сторону)*. Отвяжись, разбойникъ!

ВОМКА *(кричитъ)*. Карауль, карауль!

СТЕПАНЪ *(хохочетъ дико)*. Ха, ха, ха! А! что?.. Трусую праздновать!.. Вотъ я васъ!..

АКУЛИНА *(всторону)*. Ахъ, онъ совсѣмъ обезумѣлъ!.. *(Подходитъ къ Степану)*. Степанушка! голубчикъ!

СТЕПАНЪ *(увидя мать)*. Матушка!.. *(Бросается ей въ ноги)*. Прости меня, окаяннаго! Согрешилъ я передъ тобою! Виновать я передъ тобою!.. *(Горько плачетъ)*.

АКУЛИНА *(плачетъ и поднимаетъ его)*. Нѣтъ, дитятко, не ты виновать, а злые люди; они позавидовали нашему счастью, они тебя испортили.

СТЕПАНЪ. Такъ, матушка, такъ... Выпьемъ, родная, веселье будетъ!.. (*Кричитъ*). Эй! цѣловальникъ! давай сюда, для родимой что ни на есть лучшей наливки, а для меня горькучи!

АКУЛИНА (*цѣлуетъ его*). Полно, косатикъ мой, полно; пойдемъ лучше домой.

СТЕПАНЪ. Домой! по что?.. вѣдь дома вина нѣтъ?

АКУЛИНА. Будетъ, соколикъ мой, все будетъ.

СТЕПАНЪ. Ой-ли?.. Ну, инъ пойдемъ... (*Подходитъ къ Антону*). Ты... Ваша милость! Рыжая борода! Что сычемъ-то смотришь? (*Снимаетъ кольцо съ пальца*). Вотъ это колечко подарила мнѣ твоя Параша, отдай ей назадъ, а то я и его пропью. (*Бросаетъ кольцо*). Подымай! (*Акулинъ*). Пойдемъ, родимая (*Запѣваетъ*).

Ужъ какъ нѣтъ у насъ такого молодца,

Какъ Степана Селиверстовича!

(*Свищетъ*). Ой, гуляй!.. (*Уходитъ съ Акулиной*).

АНТОНЪ (*посль нѣкотораго молчанія*). Экой разбойникъ.

ЛУКЪЯНЪ. Экой оборотень.

ВОМКА (*вслѣдъ уходящему Степану*). Воровская петля!

АНТОНЪ. Экой пьяница!

ЛУКЪЯНЪ. Что ужъ и говорить! Пойдемъ-ка, свать, да съ переполоху-то выпьемъ.

АНТОНЪ. Выпьемъ, сватушка, выпьемъ. (*Кричитъ*). Эй! цѣловальникъ!

ЗУДА (*въ дверяхъ*). Что приказать изволите?

АНТОНЪ. Штофъ зеленчаку!

ЗУДА (*отворяя двери*). Милости просимъ, гости дорогие.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ и ОПОЛЧЕНІЕ.

При открытіи занавѣса ночь.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ АКТАХЪ.

ИВАНЪ ЛЬВОВИЧЪ ЧУБАРОВЪ, полковникъ.

Сосницкій.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ МАЙСКОЙ, богатый помещикъ.

Славинъ.

АННА ЛЬВОВНА, его жена.

Громова.

АЛЕКСАНДРЪ.)

Соколовъ.

НИКОЛАЙ. } ихъ дети.

Волковъ 1.

ЕЛИСАВЕТА МИХАЙЛОВНА ДОНЦЕВА, сирота, воспитывающаяся у Майскихъ.

НОСКОВЪ, подпоручикъ, партионный офицеръ.

АНДРЕЙ, слуга Майскаго.

ОГНЕВЪ, фельдфебель.

МИХАЙЛО ЗУДА, маркитантъ.

ГАВРИЛО СТЕПАНОВЪ РЕЦЕПТУРИНЪ, уездный лекарь.

АНТИПЪ СИДОРОВЪ, стставной фельдфебель

ИГНАТЬИЧЪ, староста.

ГАВРИЛО МАКСИМОВЪ, десятскій.

ДАНИЛО ДЕРГАЧЪ.

СЕВАСТЬЯНЪ СТАРЦЕВЪ.

ПРОКОФІЙ НЕУЛАДЪ.

ЛУКЪЯНЪ СКУЛА.

АНТОНЪ БИРЮЧЪ, выборный.

ПАРАША, его дочь.

СТЕПАНЪ КОЗЫРЬ.

ВАСИЛІЙ.

СЕМЕНЪ.

ПЕТРЪ.

АЛЕКСѢЙ.

ӨОМКА.

ЕРЕМКА. } дѣти Лукьяна.

Сынъ СЕВАСТЬЯНА.

Крестьяне, крестьянки, дѣти, солдаты и ополченные.

(Дѣйствіе въ 1812 году, въ сентябрь мѣсяцъ).

Варламова.

Чайской.

Фальевъ.

Максимовъ 2.

Зубровъ.

Прусаковъ.

Григорьевъ 1.

Вороновъ.

Рупини.

Сосновскій.

Захаровъ.

Чайскій.

Григорьевъ 2.

Горшенковъ,

Самойлова.

Самойловъ.

Семеновъ.

Байковъ.

Өедоровъ.

Рамазановъ.

Разказовъ.

Кузьминъ.

Старцевъ.

I.

СИДОРОВЪ выходитъ съ правой стороны, оглядывается и прислушивается.

Нѣтъ ни слуху, - ни духу! Чтѣ-жѣ-бы это за оказія такая!.. Ужѣ не спятились-ли мои молокососы? Не вздумали-ли трусу праздновать?.. Не можетъ того статься! Я ихѣ такѣ вымуштроваль, такѣ разлакомиль, что они нетолько что Француза, да и самого нечистаго въ дугу согнуть! Эхѣ, народецѣ русскій! Чего только изѣ тебя нельзя сдѣлать! Хотѣ правду сказать, въ заморскихѣ государствахѣ и зовутѣ насѣ медвѣдями, да вѣдь это только потому, что сами-то они на зайцевѣ смахиваютѣ. Э-эхѣ, заморщина, заморщина! Тебѣ-ли съ нами тягаться! Хотѣ ты и пожаловала къ намѣ въ гости, да глодать-то будешь однѣ кости. Ты думаешь, что ужѣ коли въ Москву вошла, такѣ вотѣ такѣ тебѣ и хлѣбѣ-соль вынесутѣ? Шалишь, Антошка, ножку наколешь! Знаешь мы, что вашѣ Бонапартѣ мужикѣ

разумный, воинъ храбрый. Да только вотъ что въ немъ неладно: глаза-то ужъ больно завидущи!.. А на насъ и досадно стало: «Какъ, дескать, такъ, надо всеми я большой, одна только Россія передо мной шапки не ломаетъ и фрунту не дѣлаетъ! Вотъ я ее ужю!» Какъ-бы нетакъ. Нѣтъ, братъ, съ нами долго не шумаркай! (*Смотритъ за кулисы*). А, да вотъ и мой молодцы изъ города вернулись. Эхъ, лихой народъ.

II.

СИДОРОВЪ, АЛЕКСѢЙ, ПЕТРЪ, ВАСИЛІЙ, СЕМЕНЪ и другіе крестьяне, два барабанщика и два флейщика. Всѣ крестьяне съ большими узлами, ружьями и тесаками.

АЛЕКСѢЙ. Легонько, ребята, легонько; кажись еще все село спитъ.

ПЕТРЪ. Знамо дѣло, что спитъ; вѣдь еще только первые пѣтухи кричали.

ВАСИЛІЙ. Кто-же пойдетъ къ Антипу Сидорычу, сказать ему, что мы вернулись?

СИДОРОВЪ. Незачѣмъ ходить, дѣтушки, незачѣмъ; гдѣ только надо, тамъ Антипъ Сидоровъ самъ на-лицо!

Всѣ (*съ удивленіемъ*) Дядюшка Антипъ!!..

СИДОРОВЪ. Ну, такъ что-жь, что дядюшка Антипъ? Что-жь вы, шалопаи, пасти-то разинули?

СЕМЕНЪ. Да какъ-же, дядюшка, мы думали, что окромя насъ, собакъ, да пѣтуховъ, весь крещеный людъ спать залегъ.

СИДОРОВЪ. Да развѣ русскій солдатъ спитъ, когда спать не слѣдуетъ? Нѣтъ, дружки, стало-быть худо вы знаете солдатскую натуру. Я, какъ часовой у заряднаго ящика, всю ночь глазъ не смыкалъ, все поджидалъ васъ, моихъ будущихъ богатырей. Ну, говорите-же: что хорошаго?

ВАСИЛІЙ. И Господи, какъ хорошо!

СИДОРОВЪ. Какъ васъ приняло начальство въ городъ?

СЕМЕНЪ. Да такъ, что и не вымолвить; мы, то есть, раздольны довольны!

СИДОРОВЪ. Всѣхъ-ли записали?

ВАСИЛІЙ. Всѣхъ до единого.

СИДОРОВЪ. Къ кому-же вы прежде всего явились?

ВАСИЛІЙ. Ужъ извѣстно къ кому: къ самому наибольшему.

СИДОРОВЪ (*съ удивленіемъ*). Къ губернатору!?

СЕМЕНЪ. Кто его знаетъ. Мы только спросали: кто моль, ребята, тутъ самый набольшій. Вотъ и проводили насъ. Ахъ, ты Господи твоя воля. Въ такихъ хороминахъ живеть, что какъ на крышку взглянешь, такъ шапка свалится.

Сидоровъ (*съ нетерпѣніемъ*) Ну, ну!

СЕМЕНЪ. Вотъ хорошо. Какъ намъ указали, такъ тутъ ужъ мало горя. Эво, мы всей ватагой и валимъ на крылечко... А крылечко-те важное! У насъ въ цѣломъ селѣ экова нету-ти...

Василій (*перебивая его*) А у дяди Парамона?

СЕМЕНЪ (*съ сердцемъ*) А что у дяди Парамона? У дяди Парамона дрянь!

Василій. Анъ, нѣту-ти!..

СЕМЕНЪ. Анъ, дрянь!

Василій (*разгорячась*). Эхъ, ты войлокъ! Рожна ты смыслишь!.. Да у дяди-то Парамона одинъ рукомоиникъ чего стоитъ? Въдь муравленый!

СЕМЕНЪ. Ну, такъ что-жъ что муравленый?.. А утиральникъ-то виситъ такой, что и свинь рыло утрешь, такъ захрюкаетъ...

Сидоровъ (*выйдя изъ терпѣнія*). Смирно!.. Что вы это, молокососы, выдумали?.. А?.. Что вы браниться сюда пришли, что-ли?

СЕМЕНЪ (*струсивъ*). Нѣту-ти, дядюшка... Мы, то есть, энто такъ... любовно, промежъ себя... (*Тихо Василью*). Рукомоиникъ муравленый!... Дядя-то твой вонъ полтину съ грошемъ еще объ масляной у меня занялъ, да и о сю пору не отдаетъ... рукомоиникъ муравленый!

Василій. А ты у меня варежки-то купилъ за двадцать копѣекъ, отдалъ что-ли?..

СЕМЕНЪ. Такъ что-жъ, что не отдалъ? Ну, и получай съ муравленаго-то рукомоиника.

Василій. Да еще сапоги я тебѣ починиваль. (*Обращаясь къ крестьянамъ*)! Такіе, ребята, сапоги, что дыра на дыръ! Одно-го товару копеекъ на двѣнадцать пошло. (*Всѣ хохочутъ*).

Сидоровъ (*топая ногою*). Да что-жъ, дождусь я отъ васъ толку, что-ли?

СЕМЕНЪ. Не серчай, дядюшка Антипъ! Въдь надоть все, то есть... не то что бы того, а по порядку, какъ быть, какъ слѣдуетъ... (*Обращаясь къ Семену*). На двѣнадцать копеекъ товару?.. Эхъ ты жидовская утроба! Двѣ заплаты положилъ, да на двѣнадцать копеекъ товару!.. Эхъ, ты!.. (*Сидорову*). Такъ вотъ, какъ мы на крылечко-то взошли, анъ тутъ у дверей-те

стоитъ мужчина, эвось, какой рослый! да самъ такой нестрый, распестрый! а въ рукахъ-те держитъ золотую дубину съ большинской шишкой... «Куда, говоритъ, мужичье, лезете?».. Да вотъ, моль, къ набольшему...» Ну такъ, говоритъ, обожди маленько, надоть доложить. Да и говоритъ другому барину, настоящему барину, знаешь энтакъ въ кургузой сибиркѣ и сапоги съ глянцецъ: «Ступай, говоритъ, Кузьма, скажи его превосходительству, что мужики пришли». Эво, тотъ и побѣгъ, сломя голову. Ладно! А мы стоимъ, да почесываемся.

Сидоровъ. Ну! что-жь?..!

Семень. Ну, ничаво. Только Алешка чихонуль... (*Обращаясь къ Алексию*). Алешка! ты вѣдь чихонуль-то?

Алексей. Нѣту-ти, Трофимка.

Семень. Аль бишь Трофимка... такъ, такъ, Трофимка и есть.

Сидоровъ. О, мучитель!.. (*Василью*). Да скоро-ли?..

Семень. На-порядкахъ таки простояли, докуля опять вышелъ баринъ-Кузька, да и повелъ насъ въ хоромныи. Мы было всей гурьбой, да нестрой-то не пустилъ. Полно, говоритъ, и десятка будетъ. Ступай тотъ, кто поразумнѣе, да порычистѣе. Эво мы и взошли. Глядимъ, анъ у насъ передъ самымъ-то носомъ и стоитъ старъ человекъ! махонькой, худенькой! на головѣ-то лысна, а эво вотъ тутъ (*Показываетъ на грудь*) двѣ этакия... словно жаръ горять!

Сидоровъ (*съ нетерпѣливомъ*). О, чтобъ тебя, вожи създи! Краснобай проклятый!

Семень. Вотъ, слышь, и говоритъ намъ старъ человекъ: «Что моль вамъ, ребятушки, надоть, и откеле вы?» — А мы ему поклонъ съ учливствомъ, да и молвди: Намъ, моль, батюшка, сказали, что хранцузъ заполонилъ Москву родимую, такъ эво мы и пришли къ твоей милости попрошеть родительскаго благословенія; не откажи, родимой, прими насъ въ солдатчину, дай пощунать, сколько реберь у хранцуза.

Сидоровъ (*съ восторгомъ*). Молодцы, ребятушки, молодцы!

Семень. Вотъ какъ это мы вымолвили да и всемъ десяткомъ и чебурагнулись ему въ ноги.

Сидоровъ. Лихо! Славно! Что-же отецъ командиръ?

Семень. Прослезился, миляга, прослезился, да и говоритъ: «Голубчики вы мои! Родные вы мои!..» (*Крестьянамъ*). Такъ вѣдь ребята онъ говорилъ?

Всѣ. Такъ, такъ!

СЕМЕНЬ. «Родные вы мои! Благослови васъ Господи постоять грудью за святую родину и за батюшку Царя православнаго!» А мы опять ему въ ноги, да и гаркнули: Постоймъ, мошь, батюшка, постоймъ; зададимъ ханцузамъ знатнаго перечесу! Только не вели намъ бороды брить, да водосы стричь.

Сидоровъ (*съ сердцемъ*). Чтò?.. Дурачье непроходимое! Болваны необтесанные! Я думаю, его превосходительство разсердился?

СЕМЕНЬ. Нѣту-ти, ничего; только маленько ухмыльнулся, да и говоритъ: «Оставайтесь, какъ есть, для-та, что я васъ принимаю въ ополченіе. Да кто мошь васъ надоумилъ на такое доброе дѣло?—» Вотъ мы и молвили: Кому-же, мошь, окромя отставнаго унтера Антипа Сидорыча; ёнь насъ на разумъ поставилъ. «Такъ ему отъ меня большое спасибо! А теперь ступайте въ канцерьель, тамъ васъ всѣхъ запишутъ и снарядъ дадутъ, какъ слѣдуетъ. Кузьма! проводи ихъ!—» Мы опять ему поклонъ, да и вонъ.

Сидоровъ (*съ нетерпѣніемъ*). Ну! и чтò-же?

СЕМЕНЬ. Ну, въ канцерьяли-то насъ всѣхъ переписали, да эвота и надавали: и кафтановъ, и шапокъ, и саблей, и ружей. Мы и для тебя сбрую захватили. (*Показываетъ на узелъ*).

Сидоровъ. Спасибо, спасибо вамъ, дружки мои милые!

СЕМЕНЬ (*показывая на барабанщиковъ*). Эвось, Антипъ Сидорычъ, чтобы намъ не скучно было, такъ и музыку дали.

Сидоровъ. Знатно! Стало-быть мы пойдемъ въ походъ припѣваючи. А когда-же приказано выступать?

Василій. Да говорили, чтобы въ городъ-то мы приходили поскорѣе.

Сидоровъ. Да въ какой городъ-то?

Василій. Какъ его прозывается-то?.. Вотъ еще въ немъ поросята знатные!..

Сидоровъ. Можайскъ, чтò ли?

Василій. Эво, эво, какъ тутъ попалъ.

Сидоровъ (*весело*). Такъ что-же дожидаться? Мы сегодня-же и выступимъ. Такъ-ли, братцы?

Всѣ. Въстимо, что такъ.

Сидоровъ. Вотъ люблю молодцовъ за обычай! Ужь коли дѣлать дѣло, такъ дѣлать! Взялся за гужъ — такъ не говори, что не дождь! А не слыхали-ли вы, куда насъ пошлютъ?

СЕМЕНЬ. Да говорить, подь Тарутино.

Сидоровъ. Какъ! Прямо въ дѣйствующую армію?.. Слава Тебѣ, Господи! (*Обращаясь къ крестьянамъ*). Ну, братцы, теперь ступайте по домамъ, отдохните, а уже за обѣднею отслужимъ молебень Царю небесному, и съ теплою вѣрою и съ радостью въ сердцѣ выступимъ на службу Царю земному! Ладно-ли?

Всѣ. Ладно! ладно!

Сидоровъ. Ну, такъ съ Богомъ!

Василій (*показывая на узелъ*). А муницу-то свою возьмешь что-ли?

Сидоровъ. Отнесите ко мнѣ въ избу, да проводите туда-же вотъ и этихъ молодцовъ; (*Показываетъ на барабанщиковъ*) а мнѣ оставьте только вотъ этого друга, (*Беретъ у Василья ружье*), съ которымъ ужъ я давно не видался.

Василій (*крестьянамъ*). Такъ инъ пойдѣмъ, ребята!

Всѣ. Пойдѣмъ, пойдѣмъ! (*Сидорову*). Прости, Антипъ Сидорычъ!

Сидоровъ. До свиданія, дѣтушки, до свиданія! (*Крестьяне уходятъ*).

III.

СИДОРОВЪ одинъ. Онъ нѣсколько времени любитъ ружьемъ.

Ну, мой пріятель троеранный!

Мы не видалися лѣтъ пять,

Да гость пожаловалъ неожиданный,

Такъ мы товарищи опять.

Не любить Русскій понемножку

Гостей заморскихъ угощать;

Такою сдѣлаетъ окрошку —

Которой вѣкъ не расхлѣбать!

Нѣтъ! Силой мѣяться, едвали

Успѣешь съ нимъ Наполеонъ!

Вѣдь скванъ онъ изъ русской стали,

Да русской вѣрой закалёнъ!

Такъ напрасно, господа Французы, вы къ намъ пожаловали. Привхали-то вы верхами, въ каретахъ, а назадъ-то, можетъ-быть, придется улепетывать на своихъ на двоихъ! Ну, что-же: коли захотѣли въ Россіи господами быть, такъ вотъ вамъ село да вотчина, чтобъ вело да корчило. Хоть долго Русскіе терпятъ, да бѣда—коли оцетинятся! А за этимъ дѣло не станеть, какъ

разъ скажемъ: ерь да еры, да и маршь съ горы! (*За кулисами вдали слышенъ колокольчикъ*) Чу!.. Кажись колокольчикъ!.. Когобы это Богъ несъ въ такую позднюю пору: кажись наше село отъ большой дороги далеко въ сторонъ. (*Колокольчикъ приближается*). Сюда!.. (*Глядитъ за кулисы*). Да подлинно сюда! И какая лихая тройка!.. Кто-бы это таковъ?.. (*Съ лъвой стороны съъзжаетъ на тройкѣ полковникъ Чубаровъ*).

IV.

СИДОРОВЪ, ЧУБАРОВЪ и ЯМЩИКЪ.

ЧУБАРОВЪ (*ямщику*). Стой, безумная голова!.. (*Ямщикъ останавливаетъ лошадей*). Куда ты меня завезъ? Въдь говорилъ тебѣ, вези не сворачивая съ большой дороги! Такъ цѣтъ: «Проселкомъ ближе!» Ну вотъ тебѣ и ближе!.. (*Ямщикъ молчитъ и почесывается*). Что молчишь-то? Дурацкое рыло!

СИДОРОВЪ. Э, да это заплутавшіе провъзжіе!

ЧУБАРОВЪ (*сходитъ съ телеги и оглядывается*). Какое-то село, или деревня... Богъ знаетъ, куда заѣхали, и спросить не у кого; всё спитъ...

СИДОРОВЪ (*подходитъ къ Чубарову*). Это село Боронилово, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ. Кто здѣсь?!

СИДОРОВЪ. Здѣшній обыватель, отставный солдатъ, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ. Солдатъ! Слава Богу, отыскалась душа человѣческая! (*Сидорову*). Ну, любезный, скажи мнѣ: далеко-ли отсюда до Можайска, и какъ проѣхать?

СИДОРОВЪ (*всторону*). Господи! какой знакомый голосъ!.. (*Чубарову*). До Можайска, ваше высокоблагородіе, отсюда будетъ верстъ тридцать съ хвостикомъ. (*Всторону*). Такъ, это онъ! это бывший мой ротный командиръ! (*Чубарову*). Еслибъ только старый солдатъ осмѣлился предложить вашему высокоблагородію...

ЧУБАРОВЪ. Что такое, другъ мой?

СИДОРОВЪ. Ощастливить посъщеніемъ его бѣдный домишко и отдохнуть съ дороги.

ЧУБАРОВЪ. А что ты думаешь! Это недурно. Однакожь, послушай: надобно тебѣ сказать, что въ мирное время я не привыкъ ложиться спать съ пустымъ желудкомъ; найдется-ли у тебя надъ чѣмъ-бы можно было поточить зубы?

Сидоровъ. Не взыщите, ваше высокоблагородіе, разносоловъ нѣтъ; а голодны не останетесь.

Чубаровъ. Я неприхотливъ; мнѣ зачастую случалось ѣсть солдатскую кашу съ салцомъ.

Сидоровъ. Знаю, ваше высокоблагородіе, сколько разъ самъ былъ свидѣтелемъ.

Чубаровъ (*съ удивленіемъ*). Какъ, свидѣтелемъ?! Да развѣ ты служилъ въ нашемъ полку!

Сидоровъ. Даже въ вашей ротѣ, ваше высокоблагородіе!.. Да неужели вы меня не узнали, отецъ-командиръ? Припомните-ко фельдфебеля 3 фузелерной роты...

Чубаровъ. Сидоровъ!.. Ты-ли это?

Сидоровъ. Я, ваше высокоблагородіе!

Чубаровъ (*бросается къ Сидорову и обнимаетъ его*). Обними меня, старый дружище! Какими судьбами нахожу тебя здѣсь?

Сидоровъ (*съ чувствомъ*). Это моя родина, ваше высокоблагородіе; здѣсь похоронены у меня отецъ и мать, сюда и я пришелъ, послѣ службы царской, поклониться ихъ праху и, коли Господу будетъ угодно, лечь въ мать сыру землю рядышкомъ съ моими родимыми.

Чубаровъ (*всторону*). Благочестивый христіанинъ, добрый сынъ и храбрый воинъ—вотъ настоящій русскій солдатъ! (*Сидорову*). Обними меня еще разъ, старый товарищъ!

Сидоровъ. (*въ нерышимости*). Ваше высокоблагородіе... такая честь...

Чубаровъ. Слушай команду!.. Скорымъ шагомъ! Маршъ-маршъ! (*Сидоровъ подходитъ къ нему и они обнимаются*). Вотъ такъ! Теперь скажи мнѣ: найдется-ли у тебя мѣсто (*Показывая на ямчика*) вотъ для этаго дурака съ его тройкою?

Сидоровъ. И, ваше высокоблагородіе! у меня домъ не клиномъ сошелся, и корму, и мѣста для всѣхъ хватить.

Чубаровъ. Славно! Стало-быть, бѣдныя лошадки, которыя измучились по его глупости, отдохнуть, поѣдятъ и завтра лихо доvezутъ меня до Можайска.

Сидоровъ. Смѣю-ли спросить, ваше высокоблагородіе, зачѣмъ изволите отправляться въ Можайскъ?

Чубаровъ. Я посланъ главнокомандующимъ осмотрѣть рекрутъ и ополченіе, которые теперь туда собираются, и потомъ привести ихъ въ дѣйствующую армію.

Сидоровъ (*съ повторомъ*). Такъ ваше высокоблагородіе поведетъ насъ на службу царскую?

Чубаровъ. Какъ васъ!.. Что это значить? Развѣ ты...

Сидоровъ. Ополченный, отецъ-командиръ, ополченный!

Чубаровъ. Bravo, Сидоровъ! Bravo! (*Бьетъ его по плечу*). Молодецъ! Ножовый заводчикъ! Солдатская косточка!

Сидоровъ (*вытягиваясь*). Рады стараться, ваше высокоблагородіе!

Чубаровъ. Далеко-ли отсюда твоя штабъ-квартира?

Сидоровъ. Близехонько, ваше высокоблагородіе.

Чубаровъ. Такъ веди!

Сидоровъ. Милости просимъ, отецъ-командиръ! (*Ямщику*). Эй, пріятель! Поворачивай оглобли, маршъ за нами. (*Идутъ съ Чубаровымъ въ лѣвую сторону; навстрѣчу имъ попадается Степанъ. Костюмъ его въ безпорядкѣ, волосы всклоочены, лицо обезображено отъ продолжительнаго пьянства, и по временамъ въ немъ показывается какъ будто-бы лихорадочная дрожь.*)

V.

ТѢЖЕ и СТЕПАНЪ.

Степанъ (*Сидорову кланяется*).. Здравствуй, батюшка крестный!

Сидоровъ. А, пьяница, ты чего тутъ по ночамъ шатаешься?

Степанъ (*всторону, съ чувствомъ*). Пьяница!.. Вотъ моя нынѣшняя кличка, вотъ мнѣ пріветливое слово!

Чубаровъ (*Сидорову*). Что это за ночная птица?

Сидоровъ. Пронацій человекъ, ваше высокоблагородіе, совсемъ пропацій! Былъ онъ прежде добрымъ парнемъ, работающимъ крестьяниномъ, а теперь, вотъ два года ровно, только у него и дѣла, что пить безъ просьбу.

Чубаровъ. Это дурно, очень дурно; пойдѣмъ Сидоровъ, я не могу видѣть человека, который забылъ Бога, совѣсть и стыдъ. (*Уходятъ; ямщикъ ульзгаетъ за ними.*)

VI.

СТЕПАНЪ одинъ.

(*Смотритъ за уходящими*). Пьяница!.. Забылъ Бога!.. Да, вы правду говорите, добрые люди! Милосердный Создатель на меня прогнѣвался, продалъ я душу нечистой силѣ, и нѣтъ во мнѣ

больше ни стыда, ни совести!.. Горько! Тяжко! Страшно!.. *(Вздрагиваетъ)*. Бррр! какъ холодно!.. Въ головѣ пожаръ неугасимый, а по всему тѣлу морозъ трескучій!.. О, Господи! Хоть-бы умереть поскорѣе... Умереть!.. А хвора я мать? А Параша? Что съ ними будетъ?.. *(Съ горькою ироніей)*. Нѣтъ, Степанъ Селиверстычъ! Живи да майся, да съ цѣловальникомъ знайся! Послѣ вечерашняго веселья и опохмѣлиться-то не на что. Хоть-бы гривенку... хоть-бы пятакъ... Въдъ Мишка Зуда въ долгъ не даетъ, даромъ что называетъ меня другомъ. Развѣ послѣдній кафтанашко заложить?.. А ходить-то въ чемъ?.. Э! Если и замерзну гдѣ-нибудь подъ заборомъ, не велика бѣда: *(Идетъ къ дому Зуды)*. Заперто! Что-же это Мишка такъ долго не отпираетъ? Эво, ужъ и зорька занялась; чай Параша скоро по воду пойдетъ... Охъ, какъ-бы мнѣ съ нею не встрѣнуться?.. Степка-Козырѣ, вотъ до чего ты допилъ, удалая головушка, что боишься взглянуть на свою любушку.

Я боюсь взглянуть въ очи ясныя,

Молвить слово ей полюбовное;

Гдѣ вы, дни мои, распрекрасные,

Гдѣ ты, времячко безвиновное?

Слуху нѣтъ объ васъ, нѣтъ извѣстія,

Не видать ужъ васъ мнѣ, веселыхъ дней,

Промѣнялъ я честь на безчестіе,

Выгналъ доброе изъ груди моей!

Ни-по-чемъ теперь мнѣ и стыдъ, и срамъ,

Непробуднымъ сномъ—моя совѣсть спить!

Люди добрые идутъ въ Божій храмъ,

Путь дорожка мнѣ къ кабаку лежитъ.

(Въ продолженіе этого явленія начинается разсвѣтъ. Село, мало-по-малу оживаетъ; изъ нѣкоторыхъ домовъ выходятъ бабы съ ведрами, здороваются между собою и отправляются на рѣчку; мужикъ ведетъ лошадь на водопой; за рѣкою показывается пастухъ, наигрывающій на рожокъ).

VII.

СТЕПАНЪ, ЗУДА выходятъ изъ своего дома, съ метлою въ рукахъ, и потомъ
ПАРАША.

Зуда *(потливаясь)*. Экъ я сегодня заспался! *(Услышавъ рожокъ)*. Эвона, ужъ и скотину гонять. *(Подметаешь около дверей)*.

СТЕПАНЪ (*всторону*). Отперь!.. Авось дасть!.. (*Подходитъ къ Зудь и кланяется*). Богъ помочь, Михайло Перфильчъ.

ЗУДА. А! Степанъ Силиверстовъ! Ранняя птаха! Куда это собрался ни свѣтъ, ни зоря?

СТЕПАНЪ. Куда-же больше, какъ не къ тебѣ? Ужъ я давно дожидался, покуда ты отопрешь.

ЗУДА. Э! А зачѣмъ-бы слышно?

СТЕПАНЪ (*всторону*). Не дасть! Ей Богу, не дасть! (*Зудь*). Что, братъ, Миша, со вчерашняго твоего угощенья голова трещить, руки и ноги дрожать, сердечушко выскочить хочеть и всего словно лихоманка бьетъ!

ЗУДА. Бѣдняга! Такъ чего-жъ ты смотришь? Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись; коль коломъ выгоняй; хвати-ко хорошую чепаруху, всё какъ рукой сниметь!

СТЕПАНЪ. За этимъ-то я и пришелъ. Опохмели, братъ, пожалуйста.

ЗУДА. Изволь, любезнѣйшій, изволь; милости просимъ! (*Ставитъ метлу и идетъ къ дому*).

СТЕПАНЪ (*робко*). Только вѣдь вотъ что: у меня денегъ нѣтъ.

ЗУДА (*останавливаясь*). Денегъ нѣтъ?.. Да!.. жалко! жалко! А хорошо-бы тебѣ вышить, право, хорошо. (*Въ домъ Бирюча открывається окно и показывается Параша*).

ПАРАША. Каково-то на улицѣ?.. (*Увидя Степана*). Господи! ужъ онъ опять у кабака?

СТЕПАНЪ (*кланяясь*). Михайло Перфильчъ! Сдѣлай великую милость, повѣрь въ долгъ.

ЗУДА. Радъ-бы радостью, Степанька, да не могу; того и жду, что левизоры пріѣдутъ.

СТЕПАНЪ. Да вѣдь мнѣ не на Богъ знаетъ сколько; вѣдь мнѣ только что опохмелиться.

ЗУДА. Кажинную каплю считаютъ, кажинную каплю!

СТЕПАНЪ (*кланяется*) Мишенька! Голубчикъ! Будь другъ...

ЗУДА. Право-же не могу, Степанушка, родной ты мой, не могу.

СТЕПАНЪ. Ну, пожалуйста!..

ЗУДА. Эхъ, какой безотвязный! Вѣдь сказано, что не могу, такъ и не могу!

СТЕПАНЪ (*дрожитъ вслѣзъ тѣломъ*). Вѣчно буду за тебя Бога молить!..

ЗУДА. Отстань!

СТЕПАНЪ. Я тебя въ ножки поклонюсь!.. *(Кланяется въ ноги)*

ПАРАША. Вотъ до какого сраму дошелъ, цѣловальнику въ ноги кланяется!.. Творецъ небесный! Да за что-же я люблю-то его?.. *(Запираетъ окно).*

ЗУДА. Отвяжись!

СТЕПАНЪ *(вскакиваетъ)* Живодеръ! вспомни только: сколько я у тебя пропилъ?

ЗУДА. Да что объ этомъ толковать? Ужъ мертваго съ пого-сту не воротишь. Кабы ты пилъ то, примѣрно сказать, по людскому, такъ хватило-бы и на похмѣлье; а то сегодня густо, а завтра пусто.

СТЕПАНЪ. Михайло Перфильичъ! Да неужто въ тебѣ не христіянская душа? Ты лучше нищему не подавай, а ужъ мнѣ-то не откажи; ну погляди: вѣдь меня всего колотить.

ЗУДА. Да вѣдь чтожъ колотить, я и самъ бьюсь, какъ рыба объ ледъ, да дѣлать-то нечего.

СТЕПАНЪ. Такъ ты не дашь?

ЗУДА. Какъ не дать! За деньги сколько душъ угодно.

СТЕПАНЪ. Разбойникъ! Грабитель... *(Снимаетъ съ себя кафтанъ).* На, вотъ! бери подъ закладъ!

ЗУДА. Что это, кафтаншко?.. *(Разсматриваетъ кафтанъ).* Плохонекъ!.. Ну, да ужъ дѣлать нечего, парень-то ты добрый, жалко отказать-то.

ПАРАША *(въ окнѣ).* Что это! Онъ послѣднюю одежду пропить хочеть!.. Нѣтъ! не допущу до этого! *(Бросаетъ въ окно деньги, завернутыя въ бумажку).* Прими Христа ради, пьяница! *(Захлопываетъ окно).*

СТЕПАНЪ *(въ сильномъ волненіи).* Христа ради!.. Пьяница!.. *(Зудь)* Михайло! Кто это сказалъ?

ЗУДА *(въ это время поднимаетъ бумажку и разворачиваетъ).* А я почему знаю? Я вотъ вижу только, что тебѣ словно съ неба свалилась цѣлая полтина серебра.

СТЕПАНЪ *(съ дикой радостью).* Полтина серебра! У меня есть полтина серебра?.. *(Бросается къ Зудю и вырываетъ у него деньги).* Подай сюда! Не скверни ее своими нечистыми руками! Это мнѣ дала Пара... Нѣтъ! Это мнѣ подали Христа ради!.. *(Заливается слезами).*

ЗУДА *(утѣшая Степана).* Полно, полно, Степанушка!

СТЕПАНЪ *(восторженно).* Слушай, Зуда! Видишь ты этотъ полтинникъ?

Зуда. Какъ не видать, коли самъ показываешь.

Степанъ. А знаешь-ли ты, куда онъ пойдетъ?

Зуда (*смѣясь*). Куда-же? Вѣстимо, въ мою выручку.

Степанъ. Никогда! Никогда! Да поразить меня Господь громомъ небеснымъ, если я только подумаю это сдѣлать!.. (*Любуется полтинникомъ*). Онъ такъ чистъ и свѣтелъ, какъ душа Параши! Его мѣсто на груди моей.

Зуда. А выпьешь-то на что-же, коли его не размѣняешь?

Степанъ (*подавая ему кафтанъ*). Вотъ тебѣ мой кафтанишка, опохмѣли меня въ послѣдній разъ.

Зуда. Да вѣдь что-жъ, вѣдь за эту рухлядь я больше трехъ стакановъ не дамъ.

Степанъ. Не надо мнѣ трехъ, съ меня и одного будетъ.

Зуда. Рассказывай сказки, знаю я тебя не сегодня; первый-то у тебя идетъ коломъ, второй соколомъ, а другіе ужъ и полетятъ мелкой пташкой, стакапъ за стаканомъ.

Степанъ (*въ сильномъ азартѣ хватаетъ его за руку*). Ты не вѣришь?.. Такъ вотъ-же тебѣ душа порукой, что это будетъ послѣдняя подачка нечистому духу! Идемъ! (*Уходитъ въ домъ Зуды*).

Зуда (*смотритъ вслѣдъ за уходящимъ*). Врешь не пьешь; выпьешь—вытянешься, молодцомъ будешь! (*За кулисами слышенъ голосъ десятскаго: «На сходку! На сходку!»*). Чтò это, кажись крестьянъ на сходку собираютъ; чтò бы это была за притча такая?

VIII.

ЗУДА и ГАВРИЛО.

Гаврила (*подходитъ къ первому дому и стучитъ въ окно палкою*). Дядя Парамонъ, выходи на сходку!

Зуда (*подходитъ къ Гаврилу*). Здорово, свать Гаврило!

Гаврила. Здорово Мишукъ! (*Подходитъ къ другому дому и стучитъ палкою*). Андрей Иванычъ! выходи на сходку!

Зуда. Чтò ты это, Гаврило Максимычъ, горячку-то порешь?

Гаврила. Охъ, братъ, ужъ и не говори: такая, знать, наша обязанность!

Зуда. Да чтò случилось?

Гаврила. Некрутчина съ нашего села.

Зуда. Э! И много?

Гаврила. Нѣту-ти, много-то немного; всего-то одного требуютъ.

Зуда. Ну, такъ объ такой пустяковинѣ и горевать нечего.

Гаврила (*идетъ къ дому Бирюча и стучитъ палкою въ окно*).
Антонъ Анкудиновичъ, староста на сходку зоветъ.

Зуда. А я-то и забылъ, что у меня гость сидитъ. (*Въ это время за кулисами слышны голоса: Да нѣтъ! Да што!*) Эво-на, всѣ міровѣды сюда гурьбой валять. (*Уходитъ*).

IX.

СТАРОСТА, ДАНИЛО, СЕВАСТЬЯНЪ, ПРОКОФІЙ, ЛУКЪЯНЪ, ОМКА,
потомъ **АНТОНЪ БИРЮЧЪ** и еще нѣсколько крестьянъ.

Староста. Зазорно вамъ, православные, право слово зазорно, изъ-за эвтакого пустаго дѣла такъ голосить, да вопить.

Лукъянъ. Да што ты, Перфілій Игнатьичъ, на насъ назираешь; чего тутъ зазорно?

Староста. Нишкни, братъ Лукъянъ Фирсычъ, вишь у тебя борода-то съ ворота, а ума съ накопыльничъ не вынесла.

Севастьянъ. Давно-ли мы пятерыхъ поставили, а таперича тебѣ еще подавай!..

Староста (*всторону*). Господи! Прости имъ прегрѣшенія! не въдаютъ что творять!.. (*Крестьянамъ*). Братья мои милые! люди православные! Вспомните только, что всѣ мы дѣти одной матери, голубушки нашей русской земли! и отца благодѣтеля, Царя православнаго! Кто насъ поить, кормить, обуваетъ и одѣваетъ?.. Земля русская! Кто насъ бережетъ, стережетъ и заботится объ нашемъ благополучіи?.. Императоръ Всероссийской! Такъ-ли, дѣтушки?

Всѣ (*съ одушевленіемъ*). Такъ! Такъ!

Лукъянъ. Оно такъ-то такъ; да вотъ ты-бы нанялъ некрута изъ чужой вотчины...

Староста (*съ сердцемъ*). Не ты-бы говорилъ, Лукъянъ Фирсовичъ, не я-бы слушалъ! Али нѣтъ въ тебѣ души христіанской? Али за мѣсто добраго русскаго сердечушка схоронена въ тебѣ пареная брюква?.. (*Всѣ хохочутъ*).

Омка. А вѣдь староста-то бачку знатно огрѣлъ! (*Хохочетъ*).

Лукъянъ (*старость съ сердцемъ*). Што и говорить, Перфілій Игнатьевъ! Куда намъ съ тобой тягаться? Краснобаишь ты рѣчисто, да только што небольно чисто. Ну, да вѣдь и то молвить: хоть лыкомъ шить, да староста!

Данило (*Скуль*). Такъ что-жъ что староста? Тебѣ, знать, завидко, что не тебя выбрали?

Лукьянъ. Куда? Въ міровды-то? Да я еще и самъ не пойду!

Данило. Да, не пойдешь! А для чего-жъ насъ угощаль, да упранивалъ, чтобы выбрали?

Лукьянъ (*сконфузясь*). Знать, у тебя языкъ-то безъ костей, такъ и гнѣтся всякую небывальщину городить!

Данило. А хошь, я свидѣтелей представлю?

Староста. Не замай его, Данило Трофимычъ! Съ нимъ, видно, надо разговаривать-то пообѣдавши. (*Обращаясь къ крестьянамъ*). Всъ-ли православные собрались?

Гаврила. Окромя Антона Бирюча, кажись, всъ на сходкъ.

Староста. А его пошто нѣту?

Антонъ (*выходитъ изъ своего дома*). Здѣсь, здѣсь, Перфилій Игнатъевичъ! (*Кланяясь крестьянамъ*) Богъ въ помощь, землячки родимые!

Лукьянъ (*всторону*). Еще ворогъ! Еще недругъ!..

Антонъ (*старость*). Чтó у васъ понадвѣялось и для какой потребности собрали сходку?

Староста. Да вотъ, вишь ты, Антонъ Анкудимовичъ, получилъ я приказъ: съ нашего села требуютъ некрута.

Антонъ. Такъ чтó-жъ? Да мы хоть пятерыхъ поставимъ.

Староста (*Скуль*). Слышь-ли, Лукьянъ Фирсычъ? Вотъ какъ разсуждаетъ умный человекъ! А ты штó?.. Тфу!.. Не даромъ тебя и Скулой-то прозвали; знать, по шерсти и кличка дана! (*Всѣ хохочутъ*).

Лукьянъ (*крестьянамъ*). Да, скальте зубы, развѣайте ласти-то шире, авось по воронъ влетитъ! Эхъ, вы юлыманы! Старость да выборному куражиться повадно: у нихъ сыновей нѣтъ, а дочерей въ солдаты не берутъ.

Омька. Да Параша-то и сама не пойдетъ! Ужъ коли за меня за мужъ не пошла, такъ въ солдаты и поготово не пойдетъ.

Антонъ. Да, вразумилъ ее Господь поупрямиться моей строптивой волей, а то чуть было я не согрѣшилъ, чуть было своими руками не бросилъ мою ненаглядную Парашеньку въ вашу медвѣжью берлогу!

Староста (*подходитъ къ Скуль*). Коришь ты меня, безстыжій человекъ, тѣмъ, что будто я самъ ничѣмъ не усердствую на пользу родимой сторонушки? Ахъ ты заноза осиновая! Да кто-же въ позапрошломъ наборѣ отпустилъ на службу Государеву, безъ очереди и безъ принудья, двухъ остатныхъ сыновей, подпору и утѣху семидесятилтней старости? ты что-ли?

Лунынь. Да изъ какой напасти сталь-бы я такъ дурить?

Староста. Дурить!.. Иуда! (*Крестынамъ*). Вотъ, православные, какіе бываютъ люди на блгомъ свѣту. Гибнетъ родимая сторо-нушка отъ пришлецовъ заморскихъ, рушатся храмы Господни, выжигаются цѣлые города съ приселками, казнятъ и въшаютъ крестьянъ православныхъ, ругаются надъ честью женъ и дочерей нашихъ, томятъ злою кручиною родительское сердце нашего краснаго солнышка Царя-Благо! И есть еще злодѣи, которые возстаніе за святое дѣло называютъ дурью! Стыдъ и срамъ! (*Плачетъ*).

Антонъ (*старость*). Полно, полно, Перфілій Игнатьевичъ! угомонись, успокойся..

Староста. Мнѣ угомониться?! Мнѣ уснокоиться?! Нѣтъ, православные! Сердца ваши облились-бы не слезами, а кровью, если бы вы только знали, что я знаю!

Всѣ Господи, Твоя воля да что-же такое?

Староста. Что?.. Такъ въдайте-же! Нѣтъ у насъ больше первопрестольнаго града, нѣтъ у насъ Москвы белокаменной!

Всѣ. Какъ нѣтъ! Да гдѣ-же она?

Староста. Въ полону у Французовъ!

Всѣ. Въ полону?! (*Всѣ бросаются на колѣна*). Владыко, Царю небесный! Согрешили мы, окаянные! (*Всѣ преклоняютъ головы*).

Староста (*послѣ нѣкотораго молчанія, встаетъ, оглядываетъ всѣхъ крестьянъ, мотаетъ головой и потомъ уже говоритъ*). Ну, что, православные! что землячки родимые! обрадовала-ли васъ моя вѣсточка? Станете-ли и тенерича спорить, что наборы часты?

Данило (*съ одушевленіемъ*). Что ты это, Перфілій Игнатьевичъ! Да развѣ въ насъ не христіанскія души? Да развѣ мы въ Бога не вѣруемъ?

Севастьянъ. Ты бы намъ давно про это молвилъ, такъ мы и толковать-бы не стали. У меня три сына, сдавайте любаго безъ очереди!

Прокофій. У меня всего одинъ, да и того отдамъ.

Всѣ. И мы всѣ отдаемъ! Бросайте жеребій, кому достанется. (*Въ это время съ разныхъ сторонъ выходятъ: Алексій, Петръ, Василій, Семенъ и нѣсколько другихъ молодыхъ парней. Всѣ они одѣты въ полную форму ополченныхъ. При выходѣ они оставиваются незамѣтно позади стариковъ и прислушиваются къ разговорѣ*).

Севастьянъ (*горячо*). Какой тутъ жеребій? Говорятъ вамъ, вы-

бирайте изъ моихъ одного, а коли надо, такъ и за двумя не постою.

ВАСИЛІЙ (*выходитъ впередъ, съ двумя братьями и говоритъ Савостьяну*). Нѣтъ, родимый! Коли милость твоя будетъ, такъ благослови насъ всѣхъ троихъ! (*Всѣ трое бросаются въ ноги Савостьяну*).

Всѣ (*съ удивленіемъ*). Что это за оказія!?

САВОСТЬЯНЪ (*внѣ себя*). Господи!.. Не во снѣ ли мнѣ грезится?.. Мои-ли это дѣтушки, мои-ли это милые?..

ВАСИЛІЙ (*съ братьями, стоя на колынахъ*). Прости насъ, родной батюшка, что безъ твоего соизволенія записались мы охотою въ службу Государеву.

САВОСТЬЯНЪ (*обращая глаза къ небу*). Царь славы! Велика милость Твоя ко мнѣ многогрѣшному. (*Поднимаетъ дѣтей и обнимаетъ ихъ*). Голубчики вы мои связе! Соколики вы мои ясные! Да благословитъ васъ Богъ моимъ словомъ родительскимъ. (*Дѣти наклоняютъ передъ нимъ головы; онъ съ благоговѣніемъ поднимаетъ надъ ними руки, потомъ снова обнимаетъ и целуетъ ихъ по нѣскольку разъ*).

СТАРОСТА (*подходитъ къ Савостьяну*). Проздравляю, братъ, тебя, Савостьянъ Архипычъ, проздравляю! У кого есть такіе дѣточки, тому нечего страшиться послѣдняго часа. (*Обращаясь къ дѣтямъ, кланяется въ поясъ*). Исполать вамъ, ребятушки, исполать вамъ, добрые молодцы!

Всѣ. Да, да! Исполать вамъ добрые молодцы!

ВАСИЛІЙ (*и братья его, кланяются на всѣ стороны*). Спасибо вамъ, православные, за привѣтливое слово! Только за что-же вы насъ такъ чествуете? Вѣдь не мы первые, да не мы и послѣдніе, сдѣлали угодное Богу и Государю.

СТАРОСТА. Что ты молвилъ, Васильюшка? развѣ и еще есть охотники?

ВАСИЛІЙ. Самъ увидишь, Перфілій Игнатычъ, самъ увидишь; дай только срокъ.

ДАНИЛО. Охъ, кабы и меня Богъ сподобилъ такой радости, какой удостоился свать Савостьянъ! Да нѣтъ, мои дѣтки не таковскіе, имъ и въ разумъ не придетъ обрадовать старика молодецкой удалю. (*Семень и Петръ выступаютъ впередъ и становятся передъ отцомъ*).

СЕМЕНЬ. Не бойсь, батюшка, и твои дѣти не изъ куричьей клѣти. Отъ другихъ не отстанемъ, тебя не выдадимъ, за себя

постоимъ! (*Вмѣстѣ съ Петромъ*). Благослови родимый! (*Кланяются ему въ ноги*).

Всѣ (*съ удивленіемъ*). Еще притча! Еще диковина!

Данило (*благоговѣнно*). Утѣшилъ меня Создатель! (*Обнимаетъ дѣтей*). Сынки мои разлюбезные! Молвите: чѣмъ мнѣ васъ полакомить? Чѣмъ мнѣ васъ попоштовать?.. (*Вынимаетъ изъ бу-мажника деньги*). Вотъ вамъ мои послѣдніе пятьдесятъ рублей.

Семенъ (*не принимая денегъ*). Не надо-тъ, батюшка, не надо-тъ, родненькой; вѣдь мы идемъ не пряники ломать, а французскія ребра, такъ пошто намъ деньги?

Староста (*съ благоговѣніемъ*). Знать услышалъ Господь наши грѣшныя молитвы; велика милость Его на нашу вотчину! (*Семену*). Много-ли же, Семенушка, васъ такихъ молодцовъ охотничковъ выискалось?

Семенъ. Много-ли?.. (*Показываетъ на ополченныхъ, которые въ это время подходятъ къ отцамъ, обнимаютъ ихъ, кланяются въ ноги и просятъ благословенія*). А эвось, самъ считай.

Староста (*оглядываясь и видя ополченныхъ*). Да тутъ почитай вся наша молодежь!

X.

ТЪ-ЖЕ, СИДОРОВЪ, за нимъ два барабанщика, потомъ ополченные, въ сопровожденіи жень и матерей.

Сидоровъ (*въ нарядѣ ополченнаго*). Не почитай, а вся сполна, исключая только Степки пьяницы да Ѳомки дурака (*Барабанщикамъ*). Бей сборъ! (*Барабанщики бьютъ сборъ*).

Ѳомка (*отцу*). Бачка! Чаво-жъ ты нишкнешь? вѣдь ёнъ лается.

Лукьянъ. Э! Хомушка! да пуцай его; вѣдь брань на вороту не виснетъ. (*На барабанный бой собираются со всѣхъ сторонъ ополченные, въ сопровожденіи отцовъ, матерей, женъ и дѣтей. Общая картина*).

Сидоровъ (*старость*). Вотъ они, мои красавцы; вотъ они, мои будущіе богатыри! (*Всѣ съ удивленіемъ смотрятъ на ополченныхъ*).

Староста. Не могу очнуться отъ издивленія, не могу нарадоваться!.. (*Сидорову*). Антипъ Сидоровичъ! Скажи мнѣ безоблыжно, по чистой совѣсти, вѣдь эвто твоя работа?

Сидоровъ. Нѣтъ, Перфилій Игнатьичъ, это благодать Божія, посѣтившая насъ своею милостью!

Ѳомка (*отцу*). Бачка! Пойдемъ домой, мнѣ вѣсть охота.

ЛУКЬЯНЪ. Погоди, Хомушка, погоди маленько. (*Старость*). Чтó-же ты, Перфилий Игнатьичъ, собралъ весь людъ на сходку, а никакого, то-есть, дѣла не дѣлаешь? Коли мы тебѣ не въ потребу, такъ распушай.

СТАРОСТА. Ты правду молвилъ, Лукьянъ Фирсовичъ. Отъ радости я было и дѣло забылъ. (*Обращаясь къ крестьянамъ*). Ну, православные! по приказу губернскаго правленія, съ нашего села безпремѣнно надо поставить некрута, кого-же мы поставимъ?

ЛУКЬЯНЪ. Да кого тутъ ставить, коли всѣ охотой ушли?

СТАРОСТА. Кто ушелъ—тому честь и слава; а кто остался — за тѣмъ очередь.

ЛУКЬЯНЪ. Да кто остался-то? Окромѣ Степки-Козыря никого не осталось.

СТАРОСТА. Степки отдать не можно; для та, что онъ одинъ сынъ у матери.

ЛУКЬЯНЪ. Ну, а коли не можно, такъ и не можно. Отписывай въ губернское: отдать моль у насъ некого.

АНТОНЪ. Какъ некого? А у тебя два сына?

ЛУКЬЯНЪ (*Всторону*). Чтѣбъ тебѣ объязычить окаянному! (*Вслухъ*). Откеля два-то?

АНТОНЪ. Какъ, откеля? Да ужъ не вздумалъ-ли ты запирасться?! (*Къ крестьянамъ*). Земляки! много-ли у Лукьяна дѣтокъ?

ВСѢ. Знамо дѣло, что двое.

АНТОНЪ (*Лукьяну*). Слышишь!..

ЛУКЬЯНЪ. Ну, такъ что-жъ, что двое? Одинъ мой, а другой женнинъ.

СОМКА. Бачка правду молвилъ: я маткинъ сынъ.

СТАРОСТА. Въ крестьянскомъ быту у мужа съ женой раздѣлу не бываетъ. Такъ ужъ и ты не поперечь и одного сынка снаряжай на службу.

ЛУКЬЯНЪ. Мнѣ ставить некрута? Мнѣ отпустить сына? Что ты, что ты, староста! Да въ своемъ-ли ты разумъ?

ДАНИЛО. А что-жъ бы такое? Для чажъ тебѣ и не отпустить? Вѣдь мы нехуже тебя, да отпускаемъ-же.

ЛУКЬЯНЪ. Да вы мнѣ что за указъ? Ваши охотой пошли, а мои не хотятъ. (*Дѣтямъ*). Вѣдь не хотите, дѣтки?

СОМКА и ЕРЕМКА (*въ одинъ голосъ*). Не хотимъ!

ЛУКЬЯНЪ. Ну, вотъ слышите?

СЕДОРОВЪ. Мало-ли-бы чего вы не захотѣли, такъ все по ва-

шему и дѣлать? Сказано ступай, такъ и ступай, не разговаривай!

СЕВАСТЬЯНЪ (*крестьянамъ*). Чего ему въ зубы-то смотреть, ужъ и такъ мы долго мирволили: не даетъ охотой, такъ возьмемъ силой! Хватай Хомку, ребята!

Всѣ (*Бросаются къ Оомкѣ*). Хватай Хомку!

Оомка (*блѣгаетъ и кричитъ во все горло*). Карауль!

СТАРОСТА (*останавливая крестьянъ*). Погодите, православные, погодите, не такое теперь время, чтобы заводить брань, да ссору. (*Лукьяну*). Слушай, Лукьянъ Фирсычъ! ты самъ не запрешься: дѣлалъ я тебѣ много понаровки, а ужъ теперь не могу больше; вотъ тебѣ сроку до завтрашняго утра: образумишься, ладно, не образумишься, не взыщи! (*Крестьянамъ*). Пойдемте, православные, въ храмъ Божій, поблагодаримъ Всевышняго Создателя за ниспосланныя на насъ милости и помолимся по усерднѣе о заблудшихъ братьяхъ нашихъ!

Всѣ. Пойдемъ! пойдемъ!

Сидоровъ (*ополченнымъ*). А вы, ратные товарищи! вѣрно также не откажетесь отслужить молебень за спасеніе родины отъ нашествія враговъ иноплеменныхъ, за честь и славу русскаго оружія.

Ополченные (*восторженно*). Ура!

Сидоровъ (*снимая фуражку*). Вотъ настоящій откликъ русскаго сердца! На молитву! на молитву! (*Всѣ уходятъ, кромѣ Лукьяна, Оомки, Еремки и Зуды, который въ-продолженіе предъидущаго явленія безпрестанно отворялъ двери и прислушивался*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ПРОСНУЛАСЬ СОВѢСТЬ.

Театръ представляетъ ту же декорацию. Лукьянъ стоитъ задумавшись, опершись на палку. Оомка и Еремка играютъ въ бабки. Еремка спшибаетъ конь и ѣдетъ на Оомкѣ.

I.

ЛУКЪЯНЪ, ООМКА, ЕРЕМКА и ПОТОМЪ ЗУДА.

Еремка (*верхомъ на Оомкѣ*). Ну, ну, Савраско, вези, не лягайся!

Өомка. Да полно, шутова голова, спусти хоть разъ, въдь тяжело.

Еремка. А! завопилъ! А на мнѣ-то, небойсь, умьль вздѣть?

Өомка. Да, много на тебѣ проведешь.

Зуда (*выходитъ*). Эво-на, штука-то! Эво-на, оказія-то! Вся молодые въ походъ идутъ, старики не пьютъ, а отъ бабъ да отъ двоекъ не велика пожива... Нѣтъ! Прощай кабакъ, не поминай лихомъ! Оставлю торговать братишку, а самъ въ маркитанты, безпрѣменно въ маркитанты! Тамъ только и можно копѣйку заколотить.—Одначе, что же это сдѣлалось съ Степкой? Пить не пьеть, вонъ нейдетъ, только что сидѣть да плачѣть! Чудеса въ рѣшетъ! (*Увидя Лукьяна, который стоитъ задумавшись, опершись на палку*). Вона, кажись и на Скулу столбнякъ нашель! (*Подходитъ къ Лукьяну*) Лукьянъ Фирсовичъ!.. (*Лукьянъ не отвѣчаетъ*). Молчить! Что за издивленье такое!?! (*Өомкѣ*) Өомушка!

Өомка. Чаво тебѣ?

Зуда. Да что батька-ко вашъ, оглохъ что ли-ча?

Өомка. А кто его знаетъ, вотъ ужъ съ коей поры стоить, словно околечный. (*Толкаетъ Лукьяна*). Бачка! очнись! что ты и вправду.

Лукьянъ (*приходя въ себя*). Ась!.. Кто меня?..

Зуда. Что это ты, Лукьянъ Фирсычъ, призадумался?

Лукьянъ. А! Это ты, Михайло?.. Невзгода, братъ, пришла.

Зуда. Что за невзгода такая?

Лукьянъ. Некрута съ меня требуютъ.

Зуда. Такъ чего-жъ ты голову-то повѣсилъ? Ну и отдай. (*Показываетъ на Өомку и Еремку*). Въдь у тебя, эвось, какіе два батрака, любо-дорого!

Лукьянъ. Эхъ, Михайло Перфильичъ! и радъ-бы радостью, да...

Зуда. Что-же! Въ чемъ закорючка?

Лукьянъ. За одного жена со свѣту сгонить; а другаго самому жалостно.

Зуда. Ну, такъ купи. Ты мужикъ зажиточный, есть изъ чего.

Лукьянъ. И купилъ-бы, да купить-то некого; вся наша молодежь охотой идетъ.

Зуда (*всторону*). Да тутъ славное дѣльцо можно обработать; Степки жалѣть нечего, ужъ онъ и безъ того человекъ пропащій, а мнѣ магарычи будутъ!.. (*Лукьяну*). Хошь-ли, я помогу твоему горю?

Лукьянъ (съ радостью). А какимъ-бы манеромъ?

Зуда. У меня есть на примѣтъ некрутъ, только не пожалей казны.

Лукьянъ. Тысячи рублей не пожалю!

Зуда. Экъ разгулялся! Да кто нынче за тысячу пойдетъ?

Лукьянъ. Такъ много ли же?

Зуда (тихо Лукьяну). Отгони парнишекъ-то, не ихнее дѣло.

Лукьянъ (вынозямъ). Чего вы тутъ рыло-то выставили? Пошли прочь! (Зудѣ). Ты правду молвилъ, Михайло Перфильичъ, али только ради шутки?

Зуда. Какія тутъ шутки! Ужъ коли говорятъ, что есть, такъ есть.

Лукьянъ. Да кто-же эвто, кто? Молви!

Зуда. Что? Больно ловокъ! Пятьдесятъ рублей за хлопоты, такъ ужъ, такъ и быть, и сторгую подешевле.

Лукьянъ. Да ужъ объ эвтомъ спору не будетъ, только выручи посходнѣе.

Зуда. Посходнѣе! Посходнѣе! А какъ, примѣрно дѣло, посходнѣе-то?

Лукьянъ. Ну, да ужъ коли тысячи мало, такъ, пожалуй, я два ста еще прикину.

Зуда. Нѣтъ, братъ, далеко несходно; съ тобой видно пива не сварить. (Хочетъ идти).

Лукьянъ (останавливая Зуду). Да постой, постой! Куда ты?

Зуда. Что тутъ по пусту бобы-то разводить. (Хочетъ идти).

Лукьянъ. Да скажи, много-ли надоть?

Зуда. Можетъ статья, за двѣ тысячи какъ-нибудь и уломаю.

Лукьянъ. Что ты, что ты! Да вѣдь это чистое раззореніе.

Зуда (опять хочетъ идти). Я тебя не принуждаю: Хошь-такъ хошь, а не хошь — какъ хошь.

Лукьянъ (останавливая его). Да хоть полторы не возьметъ-ли?

Зуда. Я тебѣ говорю и за двѣ-то на свой страхъ беру. Можетъ не возьметъ, такъ вѣдь придется своими приплачивать.

Лукьянъ. Да-ты бы мнѣ его указалъ; можетъ онъ самъ-то и понаровку сдѣлаеть?

Зуда. Копейки не спустить!

Лукьянъ. Эко горе! эко горе!

Зуда. Полно сквалыжничать! Говори дѣломъ: ходитъ что-ли?

Лукьянъ (со вздохомъ). Да ужъ ладно — быть по твоему.

Зуда. Ну вотъ, давно-бы такъ.

Лукьянъ. А гдѣ-же некруть-то?

Зуда (*увидѣвъ Степана*). А вотъ онъ и самъ на лицо.

Лукьянъ (*съ удивленіемъ*). Степка Козырь!..

II.

ТЪ ЖЕ и СТЕПАНЪ.

Степанъ. Да! что задумалъ, то и сдѣлаю!.. Прощай Параша! Прощай матушка!.. Не увидите вы большіе Степки Козыря, не потревожить онъ нашего покоя итеныей пьяною.

Зуда (*подходитъ къ Степану*). Что жъ мало погостилъ, Степанъ Селиверстычъ?

Степанъ. Будетъ съ меня, надо и честь знать.

Зуда. Да что съ тобою и вправду сдѣлалось? Выпилъ одинъ стаканчикъ и ошалѣлъ! Поправься, вышей другою!..

Степанъ (*рѣшительно*). Не могу! Не хочу!

Зуда (*всторону*). Худо дѣло! Этакъ его тверезаго-то пожалуй и не уговоришь... (*Степану*). Да что на тебя, столбнякъ что-ли нашелъ?

Степанъ (*грозно*). Не говори этого!.. Господь милосердный сжалился надъ блуднымъ сыномъ и умудрилъ его разумомъ.

Зуда. Такъ ужъ ты и не будешь больше пить?..

Степанъ (*твердо*). Никогда!

Зуда (*всторону*). Въ солдаты его, безпрерывно въ солдаты! Разбойникъ, пить пересталъ!.. (*Степану*). Вотъ это доброе дѣло, Степанушка, ты затѣялъ... Ну, а какъ же каштаишко-то? Ты бы хоть его-то зашилъ.

Степанъ. Ничего мнѣ ненадобно!

Зуда (*Лукьяну*). Ну, братъ, не подается!

Лукьянъ (*тихо Зудѣ*). Ужъ ты, пожалуйста, какъ ни на есть уговори.

Зуда (*Степану*). Умникъ, Степанушка, умникъ! Вотъ, Богъ дастъ и поправишься... Пить-то перестанешь и все дѣло пойдетъ, какъ по маслу. (*Съ участіемъ*). Что матушка-то у тебя, все еще хвораетъ?.. Эхъ! жалко ее, бѣднягу, право жалко!—Надо, братъ, теперь и для нея потрудиться; много она, сердечная, горя перенесла. Вѣдь поди-ко, въ домъ-то у тебя нѣтъ ни кола, ни двора?

Степанъ (*заливаясь слезами*). Ни снѣга пороху! Все прошилъ, ничего не осталось!

Зуда. Вотъ того-же и есть, говорилъ я тебѣ: «Береги конеечку на черный день,» такъ нѣтъ, слушать не хотѣлъ...

СТЕПАНЪ. Миша! не кори меня! Что прошло, того ужъ не воротить.

ЗУДА. Ну какъ не воротить? Воротить можно, была-бы только охота.

СТЕПАНЪ. Дай мнѣ какую-нибудь работу, ты знаешь, что у меня ничто изъ рукъ не валится; я стану трудиться больше лошади.

ЗУДА. Ладно! За то, что ты доброй паренъ, я научу тебя, что дѣлать, отыщу тебѣ такую работу, за которую впередъ дадутъ двѣ тысячи рублей...

СТЕПАНЪ. Что?.. Двѣ тысячи рублей!.. Мнѣ дадутъ двѣ тысячи рублей?..

ЗУДА. Да еще и съ поклономъ.

СТЕПАНЪ. Михайло! не морочь меня!

ЗУДА. Кто тебя морочить? Только молви, что согласенъ, такъ и деньги въ горсти.

СТЕПАНЪ (*съ сильнымъ волненіемъ хватаетъ за руку Зуду*). Такъ ты не обманываешь меня?.. Ты не смѣешься надъ горемыкою?..

ЗУДА. Да что мнѣ за прибыль такая?.. Только вѣдь вотъ что; по праву-ли тебѣ будетъ эта работа?..

СТЕПАНЪ (*рѣшительно*). Все по нараву! Все по сердцу! окромя грабежа, да разбойничества.

ЗУДА. (*тихо Лукьяну*). Наша взяла! (*Степану*). Такъ вотъ, Степанушка, Лукьяну Фирсовичу требуется... какъ-бы тебѣ это сказать?... требуется поставить некрута...

СТЕПАНЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Ну!..

ЗУДА. Такъ вотъ не хочешь-ли?..

СТЕПАНЪ. Въ солдаты!..

ЛУКЬЯНЪ. Не обижу и я тебя, родной ты мой Степанушка! Выручи, кормилецъ! Надѣлю тебя казною, только выручи.

СТЕПАНЪ (*всторону*). Въ солдаты! Такъ вотъ къ чему мнѣ грезился этотъ сонъ... Вотъ къ чему рвалась душа... (*Рѣшительно*). Иду! иду.

ЗУДА. Лихо! Молодецъ! (*Лукьяну*). Ну, Лукьянъ Фирсычъ, бѣги-же скорѣе за деньгами...

ЛУКЬЯНЪ. Разомъ, кормилецъ мой, разомъ слетаю!..

СТЕПАНЪ (*останавливая Лукьяна*). Стой! Не надо мнѣ денегъ, я не кулакъ, я не хочу, чтобы меня называли продажной душой!

ЛУКЬЯНЪ (*обнимая Степана*). Ахъ ты мой красавчикъ писанный! Такъ ты изъ одной охоты пойдешь?

Зуда (*тихо Степану*). Что ты, что ты, съ разума спятилъ что-ли?! Бери, пока даютъ.

Степанъ. Нѣтъ, братъ Михайло Перфильчъ, удалось было тебѣ зачадить проклятымъ зельемъ мой разумъ, да не удалось зачадить совѣсти! (*Утвердительно*). Иду даромъ!

Лукьянъ. Вотъ добрая-то душа!

Степанъ (*Лукьяну*). Объ одномъ только попрошу тебя, Лукьянъ Фирсычъ! Не забудь моей старушки-матери, остается она безъ всякаго призрѣнія, такъ не дай ей умереть съ голоду и холоду.

Лукьянъ. Будь въ покоѣ, Степанушка! стану беречь ее, какъ родную! Пойдемъ-ка, желанный ты мой!.. Откушаемъ нашей хлѣба-соли, а тамъ и къ дѣлу!

Степанъ. Пойдемъ, пойдемъ!.. Или нѣтъ, стой. Дай мнѣ въ послѣдній разъ полюбоваться на родимую сторонушку!.. Дай мнѣ въ послѣдній разъ увидѣть мою ненаглядную Пару... О! растерзайся грудь добра-молодца! разорвись въ куски сердце бѣдное! (*Закрываетъ лицо руками и горько рыдаетъ*).

Лукьянъ. Степа!.. Степанушка... Что ты!.. что съ тобой по-притчилось?

Зуда (*съ насмѣшкою*). Видишь, ты ужъ больно сходно некрута-то купилъ, такъ онъ, кажись, еще ничего невидя и струсилъ.

Степанъ (*горячо*). Я!.. Я струсилъ! Врешь ты, рыжая собака!— Эхъ! кабы не боялся грѣха, — даль-бы я тебѣ память!.. Мнѣ трусить!.. Да развѣ душа-то во мнѣ не русская?.. Что жалеть-то мнѣ жизни? Было время, эхъ! да не воротилъ Нѣтъ, не смерти боюсь я, — боюсь суда Божьяго!.. Что мнѣ въ жизни теперь?.. Было сердце у меня, — горе высушило; былъ и умъ въ головѣ, — печаль вышибла; была воля моя, волюшка, — злые люди отняли; и стала буйная головушка пустымъ котломъ безъ варева!.. Нѣтъ, не жизни жалко мнѣ, — жаль мнѣ матушку родимую, жаль мнѣ долюшку сердечную!..

Лукьянъ. Не горюй, Степанушка, не горюй; вѣдь ты доброе дѣло дѣлаешь, и я не оставлю твоей матушки, видитъ Богъ, не оставлю! — Пойдемъ-кась ко мнѣ: наряжу я тебя въ новый кафтанъ, да въ пуховую шляпу, и будешь ты у меня молодецъ-молодцомъ!

Степанъ. Идемъ! Видно ужъ чему быть, того не миновать!..

Зуда (*тихо Лукьяну*). Гляди-же ты, не забудь моихъ-то пятидесяти рублевъ.

Лукьянъ. Что больно зорокъ! Да за что?

Зуда. Какъ, за что!.. за некрута?

Лукьянъ. Да ведь онъ охотой идетъ, такъ тутъ и платить не за что. (*Степану*). Пойдемъ, Степанъ Селиверстовичъ! (*Уходятъ вмѣстѣ съ Степаномъ*).

III.

Зуда (*Одицъ. Стоитъ нѣсколько времени, какъ ошеломленный*). Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ-день! Экъ они меня шарахнули!.. Да что же это такое значить?.. Да гдѣ-же у меня былъ разумъ-то? Въ каблукъ ушелъ что-ли? Степка Козырь да Лукашка Скула провели за носъ Михайлу Зуду, что ни на есть перваго мощеника... Оказія, да и только!.. (*Смотритъ за кулисы*). Вонъ, ужъ и обѣдня отошла, весь людъ, провожаетъ ополченныхъ... Да чего-же я-то зваю? Въдь этакъ и тутъ, пожалуй, на бобахъ останешься... Нѣтъ! ужъ коли задумалъ въ маркитанты, такъ въ маркитанты! (*Кричитъ въ двери своего дома*). Кузька! Запрягай сѣрку!—Вѣдь не безъ вина-же имъ мялягамъ и въ-самомъ-дѣлъ въ походъ идти. (*Уходитъ*).

IV.

СИДОРОВЪ, СТАРОСТА, ДАНИЛО, МАТВѢЙ, ПРОКОФІЙ, ОПОЛЧЕННЫЕ, КРЕСТЬЯНЕ, КРЕСТЬЯНКИ, ДѢТИ и потомъ ОМКА.

Сидоровъ (*ополченными, которые его окружаютъ*). Ну, братцы, слышали вы, что говорилъ отецъ Николай?

Ополченныя. Слышали, слышали!

Сидоровъ. Поняли вы, на какое великое дѣло онъ благословилъ насъ?

Ополченныя. Всѣ поняли!

Сидоровъ. А коли поняли, такъ скажите, куда мы идемъ теперь?

Всѣ.

}	1-й Ополченный. На защиту родины отъ нашествія ино- племенныхъ!
	2-й Ополченный. На войну съ французомъ, за оскорбленіе храмовъ Господнихъ.
	3-й Ополченный. Вступиться за поруганіе женъ и дѣтей нашихъ.

Сидоровъ (*съ восторгомъ*). Славно! Лихо, ребята! Теперь я вижу, что мнѣ васъ учить нечему: разумъ—есть, воля есть, а храбрости русскаго человѣка учить не стоитъ.

ВАСИЛІЙ (*горячо*). Да ты только, дядюшка Антипъ, веди насъ на хранцуза, а ужъ я, то есть, во какъ: одинъ пятокъ уложу! Поднесу подъ микитки такого раза, что вытаращить глаза!

СИДОРОВЪ (*бьетъ по плечу Василья*). Молодецъ, братъ Вася! Быть тебѣ фельдфебелемъ.

ВАСИЛІЙ. Ой-ли!?. (*Ополченнымъ*). Слышь вы, войлоки! кланяйся начальству!

ОПОЛЧЕННЫЕ. Да ужъ и мы отъ тебя не отстанемъ.

СИДОРОВЪ. И васъ ундерами пожалуютъ! Одначе пора! (*Ополченнымъ*). Ну, други милые! ратные товарищи! Мы исполнили христіанскій долгъ, очистили совѣсть молитвою, получили благословіе отца духовнаго: теиерь, пора и въ путь? Попрошайтесь-же съ родимыми, да и маршъ на святое дѣло! (*Отцы и матери обнимаютъ и благословляютъ дѣтей, молодыя жены плачутъ, цѣлуются съ мужьями и также подаютъ имъ цѣловать грудныхъ младенцевъ; ополченныя становятся на колѣна передъ родителями, кланяются въ ноги и стараются ихъ утѣшить. Общая картина*).

СИДОРОВЪ (*который стоялъ все это время, сложивъ руки на груди, и со слезами на глазахъ любовался на происходившее*). Творецъ всемогущій! А мнѣ что?.. Мнѣ, старому горемыкѣ, и проститься не съ кѣмъ!.. (*Весело*). Э! Да и то сказать: одна голова не бѣдна, а коли и бѣдна, такъ одна! (*Барабаничкамъ*). Бей, сборъ! (*Барабанички бьютъ сборъ. Ополченныя отходятъ отъ родныхъ и строятся во фронтъ*).

Всѣ (*съ удивленіемъ*). Что это!.. Кто это?!

ОДИНА (*вбѣгая*). Не полоштесь! Не полоштесь! Это мой бачка повезъ Стенку-Козыря за меня въ солдаты сдавать.

Всѣ. Какъ! Продался?!

ОДИНА. Нѣтути! охотой пошелъ!

Всѣ. Охотой!

СИДОРОВЪ. Слава Тебѣ, Господи, Слава Тебѣ! Ты поставилъ заблудшаго на путь истинный! (*Ополченнымъ*). Братцы! Ужъ коли въ Стенкѣ проснулась совѣсть, такъ чего-жъ мы-то ждемъ? Нутка, благословясь!.. (*Стаивитя передъ фронтомъ*). Съ нами Богъ! Ура!

ОПОЛЧЕННЫЕ. Съ нами Богъ! Ура! (*Барабанички бьютъ маршъ, ополченныя проходятъ кругомъ всей сцены, крестьяне бросаются ихъ провожать, Въ это время изъ-за дома Зуды показывается*

небольшая телега, въ которую запряжена одна кляча, самой непривлекательной наружности. Въ телегѣ лежитъ бочка съ виномъ, на которой сидитъ Зуда и самъ правитъ лошадей).

Зуда (попукая лошадь). Ну, ну! Сърко! Догоняй скорѣе; вѣдь самому подь музыку-ту веселье будетъ ноги переставлять.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ДОЛГЪ СЛУЖБЫ И ЛЮБОВЬ МАТЕРИ.

Богатая комната въ домѣ Майскихъ.

I.

Донцева (одна, смотритъ въ окошко). Все еще учатся!.. Ахъ, Боже мой! Да когда же они перестанутъ?.. Бѣдный Александръ! Я думаю, ему всѣ руки оттянуло ружьемъ. Да и дядюшка, Иванъ Львовичъ, прѣхалъ сюда только для того, чтобы сманить племянниковъ въ военную службу.

II.

ДОНЦЕВА и АНДРЕЙ.

Андрей. Барышня, пожалуйста къ Аннѣ Львовнѣ, онѣ васъ просятъ.

Донцева. Сейчасъ.

Андрей (одинъ). Бѣдняжка! Жалко ее, право жалко! Э—эхъ! Французъ, Французъ! все это брать ты накуралесилъ! (Смотритъ въ окно). Вотъ и ученье кончилось. Бѣжать поскорѣе къ ротному закройщику и спросить у него, готовы-ли барскіе мундиры и шинели. (Хочетъ идти и въ дверяхъ встрѣчается съ Александромъ и Николаемъ).

III.

АНДРЕЙ, АЛЕКСАНДРЪ и НИКОЛАЙ.

Николай (Увидя Андрея). А! Здравствуй, Андрей! Гдѣ маменька?

Андрей. Кушаютъ кофей, въ кабинетъ у барина.

Александръ. А барышня?

АНДРЕЙ. Съ ними вмѣстѣ-съ. Однакожъ, извините, мнѣ надобно бѣжать къ портному за вашимъ платьемъ.

НИКОЛАЙ. Ступай, кто тебя держить. (*Андрей уходитъ*).

III.

АЛЕКСАНДРЪ и НИКОЛАЙ.

НИКОЛАЙ. Тьфу, какъ я проголодался?.. (*Александрю*). Братъ! хочешь позавтракать?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ.

НИКОЛАЙ. Это удивительно! Онъ точно съ осени закормленъ! Говоритъ мало, ѣсть мало, а спитъ и того меньше, славный солдатъ!

АЛЕКСАНДРЪ (*нетерпливо*). Послушай, братъ, ты мнѣ надоѣлъ своею веселостью!

НИКОЛАЙ. А ты мнѣ надоѣлъ своей хандрою! Съ-тѣхъ-поръ, какъ прѣехалъ сюда дядюшка, и объявилъ, что мы приняты на службу, ты сталъ совсѣмъ другимъ человекомъ; я, родной братъ, не узнаю тебя; да ужъ не трусишь-ли ты?

АЛЕКСАНДРЪ (*всторону*). Ахъ! какое мученіе! (*Николаю, взявъ его за руку*). Не ужели ты во мнѣ сомнѣваешься?

НИКОЛАЙ. Да какъ-же, братецъ, не сомнѣваться? Помилуй! Отечество въ опасности, все вооружается, все идетъ на службу весело, радостно, а ты хмуришься!

АЛЕКСАНДРЪ (*съ достоинствомъ*). Братъ! не упрекай меня! Я не меньше тебя люблю родину, не меньше тебя уважаю призывъ и волю Благословеннаго Монарха, но...

НИКОЛАЙ. Что-же такое?

АЛЕКСАНДРЪ. Я знаю, что не возвращусь больше въ домъ родительскій.

НИКОЛАЙ. Это почему?

АЛЕКСАНДРЪ. Меня убьютъ!

НИКОЛАЙ. Кто тебѣ это сказалъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Предчувствіе.

НИКОЛАЙ. Вздоръ! Ты знаешь пословицу: «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.» Выкинь изъ головы эти пустяки и будь веселъ какъ я.

АЛЕКСАНДРЪ (*обнимая брата*). Да! И въ-самомъ-дѣль, что за ребячество. Прочь мрачныя мысли! Прочь глупыя предчувствія!

НИКОЛАЙ. Давно-бы такъ! А то было, ужъ я начиналъ думать: не подмѣнили-ли мнѣ тебя, не дѣвченка-ли ты переодѣтая?

ТЪ-ЖЕ и СИДОРОВЪ.

Сидоровъ. Здравія желаю, ваши благородія?

Николай. А! учитель! Что скажешь хорошаго?

Сидоровъ. Все обстоит благополучно, ваше благородіе. Дядюшка приказали мнѣ зайти сюда послѣ ученья.

Николай. Дядюшка еще не возвращался; онъ осматриваетъ теперь новую партію рекрутъ.

Сидоровъ. Счастливо оставаться, ваше благородіе! (*Хочетъ идти*).

Николай (*останавливая его*). Погоди, побесѣдуй съ нами.

Сидоровъ (*съ чувствомъ*). Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе!

Александръ. Дядюшка не ошибся, поручивъ тебѣ быть нашимъ учителемъ въ военномъ дѣлѣ.

Сидоровъ. Дай Богъ здоровья отцу-командиру! Онъ зналъ, чѣмъ разогрѣть душу стараго солдата. Знаете-ли, ваше благородіе, что эта честь для меня дороже всего на свѣтѣ.

Николай. Вѣримъ, добрый Сидоровъ, вѣримъ и постараемся доказать тебѣ, что твои труды не пропали даромъ. Видѣлъ-ли ты наше сегодняшнее ученье?

Сидоровъ. Видѣлъ, ваше благородіе.

Александръ. Что-жъ, хорошо мы исполняли твои уроки?

Сидоровъ (*заминаясь*). Не знаю, ваше благородіе.

Николай. Какъ не знаешь? Стало-быть, ты недоволенъ мною?

Сидоровъ. Вами, я распродоволенъ, доволенъ! А вотъ его благородіемъ, такъ...

Александръ. Что же, я? Нехорошо?

Сидоровъ. Да такъ себѣ: ни шатко, ни валко, ни на сторону!

Николай (*брату*). Слышишь! И всему причиною твоя хандра.

Александръ. Ахъ, не напоминай мнѣ объ этомъ. Мнѣ теперь самому за себя стыдно!

Сидоровъ (*Александру*). Да вы не сокрушайтесь, ваше благородіе, не задумывайтесь, а мыслите только, что солдату слѣдуетъ безъ думы, безъ оглядки, безъ отговорокъ дѣлать все по приказу.

Александръ. Такъ, Сидоровъ, такъ! А скажи-ка, по чести дядюшка нашъ храбрый офицеръ?

Сидоровъ. Читали вы сказку про Илью богатыря, ваше бла-

городіе? Такъ вотъ, дядюшка-то вашъ, по храбрости, ему тѣзка приходится.

Александръ. Тсъ! Тише, вотъ онъ и самъ!

VI.

ТЪ-ЖЕ, ЧУБАРОВЪ и ОГНЕВЪ.

ЧУБАРОВЪ (*Огневу*). Спасибо, Огневъ, спасибо! Я тобою очень доволенъ! Ты мнѣ славно вышлифовалъ молодыхъ рекрутъ; это такіе молодцы, которыхъ нескоро различишь отъ старыхъ служивыхъ.

ОГНЕВЪ. Ради стараться, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ (*подходитъ къ бюро, отпираетъ его, вынимаетъ деньги и отдаетъ Огневу*). Вотъ тебѣ деньги: сегодня за обѣдомъ чтобы у всѣхъ была винная порція. Слышишь?

ОГНЕВЪ (*беретъ деньги*). Слушаю, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ (*останавливая его*). Погоди!.. У тебя въ ротъ есть Степанъ Козыревъ?

ОГНЕВЪ. Есть, ваше высокоблагородіе.

ЧУБАРОВЪ. Какъ онъ ведетъ себя?

ОГНЕВЪ. Отлично хорошо.

ЧУБАРОВЪ. Не можетъ быть!

ОГНЕВЪ. Не можемъ обмануть командира. Истинно такъ.

ЧУБАРОВЪ. Да онъ пьяница.

ОГНЕВЪ. Капли въ ротъ не беретъ.

ЧУБАРОВЪ (*обращаясь къ Сидору*). Сидоровъ! Слышишь?

Сидоровъ. Слышу, ваше высокоблагородіе, и не могу опомниться отъ радости!

ЧУБАРОВЪ. Стало-быть: лучшая школа царская служба! (*Огневу*). Ступай! О поведеніи Козырева доносить мнѣ какъ можно чаще.

ОГНЕВЪ. Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе! (*Уходитъ*).

VII.

ТЪ-ЖЕ, КРОМЪ ОГНЕВА.

ЧУБАРОВЪ (*обращаясь къ Николаю и Александру*). Ну, а вы что скажете, любезные племяннички, молочнички, маменькины сынки?

НИКОЛАЙ. Что прикажете, дядюшка...

ЧУБАРОВЪ. Во-первыхъ, почему вы до-сихъ-поръ не въ формъ? Знаете-ли, что разнокалиберщина на учени портить фронтъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Знаемъ, дядюшка, но это не отъ насъ зависитъ. Портной...

ЧУБАРОВЪ (*перебивая его*). Лентяй! его надобно поторопить. (*Къ Сидорову*). Ну, а что твои ополченнные, не скучаютъ?

СИДОРОВЪ. Куда скучать, ваше высокоблагородіе! Такой-ли это народъ, они только и знаютъ, что учатся артикулу, распѣвають пѣсни во всё горло, и ждутъ не дождутся, когда выступать въ походъ.

ЧУБАРОВЪ. Молодцы! Съ такимъ народомъ можно сдѣлать то, чего Французы и во снѣ не видали. Такъ-ли, Сидоровъ?

СИДОРОВЪ. Такъ, ваше высокоблагородіе! Русскаго чловѣка стоитъ только затронуть за живое, такъ онъ такихъ чудесъ надѣлаетъ, про которыя и сказку не сложить.

Наполеону и не снилось,
Когда затѣялъ съ нами бой,
Чтобъ поголовно озолчилась
Святая Русь за край родной.
У насъ въ сердцахъ—одна основа,
Намъ родина милѣй всего!
Россія не возьметъ чужаго,
Да не отдастъ и своего!
Мы Бонапарту ненаходка,
Бѣлугой завизжить Французъ,
Какъ православная борода
Заѣдетъ во французскій усь!

Эхъ! Только-бы намъ поскорѣ въ дѣло, а то потѣшились-бы наши русскіе соколы надъ заморскими коршунами! (*Чубарову*). Ваше высокоблагородіе! Не взъщите за любопытство, позвольте узнать: скоро-ли мы выступимъ подъ непріятеля?

ЧУБАРОВЪ. Не медля ни минуты, какъ только придетъ приказаніе главнокомандующаго.

СИДОРОВЪ. Ахъ, кабы оно поскорѣ пришло!

ЧУБАРОВЪ. А что? Не терпится?

СИДОРОВЪ. Не подъ силу, ваше высокоблагородіе! Богъ свидѣтель, не подъ силу! Грустно, больно русскому сердцу видѣть, какъ безпрестанно отступаютъ наши арміи, какъ злой супостатъ занялъ уже самую середину нашего отечества.

ЧУБАРОВЪ. Вотъ слова главнокомандующаго : «Съ потерю Москвы не потеряна Россія. И самую уступкою первопрестольной столицы нашей мы приготовимъ позоръ и гибель непріятелю.» А ты знаешь, Сидоровъ, что на слова князя Кутузова положиться можно.

Сидоровъ. Если такъ молвилъ батюшка Михаилъ Ларвиновичъ, такъ ужъ нашему брату нечего попусту и языкъ чесать; его слово крѣпче замка желзнаго.

ЧУБАРОВЪ. Да! И тебѣ, старому волку, надобно сидѣть у моря да ждать погоды. (*Обращаясь къ племянникамъ*). А гдѣ-же ваши старики?

Александръ. Сидятъ въ кабинетъ.

ЧУБАРОВЪ. И вѣрно кофеи распиваютъ? О, старые лентяи! Вѣдь нѣтъ, чтобы подумать объ нашемъ братѣ служивомъ, который всталъ съ пяти часовъ и у котораго еще до-сихъ-поръ маковой росы во рту не было.

Николай. Что-же вамъ угодно, дядюшка?

ЧУБАРОВЪ. Да, я думаю, того-же, чего и тебѣ угодно; завтракать.

VIII.

ТѢЖЕ МАЙСКІЙ, АННА ЛЬВОВНА и ДОНЦЕВА.

МАЙСКАЯ (*услышавъ послѣднія слова*). Сейчасъ, сейчасъ, мои голубчики, сейчасъ принесутъ.

ЧУБАРОВЪ. Ну, слава Богу! А ужъ я было думалъ, сестра, что ты объ насъ забыла?

МАЙСКАЯ. Да если правду сказать, братецъ, такъ я и дѣйствительно объ тебѣ мало беспокоилась.

ЧУБАРОВЪ (*смѣется*). Ахъ, прахъ возьми! Да о комъ-же ты думала?

МАЙСКАЯ (*показывая на дѣтей*). А вотъ о комъ. Объ моихъ голубчикахъ, объ моихъ ненаглядныхъ!.. (*Ласкаетъ дѣтей*). Ну что, я думаю, вы очень устали?

ЧУБАРОВЪ (*смѣется*). Да какъ-же не устать! Вели поскорѣе приготовить перинки, да спеленая ихъ свивальничками; пускай отдохнутъ маленько.

Донцева (*всторону*). Противный! Еще онъ-же и смѣется.

МАЙСКОЙ. Да, братъ, Иванъ Львовичъ, нашъ женскій полъ на тебя крѣпко сердитъ! А особенно Лизанька. Вѣдь это она и уговорила жену, чтобы оставитъ тебя сегодня безъ завтрака.

ЧУБАРОВЪ. Какъ! И Лизавета Михайловна противъ меня!.. Да за что же это?.. Лизавета Михайловна! Что я вамъ сдѣлалъ? за что вы хотите уморить меня съ голоду?

ДОНЦЕВА. А зачѣмъ вы другихъ морите столько времени на ученьи?

ЧУБАРОВЪ. О, неблагодарность! Прошу покорно: я для нея-же стараюсь, приучаю будущаго ея мужа къ терпѣнью, а она... Чистая неблагодарность!

ДОНЦЕВА. Да кто васъ просить объ этомъ беспокоиться? Было-бы гораздо лучше, еслибъ вы не мѣшались въ чужія дѣла.

МАЙСКАЯ. Вотъ ужъ что правда, то правда, Лизанька. Въ чужой монастырь со своимъ указомъ ходить не слѣдуетъ!

МАЙСКОЙ (Чубарову). Что, братъ, попался? Вотъ ужъ тебя!

ЧУБАРОВЪ. Да, боюсь я очень! Что такое и въ-самомъ-дѣль? Напалъ женскій гарнизонъ, — большая важность! Ну, не подадутъ мнѣ завтракать сюда, такъ я и самъ на кухню дорогу знаю. *(Въ это время слуга вноситъ завтракъ и ставитъ его на столъ.)*

ЧУБАРОВЪ (увидя это). Ага! Струсили! Ура! крепость сдалась на капитуляцію. *(Садится за столъ.)*

МАЙСКАЯ (Александрѣ). Сашенька! А ты что же?

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ не хочется, маменька.

МАЙСКАЯ. Что ты, что ты, столько времени не ѣлъ, да и теперь не хочешь?.. Нѣтъ, нѣтъ, садись!

ЧУБАРОВЪ. Садись, братъ Александръ. Легко можетъ быть, что это и послѣдній завтракъ въ домъ родительскомъ.

АЛЕКСАНДРЪ (восторженно, со вздохомъ). Ахъ! я и самъ это чувствую.

Всѣ. Какъ послѣдній?!

ЧУБАРОВЪ. Да! Мы идемъ не на брачный пиръ, а туда, гдѣ въ животъ и смерти Богъ воленъ!

МАЙСКАЯ (съ безпокойствомъ). Какъ, братецъ! Да неужели ты, не шутя, хочешь взять съ собою Николая и Александра?..

ЧУБАРОВЪ. А ты какъ думала? Иначе, зачѣмъ-бы мнѣ ихъ было записывать въ военную службу.

МАЙСКАЯ. И они пойдутъ подъ Француза?.. Пойдутъ въ сраженіе?..

ЧУБАРОВЪ. Непременно пойдутъ!

МАЙСКАЯ (рѣшительно). Этому не бывать!

ЧУБАРОВЪ (вскочивъ изъ-за стола). Что?!

ДОНЦЕВА. Не пускайте, маменька, не пускайте; что это и въ-самомъ-дѣль!

МАЙСКАЯ. Да таки и не пуцу!

МАЙСКИЙ (*женль*). Однакожь послушай, мой другъ...

МАЙСКАЯ. Что такое, батюшка?

МАЙСКИЙ. Честь русскаго дворянина требуетъ, чтобы дѣти наши...

НИКОЛАЙ. Милая маменька! позвольте намъ...

МАЙСКАЯ. Ни за что не позволю!

ЧУБАРОВЪ (*сестръ*). Сумасбродная женщина! Вспомни только, что ты дѣлаешь. Въ годину бѣдствія ты отнимаешь у отечества верныхъ и храбрыхъ защитниковъ!

МАЙСКАЯ. А ты развѣ лучше поступаешь, когда отнимаешь у бѣдной матери дѣтей и у невѣсты жениха?

ЧУБАРОВЪ. Для пользы отечества всякой изъ насъ долженъ жертвовать собою.

МАЙСКИЙ (*женль*). Согласись, другъ мой! Не удерживай ихъ...

МАЙСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ, я своихъ не пуцу!

МАЙСКИЙ. Но я прошу тебя!..

МАЙСКАЯ. Не проси!

МАЙСКИЙ. Аннушка! Ради Бога!..

МАЙСКАЯ. Напрасно изволишь беспокоиться.

МАЙСКИЙ (*серьозно*). Такъ ты не хочешь?

МАЙСКАЯ. Не хочу, не хочу и не хочу!

МАЙСКИЙ (*повелительно*). Ну, такъ я тебя приказываю!

МАЙСКАЯ. Чтò! чтò?! Ты мнѣ приказываешь?!

МАЙСКИЙ (*горячо*). Да! я вхожу въ свои права, потому-что ты забываешь свои обязанности!

ЧУБАРОВЪ (*Майскому*). Славно, братъ, Иванъ Петровичъ, славно! Не давай повадки бабамъ.

МАЙСКАЯ (*мужу*). Иванъ Петровичъ, опомнись! Чтò ты дѣлаешь?..

МАЙСКИЙ. То, что велятъ мой долгъ и присяга, что сдѣлаетъ всякой русскій дворянинъ и честный человекъ; наконецъ то, чего ты, по глупости своей, не понимаешь!

МАЙСКАЯ. Вотъ тебѣ разъ! Ужъ онъ бранится!.. (*Плачетъ*). Иванъ Петровичъ, извергъ ты этакой! Посмотри, вѣдь я плачу...

ЧУБАРОВЪ. Женскія слезы — вода! (*Сестръ*) Безразсудная женщина! Чего ты боишься?

МАЙСКАЯ. Ахъ, братецъ! А если ихъ убьютъ?

ЧУБАРОВЪ. Да развѣ всѣхъ убиваютъ, кто идетъ въ сраженіе? Нашъ русскій бояринъ, Михайла Андреевичъ Милорадовичъ, досихъ-поръ былъ въ сорока компаніяхъ и не получилъ ни одной царапины.

МАЙСКАЯ. Вотъ что вздумалъ сказать: вѣдь онъ генераль, такъ въ него, я думаю, Французы и стрѣляютъ—то не смѣютъ.

ЧУБАРОВЪ (*смѣется*). Ха, ха, ха!

МАЙСКАЯ. Чему ты смѣешься? У Бонапарта, говорятъ, столько солдатъ, что и видимо невидимо! Гдѣ вамъ съ ними управиться?

ЧУБАРОВЪ. Сила войска состоитъ не въ сотняхъ тысячъ, но въ любви къ отечеству — этимъ Россія и богата и счастлива!

МАЙСКАЯ. Ты судишь все по своему, по военному; а я сужу, какъ мать. (*Плачетъ*).

ЧУБАРОВЪ. Опять за слезы!.. Тьфу, чортъ возьми! Все эти бабовницы — матушки на одинъ покровъ. Ни одна разлука не обходится у нихъ безъ слезъ; а послѣ, когда дѣти ихъ возвратятся со славою изъ похода, такъ и имъ любо: не наглядятся, не на радуются, не нацѣлуются; да и нельзя иначе: у того золотая шпага за храбрость, у другаго крестъ въ петлицѣ, у третьяго орденъ на шеѣ... Что ты на это скажешь, сестра? Развѣ это не заманчиво?

МАЙСКАЯ. Заманчиво—то заманчиво; да страшно...

ЧУБАРОВЪ. Пустяки! Будь молодцомъ, бей по рукамъ!

МАЙСКАЯ (*послѣ цѣлострой неръшимости протягиваетъ ему руку*). Дѣлайте, что хотите, Богъ съ вами!

ЧУБАРОВЪ. Ура! Наша взяла!

МАЙСКИЙ (*обнимая жену*). Добрая моя Аннушка!

Александръ и Николай (*бросаются къ матери и цѣлуютъ ей руки*). Милая маменька!

МАЙСКАЯ (*обнимаетъ и цѣлуетъ дѣтей*). Богъ съ вами, мои голубчики, Богъ съ вами!.. (*Подходитъ къ Лизѣ*). Лизанька! Не сокрушайся, моя красавица, не сокрушайся! Богъ милостивъ, Сапа воротится офицеромъ, и тогда-то ужъ мы сыграемъ вашу свадьбу.

Донцева (*съ достоинствомъ*). Сокрушаться!.. Вы ошибаетесь! Я люблю моего Александра, люблю больше жизни! Но никогда не буду противиться священному долгу, призывающему его на поле чести.

ЧУБАРОВЪ. Bravo! Лизавета Михайловна, bravo! Эхъ! Жаль, что вы не мальчишка, непременно-бы записалъ васъ въ портупей-прапорщики!

IX.

ТЪ-ЖЕ и АНДРЕЙ, съ двумя большими узлами.

ЧУБАРОВЪ (*увидя Андрея*). Что это такое?

АНДРЕЙ. Военное платье для молодыхъ господъ. (*Уходитъ въ комнату направо*).

НИКОЛАЙ. Ахъ, какъ я радъ! Братъ, пойдемъ поскорѣе, примѣримъ.

ЧУБАРОВЪ (*Майскому*). Ну, видишь-ли, Иванъ Петровичъ, все кончилось благополучно.

МАЙСКИЙ. Да братъ, признаюсь тебѣ, я никакъ не ожидалъ, чтобы жена моя такъ скоро согласилась.

ЧУБАРОВЪ. Да какъ не согласиться? Съ женщинами надобно только дѣйствовать наступательно и онъ всегда сдадутся на капитуляцію.

МАЙСКИЙ. Въ-продолженіе тридцати лѣтъ я сегодня еще въ первый разъ такъ круто поступилъ съ моею женой.

ЧУБАРОВЪ. Вотъ этимъ-то ты ее и избаловалъ; женщинамъ только дай повадку, такъ онъ сядутъ, да поведутъ, да и ножки подождутъ.

X.

ТЪ-ЖЕ и подпоручикъ НОСКОВЪ.

ЧУБАРОВЪ (*увидя Носкова*). Что вамъ угодно?

НОСКОВЪ. Г. полковникъ, депеша отъ главнокомандующаго.

ЧУБАРОВЪ (*весело*). А! Наконецъ-то! (*Беретъ отъ Носкова пакетъ, распечатываетъ и читаетъ про себя*). Слава Богу! (*Носкову*). Г. подпоручикъ! объявите людямъ походъ; мы сегодня же выступимъ.

НОСКОВЪ. Слушаю, г. полковникъ. (*Уходитъ*).

ЧУБАРОВЪ (*кричитъ въ дверь, въ которую ушли Николай и Александръ*). Эй, молодежь! Туалетъ вашъ продолжается слишкомъ долго. Сидоровъ! Что ты тамъ копаешься?

СИДОРОВЪ (*за кулисами*). Пригоняемъ амуницію, ваше высокоблагородіе.

ЧУБАРОВЪ. Живо! Да извольте надѣвать полную походную форму! Слышишь?

СИДОРОВЪ. Слушаю, ваше высокоблагородіе.

МАЙСКИЙ. Что это, Иванъ Львовичъ, развѣ ты опять хочешь дѣлать ученье?

ЧУБАРОВЪ. Ученье?.. Нѣтъ, братъ, Иванъ Петровичъ, конецъ ученьямъ! Мы теперь вступаемъ въ настоящую службу. Я сейчасъ получилъ приказаніе главнокомандующаго выступить въ походъ и соединиться съ дѣйствующею арміей.

МАЙСКІЙ. Какъ! Стало-быть, мы скоро и разстанемся?

ЧУБАРОВЪ. Даже скорѣе, нежели ты думаешь.

МАЙСКІЙ. Неужели сегодня?

ЧУБАРОВЪ. Недальше, какъ черезъ полчаса.

МАЙСКАЯ. Черезъ полчаса!.. Боже милосердый! (*Плачетъ*).

ЧУБАРОВЪ. Сестра! Ты опять за старое! Стыдно!

МАЙСКАЯ. Братецъ, не могу!

ЧУБАРОВЪ (*съ сердцемъ*). О, женщины! Когда вы будете умнѣе?

ХІ.

ТЪ-ЖЕ, НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРЪ, въ полной походной амуниціи, и СИДОРОВЪ.

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРЪ (*подходятъ къ Чубарову и становятся передъ нимъ во фронтъ*). Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ (*съ удивленіемъ*). Хорошо! Молодцы! Спасибо, ребята!

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРЪ. Ради стараться, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ (*командуя*). Вольно! Кивера долой.

НИКОЛАЙ и АЛЕКСАНДРЪ (*дѣлаютъ нальво кругомъ, отходятъ и снимаютъ кивера*).

ЧУБАРОВЪ (*слѣдитъ за ихъ дѣйствіями и потомъ говоритъ Майскому*). Ну, братъ, Иванъ Петровичъ, я готовъ объ закладъ удариться, что не пройдетъ и мѣсяца, какъ дѣти твои надѣнутъ офицерскую форму.

МАЙСКІЙ. Давай Богъ твоими устами медъ пить.

ЧУБАРОВЪ Выпьемъ и шампанскаго. (*Племянникамъ*). Ну, молодежь, вы представились мнѣ, какъ начальнику, обнимете меня теперь, какъ дядю. (*Николай и Александръ бросаются къ Чубарову и обнимаютъ его*).

АЛЕКСАНДРЪ. Дядюшка! Добрый дядюшка!

НИКОЛАЙ. Ваша похвала для насъ такъ пріятна, что мы не въ состояніи выразить...

ЧУБАРОВЪ. А еще будетъ пріятнѣе, когда вы заслужите похвалу высшаго начальства.

НИКОЛАЙ. Повѣрьте, дядюшка, если только представится случай, вы увидите на дѣлѣ, какъ дорожатъ ваши племянники такою высокою милостью.

ЧУБАРОВЪ (*бьетъ его по плечу*). Браво, Николай, браво! Ты такъ и смотришь офицеромъ. (*Сестрѣ*). Сестра! Чего-жъ ты дожидаешься? Неужели ты отпустишь насъ въ походъ безъ обеда?

МАЙСКАЯ. Я сейчасъ-же всею распоряжусь... (*Обнимаетъ дѣтей*). Ахъ, вы мои голубчики! Ахъ, вы мои родные! (*Плачетъ и уходитъ*).

ЧУБАРОВЪ (*смотритъ вслѣдъ уходящей сестры*). Славная женщина, добрая мать, зато ужъ въ трусости жиды перещеголяетъ. (*Майскому*). Иванъ Петровичъ, ты, кажется, обещалъ подарить мнѣ лошадь? Теперь настало время: пойдѣмъ-ка, братъ, на конюшню, посмотримъ твоихъ буцефаловъ.

МАЙСКИЙ. Пойдемъ, пойдѣмъ; выбирай любую.

ЧУБАРОВЪ (*племянникамъ*). Вы, молодежь, до обеда свободны, дѣлайте, что хотите. (*Майскому*). Пойдемъ! (*Уходятъ подъ руку*).

НИКОЛАЙ. Братъ! Я пойду укладывать чемоданы.

АЛЕКСАНДРЪ. А я побѣгу успокоить мою Лизаньку. (*Убѣгаетъ*).

Перемѣна декораціи. Городская площадь. Въ глубинѣ сцены видны шлагбаумъ. Съ обѣихъ сторонъ дома городскихъ жителей, изъ оконъ которыхъ выглядываютъ по временамъ молоденькія дѣвушки. Вся площадь наполнена народомъ, солдатами, ополченными, разносчиками и обывателями. Все они въ разныхъ группахъ. Одни изъ солдатъ закупаютъ у разносчиковъ разные вещи, другіе покуриваютъ трубочки, третьи подходятъ къ цѣловальнику Зудь, который со своею бочкою расположился между двухъ домовъ съ правой стороны.

ХII.

СОЛОННИКОВЪ, ЧУРАЩЕНКО, ТЕСАКОВЪ и ПОДМЕТКИНЪ стоятъ отдельною группою, ВАСИЛІЙ, СЕМЕНЪ, ПЕТРЪ и АЛЕКСѢЙ окружаютъ сбитеньщика и пьютъ сбитень.

ВАСИЛІЙ (*прихлѣбывая изъ стакана сбитень*). А! Знато!.. (*Подаетъ сбитеньщику пустой стаканъ*). Наливай еще! (*Товарищамъ*). Эка сласть, ребята! Што не отвѣдаете?

СЕМЕНЪ (*нервнительно*). А почему?

ВАСИЛІЙ. Да дорого-то дорого; по грошу за стаканъ.

СЕМЕНЪ. Эге! Что у насъ деньги-то шальные штоль? (*Отходитъ*).

ПЕТРЪ. Дайка-сь я испробую. (*Отдаетъ деньги сбитеньщику, тотъ наливаетъ ему сбитню*),

АЛЕКСѢЙ (*сбитеньщику*). Давай ужъ и мнѣ. (*Сбитеньщикъ наливаетъ*).

ВАСИЛІЙ (*Семену*). Сенька! Да вышей, дурья голова.

СЕМЕНЪ. Не хочу!

ВАСИЛІЙ. Да вышей, хоть за мои?

СЕМЕНЪ (*съ сердцемъ*). За твои! За твои! И за свои бы выпилъ, да не хочу.

ВАСИЛІЙ (*обидясь*). Ну инъ шла кума пѣша, а куму легче; была-бы честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ.

СОЛОНИННИКОВЪ (*Чуращенку, показывая на ополченныхъ*). Гляди-ка-сь, братецъ ты мой, какъ наше мужичье-то чуфарится?

ЧУРАЩЕНКО. Э! Нехай ихъ...

СОЛОНИННИКОВЪ. Да они, братецъ ты мой, деньгами сорять словно щепками.

ЧУРАЩЕНКО. Тай щожъ?

СОЛОНИННИКОВЪ. Ничего. Я говорю только, братецъ ты мой, что и намъ-бы передъ походомъ не мѣшало себя чѣмъ-нибудь потѣшить.

ЧУРАЩЕНКО. Такъ щожъ? Спивай пѣсню.

СОЛОНИННИКОВЪ. Вотъ выдумалъ! Что за утѣха пѣсня?.. Отъ нея пьянъ будешь! Нельзя-ли бы этакъ... понимаешь? (*Щелкаетъ себя по галстуху*).

ЧУРАЩЕНКО (*ухмыляясь*). Эгэ! Такъ щожъ робить, колы грошей нема?

ТЕСАКОВЪ. Что-то однако, братцы, не видно Степана Козырева.

СОЛОНИННИКОВЪ. Козырева! Это рекрутикъ-то что-ли?

ТЕСАКОВЪ. Да, только такой рекрутикъ, который и нашего брата за поясъ заткнетъ. Въдь вотъ, братцы, даетъ-же Господь челоуьку такое понятіе: давно-ли онъ былъ мужиченка ледащій, а теперъ посмотрика-сь: съ небольшимъ въ двѣ недѣли всю солдатскую службу произомель до тонкости.

СОЛОНИННИКОВЪ. Эка штука! Въдь его, сударь ты мой, самъ фельдфебель муштровалъ.

ТЕСАКОВЪ. Такъ что-жъ, что самъ? Другаго пня какъ ни муштруй, а все пнемъ останется. Ужъ изъ зайца, братъ, медвѣдя не сдѣлаешь, отъ козда молока не достанешь.

ПОДМЕТКИНЪ. А что, правда-ли, говорятъ, покуда онъ былъ въ мужичествѣ, такъ былъ горькой пьяница?

ТЕСАКОВЪ. И не приведи Богъ какой! Вонъ, сприси у Мишки Зуды, онъ его и спивать-то началъ, мощенникъ.

Солонинниковъ. А теперь-то, пьеть-ли?

Тесаковъ. И не нюхаетъ! Товарищей угостить какъ угодно, а самъ къ сторонѣ. Ужъ маркитантъ Мишка чего съ нимъ не дѣлалъ, какъ не соблазнялъ, куда тебѣ!

Солонинниковъ. Да гдѣ-же онъ, сударь ты мой?

Тесаковъ. Не время ему теперича: у него изъ деревни для прощанья гостя пришла.

Солонинниковъ. Прогнать ее, сударь ты мой. Что теперь за гостьбище? Люди въ походъ идутъ, а они въ гости шляются.

Тесаковъ. Нѣтъ, братъ, ужъ объ этомъ и не заикайся! Это такая гостя, для которой онъ готовъ въ огонь и въ воду!.. (Смотритъ въ первую кулису) Э! да вонъ, на твое счастье, ужъ, кажись, они и прощаются.. недолго-же погостила голубка! Ну, да и то сказать, дальніе проводы, лишнія слезы.

Солонинниковъ. Да что-жъ это, мать что-ли его?

Тесаковъ. Невѣста.

Солонинниковъ. Невѣста!

ХІІІ.

ТЪ-ЖЕ, СТЕПАНЪ и ПАРАША выходятъ изъ первой кулисы.

Степанъ. Спасибо тебѣ, Парашенька, спасибо тебѣ, ненаглядная, что ты не забыла меня горемычнаго.

Параша. Вѣдь я не въ тебя, Степанъ Силиверстовичъ! Это ты только бросилъ меня на съѣденье горю лютому и ухаль не простимшись.

Степанъ. Ахъ, Парашенька! Мнѣ совѣстно взглянуть на тебя, опосля того, какъ ты мнѣ выбросила полтинникъ.

Параша. Да вѣдь я для того это сдѣлала, что мнѣ жалко стало смотреть, какъ ты дрожалъ передъ цѣловальникомъ.

Степанъ. А мнѣ подумалось, что ты ужъ совсемъ разлюбила меня.

Параша. Ахъ, Степа, Степа!

И хотѣла-бъ разлюбить,
Да не стало силы;
Сердце стало больно вѣть,
По тебѣ, другъ милый!
Скука, объ руку съ тоской,
Ретивое грызли;
И помчались за тобой

Девичьи всё мысли.
Передъ батюшкой роднымъ
Я во всемъ тайлась;
Съ изголовьицемъ однимъ
Слезками дѣлилась.
Лягу спать — анъ и во снѣ
Прилучалось часто,
Что мерещишься ты мнѣ,
Русый кудреватый!
Такъ могла-ль я разлюбить?
Нѣтъ не стало силы!
Сердце стало больно ныть,
По тебѣ, другъ милый!

СТЕПАНЪ (*обнимая ее*). Парашенька! Звѣздочка ты моя ненаглядная! О! какъ я люблю тебя!

ПАРАША. А ужъ я-то тебя какъ люблю, такъ и сказать не умью!.. Ахъ, Степа, Степа! Зачѣмъ ты пошелъ въ солдаты?..

СТЕПАНЪ. Не говори этого, Парашенька. Всѣ теперь идутъ на службу царскую, а я, благодаря Бога, не ублюдокъ между людей! Я не хочу, чтобы на меня показывали пальцами и говорили: «Степка Козырь трусь! Степка Козырь службы испугался!»

ПАРАША. Оно такъ... да ведь, вотъ батюшка-то мой говорить, что еслибы ты не ушелъ въ солдаты, такъ насъ-бы и повънчали.

СТЕПАНЪ. Поблагодарствуй отъ меня своего родимаго и попроси его обождать, покуля мы воротимся изъ похода. А на тебя, Парашенька, я надѣюсь крепко; въдь ты меня не разлюбишь?.. Ты не забудешь своего Степана?

ПАРАША. Ахъ, Степа, Степа! не покинь только ты меня, а ужъ я тебя никогда не забуду!.. Оначе, пора мнѣ и домой; батюшка, отпуская, настрого наказывалъ къ ночи домой вернуться. Прощай, Степа, прощай, мой голубчикъ! (*Плачетъ*).

СТЕПАНЪ (*съ чувствомъ обнимая ее*). Прости, моя ласточка! Прости моя милая! Береги мою старушку.

ПАРАША. Я буду чтить ее, какъ свою родную! Только ужъ и ты, Степушка, поберегай себя на страженіи; и если, чего Боже упаси, французъ будетъ убивать тебя, такъ ты не давайся и скажи ему: «Пусти меня, господинъ французъ, меня, молю, дома невѣста дожидается.» Такъ-таки ему и скажи, онъ тебя и отпуститъ.

СТЕПАНЪ (*улыбаясь сквозь слезы*). Ладно, ладно, мое сокровище!

ПАРАША. Ну, прощай-же, мой ненаглядный!

СТЕПАНЪ. Прости, прости, Парашенька; кланяйся родимымъ!.. Да гдѣ-же твоя лошадка-то?

ПАРАША. А эво, вонъ, съ батракомъ стоитъ за изгородью. (*Идетъ и потомъ останавливается*). Прощай, Степа!

СТЕПАНЪ (*подбѣгая къ ней*). Прощай, моя жемчужина перекатная! (*Параша уходитъ. Степанъ долго стоитъ на одномъ мѣстѣ и смотритъ вслѣдъ уходящей Параше*). Ушла!.. Боже милосердый! Она-ли это?.. Не мерещилось-ли мнѣ? Нѣтъ! Это была она! Это была моя Параша!.. Я не знаю, что со мною стало, а меня какъ будто прибыло! Я теперь такъ веселъ, что хоть въ присядку, такъ въ ту-же пору! (*Солонинниковъ, Тесаковъ, Подметкинъ и Чуращенко подходятъ къ нему*).

ТЕСАКОВЪ. Ну, что, командиръ распотенный! Проводилъ свою гостыюшку?

СТЕПАНЪ. Проводилъ, братцы.

ТЕСАКОВЪ. Наговорились, намиловались чай вдвоемъ?

СТЕПАНЪ. Ахъ, братцы, я теперь такъ веселъ, такъ радостенъ, что не знаю куда мнѣ и дѣваться со счастьемъ!

СОЛОНИННИКОВЪ. Вотъ еще, сударь ты мой, есть о чемъ думать. Коли самому довольно, такъ подѣлись съ другими.

ТЕСАКОВЪ. А мы, братъ, Козыревъ, тутъ безъ тебя горюемъ?

СТЕПАНЪ. Э! А чтобы такое у васъ попричилось?

СОЛОНИННИКОВЪ. Да оно, братецъ ты мой, коли разсудить хорошенько, такъ выходитъ дѣломъ причина-то и пустая, а все знаешь... Понимаешь?

СТЕПАНЪ. Воля твоя, товарищъ, а я что-то не умю въ толкъ взять.

СОЛОНИННИКОВЪ. Экой ты какой! Солдатской грамоты не понимаешь. Какъ-бы тебѣ это растолковать... Вотъ видишь-ли...

ТЕСАКОВЪ. Да полно, Солонинниковъ, заводить куранты; говори прямо. (*Степану*). У насъ, братъ Козыревъ, денегъ нѣтъ, а вышить хочется передъ походомъ, такъ не поможешь-ли горю? А?

СТЕПАНЪ. Давно-бы такъ и молвили. Пойдемте, братцы, пойдемте; на такой радости, а особливо для товарищей, у меня послѣдняя копейка ребромъ!

ПОДМЕТКИНЪ. Вотъ молодецъ!

Солонинниковъ. Настоящій солдатъ!

Чураченко. Отъ-то гарный парубокъ! (*Идутъ къ бочкѣ Зуды и встрѣчаются съ фельдфебелемъ*).

XIII.

ТЪ-ЖЕ и ОГНЕВЪ.

Огневъ. Куда! (*Солдаты становятся передъ нимъ въ фронтъ*).

Солонинниковъ (*запинаясь*). Кваску испить, ваша милость...

Огневъ. Котораго? Вонъ изъ этой бочки, что-ли? (*Увидя Степана*). Какъ, братъ, Козыревъ, и ты съ ними? Что, видно опять принялся за старое?

Степанъ. Никакъ нѣтъ, ваша честь, мнѣ хотѣлось только товарищей поподчивать.

Огневъ. А правду ты говоришь?

Степанъ. Видитъ Богъ, правду!

Огневъ. Ступайте! Да смотрите, побольше, какъ по одной.

Солдаты. Благодаримъ покорно. (*Идутъ къ Зудѣ, который имъ наливаютъ вина и они пьютъ, кромѣ Степана*).

XV.

ТЪ-ЖЕ и СИДОРОВЪ выходятъ быстро.

Сидоровъ (*ополченнымъ*). Бери ружья, ребята, сейчасъ командиръ будетъ! (*Ополченныя разбираютъ ружья*). Вонъ ужъ господа офицеры вышли.

Огневъ. Вотъ тебѣ на, а у меня весь народъ въ разбродѣ. (*Отходитъ отъ Сидорова*).

XVI.

ТЪ-ЖЕ, НОСКОВЪ и нѣсколько офицеровъ.

Носковъ (*Огневу*). Бить сборъ!

Огневъ. Слушаю, ваше благородіе. (*Барабанщику*). Бей сборъ! (*Барабанщикъ бьетъ сборъ, солдаты сплываютъ со всѣхъ сторонъ, разбираютъ ружья, изъ всѣхъ оконъ показываются мыбобытные жители. По окончаніи сбора, Носковъ командуетъ: «По мѣстамъ!» Солдаты становятся въ двѣ шеренги, и офицеры занимаютъ свои мѣста, увидя възвѣжающаго Чубарова*) Вотъ и полковникъ. Стройся! (*Ополченныя строятся*).

Посковъ (командуя). Слушай!.. На карауль! (Солдаты дѣлаютъ на карауль).

XVII.

ТЪ-ЖЕ, ЧУБАРОВЪ верхомъ, АЛЕКСАНДРЪ, НИКОЛАЙ, МАЙСКІЙ, МАЙСКАЯ и ЛИЗА. При выѣздѣ Чубарова, АЛЕКСАНДРЪ и НИКОЛАЙ занимаютъ свои мѣста въ рядахъ солдатъ, семейство ихъ остается на заднемъ планѣ, вмѣстѣ съ прочими зрителями.

ЧУБАРОВЪ. Здорово, ребята!

СОЛДАТЫ и ОПОЛЧЕННЫЕ. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

ЧУБАРОВЪ. Товарищи! Поздравляю васъ съ походомъ.

Всѣ. Ура!

ЧУБАРОВЪ. Къ вамъ обращаюсь я съ моею рѣчью, молодцы — новобранцы и удалые охотники. Скажите мнѣ: весело-ли вы вступаете на новое поприще? Съ охотою-ли идете на защиту родины отъ нашествія враговъ иноплеменныхъ?

Всѣ. Ура!

ЧУБАРОВЪ. Благодарю, благодарю васъ, друзья мои. Да иначе нельзя было и думать. Всѣ мы русскіе, дѣти одного отечества. Искони наши дѣды и прадѣды въ минуты опасности стояли за вѣру православную, святую Русь, и не жалѣли ни жизни, ни имѣнія. Они служили вѣрой и правдой, и этотъ святой завѣтъ передали намъ, своимъ потомкомъ. Мы также любимъ наше любезное отечество!.. А въ минуту, когда надо ринуться на враговъ, мы съ радостью положимъ наши головы съ истиннымъ сознаниемъ, что: «доколь съ нами Богъ, дотоль никто-же на ны; разумѣйте всѣ языцы и покарятъся; яко съ нами Богъ!»

Всѣ. Яко съ нами Богъ! Ура!

ЧУБАРОВЪ. Я все сказалъ. Теперь въ походъ. Пѣсенники впередъ! Начинай! (Пѣсенники начинаютъ пѣть). Маршъ! (Войско трогается и проходитъ мимо его, жители бросаются прощаться съ солдатами; семейство Майскихъ также на походъ прощается съ Александромъ и Николаемъ. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ домѣ Майскихъ. При открытіи занавѣса слышны отдаленные пушечные выстрѣлы.

I.

МАЙСКІЙ (*стоитъ, у окна и прислушивается*). Кажется выстрѣлы приближаются... Чѣмъ больше прислушиваюсь, тѣмъ яственнѣе становится гулъ ихъ!.. (*Прислушивается; въ это время слышны сильные удары*). Да! Это не игра разстроеннаго воображенія, это истина, неоспоримая истина. Боже мой! Неужели и это мирное убѣжище подвергнется той-же участи, которая постигла мою подмосковную деревню?.. Но что объ этомъ думать. Что будетъ, то будетъ. Слава Богу, что мнѣ удалось уговорить жену и Лизу отправиться въ Ярославль; по-крайней-мѣрѣ, хоть онъ въ безопасности.

II.

МАЙСКІЙ и РЕЦЕПТУРИНЪ.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Здравствуйте, Иванъ Петровичъ!

МАЙСКІЙ (*съ радостью*). Ба, ба, ба! Гаврила Степанычъ! Вотъ ужъ одолжилъ. Какимъ случаемъ?

РЕЦЕПТУРИНЪ. По службѣ. Какъ уездный лекарь, получилъ приказаніе начальства объѣзжать ежедневно всѣхъ помѣщиковъ нашего уезда. Вотъ какъ.

МАЙСКІЙ. Да зачѣмъ-же это?

РЕЦЕПТУРИНЪ. А вотъ изволите видѣть: у полковыхъ докторовъ теперь столько практики, что они не успеваютъ управлять; по этому случаю множество раненыхъ офицеровъ препровождаются для излеченія въ ближайшія помѣстья; вотъ за ними-то мнѣ и поручень присмотрѣ. Вотъ какъ.

МАЙСКІЙ. Какая прекрасная выдумка!

РЕЦЕПТУРИНЪ. Безподобная! По-крайней-мѣрѣ и нашему брату есть случай хоть сколько-нибудь послужить на пользу отечества. Вотъ какъ. Къ вамъ не привозили ни одного раненаго?

МАЙСКІЙ. Нѣтъ, я еще не удостоился этой чести.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Жалко. А вонъ у Краснощѣвкова такъ цѣлыхъ трое лежатъ. Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ. Ну, а что слышно новаго? Какъ дѣла? Что французы?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Да что-жъ французы? Сидѣли, сидѣли въ Москвѣ, однакоже цыплятъ не высидѣли; видно потому, что холодно стало. Я слышалъ отъ раненныхъ офицеровъ, что Наполеонъ уже три раза просилъ миру, да не пришла желанная вѣсточка. Между-тѣмъ, наши незваные гости безчинствовали да срамничали. Вдругъ выпалъ снѣгъ, да прижучили ихъ морозы, такіе, что о-о-охъ, горе лыкомъ подпоясано! Тутъ-то Наполеонъ и смѣкнулъ, что еслибы на горохъ не морозъ, такъ онъ-бы черезъ тынь переросъ; и досадно ему стало, что у насъ въ Москвѣ два раза въ году лѣта не бываетъ. Вотъ какъ. 6-го октября собралъ онъ своихъ горе-богатырей на осенній парадъ и скомандовалъ имъ проходить церемоніальнымъ маршемъ. Вотъ и замаршировали наши Ерусланы Лазаревичи гусинымъ шагомъ. Вдругъ откуда ни возьмись адъютантъ Мюрата, и доносить, что князь Кутузовъ напалъ на французскій авангардъ, и задалъ ему такого чосу, что любо-два. «Ай, ай! Сове! Сове-ву!» Осовѣли басурманы, да и подрали вонъ изъ бѣлокаменной. Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ (*съ радостію*). Такъ Москва очищена?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Очищена, въ полномъ смыслѣ этого слова.

МАЙСКИЙ. Ну, а главнокомандующій что дѣлаетъ?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Чудеса! — Выбравшись изъ Москвы, Наполеонъ бросился на новую калужскую дорогу, да не тутъ-то было: подъ Малымъ-Ярославцемъ ему истопили такую баню, что какъ ни холодно, а повспотѣли французы, и принуждены были, для прохлады, тронуться въ обратный путь къ Смоленску, по той-же дорогѣ, по которой пришли. Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ (*съ одушевленіемъ*). Такъ съ этой минуты можно смѣло сказать: Россія спасена! (*Обнимаетъ Рецетурина*). О! другъ! Ты своими рассказами такъ одушевилъ меня, такъ обрадовалъ, что я не знаю, чѣмъ и благодарить тебя?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Хорошимъ завтракомъ, потому-что я еще сегодня ничего не ѣлъ. Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ. Сейчасъ. (*Звонитъ въ колокольчикъ*). Андрей! Андрей!

III.

ТѢ-ЖЕ и АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ. Что прикажете, сударь?

МАЙСКИЙ. Завтракъ! Да смотри, поворачивайся живо!

Андрей. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Майскій. Ну, скажи мнѣ, Гаврила Степанычъ, что это за пальба слышна здѣсь по близости?

Рецептуринъ. А это должно-быть наши партизины потышуются надъ отставшими колоннами великой и непобѣдимой арміи. Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ, Кайсаровъ, Ефремовъ и Кудашевъ кредиторы самые неумолимые; они своего ни за что не потеряютъ; а кто у нихъ взялъ лычко, тотъ отдай ремешекъ.

Майскій (*горячо*). Да такъ и слѣдуетъ! За что имъ спускать разбойникамъ? Будетъ съ нихъ, пограбили матушку—Россію, поругались надъ святыми храмами, раззорили первопрестольную столицу.

Рецептуринъ. Успокойтесь, Иванъ Петровичъ! Богъ справедливъ и многомилостивъ; Онъ каждому воздастъ по заслугамъ. (*Въ это время, Андрей съ другимъ лакеемъ вносятъ накрытый столъ, съ приготовленнымъ завтракомъ*). А! Вотъ и завтракъ готовъ! Славно!

Майскій (*Андрею*). Ты здѣсь больше ненуженъ. (*Андрей уходитъ*). Ну-ка, гость дорогой, милости просимъ. (*Садятся за столъ*). Съ чего-бы намъ начать: съ полыновки, или съ рябиновки?

Рецептуринъ. Да что-жъ, вѣдь онъ объ лучше. Впрочемъ, я слышалъ отъ старыхъ людей, что не вкусивши горькаго, не увидишь и сладкаго. Вотъ какъ.

Майскій. Ну такъ съ полыновки?

Рецептуринъ. Съ полыновки! (*Майскій наликаетъ рюмки и они пьютъ*). Бррр! Хорошо, да горько. А что-же, Иванъ Петровичъ, я не вижу вашего семейства?

Майскій. Сыновья въ арміи, а женщинъ я, для безопасности, отправилъ въ свою ярославскую деревню.

Рецептуринъ. И очень благоразумно поступили; потому-что французскіе мародеры рыщутъ какъ голодные волки, врываются въ дома помѣщиковъ, безчинствуютъ и грабятъ, какъ настоящіе разбойники. Вотъ какъ.

Майскій. И это образованная нація! и это люди, которыхъ мы, стыдно сказать, беремъ въ наставники нашихъ дѣтей!

Рецептуринъ. Да вѣдь у васъ у самихъ, кажется, былъ гувернеромъ французъ?

Майскій. Хуже! Это былъ французскій жидъ, и за все добро, которое я для него сдѣлалъ, онъ меня-же обокралъ:

РЕЦЕПТУРИНЪ. Вотъ какъ. А впрочемъ я вѣдь его помню и елибы только онъ не былъ мошенникомъ, такъ былъ-бы отличнымъ малымъ. Больше всего онъ мнѣ нравился тѣмъ, что славно говорилъ по-русски.

МАЙСКИЙ. Да, этотъ человекъ имѣлъ отличныя способности и самыя дурныя наклонности; онъ зналъ пять языковъ, и изъяснялся на нихъ также свободно, какъ на своемъ природномъ.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Вотъ какъ. А что, Иванъ Петровичъ, не попробовать-ли намъ теперь вотъ этой микстуры?

МАЙСКИЙ. Зачѣмъ-же дѣло стало? Наливай!

РЕЦЕПТУРИНЪ (*наливаетъ рюмки и переливаетъ черезъ край*). Ухъ! немножко ухнулъ!.. Ну, да ничего, вполне жить. (*Беретъ рюмку*). Ваше здоровье, Иванъ Петровичъ (*Выпиваетъ*). Вотъ какъ. (*За кулисами слышенъ шумъ*).

СТЕПАНЪ (*за кулисами*). Я съ тобой и говорить-то много не хочу, ты доложи барину.

АНДРЕЙ (*за кулисами*). Да что тутъ докладывать! Вѣдь сказано, что нельзя, ну такъ и нельзя!

МАЙСКИЙ. Что такое? что за шумъ?

СТЕПАНЪ (*за кулисами*). Да что-жъ у васъ здѣсь, татары что-ли живутъ?

МАЙСКИЙ. Что это значить?.. (*Кличетъ*) Андрей!

IV.

ТЪ-ЖЕ, АНДРЕЙ, СТЕПАНЪ, и потомъ СОЛОННИКОВЪ, ТЕСАКОВЪ, ПОДМЕТКИНЪ и ЧУРАЩЕНКО вносятъ раненнаго НИКОЛАЯ.

АНДРЕЙ (*входитъ*). Чего изволите?

МАЙСКИЙ (*Андрею*). Что у васъ тамъ такое?

АНДРЕЙ. Да вонъ, солдаты мертвеца принесли, да еще и лезутъ прямо въ комнаты.

МАЙСКИЙ. Что ты врешь, дуракъ?

АНДРЕЙ. Ей Богу-съ! И глаза подъ лобъ закатились, чистый мертвецъ.

МАЙСКИЙ. Болванъ! (*Хочетъ идти, въ это время входитъ Степанъ*).

СТЕПАНЪ. Здравія желаемъ, ваше благородіе!

МАЙСКИЙ. Здорово, служивый. Что тебѣ надобно?

СТЕПАНЪ. Ваше высокоблагородіе! будьте только милостивы, не откажите приютить раненаго офицера.

Майскій. Раненаго офицера?.. Милости просимъ! Милости просимъ! Весь мой домъ къ его услугамъ.

Степанъ. Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе! (*Кричитъ въ двери*). Несите сюда, братцы!

Майскій (Андрею). Пошелъ, болванъ; приготовь поскорѣ постело въ комнату молодыхъ господъ!

Андрей. Да лучше-бы, сударь, вы приказали вырыть ему могилку въ саду...

Майскій (съ сердцемъ). Дѣлай, что тебѣ приказываютъ! (*Степану*).. А офицеръ еще молодъ?

Степанъ. Молоденькой, ваше высокоблагородіе, и недѣли нѣтъ, какъ произведенъ изъ подпрапорщиковъ.

Майскій. Тяжело онъ раненъ?

Степанъ. Пулею на вылетъ и штыкомъ въ бокъ.

Майскій (грустно). Бѣдный молодой человекъ! Можетъ-быть единственное утѣшеніе престарѣлыхъ родителей!.. О! Творецъ милосердный! Сохрани и помилуй дѣтей моихъ! (*Въ это время солдаты на ружьяхъ, покрытыхъ шинелью, вносятъ раненаго Николая*).

Рецептуринъ (подбѣгая къ Николаю). Э! Да онъ безъ памяти! (*Андрею, который въ это время вышелъ на сцену*). Принеси, любезный, мою походную аптечку, она тамъ стоитъ въ передней. (*Солдатамъ*). Сюда, сюда, служивые! (*Солдаты хотятъ нести*).

Майскій (въ это время также подошелъ къ Николаю, и взглянувъ на него, вскрикиваетъ). Пойдите!.. Боже! Вѣрить-ли глазамъ моимъ?..

Рецептуринъ. Что, что случилось?

Майскій (бросаясь къ Николаю). Николай!.. Сынъ мой! Милый сынъ!.. (*Цѣлуетъ руки Николая*).

Солдаты. Сынъ его!

Рецептуринъ. Вотъ какъ! (*Кричитъ*). Аптечку, поскорѣ аптечку! (*Солдатамъ*). А вы, между-прочимъ, несите его сюда. (*Солдаты уносятъ Николая*).

Майскій (бросаясь на колѣна передъ Рецептуринымъ). Докторъ! Спаси мнѣ моего сына! Спаси мнѣ мое сокровище!.. Или дай мнѣ яду, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ! (*Заливается слезами*).

Рецептуринъ (поднимая Майскаго). Что вы, что вы, Иванъ Петровичъ? Господь съ вами!

МАЙСКИЙ (*въ отчаяніи*). Онъ умереть!.. Не правда ли, вѣдь онъ умереть?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Будеть живъ, непременно будетъ живъ! Вотъ только-бы мнѣ мою аптечку... (*Увидя входящаго Андрея, вырываетъ у него изъ рукъ ящикъ*). Ну что ты, братецъ, тамъ копаешься. (*Убѣгаетъ въ комнату, куда унесли Николая*).

МАЙСКИЙ. Нѣтъ! Онъ льститъ меня пустою надеждою!.. Онъ обманываетъ меня!.. Но чего я медлю?.. Можетъ-быть, сынъ мой пришелъ въ себя... Можетъ-быть, ждетъ меня, чтобы проститься... Къ нему! Къ нему! (*Блѣжитъ и естрѣчается съ солдатами, хватаетъ ихъ за руки и говоритъ съ отчаяніемъ*). Онъ умеръ? Не правда-ли, онъ умеръ?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, Богъ милостивъ! Правду сказать, трудненькъ; а все-таки дышетъ и пошевеливается.

МАЙСКИЙ. О! Благодарю Тебя, Господи! Благодарю Тебя отъ всей души моей! (*Солдатамъ*). Братцы! Царь Небесный вознаграждаетъ васъ за доброе дѣло! А отъ меня примите вотъ эту ничтожную благодарность, и молитесь за него; можетъ-быть, ваши молитвы будутъ угодныи моимъ передъ Господомъ Богомъ! (*Отдаетъ имъ бумажникъ и быстро уходитъ*).

V.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ МАЙСКАГО. Солдаты нѣсколько времени стоятъ молча, поглядывая другъ на друга.

СТЕПАНЪ (*прерывая молчаніе*). Ну, что, товарищи?

СОЛОВНИКОВЪ. А что?

СТЕПАНЪ. Кажется, его высокоблагородіе маленько съ разума свихнулся. А? какъ полагаете?

ТЕСАКОВЪ. Да почему такъ?

СТЕПАНЪ (*показываетъ бумажникъ*). А вотъ почему. Мы спасли ему сына, а онъ намъ за работу даетъ деньги! Да что-жь мы поденщики али носильщики, которые шагу не сдѣлаютъ безъ того, покуда имъ не заплатятъ? Нѣтъ, братцы, стыдно намъ будетъ передъ людьми и грѣхъ передъ Богомъ, если только мы дотронемся до его казны.

СОЛДАТЫ. Известно дѣло.

СТЕПАНЪ. Такъ вы согласны не брать этихъ денегъ?

СОЛДАТЫ. Пропaday они!

СОЛОВНИКОВЪ. Да и на что намъ деньги. По милости Царя-

батюшки, мы обуты, одѣты и сыты по самое горлышко; ну, а коли водки захочется, такъ съ француза сорвемъ.

СТЕПАНЪ. (*Андрею*). Слушай-ко, ты, дворецкой! Какъ тебя звать-то?..

АНДРЕЙ (*важно*). Андрей Афонасьевичъ!

СОЛОННИКОВЪ. Фу-ты, какая важная персона! Словно подметка съ лубкомъ, такъ и скрипитъ!

СТЕПАНЪ (*подаетъ ему бумажникъ*). Баринъ твой обронилъ бумажникъ, такъ отдай ему и скажи, что русскіе солдаты своей честью не торгуютъ. Прощай! (*Солдатамъ*). Пойдемъ-те братцы, я думаю, ужъ наши давно кашу отъели...

СОЛОННИКОВЪ. Пойдемъ!.. или нѣтъ, стой! (*Тесакову*). Отъ денежной благодарности мы отказались, а вѣдь натурою-то я думаю взять можно? (*Показываетъ на графинъ съ водкою*). Какъ думаешь, сударь ты мой, Филицъ Кондратычъ?

ТЕСАКОВЪ. А что-жъ думать? Это, кажись, дѣло безъобидное.

СОЛОННИКОВЪ. Такъ наливай, да и въ походъ! (*Тесаковъ наливаетъ рюмки*).

СТЕПАНЪ. Что-же братцы, скоро-ли?

СОЛОННИКОВЪ (*беретъ рюмку*). Сейчас! (*Андрею*). За ваше здоровье, господинъ Фуфыркинъ! (*Выпиваетъ и всѣ слѣдуютъ его примѣру, кромѣ Степана*). Вотъ теперъ, маршъ!

Всѣ. Пойдемъ! (*Уходятъ*),

VI.

АНДРЕЙ и потомъ РЕЦЕПТУРИНЪ.

АНДРЕЙ (*смотритъ вслѣдъ уходящихъ солдатъ и потомъ говоритъ*). Что-жъ это такое значить? Деньги отдали, водку выпили и ушли!.. Что-жъ это значить?.. не понимаю!.. Опять, хоть-бы и это: «господинъ Фуфыркинъ»?.. Чортъ знаетъ, что такое, никакъ въ толкъ не возьмешь!

РЕЦЕПТУРИНЪ (*выбѣгаетъ безъ сюртука, съ засученными рукавами*). Воды! Стаканъ горячей воды! Живо!

АНДРЕЙ (*разсуждая*). Вѣдь вотъ должность, и подумать-то путнымъ манеромъ неудастся...

РЕЦЕПТУРИНЪ (*толкаетъ его въ дверь*). Поворачивайся, болванъ! поворачивайся! Вотъ какъ! (*Андрей уходитъ*). Пациентъ мой все еще въ безпамятствѣ и нельзя ничего предпринять рѣшительнаго; притомъ-же старикъ отецъ своими слезами да вздохами можетъ

испортить все дело. Не знаю, какъ-бы мнѣ его выжить изъ комнаты больного?..

VII.

РЕЦЕПТУРИНЪ, МАЙСКІЙ и потомъ АНДРЕЙ.

МАЙСКІЙ. Докторъ! Онъ пришелъ въ себя.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Пришелъ! Вотъ это хорошо. Слушайте-же, Иванъ Петровичъ! если вы хотите, чтобы больной нашъ выздоровѣлъ, такъ я васъ прошу, не входите въ эту комнату до-тѣхъ-поръ, пока я самъ не позову.

МАЙСКІЙ. Какъ, Гаврила Степанычъ! Вы хотите, чтобы я оставилъ умирающаго сына? Никогда! Ни за что!

РЕЦЕПТУРИНЪ. Ну, ужъ если этого нельзя, такъ по-крайней-мѣрѣ сядьте такъ, чтобы онъ васъ не видалъ, а главное, не вздыхайте и не охайте. Согласны?

МАЙСКІЙ. О! на все, на все согласенъ! Только спасите мнѣ моего сына.

АНДРЕЙ (*входитъ со стаканомъ воды*). Вотъ, сударь, горячая вода.

РЕЦЕПТУРИНЪ (*беретъ отъ него стаканъ*). Хорошо, подай.

АНДРЕЙ. А рому прикажите?

РЕЦЕПТУРИНЪ. Дуракъ!

АНДРЕЙ (*встѣрону*). Ну вѣдь вотъ какой, то-есть, безтолковый народъ; путемъ не скажутъ, да послѣ и ругаются.

РЕЦЕПТУРИНЪ (*Майскому*). Смотрите-же, Иванъ Петровичъ, сдержите ваше слово, и ни гу-гу! Вотъ какъ.

VIII.

АНДРЕЙ одинъ.

АНДРЕЙ. Что это, ей-Богу, право! Ну какая это жизнь? Всякой тебя помыкаетъ, всякой ругаетъ и всякой надъ тобою смется; а что будешь дѣлать? И по неволѣ приходится пить горькую (*Наливаетъ изъ графина водки и выпиваетъ*). Тьфу! Не той налилъ. (*Наливаетъ изъ другаго графина и опять пьетъ*). Вотъ эта позабористѣе! (*Закусываетъ*). Какъ подумаешь, какъ господамъ-то жить славно: встанетъ по утру когда хочеть, сапоговъ чистить не надобно, подсвѣчниковъ также,—славно! (*Закурисами слышенъ шумъ и ружейные выстрѣлы*). Андрей вска-

живаетъ въ испугѣ). Батюшка! Что это за оказія?! (Подбѣгаетъ къ окну и смотритъ). Карауль! Французы! Карауль!

IX.

АНДРЕЙ МАЙСКІЙ, МОНЖОСЬ и МАРОДЕРЫ.

Майскій (входитъ быстро). Боже мой, что за шумъ? Что случилось?

Андрей (бросаясь къ Майскому). Баринъ! Батюшка! Пропали мы!.. Карауль!

Майскій. Что такое? Что съдѣлалось?

Андрей. Охъ! пропали мы!

Майскій. Да скажешь-ли ты, наконецъ!

Андрей (показывая на окно). Извольте сами посмотреть. (Кричитъ). Карауль!

Майскій (подходитъ къ окну). Боже мой! Французы!.. Откуда они взялись?.. (Андрею). Бѣги скорѣе въ деревню, собери крестьянъ, скажи, чтобы все вооружились!

Андрей. Да разве вы забыли, что у насъ, окромя стараго да малаго, никого не осталось, все на войну ушли? Притомъ-же вѣдь, коли я побѣгу здѣсь, такъ они меня не пустятъ, да еще съ-дуру-то и убьютъ.

Майскій. Ступай черезъ комнаты барыни; оттуда черезъ садъ ты проберешься прямо на село. Ступай.

Андрей. Да что-жь, вѣдь это все пустяки; лучше батюшка-баринъ давайте кричать вмѣстѣ: «Карауль! Карауль.»

Майскій. Дѣлай, что тебѣ приказываютъ! (Толкаетъ его въ боковую дверь).

Андрей. Прощай бѣлый свѣтъ! Прощайте добрые люди, не поминайте лихомъ! (Уходитъ и за кулисами кричитъ) «Карауль!»

Майскій (въ отчаяніи). Господи! За что Ты меня такъ наказываешь? (Показываетъ на комнату сына). Здѣсь умирающій сынъ, тамъ — кровожадный непріятель!.. О, Боже праведный! пошли мнѣ силу, терпѣніе и смиренномудріе! (Бросается на колѣна и молится).

Мародеры (за кулисами). Да здравствуетъ императоръ и великая нація! *

* Все рѣчи мародеровъ должны быть на французскомъ языкѣ; одинъ только Монжось говорить чисто по-русски, но и онъ, когда обращается къ мародерамъ, то также долженъ говорить по-французски.

Монжосъ (за кутисами). Сюда, господа, сюда, за мной! (Выходитъ на сцену и за нимъ толпа мародеровъ. При выходѣ они ставятъ свои ружья у самыхъ дверей). Ба! Да для насъ и завтракъ приготовлень! Вивать!

Мародеры. Вивать!

Майскій. Боже мой! они своими буйными криками ускорятъ послѣднія минуты моего сына... (Подходитъ къ нимъ) Господа!..

Монжосъ. А! да и самъ хозяинъ на лицо!

Майскій (съ удивленіемъ). Что я вижу?.. Монжосъ!

Монжосъ (раскланиваясь). Къ вашимъ услугамъ!

Майскій. Бывшій губернёръ моихъ дѣтей!..

Монжосъ (важно). Сержантъ непобѣдимой французской арміи! (Встарону), которую было въ Москвѣ чуть не уморили съ голоду.

Майскій. Монжосъ, въ моемъ домѣ?!.. Монжосъ!..

Монжосъ (перебивая его). Зла не помнить! И не смотря на то, что вы меня выгнали, я, какъ человѣкъ образованный, почель первымъ долгомъ сдѣлать вамъ визитъ.

Майскій (горячо). Милостивый государь! насмѣшки ваши не у мѣста. Скажите мнѣ прямо, что вамъ отъ меня угодно?

Монжосъ (въжливо). Ключи отъ всѣхъ коммодовъ и ящиковъ.

Майскій. Вотъ они. (Подаетъ ему ключи).

Монжосъ (пересматривая ключи). Тутъ одного не достаётъ, и именно того самого, которымъ вы запираете свою конторку.

Майскій. У меня его нѣтъ.

Монжосъ. Неужели! Вѣрно потеряли?.. Какая жалость! Ну, дѣлать нечего, придется сломать замѣкъ...

Майскій. Какъ, сударь! Вы хотите меня ограбить во второй разъ?!

Монжосъ (съ упрекомъ). Фуй! Что за неприличныя выраженія?— Это, милостивый государь, не грабежъ, а военная контрибуція. И повѣрьте, что мы никогда не замараемъ своей чести...

Майскій (горько смѣется). Ха, ха, ха! Жидъ говорить о чести... это забавно!

Монжосъ. Ну, вотъ видите-ли: за подобныя выраженія я могъ бы размозжить вамъ голову, да не хочу этого сдѣлать, потому-что еще помню вашу старую хлѣбъ-соль. (Мародерами). Пойдемъ-те, товарищи!

Майскій (загораживая имъ дорогу). Но я не допущу!.. Я не позволю!

Монжосъ. Ахъ, Иванъ Петровичъ, какой вы упрямый чело-

вѣкъ! (Одному изъ мародеровъ). Постереги его. (Мародеръ, отталкиваетъ Майскаго на другую сторону и обнажаетъ саблю).

Монжось. Вотъ такъ. (Мародеромъ). За мной, товарищи! (Уходятъ въ боковыя комнаты).

X.

МАЙСКИЙ и МАРОДЕРЪ.

Майскій (въ отчаяннѣи). Все кончено! все погибло! Ужасно!.. Злодѣй! Презрѣнный воръ!.. О бѣдное мое семейство!.. Великій Боже!.. Я боюсь сойти съ ума! (Въ-продолженіе этого монолога, задняя дверь немного отворяется, изъ нея показывается чья-то рука и забираетъ потихоньку ружья мародеровъ). Старикъ, старикъ!.. Ты зажился слишкомъ долго!..

XI.

ТЪ-ЖЕ, МОНЖОСЬ и МАРОДЕРЫ. На всѣхъ на нихъ, сверхъ мундировъ, надѣто какое-нибудь верхнее платье, какъ-то: шубы, шинели, женскіе салопы и даже спальные одѣяла. Въ рукахъ также должны быть разныя цѣнныя вещи, напримѣръ, у одного — серебряный подносъ, у другаго — серебряный самоваръ, у третьяго — шкатулка, и проч. и проч.

Монжось (съ шкатулкою). Ну вотъ, Иванъ Петровичъ, и все дѣло кончено. Видите, какъ проворно? Мы народъ въжливый, не любимъ долго томить ожиданіемъ. (Подходитъ къ Майскому). Да полноте-же хмуриться! Ну за что вы сердитесь? Вѣдь нельзя-же намъ возвратиться въ Парижъ съ пустыми руками?

Майскій (въ сильномъ азартѣ). Разбойники! Вы никогда не возвратитесь на свою родину!.. Вы погибнете въ Россіи, какъ болотные черви въ изсохшемъ прудѣ!.. Нѣтъ! Вы не французы!.. Въ васъ нѣтъ ни чести, ни ума, ни храбрости французской!.. Надъ вашими головами прогремитъ всеобщее проклятіе, и предадутся поруганію и позору имена мародеровъ — грабителей!

Монжось. Фу! какія пышныя фразы! Жаль, что товарищи мои ни слова не понимаютъ по-русски, а то-бы вашъ драматическій монологъ посмѣшилъ ихъ. Впрочемъ, намъ пора и въ путь: мы запаслись теперь верхнимъ платьемъ, погрѣли руки около вашихъ сундуковъ, остается только нагрѣть желудки, что мы и сдѣлаемъ, на походъ, въ вашемъ погребѣ. (Мародерамъ). Товарищи! Маршъ! (Идутъ къ дверямъ и не находя ружей, съ испугомъ отступаютъ;

Что это значить!.. Гдѣ наши ружья?.. (*Мародеры бросаются по всѣмъ угламъ и ищутъ ружей*).

МАРОДЕРЫ (*съ испугомъ*). Ихъ нѣтъ! Измѣна!..

МОНЖОСТЬ (*бросается къ Майскому съ обнаженной саблей*). Старикъ! Гдѣ наши ружья?

МАЙСКИЙ. Я не знаю, я ничего не знаю!

МОНЖОСТЬ. Ружья! или смерть твоя неизбежна!

МАРОДЕРЫ. Смерть ему! Смерть ему!

МАЙСКИЙ. О! теперь я умру съ радостью, зная, что и вы, разбойники, не выйдете живыми изъ моего дома!.. (*Дико хохочетъ*). Ха, ха, ха!

МАРОДЕРЫ (*приступаютъ къ Майскому съ обнаженными саблями*). Ружья!.. Скажешь-ли ты, гдѣ наши ружья? (*въ это время окно открывается и въ немъ показываются Степанъ и Солонинниковъ*).

XII.

ТѢ ЖЕ, СТЕПАНЪ, СОЛОНИННИКОВЪ, ТЕСАКОВЪ, ПОДМЕТКИНЪ, ЧУРАЩЕНКО и АНДРЕЙ.

Степанъ и Солонинниковъ (*изъ окна прицѣлываясь въ мародеровъ*).
Здѣсь!

МОНЖОСТЬ и МАРОДЕРЫ (*съ испугомъ отступаютъ отъ Майскаго*). Солдаты!.. Мы погибли!.. (*Бросаются къ среднимъ дверямъ но на порогъ встрѣчаютъ Тесакова, Подметкина и Чуращенко, которые стоятъ неподвижно, прицѣлившись изъ ружей*).

Тесаковъ. Ни съ мѣста!

МАРОДЕРЫ (*въ сильномъ страхѣ*). Боже мой!

МОНЖОСТЬ (*бросается къ боковой двери, въ которую ушелъ Андрей*). Сюда! За мной!

АНДРЕЙ (*съ крестьянами и слугами, вооруженные французскими ружьями, рогатинами и топорами*). Только сунься, жидовская образина! Такъ вотъ и прихлопну!

МОНЖОСТЬ (*въ отчаяннн*). Нѣтъ спасенія! Все кончено!

МАРОДЕРЫ (*бросаясь на колья*). Пардонъ, Пардонъ!

Степанъ. Вотъ мы васъ распардонимъ! (*крестьянамъ и слугамъ*). Ребята! Обирай у нихъ сабли, да снимай чужую-то шкуру, вишь они прежде святокъ рядиться вздумали. (*Крестьяне и слуги бросаются на мародеровъ, снимаютъ съ нихъ верхнюю одежду, отбираютъ сабли и награбленные вещи*).

АНДРЕЙ (*подходитъ къ одному мародеру, на которомъ надѣта*

его новая ливрея). Ахъ ты, басурманское рыло!.. Это ты въ мою новую-то ливрею вырядился?.. Вотъ я тебя!.. (Снимаетъ съ него ливрею и нѣсколько разъ бьетъ по спинѣ). Не бери чужаго, не бери чужаго!.. Прошу покорно, я и самъ-то ее надѣваю только въ годовые праздники, а онъ вздумалъ по буднямъ таскать... (Опять принимается колотить мародѣра). Не бери чужаго, не бери чужаго!..

МАЙСКІЙ (приходя въ себя). Господи! Что здѣсь было?.. Нѣтъ, это не сонъ... не игра разстроеннаго воображенія!.. (Бросается къ солдатамъ). Друзья мои!..

СТЕПАНЪ. Не извольте безпокоиться, ваше высокоблагородіе, все будетъ ладно.

МАЙСКІЙ. Но чѣмъ я могу заплатить вамъ?..

СТЕПАНЪ (перерывал его). Эхъ, ваше высокоблагородіе! Вотъ ужъ мы этого и не любимъ, какъ вы начнете торговаться!

МАЙСКІЙ. Однакожь...

СТЕПАНЪ. Да полноте переливать изъ пустаго-то въ порожнее! За что тутъ платить? Мы сдѣлали свое дѣло — и слава Богу, что удалось!

ХІІІ.

ТЪ-ЖЕ и РЕЦЕПТУРИНЪ.

РЕЦЕПТУРИНЪ (вбѣгаетъ въ попыхахъ). Иванъ Петровичъ, Иванъ Петровичъ! Радуйтесь!.. (Увидя французовъ). Что это? французы?!

Солонинниковъ. Какіе французы, ваше благородіе? Не обижайте настоящихъ французовъ: ть народъ храбрый, а это такъ себѣ... дрянъ!.. воришки!.. Кто съ кандачка, кто съ вислицы.

РЕЦЕПТУРИНЪ. Вотъ какъ! (Майскому). Ну, Иванъ Петровичъ, а вѣдь я пришелъ объявить вамъ радостную вѣсточку. Сыну вашему гораздо лучше, раны его нѣсколько неопасны, и онъ проситъ васъ къ себѣ.

МАЙСКІЙ (съ радостью). Къ себѣ?! О! Благодарю Тебя, всемогущій Господи! (Рецептуру). Гаврила Степанычъ! Я не нахожу словъ, высказать тебѣ мою признательность!.. (Обнимаетъ его).

РЕЦЕПТУРИНЪ. Да и не надобно. Пойдемъ-те поскорѣ къ больному! Вотъ какъ.

МАЙСКИЙ. Пойдемъ! пойдемъ!.. (*Солдатамъ*). Ребята! Я вашъ вѣчный должникъ! (*Уходитъ съ Рецептуринымъ*).

СОЛДАТЫ. Ради стараться, ваше высокоблагородіе!

XIV.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ МАЙСКАГО и РЕЦЕПТУРИНА.

СОЛОННИКОВЪ (*солдатамъ*). Ну, братцы, что-же намъ дѣлать съ этой челядью?

ТЕСАКОВЪ. А что-же дѣлать? Одного, или двухъ повѣсить, для острастки, у воротъ, а для остальныхъ и въ рѣкъ мѣста хватить. (*Чуращенкѣ*). Такъ-ли Чуращенко?

ЧУРАЩЕНО (*утвердительно*). Эге!

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, братцы, это не дѣло; своимъ судомъ судить не приказываютъ, а лучше вотъ что: перевяжемъ ихъ, да и представимъ начальству.

СОЛДАТЫ. И то ладно!

СТЕПАНЪ (*крестьянамъ*). Эй, пріятел! Нѣтъ-ли у кого-нибудь веревочки?

КРЕСТЬЯНИНЪ (*выходя изъ толпы*). А эво, батюшка, у меня возжи съ собой захвачены.

СОЛОННИКОВЪ. Давай сюда. (*Беретъ у крестьянина возжи*).

МОНЖОСЪ. Зачѣмъ-же насъ вязать? Мы и безъ того пойдемъ.

СОЛОННИКОВЪ. Эге! Да ужъ бусурманъ-то и по-русски выучились!.. Скоро.

ЧУРАЩЕНО (*съ удивленіемъ*). Отъ тоби маешь! (*Монжосу*). Хи-ба ты москаль?

МОНЖОСЪ. Да, я русскій!

АНДРЕЙ. Вретъ, вретъ, ей-Богу, вретъ! Я его знаю, онъ жидъ некрещеный. Вѣдь онъ у насъ два года былъ учителемъ.

МОНЖОСЪ (*замахиваясь на Андрея*). Мерзавецъ!..

АНДРЕЙ (*отбывая отъ него, дѣлаетъ изъ полы спортука наподобіе свиного уха*). А свиного уха хочешь? (*Всѣ хохочутъ*).

СТЕПАНЪ. Все равно, не наше дѣло разбирать; начальство узнаетъ, кто изъ нихъ французъ и кто олончанинъ. (*Солдатамъ*). Вяжи ихъ, ребята.

СОЛОННИКОВЪ. Вотъ мы жидка-то перваго и взнуздаемъ... (*Вяжетъ Монжосу, а потомъ и другихъ; солдаты ему помогаютъ*).

КРЕСТЬЯНИНЪ. Не малы-ли, батюшка, возжи-то? А то мы, пожалуй, распояшемся, да и кушаки отдадимъ.

СОЛОННИКОВЪ. Нѣтъ, кажись хватить... Вотъ и готово.

СТЕПАНЪ. А коли готово, такъ пора и отправляться. (*Мародерамъ*). Ну, мусью! Маршъ! (*крестьянамъ*). Ну, прощайте, землячки распотченные, не поминайте лихомъ!

КРЕСТЬЯНИНЪ. Нѣтъ, родимый, ужъ и мы васъ хошь недалечко проводимъ.

СТЕПАНЪ. На это есть ваша добрая воля. (*Солдатамъ*). Ну-ко, братцы, съ Богомъ! (*Солдаты окружаютъ мародеровъ, Степанъ запѣваетъ пѣсню и такимъ образомъ уходитъ. Крестьяне ихъ провожаютъ, слуги также бросаются за ними, но Андрей ихъ останавливаетъ*).

АНДРЕЙ (*слугамъ*). А вы куда, шалопаи этакіе? Что я за васъ одинъ что-ли стану работать? Вѣдь видите, кажется, что здѣсь и чортъ ногу переломить, стало-быть все надобно прибрать въ порядкъ, да и мебель-то вынести въ другія горницы, а Аксинья сказать, чтобы она полъ вымыла; видишь, натоптали, словно въ конюшнѣ! (*Слуги и Андрей прибираютъ вещи и выносятъ мебель*).

Перемѣна декораціи. Съ правой стороны выльзгаетъ верхомъ полковникъ Чубаровъ и за нимъ слѣдуетъ весь отрядъ русскаго войска.

ЧУБАРОВЪ (*обращаясь къ отряду*). Ребята! Благодарю васъ я, благодарить генераль Невѣровскій и благодарить самъ главнокомандующій, его свѣтлость Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ!

ВЕСЬ ОТРЯДЪ. Ура! ради стараться!

ЧУБАРОВЪ. Я думаю, его величеству королю неаполитанскому Мюрату сегодня не поздоровится. Ай-да французы! пятнадцать тысячъ кавалеріи и цѣлая дивизія пѣхоты не могли сломить нашей бригады, одного харьковскаго драгунскаго и трехъ казачьихъ полковъ?.. Ай-да, французы! Теперь все кончено! Можно и отдохнуть. ребята вольно! Валяй кто во что гораздъ! Проголодались—вари кашу, устали—отдыхай, соскучились—пой пѣсни. (*Увидя доктора, который у первой кулисы хлопочетъ около раненаго Сидорова*). Ну, что докторъ. (*Указывая на раненаго Сидорова*). Это за кѣмъ вы ухаживаете?

ДОКТОРЪ. Старикъ, ополченный урядникъ.

ЧУБАРОВЪ. Ополченный урядникъ!.. (*Быстро подходитъ къ Сидорову и взглянувъ на него вскрикиваетъ*). Боже мой!.. Сидоровъ!.. Ты-ли это?..

Сидоровъ (*слабымъ голосомъ*). Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!.. Благодаримъ покорно, что не забыли старого служаваго...

Чубаровъ (*садится на камень возлѣ раненаго и беретъ его руку*). Другъ мой, что съ тобою?

Сидоровъ. Ничего, отець-командиръ, ничего; отслужилъ я вѣрою и правдою святой родинѣ и Царю Православному, а теперь отправляюсь на зимнія квартиры.

Чубаровъ (*съ чувствомъ*). Успокойся, мой добрый Сидоровъ!.. Къ чему такія мрачныя мысли?.. Богъ милостивъ... (*Тихо доктору*). Есть-ли какая-нибудь надежда?

Докторъ (*тихо*). Никакой, полковникъ.

Сидоровъ. Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не жилецъ ужъ я на бѣломъ свѣтѣ.

Чубаровъ (*съ чувствомъ*). Что Богу угодно, то и будетъ, во всемъ Его святая воля! Теперь скажи мнѣ, мой другъ: нѣтъ-ли у тебя какого-нибудь завѣщанія? Не имѣешь-ли передать чего-нибудь роднымъ?

Сидоровъ. Ваше высокоблагородіе! У меня нѣтъ ни рода, ни племени, я круглый сиротинушка... Но если милость ваша будетъ, такъ не откажите умирающему старику и передайте вотъ этотъ мѣдный крестъ и сто рублей денегъ, накопленныхъ честно, моему крестному сыну, рядовому Степану Козыреву. (*Снимаетъ съ себя крестъ, вынимаетъ изъ обшлага бумажникъ и отдаетъ Чубарову*).

Чубаровъ (*беретъ отъ него*). Будь увѣренъ, товарищъ, что все будетъ исполнено по твоему завѣту.

Сидоровъ. Много благодаренъ, ваше высокоблагородіе!.. Отець-командиръ! Позвольте мнѣ на прощаньи поцѣловать вашу руку?.. (*Цѣлуетъ руку Чубарова и потомъ приходитъ въ забвеніе*). Что это?.. Какой свѣтъ озаряетъ меня!.. Отець!.. Мать!.. зовутъ меня!.. Иду! иду! мои родимые!.. Прощайте, ратные товарищи! (*Умираетъ*).

Чубаровъ (*Нѣсколько времени смотритъ на Сидорова, потомъ беретъ его руку*). Холодна!.. (*Ополченнымъ*). Похороните товарища съ воинскою честію!

Ополченныя. Слушаемъ, ваше высокоблагородіе. (*Берутъ Сидорова и уносятъ. Барабаны бьютъ похоронный маршъ, весь отрядъ ополченныхъ провожаетъ покойника. Чубаровъ отходитъ; навстрѣчу ему попадаютъ Солонинниковъ и Тесаковъ, кото-*

рые ведутъ раненаго Степана и сажаютъ его на то же мѣсто, гдѣ лежалъ Сидоровъ).

ЧУБАРОВЪ (увидя Козырева). Что это?!.. Еще раненый?

СОЛОНИННИКОВЪ. Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

ЧУБАРОВЪ. Кто такой?

ТЕСАКОВЪ. Рядовой солдатикъ, ваше высокоблагородіе, Степанъ Козыревъ.

ЧУБАРОВЪ. Козыревъ!.. (Беретъ за руку доктора). Докторъ, употребите все ваше стараніе, все ваше знаніе, и вылечите мнѣ этого больнаго; я хочу, чтобы онъ былъ живъ! Слышите-ли вы: я этого хочу!

ДОКТОРЪ. Слушаю, г. полковникъ. (Подходитъ къ Козыреву и начинаетъ осматривать раны).

СОЛОНИННИКОВЪ (Степану). Что, сударь ты мой, Степанъ Силверстовичъ! Знать тебя на порядкахъ царянули?

СТЕПАНЪ. Это ни почемъ, братцы, заживетъ до свадьбы, а вотъ горе: общался я сегодня батюнкъ крестному заколотъ шестерыхъ французовъ, а угомонилъ только четырехъ.

ЧУБАРОВЪ. Успокой свою совѣсть, Козыревъ! Твой отецъ крестный разрываетъ тебя отъ этого обещанія и въ доказательство, что онъ на тебя не сердится, прислалъ вотъ этотъ крестъ и сто рублей денегъ. (Подаетъ ему крестъ и деньги).

СТЕПАНЪ Крестъ!.. Деньги!.. А онъ?.. Гдѣ-же онъ?..

ЧУБАРОВЪ (показывая на небо). Тамъ!

СТЕПАНЪ (съ отчаяніемъ). Умеръ!.. Батюшка крестный умеръ!.. (Громко рыдаетъ). Царство ему небесное! Такъ ужъ некого мнѣ теперь порадовать? Некому показать вотъ это шелковое знамя?.. (Вынимаетъ французское знамя, которое у него было спрятано подъ нагрудникомъ).

ЧУБАРОВЪ. Что это? французское знамя!..

СТЕПАНЪ. Да, ваше высокоблагородіе! (Подаетъ знамя Чубарову). Примите его и не взыщите: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

ЧУБАРОВЪ (поднимаетъ его). Другъ! Я никогда не забуду твоего подарка!.. (Доктору). Докторъ! вы видите, какого молодца вамъ довелось лечить? Положите-же все свое искусство и спасите родину върнаго слугу и храбраго солдата.

ДОКТОРЪ (плачется). Постараюсь, полковникъ. (Въ это время съ правой стороны выѣзжаетъ казакъ).

КАЗАКЪ. Гдѣ его высокоблагородіе, г. полковникъ?

ЧУБАРОВЪ. Я здѣсь. Что надобно?

КАЗАКЪ (*сходитъ съ лошади и подаетъ Чубарову большой запечатанный пакетъ*).

ЧУБАРОВЪ (*беретъ пакетъ и распечатываетъ*). Честь и слава знаменитому вождю русскаго воинства! Его отеческое сердце не забываетъ своихъ вѣрныхъ сподвижниковъ! Его свѣтлость, главнокомандующій, жалуетъ на отрядъ вашего высокоблагородія двадцать знаковъ отличія военнаго ордена. (*Подходитъ къ Степану*). Ну, пріятель! Потѣшил ты меня, да потѣшу и я тебя! (*Цѣлуетъ Степана, вынимаетъ изъ пакета георгіевскій крестъ и привѣшиваетъ къ груди его*). Поздравляю тебя, кавалеръ святаго Георгія побѣдоносца!

СТЕПАНЪ (*въ сильной радости*). Боже милосердый!.. Мнѣ?.. Мнѣ Егорьевскій крестъ?!

ЧУБАРОВЪ. Носи и помни, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба никогда не пропадаютъ!

СОЛДАНИКОВЪ (*съ восторгомъ*). Ай-да, Степа, хватъ! Даромъ что еще рекрутикъ, а ужъ какой чести удостоился.

СТЕПАНЪ (*протягивая ему лѣвую руку*). Братцы-товарищи!.. (*Доктору*). Ваше благородіе, вотъ вамъ моя рука. Пилите ее, если надобно?

ДОКТОРЪ. Да ты не ту даешь, мой другъ; мнѣ нужна правая..

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, ваше благородіе, нѣтъ! Правая-то еще, можетъ-быть, заживетъ и мнѣ пригодится бить супостата; а лѣвая-то мнѣ на кой чортъ? Пилите ее, коли нужно.

КАЗАКЪ (*смотритъ за кулисы и кричитъ*). Самъ главнокомандующій ѣдетъ сюда!

ЧУБАРОВЪ. Его свѣтлость!.. (*Командуетъ*). Стройся!.. (*Солдаты строятся, Чубаровъ продолжаетъ командовать, солдаты дѣлаютъ на караулъ, музыка играетъ честь, съ правой стороны изъ задней кулисы показывается голова бѣлой лошади, весь отрядъ кричитъ «ура!» Занавѣсъ опускается.*

ЭПИЛОГЪ

ВСѢМЪ ДОБРО, НИКОМУ ЗЛО, ВОТЪ ЗАКОННОЕ ЖИТІЕ.

Комната небогатая, но чисто прибранная; по стѣнамъ развѣшаны картинки, представляющія событія изъ 1812 года и изъ турецкой компаніи.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ЭПИЛОГѢ.

ИВАНЪ ЛЬВОВИЧЪ ЧУБАРОВЪ, отставной генераль и богатый помѣщикъ, 75 лѣтъ.	<i>Г. Сосницкой.</i>
ПЕТРЪ СТЕПАНЬИЧЪ КОЗЫРЕВЪ, новый городничій города NN., 33 лѣтъ.	<i>Г. Степановъ.</i>
КОЗЬМА ТРИФОНЬИЧЪ СОЛОННИКОВЪ, комис- саръ военнаго госпиталя, 65 лѣтъ.	<i>Г. Калининъ.</i>
СТЕПАНЪ СЕЛИВЕРСТОВИЧЪ КОЗЫРЕВЪ, отстав- ной унтеръ-офицеръ, 60 лѣтъ.	<i>Г. Самойловъ.</i>
ПРАСКОВЬЯ АНТОНОВНА, его жена, 52 лѣтъ.	<i>Г-жа Самойлова.</i>
МИХАЙЛО ПЕРФИЛЬИЧЪ ЗУДА, управляющій по откупу, 64 лѣтъ.	<i>Г. Зубровъ.</i>
МАВРА БОРИСОВНА, жена Зуды.	<i>Г-жа Штофертъ.</i>
ДѢТИ ИХЪ.	

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ 1847 году.

I.

ПРАСКОВЬЯ сидитъ за столомъ и разливаетъ кофе, СТЕПАНЪ и СОЛОННИКОВЪ разсматриваютъ картины на стѣнахъ.

Солонниковъ (Степану). А гдѣ-же, братецъ ты мой, тутъ Бородинское-то дѣло?

СТЕПАНЪ (*показывая ему*). А вотъ оно, дружище, вотъ оно.

СОЛОНИННИКОВЪ (*разсматривая картину*). Гмь!.. Нетакъ, сударь вы мой, нетакъ!.. Неладно написано!

СТЕПАНЪ. Э! Что-жь-бы такое тутъ было нетакъ?

СОЛОНИННИКОВЪ. Да никакой, братецъ вы мой, тутъ намъ амбиции не причислено. Нѣтъ, видно, что живописецъ человекъ неграмотный, то-есть, у него малярская-то наука въ полезномъ художествѣ обрѣтается, да дисциплинная-то арифметика не на тотъ крючокъ застегнута.. вотъ оно что!

СТЕПАНЪ. Ужъ известное дѣло, гдѣ-жь ему? Можетъ статья, и человекъ-то онъ не военный.

СОЛОНИННИКОВЪ. Ну тотъ-же и оно-то! Ужъ коли кто грамотъ не учился, такъ очковъ не заводи, псалтиря не прочитаешь... (*Разсматриваетъ другую картину*). А это что еще такое?

СТЕПАНЪ. Это сраженіе подъ Краснымъ.

СОЛОНИННИКОВЪ. И это нехорошо! Вотъ примѣрно, сказать: гдѣ же та оказія, когда ты отнялъ французское знамя? Али другая протекція: когда мы тебя раненнаго принесли на перевязочное мѣсто и ты сталъ просить доктора, чтобы онъ вмѣсто правой руки отнялъ тебѣ лѣвую... Гдѣ эта оказія?.. Ну, покажи мнѣ ее! (*Обращаясь къ Парасковьѣ*). Ну ужъ, сударыня вы моя, Парасковья Антоновна, насмѣшилъ вашъ муженѣкъ въ 12-мъ году, ужаста, какъ насмѣшилъ! Представьте вы себѣ въ размышленіи: его ранили въ правую руку, а онъ давай безотступно приступать къ доктору, что отрежь ему лѣвую. (*Бьетъ по плечу Козырева*). Чудакъ, право чудакъ!

СТЕПАНЪ. Такъ и ты женатъ, Кузьма Трофимычъ?

СОЛОНИННИКОВЪ. Еще какая жена-то, братецъ вы мой, фу!.. Красивостью лица очень похожа на Венеру медицинскую; добродностью въ тѣлѣ не уступитъ купчихѣ первой гильдіи; а ужъ про зубы и говорить нечего: черные, съ зеленью, хоть огородъ разводи.

СТЕПАНЪ. Ну, и славно, что тебѣ такъ посчастливилось.—Те перь скажи-ко мнѣ, гдѣ ты служишь?

СОЛОНИННИКОВЪ. Въ Петербургѣ, братецъ вы мой, въ Петербургѣ; комиссаромъ при военномъ госпиталѣ.

СТЕПАНЪ. Такъ что-же, сюда-то прѣхалъ по казенной надобности или по своему желанію?

СОЛОНИННИКОВЪ. По своему. Вотъ изволишь ты видѣть: женѣ моей долженъ одинъ купчишка по векселю, да вотъ ужъ третій

годъ ни гроша не платитъ. Конечно, хоть и говорятъ, что онъ раззорился, да намъ-то какое дѣло? Раззорился!.. А самъ мошенникъ тихонько изъ Питера-то бѣжалъ. Еще слава Богу, мнѣ удалось таки пронюхать, что онъ получилъ мѣсто управляющаго по откупу въ здѣшнемъ городѣ.

СТЕПАНЪ. Какъ! онъ здѣсь, управляющимъ по откупу?..

СОЛОННИКОВЪ. Да. А что?

СТЕПАНЪ. Да ты знаешь его съ лица?

СОЛОННИКОВЪ. Отъ роду не видывалъ.

СТЕПАНЪ. Ну, такъ знай-же: вѣдь это нашъ бывшій полковый маркитантъ ..

СОЛОННИКОВЪ. Какъ! Мишка Зуда?!

СТЕПАНЪ. Онъ самый.

СОЛОННИКОВЪ. Постой!.. (*Вынимаетъ изъ бумажника вексель и читаетъ*). Такъ, такъ! Вотъ и подпишъ: «купецъ 3-й гильдін, Михайло Перфильевъ сынъ Зудинъ.» — О! такъ я-же съ нимъ раздѣляюся! Я его потышу!.. Ахъ, онъ каторжникъ этакой! Бывало въ походѣ, нашему брату служивому на гривну не поверить, а самъ тысячи не платитъ... Погоди! я тебя скручу, друга милаго, въ бараній рогъ! Посажу его въ тюрьму да и придержу до самой смерти.

ПРАСКОВЬЯ. Ахъ батюшка-родной! Да какъ-же это? Вѣдь у него семья-то пребольшущая, семеро однихъ дѣточекъ...

СОЛОННИКОВЪ (*горячо*). Всѣхъ по міру пушу!

ПРАСКОВЬЯ. Господи, твоя воля! (*Тихо мужу*). Степанушка! голубчикъ! уговори его... Попроси водочкой-то, можетъ и по-добрѣе будетъ.

СТЕПАНЪ (*наливая водки*). Нутко, сдѣлай повтореніе, старый дружище.

СОЛОННИКОВЪ. Нѣтъ, командеръ распотеннѣйшій, будетъ. Пословица говорится: дѣвушка гуляй, а дѣлцо не забывай. (*Встаетъ*) Прощай.

СТЕПАНЪ. Что ты это, что ты? Господь съ тобой! Куда?

СОЛОННИКОВЪ. Прежде къ Зудѣ, а потомъ въ полицію, предъявить вексель.

СТЕПАНЪ. Да неужели ты ему не отсрочишь? Неужели не дашь понравиться?

СОЛОННИКОВЪ. Ни за что!

СТЕПАНЪ. Да чѣмъ-же виновата его бѣдная жена?

СОЛОННИКОВЪ. Какъ чѣмъ? Не выходи замужъ за мошенника.

СТЕПАНЪ. Кузьма Трифонычъ! да полно ты-ли это?.. Я не узнаю тебя!.. Вспомни только то, что ты русскій солдатъ...

СОЛОНИННИКОВЪ. Былъ прежде; а теперь я двѣнадцатаго класса.

СТЕПАНЪ. Да неужели-же чины и почести перемѣняютъ человека?

СОЛОНИННИКОВЪ. А какъ-бы ты думалъ? Известное дѣло, что перемѣняютъ!

СТЕПАНЪ. Не можетъ быть!

СОЛОНИННИКОВЪ. Ну вотъ, толкуй съ тобой

СТЕПАНЪ (горячо). Да отчего-же я остался такимъ-же, какъ и прежде былъ? Отчего-же въ моей груди, подъ унтеръ-офицерскимъ сюртукомъ бьется такое-же сердце, какое билось и подъ мужицкимъ кафтаномъ?.. Отчего это, Кузьма Трифонычъ?

СОЛОНИННИКОВЪ. Оттого, сударь вы мой, что ты человекъ.. какъ-бы это сказать?.. человекъ...

ПРАСКОВЬЯ (горячо). Оттого, что мой Степанушка человекъ честный и богобоязненный, и нетакъ, какъ другіе прочіе.

СТЕПАНЪ (унижая жену). Перестань, Параша!..

СОЛОНИННИКОВЪ. Я вѣдь, Прасковья Антоновна, не то, что-бы... а такъ только... и если...

ПРАСКОВЬЯ. Тутъ, батюшка, вилять хвостомъ-то нечего, ужъ коли сталъ говорить, такъ и говори!—Ну, какой человекъ, мой Степанъ Силиверстовичъ?

СОЛОНИННИКОВЪ. Ужъ известно что... какъ-бы это?..

ПРАСКОВЬЯ (нетерпѣливо). Ну, какъ? какъ?

СОЛОНИННИКОВЪ (всторону). Нѣтъ, съ этой бабой не сговоришь, она трещитъ хуже батальнаго огня. (*Прасковья*). Вотъ изволи-те видѣть: сожигатель вашъ, то есть Степанъ Силиверстовичъ, конечно, хоть и съ совершенствіемъ, братецъ вы мой, Прасковья Антоновна, знаетъ душевныя правильности, однакожъ, касательно благородной диспозитности понятія не ощущаетъ... Мое почтеніе-съ! (*Быстро уходитъ*).

II.

СТЕПАНЪ и **ПРАСКОВЬЯ** послѣ ухода Солонинникова стоятъ нѣсколько времени въ молчаніи и смотрятъ другъ на друга.

СТЕПАНЪ (хохочетъ). Ха, ха, ха! Ну, что, Параша, поняла ты, объ чемъ разглагольствовалъ мой старыи сослуживецъ?

Прасковья. Ни словечка не поняла, Степанъ Силиверстычъ. Да что это, родной ты мой, ужъ въ своемъ-ли онъ умъ!

Степанъ. Тото и бѣда, что умъ-то у него за разумъ заходитъ.

Прасковья. Поди ты пожалуй, экую вѣдь околесную нагородилъ!

Степанъ. Однако, что ни говори, а жалко мнѣ Михайлу Зуду. Да нельзя-ли какъ-нибудь пособить ему въ горь.

Прасковья. Ахъ, батюшка! Да чѣмъ мы пособимъ? Вѣдь мы съ тобой не милліонщики...

Степанъ. Не милліонщики, это правда; да и не нищіе. Благодаря Господа Бога и нашимъ трудамъ, мы сыты, обуты, одѣты, да еще и по милости его превосходительства, отца-командира, Ивана Львовича Чубарова, имѣемъ и капиталаецъ въ запасъ, составляющій теперь ровно ту сумму, которая нужна Михайлу Трифоньчу на уплату долга.

Прасковья. Какъ, Степанъ Силиверстовичъ! Такъ ты хочешь...

Степанъ (*перебивая ее*). Отдать эти деньги моему бывшему ворогу и спасти отъ раззоренія цѣлое семейство.

Прасковья. Что ты, что ты, Господь съ тобой!

Степанъ. А что?

Прасковья. Да развѣ ты забылъ, что эти три тысячи не наши, что они положены были его превосходительствомъ на зубокъ нашему сыну, нашему милому Петинькѣ?

Степанъ (*съ чувствомъ*). Петинькѣ!.. Да, ты говоришь правду. Да онъ-то гдѣ?.. Гдѣ нашъ Петинька?.. Вотъ ужъ годъ пошелъ, какъ онъ изъ писарей выпросился въ фронтową службу, уехалъ на Кавказъ и съ-тѣхъ-поръ, нѣтъ объ немъ ни слуху, ни духу! Нѣтъ, жена, видно ужъ не видать намъ своего дѣтища, не пощадила знать пуля черкесская, подкузьмила смерть въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ. Впрочемъ, что-жъ такое? Если Петруша нашъ живъ, если онъ и пріѣдетъ, такъ я уверю, что не разсердится на старика отца, за то, что я его деньги употребилъ на спасеніе погибающаго семейства.—Такъ-ли, Параша?

Прасковья. Твой домъ, твоя и воля, Степанъ Селиверстовичъ, а все-бы, кажись, лучше приберечь эти денежки, да подождать пока...

Степанъ (*перебивая ее*). Михайлу Зуду посадятъ въ тюрьму, а жена съ малолѣтными птенцами пойдутъ по міру?.. Стыдно, Парасковья Антоновна, стыдно!

Прасковья. Ну, вотъ ужъ ты и разгнѣвался! А за что? Да Го-

сподь съ тобой, дѣлай, какъ тебѣ угодно, не слушай ты меня, глупую бабу.

СТЕПАНЪ. Ну, слава Богу, насилу таки путное словечко выговорила. (*Треплетъ ее по плечу*). Молодецъ баба! Гусарь Парасковья Антоновна! Давай-же скорѣе, гдѣ у тебя ключъ отъ ларца?

ПРАСКОВЬЯ. А тамъ, въ той горницѣ, за божницей, на полочкѣ.

СТЕПАНЪ (*беретъ Прасковью за руку*). Не печалься, жена, и не горюй объ деньгахъ: кто знаетъ, можетъ-быть мы бросимъ хлѣбъ-соль позади, а онъ очутится впереди? Никто, какъ Богъ! (*Уходитъ въ комнату нальво*).

III.

ПРАСКОВЬЯ одна, смотритъ вслѣдъ Степану и послѣ нѣкотораго молчанія говорить.

О-охъ! Степанъ Селиверстовичъ, Степанъ Селиверстовичъ! Да коли самъ плохъ, такъ не подастъ и Богъ! Я слыхала отъ старыхъ людей вотъ что: отруби ту руку по локоть, которая добра себѣ не желаетъ. Другіе бѣгаютъ за счастьемъ, да поймать не могутъ; а намъ въ руки дается, такъ держать не умѣемъ. Ей Богу!

IV.

ПРАСКОВЬЯ и МАВРА.

МАВРА (*входитъ быстро*). Здравствуйте, матушка Парасковья Антоновна!

ПРАСКОВЬЯ. Ахъ, Мавра Борисовна, Мавра Борисовна! (*Цѣлуются*). Какъ живете, можете?

МАВРА. Помаленьку, золотая моя, по маленечку; какъ васъ Богъ милуетъ?

ПРАСКОВЬЯ. Да такъ себѣ, живемъ, пока Господь грѣхамъ терпитъ... Не подварить-ли кофеишку?

МАВРА. Нѣтъ, не надо, касатка моя, не утруждайся, пожалуйста, не утруждайся.

ПРАСКОВЬЯ. Да полно, мать моя, какое тутъ утружденіе?.. Я подварю, право подварю?..

Мавра. Ни, ни, ни! Не надо, пожалуйста, не надо. Я вѣдь и забѣжала-то къ вамъ на одну минутку.

Прасковья. Да что это ты, Мавра Борисовна, какая, право... Ужъ никогда таки и не погостишь путемъ.

Мавра. Голубушка ты моя, Прасковья Антоновна, и рада-бы радостью, да дѣло-то у меня такое, что никакъ урваться не могу; вѣдь я ключница, хлопотъ полонъ ротъ, баринъ-же подъ старость куда брюзгливъ становится: что ни сдѣлаешь, все не по немъ. Ужъ не знаю право, передъ смертью что-ли, только больно капризится. Вотъ хоть-бы и сегодня прѣхаль къ намъ гость; ну что-жъ такое? Ну, гость-такъ гость. Слава Богу, не первый разъ намъ гостей принимать; разумею мы эту политику-то не хуже другихъ.

Прасковья. Ужъ извѣстное дѣло, кому-же и разумѣть, какъ не вамъ: съ-измаленька въ барскомъ домѣ живете.

Мавра. То-то и есть. А что-бы ты думала онъ со мною сдѣлалъ?..

Прасковья. Не знаю, мать моя, не знаю.

Мавра. Три раза душой назваль!

Прасковья. Ай, ай, ай!.. Да гость-то знакомый?

Мавра. Какой тебѣ знакомый! Первый разъ сегодня прѣхаль рекомендоваться.

Прасковья. Да изъ простыхъ, али изъ благородныхъ?

Мавра. Офицеръ, мать моя, раненный офицеръ; онъ вишь ты определенъ въ нашъ городъ за мѣсто стараго городничаго.

Прасковья. А стараго-то куда-же?

Мавра. Подъ судъ отдали. Да и по дѣламъ ему, ужъ такой притѣснитель былъ, что и не приведи Богъ!

Прасковья. А этого, какъ ты запримѣтила, каковъ будетъ?

Мавра. Да вѣдь Господь его знаетъ, въ чужую душу не влезешь, на взглядъ-то, кажись-бы, и добрый, только ужъ больно молодъ, чай въ головушкѣ-то еще вѣтеръ гуляетъ... Ну, да вотъ сама увидишь, такъ и мнѣ скажешь, вѣдь онъ сегодня-же у васъ побываетъ.

Прасковья (съ удивленіемъ). У насъ?!. Что ты!.. Да зачѣмъ?

Мавра. Ужъ Богъ его знаетъ! Они цѣлое утро съ барининомъ только про васъ съ мужемъ и проговорили.

Прасковья. Экая оказія!.. Экая оказія!.. А не слыхала ты, Мавра Борисовна, въ какомъ, то-есть, разсужденіи они разговоръ-то вели?

МАВРА. Вотъ ужъ чего не знаю, такъ не знаю; хоть убей не знаю. Правду сказать, какъ онъ меня въ третій разъ дурой-то назвалъ, такъ я разсердилась да изъ горницы и вышла, а все-таки ухо приложила къ замочной дырочкѣ, и вотъ только это и услышала: «Я сейчасъ пошлю за Степаномъ Козыревымъ!» А тотъ и говоритъ: «Нѣтъ, говорить, не надо, ваше превосходительство, зачѣмъ говорить? Я, говорить, лучше самъ сдѣлаю имъ комплиментъ и послѣ обѣдни заведу.» Вотъ нашъ-то старичища и говоритъ: «Да, говорить, это правда, этакъ складнѣе будетъ.» Ну, сударыня ты моя, и порѣшили на такихъ кондиціяхъ, чтобы послѣ обѣдни у тебя пирога откушать.

ПРАСКОВЬЯ. Что ты говоришь!.. И его превосходительство будетъ?..

МАВРА. Будетъ, безпрѣменно будетъ; я вѣдь вотъ для этого-то только и прибѣжала къ тебѣ увѣдомить, чтобы въ располхъ не застали.

ПРАСКОВЬЯ (*цѣлуетъ Мавру*). Спасибо тебѣ, голубушка, спасибо тебѣ, Мавра Борисовна!.. (*Кричитъ за кулисы*). Степанъ Селиверстовичъ! Степанъ Селиверстовичъ!..

СТЕПАНЪ (*за кулисами*). Ну, что тамъ?

ПРАСКОВЬЯ (*въ попыткахъ*). Да поди сюда скорѣе, дѣло есть!.. Экая вѣдь я глупая, вѣдь хотѣла сегодня ватрушки сготовить, такъ нѣтъ-таки: вотъ словно меня лукавый обошелъ... (*Кричитъ за кулисы*) Степанъ Селиверстовичъ! Степанъ Селиверстовичъ! Да что это ты какой право?

V.

ТЪ-ЖЕ и СТЕПАНЪ.

СТЕПАНЪ (*входитъ*). Что за оказія! Чего ты орешь, словно за языкъ повѣшена?

ПРАСКОВЬЯ (*тихо*). Полно, срамникъ этакой, не бранись хоть при людяхъ-то. (*Показываетъ на Мавру*). Ну что она подумаетъ?

СТЕПАНЪ (*увидѣвъ Мавру*). А! Да я и не вижу, а у насъ гостья!

ПРАСКОВЬЯ. Да, батюшка, да еще какая дорогая, рѣдкая гостья.

СТЕПАНЪ (*встопону*). Что и говорить: мастерица языкомъ дробь выколачивать, не хуже барабаннаго старосты. (*Подходитъ къ Маврѣ*). Здравія желаю, Мавръ Борисьевичъ! Извините стараго солдата, что не запримѣтилъ васъ первоначально; повѣрьте, что не изъ какой-нибудь амбиціи, а единственно потому, что отъ по-

роховаго дыму, да и отъ старости, глаза плохи становятся.

МАВРА (*жеманно*) Ничего, батюшка, ничего; мы люди маленькіе, такъ на насъ и зариться нечего. (*Прасковья*). Прощайте, голубушка Парасковья Антоновна, благодаримъ покорнѣе на ласковомъ приѣмѣ, на угощеніи и на всемъ—на всемъ! (*Цѣлуетъ съ Прасковьей*).

VI.

ТЪ-ЖЕ, кромѣ МАВРЫ.

ПРАСКОВЬЯ (*проводя Мавру*). Спасибо тебѣ, моя писанная, спасибо тебѣ! (*Возвращается и подходитъ къ мужу*). Что это, Степанушка, словно ты сегодня лѣвой ногой съ кровати всталъ? А знаешь-ли кто къ намъ сегодня послѣ обѣдни въ гости будетъ?

СТЕПАНЪ. Кто-же? Нашъ приходскій дьяконъ, что-ли?

ПРАСКОВЬЯ. Анъ нѣтъ. Ужъ такой гость, что и не вспомнишься отъ радости!

СТЕПАНЪ (*въ волненіи*). Не вспомнюсь! Я не вспомнюсь отъ радости?.. Господи, твоя воля! Ужъ не Петруша-ли?.. не сыночекъ-ли нашъ воротился въ домъ родительскій?.. Хозяйка, говори.

ПРАСКОВЬЯ (*грустно*). Нѣтъ, Степанушка, нѣтъ, голубчикъ ты мой, до этакой радости еще мы не дожили.

СТЕПАНЪ (*закрывая лицо руками*). Да можетъ-быть и не доживемъ!.. Э—эхъ! Параша, Параша! Шутка твоя со мною не больно складна... Не играй ножемъ—опорѣжешься.

ПРАСКОВЬЯ (*успокоивая его*). Полно, касатикъ ты мой! Я вѣдь не для ради чего, а такъ только... Къ намъ сегодня будетъ въ гости твой старый начальникъ, нашъ благодѣтель и кумъ.

СТЕПАНЪ (*въ сильной радости*). Какъ! Его превосходительство, отецъ-командиръ, Иванъ Львовичъ Чубаровъ?.. Жена! Цѣлуй меня! (*Хочетъ ее поцѣловать*).

ПРАСКОВЬЯ. Полно, тебѣ, Степанъ Селиверстовичъ, проказничать-то на старости лѣтъ. Вотъ подумаемъ-ко лучше, чѣмъ-бы намъ угостить дорогихъ гостей. Вѣдь благодѣтель-то нашъ будетъ не одинъ.

СТЕПАНЪ. А съ кѣмъ-же?

ПРАСКОВЬЯ. Съ какимъ-то раненымъ офицеромъ, который поступаетъ въ нашъ городъ городничимъ.

СТЕПАНЪ. Съ раненымъ офицеромъ?.. О! это должно быть нашъ, вѣрно нашъ! Закладъ держу, что кто-нибудь изъ старыхъ со-

служивцевъ! И его превосходительство нарочно хочет меня обрадовать нечаянною встрѣчей!.. Который-то часъ?.. (*Смотритъ на часы, на которыхъ стрѣлка показываетъ 11 часовъ*). О! я еще успѣю сбѣгать, пока обѣдня не кончится. (*Прасковья*).
Смотри-же, Параша, распоряжайся, прибирайся, живо ворочайся! Отецъ-командиръ проволочекъ не любитъ.

ПРАСКОВЬЯ. А ты куда-же?

СТЕПАНЪ. Я только что отнесу вотъ эти деньги бѣдному Михайлѣ Перфильчу.

ПРАСКОВЬЯ. Да ты тамъ долго пробудешь?

СТЕПАНЪ. Не успѣетъ стрижена дѣвка косы заплести, какъ я и назадъ вернусь. Прощай! (*Уходитъ*).

VII.

ПРАСКОВЬЯ (*одна*). Ну, вотъ тебѣ и здравствуй! Я думала, что онъ хоть на радости-то забудетъ про этого Михайлу, анъ не тутъ-то было, вотъ его ужъ и слѣдъ простыль... (*Смотритъ въ окно*). Вишь-ты, вишь-ты, вѣдь какъ бѣжить, да торопится, чтобы за-дарма бросить сыновнины деньги, словно они у него въ карманъ-то кричѣма-кричать! О-охъ! Степанушка, Степанушка! И дала-бы тебѣ разума, да у самой не хватаетъ. Вѣдь вотъ не даромъ-же говорится пословица: «простота — хуже воровства!» (*Смотритъ въ окно*). Батюшки-свѣты, что-бы это такое значило? Степанушка-то мой назадъ бѣжить!. Не надумался-ли развѣ?.. Охъ, куда-бы это хорошо было.]

VIII.

ПРАСКОВЬЯ и СТЕПАНЪ.

СТЕПАНЪ. Вотъ и дѣло съ концомъ, вотъ и я молодцомъ! (*Прасковья*). Что, я думаю, ты еще и опомниться не успѣла, а я какъ снѣгъ на голову?

ПРАСКОВЬЯ. Да неужто, Степанъ Селиверстовичъ, ты ужъ былъ у Михайла Перфильча?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ.

ПРАСКОВЬЯ (*съ радостію*). Такъ и деньги цѣлы?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ.

ПРАСКОВЬЯ. Какъ нѣтъ! Да гдѣ-же?

СТЕПАНЪ. Отдалъ.

Прасковья. Кому?

Степанъ. Женъ Михайлы Зуды; она встрѣтилась со мною, бѣжала къ намъ, и бѣдняжка разливается въ слезахъ, что рѣка льется! Имѣніе-то у нихъ, вишь-ты, ужъ все описали, а самого Михайлу взяли въ полицію.

Прасковья. Ахъ, ты, Господи! Экая напасть, экая невзгода!

Степанъ. Да, хозяйка, не дай Богъ этакой бѣды и самому злomu татарину. *(За кулисами слышенъ стукъ подъѣхавшаго экипажа).* Что это, кажется, кто-то подъѣхалъ?.. Ужъ не его ли превосходительство?... *(Смотритъ въ окно и вскрикиваетъ радостно).* Онъ! Онъ самъ, нашъ благодѣтель! Отецъ-командиръ!.. Навстрѣчу къ его превосходительству! *(Убѣгаетъ).*

Прасковья *(суетится).* Ахъ ты, батюшки-свѣты! Гость на дворъ, а у меня ничего не прибрано, нечего не убрано... Экое горе, экое горе! Вотъ того и жду, что куманекъ запоетъ: «у тебя кума улица грязна.» *(Прибираетъ комнату).*

IX.

ТЪ-ЖЕ и ЧУБАРОВЪ, котораго вводить два лакея.

Степанъ *(подвигаетъ кожаное кресло).* Вотъ здѣсь, ваше превосходительство, извольте расположить свою главную квартиру.

Чубаровъ *(садится).* Спасибо, спасибо, Козыревъ. *(Лакеямъ).* Здѣсь я обойдусь и безъ ординарцевъ. *(Слуги уходятъ).* А гдѣ же кума?

Степанъ *(женъ).* Параша! Чего-же ты смотришь? Живо! На вѣсти къ его превосходительству!

Прасковья *(подходитъ къ Чубарову и кланяется).* Здравія желаю, батюшка Иванъ Львовичъ!

Чубаровъ. Здравствуй, здравствуй, кумушка-толстушка... *(Степану).* Козыревъ! да она еще молодецъ?

Степанъ. Ничего, ваше превосходительство, такъ себѣ, годится для нашего брата инвалида.

Чубаровъ. Какое, братецъ, годится? Я того и жду, чтобы мнѣ снова не попасть къ вамъ въ кумовья. *(Прасковья).* Ты объ этомъ какъ думаешь, Параша? А?

Прасковья *(стыдливо).* И! что вы, ваше превосходительство... Куда ужъ намъ?.. *(Всторону).* Экой вѣдь старый хрѣнь, ужъ какой беззазрительный! Ижно я вся вспыхнула.

Чубаровъ *(смѣясь).* Что? Стыдно стало? Ну, ничего, ничего. —

А, кстати! Имъете-ли вы извѣстіе объ вашемъ сынѣ — моемъ крестникѣ?

СТЕПАНЪ (*со вздохомъ*). Нѣтъ, ваше превосходительство. Съ-тѣхъ-поръ прошло ужъ десять лѣтъ, какъ онъ уѣхалъ на Кавказъ, и нѣтъ объ немъ ни слуху, ни духу.

ЧУБАРОВЪ. Что-жъ, вы полагаете, онъ убитъ?

СТЕПАНЪ. Больше ничего нельзя и думать.

ЧУБАРОВЪ. Да почему-же ты въ этомъ увѣренъ?

СТЕПАНЪ. Потому, отецъ-командиръ, что онъ не забылъ-бы насъ стариковъ, онъ-бы хотъ изрѣдка, да все таки порадовалъ насъ вѣсточкой.

ЧУБАРОВЪ. Гмъ!.. А давно-ли ты живешь въ этомъ городѣ?

СТЕПАНЪ. Тоже почти десять лѣтъ. Черезъ три мѣсяца послѣ отъѣзда сына, вашему превосходительству угодно было вытребовать насъ сюда изъ Петербурга.

ЧУБАРОВЪ. Хорошо. А написалъ-ли ты ему свой новый адресъ.

СТЕПАНЪ (*смѣшавшись*). Какъ, ваше превосходительство?..

ЧУБАРОВЪ (*настоятельно*). Написалъ-ли ты ему свой адресъ?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, отецъ-командиръ...

ЧУБАРОВЪ. Такъ какъ-же ты, старый дуралей, хочешь получить объ немъ извѣстіе, если онъ не знаетъ, гдѣ вы живете?

СТЕПАНЪ (*опомнившись*). Въ-самомъ-дѣлѣ!... Ахъ, чортъ возьми!.. (*Женѣ*). Параша! Чего-жъ ты смотрѣла?

ПРАСКОВЬЯ. Ахъ, батюшка, да я-то что-же?..

СТЕПАНЪ. Что ты?.. Глупая баба! вотъ что ты.

ЧУБАРОВЪ. Козыревъ! Смирно! Не брани жену, если самъ виновать.

СТЕПАНЪ. Ваше превосходительство! простите великодушно! О! Боже милосердный! Я-бы умеръ спокойно, еслибы удалось получить объ немъ хотъ какую-нибудь вѣсточку.

ЧУБАРОВЪ. Ну, а если я могу услужить тебѣ этимъ?

СТЕПАНЪ (*въ сильномъ волненіи*). Какъ!.. Ваше превосходительство?..

ЧУБАРОВЪ. Если я скажу тебѣ: сынъ твой живъ, здоровъ и счастливъ по службѣ. Что тогда?

СТЕПАНЪ. Ваше превосходительство!.. Вы шутите? Этого не можетъ быть!

ПРАСКОВЬЯ (*едва удерживаясь отъ радости*). Куманекъ!.. Голубчикъ!.. (*Опомнившись*). Ахъ!.. ваше превосходительство! да правда-ли это?

ЧУБАРОВЪ. Совершенная правда. Сюда прѣхалъ новый городничій, онъ служилъ на Кавказъ и знаетъ лично вашего сына, который былъ у него подъ командой. Ну, что Козыревъ, доволенъ-ли ты моимъ извѣстіемъ?

СТЕПАНЪ (*въ сильномъ волненіи*). Ваше превосходительство! отецъ-командиръ! не томите души, скажите: гдѣ мнѣ теперь найдти его высокоблагородіе, г-на городничаго?

ЧУБАРОВЪ. Далеко искать незачѣмъ, потому-что онъ сюда самъ явится. (*Двери отворяются и входитъ городничій*). Вотъ онъ и самъ на лицо!

СТЕПАНЪ (*Прасковья*). Жена! Во-фрунтъ.

X.

ТЪ-ЖЕ, и ГОРОДНИЧІЙ.

Городничій (*Степану и Прасковья*). Здравствуйте, добрые люди! (*Чубарову*). Извините мѣня, ваше превосходительство, что замѣшкался; одно непредвидѣнное обстоятельство по новой службѣ задержало.

ЧУБАРОВЪ (*Городничему*). Ну, что дѣлать, любезный другъ! Дружба-дружкой, а служба-службой. Хоть, сказать правду, тебя и ждали здѣсь, какъ свѣтлаго праздника. (*Степану*). Козыревъ! Что-жъ ты остолбенѣлъ? Вотъ этотъ офицеръ можетъ сообщить самыя вѣрныя извѣстія объ вашемъ сынѣ. Спрашивай.

ПРАСКОВЬЯ (*всторону*). Охъ! сердечушко вотъ такъ и замираетъ!

СТЕПАНЪ (*всторону*). Господи! Что со мною дѣлается?.. Я боюсь подойти къ нему...

ЧУБАРОВЪ. Ну, чего-жъ вы оробѣли?

Городничій (*тихо Чубарову*). Ваше превосходительство...

ЧУБАРОВЪ (*тихо*). Молчи! (*Степану*). Козыревъ! да что у тебя языкъ-то въ пятки ушелъ, что-ли?

СТЕПАНЪ. Нѣтъ, ваше превосходительство, но... (*Подходитъ къ городничему*). Извините, ваше благородіе, и простите старику отцу, у котораго только и есть одна надежда... Вы изволили служить на Кавказъ и, какъ я слышалъ отъ его превосходительства, что сынъ мой...

Городничій. Служилъ со мною въ одномъ полку.

ПРАСКОВЬЯ. Батюшка! ваше благородіе! Расскажите намъ про нашего Петрушеньку, утѣшите вы мое материнское сердечушко!

Городничій. Съ удовольствіемъ. Тѣмъ болѣе, что никто такъ хорошо не знаетъ вашего сына, какъ я; мы съ нимъ были лучшими друзьями и въ-продолженіе десятилетней службы жили душа въ душу.

Степанъ. Какъ! Ваше благородіе удостоили своей дружбы простаго солдата?

Городничій. Напротивъ, сынъ вашъ такой-же офицеръ, какъ и я.

Степанъ (*въ сильномъ волненіи*). Что я слышу?... Сынъ мой офицеръ!.. Сынъ мой!.. Да нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Ваше благородіе! побойтесь Бога, не подшучивайте надъ старымъ служивымъ и не сводите его съ ума отъ радости!

Городничій. Скажу вамъ больше: сынъ вашъ былъ столько счастливъ, что удостоился знака отличія военнаго ордена.

Степанъ (*въ сильной радости*). Военнаго ордена?!.. Нѣтъ, силъ моихъ не хватаетъ!.. Радость задушитъ меня!.. (*Женѣ*) Жена! Слышишь-ли ты? Сынъ нашъ офицеръ! Петруша нашъ, Георгіевскій кавалеръ!.. Старуха! Прасковья Антоновна! Пой со мною вмѣстѣ: «Ай, калина! Ай, малина!

Чубаровъ (*смѣется*). Козыревъ! Да ты и въ-самомъ-дѣль помѣшался?

Степанъ (*забывшись и махнувъ рукой*). Не мѣшайте мнѣ, ваше превосходительство! Не мѣшайте, отецъ-командиръ!.. (*Поет и приплясываетъ*).

Нашъ Петруша кавалеръ!

Нашъ Петруша офицеръ!

Ай, калина! Ай малина!

Городничій (*тихо Чубарову*). Ваше превосходительство! Я не въ силахъ болѣе удерживаться!

Чубаровъ (*тихо*). Ну, въ такомъ случаѣ, дѣлай, какъ знаешь.

Степанъ (*какъ будто опомнясь*). А!.. Чудная штука мнѣ пришла на разумъ! (*Женѣ*). Старуха! Хочешь ты видѣть нашего Петрушу?

Прасковья. Ахъ, Степанъ Селиверстовичъ, да какъ не хотѣть? Да мнѣ-бы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на него, а тамъ пожалуй я и умереть готова.

Степанъ (*рѣшительно*). Такъ мы его увидимъ!

Прасковья (*въ недоумѣніи*). Какъ, Степанунка! Да какимъ-же манеромъ?

СТЕПАНЪ. Да! Мы его увидимъ!

ЧУБАРОВЪ (*Всторону*). Какого чорта онъ еще выдумалъ?!

СТЕПАНЪ. Я продамъ все мои пожитки, заложу аттестатъ мой на полученіе пенсіона, и поѣдемъ на Кавказъ!

ПРАСКОВЬЯ (*съ радостію*). Поѣдемъ, касатикъ ты мой, поѣдемъ!

ЧУБАРОВЪ. Козыревъ! Ты говоришь вздоръ и дѣлаешь глупости!

СТЕПАНЪ. Эхъ, ваше превосходительство, да вѣдь ужъ я съ молодыхъ лѣтъ ихъ не дѣлалъ, такъ надо-же хоть подъ старость-то потѣшиться.

ГОРОДНИЧІЙ. Вы напрасно будете беспокоиться, Степанъ Селиверстовичъ. Сына вашего ужъ нѣтъ на Кавказъ.

СТЕПАНЪ (*съ испугомъ*). Нѣтъ!.. А гдѣ-же онъ?

ГОРОДНИЧІЙ. Онъ былъ раненъ?

СТЕПАНЪ. И умеръ?

ГОРОДНИЧІЙ. Нѣтъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Петербургъ...

СТЕПАНЪ. Жена! ъдемъ въ Петербургъ!

ГОРОДНИЧІЙ. И тамъ его вы не найдете.

СТЕПАНЪ. Такъ гдѣ-же онъ?

ГОРОДНИЧІЙ. Ближе.

СТЕПАНЪ. Въ Москвѣ?

ГОРОДНИЧІЙ. Еще ближе.

СТЕПАНЪ. Такъ гдѣ-же?..

ГОРОДНИЧІЙ. Здѣсь.

СТЕПАНЪ и ПРАСКОВЬЯ. Здѣсь?!..

ГОРОДНИЧІЙ. Передъ вами!.. Батюшка! Матушка! Обнимите вашего сына! (*Бросается къ нимъ въ объятія*).

СТЕПАНЪ. Боже правосудный! Не сонъ-ли это?.. Петруша!.. Ты-ли?..

ГОРОДНИЧІЙ. Я, батюшка!

СТЕПАНЪ (*Женѣ*). Нѣтъ, не вѣрю!.. Жена! Посмотри на него хорошенько, онъ-ли это?..

ПРАСКОВЬЯ (*плачешъ отъ радости и цѣлуетъ сына*). Онъ, онъ! Вотъ и родимое пятнышко на правой щекѣ.

СТЕПАНЪ (*въ сильномъ восторгѣ*). Ура! ура... (*Цѣлуетъ сына*). Другъ ты мой милый, Петрушенька! Дай мнѣ, дай хорошенько съ тобой поздороваться!.. (*Вытягивается по солдатски во фронтъ*). Здравія желаемъ, ваше благородіе, сынъ мой возлюбленный!

Городничій (*цѣлуя отца*). Батюшка! Успокойтеть, ради Бога успокойтеть!

СТЕПАНЪ. Мнѣ успокоиться?.. Нѣтъ, чортъ возьми! Я хочу пѣть... я хочу плясать... (*Женѣ*) Параша! Затягивай снова.

Нашъ Петруша офицеръ!

Нашъ Петруша кавалеръ!

Ай, калина! Ай, малина!

ЧУБАРОВЪ (*всторону*). Хотя и жалко, да надо унять его, а то пожалуй этому дурачеству конца не будетъ и онъ проморитъ насъ голодомъ до самаго вечера.—(*Степану*) Козыревъ! Баста!

СТЕПАНЪ. Не могу, отецъ-командиръ, не могу!.. Посмотрите, вѣдь это мой Петруша! Вѣдь это мой сынъ! Онъ офицеръ! Онъ въ эполетахъ!

ЧУБАРОВЪ (*топая ногою*). Смирно!.. (*Городничему*). Крестникъ! Ъдемъ.

СТЕПАНЪ. (*въ испугъ*). Какъ, ваше превосходительство! вы хотите увезти моего сына?

ЧУБАРОВЪ. Да! Потому, что я проголодался-да и онъ также.

СТЕПАНЪ (*ударивъ себя по лбу*). Въ-самомъ-дѣль!.. (*Женѣ*). Розиня ты этакая! Чего ты стоишь? Накрывай на столъ! Живо!

ПРАСКОВЬЯ (*суетится*). Сейчасъ, батюшка, сейчасъ.

ЧУБАРОВЪ. Не надо. Сегодня вы объдаете у меня.

СТЕПАНЪ. Ваше превосходительство, такая честь...

ЧУБАРОВЪ. Безъ разсужденія! Карета моя здѣсь и мы поведемъ вмѣстѣ.

СТЕПАНЪ (*Чубарову*). Ваше превосходительство! Не смѣю противиться командирскому наказу, а хотѣлось-бы...

ЧУБАРОВЪ. Что такое?

СТЕПАНЪ. Услышать поскорѣ исторію моего Петруши.

ЧУБАРОВЪ. Онъ ее разскажетъ за столомъ. А между-прочимъ, ты у меня встрѣтишь старыхъ знакомыхъ. Они горятъ нетерпѣніемъ видѣть молодца-солдата, который въ 12-мъ году спасъ ихъ отъ смерти, а старика-отца отъ раззоренія.

СТЕПАНЪ (*съ восторгомъ*). Какъ, ваше превосходительство! Неужели ваши племянники, эти молоденькіе офицерики?..

ЧУБАРОВЪ. Теперь ужъ генераль-майоры.

СТЕПАНЪ. И они не забыли меня, забубенную голову, Степку Козыря?

ЧУБАРОВЪ. Я тебѣ говорю, что они ждутъ не дождутся какъ-бы увидѣть тебя поскорѣе.

СТЕПАНЪ. Такъ ѣдѣте-же, отецъ-командиръ.

ЧУБАРОВЪ. Ёдемъ. (За кулисами слышны голоса: «Пустите насъ, пустите къ нашему благодѣтелю!») Это что такое?

СТЕПАНЪ (всторону). Ну, попался я! (Женѣ тихо). Параша! Это Михайло Перфильчъ. Ради Бога, не пускай его сюда... Скажи, чтобы пришелъ послѣ... что я самъ зайду къ нему...

XI.

Тѣже, ЗУДА, жена его и дѣти.

Зуда (увидя Степана). Вотъ онъ! Вотъ нашъ милостивецъ! Вотъ нашъ спаситель!.. Жена! дѣти! въ ноги благодѣтелю! (Всѣ бросаются на колѣна передъ Степаномъ и цѣлуютъ ему руки).

Жена и дѣти. Отецъ нашъ! Да воздастъ тебѣ Госнодь въдесятеро, всотеро, за то, что ты выручилъ изъ погибели дѣлое семейство.

СТЕПАНЪ (Зудѣ) Полно, полно, Михайло Перфильчъ... Какъ тебѣ не стыдно?... (Поднимаетъ Зуду и жену его).

Зуда. Да, Степанъ Селиверстовичъ, ты правду говоришь мнѣ стыдно взглянуть на себя окаяннаго, какъ только вспомню, сколько зла я причинилъ тебѣ и чѣмъ ты заплатилъ мнѣ за это. (Плачетъ).

ЧУБАРОВЪ. Это что еще за исторія?!.. Козыревъ! Объясни мнѣ, что это значитъ?

СТЕПАНЪ (Конфузясь). Такъ, ваше превосходительство... Ну, стѣжки!.. Михайлѣ Перфильчу, вотъ этому самому, прилучилась нужда въ деньгахъ и я снабдилъ его займобразно... Да что, не стоитъ говорить, и деньги-то самыя пустыя...

Зуда. Какъ, Степанъ Селиверстовичъ! Три тысячи рублей серебромъ ты считаешь пустыми деньгами?

СТЕПАНЪ (всторону). Ну, бомба лопнула!

ЧУБАРОВЪ. Три тысячи рублей!?!.. Что за дьявольщина! Да откуда ты взялъ такую сумму? Жалованья за управленіе моимъ имѣніемъ ты съ меня не получалъ ни гроша, потому что все берегъ вотъ для этого молодца. (Показываетъ на городничаго). Скопить изъ пенсіона подобныхъ денегъ нѣтъ средства; откуда-да-жъ ты ихъ взялъ?

СТЕПАНЪ (запинаясь). Ваше превосходительство...

ЧУБАРОВЪ. Мое превосходительство хочеть знать: откуда ты взялъ эти деньги?

СТЕПАНЪ (*всторону*). Э! была не была! Семь бѣдь-одинъ отвѣтъ! (*Громко*). Эти деньги чужія, ваше превосходительство!

Всѣ. Чужія.

СТЕПАНЪ. Виноватъ, отецъ-командиръ! Мой грѣхъ, до меня и дошелъ!—Это тѣ самыя деньги, которыя вы пожаловали на зубокъ вашему крестнику, а моему сыну.

ЧУБАРОВЪ. Bravo, Козыревъ! Bravo!

СТЕПАНЪ (*въ-восторгъ*). Что я слышу! Такъ ваше превосходительство не сердитесь?

ЧУБАРОВЪ (*притворно*). Какъ не сердиться? Я сердить! Очень сердить!.. (*Весело*). Обними меня, старыи дуралей! (*Обнимаетъ Степана*).

СТЕПАНЪ. Господи! Экой чести я удостоился! (*Обращаясь къ сыну*). Петруша! А ты что скажешь, ты? Вѣдь передъ тобою я больше всѣхъ виноватъ.

Городничий. Батюшка! Можете-ли вы это думать?

СТЕПАНЪ. Такъ меня всѣ простили, кому слѣдуетъ?.. Ура! (*Женя*) Что, старая хрычовка, Прасковья Антоновна? Видишь-ли, всё сдѣлалось по моему, а ты осталась съ носомъ! У-у!

ЧУБАРОВЪ. Козыревъ! Честь и слава тебѣ за то, что ты умѣешь прощать обиды и любить враговъ своихъ.

СТЕПАНЪ. Эхъ, отецъ-командиръ! Я всегда придерживался по-словицы: намъ добро, никому зло, вотъ законное житье.

ЧУБАРОВЪ. Прекрасно! А гдѣ ты выучился этимъ правиламъ?

СТЕПАНЪ. Въ царской службѣ, ваше превосходительство.

ЧУБАРОВЪ. Стало-быть, по твоему, царская служба...

СТЕПАНЪ. Лучшая школа!

ЧУБАРОВЪ. Bravo! Теперь и я не прочь запыть съ тобою вмѣстѣ: «Ай, калина! Ай, малина!»

СТЕПАНЪ. За этимъ дѣло не станеть, ваше превосходительство, вѣдь это моя любимая пѣсня. (*Женя*). Прасковья Антоновна! нутко, калинушку съ малинушкой!

ПРАСКОВЬЯ. Затягивай, батюшка, а я подтяну.

СТЕПАНЪ.

Хоть въ чужихъ краяхъ бывали,
Но признаться ни одной

Мы земельки не видали,
Краше родины святой!
Въ нашей Руси Православной
Благоденствуетъ народъ;
И подь властію державной
Какъ соловушко поеть:

Ай, калина! Ай малина!

Хоръ.

Ай, калина! Ай, малина!

1819

9919

